

С. П. МЕЛЬГУНОВ

МАРТОВСКІЕ ДНИ

1917 ГОДА

Q

ПАРИЖ

1961

Работа С. П. Мельгунова "Мартовскіе дни "полностью выходит нынѣ впервые. Законченная в годы послѣдней міровой войны, книга эта была проредактирована самим автором. Только часть ея появилась в тетрадях "Возрожденія" (1950-1954 г.).

Книга печатается по старой орфографіи, так как вышедшія раньше в издательствѣ "Возрожденіе" послѣдующія части тетралогіи были напечатаны по старой орфографіи.

П. М е л ь г у н о в а.

1961 г.

Р Ъ Ш А Ю Щ А Я Н О Ч Ь *

Днем 2-го марта, на перманентном митингѣ в Екатерининском залѣ Таврическаго дворца лидер думскаго прогрессивнаго блока и идейный руководитель образовавшагося 27-го февраля Временнаго Комитета членов Гос. Думы, Милоков сказал: “старый деспот, доведшій Россію до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен”. Почти в тот же час в Псковѣ, под давленіем верховнаго командованія в Ставкѣ, “старый деспот” подписал свое отреченіе от престола, окончательно оформленное вечером того же дня в момент приѣзда “думской” делегаціи в лицѣ Гучкова и Шульгина. Таким образом отреченіе Государя “формально” не было “вынужденным” — устанавливает в своих воспоминаніях Набоков, выдающійся русскій юрист, которому суждено было сдѣлаться первым управляющим дѣлами революціоннаго Временнаго Правительства.

Насколько, однако, формальная юридическая сторона соответствовала реальной обстановкѣ, создавшейся в Петербургѣ и являвшейся рѣшающим фактором в ходѣ революціи? Это совсѣм не праздный вопрос, ибо отвѣтъ на него опредѣляет собою двѣ совершенно отличныя друг от друга психологіи в кругѣ лиц, объединившихся около Временнаго Комитета Г. Д. и одновременно появившагося на ряду с ним Совѣта Р. и С. Д., т. е. тѣх учреждений, которыя обстоятельства поставили в тѣ дни как бы “во главѣ” политической жизни страны. Для одних Николай II добровольно отрекся от престола, для других он был низложен — его отреченіе было “вынуждено”, и добровольный отказ от власти, затушеванный в сознаніи современников, означал лишь то, что Император фактически не был свергнут насильственным путем, т. е. революціонным актом возставшаго народа. Формально добровольное отреченіе неизбежно накладывало извѣстные моральныя обязательства на тѣх, кто стремился добиться этого отреченія и кто его принял; такого моральнаго обязательства могли не ощущать тѣ, кто не принимал участія в реализаціи плана сохраненія династіи путем устраненія лично дискредитированнаго монарха: для них исходным пунктом мог быть только вопрос о пѣлесообразности — так, как он представлялся тогда в пониманіи дѣйствовавших лиц.

Для того, чтобы уяснить себѣ роковыя противорѣчія, которыя явились в первые дни революціи в силу недостаточно продуманных и

*) Изложенные ниже факты с достаточной очевидностью свидѣтельствуют, что революціи всегда происходят не так, как онѣ представляются схоластическим умам. Поэтому и не жизненны современныя измышленія всякаго рода «молекулярных теорій» революціонных процессов.

ад нас осужденных политических замеслов, необходимо проанализировать всю сложную и запутанную обстановку того времени. Никто как-то не отдавал себѣ яснаго отчета в этих противорѣчіях тогда, когда закладывался фундамент строительства новой Россіи.

Нам пѣтъ необходимости в хронологической послѣдовательности воспроизводить событія первых февральско-мартовских дней, что сдѣлано уже с достаточной полнотой и отчетливостью в "Хроникѣ февральской революціи", составленной Заславским и Канторовичем (1924 г.) и в работѣ ген. Мартынова*) "Царская армія в февральском переворотѣ" (1927 г.) К этим фактам мы будем обращаться лишь попутно, комментируя то или иное создавшееся положеніе. Прежде всего попытаемся возстановить картину отвѣтственных переговоров, которые в ночь с 1-го на 2-е марта происходили между Временным Комитетом Гос. Д. — "цензурой" общественностью по тогдашней терминологіи, и делегатами Исп. Ком. Совѣта, заявившаго "претензію" представлять демократію**). Эта была поистинѣ рѣшающая нечѣ, и здѣсь завязался узел послѣдующей трагедіи русской революціи. Между тѣм возстановить болѣе или менѣе точно то, что происходило в указанную ночь, историку очень трудно. В нашем распоряженіи нѣтъ почти никаких документальных данных. В суматохѣ первых дней и ночей никто никаких протоколов не вел: отсутствует и газетный репортаж, подчас замѣняющій своим суррогатом протокольную запись — в "Извѣстіях", которые издавал Комитет думских журналистов, нельзя отыскать никаких намеков на суть переговоров. Остаются воспоминанія, т. е. показанія современников, которые должны помочь историку в данном случаѣ не только в "опѣнѣтѣ подробностей" (Маклаков), но и в установкѣ первооснов. Значеніе этого субъективнаго самого по себѣ источника познанія прошлаго в данном случаѣ безконечно преуменьшается не только привнесеніем послѣдующих настроеній, весьма отличных от подлинных авторских настроеній первых дней революціи, но и тѣм, что пелена тумана безсознательно для мемуариста застилает его память о том, что происходило в безсонныя ночи и сумбурные февральскіе и мартовскіе дни.

Нѣсколько мемуаристов уже коснулись исторической ночи с 1-го на 2-е марта. Казалось, можно было положиться на текст Милокова, так как первый том его "Исторіи", приближающейся к воспоминаніям, написан был в Кіевѣ в 18-ом году в період политическаго полубездѣлія автора. Память мемуариста не застлана была еще его позднѣйшей политической эволюціей, и таким образом, ему нетрудно было по сравнительно свѣжким впечатлѣніям воспроизвести исторію переговоров между членами Думы и совѣтскими делегатами, в которых автор при-

*) Дополненіем к ним может послужить очерк Шляпникова, посвященный «Революціи 17 г.», и Генкиной в коллективной работѣ по «Исторіи октябрьской революціи» (1927 г.).

**) Так выразился Милоков в своей исторіи революціи. Между тѣм, поскольку самочинно возникшій Временный Комитет выражал мнѣніе «цензурой общественности», постольку и «самозванный» Совѣт мог считаться выразителем настроеній демократіи (социалистической и рабочей массы). Термин «цензурная общественность», конечно, далеко не покрывал собой тѣ многочисленные элементы, демократическіе по своему составу, которые при-
мыкали к «надклассовой» партіи народной свободы.

нимал самое непосредственное участіе — тѣм болѣе, что в показаніях перед Чрезв. Сл. Комиссіей (7 августа 17 г.) Милоков засвидѣтельствовал, что им были проредактированы и исправлены "неточности", имѣющіяся в готовившейся Врем. Комитетом Г. Д. к изданію книгѣ, гдѣ было дано "точное описаніе день за днем, как происходило". (Я никогда не видѣл этой книги и нигдѣ не встрѣчал ссылок на нее — надо думать, что она в дѣйствительности не была издана). И тѣм не менѣе сумарное изложеніе Милокова с большими фактическими ошибками не дает нужных отвѣтов...

Имѣются и воспоминанія Керенскаго, но только во французском изданіи его "Революціи 17 г.". Внѣшне мемуарист хочет быть очень точным. Им указываются даже часы отвѣтственных рѣшеній в эти дни. Но это только внѣшняя точность, ибо даты безнадежно спутаны (выпустив книгу в 28 году, автор, слѣдуя установившимся плохим традиціям многих мемуаристов, не потрудился павести соотвѣтствующія справки и повѣствует исключительно по памяти). Память Керенскаго так же сумбурна, как сумбурны сами событія, в которых ему пришлось играть активнѣйшую роль, когда он падал в обморок от напряженія и усталости и когда, по его собственным словам, он дѣйствовал как бы в туманѣ и руководствовался болѣе инстинктом, нежели разумом. При таких условіях не могла получиться фотографія того, что было в 17 г. (на это Керенскій претендовал в своих парижских докладах). Нѣтъ ничего удивительнаго, что тогда у него не было ни времени, ни возможности вдумываться в происходившія событія. В воспоминаніях он пытается объяснить свое равнодушіе к программным вопросам тѣм, что никакія программы не могли измѣнить ход событій, что академическіе споры не представляли никакого интереса, и что в силу этого он не принимал в них участія... Поэтому все самое существенное прошло мимо сознанія мемуариста, самоутѣшающагося тѣм, что событія не могли итти другим путем, и даже издѣвающагося над несчастными смертными («*Pauvres êtres humains*»), которые думают по иному.

Еще меньше можно извлечь из воспоминаній Шульгина "Дни", которым повезло в литературѣ, и на которые так часто ссылаются. Воспоминанія Шульгина — "живая фотографія тѣх бурных дней" (отзыв Тхоржевскаго) — надо отнести к числу полу-беллетристических произведеній, не могущих служить канвой для историческаго повѣствованія: вымысел от дѣйствительности не всегда у него можно отдѣлать, к тому же такого вымысла, сознательнаго и безсознательнаго, слишком много — автор сам признается, что впечатлѣнія от пережитого смѣшались у него в какую-то "кошмарную кашу". Воспоминанія Шульгина могли бы служить для характеристики психологических переживаній момента, если бы только на них не сказывалась так опредѣленно дата — 1925 год. Тенденціозность автора просачивается через всѣ поры*).

Болѣе надежными являются "Записки о революціи" Суханова, гдѣ наиболѣе подробно и в хронологической послѣдовательности изло-

*) Между тѣм сам Шульгин высокаго мнѣнія о своих заданіях — в книгѣ «1920 г.», он, между прочим, пишет: о русской революціи «будет написано столько же лжи, сколько о французской, и поэтому в высшей степени важно для нашего будущаго правдиво изобразить то, что.. происходило перед ишими глазами».

жены перипетий, связанные с переговорами в ночь на 2-ое марта. Большая точность изложения объясняется не только свойствами мемуариста, игравшего первенствующую роль со стороны Исп. Ком. в переговорах, но и тем, что еще 23 марта ему было поручено Исп. Ком. составить очерк переговоров. Суханов поручения не выполнил, но, очевидно, подобрал предварительно соответствующий материал: поэтому он так отчетливо запомнил “все” до пятого дня — это была “сплошная цѣпь воспоминаний, когда в головѣ занечатывался чуть ли не каждый час незабвенных дней”. И совершенно неизбежно в основу рассказа надо положить изложение Суханова, хотя и слишком очевидно, что иногда автор теоретическія обоснования подводит *post factum* и себя приписывает болѣе дѣйственную, проводящую роль, нежели она была в дѣйствительности.

I. Среди совѣтской демократіи.

1. — Тактическое банкротство.

По чьей инициативѣ начались переговоры. Представитель крайняго теченія, большевик Шляпников, опредѣленно утверждает, что Исп. Ком. стал обсуждать вопрос о конструкціи власти по “официальному предложенію” со стороны Комитета Гос. Думы. Противоположную версію устанавливает другой представитель “революционной демократіи”, Суханов, не принадлежавшій к группѣ лиц, входящих в ленинскую фалангу; понимая, что “проблема власти” — основная в революціи, именно он настаивал на обсужденіи ея в Исп. Ком., и по его инициативѣ возникла мысль о необходимости вступить в переговоры с представителями “цензовой общественности”. Версія Суханова, как увидим, болѣе достоверна*), хотя Стеклов, официальный докладчик Исп. Ком. на Совѣщаніи Совѣтов 30 марта, дававшій через мѣсяц отчет перед собраніем и рассказавшій исторію “переговоров”, развивал то же положеніе, что и Шляпников: думскій де Комитет начал переговоры “по собственной инициативѣ” и вел их с совѣтскими представителями, как с “равноправной политической стороной”.

Так или иначе вопрос об организациі власти подвергся обсужденію в Исп. Комитетѣ днем 1 марта — вѣрнѣе урывками происходил довольно случайный и бессистемный обмѣн мнѣній по этому поводу, так как текущіе вопросы (“куча вермишели”, по выраженію Суханова) постоянно отвлекали вниманіе. Бесѣды происходили, как утверждает Шляпников, в связи с сообщеніем Чхеидзе, что Врем. Комитет, взяв на себя почин организациі власти, не может составить правительство без вхожденія в него “представителей лѣвых партій”. Намѣчались три теченія: одно из них (согласно традиционной догмѣ) отвергало участіе социалистов во власти в період так называемой “буржуазной” революціи; другое (крайнее) требовало взять управленіе в

свои руки; третье настаивало на соглашеніи с “цензовыми элементами”, т. е. споры шли по схемѣ: власть буржуазная, коалиціонная или демократическая (соціалистическая). В 6-м часу И. К. вплотную подошел к разрѣшенію проблемы власти и даже подверг вопрос баллотировкѣ, при чем 13 голосами против 7 или 8 постановил не входить в цензовое правительство.

Впослѣдствіи была выдвинута стройная теоретическая схема аргументаціи, объяснявшая почему демократія, которой яко бы фактически принадлежала власть в первые дни революціи в Петербургѣ, отказалась от выполненія павшей на нее миссіи. Такую попытку сдѣлал Суханов в “Записках о революціи”. Другой представитель “совѣтской демократіи” Чернов, непосредственно не участвовавшій еще в то время в революціонных событіях, касаясь в своей исторической работѣ “Рожденіе революціонной Россіи” рѣшенія передать власть “цензовой” демократіи, не без основанія замѣчает, что в данном случаѣ побѣдила “не теорія, не доктрина”, а “непосредственное ощущеніе *обузы власти*” и желаніе свалить эту обузу под соусом теоретическаго обоснованія на “плечи цензовиков”. Пять причин, побуждавших к такому дѣйствию и свидѣтельствовавших об отсутствіи “политической зрѣлости” и о “тактическом банкротствѣ” руководящаго ядра, исчисляет Чернов: 1. Не хватало программнаго единодушія. 2. Цензовая демократія была на лицо “во всеоружіи всѣх своих духовных и политических ресурсов”, революціонная же демократія была представлена на мѣстѣ дѣйствія случайными элементами, “силами далеко не первого, часто даже и не второго, а третьего, четвертаго и пятаго калибра”. Самыя квалифицированныя силы революціонной демократіи находились в далекой ссылкѣ или в еще болѣе далеком изгнаніи. 3. У цензовиков были “всероссійскія имена”, руководители же революціонной демократіи за немногими исключеніями являлись “для широкаго общественнаго мнѣнія загадочными незнакомцами”, о которых враги могли “распространять какія угодно легенды”. 4. Крупнѣйшіе дѣятели рев. демократіи были “абсолютно незнакомы с техникою государственнаго управленія и аппаратом его” и “прыжок из заброшеннаго сибирскаго улуса или колоніи изгнанников в Женевѣ на скамьи правительства был для них сходен — с переселеніем на другую планету”. 5. “Буржуазныя партіи” имѣли за собой свыше десяти лѣтъ открытаго существованія и устойчивой, гласной организациі — трудовыя, социалистическія и революціонныя партіи держались почти всегда лишь на голом скелетѣ кадров “профессиональных революционеров”.

Пространную аргументацію нѣсколько кичливых представителей эмигрантских “штабов”*) — подобную же аргументацію развивает и Троцкий в “Исторіи русской революціи” — можно было бы кратко подытожить словами Милюкова на упомянутом митингѣ 2-го марта в Екатерининском залѣ Таврическаго дворца, когда бывшій лидер дум-

*) Надо имѣть в виду, что Шляпников в эти дни работал в значительной степени на периферіи и был поглощен текущей работой (непосредственным участіем в «боевом» дѣйствиі и мало интересовался вопросом, что из «этого выйдет»). Послѣдовательный «революціонизм» мѣшал ему, уже в качествѣ мемуариста, признать инициативу, исходившую от совѣтских кругов.

*) Надо признать, что появленіе на исторической авансценѣ представителей политической эмиграціи — «людей знанія», которых на мартовском съѣздѣ к-д. привѣтствовал фактичскій вождь тогдашней «цензовой общественности», — ничего положительнаго революціи не дало: слишком оторвались они от реальной русской жизни.

ской оппозиции с большим преувеличением говорил о единственно организованной "цензовой общественности". Во всех этих соображениях имется, конечно, доля истины, но все они анулировались в тот момент аргументом, который представляло собой настроение масс и чувство последних революционным партиям. "Престиж Думы" был огромен, несравним с вожаками левых, известных лишь в узком кругу, — усиленно подчеркивает и Маклаков, а между тем для успокоения революционной стихии имело огромное значение вхождение именно Керенского в состав Временного Правительства, при чем играло роль само по себе не имя депутата, а его принадлежность к революционной демократии. Оспаривать этот факт не приходится, так как сама военная власть с тем, где разбуживалась стихия, систематически вызвала в первые дни к новой власти и требовала прибытия Керенского. Неоспоримо, что правительство, составленное из наличных членов Исп. Ком., было бы весьма неавторитетно, но почти столь же неоспоримо, что революционная общественность могла бы составить такое правительство из имен больше или меньше "всероссийских", которое имело бы в те дни, быть может, больше влияния, чем случайно составленное и не соответствовавшее моменту "Временное Правительство", которое приняло бразды правления в революционное время*).

Основная причина "передачи" власти цензовым элементам или вообще отказ от каких-либо самостоятельных попыток создать однородное демократическо-социалистическое правительство лежала не в сознании непосильной для демократии "обузы власти", а в полной еще неуверенности в завтрашнем дне. В этом откровенно признавался впоследствии в Совещании Советов докладчик о "временном правительстве", Стеклов — один из тех, кто непосредственно участвовал в почтовых переговорах 1-2 марта: "...когда намчалось... соглашение, было совсем неясно, восторжествует ли революция не только в форме революционно-демократической, но даже в форме умренно-буржуазной. Вы, ...которые не были здесь, в Петроград, и не переживали этой революционной горячки, представить себя не можете, как мы жили: окруженные вокруг Думы отдельными солдатскими взводами, не имевшими даже унтер-офицеров, не успевшими еще сформировать никакой политической программы движения... Нам не было известно настроение войск вообще, настроение Паркосельского гарнизона, и имелись сведения, что они идут на нас. Мы получали слухи, что с севера идут пять полков, что ген. Иванов ведет 26 эшелонов, на улицах раздавалась стрельба, и мы могли допускать, что эта слабая группа, окружавшая дворец, будет разбита, и с минуты на минуту ждали, что вот придут, и если не разстреляют, то заберут нас. Мы же, как древние римляне, важно сидели и засматривали, но *полной уверенности в успехе революции в этот момент совершенно не было*".

Слишком легко после того, как события произошли, отвергнуть этот психологический момент и утверждать, что "царизм" распался, как карточный домик, что режим, сгнивший на корню, никакого сопротивления не мог оказать, что "военный разгром революции был не-

*) Вопрос о техническом правительственном аппарате не так уже неразрешим на практике. В 18 г. немцы разрешили его просто, создав при социалистическом кабинете «управляющих делами» — Fachminister.

мыслим". Дело, конечно, было не так. Успех революции, как показал весь исторический опыт, всегда зависит не столько от силы взрыва, сколько от слабости сопротивления. Это почти "социологический" закон. У революции 17 года не было организованной реальной военной силы. Все участники революции согласны с тем, что цитадель революции — Таврический дворец, была в первые дни беззащитна. В ночь на 28 февраля находившиеся в Гос. Думе фактически не располагали ни одним ружьем — признает Керенский (La Verite). Имевшееся артиллерийское орудие было без снарядов, бездейственны были и пулеметы (Мстиславский). Поэтому так легко возникала паника в стенах Таврического дворца — и не только в первый день, как о том свидетельствуют мемуаристы: достаточно было дойти невнятному слуху о сосредоточении в Академии Генералов Штаба 300 офицеров, вооруженных пулеметами, с целью нападения на революционную цитадель. Казалось, что небольшая организованная воинская часть без труда ликвидирует возмущение или по крайней мере его выпященный центр*). И если такой части не нашлось, то это объясняется не одной растерянностью разложившейся власти, а и тем, что уличное неорганизованное движение в критический момент оказалось связано с Государственной Думой — поднять вооруженную руку против народного представительства психологически было уже труднее, учитывая то обстоятельство, что во время войны армия превратилась в сущности в "вооруженный народ", как то неоднократно признавалось в самом правительстве (см., напр., суждения в Совете Министров в 15 году). Война парализовала в значительной степени волю к противодействию, и Суханов совершенно прав, утверждая, что Комитет Гос. Думы служил "довольно надежным прикрытием от царистской контр-революции", отсюда рождалось впечатление, что власть "явно запускала движение" и подтверждалась распространенная легенда о "провокации".

Если в Петербурге 1-го марта, когда рвался вопрос о власти, переворот закончился уже победоносно, то оставалось еще неизведанным, как на столичные события реагирует страна и фронт. Керенский, не очень следящий за своими словами, в одной из последних книг (La Verite) писал, что к ночи 28-го вся страна с армией присоединилась к революции. Это можно еще с оговоркой сказать о второй столице Империи: тем же вечером 28-го было уже принято обращение Городской Думы к населению, говорившее, что "ради победы и спасения России Госуд. Дума вступила на путь решительной борьбы со старым и пагубным для нашей родины строем". Но народ, который должен был фактически устранить "от власти тех, кто защищал старый порядок, постыдное дело измены", 1 марта в сущности стал лишь "готовиться к бою", как

*) Таково же было ощущение и в Москве. Первый председатель Совета Хинчук в своих воспоминаниях попытку посеять панику приписывает «храбрым» интеллигентным «вождам» из Комитета Общ. Организаций и полученным сведениям о наступлении Эверта с Зап. фронта, и противопоставляет растерянность «общественников» уверенности рабочих, опиравшихся на то, что «воинские части группами, полным составом» отдавали себя в распоряжение Совета. Старый большевик, Сидович делал по этому поводу примечание: «Ничего подобного не было. Еще около недели в нашем распоряжении были только тысячи полторы сброды (большинство без винтовок) да пара пушек без снарядов, кажется, без замков».

выражается в своих воспоминаниях непосредственный наблюдатель событий, будущий комиссар градоначальства с.-р. Вознесенский. Полное бездѣйствие власти под начальством ген. Мрозовскаго опредѣлило успѣхъ революціи и ея безкровность: три солдата и рабочий — такова цифра жертв возстанія в Москвѣ... В матери русскихъ городов — Кіевѣ, гдѣ узнали о переворотѣ лишь 3-го, и гдѣ в этот день газеты все же вышли с обычными «бѣлыми мѣстами», еще перваго был арестован по ордеру губ. жанд. управленія старый народоволец, отставн. полк. Оберучев, вернувшійся из эмиграціи в серединѣ февраля «на родину». Во многихъ губерніяхъ центра Россіи (Ярославль, Тула и др.) движеніе началось 3-го. Жители Херсона даже 5 марта могли читать воззваніе губернатора Червинскаго о пародныхъ безпорядкахъ в Петербургѣ, прегражденныхъ Родзянко в «пользу арміи, Государя и отечества». На фронтъ вѣсть о революціи естественно пришла еще позже — во многихъ мѣстахъ 5-6 марта; об отреченіи Императора на нѣкоторыхъ отдѣльных участкахъ узнали лишь в серединѣ мѣсяца. Мѣстечковый еврей, задавшій в это время одному из мемуаристов (Квашко) вопросъ: «а царя, дѣйствительно, больше нѣтъ, или это только выдумка», — вѣроятно, не былъ одинокъ. В захолустѣ свѣдѣнія о происшедшихъ событіяхъ кое гдѣ проникли лишь к концу мѣсяца. Для иностранныхъ читателей можетъ быть убѣдительно свидѣтельство Керенскаго, что на всемъ протяженіи Имперіи не нашлось ни одной части, которую фактически можно было двинуть противъ мятежной столицы, то же, конечно, говорит и Тропкій в своей «Исторіи революціи». Но это мало убѣдительно для русскаго современника, знающаго, что фронтовая масса и значительная часть провинціи о событіяхъ были освѣдомлены лишь послѣ ихъ завершенія.

Чернов дѣлаетъ поправку (то же утвержденіе найдемъ мы и в воспоминаніяхъ Гучкова): войсковую часть можно было отыскать на фронтѣ, но посылка ея не достигла бы цѣли, ибо войска, приходившія в Петербургъ, переходили на сторону народа. Но это только предположеніе, весьма вѣроятное в создавшейся обстановкѣ, но всѣтаки фактически невѣрное, вопреки установившейся версіи, даже в отношеніи того немногочисленнаго отряда, который дошел до Царскаго Села во главѣ с ген. Ивановымъ к вечеру 1 марта*). Большевицкіе историки желаютъ доказать, что «демократія», из которой они себя выдѣляютъ, отступила на вторыя позиціи не из страха возможности разгрома революціи, а в силу паники передъ стихійной революціонностью массъ: в первые дни — вспоминаетъ большевизанствующій с.-р. Мстиславскій — «до гадливости» чувствовалось, какъ «верховники» из Исп. Ком. боялись толпы**). Безспорно, страхъ передъ неорганизованной стихіей долженъ былъ охватывать людей, хоть сколько-нибудь отвѣтственныхъ за свои дѣйствія и не принадлежавшихъ к лагерю безоговорочныхъ «пораженцевъ», ибо неорганизован-

*) Легенду эту породило невѣрное сообщеніе, полученное председателемъ Думы Родзянко и сообщенное имъ ген. Рузскому на Сѣверномъ фронтѣ.

**) Для характеристики искренности мемуариста, которому 27-го «и пойти было некуда» (столь неожиданна для него была нарастающая февральская волна), можно привести такую выдержку из записи Гиппиусъ 1 марта: «По рассказамъ Бори (т. е. Андрея Бѣлаго), видѣвшаго вчера и Масловскаго и Разумника, оба трезвы, пессимистичны, оба противъ Совѣта, противъ «коммуны» и боятся стихій и крайности».

ная стихія, безголовая революція, легко могла перейти в анархію, которая не только увеличила бы силу сопротивленія режима, но и неизбежно порождала бы контр-революціонное движеніе страны во имя сохраненія государственности и во избѣжаніе разгрома на вѣнскомъ фронтѣ.

Керенскій, быть можетъ, нѣсколько преувеличивая свои личныя ощущенія первыхъ дней революціи, объективно правъ, указывая, что никто не ожидалъ произшедшаго хаоса, и у всѣхъ была только одна мысль, какъ спасти страну отъ быстро наступающей анархіи. Элементарный здравый смыслъ заставлялъ демократію привѣтствовать рѣшеніе Временнаго Комитета взять на себя отвѣтственную роль в происходившихъ событіяхъ и придать стихійному движенію характеръ «революціи», ибо исторія устанавливала и другой «соціологическій законъ», в свое время в такихъ словахъ формулированный никѣмъ инымъ, какъ Ленинымъ: «для наступленія революціи недостаточно, чтобы «низы не хотѣли», требуется, чтобы и «верхи не могли» жить по старому, т. е. «революціонное опьянѣніе», какъ выразился Витте в воспоминаніяхъ, должно охватить и командующій классъ. Витте довольно цинично называлъ это «умственной чесоткой» и либеральнымъ «ожирѣніемъ» интеллигентной части общества, доказывая, что «революціонное опьянѣніе» вызываетъ отнюдь не «голодъ, холодъ, нищета», которыми сопровождается жизнь 100 миллионнаго непривилегированнаго русскаго народа. В одномъ старый бюрократъ былъ правъ: «главнымъ диктаторомъ» революціи не является «голодный желудокъ» — этотъ традиціонный предрассудокъ, какъ нежизненный постулатъ, пора давно отбросить. Голодъ порождаетъ лишь бунтъ, которому, дѣйствительно, обычно уготованъ одинъ конецъ: «самоистребленіе». Алдаповъ справедливо замѣтилъ, что о «продовольственныхъ затрудненіяхъ» в Петербургѣ, в качествѣ «причины революціи» историку послѣ 1920 г. писать «будетъ неловко». Мотивъ этотъ выдвигался экономистами в началѣ революціи (напр., докладъ Громана в Исп. Ком. 16 марта); в позднѣйшей литературѣ, пожалуй, одинъ только Чернов все еще поддерживаетъ версію, что на улицѣ рабочихъ вывелъ «Царь-Голодъ», — впрочемъ весьма относительный: сообщеніе градоначальника командующему войсками 23 февраля считало причиной безпорядковъ еще только слухъ, что будутъ отпускать 1 ф. хлѣба взрослому и полфунта на малолѣтнихъ.

Ленин, который все всегда зналъ заранее на девять десятыхъ, утверждалъ послѣ революціи, еще в дни пребыванія за границей, что буржуазія нужна была лишь для того, чтобы «революція побѣдила в 8 дней»**).

Мемуаристы противоположнаго лагеря с той же убѣдительностью доказываютъ легкую возможность разгрома революціи при наличности нѣкоторыхъ условій, которыхъ в дѣйствительности по тѣмъ или другимъ

*) Слова Ленина на апрѣльской конференціи 17 г. У Ленина издали составилось весьма своеобразное представленіе о ходѣ революціи, оно совершенно не соответствовало истинному положенію дѣлъ. Онъ писалъ в своихъ «Письмахъ издали», напечатанныхъ в «Правдѣ»: «Эта восьмидневная революція была, если позволительно такъ метафорически выразиться, «разыграна» точнѣе послѣ десяти главныхъ и второстепенныхъ репетицій: «актеры» знали другъ друга, свои роли, свои мѣста, свою обстановку вдоль и поперекъ, итакъ, до всякаго сколько-нибудь значительнаго отгѣнка политическихъ настроеній и пріемовъ дѣйствія».

причинам не оказалось. “Революція побѣдила в 8 дней” потому, что страна как бы слилась в едином порывѣ и общности настроеній, — столичный бунт превратился во “всенародное движеніе”, показавшее, что старый порядок был уже для Россіи политическим анахронизмом и тогда (послѣ завершенія переворота) в стихійности революціи начали усматривать гарантіи неизблемой ея прочности (рѣчь Гучкова 8 марта у промышленников).

В историческом аспектѣ можно признать, что современники в предреволюционные дни недооценивали сдвига, который произошел в странѣ за годы войны под воздѣйствіем оппозиціонной критики Гос. Думы, привившей мысль, что національной судьбѣ Россіи при старом режимѣ грозит опасность, что старая власть “безучастная к судьбѣ родины и погрязшая в позорѣ порока... безповоротно отгородилась от интересов народа, на каждом шагу принося их в жертву безумным порывам произвола и самовластиа” (из передовой статьи “Рус. Вѣд.” 7 марта). В политической близорукости, быть может, повинны всѣ общественныя группировки, но от признанія этого факта нисколько не измѣняется суть дѣла: февральскія событія в Петербургѣ, их размах, отклик на них и итог оказались рѣшительно для всѣх неожиданными — “девятый вал”, по признанію Мякотина (в первом публичном выступленіи послѣ революціи), пришел тогда, “когда о нем думали меньше всего”. Теоретически о грядущей революціи всегда говорили много — и в лѣвых, и в правых, и в промежуточных, либеральных кругах. Предреволюціонныя донесенія агентуры департамента полиціи и записи современников полны таких предвидѣній и пророчеств — нѣкоторым из них нельзя отказать в прозорливости, настолько они совпали с тѣм, что фактически произошло. В дѣйствительности же подобныя предвидѣнія не выходили за предѣлы абстрактных расчетов и субъективных ощущеній того, что Россія должна стоять “на порогѣ великих событій”. Это одинаково касается, как предсказаній в 16 г. нѣкогого писца Александров-Невской Лавры, зарегистрированных в показаніях филеров, которые опекали Распутина, так и предвидѣній политиков и социологов. Если циммервальдец Суханов был убѣжден, что “міровая социальная революція не может не увѣнчаться собой міровой империалистической войны”, то его прогнозы в сущности лежали в той же плоскости, что и размышленія в часы бессонницы в августѣ 14 г. вел. кн. Ник. Мих., записавшаго в дневник: “к чему затѣяли эту убійственную войну, какковы будут ея конечные результаты? Одно для меня ясно, что во всѣх странах произойдут громадные перевороты, мнѣ мнится конец многих монархій и триумф всемірнаго социализма, который должен взять верх, ибо всегда высказывался против войны”. Писательница Гиппіус занесла в дневник 3 октября 16 г.: “никто не сомнѣвается, что будет революція. Никто не знает, какая и когда она будет, и не ужасно ли? — никто не думает об этом”. (Предусмотрительность часто появляется в опубликованных дневниках *post factum*). Во всяком случаѣ не думали потому, что вопрос этот в конкретной постановкѣ в сознаніи огромнаго большинства современников не был актуален, — и близость революціи исчислялась не днями и даже не мѣсяцами, а может быть, “годами”. Говорили о “революціи” послѣ войны — (Шкловскій). Даже всевидящій Ленин, считавшій, что “всемірная империалистическая война” является “всесвѣтным режиссером, который может ускорить рево-

люцію” (“Письма издалека”), за два мѣсяца до революціи в одном из своих докладов в Цюрихѣ сдѣлал обмолвку: “Мы, старики, быть может, до грядущей революціи не доживем”. По наблюденіям французскаго журналиста Ана, каждый русскій предсказывал революцію на слѣдующій год, в сущности не вѣря своим предсказаніям. Эти общественныя толки, поднимавшіяся до аристократических и придворных кругов, надо отнести в область простой разговорной словесности, конечно, показательной для общественных настроеній и создавшей психологію ожиданія чего-то фатально неизбежнаго через какой-то неопредѣленный промежуток времени.

Ожиданіе новаго катаклизма являлось доминирующим настроеніем в самых различных общественных кругах — и “лѣвых” и “правых”, послѣ завершенія “великой русской революціи”, как “сгоряча” окрестили 1905 год. Россію ждет “революція безповоротная и ужасная” — положеніе это красной нитью проходит через перлюстрированную департаментом полиціи частную переписку (мы имѣем опубликованный отчет, напр., за 1908 г.). Человѣкъ весьма консервативных политических убѣжденій, харьковскій проф. Вязигин писал: “Самые черныя дни у нас еще впереди, а мы быстрыми шагами несемся к пропасти”. Ему вторит политик умѣренных взглядов, член Гос. Сов. Шипол: “родина приближается к пропасти”... “предстоящая неизбежная революція легко может вылиться в форму пугачевщины”. И все-таки Шипов, путем размышленія, готов признать, что “теперь чѣм хуже, тѣм лучше”, ибо “чѣм скорѣе грянет этот гром, тѣм менѣе он будет страшен и опасен”. И болѣе лѣвый Петрункевич хоть и признает, что наступила “полная агонія” правительственной власти, что “теперь борьба демократизировалась в самом дурном смыслѣ”, что “выступили на арену борьбы необузданныя и дикія силы”, однако, все это, по его мнѣнію, свидѣтельствует, что “мы живем не на кладбищѣ”. “Будущее в наших руках, если не впадет в прострацію само общество”, успокаивает редактор “Рус. Вѣд.” Соболевскій сомнѣвающагося своего товарища по работѣ проф. Анучина и т. д. И очень часто в перепискѣ государственных дѣятелей, ученых и простых обывателей, с которой ознакамливались перлюстраторы, звучит мотив: “вряд ли без вѣшняго толчка что-нибудь будет”. В кругах той либерально-консервативной интеллигенціи, которая под водительством думскаго прогрессивнаго блока претендовала на преемственность власти при новых парламентских комбинаціях, ожиданіе революціи, вышедшей из нѣдр народной толчи и рисовавшейся своим радикальным разрѣшеніем накопившихся социальных противорѣчій какой-то новой “пугачевщиной”, “русским бунтом, безсмысленным и безпощадным”, по выраженію еще Пушкина, носило еще менѣе реалистическія формы. Революціонный жупел, поскольку он выявлялся с кафедръ Гос. Думы, здѣсь был пріемом своего рода педагогическаго воздѣйствія на верховную власть в цѣлях принудить ее капитулировать перед общественными требованіями. В дѣйствительности мало кто вѣрил, что то, “чего всѣ опасаются”, может случиться, и в интимных разговорах, отмѣчаемых агентами деп. полиціи (и не только ими), ожидаемая революція замѣнялась “почти безкровным” дворцовым переворотом — до него в представленіи оппозиціонных думских политиков оставалось “всего лишь нѣсколько мѣсяцев”, даже, может быть, нѣсколько недѣль.

“Революція застала врасплох только в смыслъ момента”, — утверждает Троцкий. Но в этом и была сущность реального положения, предшествовавшего 27 февраля. Несомненный факт, устанавливаемый Сухановым, что ни одна партия непосредственно не готовилась к перевороту. Будущий левый с.-р. Мстиславский выразился еще резче: “революція застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дѣв, спящими”. Большевики не представляли собой исключения — накануне революции, по образному выражению Покровского, они были “в десяти верстах от вооруженного возстанія”. Правда, накануне созыва Думы они звали рабочую массу на улицу, на Невский, противопоставляя слою демонстрацію в годовщину дня суда над с.-д. депутатами 10 февраля. проекту оборонческих групп “хождения к Думѣ” 14 февраля, но фактически это революционное дѣйствие не выходит из сферы обычной пропаганды стачек.

Нельзя обманываться лозунгами: “Долой царскую монархію” и “Да здравствует Временное Революционное Правительство” и т. д. — то были лишь традиционные присказки всякой прокламации, выходящей из революционного подполья. Рабочие не вышли на улицу. Быть может, свою роль сыграла агитация думских кругов, выступавших с предложением о провокационном характерѣ призывов*, но еще в большей степени полная раздробленность и политическое расхождение революционных штабов. Характерно, что близкіе большевикам так называемые “междурайонцы” в особом листкѣ, выпущенном 14 февраля, “признавали нецѣлесообразным общее революционное выступление пролетариата в момент не изжитого тяжелого внутреннего кризиса социалистических партий и в момент, когда не было основанія рассчитывать “на активную поддержку армии”. “Обычное”, конечно, шло своим чередом, ибо революционные штабы готовили массы к “градушему выступлению”. И тот же петербургскій междурайонный комитет с.-дем. в международный день работниц 23 февраля (женское “первое мая”) выпускает листовку с призывом протестовать против войны и правительства, которое “начало войну и не может ее окончить”. Трудно поэтому уличное выступление 23 февраля, которое вливалось в нарастающую волну стачек, имѣвших всегда не только экономического, но и политическій отбѣнок, назвать “самочинным”. Военные представители иностранных миссій в телеграммѣ в Ставку движение, начавшееся 23-го, с самого начала опредѣлили, как манифестацію экономическую по виду, и революционную по существу (Легра). Самочинность его заключалась лишь в том, что оно возникло без обсуждения “предварительнаго плана”, как утверждали донесенія Охр. Отд. 26 февраля. Дѣло касается партийных комитетов, которые были далеки от мысли, что “женскій день” может оказаться началом революции и не видѣли в данный момент “цѣли и повода” для забастовок (свидѣтельство рабочего Вѣтрова, состоявшаго членом выборгскаго районнаго комитета большевистской партіи).

*) См. мои книги «На путях к дворцовому перевороту» и «Золотой нѣмецкій ключ к большевистской революціи».

Уличная демонстрація, если не вызванная, то сплетавшаяся с обострившимся правительственным кризисом, была тѣм не менѣе подержана революционными организациями (на совѣщаніи большевиков с меньшевиками и эсерами) — правда “скрѣпя сердце”, как свидѣтельствуєт Каюров, при чем в “тот момент никто не предполагал, во что оно (это движение) выльется”. В смыслѣ этой поддержки и надо понимать поздневійшія (25-26 февр.) донесенія агентов Охр. Отд., отмѣчавшія, что “революционные круги стали реагировать на вторые сутки”, и что “намѣтился и руководящій центр, откуда получались директивы”. В этих донесеніях агентура явно старалась преувеличивать значение подпольнаго замаскированного центра. (Прсущественныя донесенія и послужили поводом для ареста руководителей “рабочей группы” при Цен. Воен. Пр. Ком., осложнившего и обострившаго положеніе). Если о Совѣтъ Раб. Деп., который должен “начать дѣйствія к вечеру 27-го”, говорили, напр., на рабочем совѣщаніи 25-го, созданном по инициативѣ Союза рабочих потребительских обществ и по соглашенію с соц.-дем. фракціей Гос. Думы, если на отдѣльных заводах происходили уже даже выборы делегатов, как о том гласила больше, правда, городская молва, то этот вопрос стоял в связи с продовольственным планом, который одновременно обсуждался на совѣщаніи в городской Думѣ, а не с задуманным политическим переворотом, в котором Совѣтъ должен был играть роль какого-то “рабочаго парламента”. Реальный Совѣтъ Р. Д. возник 27-го “самочинно”, как и все в эти дни, лишь связи с только что отмѣченными разговорами и предположеніями — инициаторами его явились освобожденные толпой из предварительнаго заключенія лидеры “рабочей группы”, взявшие полученную по наслѣдству от 1905 г. традиционную форму объединенія рабочих организаций, которая сохранила престиж в рабочей средѣ и силу дѣйствительнаго лозунга пропаганды социал-демократіи. Поэтому приходится сдѣлать очень большую оговорку к утвержденію Милокова-историка, что “социалистическія партіи рѣшили немедленно возродить Совѣтъ рабочих депутатов”.

Как ни расцѣпывать роль революционных партийных организаций в стихійно нарастающих событіях в связи с расширявшейся забастовкой, массовыми уличными выступленіями и обнаруживавшимся настроеніем запасных воинских частей*), все же остается несомнѣнным, что до перваго официальнаго дня революции “никто не думал о такой близкой, возможной революціи” (восп. раб. больш. Каюрова). “То, что началось в Питерѣ 23 февраля, почти никто не принял за начало революции, —

*) Солдаты запасных частей, взятые от сохи или станка, преимущественно ратники второго разряда, «эксперты в казармах ... плохо содержимые, скукающие и озлобленные», как характеризует их бытъ ген. Мартынов, представляли «чрезвычайно благоприятную почву для всякой антиправительственной пропаганды». Они должны были содѣйствовать «успѣху революции». Агент Охр. Отд. Крестьянников доносит начальству о «контактѣ», существующем между рабочими и солдатами, у которых все «давно организовано» (правда, это были только случайно подслушанные трамвайные разговоры). Скопление в городах этих запасных было чрезвычайное — так в обычное и для других городов — напр., в Омскѣ гарнизон состоял из 70 тысяч. взрослых населенія). «Непростительная ошибка», скажет отсюда утверженіе, что это сознательно было проведено тѣми, кто готовил «дворцовый переворот» (больш. историк Покровский).

вспоминает Суханов: “казалось, что движение, возникшее в этот день, мало чѣм отличалось от движения в предыдущіе мѣсяцы. Такие безпорядки проходили перед глазами современников многие десятки раз”. Мало того, в момент, когда обнаружилось колебание в войсках, когда агенты охраны докладывали, что масса “послѣ двух дней безпрепятственного хождения по улицам увѣрилась в мысли, что “началась революція”, и “власть безсильна подавить движение”, что, если войска перейдут “на сторону пролетаріата, тогда ничто не спасет от революціоннаго переворота”, — тогда именно под влияніем кровавых уличных эпизодов, имѣвших мѣсто 26-го, в большевицком подпольѣ был поднят вопрос о прекращеніи забастовок и демонстрацій. В свою очередь Керенскій в книгѣ *Experiences* вспоминает, что вечером 26-го у него собралось “информаціонное бюро” социалистических партій — это отнюдь не был центр дѣйствія, а лишь обмѣн мнѣніями “за чашкой чая”. Представитель большевиков Юренев категорически заявил, что нѣтъ и не будет никакой революціи, что движение в войсках сходит на нѣтъ, и надо готовиться на долгій період реакціи... Слова Юренева (их приводил раньше Станкевич в воспоминаніях) были сказаны в отвѣтъ на указаніе хозяина квартиры, что необходимо приготовиться к важным событіям, так как мы вступили в революцію. Были ли такіа предчувствія у Керенскаго? В другой своей книгѣ, изданной в том же 36-ом году, он по иному опредѣляя положеніе: даже 26 февраля, — пишет он в «*La Verité*», никто не ждал революціи и не думал о республикѣ. Соратник Керенскаго по партіи, участник того же инфбюро, Зензинов в воспоминаніях, набросанных еще в первые дни революціи (“Дѣло Народа” 15 марта), подтверждал второе, а не первое заключеніе Керенскаго: он писал, что “революція ударила, как гром с неба, и застала врасплох не только правительство, но и Думу и существующія общественныя организаціи. Она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас революціонеров”. Упоминая об інформаціонных собраніях тѣх дней, на которых присутствовали представители всѣх существовавших в Петербургѣ революціонных теченій и организацій, он говорил, что событія разсматривались, как нѣчто “обычное” — “никто не предчувствовал в этом движеніи вѣянія грядущей революціи”. Не показательно ли, что в упомянутой прокламаціи, изданной Междурайонным Комитетом 27 февраля, рабочая масса призывалась к организаціи “всеобщей политической стачки протеста” против “безсмысленнаго”, “чудовищнаго” преступленія, совершившагося наканунѣ, когда “Царь свинцом накормил поднявшихся на борьбу голодных людей”, и когда в “безсильной злобѣ сжимались наши кулаки”, — здѣсь не было призыва к вооруженному возстанію. Также, очевидно, надо понимать и заявленіе представителя рабочих, большевика Самодурова, в засѣданіи Городской Думы 25 февраля требовавшего не “заплат”, а совершеннаго уничтоженія режима.

3. — С п о р о в л а с т и .

Обстановка первых двух дней революціи (она будет обрисована в послѣдующих главах), обнаруживавшая несомнѣнную организаціон-

ную слабость центров*), которые вынуждены были пасовать перед стихіей, отнюдь не могла еще внушить демократіи непоколебимую увѣренность в то, что “разгром был немислим”. Пѣшехонов вспоминал, что “на другой день послѣ революціи”, при повышенном и ликующем настроеніи “не только отдѣльных людей, но и большія группы вѣдруг охватывал пароксизм сомнѣній, тревоги и страха”. О “страшном кондѣ” говорил временами и Керенскій, как свидѣтельствует Суханов; пессимизм Скобелева отмѣчает Милюков, проводившій с ним на одном столѣ первую ночь в Таврическом дворцѣ, о своей паникѣ рассказывает сам Станкевич; Чхеидзе был в настроеніи, что “все пропало” и спасти может только “чудо!” — утверждает Шульгин. О том, что Чхеидзе был “страшно напуган” солдатским возстаніем, засвидѣтельствовал и Милюков. Завадскій рассказывает о сомнѣніях в благополучном исходѣ революціи, возникших у Горькаго, когда ему пришлось наблюдать “паняку” в Таврическом дворцѣ 28-го, но еще большая неувѣренность у него была в побѣдѣ революціи за предѣлами Петербурга. Противорѣчія эти были жизненны и неизбежны.

О том необычайном “парадоксѣ февральской революціи”, который открыл Троцкій и который заключался в том, что демократія, послѣ переворота обладавшая всей властью (ей вручена была эта власть “побѣдоносной массой народа”), “сознательно отказалась от власти и превратила 1 марта легенду о призваніи варягов в дѣйствительность XX вѣка”, приходится говорить с очень большими оговорками. В сущности, этого парадокса не было, и поэтому естественно, что на совѣщаніи Исп. Ком., о котором идет рѣчь, никто, по воспоминанію Суханова, не заикался даже о совѣтском демократическом правительствѣ. Большевики в своей средѣ рѣшали этот вопрос, как утверждает Шляпников, но во внѣ не вступали в борьбу за свои принципы — только слегка “поговаривали”, по выраженію Суханова**). Споры возникли около предположенія, высказаннаго “правой частью” совѣщанія, о необходимости коалиціоннаго правительства. Идея была выдвинута представителем “Бунда”. Очевидно, большой настойчивости не проявляли и защитники коалиціи, тѣм болѣе, что самые видные и авторитетные ея сторонники (меньшевик Богданов и нар. соц. Пѣшехонов) в засѣданіи не присутствовали***).

*) «Центральный большевицкій штаб .. поражает беспомощностью и отсутствіем инициативы». — констатирует Троцкій.

**) В «Исторіи» Милюкова имѣется явное недоразумѣніе, когда воззванію Исп. Ком. 28-го, призывавшему населеніе объединиться около Совѣта, приписывается мысль созданія самостоятельной совѣтской власти. Такая мысль была высказана в № 2 московских «Извѣстій» (3 марта) — официальном органѣ мѣстнаго Совѣта, редактируемом большевиком Степановым-Скворцовым. В статьѣ московскій Совѣтъ призывался к созданію временнаго революціоннаго правительства — не для того проливалась на улицах кровь, чтобы замѣнить царское правительство правительством Милюкова-Родзянко для захвата Константинополя и т. д. Статья прозвучала одиоко и никаких послѣдствій не имѣла. Большевицкіе историки должны признать, что подобные лозунги в тѣ дни «успѣха не имѣли» и остались «висѣть в воздухѣ».

***) Пѣшехонов, котораго «звлекло туда, в народ, в его гущу», и который испытывал почти отвращеніе («стѣновилось тошно») от мысли, что ему придется работать в «литературной комиссіи», куда он, наряду со Стекловым, Сухановым и Ссколовым, был избран наканунѣ, предпочел, к сожалѣнію, отойти от центра и взять на себя комиссарство на Петербургской сторонѣ.

Совершенно ясно, что 1-го вообще никаких окончательных решений не было принято. Несмотря на произведенное голосование. Это была как бы предварительная дискуссия, намечавшая лишь некоторые пункты для переговоров с Вр. Ком. Гос. Думы и выяснявшая условия, при которых демократия могла бы поддержать власть, долженствовавшую создаться в результате революционной вспышки. Стеклов, как рассказывает Суханов, — записывал пункты по мере развивавшихся прений. Они были впоследствии на Совещании Советов оглашены доклады по сохранившемуся черновику, который передан был затем в “Музей истории”. Эти 9 пунктов, записанных на клочьях плохой писчей бумаги, были сформулированы так: “1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям. 2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военно-служащих. 3. Воздержание от всех действий, предвещающих форму будущего правления. 4. Принятие немедленных мер к созыву Учредительного Собрания на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. 5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. 6. Выборы в органы местного самоуправления на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. 7. Отмена всех сословных, вбродисловд-ных и национальных ограничений. 8. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении. 9. Самоуправление армий”. В этих пунктах не было намека на социально-экономические вопросы, которые должны встать перед Временным Правительством с первого дня его существования: в них не было самого существенного в данный момент — отношения к войне.

Большинство Исп. Ком. по мнению Суханова, принадлежало к циммервальтскому объединению, но, поясняет мемуарист — надо было временно снять с очереди лозунги против войны, если рассчитывать на присоединение буржуазии к революции. Свернуть “циммервальдское знамя” приходилось однако и для того, чтобы договориться в собственной “советской среде”. Совет с циммервальдскими лозунгами в то время не был бы поддержан солдатской массой, представители которой составляли большинство пленума. Равным образом те же тактические соображения побуждали не выдвигать и социально-экономические лозунги. Как пояснял вышедший через несколько дней меньшевистский орган — “Рабочая Газета”, для рабочего класса “сейчас непосредственно социальные вопросы не стоят на первом плане”, надо напрячь “все силы, чтобы создать свободную и демократическую Россию”, т. е. добыть “политическую свободу” — единственное “средство, при помощи которого можно бороться за социализм”. Вспоминая “урок” 1905 г., “Рабочая Газета” указывала на невозможность для пролетариата вести борьбу на “два фронта” — с “реакцией” и “капиталистами”. Следовательно, не столько книжная мудрость, заимствованная из “учебников”, не столько догматика, определяющая мартовские события, как “буржуазную революцию в классическом смысле слова” и развитая в последующем идеологическом осмысливании событий, сколько опущение реальной действительности определяло позиции и тактику “верховников” из среды Исп. Ком. в смутные дни, когда, говоря словами того

же доклада Стеклова, “нельзя было с уверенностью сказать, что переворот завершен, и что старый режим действительно уничтожен”.

Житейская логика требовала следующего шага — непосредственного участия представителей социалистической демократии в той власти, которая пока существовала еще только в “потенции”: во время войны и продовольственной разрухи приходится выбирать между правительством буржуазии и правительством из своей среды, как выразился один из делегатов на Совещании Советов, не считаясь с “резолюциями конгресса международного социализма”. Этого шага в полной мере не было сделано. Был создан чреватый своими последствиями убылочный компромисс, который никак нельзя рассматривать, как нечто, последовательно вытекавшее из априорно установленных в те дни постулатов. Бундовец Рафес, один из тех, кто отстаивал в дневном совещании Исп. Ком. принцип коалиционной власти, совершенно определенно свидетельствует в воспоминаниях, что в ночном заседании организационного Комитета партии с.-д. вопреки мнению Батуринаского, представлявшего линию Исп. Ком., принято решение об участии членов партии в образовании правительства. Отсюда вывод, что партия не считала для себя обязательным случайное голосование происшедшего днем советского совещания. Столь же знаменательно было появление на другой день в официальных советских “Известиях” статьи меньшевика Богданова, отстаивавшего участие демократии в образовании правительства и мотивировавшего необходимость такого участия тем соображением, что думское крыло революции не только склоняется к конституционной монархии, но и готово сохранить престол за прежним носителем верховной власти.

В бурные моменты самочинное действие играет нередко роль решающего фактора. Такое своевольное действие от имени разнородного спектра социалистической общественности и совершила группа деятелей Исп. Ком., в сущности организационно никого не представлявшая и персонально даже довольно случайно кооптированная в руководящий орган советской демократии. Их политическая позиция была неопределенна и неясна. В конце концов фактически неважно — был ли лично инициатором начала переговоров с думцами заносчивый и сомнительный Гиммер (Суханов), разыгрывавший роль какого-то “советского Макиавели”, или другая случайность (приглашение во Врем. Ком. для обсуждения вопроса об организации власти) превратила Суханова и его коллег Стеклова и Соколова в единственных представителей революционной демократии в ночь на 2-ое марта при обсуждении кардинального вопроса революции. Интересен факт, что формальной советской делегации не было, и что лица, действительно самозовно составившие эту делегацию, никому не были уполномочены, на свой риск вели переговоры и выдвигали программу, никому в сущности не утвержденную.

II. В рядах ценовой общественности.

1. — Легенда о Государственной Думе.

Каково же было умонастроение в том крыль Таврического дворца, где заседали представители “единственно организованной ценовой общественности”, для переговоров с которыми направились делегаты

Совѣта? В представленіи Суханова они шли для того, чтобы убѣдить “цензовиков” взять власть в свои руки. Убѣждать надо было в сущности Милюкова, который в изображеніи мемуариста безраздѣльно царил в “цензовой общественности”. Но Милюкова, конечно, убѣждать не приходилось с момента, как Врем. Комитет высказался “в полном сознаніи отвѣтственности” за то, чтобы “взять в свои руки власть, выпавшую из рук правительства” — уступать кому-либо дававшуюся в руки власти, лидер прогрессивнаго блока отнюдь не собирався. Для него никаких сомнѣній, отбѣченных в предшествующей главѣ, не было. Довольно мѣткую характеристику Милюкова дал в своих воспоминаніях принадлежавшій к фракціи к. д. ки. Мансырев. Вот его отзыв: “человѣкъ книгъ, а не жизни, мыслящій по опредѣленным заранѣе схемам, исходящій из надуманных предпосылок, лишенный темперамента чувств, неспособный к непосредственным переживаніям. Революція произошла не так, как ее ожидали в кругах прогрессивнаго блока. И тѣм не менѣе лидер блока твердо и неуклонно держался в первые дни революціи за схему, раѣе установленную и связанную с подготовлявшимся дворцовым переворотом, когда кружок лиц, заранѣе, по его собственным словам, обсудил мѣры, которые должны быть приняты послѣ переворота. Перед этим “кружком лиц” лежала старая программа прогрессивнаго блока, ее и надлежало осуществить в налетѣ вихря революціонной бури, значительность которой не учитывалась в цензовой общественности так же, как и среди демократіи”.

Большинство мемуаристов согласны с такой оцѣнкой позиціи “верховников” из думскаго комитета, а один из них, депутат Маклаков, даже через 10 лѣтъ послѣ революціи продолжал утверждать, что в мартовскіе дни программа блока требовала всего только нѣкоторой “ретуши”, ибо революція «nullement» не была направлена против режима(?!). В представленіи извѣстнаго публициста Ландау дѣло было еще проще — революціи вообще не было в 17 г., а произошло просто “автоматическое паденіе сгнившаго правительства”. Подобная концепція вытекала из представленія, что революція 17 г. произошла во имя Думы, и что Дума возглавила революцію. Маклаков так и говорит, вопреки самоочевидным фактам, что революція началась через 2 часа(!) послѣ роспуска Думы, правда, дѣлая оговорку, что революція произошла “во имя Думы”, но “не силами Думы”! Милюков в первом варіантѣ своей исторіи революціи также писал, что сигнал к началу революціи дало правительство, распустив Думу. Миф этот возник в первые же дни с того самаго момента, как Бубликов, занявшій 28-го временно должность комиссара по министерству сообщеній, разослал от имени предѣдателя Гос. Думы Родзянко приказ, гласившій: “Государственная Дума взяла в свои руки созданіе новой власти”, — и усиленно поддерживался на протяженіи всей революціи в рядах “цензовой общественности”. Он подправлялъ дѣйствительность, выдвигая Гос. Думу по тактическим соображеніям на первый план в роли дѣйствительнаго фактора революціи. Еще в августовском Государственном Совѣщаніи, возражая ораторам, говорившим, что “революцію сдѣлала Гос. Дума в согласіи со всей страной”, Плеханов сказал: “тут есть доля истины, но есть и много заблужденія”!). С теченіем времени от

*) Плеханов имѣлъ в виду Милюкова и Родзянко. Оппонируя Церетели, Милюков говорил: «Невѣрно, что своей побѣдой революція обязана не-

такого “заблужденія” отказался главный творец литературнаго мифа Милюков, нѣкогда озаглавившій первую главу исторіи революціи — “Четвертая Гос. Дума низлагает монархію”, но потом в связи с измѣненіями, которые произошли в его политических взглядах, признавшій, что Гос. Дума не была способна возглавить революцію, что прогрессивный блок был прогрессивен только по отношенію ко Двору и ставленникам Распутина*), что революціонный взрыв не имѣлъ *никакого отношенія* к роспуску Думы, с которым масса ничего не знала (“Россія на переломѣ”), что Дума, блок и его компромиссная программа были *начисто сметены первым же днем* революціи (“Сов. Зап.”).

2. — Впечатленія перваго дня.

Отвергнутая легенда передает, однако, болѣе точно идеологическія концепціи, во власти которых находились руководители “цензовой общественности” в момент переговоров с совѣтскими делегатами. В думских кругах, для которых роспуск Думы был как бы *coup de foudre*, по выраженію Керенскаго, еще меньше, чѣм в социалистическом секторѣ предполагали, что февральскіе дни знаменуют революціонную бурю. Была попытка с самаго начала дискредитировать движеніе. Гиппіус записала 23 февраля: “опять кадѣтская версія о провокаціи... что нарочно... спрытали хлѣб..., чтобы “голодные бунты” оправдали желанный правительству сепаратный мир. Вот глупые и слѣпые выверты. Надо же такое придумать”!). “Событія 26-27 февраля — показывал Милюков в Чр. Сл. Ком. — застали нас врасплох, потому что они не выходили из тѣх кругов, которые предполагали возможность того или другаго переворота, но они шли из каких-то других источников или они были стихійны. Возможно, что как раз Протопоповская попытка разстрѣла тут и сыграла роль в предыдущіе дни... Было совершенно ясно, что инсценировалось что-то искусственное...” “Руководящая рука неясна была, — добавлял Милюков в “Исторіи” — только она исходила, очевидно, не от организованных лѣвых политических партій”.

“Полная хаотичность начала движенія” не могла подвинуть руководителей думскаго прогрессивнаго блока на героическій шаг. Когда днем 27-го члены Думы собрались в Таврическом дворцѣ на частное совѣщаніе, никакого боеваго настроенія в них не замѣчалось. Сколько их было? “Вся Дума” была на лицѣ в представленіи Шульгина, собралось 200 членов — исчисляет Мансырев, литовскій депутат Ичас доводит эту цифру до 300. То, что происходило в Думѣ 27-го, остается до

организованной стихіи. Она обязана этой побѣдой Гос. Думѣ, объединившей весь народ и давшей санкціи перевороту». Родзянко указывал, что «страна примкнула к Гос. Думѣ, возглавившей... движеніе и тѣм самым принявшей на себя и отвѣтственность за исход государственнаго переворота».

*) «Вѣдь это была Дума 3 іюня, — писал, напр., Милюков, в день десятилѣтня революціи, — Дума с искусственно подобранным правым крылом, а в своем большинствѣ “прогрессивнаго блока” лояльная Дума, «оппозиція Его Величеству» — явно для возглавленія революціи она не годилась».

**) Сама Гиппіус полагала: «Боюсь, что дѣло гораздо тропее. Так как ... никакой картины организованнаго выступленія не наблюдается, то очень похоже, что это обыкновенный голодный бунтик. Без достоинства бунтовали — без достоинства покорялись».

сих пор неясным и противорѣчивым в деталях, даже в том, что касается самого частного совѣщанія — каждый мемуарист рассказывает по своему. Не будем на этом останавливаться. Создалась легенда, широко распространившаяся 27-го в Петербургѣ, о том, что Дума постановила не расходиться, как учрежденіе, и что Дума совершила революціонный акт, отказавшись подчиниться указу о роспускѣ. Так на периферіи воспринял Горькій, так воспринял молву и Пѣшехов. В “Извѣстіях” думскаго Комитета журналисты это “рѣшеніе” было формулировано так: “Совѣтъ старѣйшин, собравшись на экстренном засѣданіи и ознакомившись с указом о роспускѣ, постановил: Госуд. Думѣ не расходиться. Всѣм депутатам оставаться на мѣстѣ”. Милоков говорит, что беспартийный казак Караулов требовал открытія формальнаго засѣданія Думы (по словам Керенскаго этого требовала вся оппозиція в лицѣ его, Чхеидзе, Ефремова (прог.) и “лѣваго” к. д. Некрасова), но совѣтъ старѣйшин на этот революціонный путь не хотѣлъ вступать. В статьѣ, посвященной десятилѣтію революціи Милоков утверждал, что было заранѣе условлено (очевидно, при теоретическом разсужденіи о возможном роспускѣ) никаких демонстрацій не дѣлать. И потому рѣшено было считать Гос. Думу “не функционирующей, но членам Думы не разбѣжаться”. Члены Думы немедленно собрались на “частное совѣщаніе”*), и, чтобы подчеркнуть, что это “частное совѣщаніе”, собрались не в большом Бѣлом залѣ, а в соседнем полуциркульном за предсѣдательской трибуной**). О “частном совѣщаніи”, помимо довольно противорѣчивых свидѣтельств мемуаристов, мы имѣем “почти стенографическую записку”, опубликованную в 21 г. в эмигрантской газетѣ “Воля Россіи”. Кѣм составлена была записка, очень далекая от “почти стенографическаго” отчета, хотя и излагавшая происходившее по минутам, неизвѣстно, и все-таки она, очевидно, составленная в то время, болѣе надежна, чѣм слишком субъективныя позднѣйшія воспріятія мемуаристов. Засѣданіе открыто было в 2¼ часа дня Родзянко, указавшаго на серьезность положенія и вмѣстѣ с тѣм признававшаго, что Думѣ “нельзя еще высказаться опредѣленно, так как мы еще не знаем соотношенія сил”. Выступавшій затѣм Некрасов — тот самый, который только что перед этим в Совѣтѣ старѣйшин, по воспоминаніям Керенскаго, будто бы от имени оппозиціи среди других требовал, чтобы Дума совершила революціонное дѣйствіе, игнорируя приказ о роспускѣ — предлагал передать власть пользующемуся довѣріем человеку: ген. Маниковскому с “нѣсколькими представителями Гос. Думы***). Проект Некрасова о приглашеніи генерала из состава пра-

вительства и передачи власти в “старыя руки” вызвал довольно единодушную критику. По отчету “Воли Россіи” возражали прогрессист Ржевскій и с. д. Чхеидзе, по воспоминаніям Мансырева, Караулов, по воспоминаніям Ичаса к. д. Аджемов, находившій “среднее рѣшеніе”, предложенное Некрасовым, “безуміем”. Большинство считало, что Дума сама должна избрать орган, которому надлежало вручить полномочія для сношенія с арміей и народом (Ржевскій). Соціалистическій сектор отстаивал положеніе, что иного выхода, как созданіе новой власти, нѣтъ — трудовик Дзюбинскій предлагал временную власть вручить сенаторен-конвенту Думы и послѣднюю объявить “Учредительным Собраніем” (по отчету “Воли Россіи” Мансырев тогда поддерживал Дзюбинскаго). Скептически высказывался Шингарев: “неизвѣстно, признает ли народ новую власть”. Когда дѣло дошло до Милокова, то он отверг всѣ сдѣланныя предложенія — не желал он признать и Комитет из 10 лиц, который мог бы “диктаторствовать над всѣми”, признавал он “неудобным” предложеніе Некрасова и невозможность созданія новой власти, так как для этого “еще не настал момент”. Сам Милоков не помнил уже, что 27-го он предлагал. В “почти стенографической” записи Милоковская рѣчь протоколирована в таких выраженіях: “Лично я не предлагаю ничего конкретнаго. Что же нам остается дѣлать? Похвѣть, как предлагает Керенскій, и успокоить войска, но вряд ли это их успокоит, надо искать что-нибудь реальное” (Дѣло в том, что в это время Керенскій — как гласит записка — обратился к Собранію с предложеніем уполномочить его вмѣстѣ с Чхеидзе похвѣть на автомобилѣ ко всѣм возставшим частям, чтобы объяснить им о поддержкѣ и солидарности Гос. Думы).

Через десять лѣтъ свои колебанія Милоков объяснил сознанием, что тогдашняя Дума не годилась для возглавленія революціи. Мемуаристы осторожность лидера объясняли неуверенностью в прочности народнаго движенія (Шульгин). По утвержденію Скобелева, Милоков заявил, что не может формулировать свое отношеніе, так как не знает, кто руководит событіями*). В изображеніи Ичаса Милоков заключил рѣчь словами: “характер движенія еще настолько неясен, что нужно подождать по крайней мѣрѣ до вечера, чтобы вынести опредѣленное рѣшеніе”. “Тут мы, болѣе экспансивные депутаты, выразили бурное несогласіе с нашим лидером”, при чем Аджемов особенно настаивал, что “нельзя откладывать рѣшеніе до выясненія соотношенія сил” (“Воля Рос.”). По стенографическому отчету Родзянко обратился тогда к собранію с просьбой “поторопиться с принятіем рѣшенія, ибо промедленіе смерти подобно”. Большинство было принято рѣшеніе об образованіи “Особаго Комитета”, “Долго еще спорили”, — вспоминает Ичас — как его выбрать. Наконец, когда затянувшіяся длинныя рѣчи всѣх утомили (лѣвые депутаты Керенскій, Скобелев, Янушкевич, Чхеидзе постоянно выходили к толпѣ и возвращались на совѣщаніе, убѣждая скорѣе приступить к дѣйствію), рѣшили передать избраніе комитета сенаторен-конвенту, который должен был немедленно доложить Совѣщанію его состав. Послѣ полуднашаго разговора Родзянко сообщил результаты. “У меня и моих товарищей — вновь вспоминает Ичас —

*) Частное Совѣщаніе было намѣчено заранѣе и им в какой связи, вопреки утвержденій Шульгина, Керенскаго и др., с указом о роспускѣ, полученным Родзянко наканунѣ под вечер, не стояло.

**) Насколько легенда прочно укоренилась в сознаніи современников видно из телеграфнаго отвѣта редакціи «Рус. Вѣд.» на запрос лондонской газеты «Daily Chronicle», который гласил, что Дума отказалась подчиниться указу о роспускѣ.

***) В воспоминаніях Шидловскаго предложеніе Некрасова охарактеризовано словами «военная диктатура», по Мансыреву это было предложеніе президіуму Думы ѣхать немедленно к предсѣдателю Совѣта Министров и просить о надѣленіи Маниковскаго или Поливанова (эти кандидатуры были выдвинуты по отчету «Воля Россіи» октябристом Савичем) «диктаторскими полномочіями для подавленія бунта».

*) По словам того же мемуариста, Шингарев был в негодованіи: «подобныя вещи могут дѣлать лишь нѣмцы, наши враги».

было такое чувство, словно мы избрали членов рыболовной или тому подобной думской комиссии. Никакого энтузиазма ни у кого не было. У меня вырвалась фраза: Да здравствует Комитет Спасения. В ответ на это несколько десятков членов Совещания стали аплодировать". "Временный Комитет") удалился на совещание (это было около 5 часов), а мы около 300 членов Думы бродили по унылым залам Таврического дворца. Посторонней публики еще не было. Тут ко мне подошел с сияющим лицом член Думы Гронский: "знаешь новость. Сегодня в 9 час. веч. придет в Таврический дворец в. кн. Мих. Ал. и будет провозглашен императором". Это известие стало довольно открыто курсировать по Екатерининскому залу".

Ичас был несколько удивлен длинным названием Временного Комитета — "Комитет членов Гос. Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями", к. д. Герасимов объяснил: "это важно с точки зрения уголовного уложения, если бы революция не удалась бы". Скорее это было шуточное замечание, совершенно, конечно, прав Бубликов, утверждавший в воспоминаниях, что в этот момент Дума (или ее суррогат) не поддерживала революцию. Выжидательная позиция большинства оставалась — побдила по существу, осторожная линия лидера, несмотря на "бурное" несогласие с ним многих его соратников, доказывавших, что невозможно ожидать "точных сведений". Решение было принято при общем "недоумении и растерянности" (Мансырев), в начинавшемся хаосе, под угрозой наступления "тридцатитысячной" толпы, которую подсчитал Шульгин, и которая требовала, чтобы Дума взяла власть в свои руки, под крики и бряцание оружия вошедшей в Таврический дворец солдатской толпы, прорвавшей обычный думский караул, при чем начальник караула был ранен выстрелом из толпы. (В изображении Мансырева, не совпадущем с впечатлительными Ичасом, беспорядочные разговоры о думском комитете закончились при опустевшем уже зале). Впечатление явно преувеличенное. Гипноз мифической "тридцатитысячной толпы" сказался и в последующих исторических интерпретациях, когда, напр., Чернов повествует, как "чуть ли не десятки тысяч со всех сторон" устремились в Гос. Думу, узнав о разгоне Думы и ее отказе подчиниться. Это было довольно далеко от того, что было в первый день революции, когда разношерстная уличная толпа с преобладанием отбившихся от казарм солдатских групп и групп студенческой и рабочей молодежи стала постепенно проникать и заполнять думское помещение. На первый день переносится впечатление от последующих дней, когда Таврический дворец сдвинулся с двумя своими оппозиционными крыльями — Временным и Испол. Комитетами, действительно, территориальным и идеологическим центром революции и в то же время прибежищем для всех отпавших от частей одиночек солдат, которых воззвание Совета 27-го звало в Думу.

Что привело солдат в дневные часы 27-го к Государственной Думе? "Я буду очень озадачен — писал впоследствии один из современников, проф. Завадский — если мне докажут, что выход "волин-

цев... был обусловлен расправой правительства с Гос. Думой". Насколько прав Завадский, свидетельствуют воспоминания фельдфебеля Кирпичникова, которому приписывается инициатива призыва не идти против народа и вывода солдат Волинского полка на улицу утром 27-го*) — в них Гос. Дума даже не упомянута. Таврический дворец стал базой не в силу притяжения Думы, а в силу своего расположения в "военном городке", где размещены были казармы тех гвардейских частей, в которых началось движение — утверждает Метиславский (отчасти Шкловский). Возможно, что эта топографическая причина оказала косвенное влияние, возможно сыграло свою роль воспоминание о несостоявшейся демонстрации 14 февраля, возможно сюда повели оказавшихся на улицах солдат новоявленные вожаки движения. Но 27-го это еще не было стихийным движением: Станкевич, напр., рассказывает, как он утром 27-го пытался толпу солдат, ворвавшуюся в школу прапорщиков на Кирочной и вооружившуюся там винтовками, убедить идти к Гос. Думе и как его слова были встрячены недоверием: "не заманивают ли в западню". Вероятно, гораздо большая толпа с Литейного пр. просочилась на Выборгскую сторону, которую издавна большевики считали своей вотчиной...

Керенский не поехал по казармам, как он предлагал в частном совещании членов Гос. Думы. Об этом проекте он вообще ничего не говорит в воспоминаниях. Рассказывает он другое. С утра он принял меры к тому, чтобы мятежные части направились в Думу, по телефону из Думы убедив некоторых из своих друзей заняться этим делом. В тревожном нетерпении Керенский ожидал прибытия этих частей, чтобы открыть им двери Думы и закрепить союз мятежных солдат с народными представителями — союз "единственно который мог бы спасти положение". С волнением Керенский бегал от окна к окну, отправляя посланцев на соседние улицы, посмотреть — не идут ли возставшие войска. Они не шли. Где же "ваши войска" — спрашивали его недождущие и обезкураженные депутаты. Инициатор прихода мятежных войск к Думе начинал уже серьезно беспокоиться затяжкой, с которой войска и народ запаздывали появиться перед Таврическим дворцом, когда раздался крик: идут. Керенский и другие левые депутаты бросились им навстречу с приветствием и убеждением взять на себя защиту Думы от "царских войск". Революционная армия приняла на себя охрану дворца. В "Известиях" журналистов было напечатано: "около 2 час. сильные отряды революционной армии подошли к Государственной Думе". В эти сильные отряды превратились беспорядочные группы, перемешанные с разношерстной уличной толпой. Так положено было начало легенды, занесенной Черновым на страницы своего повествования о рождении революционной России в таких выражениях: "первые три возставших полка, волинский, литовский и измайловский, истребив одних офицеров и заставив разбегаться других, были приведены к Гос. Думе шатающимся прис. пов. Н. Д. Соколовым". Впрочем, у этого последнего имеется конкурент: бывшая в то время в Петербурге французская журналистка Amelie de Nery (Маркович) записала в дневник, что честь и слава привести революционную армию к

*) Бюро прогрессивного блока было пополнено депутатами левого сектора и вышедшими ранее из блока «прогрессистами». В Комитет вошли Родзянко, Миллюков, Некрасов, Шидловский, Шульгин, Львов Вл., Караулов, Ржевский, Коновалов, Керенский и Чхеидзе.

*) Это не столько воспоминания Кирпичникова, сколько протокол опроса, сделанного в полковом комитете.

Таврическому дворцу принадлежит близкой ей знакомой “Сонѣ Морозовой” (“тов. Соня” не мифическая личность — она фигурирует в большевизмском окруженіи). Самого факта возстанія *иных полков* и истребленія части офицеров не было — убит был начальник учебной команды волынского полка шт. кап. Лашкевич, — убит был в спину посланной вдогонку пулей (по другой официальной версии он застрѣлся).

Одна легенда порождает другую. Можно считать установленным фактом, что к вечеру 27-го в Таврическом дворцѣ появилась сборная команда, имѣвшая признак нѣкоторой организованности, которая и приняла на себя охрану Думы и несла караульную службу в послѣдующіе дни. Эту часть, состоявшую преимущественно из солдат 4-й роты Преображенскаго полка (расположеннаго в Таврических казармах) привел унт. оф. этого полка Круглов. Легенда расповѣтила факт, и на страницах “Хроники февральской революціи” можно прочесть: вечером в Таврическій позвонили из офицерскаго собранія Преображенскаго полка. В полном составѣ Преображенскій полк с офицерами во главѣ направлялся в Гос. Думу. Это положило конец колебаніям Миллюкова. Временный думскій комитет в организованной войсковой части нашел свою поддержку и рѣшил взять власть в свои руки”. В изображеніи секретаря Родзянко Садикова (предисловіе к посмертному изданію воспоминаній Родзянко) полк явился в полном составѣ со всѣми офицерами и командиром полка кн. Аргутинским-Долгоруковым*). Легенда эта происхожденія 17 г., когда в кругах “цензовой общественности”, с одной стороны пытались объяснить, почему в момент революціи в распоряженіи Временнаго Комитета не оказалось ни одной организованной военной части, тогда как все предреволюціонное время проходило под знаком подготовки дворцоваго переворота, и стихійное выступленіе лишь предупредило ожидавшійся в началѣ марта акт, а с другой стороны пытались смягчить обостренія между командным составом и солдатскою массою, вызванныя неучастіем офицерскаго состава в движеніи 27-го, и создать впечатлѣніе, что офицеры полка всегда слѣдовали славным традиціям своих предшественников “декабристов” и что “первый полк” имперіи был всегда “за свободу”. Эту цѣль и преслѣдовала изданная Временным Комитетом брошюра тогда еще начинавшаго беллетриста Лукаша, который записал рассказы офицеров и солдат запаснаго батальона л. гв. Преображенскаго полка. Лукаш повѣствует, как 27-го утром в предвидѣніи надвигающейся грозы командный состав полка собрался в офицерском собраніи на Милліонной и по предложенію кап. Скрипицина рѣшил выйти на площадь Зимняго дворца и постараться собрать там другія гвардейскія части (“измайловцев, егерей и семеновцев”) — не для того, чтобы противодействовать революціи, но, чтобы избѣжать кровопролитія, “внести порядок в ея

матушійся поток”, и, “как организованная сила, предъявить требованія правительству”**).

Подражаніе “великому историческому стоянію” в декабрьскіе дни 1825 г. оказалось излишним, и собравшіеся 27-го на Дворцовой пл. ушли в казармы! Вечером, в 7 час., старшіе офицеры во главѣ с командиром полка “сошлись вновь в том же офицерском собраніи и рѣшили признать власть временнаго правительства. В энтузіазмѣ младшіе преображенцы бѣгут в казармы, произносят пламенные рѣчи о той свободѣ, которую ждали болѣе “ста лѣтъ”. В разгар энтузіазма появился в. кн. Кир. Вл., который присоединился “всѣм сердцем” к происшедшему. Было сообщено в Думу. В третьем часу ночи в Преображенскій полк прибыл назначенный комендантом возставших частей полк. Ангелгардт и привѣтствовал героическое рѣшеніе команднаго состава, прекратившее всѣ колебанія Родзянко встать во главѣ Времен. Комитета: теперь можно сказать, что мы уже побѣдили”. Утром Преображенскій полк с оркестром музыки двинулся по Милліонной ул. к Гос. Думѣ.

Канва рассказа шита бѣлыми нитками — искусственность ея очевидна — она находится в коренном противорѣчій с тѣм, что показывал ген. Хабалов: двѣ роты Преображенскаго полка вошли в тот правительственный отряд, который днем был направлен против бунтовщиков под начальством полк. Кутепова. К вечеру, между 5-6 час., 27-го на Дворцовой пл. был сосредоточен правительственный резерв, в состав котораго входили снова двѣ роты Преображенскаго полка под начальством командира полка Аргутинскаго-Долгорукова в соответствии с разработанным ранѣе расписаніем на случай: возможнаго возникновенія безпорядков. Сюда же в район № 1, по расписанію с музыкой прибыли павловцы, отиуд не для антиправительственной демонстраціи. Приѣзжал на Дворцовую пл. и в. кн. Кирилл для того, чтобы осведомиться, как поступить ему с гвардейским экипажем. По словам Хабалова, он ему сказал: если части будут дѣйствовать против мятежников, “милости просим”, если против своих не будут стрѣлять, пусть лучше остаются в казармѣ. Вел. кн. прислал двѣ наиболѣе надежныя роты учебной команды. Павловцы и преображенцы, однако, ушли с Дворцовой пл. — может потому, что у них не оказалось патронов и достать их негдѣ было (и “ѣсть было нечего”), может быть, потому, что нач. ген. шт. Занкевич, которому было передано общее командованіе, поговорив с солдатами, признал собранный резерв ненадежным и не задерживал части, которая казалась сомнительными. Все это очень далеко от героической идилліи, создавшейся вокруг Преображенскаго полка. И тѣм не менѣе извѣстная фактическая база под ней имѣлась. Чл. Врем. Ком. Шидловскій рассказал в мемуарах, что ве-

*) В иных работах Преображенскій полк появляется в Таврическом дворцѣ уже 26-го, при чем солдаты заявляют, что царь низложен и они отдают себя во власть Думы (Зворыкин). Русскіе лапусы породили ошибки и у иностранных обозрѣвателей, которые представляют возставшіе полки в порядкѣ (как «на парадѣ») вступающими на революціонную стезю, напр., Измайловскій полк в изображеніи Chessin.

**) В с.д. журналѣ «Мысль» позже в 19 г. появилась статья Кричевскаго, в которой на основаніи каких-то документов излагался план, выработанный еще ранѣе, в предшествующіе дни уличных волненій в штабѣ Преображенскаго полка, о выступленіи в понедѣльник утром (т. е. 27-го) с цѣлью с оружіем в руках добиваться осуществленія министерства довѣрія. Полк отдавал себя в распоряженіе Гос. Думы, предполагался арест правительства и отреченіе Императора. Солдаты соответственно были информированы, и план 27-го начал осуществляться, но выступленіе оказалось уже запоздалым, так как народ стихійным порывом предупредил осуществленіе заговора.

чером, когда Родзянко размышлял — принимать ли председательствование, ему по телефону позвонил племянник, бывший офицером в Преображенском полку и сообщил, что офицеры полка постановили “предоставить себя в распоряжение Думы”. Под влиянием этого сообщения Родзянко, действительно, дал свое согласие и просил Шидловского съездить на Миллионную и “поговорить” с офицерами. В собрании Шидловский застал “в полном сборе весь офицерский состав полка и значительное количество важных генералов из командного состава гвардии”. По впечатлению мемуариста “больше или меньше разбиравшимся в том, что происходило, оказался лишь один офицер, остальные же ничего не понимали”. Шидловский объявил, что на следующий день к ним придет полк. Энгельгардт для того, чтобы дать “дальнейшие указания”. На следующий день, по утверждению Шидловского, “Преображенский полк прибыл в Таврический дворец в образцовом порядке с оркестром во главе, без единого офицера, с каким-то никому неизвестным шт. капитаном. Оказалось, что полк ушел без “ведома офицеров”. Сейчас же посланы были автомобили, чтобы привезти офицеров, но офицеры во-время не попали. (Эпизод этот подтверждается сохранившимися в архиве военной комиссии приказом прап. Сянани с двумя автомобилями направиться на Миллионную в казармы Преображенского полка и “привезти с собой офицеров этого полка”. Приказ за подписью Ржевского был помечен 4 ч. 55 м. дня). Шидловский пытался выяснить у солдат недоразумение и получил ответ, что офицеры полка вообще “держатся как-то странно, все собираются в своем собрании, о чем-то толкуют, принимают какие-то решения, но солдатам ничего не объясняют”.

Эпизод с Преображенским полком, хотя очень далекий от легенды, но подчеркивающий пассивность и колебания военной среды, должен был произвести впечатление в думском комитете, показав, что “первый полк” империи отнюдь не представляет собой боевую силу в правительственном лагере. Свидетель из других полков были приблизительно аналогичны. Впоследствии отсутствие боевого настроения у командного состава отразилось в своих показаниях перед Чр. Сл. Ком. Хабалов, требовавший соглашения с Думой. (Есть свидетельство, что ген. Безобразов, находившийся в Адмиралтействе, предлагал попытаться взять приступом революционную цитадель, но не встретил сочувствия в окружающем офицерстве).

Наиболее яркую иллюстрацию к предреволюционному настроению некоторой части командного состава дает тот самый Балтийский флот, где события так трагически обернулись для морских офицеров. В эту психологическую обстановку накануне переворота вводит нас интереснейший дневник кап. 1 ранга Рейнгартена, активного члена кружка прогрессивных моряков, сгруппировавшихся около адм. Непенина (см. мою книгу “На путях к дворцовому перевороту”). Дружеские занятия между собою члены кружка систематически собирались на интимные беседы для обсуждения “текущих вопросов”. Так собрались они и 27-го в 6 час. вечера в целях обмундироваться мнениями о “современном политическом положении”. Они еще не знали того, что произошло в Петербурге в день их очередной беседы, но знали о начавшихся волнениях в столице, которые отнюдь не восприняли, как начало революции. “В Петербурге — безобразия: все говорят об участии

правительства в провокациях”, — записал Рейнгартен*), хотя сам он за несколько дней перед тем говорил в дневнике: “мы вполне усмеренным движением приближаемся к великим событиям”. “События приняли грозный оборот”, — продолжает запись 27-го. “Обстоятельства не допускают промедления. Момент уже пропущен. Нужны немедленные поступки и решения. Дума и все общественные деятели вялы и мягкотелы. Надо дать им импульс извне, для этого надо иметь определенный план”. Эта “программа действий” в представлении собравшихся на беседу 27-го активную роль отводила “ответственным политическим деятелям” — Государственной Думе, которая совместно с Гос. Советом должна составить “Законодательный Корпус” и избрать ответственную перед последним исполнительную власть. “Пронесенное должно быть доведено до сведения полковника” (т. е. Государя). По намечаемому плану предварительно на фронт должны быть посланы “авторитетные лица” к высшим военным начальникам, которые должны обеспечить “спокойствие” в действующей армии во время “дальнейших действий в тылу”. Политически единомышленники, собравшиеся 27-го, допускали, что перед флотом может встать дилемма не подчиниться “Ставке” и “Царю”, если оттуда последует распоряжение “поддерживать старый порядок”. “И мы обязаны сделать, все, что в наших силах, чтобы решение адмирала (т. е. Непенина) шло к спасению России”. “Постановили мы так: по очереди идти к командующему и открыто и решительно высказать свои взгляды на вещи, указав на полную невозможность выполнить такой его приказ, который пошел бы в разрез с нашими убеждениями”. (Как поступил Непенин, когда в Гельсингфорсе дошло “потрясающее известие” о том, что Гос. Дума образовала Временное Правительство и что к нему примкнули “пять гвардейских полков”, будет рассказано ниже). События определили намеченный план устройства предварительного соглашения с общественными деятелями с целью повлиять на них и сказать, что “некоторые круги флота настойчиво просят действовать, ибо нельзя оставаться мягкотелыми и пассивными сейчас”. — “Чаша терпения переполнилась”.

В момент, когда Рейнгартенский кружок принимал “решение”, в Гельсингфорсе пришли юзграммы о “беспорядках в войсках**)” — они реально поставили представителей Гос. Думы в те же вечерние часы 27-го перед проблемой, которую теоретически обсуждала группа моряков. Продолжавшиеся колебания Временного Комитета вызывались сознанием неопределенности положения. Вот как охарактеризовал вечерние часы 27-го один из авторов “Коллективной” Хроники февральской революции и непосредственный участник движения в индивидуальной статье, посвященной памяти вольноспределяющегося Финляндского полка Фед. Линде, который сумел проявить организационную инициативу и своим влиянием на солдатскую стихию закрепить “полюбителю за революцией***); “сгущались сумерки, падало настроение, по-

*) Он добавлял: “прочел статью в англ. журнал *«New Statements»*; там прямо говорится о бывших попытках заключить сепаратный мир, а про Протопопова что он «организовал бунт».

**) Интересно, как определил дневник «лозунги» происшедших беспорядков: «война до побед», «долой Императрицу», «дайте хлеба».

***). Некрологическое преувеличение роли, сыгранной 27-го Линде, не имеет значения. Этот молодой философ-математик, целиком отдавшийся по-

явились признаки сомнінія и тревоги... Сознаніе содѣянаго рисовало уже мрачную картину возмездія. Расползалась видимость коллективной силы. Возставшая армія грозила превратиться в сброд, который становился тѣм слабѣе, чѣм он был многочисленнѣе. Наступил самый критическій момент перелома в настроеніи. И революція могла принять характер бунта, которому обычно уготован один конец: самоистребленіе"... Наконец, в 11½ час. веч., когда выяснилось, что правительство "находится в полном параличѣ", как выразился Родзянко в телеграммѣ Рузскому, "думскій комитет рѣшил, наконец, принять на себя бразды правленія в столицѣ. Может быть, в предвидѣніи, что эта власть получит высшую санкцію, ибо характер переговоров, которые вел в это время предсѣдатель Думы и предсѣдатель Времен. Ком. с правительством, как мы увидим, был очень далек от той формы, которую придал им в воспоминаніях другой член Врем. Ком. Вл. Львов, утверждавший, что Родзянко получил отвѣтъ — с бунтовщиками не разговаривают: "на мятеж Совѣтъ Министров отвѣчает только оружіем". Первое воззваніе Временнаго Комитета к народу, за подписью предсѣдателя Думы Родзянко, выпущенное в ночь с 27 на 28 февраля отнюдь не было революціонным. Напомним его: "Временный Комитет Г. Д. при тяжелых условіях внутренней разрухи, вызванной маразмом старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознавая всю отвѣтственность принятаго им рѣшенія, Комитет выражает увѣренность, что населеніе и Армія помогут ему в трудной задачѣ созданія новаго правительства, соответствующаго желаніям населенія и могущаго пользоваться довѣріем его".

В эти часы Таврическій дворец и по внѣшности мало походил на "штаб революціи". Конечно, очень субъективны воспріятія, и каждый мемуарист запомнит лишь то, что ему бросилось в глаза и что так или иначе соответствовало его настроенію. Попав только "вечером" в Таврическій дворец, Станкевич увидал перед дворцом лишь "небольшія, нестройныя кучки солдат", а "у дверей напирала толпа штатских, учащейся молодежи, общественных дѣятелей, старавшихся войти в зданіе"*). Внутри, в "просторном залѣ" он нашел в "волненіи" Керенскаго и Чхеидзе. А гдѣ же остальные члены Думы — они "разбѣжались, потому что почувствовали, что дѣло плохо". "А дѣло вовсе не было плохо — заключает Станкевич — но только оно не сосредоточивалось в Таврическом дворцѣ, который только сам считал себя руководителем возстанія. На самом дѣлѣ возстаніе совершалось стихійно на улицах"***), Этими уличными столкновеніями пыталась руководить образовавшаяся при Исп. Ком. военная комиссія под водительство ст. лейт. с. р. Фи-

рывама «историческаго мгновѣнія», трагически погиб в качествѣ военнаго комиссара на фронтѣ под ударами разнузданной солдатчины в дни подготовки іюнскаго наступленія.

*) Как далеко это от той уличной толпы, которую изобразил 27-го перед Думой в своем «селянском» увлеченіи Чернов — толпа, от которой пахло «дегтем, овчиной и трудовым потом».

**) Не только Станкевича, но и Пѣшехонова поразили «тишина и безлюдіе», которыя он нашел в Таврическом дворцѣ, куда он пришел в 9½ час. вечера, идя уже по пустым улицам города с далекой Петербургской стороны. Шел Пѣшеховъ по Литейному мимо пылающаго еще зданія Судебных Установленій и встрѣчал только «содѣльных прохожих».

липовскаго и военнаго чиновника, бібліотекаря Академіи ген. шт. с.-р. Мстиславскаго (Масловскаго), в свое время выпустившаго нелегальное руководство по тактикѣ уличнаго боя. Они разсылали по городу для подкрѣпленія сражавшихся или для выполнения отдѣльных опредѣленных заданий, "ударныя группы" под начальством имѣвшихъ в их распоряженіи десятка-другого прапорщиков — преимущественно случайно оказавшихся в Петербургѣ "фронтовиков", не связанных с мѣстным гарнизоном. Но "ударныя группы" подчас до мѣста назначенія не доходили — "расходились по дорогѣ". Был послан даже броневик для захвата правительства в Маринском дворцѣ, но был обстрѣлян и вернулся. (Со слов "одного из членов правительства" Родзянко рассказывает, что неосуществившееся нападеніе на Маринскій дворец вызвало такую там "панику", что постѣжили потушить всѣ огни — и "когда снова зажгли огонь", собесѣдник Родзянко "к своему удивленію оказался под столом". Этот "нѣсколько анекдотическій" эпизод, по мнѣнію мемуариста, "лучше всего может характеризовать настроеніе правительства в смыслѣ полного отсутствія руководящей идеи для борьбы с возникающими безпорядками"). Это послѣдствіи в отчетѣ военной комиссіи именовалось "боевым руководством возставших войск"... При таких условіях естественно, что рѣшеніе Временнаго Комитета взять власть, сообщенное в кулуарах Милоковым, было в соціальных кругах встрѣчено аплодисментами (Пѣшеховъ), а Суханов внутренне сказал себѣ: теперь переворот не будет задавлен "разрухой".

Волшебная палочка революціи совершенно измѣнила картину на слѣдующій день, когда правительственныя войска сами "постепенно... разошлись", по характеристикѣ главнокомандующаго Хабалова. На улицах, гдѣ шла почти "безпричинная" палба, продолжали безцѣльно бродить толпы вооруженных солдат, "безумно" метались автомобили, переполненные солдатами, рабочей и учащейся молодежью, но эта внѣшняя анархія парализовалась притягательной силой, которую стала представлять "Государственная Дума", т. е. Таврическій дворец, к которому уже трудно было "протолкаться". "Революція нашла свой центр"... — заключают составители хроники февральских событій. Перваго марта перед Думой парадировали уже цѣлыя воинскія части с офицерским составом — революція приобрѣтала характер "парада" (так выражалась "Рѣчь" в своем послѣдующем — 5 марта — обзорѣ событій), на котором перед солдатами в качествѣ офицеров почти "монопольно", по словам Шляиникова, выступали представители Комитета Гос. Думы. Отсюда создавалось впечатлѣніе, что только вѣдѣтельство Думы дало уличному движенію центр, знамя и лозунги. Это был самообман, если принять формулировку, которую в историческом повѣствованіи, предназначенном для иностраннаго читателя, дал другой видный юрист-историк проф. Нольде — в работѣ, характеризующей ход развитія революціи, он заявляет, что до 27-го движеніе не имѣло «aucun but, aucun objet». (Правда, столь рѣшительный вывод сдѣлан в книгѣ, преслѣдующей популяризаторскія цѣли). Подобная схема на каждом шагѣ, с перваго часу революціи, приходила в коллизію с дѣйствительностью. Не Дума руководила стихіей, а стихія влекла за собой Временный Комитет. Слишком многие это непосредственно ощущали. Быть может, поэтому в рядах думских дѣятелей, не заигнотизированных теоретическими выкладками, наблюдалась "робость,

растерянность, нерешительность", отмечаемые в дневникъ Гиппиус 28-го. Без соглашения с "демократіей", без поддержки совѣта — признает Родзянко — нельзя было водворить даже "подобіе порядка". В силу этих обстоятельств вечером 1-го "додумались", по выраженію Шульгина, пригласить делегатов от Совѣта. Они пришли по собственной инициативѣ, как утверждает Суханов, но производило впечатлѣніе, что их ждали, что думскіе люди считали неизбежной "рѣшающую встрѣчу", но, не ориентируясь, как слѣдует, в совѣтских построениях, предпочитали выжидательную тактику.

3. — Переговоры.

Послѣдуем за Сухановым в рассказѣ о том, что происходило в "учредительном" и "ответственном" засѣданіи, начавшемся в первом часу*). По мнѣнію Суханова, никакого официального засѣданія не происходило — это былъ обмѣн мнѣніями, "подушепричастными репликами", засѣданіе без формального предсѣдателя и т. д. Велъ бесѣду с союзѣтскими делегатами Милюков — видно было, что он "здѣсь не только лидер", но и "хозяин в правом крылѣ". Большинство хранило "полнѣйшее молчаніе" — "в частности глава будущаго правительства кн. Львов не пророзил за всю ночь ни слова". Сидѣлъ "все время в мрачном раздуміи" Керенскій, не принимавшій "никакого участія в разговорах". Суханов запомнилъ лишь отдѣльныя реплики Родзянко, Некрасова, Шульгина и Вл. Львова. С такой характеристикой в общем согласны всѣ мемуаристы из числа присутствовавших тогда лиц. Четверо (т. е. три совѣтских делегата и Милюков) вели дебаты — вспоминает Шульгин: "Мы изрѣдка подавали реплики из глубокой страсти". Керенскій, в свою очередь, упоминает, что он ничего не может сказать о переговорах, так как он принимал в них очень маленькое участіе. В тѣх рѣдких случаях, когда он присутствовал на длительном "засѣданіи", был совершенно инертен и едва (a peine) слушал то, о чем говорили**). Керенскій — практик, а не теоретик — не придавал, по его словам, никакого значенія этим академическим разговорам общаго характера.

Бесѣда началась — по рассказу Суханова — с разговора о павирующей в городѣ анархіи, о необходимости бороться с эксцессами, но "агитаторы — замѣчает мемуарист — не замедлили убѣдиться, что они ломаются в открытую дверь", и что основная "техническая" задача Совѣта заключается в борьбѣ с анархіей. Суханов постарался перевести разговор на другія рельсы, указав, что основной цѣлью даннаго совѣщанія является выясненіе вопроса об организациі власти и планов

*) Милюков изображает его объединеннымъ засѣданіемъ Временнаго Комитета и Временнаго Правительства, при чем добавляет, что Вр. Пр. охотно пошло на обсужденіе условий, выдвинутыхъ Совѣтомъ. Надо ли говорить, что в момент, когда происходило засѣданіе, Врем. Прав. еще не было сконструировано, хотя и были уже намѣчены лица, которые должны были в него войти.

**) Воспоминанія Керенскаго, дѣйствительно, показывают, что он плохо вникнул в то, о чем говорилось, поэтому так легко на страницах его повѣствованія появляются необоснованныя утвержденія, в родѣ того, что, напр., программа соглашенія «демократіи» и «цензовиковъ» предварительно была выработана думскимъ Комитетомъ.

руководящихъ групп Государственной Думы. Совѣтъ предоставляет цензовымъ элементамъ образовать Временное Правительство, считая, что это соответствуетъ интересамъ революціи, но, как единственный орган, "располагающій сейчасъ реальной силой", желаетъ изложить тѣ требованія, которыя он от имени демократіи предъявляетъ к правительству, создаваемому революціей. Вслѣд за тѣмъ Стекловъ торжественно огласилъ принятые будто бы Совѣтомъ положенія. "На лицѣ Милюкова можно было уловить даже признаки полнаго удовлетворенія" — повѣствуетъ рассказчикъ. Милюков, вѣроятно, ожидал, что будутъ выдвинуты боевые вопросы о войнѣ и социальныхъ заданіяхъ революціи. Но боевые лозунги были сняты представителями "демократіи", выступившими со своей платформой в средѣ "цензовой общественности": даже рѣшено было "не настаивать передъ прогрессивнымъ блокомъ на самомъ терминѣ Учредительнаго Собранія". То, что представители демократіи не заговорили о войнѣ, открывало будущему правительству извѣстную свободу дѣйствій в этомъ отношеніи, что и учитывалось в противномъ лагерѣ, какъ явленіе положительное.

Единственнымъ боевымъ программнымъ пунктомъ явился вопросъ о монархіи. Милюковъ рѣшительно отказывался принять формулировку, предложенную в совѣтской платформѣ и гласившую, что "Времен. Правит. не должно предпринимать никакихъ шаговъ, предрѣшающихъ будущую форму правленія". Соглашаясь на то, что вопросъ окончательно рѣшитъ Учредительное Собраніе, лидеръ "прогрессивнаго блока" требовалъ сохраненія монархіи и династіи в переходный момент. Милюковъ считал, что царствующій императоръ подлѣжитъ устраненію, но на вакантный престолъ долженъ быть возведенъ его наслѣдникъ при регентствѣ в. кн. Михаила. По увѣренію Суханова защитникъ монархическаго принципа пытался воздѣйствовать на представителей демократіи довольно грубой и упрощенной аргументаціей, доказывая имъ, что в переходное время монархіи не опасна, принимая во вниманіе личныя качества ближайшихъ претендентовъ на власть: "одинъ большой ребенокъ, а другой совсѣмъ глухой челоуѣкъ". Насколько подобная аргументація была распространена в думскихъ кругахъ, показываетъ записъ о разговорахъ, что "Михаилъ будетъ пѣшкой" и т. д. Тщетно противная сторона пыталась указать Милюкову на утопичность его плана, считая "совершенно абсурднымъ" попытку отстоять династію и получить на это санкцію демократіи. Керенскій в воспоминаніяхъ весьма скептически отзывался о позиціи совѣтской делегаціи — тѣхъ представителей революціонной демократіи, которые вмѣсто того, чтобы требовать немедленно провозглашенія республики, выступали на роляхъ какихъ-то не-предпріимцевъ. Но тогда самъ онъ не нарушилъ своего молчанія, хотя и зналъ, что большинство думскаго комитета стоитъ за монархію — не нарушилъ потому, что вопросъ казался ему фактически предрѣшеннымъ в сторону республиканскую: уже в ночь на 28-е Керенскій зналъ, что династія исчезла навсегда изъ исторіи Россіи*). По утвержденію Милюкова, делегаты согласились отказаться отъ пункта, согласно которому "вопросъ о формѣ правленія оставался открытымъ", (вѣту минуту — добавляетъ историкъ-мемуаристъ — в этой скромной формѣ

*) На совѣщаніи присутствовалъ и предсѣдатель Совѣта Чхендзе, входившій в составъ думскаго Комитета, но роль его в часы ночного блѣдня на 2-е марта совершенно неясна.

обеспечивалась возможность разрешения этого вопроса в смысле республиканской, тогда как временное правительство (?) принимало меры к обеспечению регентства Михаила"). Суханов позже по другому информировал об итогах совещания левое крыло Таврического дворца: оставалось еще неликвидированным разногласие о формах правления, т. е. вопрос продолжал быть открытым — во всяком случае для советской стороны.

Другие пункты, по мнению Суханова, не вызывали больших возражений. Миллюков говорит, что по его настоянию "последние продолжительные споры" делегаты согласились "вычеркнуть требование о выборности офицеров", т. е. отказались от введения в число условий своей поддержки того самого принципа, который уже утром 2-го марта они положили в основу знаменитого приказа № 1. Выходит, как будто бы, что делегаты нарушили соглашение прежде, чем оно было окончательно заключено. Неувязка в тексте историка будет ясна, когда мы познакомимся с условиями издания "приказа № 1", в котором нет ни слова о выборности офицеров. В тезисах, оглашенных Стекловым, говорилось лишь о самоуправлении армии, под которым подразумевалась организация полковых комитетов, регулирующих внутреннюю жизнь войсковых частей. Так или иначе соглашение было достигнуто, повидимому, легко, добавление о распространении политических свобод на военнотружущих "в пределах, допускаемых военно-техническими условиями" (п. 2). В пункте 8 то же положение о солдатских правах в сущности еще раз было повторено с оговоркой: "при сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы". Вопреки утверждениям, попадающим в исторических работах (*), о том, что думский Комитет вынужден был признать столь роковой впоследствии пункт о невыводе из Петербурга воинских частей, принимавших участие в восстании, этот пункт не вызвал никаких возражений, ибо имел "временный характер" и трактовался, как шаг, тактически необходимый для успокоения солдатских масс. "В ту минуту" как-то о будущем думали мало и многого не предвидели. Обсудив "условия" поддержки Советом вновь образующейся власти, Совещание перешло к рассмотрению "требований" ценовиков, которые в формулировке Суханова сводились к требованию заявления со стороны Совета, что новое правительство "образовалось по соглашению с Советом", и принятия Исп. Ком. соответствующих мер для водворения спокойствия и особенно в налаживании контакта между солдатами и офицерами. Это не вызвало возражений, и в дальнейшем советские делегаты были информированы о предположениях на счет личного состава правительства, при чем, по словам Суханова, имя представителя демократии Керенского не было упомянуто.

Во время беседы Соколов принес составленную в алармистских тонах прокламацию, которая выпускалась Гучковым от имени объединенной военной комиссии, им возглавленной. Хотя "ничего особенно страшного" в прокламации не было, делегаты Совета заволановались и указали на несвоевременность таких воинствующих выступлений, принимая во внимание, что Совет в целях соглашения снял с очереди свои военные лозунги. И здесь возражений не последовало, и думские

представители согласились на задержание прокламации. Решено было сделать перерыв для того, чтобы Временный Комитет мог обсудить отдельно намеченные пункты соглашения. По предложению Миллюкова во время перерыва советские делегаты должны были заняться составлением декларации для опубликования ее совместно с декларацией Правительства. Постановлено было собраться через час, т. е. около 5 час. утра. Когда Суханов возвращался в помещение, занятое Исп. Ком., он встрѣтил в коридоре Гучкова, который только теперь направлялся в думский Комитет. Суханов сообщил Гучкову о судьбе его прокламации и изложил мотив ее задержания: "Гучков выслушал, усмѣхнулся и, ничего не сказав, пошел дальше". В Исп. Ком. Суханова ждал новый сюрприз. Появился листок, выпущенный совместно петербургской организацией соц. рев., руководимой большевизанствующим Александровичем, сторонником "социалистической власти немедленно", и "междурейонцами". Прокламация была направлена против офицеров. "Теперь, когда вы возстали и побѣдили — гласило воззвание к солдатам — к вам приходят... бывшие враги офицеры, которые называют себя вашими друзьями. Солдаты, лисий хвост нам страшнее волчьего зуба". Для того, чтобы "не обманули дворяне и офицеры — эта романовская шайка — возьмите власть в свои руки, выбирайте сами взводных, ротных и полковых командиров... Все офицеры должны быть под контролем ротных комитетов. Принимайте к себе только тех офицеров, которых вы знаете, как друзей народа". Слухи о прокламации проникли в думскую половину Таврического дворца. "Как буря" влетѣл Керенский, обвиняя издателей прокламации в провокации. В объективной оценке факта сходились все, и наличный состав Исп. Ком. решил задержать и эту прокламацию до решения Исп. Ком. на следующий день...

На сцену выдвинулись другие осложнения. Вновь появившийся Керенский сообщил, что "соглашение сорвано", что ценовики не соглашались "организовать правительство" при создавшихся условиях. Оказалось, что Соколов по собственной инициативе написал проект декларации и огласил ее в среде Думского Комитета*).

Она была неудачна — признает Суханов. Посвятив декларацию целиком выяснению перед солдатами физиономии офицерства, Соколов сделал это в тонах, которые давали основание для вывода, что никакого контакта с офицерами быть не может. В думском помещении, куда немедленно направился Суханов, уже не было "почти никого из прежних участников или зрителей Совещания", и только за столом сидѣли Миллюков и Соколов — Миллюков передѣлывал соколовскую декларацию: "никаких слѣдов от какого-либо инцидента"... не было. Впоследствии Суханову говорили, что дело было вовсе не в неудачном тексте проекта Соколова, а в том, что Гучков "устроил род скандала" своим коллегам, и что он отказался участвовать в Правительстве, которое лишено права высказываться по "кардинальному вопросу своей будущей политики", т. е. о войне. "Выступление Гучкова — пишет Суханов — произвело перетурбацию и возможно, что оно, действительно, подорвало тот контакт, который, казалось, уже обеспечивал образование правительства на требуемых нами основах". То, что говорили Суханову, подтвер-

*) Этот человек вообще спланировал с инициативой — по записи Гиппиус ему приписывается и редакция согласительных пунктов, написанных будто бы его собственной рукой.

*) Напр., в биографии кн. Львова, написанной Полнером.

ждает и Милюков в своей истории: “когда всё эти переговоры были уже закончены, поздно ночью... приехал А. И. Гучков, прошедший весь день в сессиях с военными частями и в подготовке обороны столицы на случай ожидавшегося еще прихода войск, посланных в Петроград по приказу Николая II. Возражение Гучкова по поводу уже состоявшегося соглашения побудило оставить весь вопрос открытым”. “Только утром следующего дня, по настоянию М. В. Родзянко, П. Н. Милюков возобновил переговоры”. Это утро следующего дня в изображении Суханова наступило через час. Инцидент с выступлением Гучкова, которого мы еще коснемся, влияния на соглашение не имел. Гораздо большее разполагание у Милюкова и Суханова имеется в вопросе о советской декларации, которую отчасти написал, отчасти редактировал сам Милюков. Эта декларация в окончательном виде состояла из трех абзацев. Ее начал писать Суханов, продолжил, очевидно, Соколов, текст которого и был заменен текстом Милюкова. “Товарищи и граждане, — писал Суханов: приближается полная победа русского народа над старой властью. Но для победы этой нужны еще громадные усилия, нужна исключительная выдержка и твердость. Нельзя допускать разединения и анархии. Нужно немедленно пресекать все безчинства, грабежи, врывания в частные квартиры, расхищения и порчу всякого рода имущества, беспорядочные захваты общественных учреждений. Упадок дисциплины и анархия губят революцию и народную свободу”. *“Не устранена еще опасность военного движения против революции”* — заканчивал Милюков: “Чтобы предупредить ее, весьма важно обеспечить дружную согласованную работу солдат с офицерами. Офицеры, которым дороги интересы свободы и прогрессивного развития родины, должны употребить все усилия, чтобы наладить совместную деятельность с солдатами. Они будут уважать в солдатах его личное и гражданское достоинство; будут бережно обращаться с чувством чести солдата... С своей стороны солдаты будут помнить, что армия сильна лишь союзом солдат и офицерства, что нельзя за дурное поведение отдельных офицеров клеймить всю офицерскую корпорацию. Ради успеха революционной борьбы надо проявить терпимость и забвение несущественных проступков против демократии тех офицеров, которые присоединились к той решительной борьбе, которую вы ведете со старым режимом”. К этому тексту прибавлено было введение, написанное Стекловым: “Новая власть, создающаяся из общественно умренных слоев общества, объявила сегодня о всех тех реформах, которых она обязуется осуществить частью еще в процессе борьбы со старым режимом, частью по окончании этой борьбы. Среди этих реформ некоторые должны приветствоваться широкими демократическими кругами: политическая амнистия, обязательство принять на себя подготовку Учредительного Собрания, осуществление гражданских свобод и устранение национальных ограничений. И мы полагаем, что в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью — демократия должна оказать ей свою поддержку”. Милюков утверждает, что первая часть была добавлена на другой день, после обсуждения соглашения в Совете, и что в этих словах сказались “подозрительность”, с которой Совет общался правительству поддержку. Здесь была принята “впервые та знаменитая формула: “постоль-

ко-поскольку”, которая заранее ослабляла авторитет первой революционной власти среди населения”. Из не совсем определенных указаний Суханова вытекает, что этот абзац был введен после его ухода Стекловым, продолжавшим совещаться с Милюковым. С категоричностью можно утверждать лишь то, что “на другой день” (вряд ли в ту же ночь) при окончательной редакции приведенного *in extenso* текста введение было санкционировано Милюковым без протеста (в Совете соглашение обсуждаться еще не могло).

Если сравнить рассказ Суханова (с добавлениями, взятыми у Милюкова) с рассказом Шульгина о том, что происходило в ночь с 1-го на 2-е, ясно будет, почему приходится безоговорочно отвергнуть драматическое изложение последнего. Упомянув о “грызят” Вр. Ком. с “возрастающей наглостью” Исполкома, Шульгин сообщает, что “вечером додумались пригласить в Комитет Гос. Думы делегатов от Исполкома, чтобы договориться до чего-нибудь”. Всем было ясно, что возрастающее двоевластие представляло грозную опасность. В сущности вопрос стоял — “или мы или они”. Но “мы не имели никакой реальной силы”. И вот пришли трое — “какие-то мерзавцы”, по слишком образной характеристике мемуариста. “Я не помню, с чего началось”... но “явственно почему-то помню свою фразу: одно из двух — или арестуйте всех нас... и правьте сами. Или уходите и дайте править нам”... “За этих людей взялся Милюков”. “С упорством, ему одному свойственным, он требовал от них написать воззвание, чтобы не дѣлали насилья над офицерами”...

“Чтобы спасти офицеров, мы должны были чуть не на коленях молить “двух мерзавцев” из жидов и одного “русского дурака” (слова эти почему-то берутся в кавычки!)... Мы, “всероссийские имена”, были бессильны, а эти “неизвестно откуда взявшиеся” были властны решить, будут ли этой ночью убивать офицеров”*). И “сбодласный” Милюков должен был убажидать, умолять, заклинять. “Это продолжалось долго, бесконечно”. Затем начался столь же бесконечный спор насчет выборного офицерства. Наконец, пошли писать (все же “трое”). Написали. “Засѣдание возобновилось... Началось чтение документа. Он был длинен. Девять десятых его были посвящены тому, какие мерзавцы офицеры... Однако, в трех последних строках было сказано, что все-таки их убивать не следует... Милюков вѣдился в них мертвой хваткой... Я не помню, сколько часов это продолжалось... Я совершенно извелся и перестал помогать Милюкову... Направо от меня лежал Керенский... в состоянии полного изнеможения... Один Милюков сидел упрямый и свѣжий. С карандашом в руках он продолжал грызть совершенно безнадежный документ... Мне показалось, что я слышу слабый запах эфира... Керенский, лежавший пластом, вскочил, как на пружинах... Я желал бы поговорить с вами... Это он сказал тем трем: Рязко, тем безапелляционным, шекспировским тоном, который он усвоил в последние дни... — Только наедине!... Идите за мной!... Через четверть часа дверь “драматически” раскрылась. Керенский блѣдный, с

*) Еще днем Суханов совместно со Стекловым составил воззвание к солдатам против самосудов и насилья над офицерами. Оно не было напечатано в «Известиях», так как наборщики отказались набирать его, найдя, что оно стоит в каком-то «противоречии» с одновременно набравшимся «приказом № 1». Так, по крайней мере, говорит Суханов.

горящими глазами: представители Исп. Ком. согласны на уступки... Трое снова стали добычей Милюкова. На этот раз он быстро выработал удовлетворительный текст... Бросились в типографию. Но было уже поздно: революционные наборщики прекратили уже работу. Было два-три часа ночи"... *Ничего подобного не было.* Впрочем сам Шульгин замечает: "я не помню"... "Тут начинается в моих воспоминаниях кошмарная каша". И это вопли соответствует тому, что мы читаем в напечатанных воспоминаниях Шульгина. От всех переговоров в ночь на 2-е марта у Шульгина осталось впечатление, что рѣчь шла только о каком-то умиротворяющем воззвании к солдатам*).

Больше, чѣм произвольное, изложение мемуариста сопровождается определенным акомпаниментом, мало соответствующим настроением, который господствовал в эту ночь. Они, надо думать, в действительности не отвѣчали тогдашнему самочувствию самого Шульгина. В 28 году Шульгину были отвратительны призывы: "свобода, свобода, свобода — до дури, до рвоты". Свои эмигрантскія переживания он переносит в годы, о которых рассказывает, как мемуарист. По воспоминаниям он с первого часа революції мечтал о том, как бы "разогнать всю эту сволочь", всю эту "многотысячную толпу", имѣвшую "одно общее неизрѣченно гнусное лицо": "еѣдь это — были воры в прошлом (?), грабители в будущем". "Как я их ненавиѣл!" Умереть, "лишь бы не видѣть отвратительнаго лица этой гнусной толпы, не слышать этих мерзостных рѣчей, не слышать воя этого подлаго сброда". "Ах, пулеметов — сюда, пулеметов!" — вот "чего мнѣ хотѣлось, ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпѣ, и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшася на свободу страшнаго звѣря. Увы! — этот звѣрь был... Его Величество русскій народ". Такими образами буквально переполнены страницы, посвященныя февральским дням, при чем сокращенныя цитаты дают лишь блѣдную копію всех перлов литературнаго краснорѣчія автора воспоминаний. Конечно, может быть, таквы и были подлинныя чувства праваго націоналиста. Если это было так, то Шульгин, очевидно, в революціонной столицѣ умѣл тогда скрывать свои настроения. (Мы увидим, что в Псковѣ, как свидѣтельствует официальная записка, Шульгин выявил свой облик довольно близко к тому, что он пишет в воспоминаниях). Иначе совершенно непонятно, как мог бы Керенскій получить впечатлѣніе, что в тѣ дни Шульгин проявлял « *un esprit révolutionnaire sincère* »? Как мог самый правый член думскаго комитета числиться в кандидатах революціоннаго правительства? — "он мог войти в правительство, если бы захотѣл", — говорит Милюков, но "отказался и предпочел остаться в трудную минуту для родины при своей профессіи публициста". Иным, чѣм в существенных воспоминаниях, рисуется Шульгин в часы переговоров и Соханову, в изложеніи котораго Шульгин, рекомендуясь монархистом, "был мягче Милюкова, высказывая лишь свои общіе взгляды по этому предмету" и

*) Сцену ухода Керенским Соколова (а не всех делегатов) для частной бесѣды, отмѣчает в воспоминаниях и Вл. Львов, ставя это внушеніе в связь с «приказом № 1», к составленію котораго Соколов был причастен (см. ниже). Возможно, что это было по линіи масонства, связывавшей обоих дѣятелей лѣваго крыла тогдашней предреволюціонной общественности. (См. мою книгу «На путях к дворцовому перевороту»).

пе выражая никаких "ультимативных" требованій. Сопартнер Суханова при починных переговорах, Стеклов в докладѣ, сдѣланном в Совѣщаніи Совѣтов, характеризуя "перерожденіе в дни революціоннаго пожара в вихрѣ революціонных событій психологіи... группы ценовых буржуазных слоев", упоминал о Шульгинѣ, который, выслушав текст одного из пунктов платформы, опредѣлившей ближайшую дѣятельность будущаго временнаго правительства — "принять немедленно мѣры к созыву Учр. Собранія"... "потрясенный встал с своего мѣста, подошел и заявил: "Если бы мнѣ сказали два дня тому назад, что я выслушаю это требованіе и не только не буду против него возражать, но признаю, что другого исхода нѣтъ, что эта самая рука будет писать отреченіе Николая II, два дня назад я назвал бы безумцем того, кто бы это сказал, и себя считал бы сумасшедшим, но сегодня я ничего не могу возразить. Да, Учред. Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія". Не один Шульгин был в таком настроеніи. Стеклов утверждал, что Родзянко также "потрясенный" событіями, которыя для него "были еще болѣе неожиданны, чѣм для нас", слушая "ужасные пункты", говорил: "по совѣсти ничего не могу возразить". Очевидно, общій тон переговоров здѣсь передан значительно вѣрнѣе, нежели в личных воспоминаніях Шульгина. Только так переживая эти моменты, сам Шульгин позднѣе мог сказать на собраніи членов Думы 27 апрѣля: "мы спаялись с революціей", ибо не могли бы спаяться ни при каких условіях с "горсточкой негодяев и маіаков, которые знали, что хотѣли гибели Россіи", патристически настроенные люди, даже "раздавленные тяжестью свалившагося" на них бремени.

4. — Настроения перваго марта.

Послѣ крушенія "самой солнечной, самой праздничной, самой безкровной" революціи (так восторженно отзывался прибывшій в Россію французскій социалист министр Тома), послѣ того, как в густом туманѣ, заставшем политическіе горизонты, зашло "солнце мартовской революціи" — многие из участников ея не любят вспоминать о том "опьянѣніи", которое охватило их в первые дни "свободы", когда произошло "историческое чудо", именовавшееся февральским переворотом. "Оно очистило и просвѣтило нас самих" — писал Струве в № 1 своего еженедѣльника "Русская Свобода". Это не помѣшало Струве в позднѣйших размышленіях о революціи сказать, что "русская революція подстроена и задумана Германіей". "Восьмым чудом свѣта" назвала революцію в первой статьѣ и "Рѣчь". Епископ уфимскій Андрей (Ухтомскій) говорил, что в эти дни "совершился суд Божій". Обновленная душа с "необузданной радостью" спѣшила истинно вънѣ проявить свои чувства, и уже 28-го, когда судьба революціи совѣм еще не была рѣшена, улицы Петербурга переполнились тревожно ликующей толпой, не отдававшей себѣ отчета о застрашеніи днѣ*). В эти дни "многіе цѣловались" — скажет лѣвый Шкловскій. "Незнакомые люди поздравляли друг друга на улицах, христосовались будто на Пасху" — вспоминает в "Былом" Кельсон. Таково впечат-

*) «Праздничное, радостное возбужденіе» Пѣшеонов у себя на Петербургской сторонѣ отмѣтил раньше — 27-го.

лѣние и инженера Ломоносова: “в воздухѣ что-то праздничное, как на Пасху”. “Хорошее, радостное и дружное” настроеніе, отмѣчает не очень лѣво настроенный депутат кн. Мансырев. У всѣх было “праздничное настроеніе”, по характеристикѣ будущаго члена Церковнаго Собора Руднева, челоѣка умѣренно правыхъ взглядовъ. Также “безоглядно и искренно” всѣ радовались крутому выпш. прокурора Судебной палаты Завадскаго. “Я никогда не видѣл сразу в таком количествѣ столько счастливыхъ людей. Всѣ были именинниками” — пишет толстовец Булгаков *). Всегда нѣсколько скептически настроенная Гиппиус в “незабвенное утро” 1 марта, когда к Думѣ текла “лавина войск” — “стройно, с флагами, со знаменами, с музыкой”, видѣла в толпѣ все “милыя, радостныя, вѣрящія лица”. Такихъ свидѣтельствъ можно привести немало, начиная с отклика еще полудѣтскаго в дневникѣ Птанкиной, назвавшей мартовскіе дни “весеннимъ праздником”. Это вовсе не было “дикое веселье рабовъ, утратившихъ страхъ”, как опредѣлял ген. Врангель настроеніе массы в первые дни революціи. И, очевидно, соответствующее опьянѣніе наблюдалось не только в толпѣ, “влюбленной в свободу” и напоминавшей Рудневу “тетеревов на току”. Извѣстный московскій адвокат, видный член централ. комитета партіи к. д., польскій общественный дѣятель Ледницкій рассказывал, напр., в Московской Думѣ 2-го марта о тѣх “счастливыхъ дняхъ”, которые он провел в Петербургѣ. Москвичи сами у себя находились в состояніи не менѣе радужномъ: “ангелы поютъ на небесахъ” — опредѣляла Гиппиус в дневникѣ тон московскихъ газет. На вопросъ из Ставки представителя управленія передвиженіемъ войск полк. Ахшарумова 2 марта в 11 час. о настроеніи в Москвѣ — жителей и войск, комендантъ ст. Москва-Александровская без всякихъ колебаній отвѣчал: “настроеніе прекрасное, всѣ ликуютъ”. В этомъ всеобщемъ ликованіи — и повсемѣстномъ в странѣ — была вся реальная сила февральскаго взрыва **). Очевидно, ликовали не только “опредѣленно лѣвые”, какъ пытался воспользоваться утверждавъ знаменитый адвокат Карабчевскій. Недаромъ, по утверженію Вл. Львова, даже Пуришкевич в дни “мартовскаго ликованія” ходилъ с “красной гвоздикой”.

Конечно, были и пессимисты — и в средѣ не только дѣятелей исчезавшаго режима. Трудовикъ Станкевич, опредѣлявшій свое отношеніе к событіямъ формулой: “черезъ десять лѣтъ будетъ хорошо, а теперь —

*) Любопытно, что Булгаков, оказавшись в писательской средѣ Мережковскаго, нашел, что он “в первый разъ сталкивался за эти дни с такимъ мрачнымъ взглядомъ на судьбу революціонной Россіи». Дневникъ Гиппиус, если онъ точно в своихъ записяхъ передаетъ тогдашнія настроенія своего автора, отнюдь не даетъ достаточнаго матеріала для безнадѣжнаго пессимизма. Возможно, что «лѣтскіи сіяющіи», по выраженію писательницы, толстовецъ нѣсколько переоцѣнилъ законный скепсисъ язвительнаго Антона Крайняго по поводу «кислыхъ извѣстій о нарождающейся стихійности и враждѣ Совѣтовъ и думцевъ... Гиппиусъ признается, что павелъ на нихъ «ужаснѣйшій мракъ» пришедшій «въ полномъ отчаяніи и безнадѣжности» в 11 час. веч. из Думы никто иной, какъ будущій лѣвый с.-р. Иванов-Разумникъ: онъ с «полнымъ ужасомъ и отвращеніемъ» смотрѣлъ на Совѣт. Позже Иванов-Разумникъ, в странничьихъ воспоминаніяхъ, напечатанной в партійномъ органѣ «Знамя», заявлялъ, что это онъ попалъ в «штаб-квартиру будущей духовной контр-революціи».

**) Характерно, что воспоминанія о своего рода пасхальныхъ настроеніяхъ проходятъ во множествѣ мемуарныхъ откликовъ: в Кіевѣ всѣ поздравляли друг друга, какъ «в свѣтлый Христовъ день» (Оберучевъ).

черезъ недѣлю пѣшмы будутъ в Петроградѣ”, склоненъ утверждать, что “такія настроенія были, в сущности, главенствующими... Официально торжествовали, славословили революцію, кричали “ура” борцамъ за свободу, украшали себя краснымъ бантомъ и ходили подъ красными знаменами... Но в душѣ, в разговорахъ наединѣ, — ужасались, содрогались и чувствовали себя лѣтними враждебной стихіей, идущей какимъ-то невидимымъ путемъ... Говорятъ, представители прогрессивнаго блока плакали по домамъ в истерикѣ от безсильнаго стчаянія”. Такая обобщающая характеристика лишена реального основанія. Смѣло можно утверждать, что отдѣльные голоса — можетъ быть, даже многочисленныя — тонули в общей атмосферѣ повышеннаго оптимизма. Ограниченія, пожалуй, надо ввести, — какъ мы увидимъ, только в отношеніи лицъ, отвѣтственныхъ за внѣшній фронтъ, — и то очень относительно. Не забудемъ, что ген. Алексѣевъ столь рѣшительно выступавшій на Моск. Гос. Сов., все же говорилъ о “свѣтлыхъ, ясныхъ дняхъ революціи”.

“Широкія массы легко поддавались на удочку всенароднаго братства в первые дни” — признаетъ историкъ-коммунистъ Шляпниковъ.

Пусть это “медовое благолѣпіе” первыхъ дней, “опьянѣніе всеобщимъ братаніемъ”, свойственнымъ “по законамъ Маркса”, всѣмъ революціямъ, будетъ только, какъ предсказывалъ не сантиментальный Ленин, “временной болѣзью”, фактъ остается фактомъ, и этотъ фактъ накладывалъ своеобразный отпечатокъ на февральско-мартовскіе дни. И можно думать, что будущій член Временнаго Правительства, первый революціонный синодскій обер-прокуроръ Вл. Львовъ искренне “плакалъ”, наблюдая 28-го, “торжественную картину” подходившихъ к Государ. Думѣ полковъ со знаменами. “Плакали”, по его словамъ, и солдаты, слушавшіе его слащавую рѣчь: “Братцы! да здравствуетъ среди насъ единство, братство, равенство и свобода”, — рѣчь, которая казалась реалистически мыслящему Набокову совершенно пустой. Однако, окружавшая обстановка побѣдила первоначальный скептицизмъ Набокова, просидѣвшаго дома весь первый день революціи, и онъ самъ почувствовалъ 28-го тотъ подъемъ, который уже разсѣянъ былъ в атмосферѣ. Это было проявленіе того чувства имитативности, почти физическаго стремленія слиться с массой и быть заодно с ней, которое можетъ быть названо революціоннымъ психозомъ.

Колебанія и сомнѣнія должны были проявляться в средѣ тѣхъ, кто долженъ былъ “стать на первое мѣсто”, конечно, гораздо в большей степени, нежели в обывательской безответственной интеллигентной массѣ. Допустимъ, что правъ французскій журналистъ Апа, посѣщавшій по нѣсколько разъ в день Думу и писавшій в статьяхъ направляемыхъ в «Petit Parisien» *), что “члены Думы не скрываютъ своей тоски”. И тѣмъ не менѣе всеобщаго гипноза не могъ избѣжать и думскій Комитетъ. Поэтому атмосфера ночныхъ переговоровъ, обрисованная в тонахъ Шульгина, не могла соответствовать дѣйствительности. Вѣдь трудно себѣ даже представить черезъ тридцать лѣтъ, что в заключительной стадіи этихъ переговоровъ столь чуждый революціонному экстазу Милюковъ расцѣловался со Стекловымъ — такъ, по крайней мѣрѣ, со словъ Стеклова

*) Эти статьи и составляютъ какъ бы подневную запись мемуариста, принадлежавшаго к буржуазной средѣ и освѣщавшаго событія с извѣстной тенденціей.

разсказывает Суханов*). Симптомы политических разногласий двух группировок, конечно, были на лицо: их отмічала телеграмма, посланная главным морским штабом (гр. Капнистом) первого марта в Ставку (адм. Русину) и помѣченная 5 час. 35 мин. дня: "...порядок налаживается с большим трудом. Есть опасность возможности раскола в самом Комитетѣ Г. Д. и выдѣленія в особую группу крайних лѣвых революціонныхъ партій и Совѣта Раб. Деп.", но эти разногласія в указанной обстановкѣ вовсе не предугазывали еще неизбежность разрыва и столкновенія, на что возлагала свои надежды имп. Алек. Фед. в письмѣ к мужу 2-го марта: "два теченія — Дума и революціонеры — двѣ змѣи, которые, как я надѣюсь, отгрызут друг другу голову — это спало бы положеніе".

Надо признать довольно бесплодную попытку учесть сравнительно удѣльный вѣс того и другого революціоннаго центра в условіяхъ уличныхъ волненій первыхъ дней революціи — и совершенно бесплодна такая попытка со стороны лиц, не проникавших по своему положенію в самую гущу тогдашнихъ настроеній массоваго столичнаго жителя и солдатакой толпы. Талантливый мемуарист проф. Завадскій совершенно увѣрен, что звѣзда "примостившагося" к Гос. Думѣ Совѣта Раб. Деп. "меркла в первое время в лучахъ думскаго комитета" и что "временный комитет Думы обладал тогда такою полною властью духовной и физической, что безъ существенныхъ затрудненій могъ взять подъ стражу членовъ совѣтскихъ комитетов". Такія слишкомъ субъективныя позднѣйшія оцѣнки (Завадскій ссылается на "впечатлѣніе многихъ уравниловенныхъ" и на его взглядъ "не глупыхъ людей") не имѣютъ большого историческаго значенія уже потому, что этотъ вопросъ просто не могъ тогда возникнуть в сознаніи дѣйствовавшихъ лицъ — и не только даже в силу отміченныхъ идеалистическихъ настроеній. По утвержденію Шульгина подобная мысль не могла придти в голову уже потому, что в распоряженіи Комитета не было никакихъ "вооруженныхъ людей"***). По позднѣйшему признанію Энгельгардта, сдѣланному Куропаткину в маѣ, онъ былъ "хозяиномъ лишь первые шесть часовъ". Лишь очень поверхностному и случайному наблюдателю могло казаться, что весь Петербургъ в рукахъ комитета Гос. Думы. Такъ докладывалъ 2-го прибывшій в Москву в исключительно оптимистическомъ настроеніи думскій депутатъ, членъ партіи к. д., проф. Новиковъ (это отмітилъ № 3 Бюллетеня Ком. Общ. Організ.). "Спасти русскую государственность", какъ нѣсколько высокопарно выражается Керенскій, Врем. Комит. безъ содѣйствія Совѣта было крайне трудно. Совѣтъ, по своему составу естественно стоявшій

в большой непосредственной близости к низамъ населенія, легче могъ вліять на уличную толпу и вносить нѣкоторый "революціонный" порядокъ в хаосъ и стихію. Отрицать такое организующее начало Совѣта в первые дни можетъ только тотъ, кто в своемъ предубѣжденіи не желаетъ считаться с фактами*). Подобное сознаніе неизбежно само по себѣ заставляло избѣгать столкновенія и толкало на сотрудничество. Также очевидно было и то, что безъ активнаго содѣйствія со стороны Совѣта думскій комитетъ, связавшій свою судьбу, судьбу войны и страны с мятежомъ, не могъ бы отразить подавленіе революціи, если бы извнѣ не организовалась такая контр-революціонная правительственная сила. А в ночь с 1-го на 2-е марта для Временнаго Комитета совершенно неясно было, чѣмъ закончится походъ ген. Иванова, лишь смутныя и противорѣчивыя свѣдѣнія о которомъ доходили до Петербурга. Довольно показательно, что именно по инициативѣ Милюкова в согласительную декларацію от Совѣта, выработанную в ночномъ совѣщаніи, было введено указаніе на то, что "не устранена еще опасность военнаго движенія" противъ революціи. Эта опасность служила не разъ темой для рѣчей Милюкова, обращенныхъ к приходившимъ в Тавричeskій дворецъ воинскимъ частямъ. Такъ, напр., по тогдашней записи 28-го лидеръ думскаго комитета, обращаясь къ лейб-гренадерамъ, говорилъ: "Помните, что врагъ не дремлетъ и готовъ стереть насъ с вами с лица земли"***). Вѣроятно, в ночь на второе отсутствовавшій на переговорахъ Гучковъ, кандидатъ в военное министерство и руководитель военной комиссіи Вр. Комитета, пытался, если не организовать защиту, какъ утверждалъ в своей рѣчи 2-го Милюковъ, то выяснить положеніе дѣлъ со стороны возможной обороны. Надо было обезвредить Иванова и избѣжать гражданской войны.

Неопредѣленная обстановка, вопреки всѣмъ схемамъ и теоретическимъ предположеніямъ, накладывала и во Временномъ Комитетѣ отпечатокъ на переговоры, которые велись с нимъ от имени Исп. Ком. Совѣта. Этотъ отпечатокъ довольно ясно можно передать записью в дневникѣ Гиппиусъ, помѣчанной 11 час. 1-го марта: "весь вопросъ в эту минуту: будетъ ли создана власть или не будетъ. Совершенно понятно, что... ни одинъ изъ Комитетовъ, ни думскій, ни совѣтскій, властью стать не можетъ. Нужно что-то новое, третье..." "Нужно согласиться — записываетъ передъ тѣмъ писательница — и не черезъ 3 ночи, а именно в эту ночь". "Вожаки Совѣта" и "думскіе комитетчики" "обязаны идти на уступки"... "Безыходно, они понимаютъ"... "положеніе безумно острое". По записямъ Гиппиусъ, сдѣланнымъ на основаніи информации, которую "штабъ" Мерекжовскихъ получалъ от Иванова-Разумника (преимущественно, однако, в передачѣ Андрея Бѣлаго) можно заключить, что в теченіе всего перваго марта шли непрерывные переговоры о конструкціи власти между "во-

*) Эту сантиментальную сцену нельзя не сопоставить с послѣдующей трагической тогдашняго «душевнаго состоянія» лидера ценовой общест-венности, данной Алдановымъ в историческомъ этюдѣ «Третье марта», который былъ напечатанъ в юбилейномъ сборникѣ в честь Милюкова. Писатель говоритъ (какъ будто бы со словъ самого Милюкова) о «ужасныхъ подозрѣніяхъ» Милюкова, которыя в «глубинѣ души» шевелились — велъ ли онъ политическіе переговоры с представителями «революціонной демократіи» или передъ нимъ были «германскіе агенты» (!).

**) Однако, по словамъ того же мемуариста, нѣчто в этомъ родѣ пришло в голову черезъ нѣсколько дней члену Гос. Думы казаку Караулову. Онъ задумалъ «арестовать всѣхъ» и объявить себя диктаторомъ. Но, когда, онъ повелъ такія рѣчи в одномъ наиболѣе «надежномъ полку», онъ увидѣлъ, что, если онъ не перестанетъ, то ему самому не одобровать.

*) В свое время это организующее значеніе отмітилъ Милюковъ, относившійся с рѣзкимъ отрицаніемъ къ захватническимъ тенденціямъ руководителей Совѣта.

**) Яркій примѣръ того, какъ позднѣйшіе биографы неточно передаютъ настроенія своихъ героев в смутные дни революціи. В упомянутой юбилейной памятке Алдановъ пишетъ о Милюковѣ: «Со своимъ обычнымъ видомъ «смотряще бодро» онъ говорилъ солдатамъ об открывающейся передъ Россіей новой свѣтлой жизни, и видѣніе близкой гибели Россійскаго государства складывалось в немъ все яснѣе».

жаками совѣта" и "думцами-комитетчиками" и "все отчетливѣе" выяснялся "разлад" между Врем. Комитетом и Совѣтом. Напр., под отмычкой "8 час." можно найти такую запись: "Борѣ телефонировал из Думы Ив. Разумник. Он сидит там в видѣ наблюдателя, вклеиваго между Комитетом и Совѣтом, слѣди, должно быть, как развертывается это историческое, двуглавое засѣданіе". Такое представленіе, как бы опровергающее версію Сухацова, будет, очевидно, очень не точно. Дѣло может идти лишь о том "неуловимом" контактѣ, который неизбежно устанавливался между двумя дѣйствующими "параллельно" крыльями Таврическаго дворца и сводился к частным разговорам и официальной информации. Никаких конкретных данных, свидѣтельствующих о том, что члены думскаго комитета были болѣе или менѣе осведомлены о теченіях, намѣчавшихся в Совѣтѣ, мы не имѣем. Скорѣе приходится предположить, что дѣятели Комитета не имѣли представленія о том, что при обсужденіи программнаго вопроса в совѣтских кругах была выдвинута нѣкоторой группой идея коалиціоннаго правительства. По собственной инициативѣ люди "прогрессивнаго блока" такой идеи выдвинуть не могли, ибо они по своей психологіи туго осваивались с тѣм новым, что вносила революція — органически "еще не понимали" — как записывает Гиппиус —, что им суждено дѣйствовать во "время" и в "стихию революціи". Невѣрный учет происходивших событий искривлял историческую линію — быть может, единственно правильную в то время. В ночь, когда двѣ руководящія в революціи общественныя группы вырабатывали соглашеніе, никто не поднял вопроса о необходимости попытаться договориться по существу программы, которая должна быть осуществлена в ближайшее время. Известная договоренность, конечно, требовала и другого состава правительства. "Радикальная" программа, которая была выработана, являлась только выѣшней оболочкой — как бы преддверіем к свободной дискуссіи очерченных социально-политических проблем. В дѣйствительности получался гнилой компромисс, ибо за флагом оставались всѣ вопросы, которые неизбежно должны были выдвинуться уже на другой день.

Возможен ли был договор по существу при выѣшне диаметрально противоположных точках зрѣнія? Не должен ли был трезвый ум во имя необходимаго компромисса заранѣе отвергнуть утоніи? Как ни субъективен будет отвѣг на вопрос, который может носить лишь предположительный характер, подождем с этим отвѣтом до тѣх пор, пока перед нами не пройдет фильмовая лента фактов, завершивших собой событія рѣшающей ночи. В них, быть может, найдем мы прямое указаніе на то, что в тогдашней обстановкѣ не было презумпціи, предусказывающей невозможность фактическаго соглашенія. Можно констатировать один несомнѣнный факт: вопрос, который представлялся кардинальным для хода революціи, не был в центрѣ вниманія современников. Объяснить это странное явленіе макиавелистической тактикой, которую примѣняли обѣ договаривающіяся стороны, желая как бы сознательно обмануть друг друга — так вытекает из повѣствованія мемуаристов — едва ли возможно... Наложили свой отпечаток на переговоры ненормальные условія, в которых они происходили... Никто не оказался подготовленным к революціи — во всяком случаѣ в тѣх формах, в которых она произошла. Всѣ вопросы пришлось таким образом разрѣшать ех abrupto в обстановкѣ чрезвычайной умственной и физической пере-

утомленности, когда лишь "нѣсколько человек", по выраженію Шульгина, "в этом ужасном сумбурѣ думали об основных линіях". Но и эти "нѣсколько человек" отнюдь не могли спокойно проанализировать то, что происходило, и болѣеплыли по теченію. Вдуматься в событія им было некогда. Вѣдь с перваго дня революціи общественных дѣятелей схватил какой-то по истинѣ психоз говоренія: "только лѣннинъ не говорил тогда перед Думой" (Карабчевскій). Автор одного из первых историко-психологических очерков русской революціи, озаглавленнаго "Русскій опыт", Рысс писал, что будущій историк первый фазис революціи будет принужден назвать "періодом рѣчей". Керенскій вспоминает, какое величайшее удовлетвореніе доставляла ему возможность произносить слова о свободѣ освобождающемуся народу. Вѣроятно, не один Керенскій — оратор по призванію и профессіи — испытывал такое ощущеніе потребности высказаться*). И только в послѣдствіи начинало казаться, что дѣлали они это поневолѣ, чтобы "потоком красивых слов погасить стонъ возбужденія или наоборот пожаром слов поднять возбужденіе". По выраженію американскаго наблюдателя илж. Рута, прибывшаго в Россію с желѣзнодорожной миссіей, Россія претерпѣла в націю из 180 милліонов ораторов. Этого психоза далеко не чужд был и тот, кто по общему признанію доминировал в рядах "цензурной общественности" и был вдохновителем политической линіи Временнаго Комитета. Сам Миллюков охотно воспользовался антитезой біографа кн. Львова, противопоставившаго в революціи "чувство" Керенскаго "уму" Миллюкова. Приходится, однако, признать, что синтетическій ум Миллюкова не сыграл в рѣшающую ночь должной роли и не только потому, что Миллюков, как записывала та же Гиппиус, органически не мог понять революціи.

Отрицательные результаты недоговоренности сказались очень скоро. В ближайшіе же дни неопредѣленность в вопросѣ об юридическом завершеніи революціи, о формах временной правительственной власти и о методѣ дѣйствія согласившихся сторон создала трудное положеніе. Это роковым образом прежде всего сказалось на судьбах отрешагося от престола монарха.

*) Это не было и специфической чертой интеллигенціи. В одном из послѣдующих документов революціи (доклад депутатов в Врем. Комитетѣ о поѣздках в провинцію) зарегистрирован яркій бытовой облик деревенскаго оратора, пріѣхавшаго из центра односельчанина: «говорит, говорит — умо-рится; сядет, закроет глаза и сидит, пока не отойдет немного, отошел — опять начинается, пока опять из сил не выбьется».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА

1. Не состоявшаяся поездка Родзянко.

В предварительных ночных переговорах представители думского комитета отвергли непродуманную формулу решения вопроса о государственной власти, предложенную делегатами Совета, — отвергли потому, что Врем. Ком., по словам Милюкова, уж *предпринимал* меры к замѣнѣ Николая II Михаилом. К сожалѣнію, Милюков сам не разсказал, какіе были сдѣланы в этом отношеніи конкретные шаги, и потому остается неизвѣстным, что именно имѣл в виду здѣсь историк-мемуарист. Представители революціонной демократіи, как пытаются утверждать мемуаристы и историки лѣваго сектора нашей общественности, вообще не интересовались в это время Царем и династіей, “не придавая всей этой политической вознѣ никакого значенія” (Чернов). До такой степени все “само собой разумѣлось”, вплоть до “низложенія Николая II”, что в “эти дни, — вспоминает Суханов, — никто из нас не заботился о практическом и формальном осуществленіи этого “акта”: никакія усилія, никакая дипломатія, никакія козни “праваго крыла” тут ничего не могли измѣнить ни на іоту”.

В дѣйствительности такое отношеніе объяснялось в гораздо большей степени неопредѣленностью положенія, когда практически не исключалась возможность даже гораздо большаго компромисса, чѣм тот, который формально представителями демократіи намѣчался в часы ночных переговоров. В “записках” Суханова имѣется одно мемуарное отступление, как-будто вѣрно передающее настроеніе нѣкоторых кругов демократіи: “я даже немного опасался, как бы вопрос о династіи не вытѣснил в порядкѣ дня проблему власти, разрѣшавшуюся совершенно независимо от судьбы Романовых. В этом послѣднем ни у кого не было сомнѣній. Романовых можно было *возстановить*, как династію, или использовать, как монархическій принцип, но их никак нельзя было уже принять за фактор созданія новых политических отношеній в странѣ”. Современники передают (в частности, Зензинов), что сам Суханов в эти первые дни в интимных бесѣдах не проявлял большого политическаго ригоризма, считая кандидатуру в. кн. Михаила фактически вполне благопріятствующей для “дальнѣйшей борьбы демократіи”, т. е. допуская, что отреченіе имп. Николая II может и не предвѣщать собой еще “формы правленія” в ближайшем будущем. Составители “Хроники февральской революціи”, сами непосредственно участвовавшіе в совѣтской работѣ того времени, формулировали вопрос так: “поглощенный непосредственной организационной работой в городѣ, он (т. е. Исп. Ком.) *как-то* не интересовался вопросом о формѣ власти, о Царѣ, династіи. Предполагалось, что вопросы этого ро-

да входят, естественно, в компетенцію Врем. Комитета”. Позднѣйшія утвержденія (их можно найти у Чернова и др.), что “цензовая демократія” скрывала от “совѣтской демократіи” свои переговоры со старой властью, надо считать ни на чем не основанными... Косвенныя данныя указывают на то, что дѣятели Исп. Ком. были в достаточной мѣрѣ осведомлены о “закулисных переговорах”. Это не дѣлалось официально, как и все в тѣ дни... И, быть может, разговоры в “частном порядкѣ”, как выражается большевицкій историк Шляпников, являвшіеся суррогатом открытой и определенной постановки вопроса, надо признать одной из роковых черт тактики первых дней революціи.

Опираясь, очевидно, главным образом на показанія Суханова, авторы “Хроники” говорят, что вопрос о Царѣ перед Исп. Ком. встал “совершенно случайно” утром 1-го марта в связи с предполагаемой поездкой Родзянко на ст. “Дно” для непосредственных переговоров с носителем верховной власти. Родзянко не мог же выѣхать, так как “желѣзнодорожники не дали ему поѣзда без разрѣшенія Исп. Ком.” Из праваго крыла Таврическаго дворца для урегулированія недоразумѣній был прислан нѣкій полковник. “Вопрос о поѣздѣ Родзянко был рѣшен очень быстро одним дружным натиском”, — утверждает Суханов. Он лично говорил: “Родзянко пускать к Царю нельзя. Намѣреній руководящих групп буржуазіи, “прогрессивнаго блока”, думскаго комитета мы еще не знаем и ручаться за них никто не может. Они еще ровно ничѣм всенародно не связали себя. Если на сторонѣ Царя есть какая-нибудь сила, — чего мы также не знаем, — то “революціонная” Гос. Дума, ставшая на сторону народа, непременно станет на сторону Царя против революціи”. Рѣшено было в поѣздкѣ Родзянко “отказаться”. Через короткое время в комнату влетѣл блѣдный уже совершенно истерзаннѣй Керенскій. На его лицѣ было отчаяніе... “что вы сдѣлали?...” — заговорил он прерывающимся, трагическим шепотом. “Родзянко должен был ѣхать, чтобы заставить Николая подписать отреченіе, а вы сорвали это... Вы сыграли в руку монархіи”. Керенскій в обморкѣ или полубоморкѣ упал на кресло*). Когда его привели в чувство, он произнес рѣчь о необходимости контакта между правым и лѣвым крыльями Таврическаго дворца и требовал пересмотра принятаго рѣшенія. В результатѣ всѣми голосами против трех поѣзд Родзянко был разрѣшен; “Родзянко, однако, не уѣхал. Времени прошло слишком много, а спарядить поѣзд было можно не так скоро”... Царь не дождался Родзянко на ст. Дно и выѣхал в Псков. Так повѣствует полумемуарист, полунисторик первых дней революціи.

Нѣтъ основанія цѣлком отвергать рассказанный эпизод, проходящій в том или другом видѣ через ряд мемуаров, — правда, с очень существенными и коренными противорѣчіями. Как всегда, эпизод приобращает особо заостренный характер у Шульгина. Этот мемуарист вообще изображает председателя Думы въѣзжающим от негодованія на “мерзавцев” из числа “собачьих депутатов”**) независимо даже от афронты, полученнаго им в первоначальном рѣшеніи Исп. Комитета фактически отмѣнить поѣздку на встрѣчу с Императором. Такая характери-

*) В такое полубоморочное состояніе Керенскій в эти дни необычайно нервнаго напряженія впал довольно часто, и это, как говорят всѣ, производило на толпу сильное гипнотизирующее впечатленіе.

**) Термин, появившійся значительно позже.

стика очень мало вяжется с отзывом, идущим с противоположной стороны, т. е. от тех именно “мерзавцев”, как образно именует чуть не попавший в революционное правительство Шульгин представителей “совѣтской” общественности. Родзянко “не был ни агрессивен, ни безтактен по отношению к Совѣту”, утверждает Суханов, рассказывая о выступлениях председателя Думы перед демонстрирующими полками; он старался “облечь в возможно болѣе дипломатическія формы, окутать демократическими лозунгами свою агитацию, направленную к одной цѣли, быющую в единый или двудеиный пункт: сплоченія вокруг Врем. Правительства для борьбы с вѣнским врагом”. Родзянко, “выполняя свою миссію добросовѣстно и удачно”, — заключает первый совѣтскій исторіограф. Для подтвержденія своей характеристики Шульгин применяет прием, явно непригодный в данном случаѣ. Он передает негодующій рассказ Родзянко о том, как послѣ очерченной его рѣчи к депутации, прибывшей из одной воинской части, один из “мерзавцев” стал задавать ему каверзные вопросы о “землѣ”. “Вот, председатель Думы все требует от вас, чтобы вы, товарищи, русскую землю спасали. Так, товарищи, это понятно... У господина Родзянко есть, что спасать... не малый кусочек у него этой самой русской земли в Екатеринбургской губерніи... Так вот Родзянкам и другим помѣщикам Гос. Думы есть что спасать... Эти свои владѣнія, княжескія, графскія и баронскія... они и называют русскою землею... А вот вы спросите председателя Гос. Думы, будет ли он так же заботиться о спасеніи русской земли, если эта русская земля... из помѣщичьей... станет вашей, товарищи” и т. д. Нѣчто подобное, очень, впрочем, далекое от пошлой демагогии и грубой красочности шульгинскаго беллетристическаго повѣствованія, произошло на собѣдованіи с одним полком, когда Чхеидзе председателю Думы, дѣйствительно, задал вопрос о “землѣ”. Родзянко тогда удачно парировал удар (Мансырев и Суханов). Но только этот діалог происходил 15 марта, а не перваго, и он тогда же нашел отклик в газетах (напр., в “Бирж. Вѣд.”). Это было, таким образом, не на третій день революціи и не в той обстановкѣ, которую мы описываем. У Шульгина вся сцена отнесена непосредственно к моменту, послѣдовавшему за отказом Исп. Ком. в поѣздѣ. Совершенно ясно, что это не мемуарный отклик, а непосредственное воздѣйствіе текста воспоминанія самого Родзянко, допустившаго хронологическую ошибку в своем позднѣйшем рассказѣ. “Сегодня утром, — добавляя, по словам Шульгина, Родзянко, — я должен был ѣхать в ставку для свиданія с Государем Императором, доложить Его Величеству, что, может быть, единственный исход отреченіе. Но эти мерзавцы узнали... и сообщили мнѣ, что ими дано приказаніе не выпускать поѣзд... Они заявили, что одного меня они не пустят, а что должен ѣхать со мной Чхеидзе и еще какіе-то... Ну, слуга покорный, — я с ними к Государю не поѣду... Чхеидзе должен был сопровождать батальон революціонныхъ солдат. Что они там учинят... Я с этим скот...” Тут Шульгина яко бы вызвали по “неотложному дѣлу”, касающемуся Петропавловской крѣпости*).

Сам Родзянко в своихъ воспоминаніяхъ ни одним словом не обмолвился об этомъ инцидентѣ, хотя забыть его едва ли он мог. Да такого

*) В рассказѣ о Петропавловской крѣпости, в котором Ш. повѣствует о своихъ личныхъ подвигахъ, он также безнадежно спутал, приписывая себѣ

эпизода и не могло быть в томъ видѣ, какъ изобразил Шульгин. Чхеидзе фактически не могъ бы сопровождать Родзянко с батальономъ солдат, если бы даже Исп. Ком. и пожелалъ принять непосредственное участіе в переговорахъ об отреченіи Царя. Он былъ бы безсиленъ отразить изволенный отрядъ на территорію, на которой центр, т. е. новая революціонная власть, не могъ еще распоряжаться желѣзными дорогами. Матеріал для фантазіи, вышедшей изъ-под пера Шульгина, очевидно, дали изданія раньше (в 1922 г.) воспоминанія другого виднаго члена прогрессивнаго блока и участника Врем. Ком. — Шидловскаго. Вотъ этотъ текстъ своеобразно и расцвѣтили беллетристическія наклонности Шульгина. Воспоминанія Шидловскаго, написанныя в другихъ, спокойныхъ тонахъ, не могутъ, с своей стороны, служить *vade mecum* при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ, хотя в данномъ случаѣ, казалось бы, мемуарист и былъ заинтересованъ в особливой точности и могъ обладать болѣе большими данными, нежели другіе свидѣтели: по его словамъ, он долженъ былъ сопровождать Родзянко в его предложенной поѣздѣ. Dichtung в этихъ воспоминаніяхъ выступаетъ с болѣею очевидностью. “Какъ-то разъ, — рассказываетъ Шидловскій (очевидно, это могло быть только 1-го утромъ), — пришелъ я во Вр. Ком. часовъ в семь утра... Сразу же Родзянко сказалъ мнѣ, чтобы я готовился черезъ часъ ѣхать вмѣстѣ с нимъ к Государю, предлагать ему отреченіе от престола” (Авторъ утверждаетъ, что к этому времени “было рѣшено” потребовать отреченіе Николая II от престола). “Вопросъ о поѣздѣ былъ рѣшенъ поздно ночью в мое отсутствіе и разработанъ былъ весьма мало. Не были предусмотрены возможность нашего ареста, возможность вооруженнаго сопротивленія вѣрныхъ Государю войскъ, а, с другой стороны, предусматривалась возможность ареста нами Государя, причемъ в послѣднемъ случаѣ не было рѣшено, куда его отвезти, что с нимъ дѣлать и т. д. Вообще предпріятіе было весьма легкомысленное... Проходитъ часъ, другой, третій, неоднократно звонили по телефону на станцію Николаевской жел. дор., спрашивали, готов ли поѣздъ, но из этого ничего не выходило, и всегда по какому-то причинамъ ничего не было готово. Наконецъ, пришелъ во Врем. Ком. председатель Совѣта Раб. Деп. Чхеидзе и объявилъ, что Совѣтъ рѣшилъ не допускать поѣздки Родзянко к Государю. Во Врем. Ком. былъ уже заготовленъ черновикъ этого документа, кажется, составленный Милокувымъ и изложенный в двухъ абзацахъ. Первый заключалъ в себѣ самое отреченіе от престола, а второй передачу его сыну. Чхеидзе было предложено ознакомиться с содержаніемъ документа здѣсь же и затѣмъ распорядиться предоставленіемъ намъ поѣзда. Чхеидзе отвѣтилъ, что он не можетъ дать своего заключенія по содержанію и формѣ документа безъ предварительнаго рассмотрѣнія его в пленумѣ Совѣта... Чхеидзе взял с собою упомянутый черновикъ и пошелъ в Совѣтъ... Время между тѣмъ шло; прошелъ день, наступила ночь, а Чхеидзе обратно не являлся. Наконецъ, поздно вечеромъ пришелъ Чх. и довѣл до нашего свѣдѣнія рѣшеніе Совѣта, который обезпечивалъ возможность поѣзда Родзянко при соблюденіи двухъ условій. Во-первыхъ, с нами долженъ поѣхать и Чхеидзе, противъ чего мы совсѣмъ не возражали, а, во-вторыхъ, Совѣтъ соглашался только на первый абзацъ нашего текста, а второй отвергалъ совершенно. Тогда Родзянко и я заявили, что такого отреченія мы Го-

то, чего не было. Опускаемъ этотъ эпизодъ, непосредственнаго отношенія к темѣ не имѣющій.

сударю не повезем... На этом предприятие и закончилось, и Родзянко никуда не поехал". Не будем специально разбирать версии, данной Шидловским, — вся необоснованность ее в деталях выступит сама по себе в дальнейшем изложении, но и так уже ясно, в каком неприличном противоречии стоит она с последовавшими затѣм ночными переговорами членов Врем. Ком. с представителями Совѣта. Никакого решения об отречении императора ночью 28-го не было принято, никакого соответствующаго документа во Временном Комитетѣ составлено еще не было, ни Испол. Ком., ни Совѣтъ подобных предложений, поступивших со стороны "цензовой общественности", не обсуждали. В хронологической мѣшанинѣ, представленной Шидловским, предложения и разговоры выданы за рѣшенія.

Один однородный мотив проходит через всѣ приведенныя версии, вышедшія с двух противоположныхъ сторон: вмѣшательство Исп. Ком. так или иначе помѣшало поѣздкѣ Родзянко. Шляпников от себя еще добавил, что послѣ инцидента с Родзянко Исп. Ком. рѣшил изолировать Царя и его семью, и группѣ членов Исп. Ком. было поручено произвести соответствующій арест. Несуразнаго утверждения мемуариста слишком очевидна: он явно спутал и постановления Исп. Ком. 3-го марта и даже 6-го, о которых рѣчь впереди, и которыя были приняты уже в иной совѣтъ обстановкѣ, отнес на первое марта. У мемуаристов лѣваго сектора инициатором возбужденія вопроса о разрѣшеніи Родзянко выступают желѣзнодорожные рабочіе: их революціонная послѣдовательность, бдительность и предусмотрительность клали де препоны закулисным компромиссным интригам буржуазіи. В февральскіе дни превносится нѣчто из обстановки познѣйшаго октябрьскаго большевистскаго переворота, когда "Викжель" играл рѣшающую роль в вопросах продвиженія поѣздов. Подобное утверждение рѣшительно противорѣчит воспоминаніям тогдашнихъ вершителей желѣзнодорожной политики — члена Гос. Думы Бубликова, назначеннаго Вр. Ком. комиссаром в мин. путей сообщ. и его помощника инженера Ломоносова. В их руках была вся инициатива.

В исторію продвиженія императорскаго поѣзда, вышедшаго из Ставки по направленію к Парскому Селу в момент полученія свѣдѣній о начавшихся безпорядках в столицѣ, надо внести существенный корректив по сравненію с трафаретным изображеніем, присущим революціонной историографіи. Царскій поѣзд в дѣйствительности без видимых затрудненій повернул с Николаевской линіи и через ст. Дно прибыл в Псков. Ниже придется вернуться к "последнему рейсу" Императора. Сейчас исторія этихъ перипетій может интересовать нас только со стороны техническихъ условій поѣздки Родзянко. Получив сообщеніе о том, что императорскій поѣзд подошел около 4 ч. утра 1 марта к ст. М. Висера на Николаевской ж. д., Бубликов запросил инструкцій от Врем. Комитета. Пока там обсуждали, что дѣлать, поѣзд повернул обратно на Бологое, куда прибыл в 9 час. утра. Из Думы послѣдовало распоряженіе: "затерзать поѣзд в Бологом, передать Императору телеграмму предсѣдателя Думы и назначить для этого послѣдняго экстренный поѣзд до ст. Бологое*). Однако, поѣзд под литерой А, не

дожидаясь "назначенія" из центра, тотчас же направился по Виндавской дорогѣ через Дно в сторону Пскова. Тогда начальствующие в желѣзнодорожном центрѣ рѣшили искусственнымъ путемъ задержать поѣзд и лишити Императора возможности "пробраться в армію". Для исторіи сохранился документ в видѣ телеграммы Бубликова нач. движенія Виндавской дороги от 11 час. утра перваго марта, в которой предписывалось загорудить товарными поѣздами какой-либо перегон "возможно восточнѣе ст. Дно и сдѣлать физически невозможнымъ движеніе каких бы то ни было поѣздов в направленіи от Бологое в Дно". "За неисполненіе или недостаточно срочное исполненіе настоящаго предписанія, — заключала телеграмма, — будете отвѣчать, как за измѣну перед отечеством**). Из этого плана ничего не вышло, и поѣзд под литерой А без осложненій продолжал свое продвиженіе.

Между тѣм на Николаевскомъ вокзалѣ в Петербургѣ стоялъ готовый экстренный поѣзд и в присутствіи самого Ломоносова ждалъ пріѣзда Родзянко. Из Думы систематически стѣсчали: Родзянко выѣдет через 1/2 часа. Время шло. Тогда, по разсказу Ломоносова, было рѣшено перехватить Императорскій поѣзд на ст. Дно, куда Родзянко должен был выѣхать по Виндавской дорогѣ. Родзянко послал "вторую телеграмму" Царю. Может быть, эта "вторая телеграмма" была в дѣйствительности единственной. — только она одна среди официальныхъ документов до сих пор опубликована. Вот ее текст: "Станція Дно. Его Императорскому Величеству. Сейчас экстреннымъ поѣздомъ выѣзжаю на ст. Дно для доклада Вам, Государь, о положеніи дѣла и необходимыхъ мѣрахъ для спасенія Россіи. Убѣдительно прошу дождаться моего пріѣзда, ибо дорога каждая минута". Ломоносов передает записку, полученную по телефону: "Литерный поѣздъ прибыл на Дно. Государь Императоръ прогуливается по платформѣ и ожидаютъ прибытія предсѣдателя Думы". В отвѣтъ на очередной звонок в Думу Ломоносов получаетъ непосредственное от Родзянко распоряженіе: "Прикажете доложить Его Величеству, что чрезвычайныя обстоятельства не позволяютъ мнѣ оставить столицу. Императорскій поѣздъ назначьте, и пусть он идет со всѣми формальностями, присвоенными императорскимъ поѣздам". Вмѣстѣ с тѣмъ якобы тут же Родзянко сообщил, что долженъ быть готов поѣзд на Псков, так как туда поѣдут "члены Думы с порученіемъ особой важности".

Воспоминанія Ломоносова вообще требуютъ поправокъ и, как увидимъ ниже, мѣстами очень существенныхъ. Последняго разговора с Родзянко в такой формѣ, как он изложенъ мемуаристомъ, не могло быть в это время. Фактически Царь, не дождавшись Родзянко на ст. Дно, приказалъ дворц. коменданту Воейкову телеграфировать предсѣдателю Думы о том, чтобы тотъ пріѣхал в Псков. Отвѣтъ Родзянко, с которымъ упоминаетъ Ломоносов, и былъ направленъ в 8 час. 41 м. веч. в Псков: "чрезвычайныя обстоятельства не позволяютъ мнѣ выѣхать, о чемъ доношу Вашему Величеству". Одно не можетъ вызвать сомнѣній в воспоминаніяхъ Ломоносова: экстренный поѣздъ ждалъ Родзянко, и эта поѣздка никакого активнаго противодѣйствія со стороны желѣзнодорожныхъ рабочихъ

*) В телеграммѣ Родзянко просилъ свиданія. «Телеграмма эта, — утверждаетъ Ломоносов, — была передана под личнымъ моимъ наблюденіемъ в Царскій поѣзд под расписку Воейкова, но отвѣта не послѣдовало».

*) Ломоносовъ передаетъ красочную сцену, как он, приставивъ револьверъ «къ животу» инж. Устругова, будущаго тов. мин. революціоннаго правительства, побуждалъ послѣдняго осуществлять планъ перерыва движенія.

не встрѣчала*). Бубликов, с своей стороны, рассказывая о “колебаниях” Родзянко, говорит, что он “держал для него под паром три экстренных поезда на каждой из прилегающих к Петербургу дорог”.

Почему же все-таки Родзянко не поѣхал? Совершенно очевидно, что обстановка, в которой происходило обсуждение поезда Родзянко в Псков, не могла помешать ему выѣхать из Петербурга для переговоров с Царем, так как версия Суханова о затыкѣ со снаряженіем экстренного поезда должна быть отвергнута. Не могло быть у Родзянко и внутреннего отталкиванія, ибо он болѣе, чѣм кто-либо, готов был выступить (и выступил в эти дни) парламентаром между верховной властью и возставшим народом. В напечатанных воспоминаніях Родзянко довольно глухо говорит, что по “сумѣ разных причин” он не имѣл возможности “ни на один миг оставить столицу”. В разговорѣ с ген. Рузским ночью с 1-го на 2-е (около 3 час.) на просьбу послѣдняго сообщить для “личнаго” его свѣдѣнія “истинныя причины” отъѣзда Родзянко в Псков**), Родзянко подробнѣе и с нѣкоторой болезнью, но очень все же недостаточной отчетливостью пояснил: “С откровенностью скажу, причины моего непріѣзда двѣ: во-первых, эпшолцы, вызванные в Петроград, взбунтовались, вылѣзли в Лугѣ из вагонов, объявили себя присоединившимися к Гос. Думѣ и рѣшили отнимать оружіе п никого не пропускать, даже литерныя поезда. Мною немедленно приняты были мѣры, чтобы путь для поезда Его Вел. был свободен, не знаю, удастся ли это; вторая причина — полученные мною свѣдѣнія, что мой отъѣзд может повлечь за собой нежелательныя послѣдствія и невозможность остановить разбушевавшіяся народныя страсти без личнаго присутствія, так как до сих пор вѣрят только мнѣ и исполняют только мои приказанія”. Событія в Лугѣ, невѣрныя свѣдѣнія о которых дошли до Петербурга, сами по себѣ не могли помешать поезду Родзянко. Поэтому приходится толковать слова Родзянко скорѣе всего так: он хотѣл сказать, что при измѣнившихся условіях отпала возможность его мирнаго посредничества; это слѣдует, как увидим дальше, из всей конъюнктуры разговора. Под “нежелательными послѣдствіями” можно, конечно, подразумевать противодействие Совѣта, но в дѣйствительности область этих “нежелательных послѣдствій” надо значительно расширить. Сопоставим двойной текст Милокова — историка и мемуариста. В качествѣ историка он ограничился лишь расплывчатой оговоркой, что “отъѣзд из Петрограда председателя Думы в то время, как только что сформировалась новая революціонная власть, признан был небезопасным”. На первый взгляд злѣсь нѣтъ двусмысленности, и замѣчаніе историка совпадает с заключеніем председателя Думы в приведенном разговорѣ с ген. Рузским. Но, как мемуарист, впоследствии Милоков пояснил, что *поездка Род-*

зянко считалась нежелательной, ибо боялись его авторитарности. “Мил. Вл. уже чувствовал себя в роли диктатора русской революціи”, — боялись, что Родзянко окажется в “сговорѣ с вождями арміи”. Другими словами, часть Думскаго Комитета, склонявшаяся уже к болѣе радикальному рѣшенію конфликта с верховной властью, выдвигала против поезда Родзянко приблизительно тѣ самые аргументы, которые, по словам Суханова, он высказывал в Исп. Ком.

В таком свѣтѣ нѣсколько по иному приходится разсматривать то, что происходило, по рассказу Суханова, в Исп. Ком. в связи с преніями по поводу поезда Родзянко на встрѣчу Царя. По утвержденію другого участника Совѣщанія, члена Гос. Думы Скобелева, Керенскій прибыл на засѣданіе не по собственной инициативѣ, а был вызван Исп. Ком., который был освѣдомлен желѣзнодорожниками*) о том, что готовится по требованію Врем. Ком. экстренный поезд. По словам Скобелева, Керенскаго вызвали для того, чтобы узнать, кто в сущности поѣдет к Царю. Керенскій усмотрѣл в этом недовѣріе к себѣ, контроль над его дѣйствіями, отвѣчал “вызывающе”... В концѣ концов, мы не знаем, что именно говорилось в Исп. Ком., но приходится усумниться, что Керенскій доказывал необходимость послать Родзянко для того, чтобы добиться отреченія Николая II. Болѣе правдоподобно предположить, что Керенскій мотивировал аргументом противоположным, т. е. тѣм, что поѣдет не Родзянко, склонявшійся к компромиссной тактикѣ. Приписывать Родзянко мысль поѣхать к Царю с предложеніем отречься от престола, как это дѣлает Шидловскій, невозможно, — днем перваго марта он психологически даже не был подготовлен к подобному радикальному рѣшенію. Какой путь намѣчал Родзянко? Вот что записал англійскій посол перваго марта: “Великій князь Михаил, проживавшій на частной квартирѣ около посольства, попросил меня зайти к нему. Он сказал мнѣ, что, несмотря на случившееся в Бологом, он все-таки ожидает, что Государь пріѣдет в Царское около 6-ти вечера, и что Родзянко предложит Его Вел. для подписи манифест, дарующій конституцію и возлагающій на Родзянко избраніе членов новаго правительства. Сам он вмѣстѣ с вел. кн. Кириллом приложили свои подписи к проекту манифеста, чтобы придать просьбѣ Родзянко больше вѣсу***). Это был тот самый проект отвѣтственнаго министерства, который был составлен 28 февраля в квартирѣ в. кн. Павла Александровича и вручен перваго марта Врем. Комитету “под расписку” Милокова. Конечно, не только Родзянко во Врем. Ком. сочувствовал такому именно разрѣшенію государственнаго кризиса, и поэтому нѣтъ основанія приписывать ему особую “собственную политику”, как это сдѣлал Щеголев в довольно развязно написанном этюдѣ “Послѣдній

*) Ломоносов пишет, что он воспроизводит запись 17-го г., но в момент опубликованія воспоминаній он был уже «большевиком», хотя и в «генеральских погонах» и, слѣдовательно, в текстѣ охотнѣе подчеркнул бы самодѣтельность пролетаріата.

**) Значеніе этой причины необходимо для дальнѣйшей нашей бесѣды. — отвѣтил Рузскій, указывая, что он был «глубоко опечален», узнав, что предполагаемая встрѣча Царя с председателем Думы, о чем он узнал непосредственно от Царя, не состоится — встрѣча, предвѣщавшая «возможность соглашения и быстрого умиротворенія родины».

*) Эти желѣзнодорожники, стоявшіе на стражѣ революціи, могли олицетворяться в добровольном помощникѣ Бубликова, б. счетоводѣ службъ сборов Стѣв.-Зап. ж. д., большевикѣ по партійной принадлежности, Рулевском, находившимся в непосредственных связях с совѣтскими кругами.

**) Характерно, что Бюкенен, связанный довольно тѣсно с лѣвым сектором думскаго комитета, сообщая 1 марта в Лондон Бальфуру, что Дума посылает в Бологое делегатов, которые должны предьявить Императору требованіе отречься от престола в пользу сына, тѣм не менѣе дѣлает оговорку: «если Император останется на престолѣ».

рейс Николая Второго*). Недаром в кн. Павел в письмѣ к своему племяннику Кириллу 2 марта отмѣчал “новое теченіе”, которое накапунѣ к *сечеру* стало намѣчаться во Врем. Комитетѣ. Он писал: “Ты знаешь, что я через Н. И.**) все время в контактѣ с Госуд. Думой. Вчера мнѣ ужасно не понравилось новое теченіе, желающее назначить Мишу регентом. Это недопустимо и возможно, что это только интриги Брасовой. Может быть, это — только *сплетни*, но мы должны быть на чеку и всячески, всѣми способами сохранить Ники престол. Если Ники подпишет манифест, нами утвержденный, о конституціи, то вѣдь этим исчерпываются всѣ требованія народа и Времен. Правительства. Переговоры с Родзянко и покажи ему это письмо***). ”

Ночной разговор Родзянко с Рузским по прямому проводу довольно отчетливо рисует психологию, на почвѣ которой родилось то “новое теченіе” во Врем. Комитетѣ, о котором говорится в письмѣ в кн. Павла. Первостепенное значеніе имѣет то обстоятельство, что разговор мы можем воспроизвести не в субъективном воспріятіи мемуаристов, а по объективному документу, который передает стенографическую записку телеграфной ленты. Значеніе документа тѣм большее, что это единственный источник, свидѣтельствующій о непосредственных переговорах Родзянко с командным составом армии сѣвернаго фронта — никаких “безконечных лент разговоров со Ставкой”, о которых сообщает Шульгин, не было. Имѣющійся в нашем распоряженіи документ аннулирует легенды, в изобилии пущенныя в обиход безотвѣстными сужденіями мемуаристов, и потому надлежит напомнить содержаніе хорошо уже извѣстнаго разговора. Рузскій передал Родзянко, что Царь согласился на отвѣтственное министерство, что порученіе образовать кабинет дается Родзянко, что спроектирован манифест, который может быть объявлен немедленно, если намѣренія Царя найдут соотвѣтствующій отклик. — “Очевидно, что Е. В. и вы не отлагаете отчета в том, что здѣсь происходит. Настала одна из страшнѣйших революцій, побороть которую будет не легко... Государственной Думѣ вообще и мнѣ в частности оставалось только попытаться взять движеніе в свои руки и стать во главѣ для того, чтобы избѣжать такой анархіи при таком разслоеніи, которая грозила гибелью государству. К сожалѣнію, это мнѣ не удалось... Народныя страсти так разгорѣлись, что сдержать их вряд ли будет возможно, войска окончательно деморализованы; не только не слушают, но убивают своих офицеров, ненависть к Государынѣ Императрицѣ дошла до крайних предѣлов; вынужден был, во избѣжаніе кровопролитія, всѣх министров, кромѣ военнаго и морского, заключить в Петропавловскую крѣпость. Очень опасаясь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитація направлена на все, что болѣе умѣренно и ограничено в своих требо-

ваніях. Считаю нужным вас освѣдомить, что то, что предлагается вами, уже недостаточно и династическій вопрос поставлен ребром. Сомнѣваюсь, чтобы возможно было с этим справиться”. На замѣчаніе Рузскаго, что “на фронтѣ” до сих пор обстановка рисовалась “в другом видѣ” и что необходимо найти средства “для умиротворенія страны”, так как анархія “прежде всего отразится на исходѣ войны”, Родзянко добавлял: “еще раз повторяю, ненависть к династіи дошла до крайних предѣлов, но весь народ, с кѣм бы я ни говорил, выходя к толпам, войскам, рѣшил твердо войну довести до побѣднаго конца и в руки нѣмцам не доваться... нигдѣ нѣтъ разногласія, вездѣ войска становятся на сторону Думы и народа, и грозное требованіе отреченія в пользу сына при регентствѣ Мих. Алекс. становится опредѣленным требованіем”... “Присылка ген. Иванова с георгіевским батальоном, — заключал Родзянко, — только подлила масла в огонь и приведет только к междоусобицѣ сраженію... Прекратите присылку войск, так как они дѣйствовать против народа не будут. Остановите ненужныя жертвы”. “Этот вопрос ликвидируется”, — пояснил Рузскій: “Иванову нѣсколько часов тому назад Государь Император дал указаніе не предпринимать ничего до личнаго свиданія... Равным образом Государь Император изволилъ выразить согласіе, и уже послана телеграмма два часа тому назад, вернуть на фронт все то, что было в пути”. Затѣм Рузскій сообщил проект заготовленнаго манифеста. Как реагирует Родзянко? — “повторю вам, что сам вишу на волоскѣ, и власть ускользает у меня из рук; анархія достигает таких размѣров, что я вынужден сегодня ночью назначить временное правительство. К сожалѣнію, манифест запоздал, его надо было издать послѣ моей первой телеграммы немедленно... время упущено и возврата нѣтъ”.

Несомнѣнно в этом разговорѣ поставлен вопрос об отреченіи, но, впервые, как “требованіе” гласа народа*). Для самого Родзянко все-таки вопрос еще окончательно не рѣшен. “Послѣднее слово, скажите ваше мнѣніе, нужно ли выпускать манифест?” — настойчиво допрашивает Рузскій. “Я, право, не знаю, — говорят Родзянко с сомнѣніем, — как вам отвѣтить? Все зависит от событій, которыя летят с головокружительной быстротой”. Едва ли Родзянко мог бы дать такой уклончивый отвѣтъ, если бы еще утром перваго марта с готовым проектом манифеста об отреченіи собирался ѣхать навстрѣчу Николаю II?

Легко усмотрѣть в информации, которую давал Родзянко Рузскому, рѣзкую двойственность — переход от крайняго пессимизма к оптимистическим выводам. “Молю Бога, чтобы Он дал сил удержаться хотя бы в предѣлах теперешняго разстройства умов, мыслей и чувств, но боюсь, как бы не было еще хуже”. И тут же, “наша славная армія не будет ни в чем нуждаться. В этом полное единеніе всѣх партій... Помогай Вам Бог, нашему славному вождю, в битвах уничтожить проклятаго нѣмца”. “Насильственный переворот не может пройти безслѣдно”, — замѣчает Рузскій: “что если анархія, о которой говорите вы, перенесется в армію... подумайте, что будет тогда с родной нацией?”. “Не забудьте, — слѣдует подать реплику Родзянко, — перево-

*) Основываясь на выше процитированных словах из воспоминаній Шульгина, Щеголев желает безуспѣшно доказать, что Родзянко пытался проникнуть к Царю «по собственному почину, без совѣщанія со своими коллегами по Исп. Ком. Гос. Думы», и что должен был «рѣскрыть свои карты, когда, по распоряженію Исп. Ком. Сов. Р. Д. ему, всемогущему Родзянко, не дали побѣзда».

**) Очевидно, пріис. пов. Иванов.

***) Кир. Влад. в отвѣтъ жаловался, что «Миша, несмотря на мои настойчивыя просьбы работать ясно и единомысленно с нашим семейством, прятается и только сообщается секретно с Родзянко».

*) Так и понял Рузскій, передавая в Ставку Алексѣеву свой разговор: «династическій вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до побѣдоноснаго конца при исполненіи предъявляемых вновь требованій относительно отреченія от престола».

рот может быть добровольный и вполне безболѣзненный для всѣх и тогда *все кончится в несколько дней*, — одно могу сказать: ни кровопролитія, ни ненужных жертв не будет, я этого не допущу”. Самоувѣренность преждевременная в обстановкѣ, которая могла грозить самому Родзянко, по его мнѣнію, Петропавловской крѣпостью! Информациія полна преувеличеній в обѣ стороны, — те в смысл нажима педали в сторону “анархіи”, то роли, которую играет в событіях председатель Думы: “до сих пор вѣрят только мнѣ и исполняют только мои приказанія”. Говорил Родзянко не по шаргалкѣ, заранѣе обдуманной, — это была импровизациія, непосредственно вытекавшая из разпорядных переживаній в сумбурную ночь с 1-го на 2-е марта. Суханов, может быть, до нѣкоторой степени и прав, указывая, что Родзянко описал положеніе дѣл под впечатлѣніем той бесѣды, которая была прервана вызовом председателя Думы для разговора по прямому проводу со Псковом. Родзянко был взволнован наличностью параллельной с думским комитетом силы. Мемуарист, по обыкновенію, сгущает краски, когда рассказывает, что Родзянко требовал от делегатов Совѣта предоставленія ему охраны или сопровожденія его самими делегатами во избѣжаніе возможности ареста. Родзянко, чуждый революціонным заговорщицким планам, должен был почувствовать с развитіем событий, как почва из-под ног его ускользала даже во Временном Комитетѣ. Дорожно мѣтко эту эволюцію, выдвигавшую на авансцену “лѣвое” крыло думскаго комитета*) в противовѣс его “октябристскому” большинству, охарактеризовали составители “Хроники февральской революціи”: “октябристы были в первые же два дня отстранены от власти, и Милюков, бывшій 27-го только суфлером Родзянко, 28-го негласным вождем, уже 1-го марта без всякой жалости разставался с Родзянко”. В лихорадочной суетлѣ, может быть, Родзянко не отдавал себѣ яснаго отчета или не хотѣл признать крушеніе своего компромисснаго плана. Отсюда преувеличенія, которыя давали повод говорить о “диктаторских” замашках и личных честолюбивых замыслах председателя Думы. Была и доля сознательной тактики в нѣкоторых из этих преувеличеній: говорил Родзянко с явной цѣлью воздѣйствовать на верховное командованіе, от котораго, дѣйствительно, в значительной степени в этот момент зависѣло “безболѣзненное” разрѣшеніе государственнаго кризиса. Родзянко, однако, проявил себя реалистом. Ночное бдѣніе, когда “ни у кого, — по утвержденію Милюкова, — не было сомнѣній, что Николай II больше царствовать не может”, убѣдило Родзянко в неизбежности отреченія от престола царствовавшего императора, и в утренніе часы 2-го марта, как мы знаем, с одной стороны, он настаивал на завершеніи переговоров с лѣвой общественностью, а с другой, писал в. кн. Михаилу: “Теперь, все запоздало. Успокоит страну только отреченіе от престола в пользу нас-

*) Термин «лѣвый», конечно, можно примѣнять лишь относительно, ибо к этому сектору принадлежат такіе люди, как Гучков и Шульгин, не говоря уже о прославленном Вл. Львовѣ, такую ядовитую характеристику котораго дал Шиндловскій: «Человѣкъ неуравновѣшенный до ненормальности. Ему во всякую минуту могла придти любая мысль, утром — лѣвая, вечером — черносотенная, и он всецѣло ей отдавался до слѣдующей мысли». Родзянко был виѣ этого «лѣваго» сектора, но, конечно, права была в тогдашней записи Гиппиус: имя Родзянко «ровно столько же не пользуется довѣріем демократіи, сколько имена Милюкова и Гучкова».

лѣдника при Вашем регентствѣ. Прошу Вас повѣлять, чтобы это совершилось добровольно, и тогда сразу все успокоится. Я лично сам нишу на волоскѣ и могу быть каждую минуту арестован и повѣшен(?!) — очевидно, словопотребленію Родзянко в то время не надо придавать большого значенія). Не дѣлайте никаких шагов и не показывайтесь нигдѣ. Вам не избѣжать регентства”...

II. «Coup d'Etat» Гучкова.

Когда Родзянко в разговорѣ с Рузским оцѣнивал “глас народный” в смыслѣ династическаго вопроса, он заглядывал в будущее, правда, очень близкое: этот “глас народный” явно еще не выражался. Династическим вопросом в массах “как-то” мало виѣшне интересовались*), и видимое равнодушіе способно было обмануть не слишком прозорливых политических дѣятелей. К числу таковых не принадлежал член Временнаго Комитета Шульгин. Он в мартовскіе дни 17 г. предвидѣл то, что позднѣе подсказывало ему необузданное воображеніе мемуариста эмигранта в 25-м году. Уже 27-го, ночью перваго дня революціи усматривая полную невозможность разогнать “сволочь” ружейными залпами, он задумывается над тѣм, как спасти “цѣною отреченія... жизнь Государя и спасти монархію”. “Вѣдь этому проклятому сброду надо убивать. Он будет убивать... кого же? Кого? Ясно. Нѣтъ, этого нельзя. Надо спасти”.

Шульгин любит драматизировать свои, иногда воображаемые, переживанія. Выступая в роли историческаго повѣствователя, он не считает нужным вдуматься в тот фактъ, что “сброд”, к которому он так презрительно относится, был совершенно чужд мысли о царевубійствѣ — в теченіе всей революціи періода Врем. Правительства мы не услышим призыва: “смерть тирану” — *нидѣ и никогда*. Но этот лозунг получал актуальное значеніе в атмосферѣ предфевральских планов дворцоваго переворота, и к нему склонялся, как утверждает в. кн. Ник. Мих., не кто иной, как націоналист Шульгин, этот “монархист по крови”, с трепетом приближавшійся к “Тому, кому послѣ Бога одному повинуются”. Поэтому так фальшиво для первых дней революціи звучат патетическія слова Шульгина. Засвидѣтельствовал предреволюціонное настроеніе волынскаго депутата в. кн. Ник. Мих. не в воспоминаніях, а в дневникѣ. 4 января 17 г. опальный историк из царской семьи, отправленный в ссылку в свое имѣніе, послѣ “бесѣды” в Кіевѣ, записал в вагонѣ поѣзда: “какое облегченіе дышать в другой атмосферѣ! здѣсь другіе люди, тоже возбужденные, но не эстеты, не дегенераты**), а люди. Шульгин, — вот он бы пригодился, но конечно, не для убійства, а для переворота! Другой тоже цѣльный тип. Терещенко... вѣрит в будущее, вѣрит твердо, увѣрен, что через мѣсяц все лопнет, что я вернусь из ссылки раньше времени... Но какаѣ злоба у этих двух людей к режиму, к ней, к нему, и опи это вовсе не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности царевубійства!” Шульгин, по его словам, никакого непосредственнаго участія в осуществленіи про-

*) «Что ... говорят о Государѣ?» — спросил ген. Дубенскій какого-то полковника, прибывшаго в Псков 2 марта с первым поѣздом из Петрограда послѣ революціонных дней. «Да о Государѣ почти ничего не говорят», — отвѣтил полковник.

**) Намек на убійство Распутина.

ектов организации дворцового переворота не принимал. Повѣрим ему, по в ходячих разговорах того времени общественные дѣятели давно уже свыклись с мыслью устранения царствовавшего монарха. И поэтому довольно естественно, что на третій день революции, когда стала понемногу выясняться складывавшаяся конъюнктура, имѣвшая уже традицію, схема стала занимать умы совершенно независимо от презумпции специфической кровожадности современных тираноборцев. “Эта мысль об отреченіи Государя была у всѣх, но как-то об этом мало говорили”, — вспоминает Шульгин... “обрывчатые разговоры были то с тѣм, то с другим, но я не помню, чтобы этот вопрос обсуждался комитетом Гос. Думы, как таковым. Он был рѣшен в послѣднюю минуту”.

Такой “послѣдней минутой” и надо считать то вмѣшательство Гучкова в намѣтившееся соглашеніе между Врем. Ком. и делегатами Совѣта, о котором рассказывал Суханов. В показаніях 2 августа Чрез. Сѣд. Ком. Гучков, говоря об участіи в подготовкѣ дворцового переворота, так формально изложил свою точку зрѣнія: ... “Самая мысль об отреченіи была мнѣ настолько близка и родственна, что с *перваго момента*, когда только что выяснились... шатаніе, а потом развал власти, я и мои друзья сочли этот выход именно тѣм, что слѣдовало искать. Другое соображеніе, которое заставляло на этом остановиться, состояло в том, что при участіи сил, имѣвшихся на фронтѣ и в странѣ, в случаѣ, если бы не состоялось добровольное отреченіе, можно было опасаться гражданской войны... Всѣ эти соображенія с самаго перваго момента, с 27-28 февраля, привели меня к убѣжденію, что нужно, во что бы то ни стало, добиться отреченія Государя, и тогда же в думском комитетѣ я поднял этот вопрос и настаивал на том, чтобы предсѣдатель Думы Родзянко взял на себя эту задачу*)... Был момент, когда рѣшено было, что Родзянко примет на себя эту миссію, но затѣм нѣкоторые обстоятельства помѣшали. Тогда 1 марта в думском комитетѣ я заявил, что, будучи убѣжден в необходимости этого шага, я рѣшил его предпринять, во что бы то ни стало и, если мнѣ не будут даны полномочія от думскаго комитета, я готов сдѣлать это за свой страх и риск, поѣду, как политическій дѣятель, как русскій человѣкъ, и буду совѣтовать и настаивать, чтобы этот шаг был сдѣлан. *Полномочія были мнѣ даны...* Я знал, что со стороны нѣкоторых кругов, стоящих на болѣе крайнем флангѣ, чѣм думскій комитет, вопрос о добровольном отреченіи, вопрос о тѣх новых формах, в которых вылилась бы верховная власть в будущем, и вопрос о попытках воздѣйствія на верховную власть встрѣтят отрицательное отношеніе”.

Из осторожных и нѣсколько уклончивых показаній Гучкова перед слѣдственной революціонной комиссіей слѣдует, что автор показаній ночью с 1-го на 2-е марта, дѣйствительно, как бы форсировал вопрос и добился рѣшенія о поѣздкѣ в Псков за отреченіем, будучи заранѣе увѣрен в противодѣйствіи со стороны совѣтских кругов. Как-будто бы это своего рода *coup d'état* в момент не окончившихся еще пере-

говоров. Так и выходит под пером Шульгина. “Кажется в четвертом часу ночи вторично пріѣхал Гучков”, — рассказывает Шульгин. “Нас был в это время неполный состав... ни Керенскаго, ни Чхеидзе не было. Мы были в своем кругу. И потому Гучков говорил совершенно свободно”. “Гучков был сильно разстроен”, — рѣчь его Шульгин изображает в излюбленной для себя манерѣ под стать своим личным позднѣйшим переживаниям. “Надо принять какое-нибудь рѣшеніе”, — говорил (“приблизительно”) Гучков. “Положеніе ухудшается с каждой минутой. Вяземскаго убили только потому, что офицер*)... То же самое происходит, конечно, и в других мѣстах. А если не происходит этой ночью, то произойдет завтра... Идучи сюда, я видѣл много офицеров в разных комнатах Гос. Думы: они просто спрятались сюда... Они боятся за свою жизнь... Они умоляют спасти их... В этом хаосѣ... надо, прежде всего, думать о том, чтобы спасти монархію... Можем ли мы спокойно и безучастно дожидаться той минуты, когда весь этот революціонный сброд начнет сам искать выход... И сам расправится с монархіей... это неизбежно будет, если мы выустим инициативу из наших рук...” И Гучков предложил “дѣйствовать тайно и быстро, ничего не спрашивая... ни с кѣм не совѣтуясь... Надо поставить их перед совершившимся фактом... Надо дать Россіи новаго государя... Я предлагаю немедленно ѣхать к Государю и провести отреченіе в пользу наслѣдника”... Шульгин вызвался сопровождать Гучкова. По словам Гучкова, он просил послать с ним Шульгина. “Я отлично понимал, — излагает послѣдній мотив своего рѣшенія, — почему я ѣду... Отреченіе должно быть передано в руки монархистов и ради спасенія монарха... Я знал, что офицеров будут убивать за то... что они захотят исполнить свой долг присяги... Надо было, чтобы сам Государь освободил их от присяги. Я знал, что в случаѣ отреченія в наши руки, революція как бы не будет. Государь отречется от престола по собственному желанію, власть перейдет к Регенту, который назначит новое правительство. Государственная Дума... передаст власть новому правительству. Юридически революція не будет”. Для осуществленія “всякаго иного плана” “нужны были немедленно повиனுющіеся нам штыки, а таковых-то именно и не было”.

Вся эта аргументація представляется в большой мѣрѣ придуманной *post factum*. Психологія дѣйствовавших лиц в предразсвѣтные часы 2 марта рисуется значительного проще. В окружавшей обстановкѣ, прежде всего, не было того зловѣще страшнаго, о чем говорят нѣкоторые мемуаристы — напротив, на третій день революции стал намѣчаться нѣкоторый порядок и успокоеніе в взбаламученном морѣ стихій. На основаніи фактов, как увидим, это можно установить с достаточной опредѣленностью. Поэтому инициатор рѣшенія 2 марта о необходимости немедленно добиваться отреченія монарха вовсе не был, повидимому, в том разстроенно-паническом состояніи, как представляет нам мемуарное перо Шульгина, — напр., упоминавшійся выше Мстиславскій, активный член совѣтскаго повстанческаго “штаба”, сливша-

*) Палеолог рассказывает, что 28-го в 5 час. дня его поѣхалъ человѣкъ, высоко стоящій на іерархической лѣстницѣ бюрократіи, нѣкто К. (Ковковцев?), заявившій, что он прібылъ к нему по порученію Родзянко для того, чтобы узнать мнѣніе посла по поводу проекта думскаго комитета о монархіи.

*) В эту ночь при объѣздѣ города Гучковым в его автомобиль был убит кн. Вяземскій, давній единомышленник Гучкова и соучастник в подготовкѣ послѣднимъ дворцоваго переворота. Вяземскій погиб от одной из тѣх случайных «шалыхъ пуль», которых было много в тѣ дни в Петербургѣ. Эту версію без всяких каких-либо оговорокъ передавал мнѣ лично и сам Гучков.

госа с думской военной комиссией под общим руководством Гучкова, рисует настроение послѣдняго и всего его окруженія из офицеров ген. штаба в критическіе дни 28 февраля и 1 марта “оптимистическим и самоуверенным”. Быть может, такая оцѣнка не так далека от дѣйствительности, — вѣдь надо было обладать большою дозой спокойствія и увѣренности в будущем для того, чтобы в атмосферѣ нависших угроз, о которых говорит Шульгин, руководитель внѣшней обороны революціи мог провести *шесть часов* в уютной обстановкѣ частной квартиры в академической бесѣдѣ о русских финансах, — так рассказывает гр. Коконцев о посѣщеніи его Гучковым в 8 час. вечера 28 февраля и даже “быть может” в рѣшающую ночь перваго марта. Именно самоуверенность должна была скорѣе побудить Гучкова форсировать в думском комитетѣ вопрос о поѣздкѣ в Псков тогда, когда по позднѣйшему увѣренію Милюкова, нѣсколько персонифицированному, ни у кого уже не было сомнѣнія в том, что Николай II больше царствовать не может. Эта увѣренность в окончательной формѣ могла, конечно, сложиться под давленіем дѣловых кругов. Отпадала компромиссная тенденція, представителем которой был Родзянко, и очередной становилась проблема отреченія. Естественно, отходила на задній план и кандидатура уступчиваго Родзянко и выдвигалась кандидатура чловѣка, извѣстнаго своим враждебным отношеніем к личности монарха, способнаго дѣйствовать слѣдовательно болѣе рѣшительно и проявить большую настойчивость в достиженіи поставленной цѣли, согласно плану, разработанному им еще до революціи. Возлагались надежды и на отношенія его с представителями верховнаго командованія в арміи. В этой комбинаціи понятно и выдвиженіе монархиста Шульгина, связаннаго с участниками заговора.

Внѣшнія условія (реальные, а не воображаемые) поѣздки Гучкова весьма мало подходят к акту, которому приписывают характер *coup d'Etat*^{*} и который прикрывают нелепой большою тайнственностью. И это дѣлает не один только Шульгин, показанія котораго, как непосредственнаго участника псковскаго дѣйствія, заслуживали бы особаго вниманія. Но мемуарист остается вѣрен себѣ. “В пятом часу ночи мы сѣли с Гучковым в автомобиль, который по мрачной Шпалерной, гдѣ нас останавливали какіе-то посты и заставы... довоз нас до квартиры Гучкова”, повѣствует Шульгин.... “Там А. И. набросал нѣсколько слов. Этот текст был составлен слабо, а я совершенно был неспособен его улучшить, ибо всѣ силы были на исходѣ”. Гучков в своих показаніях засвидѣтельствовал противоположное: “Накаунѣ, — говорил он, — был набросан проект акта отреченія Шульгиным, кажется, он тоже был показан и в комитетѣ (не смѣю этого точно утверждать). Я тоже его просмотрѣл, внес нѣкоторые поправки”. Припомним, как, по словам Стеклова, в ночном собесѣдованіи с совѣтскими делегатами сам Шульгин упоминал, что рука его писала отреченіе^{**}).

“Чуть сѣрѣло, — продолжаетъ рассказ Шульгин, — когда мы подъѣхали к вокзалу. Очевидно, революціонный народ, утомленный подвигами вчерашняго дня, еще спал. На вокзалѣ было пусто. Мы прошли

к начальнику станціи. А. И. сказал ему: “Я — Гучков. Нам совершенно необходимо по важнѣйшему государственному дѣлу ѣхать в Псков... Прикажите подать нам поѣзд...” Начальник станціи сказал: “Слушаюсь”, и двадцать минут спустя поѣзд был подан”. Вот это “чуть сѣрѣло” сразу выдаетъ беллетристическое измышленіе... По свидѣтельству Гучкова “делгаты” думскаго комитета выѣхали в 1 час дня, а по свидѣтельству другихъ официальных лиц из желѣзнодорожнаго міра около 3 часов. (По документу, воспроизводящему разговор по прямому проводу Ставки со штабомъ Сѣвернаго фронта, можно точно установить, что гучковский экстренный поѣзд вышел из Петербурга в 2 часа 47 мин.). Любопытно, все для того же Шульгина, что мемуарист забылъ даже о том, что он сам в мартѣ 17 года в циркулярном информационномъ разсказѣ, переданномъ представителямъ печати по возвращеніи из Пскова, говорил о выѣздѣ думской “делегациі” из Петербурга в 3 часа дня.

Вопреки очевидности версія о “секретной” поѣздкѣ Гучкова и Шульгина утвердилась в литературѣ и стала почти общепринятою не только у мемуаристов, но и в работах, претендующихъ на изслѣдовательскій характер. Мы имѣемъ яркій примѣръ того, как на другой день послѣ событія рождается легенда. Эту легенду сотворили члены обѣихъ политическихъ лагерей, — конечно, по весьма отличнмъ внутреннимъ побужденіямъ. Для Шидловскаго поѣздки Гучкова так до конца и остается частной антрепризой, предпринятою инициаторомъ ея на свой риск послѣ того, как Родзянко отказался везти проект отреченія в формѣ, якобы предложенной Совѣтомъ. Неожиданно “пропал куда-то Гучков, назначенный военнымъ министромъ”, — рассказываетъ Шидловскій. Безъ военнаго министра было очень трудно принять необходимыя мѣры к успокоенію гарнизона, и поэтому “Гучкова искали по всему городу днем с огнем, но отыскать, либо узнать, куда он пропал, не удавалось. Точно также исчез с горизонта и Шульгин. Спустя день обнаружилось, что Гучков с Шульгиным *безъ вѣдома* временнаго комитета и Совѣта рабочихъ депутатов умудрились похитить на Варшавскомъ вокзалѣ паровоз и вагон и укатили в Псков, откуда весьма скоро возвратились, привезя с собою подлинный акт отреченія Государя^{*)}”. “Шульгин мнѣ разсказывал, — добавляетъ мемуарист, — как все произошло”.

“Категорически утверждаю, — заявляетъ съ противоположной стороны Суханов, — что Исп. Ком. узналъ о поѣздкѣ “только на слѣдующій день”, “уже получивъ актъ об отреченіи, не зная, при какихъ условіяхъ он былъ подписанъ, и ничего не подозревая ни о миссіи, ни о поѣздкѣ Гучкова и Шульгина”. “Со стороны Гучковыхъ и Милюковыхъ эта поѣздка была не только попыткой *«coup d'Etat»*, но и предательскимъ нарушеніемъ нашего фактически состоявшагося договора. Допустимъ, вопросъ о “третьемъ пунктѣ”, о формѣ правленія оставался открытымъ до момента формальнаго окончанія переговоровъ, но, вѣдь, Гучков и Милюковъ предприняли свой шагъ за спиной у Совѣта — в процессѣ самихъ переговоров...” В официальном докладѣ, сдѣланномъ Стекло-

довѣрять мемуаристу с такой ослабленной памятью в отношеніи собственныхъ дѣйствій.

*) Распространившаяся в Думѣ молва и вызвала, вѣроятно, тѣ недоброжелательно-скептическіе разговоры, которые услышалъ Набоковъ 2 марта в Таврическомъ дворцѣ.

*) В это цѣлкомъ увѣровал, напр., Чернов, в качествѣ историка революціи.

**) Свидѣтели, бывшіе в Псковѣ, утверждаютъ, что документъ, привезенный думскими делегатами, былъ написанъ рукою Шульгина. Не очень можно

вым от имени Исп. Ком. в Совещании Совѣтов и совпадающем с общей оценкой Суханова, можно найти, однако, рѣшительное противорѣчіе с категорическим утвержденіем, что Исп. Ком. узнал о поѣздѣ Гучкова лишь “на слѣдующій день”. “Мы на этом пунктѣ (т. е. о формѣ власти) разстались”, — докладывал Стеклов о ночной бесѣдѣ с 1-го на 2-е марта. “Мы не поставили ультиматума на этом пунктѣ по той простой причинѣ, что слишком хорошо знали, что... русскія трудящіеся массы и, вѣроятно, значительная часть русской буржуазіи не будут отстаивать... монархію... во всяком случаѣ... и не сомнѣвались, что в ближайшіе дни, по мѣрѣ того, как воли русской революціи будут докатываться... до других центров русской жизни... общим кличем русской страны будет “демократическая республика” и поэтому..., не добившись от них включенія этого пункта, все-таки могли понимать результат наших переговоров так, что они не предпримут никаких шагов, хотя они... не дали никакого ручательства, но большинство министров, с которыми мы говорили, — так как и на другой день эти переговоры продолжались, — нас заѣбрили, что они от этого воздержатся и повлияют и на Милюкова в этом направленіи. Вы можете поэтому представить себѣ, как мы были поражены и возмущены, когда узнали, что Гучков и Шульгин *идут* в Ставку, чтобы там заключить с Романовыми какой-то договор... Тут-то наш Совѣт(?) проявил “двоевластіе”, ибо дал повелѣніе своим комиссарам остановить поѣзд, который заказали Гучков и Шульгин, и ни в коем случаѣ не допустить их до поѣздки. Должен сказать, к чести рабочаго класса, что именно рабочіе сѣв.-зап. жел. дорог первые подняли тревогу, узнав о поѣздѣ Гучкова и дали знать Исп. Ком. . К сожалѣнію, каким-то образом эти господа проскочили”..

Тенденція докладчика выступает опредѣленно, когда он пытается дѣйствія Исп. Ком., которыя, по утверженію мемуаристов, были приняты 1 марта в отношеніи проектировавшейся поѣздки Родзянко, отнести к осуществленной 2 марта поѣздкѣ Гучкова и Шульгина. Это “проскочили” становится общим мѣстом. Если Суханов ограничивается осторожным замѣчаніем, что он не знает, как поѣздка Гучкова была “организована с технической стороны”, то остальные мемуаристы того же политическаго круга слѣдуют за Стекловым и высказываются весьма безапелляціонно: Гучков “конспиративно, чтобы не сказать обманом, пробрался в Псков”, — утверждает Мстиславскій. Тогда же сообщали — добавляет Шляпников — что думскіе посланцы выѣхали “на автомобилях”. Выступавшій в качествѣ историка революціи Чернов, безоговорочно принимая шульгинскую версію, через 15 лѣтъ послѣ событія, говорил, что послы от Думы “контрабандой проскочили через проволочныя загражденія революціи”. И нѣтъ никому дѣла до того, что неоспоримым фактом является установленное уже документом обстоятельство, что посланцы Времен. Комитета выѣхали не на разсвѣтѣ, а днем, не на автомобилѣ, а поѣздом. Французскій посол уже тогда в дневникѣ от 2 марта занес болѣе правдоподобную версію: Гучков и Шульгин выѣхали в 9 часов утра при содѣйствіи инженера, вѣдающаго передвиженіем на жел. дорогах; они получили специальный поѣзд, *не возбуждая недоумѣнія* социалистических комитетов*).

*) Повседневность записей в “дневникѣ” Палеолога должна приниматься весьма относительно. Ясно, что многія записи дѣлались задним

Из непосредственнаго свидѣтельства “инженера” мы знаем, что стоявшій под парами экстренный поѣзд ждал выѣзда делегатов “с порученіем своей важности” еще задолго до рѣшенія, принятаго во Врем. Ком. на разсвѣтѣ 2 марта. По воспоминаніям Ломоносова все это происходило совершенно открыто и не сопровождалось каким-либо давленіем бдительнаго революціоннаго ока со стороны желѣзнодорожных рабочих или протестом со стороны руководящих кругов Исп. Ком. Напротив, — утверждает, по крайней мѣрѣ, Ломоносов, — дѣло организовывалось как бы по взаимному, даже не молчаливому, соглашенію. И, дѣйствительно, так выходит, судя по всей внѣшней обстановкѣ, в которой протекала отвѣтственная поѣздка в Псков думских посланцев, и которая была до чрезвычайности далека от какой-либо конспиративной скрытности.

Перед Слѣдственной Комиссіей Гучков показывал, что он телеграфно увѣдомил ген. Рузскаго о своем пріѣздѣ, но для того, чтобы на телеграфѣ не знали о “цѣли” поѣздки, он пояснял, что ѣдет “для переговоров по важному дѣлу, не упоминая, с кѣм эти переговоры должны были вестись” Этот секрет полишинеля не раскрывается в опубликованных документах, т. к. среди них нѣтъ, странным образом, указанной телеграммы, но вся телеграфная переписка Ставки и штаба Сѣверн. фронта не оставляет никакого сомнѣнія в том, что пріѣзд думской делегаціи носил совершенно официальный характер и мотивировался необходимостью непосредственных переговоров с Царем. По дорогѣ Гучков послал другую телеграмму — ген. Иванову, “так как желал встрѣтить его на пути и уговорить не предпринимать никаких попыток к приводу войск в Петроград**). Гучков утверждал даже, что “дорогой пришлось нѣсколько раз *обмѣниваться* телеграммами”. По дорогѣ в Псков Гучков и Шульгин останавливались в Лугѣ, что привело к значительному запозданію с их прибытіем в Псков. Чѣм же вызвана была такая остановка? Гучков не упомянул об этой остановкѣ в показаніях. Ничего не сказал специально о ней и Шульгин, упоминая об інформаціонном разговорѣ по прямому проводу с Ивановым и каких-то остановках на станціях, гдѣ Гучков “иногда говорил короткія рѣчи с площадки вагона... это потому, что иначе нельзя было: во-первых, стояла толпа народа, которая *все знала*... т. е. она знала, что мы ѣдем к Царю... И с ней надо было говорить”. Историк и мемуарист каждый по своему будут толковать остановку в Лугѣ “контрабандой” выѣхавших из Петербурга думских посланцев. Ген. Мартышов, автор одной из наиболѣе цѣнных работ, посвященных февральскому перевороту, на основаніи неизвѣстных нам данных (автор имѣл возмож-

числом: так не мог Палеолог в полночь 1-го марта получить сообщеніе о “секретном” засѣданіи представителей “либеральных партій”, на котором в отсутствіе социалистических депутатов во Врем. Ком. рѣшался ли предложено Гучкова вопрос о будущей формѣ правленія и было принято рѣшеніе о немедленной поѣздкѣ в Псков, чтобы добиться от Царя добровольнаго отреченія.

*) «В то время, — пояснял очень обще в Комиссіи Гучков — были получены свѣдѣнія, что какіе-то эшелоны двигаются к Петрограду. Это могло быть связано с именем Иванова, но меня это не особенно смущало, потому что я знал состояніе и настроеніе арміи и был убѣжден, что кака-нибудь карательная экспедиція могла, конечно, привести к нѣкоторому кровопролитію, но к возстановленію старой власти она уже не могла привести».

ность пользоваться и неопубликованными архивными материалами) изображает дело так, что делегаты были задержаны на ст. Луга "возставшими рабочими и солдатами", которых "с величайшим трудом удалось убедить в том, что поездка в Псков не преследует никаких контрреволюционных целей". Инж. Ломоносов, имѣющий тенденцію преувеличивать реальную опасность, которая грозила "революції" со стороны продвигавшихся с фронта эшелонов ген. Иванова, — опасность совершенно не эфемерную в обстановкѣ 2 марта, — со слов правительственного инспектора Некрасова, который сопровождал гучковскій поезд и систематически сносился с центром, задержку в Лугѣ объяснял именно этим опасеніем. Будущій предсѣдатель мѣстного совѣта солдатскихъ депутатов ротм. Вороновичъ даст совершенно иную версію. Утром 2-го в 9 час. с экстреннымъ поездомъ изъ Петербурга прибыл в Лугу по порученію Врем. Комитета член Думы Лебедевъ в сопровожденіи полк. ген. штаба по фамиліи тоже Лебедева. Эта миссія имѣла задачей наладить порядок в городѣ, организовать мѣстную власть и обезпечить путь слѣдованія Императора в Царское Село. Лебедевъ объявил, что "черезъ нѣсколько часовъ изъ Петрограда выйдутъ в Псков члены Думы Гучковъ и Шульгин, которымъ поручено вести переговоры съ Государемъ, и результатомъ этихъ переговоровъ явится пріѣздъ Государя в Ц. Село, гдѣ будетъ изданъ рядъ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ". Военный комитетъ отвѣтилъ Лебедеву, что "не будучи поставленъ в извѣстность относительно истинной цели поѣздки Николая II в Царское, и не зная, какъ къ этому отнесутся петроградскіе солдаты и рабочіе, онъ отказывается дать сейчасъ какія-либо гарантіи". (Ждали возвращенія изъ Петербурга специально посланнаго за информацией делегата). Пытался получить "гарантіи" и прибывшій затѣмъ Гучковъ, "болѣе часа" ведшій в "парадныхъ комнатахъ" вокзала переговоры съ представителями временнаго военнаго комитета "Разстроенному упорствомъ комитета Гучкову такъ и пришлось убраться в Псков, не добившись успѣха". Таковы поспѣшія Вороновича... По тѣмъ или инымъ причинамъ выѣздъ делегатовъ изъ Луги носилъ болѣе помпезный характеръ, нежели это рисовалось в Петербургѣ, — по крайней мѣрѣ ген. Болдыревъ, занимавшій постъ ген.-квартир. штаба Сѣвернаго фронта, в дневникѣ отмѣтилъ, что Гучковъ и Шульгинъ прибыли в Псков в сопровожденіи "5 краснотельцевъ" (такъ Болдыревъ назвалъ гучковскую свиту, потому что у нихъ на груди были "красные банты").

Вѣрится с трудомъ, что совѣтскіе дѣятели в Петербургѣ могли ничего не знать о только что описанномъ путешествіи думскихъ посланцевъ вплоть до момента, когда тѣ вернулись изъ Пскова, но все-таки предположительно допустимъ такую возможность. По шульгинской версіи, повторенной в записи Палеолога, поездка в Псков была рѣшена и организована в отсутствіе членовъ Врем. Комитета, принадлежавшихъ къ социалистической группѣ, т. е. Керенскаго и Чхеидзе. Поэтому особенно важно выслушать Керенскаго, тѣмъ болѣе, что в "запискахъ" Суханова ставится вопросъ: "отъ чьего имени была организована поездка в Псков Гучкова и Шульгина? Если отъ имени Временнаго Комитета Гос. Думы, то извѣстно ли было о ней его членамъ Керенскому и Чхеидзе? Если имъ было об этомъ извѣстно, то почему не было доведено до свѣдѣнія Исп. Комитета?" Керенскій, какъ мы знаемъ изъ собственнаго его признанія, совершенно не интересовался разговорами во Врем.

Комитетѣ о формѣ правленія и не трудился даже представлять свои возраженія, такъ какъ онъ ни минуты не думалъ, что проекты о сохраненіи монархіи могутъ осуществиться. Поэтому самъ по себѣ вопросъ о поѣздкѣ Гучкова совершенно исчезаетъ изъ орбиты вниманія мемуариста. Возможно, что Керенскій в моментъ, когда рѣшался окончательно вопросъ, дѣйствительно, не былъ в Таврическомъ дворцѣ. — онъ отправился (впервые за эти дни) домой, чтобы в иной обстановкѣ наединѣ обсудить вопросъ о своемъ участіи в правительствѣ*). То, что рассказываетъ Керенскій, еще болѣе запутываетъ вопросъ. Онъ вспоминаетъ, какъ "утромъ" 2 марта случайной, текущей толпѣ, заполнявшей Екатерининскій залъ Думы, Миллюковъ объявилъ о созданіи временнаго правительства и о регентствѣ Мих. Алес. (О рѣчи Миллюкова будетъ сказано дальше, — необходимо отмѣтить только, что произнесена она была не "утромъ", какъ изображаетъ Керенскій, а в 3 часа дня, т. е. в моментъ, когда экстренный поездъ Гучкова "прорвался" уже черезъ Гатчину). Заявленіе Миллюкова вызвало взрывъ негодованія среди демократическихъ элементовъ Таврическаго дворца. Исп. Ком. поспѣшилъ собрать выѣточное собраніе и подвергнуть Керенскаго пристрастному, почти враждебному («des plus hostiles») допросу. Керенскій отказался вступать в дискуссію и ограничился заявленіемъ, которое и приводится (в кавычкахъ) в воспоминаніяхъ**): "Да, такой проектъ существуетъ, но онъ никогда не будетъ реализованъ. Онъ не осуществимъ, и нѣтъ основанія волноваться. Со мной не совѣтовались по вопросу регентства, и я не принималъ никакого участія в спорахъ по этому поводу. В крайнемъ случаѣ, я могу всегда потребовать отъ правительства отказа отъ этого проекта или принятія моея отставки"... Тѣмъ не менѣе Исп. Ком. рѣшилъ предпринять мѣры для противоѣдствія осуществленію думскаго проекта о регентствѣ. Онъ пожелалъ послать собственную делегацію в Псков одновременно съ Гучковымъ и Шульгинымъ, которая должна была выѣхать в "тотъ же день***), а при невозможности это осуществить, лишить "нашихъ делегатовъ", какъ выражается мемуаристъ, возможности выѣзда, отказавъ имъ в подачѣ поѣзда". Никто изъ другихъ мемуаристовъ лѣваго политическаго сектора прямо не упоминаетъ о такомъ засѣданіи Исп. Ком., и, какъ мы увидимъ, в дальнѣйшемъ къ разсказу Керенскаго приходится относиться весьма скептически, насколько онъ касается перипетій, связанныхъ съ поѣздой в Псков. Передъ нами лишь новая форма все той же легендарной версіи. Однако, Керенскій не только не отрицаетъ факта, что онъ зналъ о поѣздкѣ Гучкова и Шульгина, но и того, что фактически объ этой поѣздкѣ были освѣдомлены представители Исп. Ком. Надо думать, что они были освѣдомлены раньше, ибо изъ рѣчи Миллюкова отнюдь не вытекало сообщеніе, что Гучковъ выѣхалъ в Псков или готовится къ отъѣзду, — вытекало совсѣмъ другое: "И вотъ теперь, когда я в этой залѣ говорю, — сказалъ Миллюковъ, — Гучковъ на улицахъ столицы организуетъ нашу поѣзду". Керенскій заканчиваетъ свой разсказъ лаконическимъ заявленіемъ: «mais, tout finit par s'arranger».

Что же должны были привезти изъ Пскова "наши делегаты"? В

*) Чхеидзе вообще не принималъ почти никакого участія в работахъ Врем. Ком., но вовсе не отказывался отъ званія члена Комитета, какъ утверждалъ Гучковъ.

**) Привожу, конечно, переводъ.

***) Далѣе Керенскій говоритъ, что делегаты выѣхали около 4 час. дня.

изложении Керенского, естественно, это не совсем ясно. В то время, когда Гучков давал свои показания Чр. Сл. Комиссии, член последней Соколов (тот самый, который вместе с Сухановым участвовал в починных переговорах) пытался Гучкова уличить не то в противоречиях, не то в двойной роли, которую он сыграл, проводя политику соглашения с Советом свою линию в Пскове. В ответе Гучкова имело место нечто *существенное*, Гучков утверждал, что, когда он въехал в Псков, "самый вопрос о формировании правительства, самый момент формирования не был решен". "Мы стояли между двумя возможностями — или добровольного, на известных началах, сохранения монархии, провозглашения какого-то лица будущим государем и между возможностью свержения и всяких иных политических форм"... "Предполагалось, — показывал Гучков, — рекомендовать Государю назначить только одно лицо, именно председателя. Лицо это должно договориться с теми, кого оно желает пригласить, а те могут ставить свои условия относительно того, с кем они хотят идти и по какой программе"... "Я имел поручение от Врем. Ком. дать совет Государю назначить председателем Совета министров кн. Львова". Относительно всего остального "были тогда одни предположения". "При известных комбинациях, при известных условиях" Гучков соглашался войти в правительство в качестве военного министра. Вернувшись в Петербург и увидев на расклеенных плакатах свою фамилию среди лиц, вошедших в правительство, Гучков был удивлен, ибо для него это было "неожиданностью", — он думал, что "тот Временный Комитет, тот кружок лиц, который предполагал войти в состав правительства", дождется его "возвращения и того акта", который он вел. Такою же "неожиданностью" для Гучкова был и "акт соглашения" между двумя комитетами, впрочем, та комбинация, при которой Исп. Ком. Совета Р. С. Д. являлся одним из решающих "факторов" в строении государственной власти... На вопрос Соколова, как же все это могло быть "неожиданностью", раз Гучков участвовал в совещании в ночь с первого на второе, Гучков отвечал: "Условия, которые легли потом в основание, я нашел, когда я вернулся, окончательно скрепленными. Я видел их раньше, как проект, но проекты были разные, даже помню, что против некоторых я возражал, но соглашение состоялось в моем отсутствии со 2-го на 3-е, в то время, когда я был в Пскове*"... "Ваши товарищи по министерству, — продолжал вновь Соколов, — не указывали, что они другого от вас ожидали... что вы привезете отречение в пользу наследника... и не высказывали они вам, что этим привозом иного манифеста вы преступили полномочия, данные вам Времен. Комитетом?" "Члены Комитета нѣтъ. — пояснял Гучков, — а на совещаниях у в. кн. Михаила Алекс. А. Ф. Керенский мне говорил, что я нарушил полномочия, но я заявил, что я мог привезти только тот акт, который мне дали. Этот акт там оставить и ничего не привезти я не считал себя в праве***).

*) «Не возражали ли вы против принятия формы республиканского правления сразу? — настаивал Соколов. — Да там и речи об этом не было... По этому вопросу высказываться не приходилось. Со стороны Исп. Ком. это предвидено не было. Я помню, я возражал по некоторым вопросам, касающимся армии и смертной казни».

**) Из этих слов Гучкова вытекает, что возражение Керенского в смысле нарушения «полномочий» относилось только к воцарению в. кн. Михаила.

Не всегда искренний, сознательно подчас уклончивый, не всегда выполнив точные показания Гучкова тем не менее довольно определенно рисуют задачи, которые возлагались на посланцев Врем. Комитета. Одна дошедшая до нас посторонняя запись отчетливо вскрывает подноготную, которую в революционное время, подлаживаясь под господствующий тон, современники затуманивали. 14 июля в кн. Андрей Влад. занес в дневник подробный рассказ о "псковской трагедии", выслушанный им в течение четырех часов непосредственно в Кисловодске от ген. Рузского. Рассказ заканчивается упоминанием о речи, произнесенной Гучковым перед "толпой", собравшейся у царского вагона после подписания манифеста об отречении. Гучков будто бы сказал: "Господа, успокойтесь, Государь дал больше, нежели мы желали". "Вот эти слова Гучкова остались для меня совершенно непонятными", — добавлял Рузский: "Были ли они с целью просить об ответственном министерстве или отречении, я так и не знаю. Никаких документов они с собой не привезли, ни удостоверения, что они действительно по поручению Гос. Думы, ни проекта об отречении. Решительно никаких документов я в их руках не видел. Если они хотели просить об отречении и получили его, то незачем Гучкову было говорить, что они получили больше, нежели ожидали. Я думаю..., что они оба на отречение не рассчитывали". Свидетели слишком часто передают слышанное не точно. Безоговорочно, конечно, нельзя принимать записи Ан. Вл. сообщавшую как бы во второй инстанции то, что говорил Гучков в Пскове*). Но смысл сдѣланного им заявления представляется соответствующим действительности. Миссия от думского комитета носила двойственный характер: Гучков и Шумкин должны были добиваться отречения, но, очевидно, допускалась возможность и иного исхода в неопредѣлившейся еще окончательно обстановке. До последнего момента перед выходом Гучкова позиция Временного Комитета была колеблющаяся, но и в левом секторе далеко еще неясен был путь, по которому твердо надлежало идти. Много позже в некрологе, посвященном Милюкову и напечатанном в 5 кн. американского "Нового Журнала", Керенский изобразил Гучкова специальным делегатом, который был послан в Псков Временным Правительством. Это уже идет совсем наперекор тому, что было.

Противоречия, которыми полны показания людей, примыкавших к левой общественности, скорее доказывают, что руководящее ядро Исп. Комитета в той или иной мере было осведомлено о побуждениях думских делегатов и отнюдь ей активно не противодействовало. Можно сказать, что оно *молчаливым признанием, в сущности, санкционировало компромиссный план и тактику, намечившуюся во Времен. Комитет*. Только в такой концепции можно понять однородные утверждения у мемуаристов, принадлежащих к разным общественным формациям, о соглашении, которое было установлено в течение дня первого марта между думскими и советскими кругами. Формальную историю переговоров, т. е. официальную их сторону, повидимому, довольно точно передал Суханов. К утру 2 марта они не были закончены, и

*) Нам предстоит впредь не раз цитировать указанную запись в дневник Андрея Вл. Этот дневник выдѣляется среди других добросовестностью и точностью в изложении фактов, нам известных.

пам предстоит еще к ним вернуться. За кулисами шли частные разговоры, и этот обмен мифной молва, зарегистрированная в дневниках и воспоминаниях, выдавала за принятия решения. Так, французский посол, связанный с либеральными кругами и оттуда черпавший свои информации, под четвергом 2 марта помечает: "Исполнительные Комитеты Думы и Совета депутатов рабочих.. согласились на следующие пункты: 1. Отречение Императора, 2. Возведение на престол Нессаревица, 3. Регентство в. кн. Михаила, брата Императора, 4. Создание ответственного министерства, 5. Учредительное Собрание, избранное всеобщим голосованием. 6. Равенство народов перед законом". Ломоносов со слов все того же Рулевскаго, сообщавшагося по телефону с "друзьями" из Совета, говорит о вечеру первого марта: "весь в Думу.. спор... шел о том, что делать: предлагали низложение, отречение или внушение, т. е. заточение Царя и назначение ответственного министерства. Остановились на среднем". Припомним запись Гиппиус, помеченную "8 часов", о том, как "развертывается... историческое двухглавое заседание": "начало заседания теряется в прошлом, не видно и конца; очевидно, будет всю ночь". Вот почему 3 марта, когда стало известно отречение Царя, и когда Суханов сдѣлал "выбѣренное" сообщение и передал, по его словам, в Исп. Ком., полученную им от доктора Манухина информацию о поѣздѣ Гучкова в Псков, которая была организована за "спиной" Совета думским комитетом, "особаго значения этому дѣлу никто не придавал" и "официальнаго обсуждения никто не потребовал". Вот почему в то время никому "не пришло в голову" обвинить в вину членам президіума Совета, состоявшим одновременно и членами думскаго комитета. соучастіе в попыткѣ "плутократіи" сохранить в послѣдній момент монархію и династію. Это равнодушіе Суханов старается объяснить тѣм, что не стоило уже обращать вниманіе на "хитроумныя махинаціи" думских "политиков", которые "пошли прахом и разсыпались, как дым". Явно придуманное искусственное объясненіе, ибо 3 марта, когда Исп. Ком., по словам Суханова, не удѣлил "ни малѣйшаго вниманія самому факту отреченія", им одновременно было внесено постановленіе об арестѣ, отречшагося от престола императора. Об этом постановленіи, выступающій в качествѣ почти официальнаго историка дѣятельности Исп. Ком. в первые дни революціи, мемуарист умалчал.

Ничего подобнаго не могло бы быть, если бы безответственные закулисные переговоры, неясные, неопредѣленные, противорѣчивые, принимавшіе выѣппне форму какаго-то *coup d'état*, были замѣнены с самаго начала опредѣленной договоренностью по основному, поставленному революціей вопросу. Можно ли было в дѣйствительности сознательной волей тогдашних политиков соединить двѣ принципиально непримиримыя позиціи? Как-будто бы приходится признать, что принципиальная непримиримость в тѣ дни вовсе не означала тактическаго риторизма, но дѣятели Совета оказались формально не связанными с тѣми переговорами, которые в заключительной стадіи привели к реальному отреченію царствовавшего монарха. Мы должны выяснить теперь, что повліяло на измѣненіе психологіи "верховников" лѣваго сектора, ибо от молчаливаго признанія думской тактики до рѣшенія арестовать посетителя верховной власти послѣ благополучнаго завершенія компромисснаго плана — дистанція огромнаго размѣра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВТОРОЕ МАРТА

I. «Приказ № 1».

2 марта "стихія" начала входить в русло, и в Петербургѣ наступило замѣтное успокоеніе. "В городѣ совершенно тихо, вездѣ флаги. Стрѣльбы уже нѣтъ. Поражает громадное количество людей" — вспоминает Ломоносов, смогшій прервать свою напряженную работу в мин. пут. сообщенія для очереднаго визита к зубному врачу. На улицах "миро" уничтожают царскія эмблемы (двухглавых орлов), а "дворники подметаюг", — записывает Гиппиус. "Дисциплина устанавливается понемногу в войсках. Порядок царит в городѣ", — вносит того же числа в свой дневник французскій посол. На улицах, если не исчезают индивидуумы, вооруженные с головы до ног — саблѣй, винтовкой, револьвером, ручными бомбами, с перекинутой через плечо пулеметной лентой, то эта "модная" форма одежды стоит уже на грани превращенія в сюжет для революціонной карикатуры, как и гарцующіе на улицах всадники на дрессированных лошадях, репрезентированных в циркѣ Чинизелли.

В этом успокоеніи, несомнѣнно, значительную роль сыграла инициатива советских кругов. Отсюда был дан толчек организаціи на мѣстах столичнаго населенія и гражданской милиціи, — "милиціи младенцев", как назвал ее один из ея руководителей, так как наряду со студенческой и рабочей молодежью записывались и скауты 10-15 лѣтъ. Сдѣлавшись 28-го неожиданно для себя комиссаром Петербургской стороны, по предложенію членов Исп. Ком. Совета, один из редакторов "Русскаго Богатства", Пѣшехонов, счел "необходимым зайти в Исп. Ком. Гос. Думы, чтобы получить от него полномочія". Писателю пришлось бесѣдовать с Милоковым, и он вынес впечатлѣніе, что в думском Комитетѣ вопрос об организаціи власти на мѣстах даже не поднимался. "Для меня все яснѣе становилось, что Совет Р. Д. рѣшительно опережает думскій комитет", — таково тогдашнее заключеніе мемуариста: уж в 4 часа в ночь на 28-ое Исп. Ком. приступил к организаціи районных комитетов. При наличности Думскаго Комитета в Петербургѣ не могло создаться центральнаго объединенія на подобіе тѣх комитетов общественных организацій, в состав которых входили советскіе представители, как одна из составных частей, и в руки которых в других городах фактически перешла власть в первые дни революціи. Так с первого дня на столичной периферіи создалось своего рода двоевластіе, перешедшее очень скоро к полной административной, почти анекдотической неразберихѣ, когда всякаго рода самочинные

“гражданские” и иные районные комитеты с их комендантами и комиссарами проявляли “сепаратистские” вольности. Но в первые дни “комиссариат” на Петербургской стороне, созданный в целях “водворить здесь свободу и установить народную власть”, как видно из ярких воспоминаний его руководителя, имел огромное сдерживающее и организующее начало, ибо “праздничное, даже ликующее настроение” в массе при пароксизме “сомнения, тревоги и страха” само по себе вовсе не гарантировало еще от эксцессов. Не стоит говорить о возможных последствиях той “неслыханной” свободы, которая водворилась для “преступного мира” с открытием тюремных дверей*).

Вопреки распространенному представлению в те дни для столичной солдатской массы имел умиротворяющее значение и пресловутый “приказ № 1”. “Утром 2 марта (т. е. в то самое утро, когда на улицах и в казармах стал известен “Приказ № 1” и создавалась в изображении Шульгина и его единомышленников сгущенная атмосфера “убийств”) офицеры свободно могли появляться на улицах” — свидетельствует на основании непосредственного наблюдения Набоков, подчеркивавший в воспоминаниях, что выходить с утра 28-го на улицу в офицерской форме стало опасно. Но и первые два-три дня эта опасность все же была относительна — не смерть витала, конечно, над тем, кто носил офицерскую форму, а ему грозило насильственное разоружение со стороны возбужденной толпы. Что может быть нагляднее показаний командира 82 пех. Дагестанского полка, бар Радека, официально доносившего 1 марта нач. Штаба верх. главком. Алексеву о перипетиях, им пережитых 28 фев. в Петербурге, когда он возвращался из отпуска. Толпа хотела разоружить его на Балтийском вокзале, но оставила, как только узнала, что он идет на фронт. Барон с Балтийского вокзала пошел пешком на Царскосельский и в доносении сообщал, что “по дороге... солдаты честь отдавали, хотя не всё, а чернь угрожала и старалась напугать, стреляя через голову на воздух”. Командир Дагестанского полка был офицером, враждебно относившимся к революции, и держал себя, пожалуй, в толпе даже вызывающе. На вокзале, — писал он в рапорте, — “на предложение вхвать в Гос. Думу, где заседал какой-то комитет, узурпировавший

власть и называвший себя Временным Правительством, я, конечно, отказался”.

Так было в разгар солдатского мятежа*). Конечно, были насилия, были убийства и в Петербурге. Но могут ли отдельные эксцессы свидетельствовать о специфической атмосфере убийств, которая создавалась в первые дни революции? Общий колорит эпохи настолько очевиден и ясен, что испытываешь некоторое чувство неловкости за озлобление мемуариста, который в своих личных переживаниях стремится изобразить перед потомством действительность в сугубо мрачных тонах. Он возводит клевету на тогдашнюю современность — она была очень далека от фанатичной проповеди своего рода “варфоломеевской ночи”. Трудно случайной статистикой что-либо доказать. В свое время в статистическом отделе петербургского комитета союза городов был составлен список “пострадавших” в дни февральско-мартовской революции. Данные тогда же были опубликованы в газетах с указанием, что они были собраны студенческой организацией союза. Основанием для составления списка послужили свидетельства, доставленные из больниц и лазаретов. Немало пострадавших в такую регистрацию, понятно, не было включено. Ген. Мартынов, пользовавшийся архивным материалом Цр. Сл. Ком., куда эти данные были представлены, приводит цифру 1.315 пострадавших (убитых и раненых)**). Распределяется это число так: офицеров 53, солдат 602, чинов полиции 73, граждан обоих полов 587. Сколько среди них было убитых, мы не знаем. Число “жертв революции” (их было по официальной статистике 181), торжественно похороненных 23 марта на Марсовом поле, ничего не говорит, ибо это была революционная демонстрация, мало считавшаяся с реальностью***). Запись Гиппиус 7 марта, говорящая об “уродливом” копани могил для “гражданского там хоронения собраний трупов, державшихся в ожидании”, повидимому, не очень далека от действительности****). Сколько среди этого неизвестного количества убитых погибло от шальной “революционной” пули в дни бессмысленной уличной перестрелки, носившей или демонстративный характер, или вызвавшей панику, неумением обращаться с оружием, а нередко служившей забавой подростков? Мы этого никогда не узнаем. Шкловский, не-

*) Автор рассказывает, как грабители переодевались солдатами для того, чтобы иметь свободу действия. Образные иллюстрации подобных «обысков» по квартирам можно найти в воспоминаниях Кельсона и др. Не следует, однако, преувеличивать роль этих «полицейских уголовных». Характерна, напр., московская статистика, не отмечающая увеличения преступности за март по сравнению с отчетами прошлого времени («Р. В.»). И уголовный мир подвергся в известной степени облагораживающему мартовскому психозу. Чего стоит, напр., одно сообщение о революционной идилии в Одессе, как начальник разбойнической шайки Котовский, приговоренный к каторге, отпускается из тюрьмы «под честное слово» для председательствования на «митинге уголовных». (Впрочем, возможно, что газетное сообщение и приукрасило действительность, и Котовский не то «разбойник», не то «анархист», прославившийся в большевистские времена, был просто освобожден толпой из разгромленной тюрьмы — газеты передавали, что из 2.200 бывавших арестантах 1.600 вернулись). Но и через полгода уездный комиссар из Рененбурга доносит правительству, что в «знаменитой Братовск» (Нарышкинский вол.), известной своими ворами, в дни революции краж не было, потому что на сходе «дана была клятва: кражи прекратить».

*) Агрессивность толпы можно было бы прекрасно охарактеризовать рассказом небезизвестного Авалова-Бермонта, появившегося в столице на другой день революции, в самый разгар уличных столкновений, если бы все повествование мемуариста не вызвало сомнений — он даже дату революции плохо запомнил: для него «кроковым днем» является 26 февраля. Бермонт уложил из мести первого же солдата, который пытался его обезоружить, взял извозчика и встал на протект с револьвером в руках, без больших затруднений высельнул из окружавшей толпы. Храбрый мемуарист негодует на тех тыфковых героев, с которыми он встретился в Петербурге, и которые носили офицерское звание, но забыли о воинском долге.

**) Общее число несколько больше — 1.656, но, по словам Мартынова, сюда были включены задержания, которые на счет революции поставлены быть не могут (малокровие и пр.). В газетах эти задержания болше правдоподобно были отнесены к числу «нервных потрясений».

***) Среди «181» имена многих остались «неизвестными».

****) Но совершенная, конечно, ерунда, что для устройства «похорон жертв революции» собрали из больницы тела китайцев, умерших от тифа. Об этих покойниках «революционерах» говорит Мельник-Боткина, повторяя злостную пародию некоторых современников.

посредственный участник революционных действий, убежден, что большинство погибших надо отнести к числу случайных жертв. Конечно, восприятия современников были крайне субъективны, — напр., ген. Селивапов на фронте заносил в дневник со слов письма от “Тамуса”: “в газетах не было 1/8 того, что было на деле. Ужасно! Вот вам и свобода печати и слова”.

Поскольку мы можем признать относительную ценность приведенной статистики, поскольку приходится заключить, что она опровергает граничащая с инсинуацией суждения мемуаристов, пытающихся подчас сознательно каким-то кровавым туманом окутать первые дни февральской революции. Как ни далека была от уличной жизни придворная дама Нарышкина, все же она не могла бы написать в свой дневник 28-го: на улицах полный порядок, нигде ни малейшего насилия. Не только люди в “офицерской форме”, но и люди в ненавистном массе полицейском мундире не подвергались на улицах Петербурга жестокой расправе в дни “солдатского бунта”. Когда бывший член Гос. Думы Бородин (ж. д.) в день десятилетия революции вспоминал в нью-йоркском “Нов. Русск. Словъ”, как “полицейских беспощадно убивали в участках и на улицах”, его память, быть может, и безосновательно воспроизводила под напором последующих переживаний нечто такое, что было очень далеко от действительности — слишком разительна была та цифра — 70, которую давала “статистика”. Наблюдавшие уличную толпу, реально отмечают нам “озлобленность” против полицейских в моменты, когда обнаруживалась стрельба с крыш из пулеметов (воображаемых), или когда ловили переряженных “фараонов”. На этих расправах особо останавливается в своих воспоминаниях бар. Врангель (отец): раненные городовые, — по его словам, — становились “типозом, форменным сумасшествием” толпы, их ловили и убивали, принимая подчас бѣднаго трубочиста с метлой за коварного и хитроумного фараона. Но, — должен отметить мемуарист, — очень скоро интерес к городовым пропал.

В Петербурге, где происходили уличные столкновения, неизбежно эксцессов было больше, нежели там, где переворот по инерции совершался в мирном порядке, и в силу этого носил характер переворота, действительно, безкровного. Таков, однако, был характер революции почти по всей России, и он определяет собой общее настроение в гораздо большей степени, чем отдельные, всегда возможные эксцессы; как передавал корреспондент “Русск. Вѣд.”, в Киевѣ говорили, что в революционные дни в городе погиб всего один человек, да и тот из мѣды (памятник Столыпину)*). Убийства офицеров в Петербурге были единичными случаями. Этот факт тогда же отметил французский генерал Лавери в донесении шефу своей военной миссии в Ставке ген. Женеу (донесение 28-го помеченное 1½ час. дня). Черным пятном

на революцию остаются происшедшие в специфической обстановке трагические события в Кронштадте и Гельсингфорсе: по официальным приблизительным данным в Кронштадте погибло около 60 офицеров, в Гельсингфорсе 39 (этих событий мы еще коснемся в другом контексте).

Для того, чтобы понять психологию эксцессов, в сущности надлежит разсѣдывать каждый случай в отдельности, ибо подчас вовсе не “офицерский мундир” сам по себе, а случайно сопутствующая обстоятельства приводили переменчивую в настроениях толпу к эксцессу... Никакой “правильной, организованной облавы” на офицеров, конечно, не было (утверждение Врангеля-отца). Среди таких случайных причин едва ли не на первом месте надо поставить злостную провокацию. В революционной толпе, вѣроятно, шныряло немало “озлобленных, мстительных людей”, пытавшихся сдѣлать ставку на разнуздывание стихии (это отмечает Петрищев). Их пропаганда успеха не имѣла, преломляясь в миролюбивом скорѣ настроении толпы. Есть и еще некоторая особенность в этих первых эксцессах против офицеров, специально отмѣченная адм. Колчаком в телеграмме Алексею 6 марта. В Черноморском флоте было спокойно: “только на некоторых кораблях, — сообщал Колчак, — существует движение против офицеров, носящих немецкую фамилию”. Эту особенность надлежит отметить и в отношении Петербурга. Ген. Врангель, прибывший в начале марта в Петербург, упоминает среди “жертв обезумевшей толпы и солдат” несколько своих знакомых: “престарѣлый гр. Штакельберг, бывший командир Кавалергардского полка гр. Менгден, лейб-гусар гр. Клейнмихель”... Последние два были убиты в Лугѣ своими же солдатами запасных частей гвардейской кавалерии*).

Трудно не увидеть здесь проявление рикошета в примитивной, грубой форме революционного эксцесса той псевдо-националистической пропаганды, которая в атмосфере военного психоза родилась в предреволюционное время, нервирова массы, распространя фантасти-

*) Драма в Лугѣ 1 марта (в этот день Луга пережила то, что Петербург пережил 28-го) может явиться довольно показательной иллюстрацией. Вот как она изображена в воспоминаниях Вороновича. Я вынужден отбросить все характерные детали, объясняющие обстановку, в которой произошел арест Менгдена группой солдат разрозненных частей, преимущественно артиллеристов новобранцев, при попустительствѣ кавалергардов, среди которых «наш старик» пользовался значительными симпатиями. Мотив ареста был тот, что нужно арестовать офицеров «из немцев» по подозрению в шпионаже. Подлежали аресту по приговоренной «записочке»: фон Зейдлиц, бар. Розенберг, Собир, Эгерштром и гр. Клейнмихель. Первые трое, оказавшиеся в управлении, были взяты на поруки кавалеристами и оставлены на свободу. Полк. Эгерштром и ротм. Клейнмихель были приведены на гауптвахту, где был заключен ген. Менгден, как не признающий нового революционного правительства. Воронович подчеркивает, что Эгерштром и Клейнмихель «ненавидели все солдаты пункта» (Клейнмихель накануне приказал «всыпать сто розог» за неоправдание чести). Вызывающее поведение арестованных, т. е. угрозы со стороны их в ответ на «глумление» солдат, вызвали самосуд, жертвой которого сдѣлался и Менгден... «Убийство Менгдена — говорят Воронович — произвело на солдат удручающее впечатление. Я слышал, как многие предлагали немедленно разыскать убийцу старика и расправиться с ним». Что касается Штакельберга, то здесь была и некоторая специфичность в обстановке. По расказу кн. Путятинной, жившей в соседнем доме, старик генерал со своим денщиком оказали вооруженное сопротивление «в течение нескольких часов» толпе солдат, пытавшейся проникнуть в дом.

*) Проявляя нам может дать много примѣров того, что можно назвать революционной индией. Напр., в Екатеринославѣ помощник полицеймейстера полк. Бѣлоконь шел во главе манифестации 3 марта; в Бахмутѣ полиция охраняла порядок в аналогичной манифестации; в Харьковѣ губернатор объявил 4-го, что всякое выступление против нового правительства будет «всемирно преслѣдоваться и караться по всей строгости закона»; курьезно, что о «привлечении к ответственности» врагов нового строя говорил никто иной, как мѣстный начальник жандармского управления.

ческие слухи о предательстве и измене даже в царской семье. Надо призадуматься еще над тем, кто является подлинным виновником рожденья чреватой по своим последствиям легенды "о генералах-изменниках" (см. мои книги "Легенда о сепаратном мире" и "На путях к дворцовому перевороту"). С 1 марта нельзя зарегистрировать ни одного факта убийства "офицера" в столичном граде Петра. Это само за себя уже говорит. Показательно и то, что в тех немногих случаях, которые могут быть зарегистрированы, месть почти всегда производилась выстрелом неизвестного "из толпы".

Конечно, никакой непреходимой пропасти между офицером и солдатом на исходе третьего года войны не было. Много ненормального оставалось в быту, порождением сословными перегородками старого режима, но совершенно неизбежно взаимное общение в окопных оивуаках и изменение, демократизация состава низшего командования смягчали искусственно устанавливаемую рознь. Но условия, в которых произошла революция, когда солдатская масса почти всегда выступала без офицерского состава, совершенно естественно порождали недоверие к настроенным верхним слоям армии — что в значительной степени вытекало при неуверенности еще за будущее из страха ответственности за содеянное. Этот безотчетный страх "ответственности" спавал до некоторой степени массу и заставлял ее держаться за коллектив. Пысехонов рассказывает, какие огромные трудности предстали перед ним, как комиссаром Петербургской стороны, когда из Ораниенбаума 28-го пришел в столицу "двухлетняя революция" второй пулеметный полк и потребовал отвода себе помещения. Солдат было... 16 тысяч. "До нельзя испуганные, чуть не в панике, они ужасно боялись расправы, которая может их постигнуть за то, что они надблали", и потому требовали "поместить их в одном месте"*. Их поместили в знаменитом Народном Доме. Вся масса производила впечатление "потревоженного улья", — солдатам казалось, что их с умыслом завели в стоящее особняком помещение, где их могут взорвать или иначе как-нибудь уничтожить. Офицерам была отведена небольшая комната, где они должны были проводить все время, оставаясь в сущности под арестом. Через образовавшийся полковой комитет комиссар убедил полк вернуться в Ораниенбаум, если будет "такой приказ от Совета". Но получить "такой приказ" оказалось не так легко, ибо "революционная" войска не могут быть выводимы из Петрограда и должны оставаться здесь, чтобы защищать завоевания революции", — сказали в Исп. Ком. Пысехонову, а некоторым в его просьбе почудилась даже "контр-революционная затея"...

Такова была психологическая обстановка, и поэтому первая же попытка от имени Временного Комитета ввести стихию в определенные рамки вызвала некоторое волнение в гарнизонах. За подписью Родзянко был выпущен "приказ" по войскам, в котором предписывалось всем отдельным нижним чинам и воинским частям немедленно возвратиться в свои казармы, всем офицерским чинам явиться в свои части и принять все меры к водворению порядка. Командиры частей вызывались в Гос. Думу к 11 час. утра 28-го для получения распоря-

*) «Страх» и «неуверенность» отмѣчает и упомянутая выше протокольная запись опроса в Волыском полку. «Стадо баранов» — скажет про перепутанных запасных старик Врангель.

жений. Тогдашний председатель военной комиссии, состоявшей формально при Временном Комитете и фактически объединявшей представителей обоих политических секторов, полк. Ангельгардт в воспоминаниях, напечатанных в буржевском "Общем Дѣлѣ", говорит, что "приказ" Родзянко не появился, так как был захвачен в типографии и уничтожен рабочими, увидевшими в "желании ввести солдат в рамки дисциплины и порядка" — попытку "приостановить, даже задушить, начавшуюся революцию". Надо думать, что "приказ" в том или ином виде все же был распространяем*). Офицеры стали появляться в своих частях, командный состав возвращался на посты, воинские части дефилируют с утра 28-го в Гос. Думу, выражая свою верность новому порядку и т. д. Представители Временного Комитета говорили успокоительные речи, призывая солдат слушаться офицеров: без начальников воинская часть превращается в толпу, которая неспособна выступить организованно и содействовать водворению порядка — убеждали Родзянко, Милюков и др. Но о каких офицерах шла речь? Только о тех, конечно, которые действуют в "согласии с Гос. Думой". Пока еще трудно при отсутствии систематически опубликованного материала, без специальных архивных изысканий представить себе бытовую жизнь воинских частей в первые дни этого переходного периода. В соответствии со всеобщим хаосом нечто хаотическое было и здесь. В одних частях сохранялся старый командный состав, в других военная комиссия сама назначала временное командование кого-либо из наличного состава офицеров (напр., в Волыском полку — приказом Ангельгардта, помеченным 8 ч. 30 м. утра 28-го командование вручено было двум прапорщикам), в третьих происходили выборы. Не всегда это было самозванным действием образующейся солдатской вольницы в обстановке "мятежного движения". Найдите своих офицеров, которые стоят под командой Гос. Думы, и сами встаньте под их команду — рекомендовал 28-го не кто иной, как Милюков, лейб-гренадерам (по отчету "Известий" Комитета Журналистов).

Как будто бы дело шло к мирному разрешению с того момента, как около 2 часов 28-го самоликвидировались сосредоточенные в Адмиралтействе "верные части", которыми располагала еще существовавшая военная правительственная власть. Их было немного по официальным данным: 600 чел. пѣхоты, 500 кавалерии, 15 пулеметов, 12 орудий при 80 патронах. Символом завершения этого процесса могла служить резолюция многолюднейшего — "несколько тысяч" — собрания офицеров утром 1 марта в помещении "Армии и Флота", единогласно признававшая власть Исп. Ком. Гос. Думы "впредь до созыва Учредительного Собрания**). В тот же день около 4 час. произо-

*) Трудно определенно решить этот вопрос, хотя во всей литературе, начиная с советской «хроники» революционных событий, приказ этот цитируется, но среди опубликованных официальных документов (два воззвания Временного Комитета, помеченные 27-м) его нет. Нельзя забывать, что типографская техника в первую ночь еще так плохо была налажена, что одно из первых советских обращений, предлагавшее населению пріютить и накормить возставших солдат, распространялось по городу в литографированном виде.

**) В воспоминаниях (с обычной неточностью) можно найти отклик закулисной борьбы, происходившей в собрании. В Исп. Ком. «явились возбужденные офицеры» — рассказывает Суханов — которые жаловались «на

шло демонстративное присоединение к Гос. Думѣ от имени Гвардейскаго Экипажа в. кн. Кирилла, обратившагося перед тѣмъ с аналогичнымъ призывомъ къ начальникамъ царскосельскаго гарнизона, послѣ чего дворцовая полиція, царскій козвой, собственный Е. В. сводный полкъ и желѣзнодорожники послали в Таврическій дворецъ своихъ представителей с заявленіемъ о переходѣ на сторону новаго правительства. Под звуки Марсельезы с красными флагами, по утверженію коменданта Таврическаго дворца Перепца, в Думу прибыл и жандармскій дивизіон...

Итак, на петербургскомъ небосклонѣ не было видимой пелены контр-революціонныхъ настроеній, а по утверженію арестованной престарѣлой гр. Клейнмихель, находившейся в Таврическомъ дворцѣ в моментъ великокняжеской демонстраціи, “революціонная осанка” представителя императорской фамиліи даже “восхищала” солдат*). Но... “тутъ вдругъ посыпались фантастическія, непонятныя извѣстія из цѣлаго ряда полковъ, — вспоминаетъ Энгельгардт, — о томъ, что офицеры забираютъ солдатъ в казармахъ, отбираютъ оружіе, заставляютъ присягать на вѣрность старому порядку. Былъ отправленъ ген. штаба полкъ Балобанъ в Егерскій полкъ, чтобы выяснитъ тамъ положеніе вещей, пор. Гуровскій и еще нѣсколько офицеровъ отправились в другіе полки для проверкѣ свѣдѣній и для успокоенія солдат”. Посланные принесли успокоительныя извѣстія, но “с другой стороны, ко мнѣ попрежнему прибѣгали солдаты, взволнованные и, видимо, убѣжденные, докладывали о контр-революціонныхъ выступленіяхъ офицеровъ... Было несомнѣнно, что тутъ была типичная провокація, и что провокація имѣла успѣхъ”. Энгельгардтъ доложилъ думскому комитету о распространившихся слухахъ и о возможныхъ эксцессахъ (междуарістъ относитъ свое сообщеніе на вечеръ 1 марта), и было рѣшено для успокоенія солдатъ издать приказъ о недопустимости отбиранія у нихъ оружія. Упомянувъ о слухахъ, которые были проверены и оказались ложными, временный командующій революціонной арміей объявилъ, что “будутъ приняты самыя рѣшительныя мѣры к недопущенію подобныхъ дѣйствій, вплоть до *разстрѣловъ*”... Очень знаменательно, что угроза “разстрѣломъ” раздалась впервые со

злостное искаженіе ихъ позиціи, такъ какъ из Временнаго Комитета, куда доставлена была резолюція, она пошла в печать уже безъ Учредительнаго Собранія. «Я прочелъ резолюцію (т. е. проектъ) — вспоминаетъ Шульгин — и кратко объяснилъ, что говорить объ Учр. Собраніи не нужно». Делегаты обѣщали «вычеркнуть и провести это в собраніи». Однако, резолюція с Учр. Собр. была проведена единогласно. Родзянко, относившій резолюцію на 3-ье марта, говоритъ, что собраніе («в числѣ около ста тысячъ человекъ» — такъ и напечатано в гессеновскомъ «Архивѣ») вынесло «самыя рѣзкія резолюціи до требованія ареста имп. Николая II» — многочисленная депутація явилась ко мнѣ тогда во Врем. Ком. с цѣлью поддержать резолюцію и с трудомъ удалось успокоить взволнованную до невозможности публику. Резолюція была напечатана с упоминаніемъ объ Учредительномъ Собраніи и, вѣроятно, она оказалась не безъ вліянія на то «новое теченіе», которое к вечеру перваго марта стало намѣчаться в руководящихъ кругахъ «цензурной общественности».

*) По словамъ солдата-большевика Сорокина, принадлежавшаго к составу Гвардейскаго Экипажа, «революціонная осанка» в. кн. Кирилла шла будто бы такъ далеко, что онъ самъ, взявъ винтовку, отстрѣливался отъ «городовыхъ» — воображаемыхъ и невидимыхъ враговъ.

стороны Временнаго Комитета*). Она свидѣтельствовала о той неизбежной двойственности, которой отмѣчалась дѣятельность военной Комиссіи — с одной стороны, попытка внести успокоеніе, с другой — нервный страхъ передъ неликвидированными еще силами стараго порядка.

Были ли какія-нибудь основанія для распространившихся слуховъ, была ли это “провокація” или просто у страха глаза были велики? Стоитъ заглянуть в опубликованную неполную серію входящихъ и исходящихъ бумагъ Военной Комиссіи за 28 февраля для того, чтобы воочию себѣ представить фантастическія слухи, распространявшіеся по городу и волновавшіе гарнизон. Отвѣсному поступаютъ частныя свѣдѣнія о большихъ полицейскихъ засадахъ в тѣхъ или иныхъ домахъ, о воображаемыхъ пулметахъ на крышахъ, о тайнственныхъ “черныхъ автомобиляхъ”, развѣзжающихъ ночью по улицамъ и разстрѣливающихъ прохожихъ, — свѣдѣнія, которыя подчасъ сопровождаются лаконическими пометками: “невѣрные свѣдѣнія”, “не оправдалось”. Одинъ изъ “карауловъ” доноситъ на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ “частными лицами”, что в Академіи Ген. Штаба “собралось около 300 офицеровъ, вооруженныхъ пулеметами, с цѣлью нападенія на Таврическій дворецъ”, от студентовъ с Балтійскаго вокзала поступаютъ изъ “достоверныхъ источниковъ” свѣдѣнія о продвиженіи с фронта “36 эшелоновъ в Царское Село”, из сапернаго батальона сообщаютъ о прибытіи в Зимній дворецъ артиллеріи из Царскаго Села с 12-дюймовыми орудіями и т. д.

Среди подобныхъ слуховъ могли быть и слухи, вовсе не провокаціонные о попыткахъ разоруженія. Трудно, однако, представить себѣ, чтобы в обстановкѣ 28-го, а тѣмъ болѣе перваго, подобные случаи реально могли имѣть мѣсто. Современники не зафиксировали ни одного конкретнаго случая, и послѣдующія сообщенія повторяютъ лишь голословныя предположенія, высказанныя Стекловымъ 30-го марта: “нѣкоторые офицеры, очевидно, сторонники стараго режима, начали разоружать солдат”. При этомъ произошли эксцессы. Слухи в гораздо болѣе степени могли возникнуть в связи с отдѣльными распоряженіями военной комиссіи, имѣвшими цѣлью “возстановленіе порядка”. Не надо забывать, что это былъ лишь второй день революціи, а для периферій в сущности первый**). В то время, какъ думскіе представители в Таврическомъ дворцѣ, призывая солдатскія команды сорганизоваться и объединиться с офицерами под думскимъ флагомъ, указывали на опасность, которая грозитъ еще революціи, военная комиссія или отдѣльные ея представители одновременно разсылали “приказанія” в родѣ того, которое было дано, напр., прап. Пикому, адъютанту квартировавшаго в Красномъ Селѣ полка (“приказаніе” отъ 1 марта за подписью Энгельгардта): предписывалось передать “нижнимъ чинамъ”, оставшимся в Красномъ, чтобы они “никуда изъ расположенія полка не двигались и с особымъ усердіемъ немедленно приступили бы къ занятіямъ”. Такія “приказанія” могли быть в это время цѣлесообразными в отно-

*) Подлиннаго текста энгельгардтовскаго приказа я не могъ найти. Даже дата его остается сомнительной, ибо многіе изъ упоминающихъ о немъ относятъ его к 28-му, не къ первому, что, пожалуй, болѣе соответствуетъ обстановкѣ.

**) Весьма большое, конечно, преувеличеніе допустили составители «Хроники февральской революціи» в утвержденіи, что «к 4 часамъ 27 февраля весь городъ за исключеніемъ Адмиралтейства, Зимняго дворца и Петропавловской крѣпости находился во власти возставшихъ».

шении таких привилегированных военно-учебных заведений, как па- жеский корпус ("приказание" 28 фев.) и некоторы военные училища (которым не выполнѣ доврѣяли)*), — учебныя занятія "в полном нор- мальном порядкѣ" спасали училища от возможных эксцессов. Совѣм по иному подобныя приказы в "разгарѣ возстанія" могли отлагаться в солдатскѣ психикѣ, — особенно, если они не совѣм удачно фор- мулировались в привычных терминах полицейскаго режима; напр., "дозорам", назначенным от Преображенскаго полка, 1 марта вымѣня- лось в обязанность "разгонять различныя сборища на улицах" (при- каз командира батальона "во исполненіе распоряженія Временнаго Комитета охраны гор. Петрограда" с помѣткой: "не подлежит огла- шенію"). В паршивем хаосѣ каждый член отдавал (нерѣдко самостоя- тельно) "приказанія" на различных официальных бланках — отсюда и рѣзкія противорѣчія. Впослѣдствіи военная коммисія в официальном отчетѣ представляла свою дѣятельность выполнѣ послѣдовательной и планомерной. Конечно, это было не совѣм так в первые дни**).

Расхожденіе между двумя политическими секторами должно было сказываться в самом подходѣ к вопросу о "восстановленіи порядка", расхожденіе, которое Энгельгардт в воспоминаніях опредѣлил так: "го- ворить нечего, что для конституціоналистов и постепеновцев, членов прогрессивнаго блока, дальнѣйшее "углубленіе" революціи уже было не нужно 28 февраля". И тѣм не менѣе я побоялся бы, не нарушая исто- рической перспективы, рѣзко противопоставить в данном случаѣ поли- тикику "думскую" политикѣ "совѣтской", как это дѣлают всѣ мемуа- ристы лѣваго сектора. Вот примѣр. Анализируя слова, с которыми Милоков 28-го обращался к воинским частям, Суханов отмѣчает про- щипательность того, кто "не в примѣр своей думской периферіи умѣл смотреть в корень" и в "первый же момент революціи", "еще до вы- ясненія позиціи Совѣта", поставил "ребром будущій роковой вопрос о двоевластіи". Милоков, призывая подчиниться единой власти — Временному Комитету — указывал, дѣйствительно, на опасность двое- властія (слова его были воспроизведены в "Извѣстіях" журналистов). Между тѣм, едва ли имѣется сомнѣніе в том, что в своих опасеніях оратор был далек от мысли бросить "яблоко раздора" и отгораживаться от политики Совѣта, о настроеніи котораго он был мало освѣдомлен, и который в первые дни не претендовал на власть; говоря о двоевла- стіи, Милоков имѣл в виду еще не ликвидированную старую власть, — это вытекает из контекста всѣх его рѣчей. Суханов заключает: "с утра 28-го по всему фронту праваго крыла уже шла атака на гарнизон с кличем: "возвращайтесь спокойно в казармы, подчиняйтесь офице- рам, подчиненным Гос. Думѣ и не слушайте никого больше, опасаясь двоевластія". Было ясно "нашему Исп. Ком... предстояло немедленно

принять мѣры к постановкѣ агитаціоннаго дѣла... среди гарнизона... и немедленно озаботиться производством выборов во всѣх воинских ча- стях в Совѣт Р. Д.". Итак, послѣдующая совѣтская политика, одним из звеньев которой было изданіе "приказа № 1", изображается в видѣ сознательнаго противодѣйствія политикѣ думской. Согласиться с этим без очень существенных оговорок нельзя. Нѣсколько, быть может, сусально зарисованная картина, на которой изображен член Гос. Думы октябрист свящ. Петров, из вѣстібюля Таврическаго дворца благо- словляющій 28 февраля подходящія воинскія части, и соц. дем. Чхе- идзе, на колѣнях "с восторгом" цѣлующій, как символ побѣдившей революціи, красное знамя, выхваченное из рук солдат Инженернаго батальона, пришедшаго одним из первых "с офицерами" и "оркест- ром музыки" (воспоминанія Станкевича) — в большой степени даст представление о подлинном господствовавшем тогда настроеніи...

"Знаменитый приказ Родзянко", изданный "без вѣдома значи- тельной части членов даже думскаго комитета", утверждал Стеклов в докладѣ 30 марта, — привел к эксцессам. "Мы первые скорбили о смертях и насиліях", — говорил Стеклов: "Мы никогда не призывали к кровопролитію и убійствам. Наоборот, всѣм вѣсом своего авторитета мы старались воздѣйствовать против этих эксцессов... Мы не могли не видѣть, что армію толкают на эксцессы, что народ призывают к насилію этим, в лучшем случаѣ, неосторожным политическим актом, неразумность котораго не мог сразу оцѣнить его автор. Я должен ска- зать, что думскій комитет посѣпшил взять обратно и уничтожить при- каз*", но яблоко раздора было брошено: оказалось, не только револю- ція, но и права солдата не обезпечены, и здѣсь стихійно вылилось... бурное стремленіе солдат как-нибудь оформить свои права". Эксцес- сы, вызванныя "приказом" Родзянко и попытками разоруженія гар- низона (или только "провокаціонными" слухами), остаются неулови- мыми и, думается, они должны в большей степени быть отнесены за счет позднѣйшей придуманной аргументаціи, объяснявшей тѣ, скорѣе все же единичныя факты революціоннаго насилія над отдѣльными офи- церами, которые имѣли мѣсто в Петербургѣ в дни 28 февраля и пер- ваго марта. В наличности у гарнизона оставалось напряженное, болѣз- ненно-извинченное самочувствіе, всегда грозное в обстановкѣ угрожа- ющей демагогіи, — как бы в преддверіи возможных эксцессов... Нель- зя не повторить тому, что большинство членов Исп. Ком., как и люди, засѣдавшіе в думском комитетѣ, были чрезвычайно обезпокоены, по- ступившими из Кронштадта в утренніе часы перваго марта извѣстіями с происходивших там насилій над офицерами. "Кронштадтскія извѣ- стія, — пишет Суханов, — могли вылиться в безудержную и гибель- ную стихійную бурю". Тогда же было рѣшено в Исп. Ком. немедленно опубликовать воззваніе к солдатам с протестом против самосуда, с при- зывом установить "контакт" между солдатами и офицерами револю- ціонной арміи, с указаніем на присоединеніе офицерской массы к ре- волюціи и на безопасность ея для "солдатской вольницы в новых ус- ловіях".

*) Стеклов, очевидно, имѣл в виду упомянутое объявленіе Энгель- гардта.

*) Военныя училища, которых старое правительство не считало воз- можным привлечь к подавленію уличных беспорядков, были в февральскіе дни на положеніи "нейтральных" (Мстиславскій). Правильно было бы ска- зать о положеніи колебательном: один из документов военной коммисіи, помѣченный 6 ч. 50 м. утра перваго марта, гласит, напр., что павловское училище "располагалось, может быть, даже выступить против".

**) При отсутствіи матеріала приходится воздерживаться от слишком категорических толкованій, к которым склонны комментаторы большевнцких изданій, и связать дикторскія тенденціи Караулова (если только вѣрить указаніям Шульгина) с попытками использовать Преображенскій полк.

В такой атмосфере и родился “приказ № 1”. “Советские” мемуаристы довольно однородно рассказывают, как выработаны были основные положения, вошедшие в текст приказа. Происходило это на дневном общем собрании Совета первого марта, когда Совет с учреждением “солдатской секции” превратился в представительство не только рабочих, но и солдатских депутатов. Объединение явилось естественным результатом событий и не может быть поставлено в зависимость от какого-то обдуманного плана противодействия думской агитации, как хочет представить Суханов. Распыленные солдатские массы сдвинулись центром событий с момента, когда февральские рабочие демонстрации превратились в солдатский бунт, рывший судьбу старого политического строя. Оставшись дезорганизованными в вихрь революционных событий эти массы, конечно, не могли. По утверждению Шляпникова, только “после долгого колебания” из-за боязни вовлечь армию в “политическую борьбу” и сдвинуть ее тем самым “небоееспособной”, Исп. Ком. постановил 28-го вечером организовать при Совете специальную “солдатскую секцию”. Не столько настойчивость представителей большевиков, выступавших против аргументации, которая развивалась “в рядах оборонческих групп”, сколько жизненная необходимость разрешила вопрос.

Совершенно естественно на первом общем собрании Совета с делегатами от воинских частей был поставлен на обсуждение волновавший гарнизон “солдатский” вопрос: о пределах компетенции военной комиссии, о выдаче оружия, об отношении к возвращающимся офицерам и т. п. В результате совещания, происходившего под председательством вседущаго Соколова, были приняты положения, формулированные, занимавшим отнюдь не крайнюю позицию с. д. Кливинским, одним из ближайших сотрудников газеты “День”: 1. “немедленно предложить тов. солдатам не выдавать оружия никому. 2. ...немедленно избрать представителей в Совет солд. и раб. депутатов по одному на каждую роту. 3. предложить тов. солдатам подчиняться при своих политических выступлениях только Совету Р. и С. Д.; 4. предложить тов. солдатам, подчиняясь во фронте офицерам, вместе с тем считать их вне фронта равноправными гражданами”. Заседание не протекало в атмосфере какой-то особой непримиримости и враждебности. Разработка и окончательное редактирование положений, установленных на совещании, были поручены комиссии, куда вошли представители солдат, дополнительно избранные в Исполнительный Комитет. Суханов, мало интересовавшийся тем, что делается на безответственном “митинге”, каким в его глазах являлось общее собрание, и занятый, как мы знаем, в это именно время в Исп. Ком. выяснением основной политической линии советской демократии, “лишь проходя” мог наблюдать картину, как писался текст будущего “приказа № 1”; “за письменным столом сидел Н. Д. Соколов и писал. Его со всех сторон облепили сидевшие, стоявшие и наваливавшиеся солдаты и не то диктовали, не то подсказывали Соколову то, что он писал”. “Приказ этот был в полном смысле продуктом народного творчества”, — заключает Суханов. Заключение это стало общим местом, и его любили повторять те, кто хотел снять ответственность за “приказ № 1” с деятелей Исп. Ком. “И если среди всех актов Совета Р. и С. Д., если среди всех документов, носящих подпись Исп. Ком. — докладывал Стеклов в Совещании Со-

ветов, — имеется какой-либо, который был подлинным творчеством народных масс, то это был приказ № 1, выработанный солдатскими депутатами, пришедшими с улицы и из революционных казарм; это настолько был акт творчества этих масс, что большинство членов И. К... узнали об этом акте, когда он был уже напечатан”. И всетаки это, конечно, не совсем так — уже потому, что “представители солдат”, “товарищи” Садовский, Падерин, Линде, Кудрявцев и др. (не говоря уже о прис. пов. Соколов, который, по мнению Суханова, был лишь “техническим исполнителем предначертаний самих масс”), были партийными людьми — некоторые из них были враждебны согласительной политике, доминировавшей в руководящем центре Исп. Ком.*).

Общая “положения”, принятая в Совете, значительно заострилась в конкретной формулировке “редакционной” комиссии. Вопрос о выдаче оружия был формулирован так: “всякого рода оружие... должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям”. Текст о подчинении гарнизона Совету в политических выступлениях получил добавление: “Приказы военной комиссии Гос. Думы следует исполнять за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета Р. и С. Д.”. Положение о подчинении “во фронте офицерам” и о гражданском равноправии “вне фронта” формулировано было следующим образом: “В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую военную дисциплину, но вне службы и строя в своей политической общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в правах, коими пользуются все граждане”. Пункт этот добавлялся указанием, что “обязательное отдание че-

*) Членовкинского лагеря, сын члена Гос. Думы Алексеев, тогда еще студент Петербургского университета, в статье «Рождение приказа номер первый» (с подзаголовком «из дневника»), напечатанной в 32 г. на столбцах эм. газеты «Возрождение», развил противоположный взгляд на происхождение этого документа. Он утверждал, что сам присутствовал 28-го в Таврическом дворце, когда «рабочие и солдатня», представители революционного Петербурга и германского ген. штаба создавали «приказ № 1». Алексеев видел отпечатанный на машинке оригинал текста с карандашными и чернильными поправками разными почерками, «зготовленный не в помещении Думы» и принесенный Кливинским. В его присутствии оригинал текста по исполнению почему-то был инициаторами передан депутату Караулову, с которым представители революционной демократии не были в добрых отношениях. Глаза Алексеева вообще в то время видели слишком много, а рука его это многое занесла в «дневник». Явившись утром или в ранние дневные часы в Думу, он застал «необычайное зрелище» превращения Таврического дворца в «цитадель» — слышно слышалось продолговатые, заготовлявшие ручные гранаты. Вокруг в углах и на балконах говорились рвчи, «ежеминутно» приводились арестованные и т. д. На этой неудержимой фантастике слишком богатой памяти очевидно останавливаться, конечно, не стоит. Отмечая ее, как последнее (хронологически) выражение другой версии происхождения «приказа № 1», сдвинувшейся также общим местом в мемуарах, вышедших из среды представителей «цензурной общественности» 17 г. Там царит на основании «внутреннего убждения» втра в германское происхождение приказа, осуществленного через посредничество особой «подпольной организации» (Гучков, Родзянко, Шидловский и др. — даже отчасти Милоков). У таких историков революция, как Якобий, «приказ № 1», являющийся собой выполнение обязательств перед германским ген. штабом, цѣликом и отредактирован последним.

сти въ службы отмѣняется"; "равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ", "воспрещается обращеніе къ солдатамъ на "ты" и т. д. Вводный первый пунктъ устанавливалъ немедленное учрежденіе комитетовъ "изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ" "во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ..., отдѣльныхъ службъ... разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота". На этотъ абзацъ надлежитъ обратить особое вниманіе, ибо въ послѣдствіи со стороны тѣхъ, кто въ "приказѣ № 1" видѣлъ первооснову разложенія арміи, шли настойчивыя утвержденія, что приказъ устанавливалъ выборность офицерскаго состава.

Намъ придется ниже вернуться къ "приказу № 1" и давать его оффику по существу въ связи съ правительственными попытками реформировать укладъ арміи. Сейчасъ болѣе интересна для насъ формальная сторона вопроса. Между совѣтскими мемуаристами получилось существенное расхожденіе въ опредѣленіи пути официального прохожденія по инстанціямъ приказа. Сухановъ, какъ и Стекловъ, утверждаетъ, что Исп. Ком. познакомился съ подлиннымъ содержаніемъ злополучнаго документа только на другой день изъ текста, напечатаннаго въ "Извѣстіяхъ". Поينو излагаетъ, какъ непосредственный свидѣтель, Шляпниковъ. Онъ подчеркиваетъ, что члены Исп. Ком. не вмѣшивались въ техническую работу редакціонной коммисіи, но по окончаніи работы текстъ былъ оглашенъ Соколовымъ въ Исп. Ком.. Ни одного принципиальнаго возраженія не было представлено, и "той же группѣ товарищей" было предложено превести "приказъ" на собраніи Совѣта, еще не разошедшагося, хотя время было "подъ вечеръ". Текстъ былъ заслушанъ. "Солдаты были въ себя отъ восторга"... Если даже допустить, что память мемуариста точно и объективно воспроизвела обстановку формальнаго принятія "приказа № 1", все же довольно ясно, что текстъ былъ принятъ въ порядкѣ простой митинговой резолюціи и не подвергся предварительному разсмотрѣнію по существу въ исполнительномъ органѣ Совѣта. Этотъ роковой въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ документъ исторіи революціи прошел фуксомъ, какъ и многія другія отгѣтственные рѣшенія въ тѣ дни. Творцы его, загипнотизированные текущей столичной дѣйствительностью, едва ли серьезно задумывались о завтрашнемъ днѣ. Вѣрно въ этомъ отношеніи опредѣлилъ суть дѣла ген. Алексѣевъ на московскомъ августовскомъ государственномъ совѣщаніи, — онъ сказалъ: — "Говорятъ, что этотъ актъ отвѣчалъ моменту. Можетъ быть. Но отвѣчалъ ли онъ миллионамъ моментовъ будущаго, черезъ которые должна пройти наша родина? Безпристрастная исторія въ очень скоромъ времени укажетъ мѣсто и этому акту: явился ли этотъ актъ актомъ государственнаго недоразумѣнія или актомъ государственнаго преступленія"...

Остается открытымъ, быть можетъ, самый важный вопросъ, — по чьей инициативѣ совѣтской резолюціи была придана внѣшняя форма "приказа", — въѣтъ именно это, создавъ прецедентъ, оказалось чревато своими послѣдствіями. Въ воспоминаніяхъ Энгельгардта имѣется чрезвычайно интересное поясненіе, фактическая сторона котораго могла бы быть заподозрена въ силу очевидныхъ неточностей, если бы въ архивныхъ документахъ Временнаго Комитета не сохранилась аналогичная тогдашняя записъ б. предсѣдателя военной коммисіи. Сообщивъ о всемъ объясненіи, грозившемъ разстрѣлами офицерамъ за контр-рево-

люціонныя дѣянія, Энгельгардтъ продолжаетъ: "Засѣданіе Врем. Ком. продолжалось (дѣло было "поздно вечеромъ"), когда доложили, что явилась депутація отъ воинскихъ частей петроградскаго гарнизона. Дѣйствительно, собралось человѣкъ 20-25 солдатъ, изъ коихъ нѣкоторые предъявили удостовѣреніе въ томъ, что они выбраны представителями своихъ полков*). Они единодушно заявили, что солдаты утратили довѣріе къ офицерамъ, которые съ первыхъ минутъ революціи покинули ихъ и заняли неопредѣленную выжидательную позицію. Въ виду этого пославшіе ихъ части требуютъ изданія правилъ объ избраніи офицеровъ, предоставленія солдатамъ контроля надъ всѣми хозяйственно-операционными частями и установленія новыхъ взаимоотношеній между начальниками и нижними чинами**). Я поспѣшилъ сообщить объ этомъ Родзянко и Гучкову***). Они самымъ категорическимъ образомъ протестовали противъ изданія чего-либо подобнаго и поручили мнѣ такъ или иначе *спроводить*, прибывшую депутацію, успокоивъ ее заявленіемъ, что въ ближайшемъ будущемъ будетъ создана особая коммисія... Успокоивъ этимъ заявленіемъ солдатъ, я вернулся въ помещеніе Врем. Ком., гдѣ уже не засталъ Гучкова, — онъ отправился на вокзалъ, чтобы ѣхать въ Псковъ къ Царю. Вскорѣ меня вызвали вновь въ корридоръ. Ко мнѣ подошелъ довольно распушеннаго вида солдатъ, который отрекомендовался членомъ Совѣта Р. Д. — "Къ вамъ являлись представители цѣлаго ряда частей съ просьбой выработать новыя правила воинской дисциплины", — сказалъ онъ. "Совѣтъ Р. Д. очень заинтересованъ этимъ вопросомъ и предлагаетъ Врем. Комитету разработать его совместно****). Я возразилъ ему, что Врем. Ком. Г. Д. находитъ опубликованіе такихъ правилъ недопустимымъ. "Тѣмъ лучше", — отвѣтилъ онъ мнѣ: — "сами напишемъ". На слѣдующій день между двумя и четырьмя часами дня на стѣнахъ Петрограда появился знаменитый "приказъ № 1".

Намъ нѣтъ необходимости вводить фактическія поправки къ изложенію мемуариста, — эти поправки вновь выступаютъ сами собой. Изъ его повѣствованія мы можемъ заключить, что Врем. Ком. былъ достаточно освѣдомленъ о происходившемъ, и поэтому никакъ нельзя сказать, какъ это сдѣлалъ Милоковъ въ "Исторіи революціи", что "какъ то со стороны и врасплохъ былъ подсунутъ Времен. Ком. Г. Д., поздно вечеромъ 1 марта, текстъ знаменитаго приказа № 1". Когда Милоковъ говорилъ о томъ, что текстъ "приказа" былъ "подсунутъ" Врем. Ком., онъ имѣлъ въ виду появленіе того неизвѣстнаго члена Исп. Ком. въ "солдатской формѣ", о которомъ разсказывалъ Энгельгардтъ. Почему всетаки мемуаристы, принадлежавшіе къ составу Врем. Ком., такъ упорно говорятъ о "приказѣ № 1", связывая его съ иочнымъ дѣніемъ при участіи совѣт-

*) В записи 17 г. Энгельгардтъ говоритъ о выборныхъ солдатахъ, пришедшихъ «приблизительно отъ 20 различныхъ частей».

**) В записи 17 г. значится: «приказъ, проектированный ими, много меньше затрагивалъ основы военной дисциплины, чѣмъ приказъ № 1, и касался лишь выборовъ младшихъ офицеровъ и установленія нѣкотораго наблюденія солдатъ за хозяйствомъ въ частяхъ войскъ».

***) В записи 17 г. Энгельгардтъ свидѣтельствовалъ, что вопросъ былъ обсужденъ въ засѣданіи Врем. Комитета.

****) В записи 17 г. говорится, что предложено было принять участіе въ разработкѣ Энгельгардту, какъ предсѣдателю военной коммисіи. Кстзти сказать, что онъ уже *тамъ* не былъ. Функции предсѣдателя принялъ Гучковъ, назначивъ своимъ помощникомъ ген. Потапова.

ских делегатов и в частности с именем Соколова? Может ли это быть отнесено к той только спутанности восприятия в дарившем хаосе, которую мы отмѣчали, и которую усилила литературная небрежность мемуарных перьев? Не исключена, конечно, возможность, что Соколов, председательствовавший на совѣтском “митингѣ” и редактировавший текст резолюции, пытался в той или иной мѣрѣ легализировать полезное с его точки зрѣнія дѣйствіе Совѣта через членов военной комиссии. Вѣдь нельзя же было в дѣйствительности ограничиться только энгельгардтовской угрозой разстрѣла заподозрѣнных в контр-революционных намѣреніях офицеров и обѣщаніем создать соотвѣтствующую комиссію*). Если бы текст “приказа № 1” был разработан совместно, вѣроятно, и формулировка одіозных пунктов получилась бы нѣсколько иная, и издав “приказ”, очевидно, был бы не от имени Совѣта. В отрывкѣ воспоминаній, напечатанном еще в 18 г. в самарской газетѣ “Волжскій День”, член Врем. Правительства Вл. Львов рассказывал, спутывая всѣ даты и излагая совершенно фантастическіе содержаніе документа, что Соколов появился на засѣданіи уже сформовавшагося правительства вечером 2-го и предлагал издать “приказ” от имени правительства. Думскій Комитет как-то отмахнулся (недаром Энгельгардт употребил слово “спроводить” в отношеніи прибывшей солдатской делегаціи) от той настоятельной потребности откликнуться на взволнованность солдатской массы, которая с очевидностью выступила в ту рѣшающую ночь, когда фактически была опредѣлена судьба изданія “приказа № 1”. И тогда “иниціативная” группа произвольно опубликовала “приказ”. Весьма вѣроятно, что среди этой инициативной группы был скорый на руку, не очень вдумчивый, обуреваемый благими намѣреніями “оборонец” из большевиков поим. пов. Соколов, признавший у Гиппиус (запись 6 марта), что в “бурлящей атмосферѣ” им было “что называется хвачено”.

**

Может показаться невѣроятным утвержденіе, что оглашеніе того “знаменитаго приказа”, который по позлѣйшему выраженію Терещенко (на польском совѣщаніи в Зим. Дворцѣ) являлся “величайшим преступленіем”, и о котором другой член Врем. Правит. Верховскій в дневникѣ-исповѣди записал: “будь проклят тот, кто придумал эту гадость”), вовсе не произвело впечатлѣнія разорвавшейся бомбы, как утверждает большинство мемуаристов. Потому ли, что в Петербургѣ, гдѣ все уже было “перевернуто вверх ногами”, и гдѣ казалась любая пѣна сходной, лишь бы начать приводить “солдатчину” в порядок (“Все пропало, Армія разлагается”, — говорил Станкевич Керенскому во французском изданіи его мемуаров, имѣл не больше

значенія, чѣм очередные приказы полк. Энгельгардта. У Керенскаго, принимая во вниманіе роль, им сыгранную, имѣется совершенно удивительное признаніе, что с текстом “приказа № 1” он познакомился лишь в декабрѣ 18 г. в Лондонѣ (!!). Характерно, что “Русскія Вѣдомости” даже не отмѣтили его в своей революціонной хроникѣ. “Приказ № 1”, другими словами, до нѣкоторой степени был признан отвѣчающим моменту, — в нем не усмотрѣли первой ласточки, предвѣщавшей анархію двоевластія, не очень вздумывались в его содержаніе и форму, в которую он был облечен, и относили скорѣе в область положительной революціонной пропаганды. Французскій журналист Клод Анв, вращавшійся отнюдь не в совѣтских кругах, мог даже в своем “дневникѣ”, воплощенном в корреспонденціи из Петербурга, в весьма преувеличенных тонах написать: если Совѣт предполагает организовать революціонную армію в духѣ этого приказа, мы можем привѣтствовать русскую армію — она пережила кризис. Конечно, члены Врем. Комитета были очень далеки от того, чтобы вслѣд за французским журналистом привѣтствовать “дух”, которым был проникнут “приказ № 1”. Они попросту отнеслись к нему спокойно и равнодушно*). Поэтому совѣтское выступленіе в теченіе дня 2-го марта никак не отразилось на ходѣ и завершеніи переговоров двух исполнительных комитетов. Не соотвѣтствует истинѣ, что Врем. Ком. было сдѣлано распоряженіе считать этот приказ недействительным и незаконным, как только до свѣдѣнія Врем. Ком. дошли сообщенія о разсылкѣ “приказа”. Уже послѣ фактическаго завершенія революціоннаго переворота — этой датой надо считать 3-ье марта или даже слѣдующій день, когда манифесты были опубликованы — в связи с протестом с фронта со стороны высшаго командованія арміей, поднялся вопрос о пересмотрѣ и соотвѣтствующем разъясненіи “приказа № 1”. Не новое правительство, а председатель Временнаго Комитета послал на фронт разъясненіе, что “приказы” Совѣта не имѣют значенія, так как Совѣт “в составѣ правительства не состоит”.

В главѣ о “трагедіи фронта” в связи с вопросом о реформах в арміи, предпринятых революціонной властью, мы коснемся роковой роли, которую сыграл в психологіи военной среды “приказ № 1”. Быть может, ему приписывали большее значеніе, чѣм он сам по себѣ имѣл в дѣйствительности. Но он стал как бы символом мѣропріятій, разлагавших армію. Отсюда острота, с которой относились в теченіе всей революціи к этому совѣтскому акту и повышенныя требованія к правительству о безоговорочном признаніи его “ошибочным”**) В петербургской обстановкѣ перваго марта “приказ”, дѣйствительно, не мог имѣть разлагающаго вліянія — непосредственное его воздѣйствіе

*) Косвенное подтвержденіе можно найти в воспоминаніях Гучкова, который отнес разработку «приказа» на ночь, когда он в о з в р а щ а л с я из Пскова

**) Побасенка о том, что «приказ № 1» явился актом «временнаго правительства», настолько прочно укоренилась в сознаніи нѣкоторых кругов, что ее через много лѣтъ повторил в воспоминаніях в. кн. Александр Мих., а придворный исторіограф ген. Дубенскій так опредѣленно знал, что Алексѣев «полтора часа» уговаривал Гучкова не опубликовывать этого «приказа». Военную среду до-нельзя раздражали заявленія представителей революціонной демократіи, что они в свое время вынуждены были обстоятельствами издать приказ № 1.

*) Мы видим, как далек Керенскій от дѣйствительности, когда утверждает, что «приказ № 1» был опубликован в о т в ѣ т (?) на распоряженіе Энгельгардта.

**) Не менѣе рѣзко выразился на совѣщаніи членов Гос. Думы 18 іюля крайне поправившій за дни революціи депутат Масленников — он говорил о «проходимцах», засѣдавших в Исп. Ком. С. и Р. Д. и проявивших изданіем «приказа № 1» не то «подлость», не то «безуміе».

в первый момент имѣло противоположные результаты. Несомнѣнно напряженная атмосфера среди гарнизона сильно смягчилась (эта напряженность значительно была преувеличена современниками). Выѣзныя уличныя наблюденія Набокова могут быть подтверждены и другими свидѣтельствами. Тот же подвижной французскій наблюдатель, слонявшійся по улицамъ столицы в поискахъ впечатлѣній, рассказывал в дневникѣ-статѣ под 5-м марта, как он в сопровожденіи кн. Ливена, адъютанта одного изъ наиболѣе аристократическихъ полковъ — кавалергардскаго, — прогуливался по Невскому проспекту, и какъ большинство вѣстрѣнныхъ солдатъ, также гулявшихъ в одиночку или группами, салютировали по военному офицера-кавалергарда: “каждый день наблюдается прогрессъ”, — замѣтилъ своему спутнику кн. Ливенъ, — “вчера отдавали честь больше, чѣмъ наканунѣ, а сегодня вы видите сами”. Не трудно, конечно, пропитировать и показанія иного характера, но они едва ли измѣнятъ общую картину. Попавшій черезъ нѣсколько дней в городъ ген. Врангель, рѣзко обвиняющій тѣхъ офицеровъ, которые “не побрезгали украсить форменное пальто моднымъ революціоннымъ цвѣтомъ и перестарались “трусостью, малодушіемъ и раболовіемъ передъ новыми властителями”, утверждаетъ, что он “постоянно ходилъ по городу пѣшкомъ в генеральской формѣ с вензелями Наслѣдника Цесаревича на погонахъ... и за все время не имѣлъ ни одного столкновенья”. Отдадимъ должное мужеству ген. Врангеля, но, очевидно, коса в данномъ случаѣ не находила на камень, — окружающія условія не создавали атмосферы, в которой родятся столкновенья и эксцессы. Такъ житейски понятно, что люди, подвергшіеся аресту и выпущенные, надѣвали красныя банты, что служило для нихъ своего рода иммунитетомъ.

Не то же ли мы видимъ внутри казармъ? Кн. Мансыревъ, в качествѣ депутата Думы, посѣтившій 2 марта казармы Петроградскаго и Измайловскаго полковъ, найдетъ “настроеніе солдатъ вездѣ... хорошее, радостное и дружеское”. Онъ расскажетъ, какъ солдаты вытолкали вонъ самозванныхъ агитаторовъ, комментировавшихъ “приказъ № 1” в смыслѣ неповиновенія офицерамъ и ведшихъ пораженческую пропаганду. Правда, на другой день в тѣхъ же казармахъ Измайловскаго полка депутату в одной ротѣ пришлось услышать “реплики недоброжелательнаго свойства”. “Изгнанные изъ полка агитаторы, — меланхолически замѣчаетъ мемуаристъ, — успѣли достигнуть своего... Это былъ первый *признакъ* разложенія арміи”. В первое время вообще солдаты безъ разрѣшенія Исп. Ком. никого не пропускали; конечно, то была фикція контроля, ибо самъ Шляпниковъ признался, что онъ в качествѣ члена Исп. Ком. десятками подписывалъ чистые бланки. Одного мемуариста всегда можно побить другимъ. Не разбираясь в безчисленныхъ субъективныхъ controversiis, ограничимся еще однимъ противоположнымъ приведенному свидѣтельствомъ, которое мы можемъ сопоставить с имѣющимся документомъ. Рѣчь идетъ о преображенцахъ. Вотъ картина, изображенная секретаремъ Родзянко Садиковымъ. Она столь характерна, что приведемъ ее, *in extenso*. “Однимъ изъ первыхъ послѣ переворота в полномъ составѣ в Думу явился запасной бат. л.-гв. Преображенскаго полка со всѣми офицерами и командиромъ полк. кн. Аргутинскимъ-Долгорукиимъ”, — пишетъ Садиковъ, воспроизводя легенду, нами уже разсмотрѣнную. Батальонъ первые нѣсколько дней нес наружную и внутреннюю охрану Таврическаго дворца, а также и караулы у министер-

скаго павильона, гдѣ находились арестованные министры. Солдаты были дисциплинированы и безприкословно подчинялись всѣмъ приказаніямъ своихъ офицеровъ. И вотъ черезъ нѣсколько дней батальонъ смѣнилъ другой полкъ, а преображенцы отправились къ себѣ в казармы. В тотъ же день картина совершенно измѣнилась. В казармахъ явились агитаторы, и къ вечеру всѣ офицеры были уже арестованы, подверглись всевозможнымъ издѣвательствамъ и, какъ потомъ мнѣ рассказывали, к нимъ в комнату ворвались скончательно распропагандированные, обезумѣвшіе и вооруженные до зубовъ ихъ же солдаты, обезоруживъ всѣхъ офицеровъ, хватали ихъ и *тащили для немедленной расправы* во дворъ казармъ. Кто-то доталался крикнуть: “тащите, товарищи, ихъ в Думу, — тамъ разберутъ”. Этотъ призывъ спасъ несчастныхъ. Всѣхъ офицеровъ, какъ они были, безъ шинелей, безъ фуражекъ, гурьбой по морозу и снѣгу гнали в Думу. Ихъ втащили в Екатерининскій залъ. Возбужденіе росло съ каждой минутой. Уже раздавались крики: “бей измѣнниковъ, бей предателей”. Случайно увидѣвъ эту картину, я понялъ, что спасти положеніе можетъ только М. Вл. Я бросился къ нему. Черезъ нѣсколько минутъ в залѣ появилась могучая фигура предсѣдателя Гос. Думы. Воцарилась тишина. Громовымъ голосомъ онъ приказалъ немедленно освободить всѣхъ офицеровъ и вернуть имъ оружіе, а затѣмъ, обратившись къ солдатамъ, громилъ ихъ и в концѣ концовъ выгналъ обратно в казармы. В полномъ порядкѣ солдаты, молча, покинули помѣщеніе Думы. Послѣ этого случая в батальонѣ надолго воцарился относительный порядокъ. Офицеры со слезами на глазахъ благодарили М. В. за спасеніе и просили разрѣшенія на эту ночь остаться в Думѣ”. “Не одну тысячу жизней спасъ М. В.”, — заключаетъ мемуаристъ...

Передъ нами, такимъ образомъ, яркій образчикъ разложенія, къ которому привелъ “приказъ № 1”. Однако подобныя воспоминанія можно объяснить лишь своего рода психозомъ воспріятія — такъ далеко это отъ того, что было. По совокупности того, что мы знаемъ о жизни батальона в первые дни революціи, можно сказать, что эта жизнь протекала не такъ спокойно, какъ воспринималъ ее секретарь Родзянко. Напряженность атмосферы внутри казармъ на Милліонной выступаетъ вполне опредѣленно, и она, дѣйствительно, проявлялась в отношеніи солдатъ къ нѣкоторой части команднаго состава. У потомковъ “декабристовъ” не все было благополучно во внутренней жизни батальона. Вотъ что говоритъ Шидловскій, старавшійся, какъ мы знаемъ, перваго марта черезъ солдатъ выяснить настроеніе в полку. “Подробныя разъясненія”, между прочимъ, “нарисовали мнѣ такую картину, существованіе которой я не считалъ возможнымъ даже в самомъ глухомъ полку арміи, а не то, что в первомъ полку гвардіи. Мнѣ потомъ рассказывали офицеры другихъ гвардейскихъ частей, что имъ давно уже было извѣстно о существованіи в Преображенскомъ полку такихъ дисциплинарныхъ взысканій, которыя никакими уставами не были предусмотреныъ и съ чувствомъ челоукаго достоинства совершенно несомѣстимы”. Этотъ “тюремный режимъ” создавалъ повышенное настроеніе в батальонѣ до революціи; возможно, что какъ разъ Преображенскій полкъ надо отнести къ тѣмъ частямъ, гдѣ в дни переворота пытались неудачно произвести свои эксперименты сторонники диктатуры, что осложнило положеніе. Поскольку в нашемъ распоряженіи находятся протоколы 1-4 марта батальонныхъ комитетовъ, мы можемъ судить, что какъ разъ в Преображенскомъ

полку с наибольшим напряжением происходило урегулирование взаимных отношений между офицерами и солдатами. Так, напр., если в л.-гв. гренадерском полку командиром батальона был избран полк. Коре-пев, а в Измайловском полк. Козено, то в Преображенском на этот пост попал подпор. Зарнич. Группу офицеров солдаты не хотѣли принимать, и этот вопрос должен был обсуждаться в засѣданіи батальоннаго комитета 5 марта. Временный командир батальона совместно с председателем бат. комитета рядовым Падериным (большевиком) составили список офицеров, которые не подлежат привлеченію к работѣ в батальон и должны были быть распушены "по своим квартирам", полк. кн. Аргутинскаго-Долгорукова и еще 6 офицеров предполагалось "арестовать *впредь до выясненія в соборіи* на Милліонной под отвѣтственность командира и адъютанта". Протокол засѣданія 5 марта дает матеріал для характеристики, произведенной сортировки офицерскаго состава, но ничего не говорит об арестах, которые должны были быть произведены в условіях, совершенно не соответствовавших описанію Садикова.

К 5 марта полоса самоочинных арестов в Петербургѣ в значительной степени отошла в прошлое... Наибольше ярким доказательством того, что в гарнизонѣ наступило успокоеніе (это, конечно, нельзя дѣлать отвести за счет "приказа № 1", но важно то, что "приказ № 1" не углубил разрухи), служат протоколы, возникших батальонных комитетов, т. е. делегатов, избранных от рот. Они рѣзко выдѣляются своим дѣловым характером и, дѣйствительно, почти исключительно посвящены насущным нуждам воинских частей петербургскаго гарнизона. Трудно усмотрѣть в них проявленіе непримиримой "ненависти" к каждому, носящему "офицерскій мундир". На первом планѣ всюду стремленіе внести порядок послѣ революціонной встряски и установить желѣзную "просвѣщенную дисциплину", как выражался в первом приказѣ по батальону л.-гв. Измайловскаго полка новый командир его Козено, предлагавшій "немедленно собрать комиссію из выбранных от всѣх строевых частей батальона солдат, *бывших на войнѣ* и равнаго числа офицеров" для разработки начал этой дисциплины. "Командир батальона, — гласит первый протокол от 2 марта засѣданія комитета в Измайловском батальонѣ, — получает "полную власть по своей должности. Его приказанія, как исходящіе с одобренія делегатов, должны исполняться безпрекословно всѣми офицерами и нижними чинами батальона. Это единственный путь к полной организаціи нашего батальона"... В засѣданіи 3 марта "единогласно" постановлено предложить офицерам выбрать из своей среды делегата для присутствія на батальонных засѣданіях: 4 марта также "единогласно" рѣшено: в состав комитета ввести командира батальона, четырех ротных, начальников учебной и нестроевой команд и засѣдать под председательством командира батальона. Очень характерно и постановленіе, опять принятое единогласно, о том, что начальствующія лица избираются лишь на срок, "до *появленія перваго закона* об организаціи батальонов". Приказ полк. Козено от 3 марта, изливающий "восторг, радость и счастье", которыми переполнена его "душа", красочный бытовой документ, заканчивающійся патетическим призывом: "Да здравствует великая русская побѣда над подлым нѣмцем, такая же полная и славная, какая совершена нашими гражданами внутри

отечества". Протоколы засѣданія комитета запаснаго батальона л.-гв. Измайловскаго полка отнюдь не представляют исключеніе, как явствует из протоколов других батальонных комитетов, образцы которых опубликованы в работѣ Шляпникова. Они опровергают утвержденія этого автора, что в первый недѣли солдаты не довѣряли и выборному командному составу.

Такова общая картина состоянія петербургскаго гарнизона послѣ изданія "приказа № 1". Ее можно подытожить разговором по прямому проводу в 10 час. утра 3 марта представителя морскаго штаба верх. главнаго. Гончарова с представителем главнаго морскаго штаба Альфатером. Г.: Скажите, как обстановка? А.: Обстановка значительно спокойнѣе, постепенно все налаживается. Г.: Вчера распространился слух, что вчера была произведена рѣзня офицеров и Наморштаверх просит узнать, всѣ ли офицеры здоровы. А.: Все это сплошной вздор. Всѣ живы и здоровы. Г.: Наморштаверх просит также выяснитъ, сильно ли в настоящее время правительство Гос. Думы или авторитет его уже поколебался. А.: Полагаю, что сильно".

Не без основанія, таким образом, в тот же день посол Соед. Штатов телеграфировал своему правительству: "Революція, повидимому, удачна и находится в надежных руках. В городѣ исполнѣе спокойно".

II. Экспедиція генерала Иванова.

Перваго марта министр ин. д. стараго правительства сообщил союзным послан английскому, французскому и итальянскому, что "революція — совершившійся факт" — и что "у правительства нѣтъ войск для ея подавленія". Сообщение Покровскаго зарегистрировано было в специальной телеграммѣ, отправленной Бьюкененом в Лондон. Оно подводило итог событіям в Петербургѣ. Событія во вѣ еще были не ясны, но в ночь с 1-го на 2-ое обстановка вырисовалась болѣе отчетливо и с этой стороны. Мы знаем, что Рузскій в первой же своей бесѣдѣ с Родзянко передал послѣднему, что отдано распоряженіе о приостановкѣ движенія эшелонов, назначенных в распоряженіе ген. Иванова, которому были даны диктаторскія полномочія. Отпадали, таким образом, опасенія правительственнаго разгрома петербургскаго "мятежа" при содѣйствіи двинутых с фронта войск, настроенія которых были неизвѣстны. Это должно было, с своей стороны, содѣйствовать успокоенію в столицѣ — особенно в рабочих кварталах и в солдатских казармах.

Многіе из отвѣтственных дѣятелей революціи впоследствии склонны были утверждать, что никакой реальной опасности продвиженіе эшелонов ген. Иванова не представляло и большаго впечатлѣнія в Петербургѣ не произвело. Прежде всего это засвидѣтельствовал в показаніях перед Чр. Сл. Ком. Гучков. То же повторяли его помощники (напр., Половцов). Впечатлѣніе кн. Маисырева — явно преувеличенное в воспоминаніях — было иное. Он говорит даже о "паническом ужасѣ", охватившем Думскій комитет и руководящіе политическіе круги. По словам Керевскаго, нервничавшей и возбужденной была лишь толпа, затоплявшая зданіе Таврическаго Дворца. В дѣйствительности, со стороны Ивановскаго отряда никакой опасности не могло быть (*rien à craindre*). Ея не было, конечно, потому что ни одну

войскую часть нельзя было направить против возставшего народа. Мемуарист, не слишком считающийся с необходимостью изложение фактов вставлять в рамки хронологической точности, во второй своей книге, больше уже претендующей на историческое повествование, патетично описывает иностранному читателю трагическое положение вечером 1-го марта прибывшего в Псков Царя. Единственную новость, которую могли ему сообщить явившиеся генералы — Рузский и нач. шт. Данилов, — заключалась в том, что части, посланные с фронта на поддержку “диктатора” Иванова, *одна за другой* присоединились к революции. У Императора, таким образом, не оставалось выхода, — заключает Керенский. Единственный факт, зарегистрированный летописью событий, произошел в Луге через несколько часов после прибытия Николая II в Псков и имел лишь подобие того, о чем в ночном разговоре с Рузским передавал в невѣрном освѣщеніи весьма неточно информированный Родзянко. На этом эпизодѣ надо остановиться, ибо он послужил канвой при создании легенды, крѣпко укоренившейся в сознании современников.

О том, как произошло назначение Иванова будет сказано в главѣ, посвященной позиции и намѣрениям монарха. Для ясности прослѣдим судьбу Ивановской миссии с момента, как “диктатор” выѣхал в 11 час. утра 28-го из Могилева во главѣ эшелона Георгиевскаго батальона по направлению к Царскому Селу по прямой линіи через Витебск и ст. Дно*). Иванов предполагал, прибыв в Царское, остановиться “на вокзалѣ для выясненія обстановки” и выждать назначенны в его распоряжение войска с фронта, причем войска посылаемыя с Западнаго фронта должны были сосредоточиться в Царском, а частям с Сѣвернаго фронта мѣстом высадки была назначена ст. Александровская вблизи Ц. Села. Всего Иванов рассчитывал имѣть 13 батальонов, 16 эскадронов и 4 батареи — для расквартированія такого количества он просил царскоесельскаго коменданта приготовить помѣщеніе; дополнительно предполагалась справка нѣкоторых гвардейских частей и с Юго-Западнаго фронта. Войска были взяты с разных фронтов, с цѣлью не ослаблять боевой силы дѣйствующих армій. Предполагалось, что первые эшелоны, из расчета 18 часов в пути, могут прибыть в Петербург “не ранѣе разсвѣта 1 марта”.

В 9 час. вечера 1 марта Иванов с небольшим опозданием, без каких-либо осложнений, прибыл в Царское Село, имѣя в своем распоряженіи, по исчисленію придворнаго историографа ген. Дубенскаго, около 800 человек. Сообщение о том, что в Вырицах (в нѣскольких перегонах от Царскаго — 30 с небольшим верст) поезд был задержан железнодорожным начальством, и Иванов требовал пропуску, угрожая примѣнить силу, надо отнести к числу позднѣйших наслоеній в воспоминаніях инж. Ломоносова**). Также “спокойно”, по выраженію

тогдашней телеграммы ген. Лукомскаго, проходили и эшелоны с фронта. К моменту, когда Иванов прибыл в Царское, а Николай II в Псков, по официальным данным, положеніе эшелонов было таково. Головной эшелон — 67 Тарутинскій полк дошел до мѣста назначенія — ст. Александровская; второй эшелон — 68 Бородинскій полк — достиг Луги; остальные находились в пути между Лугой и Псковом, Псковом и Двинском. Первые войска, двигавшіяся с Западнаго фронта, прошли Подольск. Задержка с продвиженіем вызвана была не “саботажем”, а подготовкой ожидавшагося продвиженія императорскаго поѣзда.

С Бородинским полком и произошел тот самый лужскій эпизод, о котором упоминалось. Перваго в Лугѣ произошло возстаніе гарнизона, с бытовой стороны довольно ярко описанное кап. Вороновичем. Для февральских дней здѣсь можно почерпнуть много характерных черт, но остановимся только на интересующем нас сейчас эпизодѣ, как его излагает главное дѣйствующее лицо. Около 2 час. ночи в Лугѣ получено было телеграфное сообщеніе о приближеніи эшелона с бородинцами. В согласіи с установившейся для воспоминаній “лѣваго” сектора традицій, Воронович пишет: “хотя прибывающій по частям эшелон ген. Иванова и не мог оказать никакого вліянія на событія, тѣм не менѣе Петроград распорядился, во избѣжаніе могущаго произойти безцѣльнаго кровопролитія, обязательно задержать и обезоружить бородинцев”. (Из разсказа самого Вороновича довольно очевидно, что никаких “распоряженій” из Петербурга не могло быть получено). “Военный комитет, — продолжает Воронович, не зная, что ему предпринять: в эшелонѣ было до 2.000 человек и 8 пулеметов, в лужском же гарнизонѣ было не болѣе 1.500 вооруженных солдат, причем по тревогѣ можно было собрать самое большее 300-400. В запасном арт. дивизионѣ всѣ пушки были учебныя, и ни одна из них для стрѣльбы не годилась. а во 2-ой особой арт. бригадѣ пушек совсѣм не было. Поставленное на платформѣ учебное орудіе являлось бутафорским, к пулеметам не было лент”. Поэтому для разоруженія “бородинцев” рѣшено было прибѣгнуть к слѣдующей “ловкѣ”. “Как только эшелон подойдет к вокзалу, три офицера (пор. Гуковский, Коночадов (прап.) и я) выйдут ему навстрѣчу и начальническим тоном прикажут солдатам не выходить из вагонов, так как поѣзд сейчас же отправится дальше. Затѣм члены военнаго комитета войдут в офицерскій вагон, приставят к нему часовых и предложат командиру полка от имени Комитета Г. Д. немедленно сдать оружіе, пригрозив в случаѣ отказа открыть по эшелону артиллерійскій огонь”. В качествѣ артиллеріи должно было фигурировать бутафорское орудіе. Командиру полка было рѣшено указать, что весь 20 час... гарнизон Луги примкнул к Петербургу, и всякое сопротивленіе является безцѣльным... “Все произошло так, как мы предполагали. Бородинцы мирно спали в теплушках, и никто из солдат не попытался выльзть из поѣзда”... Командир, полк. Сѣдачев, подчинился “силѣ”. Солдаты отнеслись очень спокойно к требованію выдать винтовки, и сами стали свозить их на платформу. Одновременно вагон с пулеметами и ручными гранатами был отцѣплен и отвезен на запасныя

мѣну и говорит, что по инструкціи Вр. Ком. Иванову был дан экстренный поѣзд. (Отсюда вывод: Врсм. Ком. видѣл в Ивановѣ «не столько врага, сколько союзника»).

*) Сам Иванов выѣхал позже, и его вагон был прицѣплен к эшелону в Оршѣ. Этот факт, как мы увидим, он позже и пытался при допросѣ в Чр. Сл. Комиссіи использовать, как доказательство того, что никакой карательной экспедиціи не было.

**) По разсказу Ломоносова Иванов требовал пропустить до Ц. С. с отдѣльным паровозом только один его вагон. Лужскій комиссар Бубликов запросил Врсм. Ком. и получил будто бы приказ: “пропустить”. Несуразность этого разсказа столь очевидна (Иванов прибыл в Царское со всѣм своим отрядом), что ген. Мартынов вольно или невольно сдѣлал под-

путь... Между тѣм стало разсвѣтать. Бородинцы с недоумѣніем посматривали на совершенно пустую платформу... Офицеры стали нервничать... Нужно было, как можно скорѣе, отправить бородинцев в Псков*)... С трудом удалось уговорить командира оставить в Лугѣ нѣскольких офицеров и солдат для сопровожденія возвращаемаго оружія, а остальных немедленно направить в Псков. Послѣ отхода эшелона, в Петербург была послана «краткая телеграмма с извѣщеніем о том, что бородинцы нами разоружены». Краткая телеграмма, очевидно, и превратила разоруженіе в «буит» в мемуарной литературѣ, поддержанной и Шулгиным. Разказ Вороновича вполне подтверждается сохранившейся лентой разговора 2-го представителя Ставки со штабом Сѣвернаго фронта о том, как «68-й полк частично присоединился к лужскому гарнизону». Представитель Ставки, полк. Бармин, выслушав информацию, вполне резонно замѣтил: «значит, никто не переходил на их сторону». Конечно, остается в высшей степени показательной для момента обстановка, в которой произошло разоруженіе Бородинскаго полка, — это как бы жизненная иллюстрація к словам в дневникѣ ген. Болдырева 28-го по поводу экспедиціи ген. Иванова: «Так не хотѣлось бы вовлекать во все это армію. За что еще хотят бороться — за призрак. Въдѣ кругом тайное и явное сочувствіе». Эту дѣйствительность революціонное чувствованіе и тогда уже стремилось разсвѣтить. До каких предѣлов может доходить подобная тенденція, показывает текст Шляпникова. Вот характерныя из него строки (сравним с безхитростным разказом Вороновича): «Стоявшій в Лугѣ гарнизон по своей революціонной инициативѣ задерживал всѣ двигающіеся на столицу войска, разоружая их или поворачивая обратно. Двадцать тысяч штыков и сабель были наготовѣ и преграждали контр-революціи путь на Петербург. Двадцать батарей различнаго калибра были готовы по первому сигналу снести с лица земли любую часть осмѣливающуюся сопротивляться революціонной волѣ солдат лужскаго гарнизона. Добравшіеся другими путями просто перешли на сторону петроградских рабочих и солдат». Но и этого «просто» не было: головные эшелоны (Гарутинскій полк), дошедшіе до назначенія на ст. Александровская, сохраняли свою «лояльность» до послѣдняго момента и распоряженіем военной власти были возвращены на фронт, в Двинск, окружным путем, дабы избѣжать возможнаго «конфликта» с лужским гарнизоном **)

Что же касается эшелона с георгіевскими кавалерами, прибывшими в Царское под непосредственным водительством Иванова, то при описаніи перипетій, с ним бывших, повидимому, наиболѣе правильным было бы слѣдовать за показаніями в Чр. Сл. Ком. самого «диктатора». Его простое, безыскусственное повѣствованіе (правда, стенограмма довольно невразумительна) не вступает, по крайней мѣрѣ, в непримиримую коллизію с фактами, как это происходит с другими версіями. При-

быв в Царское Село, Иванов побывал во дворцѣ*), выяснил, что царская семья под надежной охраной, и в это время получил сообщеніе, что к вокзалу идет с пулеметами и тяжелой батареей батальон перваго гвардейскаго своднаго полка... «Что же бой разводить?»... «Я очень хорошо понимал, что если пойдет толпа, то тысячи уложимъ». — Оставаться в Царском не было цѣли, хотя выходило, «как-будто удираю». Иванов рѣшил с одобренія «всѣх окружающих» вывести батальон на ст. Вырицу в цѣлях избѣжать возможных столкновеній... В революціонной литературѣ отход Иванова и представляется в видѣ «бѣгства» диктатора из Царскаго Села, вследствие ненадежности Георгіевскаго батальона. Основано это заключеніе отчасти на данных, приведенных в сводной работѣ Блока и цитируемых во всѣх послѣдующих работах. Батальон объявил себя «нейтральным», имѣющим цѣлью «охрану личности Царя», а командир георгіевцев, ген. Пожарскій, заявил, что его солдаты стрѣлять не будут. Что таково могло быть приблизительно основное настроеніе георгіевцев, пожалуй, сомнѣваться не приходится, — сам Иванов показывал, что безоговорочно на войска нельзя было рассчитывать. Но все-таки, свѣдѣнія, почерпнутыя Блоком из позднѣйших показаній солдат и офицеров Георгіевскаго батальона, проходили через призму слѣдовательскаго допроса послѣ завершенія революціи и совершенно естественно окрашивали событія в соотвѣтствіи моменту — этого не слѣдует забывать. Такую же цѣльность имѣет опрос георгіевских кавалеров, произведенный при первом посѣщеніи Ставки Керенским в серединѣ мѣсяца. Солдаты ему дружно отвѣчали, что они не знали, зачѣм их везут и, когда узнали, отказались быть усмирителями («Русск. Вѣд.»). Равным образом, конечно, нельзя признать версію, которую Иванов пытался пустить в оборот, послѣ своего ареста, в личном письмѣ к военному министру Гучкову 9 апрѣля: «Раздута газетамя моя поѣздка, случайно совпавшая с поѣздкой Георгіевскаго батальона в район Петрограда, являлась и для меня, и для батальона слѣдованіем к мѣсту новаго назначенія и отнюдь не преслѣдовала каких-либо карательных цѣлей***). В показаніях перед Чр. Сл. Ком. Иванов пытался лишь обосновать свое рѣшеніе, принятое будто бы еще в Псковѣ и одобренное Царем, не вводить войска в Петербург для того, чтобы избѣжать «междоусобицы и кровопролитія»: «Если войска вѣрны, то можно (я буду прямо говорить) десятки тысяч уложить... Я буду так поступать, а в это время Государь объявит об отвѣтственном министерствѣ»... «Затѣм, если войска не вѣрны, то (извините за выраженіе) лѣтъ будет глупо».

Если бы рѣшеніе, о котором говорил Иванов, и не было заранѣе принято, обстановка, с которой встрѣтился «диктатор», должна была побудить его занять выжидательную позицію, — его маленькій отряд

*) О свиданіи его с имп. Александрой Федоровной в другом мѣстѣ.

**) Письмо к Гучкову было опубликовано еще в революціонные дни в «Русском Инвалидѣ». Между прочим, Иванов писал, что его вагон был просто «прицѣплен» к поѣзду с Георгіевским батальоном. Вѣроятно, это и послужило основой для ломоносовской легенды, приписанной автором в видѣ разсказа о том, как под вѣвской таинственной поѣздки георгіевских кавалеров на выставку трофеев в Ц. С. пытались скрыть истинную цѣль посылки экспедиціи ген. Иванова.

*) Бородинскій полк шел тремя эшелонами и специальным эшелоном батарей. К моменту, когда разыгрались событія, в Лугѣ находились два первые эшелона.

**) Нѣсколько неясно лишь о пулеметной командѣ полка, о которой упоминал Иванов, как ушедшей вмѣстѣ с «моряками» в Петербург. Отсюда пошел слух, что полк «побратался» (Мстиславскій) с возставшими.

сам по себѣ до подхода воинских частей с фронта, понятно, не мог прибѣгнуть к рѣшительным мѣрам. Когда в Петербургѣ узнали о продвиженіи ивановских эшелонов, отсюда к нему выѣхали в тот же вечер 1-го “по уполномочію от управленія ген. штаба” полк. Доманевскій и подп. Тилле, и “диктатор” был освѣдомлен о столичных событіях. Остается неясным, была ли организована эта поездка по инициативѣ или с согласія Думскаго комитета, но явно цѣли ея были направлены к тому, чтобы удержать Иванова от каких-либо активных дѣйствій. Мнѣ лично Гучков говорил, что он, в порядкѣ одиночного, ходил к ген. Занкевичу в штаб, спрашивал, что тот будет дѣлать? Занкевич отвѣтил, что будет ждать Иванова. Очевидно, соответствующее воздѣйствіе было оказано*). В письменном докладѣ, представленном Иванову и напечатанном в воспоминаніях коменданта Таврическаго Дворца полк. Перетца (что подтверждает участіе в дѣлѣ послышки по крайней мѣрѣ представителей военной комиссіи, находившихся уже в контактѣ со старым штабом**) Доманевскій указывал Иванову, что “вооруженная борьба с возставшими только осложнит и ухудшит положеніе” и что легче возстановить порядок соглашеніем с Временным Правительством: Доманевскій говорил, что среди “самых возставших обозначалось два совершенно опредѣленных теченія: одни примкнули к думскому выборному Временному Правительству, другіе поддерживали Совѣтъ Р. Д. Первые оставались вѣрными монархическому принципу, желая лишь нѣкоторых реформ, стремились к скорѣйшей ликвидаціи беспорядков с гѣм, чтобы продолжать войну, вторые искали крайних результатов и конца войны”...

В ночь с 1-го на 2-ое, еще до отъѣзда из Царскаго (в 1 ч. 15 мин.), Иванову была доставлена телеграмма Алексѣева, посланная ему в догонку 28-го. “Частныя свѣдѣнія говорят, — телеграфировал нач. верх. штаба, — что 28 февраля в Петроградѣ наступило полное спокойствіе... Войска, примкнувшія к Временному Правительству в полном составѣ, приводятся в порядок. Временное Правительство под предсѣдательством Родзянко, засѣдая в Государственной Думѣ, пригласило командиров воинских частей для полученія приказаній по поддержанію порядка. Воззваніе к населенію, выпущенное Временным Правительством, говорит о неизбежности монархическаго начала***) в Россіи, о необходимости новых основаній для выбора и назначенія правительства. Жду с петербургским пріѣздом Его Вел., чтобы представить ему все изложенное и просьбу принять это пожеланіе народа. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то измѣняются способы ваших дѣйствій. Переговоры приведут к умиротворенію, чтобы избѣжать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу... Воззваніе новаго министра

*) Блок пишет, что Доманевскій был командирован ген. Занкевичем для исполненія должности начальника штаба в отрядѣ Иванова. Сам Иванов об этом в показаніи не упоминает и говорит, что были присланы “два человека... сообщить и ориентировать”. (В показаніях Иванов говорит о встрѣчѣ с Тилле, но в письмѣ Гучкову называет и Доманевскаго).

**) Ген. Занкевич, командовавшій 28-го правительственными войсками на Дворцовой пл., 2-го по приказанію Родзянко запрашивал управленіе ген. кварт. в Ставкѣ о положеніи на фронтѣ.

***) В воззваніи этого не было, но очевидно так была информирована Ставка. По крайней мѣрѣ и ген. Болдырев в свой псковскій дневник записал нѣчто аналогичное.

путей сообщенія Бубликова к желѣзнодорожникам мною получено кружным путем, зовет к усиленной работѣ всѣх, дабы наладить разстроенный транспорт. Доложил все это Е. В. и убѣжден, что дѣло можно привести мирно к хорошему концу, который укрѣпит Россію”... Наконец, Иванов получил посланную Царем телеграмму под влияніем разговора с Рузским и настойчивых телеграфных указаній Алексѣева на то, что работой с думскими дѣятелями можно остановить “всеобщій развал”... Телеграмма была помѣчена временем 0.20 мин. второго и гласила: “Надѣюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего пріѣзда и доклада мнѣ никаких мѣр не предпринимать”.

Итак рѣшеніе Иванова вывести свой отряд на ст. Вырицу, гдѣ стоялъ до тѣх пор, пока выяснится обстановка в Петербургѣ, логически вытекало из совокупности всѣх обстоятельств и распоряженій, им полученных. Возможно, что в мотивах продвиженія на “Вырицу” сыграла свою роль и возникшая под влияніем разговора с Ал. Фед. мысль о необходимости, быть может, итти не на Петербург, а двигаться на выручку Царя. “Когда я уѣзжал, в Царском Селѣ была мертвая тишина, — показывал Иванов в Чр. Сл. Ком. — Среди желѣзнодорожников были, повидимому, попытки слабого саботажа — произошли какія-то “затрудненія” с “переводом стрѣлок”. “Я потребовал начальника станціи”, — показывал Иванов: “через нѣсколько минут говорят, все в порядкѣ... Уже в Вырицѣ мнѣ доложили, что через 15 минут послѣ нашего ухода вся толпа ввалилась на вокзал”... Картина происшедшаго Керенским во французском изданіи представлена так: отряд ген. Иванова, на разсвѣтѣ появившійся в Царском, разсѣялся с первыми солнечными лучами революціи, а самому генералу удалось скрыться (s'echapper).

Дальнѣйшая повѣсть о том, что дѣлал “диктатор”, представлена потомству в двух совершенно противоположных вариантах: один из них принадлежит Ломоносову, другой изложен в официальных показаніях Иванова. Совѣтская информация почти безоговорочно пошла по стезѣ, намѣченной мемуаристом, которому в силу занимаемаго в желѣзнодорожном мѣрѣ положенія пришлось играть в событіях этих дней весьма дѣйственную роль. Между тѣм повѣствованіе не вызывает никакого довѣрія — не всегда только можно опредѣлить, что в нем является результатом недостаточной освѣдомленности, легкаго воспріятія не противрѣчных свѣдѣній и слухов, которые со всѣх сторон от желѣзнодорожных агентов и добровольцев стекались в центр, и что сознательно или безсознательно привнесено им во славу своего героизма и героизма желѣзнодорожников, спасших активной инициативой и жертвенностью революцію. Яркую, но злую характеристику этого бойкаго “эквилибриста”, задѣлавшагося “сто процентным коммунистом” послѣ октябрьскаго переворота и прославившагося в совѣтских кругах своим “духуловским образом жизни”, дал Саломон в книгѣ “Среди красивых вождей”. Фигура Ломоносова такова, что мемуарныя страницы, вышедшія из-под его пера, отнюдь не вызывают к себѣ довѣрія. В изображеніи Ломоносова Иванов в теченіе всего 2 марта дѣлал энергичныя, но тщетныя попытки со своими эшелонами прорваться к Петербургу через возведенные перед ним заградительные революціонныя шлагбаумы. Уже в 4 часа утра 2-го в Петербургѣ была получена записка, что ген. Иванов “арестовал начальника станціи Вырица, гдѣ

он ночевал, и во главѣ георгіевских кавалеров и двух других эшелонов отправился по направлеію к Царскому Селу» (Итак в 3 часа ночи Иванов выѣхал из Царскаго и через час уже постарался туда вернуться — по официальным данным Иванов прибыл в Вырицу в 4 часа утра и в 5 сообщил Алексѣеву, что почует в Вырицѣ). Но Иванова отбросили от Царскаго усиліями желѣзнодорожников, начиная от ст. Семрино до Царскаго были сняты крестовики со сгѣлок. Из Семрина Иванов бросается по передаточной вѣткѣ на ст. Владимірская для того, чтобы прорваться в Гатчину. Там нѣсколько эшелонов правительственных войск и двадцать тысяч «лояльнаго» гарнизона. А главное, из Пскова поѣзд за поѣздом напирают новыя войска! И здѣсь навстрѣчу Иванову спускают балласт поѣздов и снимают крестовики... Но что стоит Иванову 20 верст пройти походным порядком! «Если бы ген. Иванов прорвался к Гатчинѣ, исход мартовской революціи мог быть иной», — мемуаристу мерещилась уже «царская висѣлица»... Иванов требует назначенія на Петроград и входит в непосредственные переговоры с Ломоносовым, который в почтительной формѣ предупреждает генерала, что для встрѣчи его поѣзда на 6-й верстѣ от Петербурга сосредоточены «4 батареи артиллеріи и тысяч двадцать пѣхоты» и рекомендует переговорить с Думой*). Тогда Иванов снова устремляется в Царское — «арестовывает служащих и грозит разстрѣлом». Неудача. Опять Гатчина. Потом Вырица, куда Иванов направляется за «подкрѣпленіем». Так мечется «диктатор», а сзади снимают «всѣ крестовики»... Героическими дѣйствіями желѣзнодорожников Иванов отрезан. Ни один шаг диктатора «не ускользнул» от бдительнаго ока революціонеров. Телеграфисты Виндавской дороги оказались на высотѣ положенія и стучали свои записки в центр даже тогда, когда «за стѣной ген. Иванов разстрѣливал их товарищей». Бубликов послал в Вырицу телеграмму: «Мнѣ стало извѣстно, что вы арестовываете и терроризируете служащих желѣзных дорог, находящихся в моем вѣдѣніи. По порученію Временнаго Комитета Государственной Думы предупреждаю вас, что вы навлечете на себя этим тяжелую отвѣтственность. Совѣтую вам не двигаться из Вырицы, ибо по имѣющимся у меня свѣдѣніям народными войсками ваш поѣзд будет обстрѣлен артиллерійским огнем». Но генерал не склонен послѣдовать совѣтам правительственнаго комиссара и настойчиво ищет путь к Петербургу. Ломоносов перехватывает «очень важныя» шифрованные телеграммы, которыя Иванов направлял в столицу: «Мама больна. Папѣ лучше. Скажите ей» и «Пришлите вторую корзинку булок». Телеграммы переданы министру юстиціи. Время идет. Наступила ночь. Опять новость об Ивановѣ: он еще раз требует именем императора пропустить его «со всѣми эшелонами в Петербург». «По повелѣнію какого императора, генерал?» — может спросить теперь лядовито Ломоносов: «Николай II отрекся от престола»... «Разговор прервался. Через нѣсколько минут послѣдовала просьба пропустить поѣзд обратно в Ставку. Задержать я не имѣл физической возможности», — прибавляет Ломоносов. «Южнѣе распоряжается кто-то другой»... Ломоносов приказывает

из обоих тендеров выпустить воду, — «так генерал, отѣхав семь верст, и просидѣлъ всю ночь с паровозами без воды»...

Как все-таки могла родиться такая фантастическая эпопея под пером мемуариста, правда, очень склоннаго к безотвѣтственным беллетристическим приемам изложенія? Сопоставляя показанія Иванова с имѣющимися документами, можно довольно отчетливо представить себѣ, что было в дѣйствительности. В показаніях Гучкова, данных той же Чр. Сл. Ком., было упомянуто, что послѣ выѣзда из Петербурга им была дана уже в дорогѣ телеграмма Иванову. Он говорил, что желал встрѣтить Иванова на пути и «уговорить не предпринимать никаких попыток к приводу войск в Петроград». Вот текст подлинной телеграммы: «Буду в Псков. Примите всѣ мѣры повидать меня либо в Псковѣ, либо на обратном пути из Пскова в Петроград. *Распоряженіе дано о пропускѣ вас в этом направленіи*». «Дорогой, — пояснялъ Гучков, — пришлось нѣсколько раз *обмѣняться* телеграммами»). И мы имѣем в дѣлах Чр. Сл. Ком. отвѣтную телеграмму Иванова и вторую телеграмму Гучкова. «Рад буду повидать вас, — телеграфировал Иванов — мы на ст. Вырица. Если то для вас возможно, телеграфируйте о времени пріѣзда». «На обратном пути из Пскова, — отвѣчал Гучков, — постараюсь быть в Вырицѣ. *Желательнѣе встрѣтитъ вас Гатчинѣ варшавской*». Вспомним, что думскіе делегаты выѣхали из Петербурга в 2 ч. 47 м. дня. Слѣдовательно, не раньше этого времени могли имѣть мѣсто сношенія между Гучковым и Ивановым.

Обратимся теперь к показаніям Иванова. Он говорит, что, дѣйствительно, имѣлъ намѣреніе проѣхать утром 2-го в Царское Село для того, чтобы переговорить с командирами запасных батальонов («они могли освѣтить дѣло»), но «старшій из командиров стрѣлковых полков» по телефону «как-то неопредѣленно отвѣтил, что мой пріѣзд не желателен, что это вызовет взрыв». Тогда Иванов намѣревался «на автомобиль» (т. е., очевидно, один) проѣхать на ст. Александровскую и повидать Тарутинскій полк. В это время Иванов получил телеграмму от Гучкова. Совершенно очевидно, что тогда он рѣшил перевести, в соответствии с предложеніем Гучкова, свой «батальон» в Гатчину по дополнительной вѣткѣ через ст. Владимірскую. Приблизительно в это же время (нѣсколько раньше — около 3 часов) Иванов должен был получить телеграмму нач. воен. сообщ. в Ставкѣ ген. Тихменева, передававшую копію «высочайшаго» распоряженія вернуть войска, «направляющіяся (на) станцію Александровскую обратно (в) Двинскій район». «Созволеніе» это получено было Рузским в первом часу ночи, т. е. за три часа до разговора его с Родзянко, и распространялось на всѣ войска, двинутыя с фронта, как это устанавливает циркулярная телеграмма ген. Лукомскаго, переданная на фронт в промежуток между 2 и 3 часами ночи 2-го марта. «Вслѣдствіе невозможности продвигать эшелоны войск, направляемых к Петрограду, далѣе Луги и

*) Шульгин утверждает, что на одной из станцій они были даже соединены прямым проводом с находившимся в Гатчинѣ Ивановым и имѣли довольно длительную бесѣду с ним: «старик стремился повидаться с нами, чтобы рѣшить, что дѣлать». Иванов жаловался на то, что отрезан от Петербурга, жаловался на разложеніе георгіевцев и пр. Из-за спѣшки дѣло ограничилось лишь інформаціонными разговорами. Сообщение Шульгина довѣрія не возбуждает.

*) «Прихвастнул я» — замѣчает мемуарист, освѣдомленный через ген. Попова, что для встрѣчи на «6-й верстѣ» имѣется 4 пушки и шесть тысяч солдат.

разрѣшенія Государя Императора вступить главкосьву в сношенія с Гос. Думой и высочайшаго соизволенія вернуть войска обратно в Двинскій район из числа направленных с Сѣвернаго фронта, наверх, — телеграфировал Лукомскій, — просит срочно распорядиться, тѣ части, кои еще не отправлены, не грузить, а тѣ, кои находятся в пути, *задержать* на больших станціях. Относительно дальнѣйшаго направленія или возвращенія перевозимых частей послѣдует дополнительное указаніе". Сравним с этим официальным сообщеніем повѣствованіе Ломоносова о том, как 2-го днем с юга подходили "новые и новые эшелоны", и как Бубликов получал из Ставки на свои запросы "уклончивые отвѣты"!

Попытка Иванова проѣхать на ст. Владимірскую и вызвала примѣненіе железнодорожниками мѣр саботажа. "Проѣхав верст 12, — показывал Иванов, — я прилег отдохнуть... просыпаюсь, стоим. Час стоим, два стоим, три". Это было на ст. Сусанино. Оказывается, поставили в тупик, согласно распоряженію: "никуда не пускать". Здѣсь Иванов получает приведенную выше телеграмму Бубликова ("очень сильную" — по его выраженію) о том, что он терроризирует железнодорожных служащих, — "а с его же разрѣшенія ѣхал". Никакого террора Иванов не примѣнял, — сообщеніе о "разстрѣлѣ телеграфистов" слепшая чушь, порожденная возбужденным настроеніем освѣдомителей. Иванов имѣл полное право написать Гучкову 9 апрѣля, что его "войска не имѣли никаких столкновеній"). Был ли действительный комиссар плохо вообще освѣдомлен, недовѣрчиво ли относился к миролюбивой тактикѣ "диктатора", находился ли под вліяніем революціоннаго пыла своего окруженія, но он старался воспрепятствовать проѣзду ивановскаго эшелона в Гатчину. За первой телеграммой послѣдовала другая, но уже "очень любезная", по мнѣнію Иванова: "Ваше настойчивое желаніе ѣхать дальше ставит непреодолимое препятствіе для выполненія желанія Е. В. немедленно слѣдовать (в) Царское Село. Абсолютно прошу остаться (в) Сусанино или вернуться (в) Вырицу". "Я ушел на Вырицу и тут рѣшил послать сообщеніе ген. Алексѣеву шифрованной телеграммой", — заключал Иванов. В то время эта послѣдняя телеграмма не была расшифрована "полностью" и давала повод для совершенно произвольных заключеній. В документах Ставки мы имѣем ее в расшифрованном видѣ. Иванов телеграфировал Алексѣеву в 1 ч. 30 м. на 3-ье марта: "До сих пор не имѣю *никаких* свѣдѣній о движеніи частей, назначенных в мое распоряженіе. Имѣю негласныя свѣдѣнія о приостановкѣ движенія моего поѣзда. Прошу принятія экстренных мѣр для восстановления порядка среті железнодорожной администраціи, которая пессимѣно получает директивы Временнаго Правительства". Редакція этой телеграммы стоит в нѣкотором противорѣчій с помѣткой в Ставкѣ, что сообщеніе Тихменева о приостановкѣ движенія эшелонов было вручено Иванову. Большого значенія отмѣченное противорѣчіе не имѣет, болѣе существенно то, что телеграмма, составленная на исходѣ 2-го марта, рѣшительно опровергает версію, развитую в воспоминаніях Ло-

*) Ивановым был арестован лишь начальник станціи не то Вырицы, не то Царскаго Села. В служебной запискѣ Тихменева упоминается начальник царскосельской станціи, котораго Иванов увез с собой в Вырицу «по неизвѣстной причинѣ».

моносова и усвоенную многими из послѣдующих исторических повѣствователей.

Были ли еще какія-нибудь шифрованные телеграммы, направленные Ивановым в какой-то таинственный петербургскій адрес? В архивѣ, гдѣ хранится "переписка, связанная с переходом к новому строю", повидимому, имѣется только "полностью не расшифрованная" телеграмма Алексѣеву; эта шифрованная переписка не нашла никаких откликов в Чр. Сл. Ком. — ни при допросѣ Иванова, ни в обзорѣ, сдѣланном Блоком. Но зато упоминаніе об этой шифрованной перепискѣ и даже текст телеграммы, близкой по содержанію к редакціи, которую дает Ломоносов ("Выѣзжаю в Вырицу. Оставляю корзину, булки и хлѣб"), можно найти в газетах того времени (напр., в "Русской Волѣ" 10 марта). Есть и упоминаніе об "извѣстном реакціонерѣ", кн. Святополк-Мирском и пѣкой обывательницѣ, проживавшей в домѣ № 71 на Невском пр., в адрес которых были будто бы направлены ивановскія телеграммы. Не эти ли газетныя сплетни, нигдѣ не провѣренныя и, вѣроятно, совершенно вымышленныя, напашли себѣ отклик в воспоминаніях Ломоносова? В своих записках он упоминает, что на другой день послѣ расшифрованія депеш Бубликов ему сказал, со слов министра юстиціи, что этот Святополк-Мирскій служил "повидимому", посредником между Ивановым и Ал. Фед.(?)...

Эпопею с приключеніями "диктатора" можно считать законченной. Он телеграфировал Гучкову, что не может пріѣхать и ждал послѣднія в Вырицѣ. Утром третьяго Иванов получил телеграмму от Родзянко с сообщеніем о назначеніи на его мѣсто главнокомандующим петербургскаго военнаго округа ген. Корнилова и о предписаніи ему вернуться в Могилев. Иванов запросил Алексѣева и, получив подтвержденіе, выѣхал в тот же день со своим "батальоном" в Могилев. На ст. Оредж, как его предупредили, ему готовится "бенефис" и будет предъявлено требованіе, чтобы "батальон присоединился" к революціи. Но все свелось к демонстраціи рабочих — "человѣкъ сто в одной кучкѣ". В Ставкѣ Иванов простился с батальоном и пожелал ему "служить хорошо при новом правительствѣ".

Перипетіи, связанныя с "экспедиціей ген. Иванова", породили и другую легенду, — діаметрально противоположную той, которая наиболѣе полно изложена в воспоминаніях Ломоносова. Родилась она в тот же день, что и первая, и в той же средѣ. И по своеобразному стеченію обстоятельств ее поддержали в мемуарной литературѣ такіе антиподы, как лѣвый соц.-рев. Мстиславскій и в. кн. Николай Мих. Каждый из них придавал легендѣ свою формулировку. Для титулованнаго историка — в записи, быть может, нѣсколько туманной, в дневникѣ от 27 апрѣля 17 г. — карательная экспедиція Иванова только "водевиль". Иванов позднѣе понял, что "вся эта инсценировка была созданіем рук Гучкова... и Алексѣева, чтобы усыпить возможное безпокойство Императора и чтобы отдать себѣ отчет в истинном настроеніи войск Царскосельскаго гарнизона. Не слѣдует забывать, что все положеніе могло быть перевернуто сверху донизу, если бы Дума и большинство войск, сосредоточенных в Петроградѣ, не подчинились бы требованіям улицы, и что Гучков и Миллюков на совѣщаніи с новыми министрами... у в. кн. Михаила голосовали за конституціонную монархію против всѣх своих коллег, высказывавших-

ся за демократическую республику. *Двойная игра этих двух министров не может никого больше обмануть*". Если великокняжескую версию перевести на "революционный" язык, то она в основном совпадает с тем, что утверждает, в качестве мемуариста, состоявший членом военной комиссии Мстиславский — и эту версию готова подхватить вся большевистская историография. Рассказывая о том, как между "карателем" Ивановым и "возставшим городом" оказалась "непосредственная, можно сказать, официальная связь" в лице командированных Временным Комитетом офицеров ген. штаба, Мстиславский заключал: "здѣшніе "возстановители порядка" отнюдь не противопоставляли себя "возстановителям", прибывающим с фронта". Мстиславский легко нашел себя подражателей. В наиболее серьезной "советской" работе, — в очерке ген. Мартынова, — мы найдем такой вывод: "Временный Комитет Гос. Думы видѣл в Ивановѣ не столько врага, сколько союзника, к помощи котораго в крайности можно прибѣгнуть для того, чтобы подавить беспорядки и остановить дальнѣйшій ход революціи". У Троцкого значится: "вмѣсто того, чтобы арестовать "диктатора" Иванова, прибывшаго с фронта для усмиренія столицы, Энгельгардт отправляет в его распоряженіе реакціоннаго офицера в качествѣ нач. штаба". Молодых историков "школы Покровскаго" обзоръіе "многих других фактов" также приводило к выводу, что "буржуазія и думскій комитет в эти дни не только не препятствовали Иванову, но, пожалуй, не прочь были опереться на него для борьбы с революціей". Обстоятельства, однако, складывались так, что у "буржуазии не могло быть надежды на возможность возстановить порядок вооруженной рукой"... Это и "предопредѣлило" всю ея (дальнѣйшую) позицію в февральскіе дни.

Отмѣчая эту легенду, нѣтъ надобности ее в подробностях разсматривать и тем болѣе опровергать. И позиция Алексѣева, выраженная в телеграммѣ 28 февраля (в кн. Ник. Мих. почему-то считает указанія Алексѣева "туманными"), и позиция думскаго Комитета, всемирно стремившагося избѣжать гражданской войны, достаточно ясно выступили уже на предшествующих страницах.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

I. Кандидатура Керенскаго.

Давно пора оставить легенду о том, что революціонное временное правительство было создано "еще в 1916 г.": в "неясном предвидѣніи неясных событій", как выразился Алданов в упомянутой выше статьѣ "Третье марта", в юбилейном сборникѣ в честь Милюкова. Разсмотрѣнію этой легенды я достаточно уже удѣлил вниманія в книгѣ "На путях к дворцовому перевороту", потому возвращаться к ея анализу нѣтъ надобности. Напомним только, что в тогу временнаго революціоннаго правительства не совсем удачно впоследствии облекли проект "министерства довѣрія", под лозунгом котораго шла общественная агитація предреволюціоннаго времени.

В революціонныя дни "заранѣе установленное" временное правительство родилось с нѣкоторым опозданіем (значительным для тогдашней сумятицы), и вовсе не потому, что этому противодействовали новыя политическія силы, выступившія на авансцену. Милюков в своей "Исторіи революціи" объяснил запозданіе техническими условіями: "необходимость ввести в состав перваго революціоннаго правительства руководителей общественнаго движенія, происходившаго вѣдѣ Думы, сдѣлала невозможным образованіе министерства в первый же день переворота". Но кн. Львов днем 28-го уже был в Петербургѣ. (Мы имѣем "приказаніе" военной комиссіи, помѣченное 4 ч. 30 м. дня 28-го: "выслать немедленно автомобиль Мойка 75, кв. бар. Меллер-Закомельскаго за кн. Г. Е. Львовым"). Между тем временное правительство оформилось лишь в дневные часы втораго марта, послѣ того длительнаго ночнаго бдѣнія, когда Родзянко, нѣсколько предпрѣшая событія и выдавая предположенія за осуществленное авторитарно говорил Рузскому, что он "вынужден был" этой ночью назначить временное правительство. Болѣе правдоподобно то объясненіе опозданію с организаціей правительственной власти, которое дал Стеклов в докладѣ 30-го: "в эти первые моменты ни буржуазія, ни мы как-то не мыслили о созданіи правительства. И когда через два дня послѣ начала возстанія с достаточной ясностью стало опредѣляться, что возстаніе это несомнѣнно побѣдоносно, что оно ведет к установленію новаго режима, в этот момент на сцену всплыл вопрос об образованіи временнаго правительства"... Это значило, что концепція революціоннаго правительства была чужда дѣятелям "Временнаго Комитета чле-

нов Гос. Думы", имѣвшего формально цѣлью лишь "возстановленіе порядка и сношенія с учреждениями и лицами".

Побѣдоносный ход революціи не измѣнил первоначально основной линіи "думцев". Суть ея можно передать записью современника. 2-го марта Гиппиус посѣтилъ извѣстный репортер "Русскаго Слова" Румановъ, пришедшій к писателю из Таврическаго дворца. "Позицію думцев опредѣлил очень точно с наивной прямою" — заносит в дневник Гиппиус: "Они считают, что власть выпала из рук законных носителей. Они ее подобрали и несподвижно хранят и передадут новой законной власти, которая должна имѣть со старой ниточку преемственности". В ожиданіи, когда, по выраженію Милокова, "наступит момент" образованія правительства, Временный Комитет ограничился немедленным назначеніем комиссаров из членов Думы во всѣ высшія правительственныя учреждения и подготовкой списка будущих членов "общественнаго совѣта министров", предполагая, что премьер будет назначен "указом верховной власти". Хорошо освѣдомленный в лагерьных и планах лѣвой думской общественности англійскій посол отправил в Лондон 1 марта уже извѣстную нам телеграмму о предлагаемой побѣдѣ думских делегатов для предьявленія Императору "требованія отречься от престола", добавляя: "должно быть назначено отвѣтственное министерство из 12 членов Думы, во главѣ с кн. Львовым и Милоковым в качествѣ министра ин. д.". Для перваго марта это еще был только проект — во всяком случаѣ, с опредѣленностью можно сказать, что днем окончательно оформившагося рѣшенія не было. Правда, в совѣтских изслѣдованіях ссылаются на протокол засѣданія Временнаго Комитета от 1-го марта, который, как будто бы, опровергает подобное утвержденіе (к сожалѣнію, мы не имѣем возможности проверить точность цитат и опредѣлить весь контекст документа). В протоколѣ значится: "Временный Комитет Гос. Думы в цѣлях предотвращенія анархіи и для возстановленія общественнаго спокойствія, послѣ низверженія стараго государственнаго строя, постановил: организовать впредь до созыва Учр. Собр., имѣющаго опредѣлить форму правленія русскаго государства, правительственную власть, образовавъ для сего Временный Общественный Совѣтъ Министров в составѣ нижеслѣдующих лиц..." (Далѣе, как пишет Генкина, приводящая выдержки из указаннаго архивнаго документа, перечислялся состав Временнаго Правительства, официально опубликованный 3 марта). Совѣтскій изслѣдователь допускает возможность, что протокол составлен *post factum* для того, чтобы формально закрѣпить образованіе правительства за инициативой думскаго комитета, принявшаго рѣшеніе еще до совѣщанія с представителями Исп. Комитета. Совершенно очевидно, что перваго марта такого протокола, дѣйствительно, составлено быть не могло, ибо в нем упоминается Учред. Собраніе, на которое согласились при обмѣнѣ мнѣніями в ночь на 2-ое, и которое являлось для думскаго комитета весьма существенной компромиссной уступкой*). Но тѣм болѣе характерно употребленіе в про-

токолѣ термина "Временнаго Общественнаго Совѣта Министров" вмѣсто "Временнаго Правительства", от имени котораго 3 марта опубликована была программа, выработанная в ночном совѣщаніи. (Надо сказать, что термин "Временное Правительство" в первые дни 3—5 марта не употреблялся и в официальной перепискѣ, и Временное Правительство именуется почти всегда "совѣтом министров". Официальное постановленіе об именованіи революціонной власти "Временным Правительством" было сдѣлано 10 марта).

Едва ли состав этого "совѣта министров" намѣчался так упрощенно, как изобразил с обычной чрезмѣрной картинностью Шульгин, приписавшій себѣ инициативу. Надо было, "во что бы то ни стало, образовать правительство" — утверждает мемуарист: "Я повторно и настойчиво просил Милокова, чтобы он поэтому занялся списком министров". И Милоков к вечеру перваго марта "занялся". "Так на коптичѣ стола, в этом диком водоворотѣ полусумасшедших людей, родился этот список из головы Милокова, при чем голову эту пришлось сжимать обѣими руками, чтобы она хоть что-нибудь могла сообразить. Историк в будущем..., вѣроятно, изобразит это совершенно не так... Я же рассказываю, как было". Эмигрант-мемуарист в состояніи рецидива монархических чаяній издѣвается над этим списком, "общественным довѣріем обремененных". Но дѣло было не в том "мифѣ", который пытается спровергнуть Шульгин, а в том, что метод созданія революціонной власти совершенно не подходил к моменту. В этом тогда не отдавали себѣ отчета. Взяли старый ходячій список проектированнаго думскаго "министерства довѣрія" и подбавили к нему новых людей, которых, казалось, выдвигала создававшаяся конъюнктура — прежде всего руководителей подготовлявшагося дворцоваго переворота, у которых естественно предполагались организаціонныя связи с военными кругами. Эта конъюнктура выдвинула и лѣвыя кандидатуры. В какой момент? По утверженію Суханова, в ночном засѣданіи делегатом Совѣта при перечисленіи личнаго состава министров имя Керенскаго не было упомянуто, и только послѣ окончанія предварительных переговоров, т. е. около 4 ч. утра, Суханов узналъ, что Керенскому предлагать портфель министра юстиціи. Это была уступка лѣвому сектору — намѣчались двѣ персональныя кандидатуры социалистов из среды членов Думы, входивших в состав Временнаго Комитета. Не было вовсе принято рѣшеніе предоставить в правительствѣ два мѣста членам Совѣта Р. Д., как это утверждает Керенскій; не было и рѣшенія предоставить два портфеля (юстиціи и труда) членам социалистических партій, как говорится в историческом трудѣ Милокова; не было это и попыткой созданія "коалиціоннаго кабинета", как безоговорочно отвѣтила редакция "Русских Вѣдомостей" на упоминавшійся запрос «Daily Chronicle». Это были двѣ личныя кандидатуры, причем кандидатура Чхеидзе, почти не принимавшаго участія в дѣлах Комитета, тут же отпала за его рѣшительным отказом, и оставалась кандидатура Керенскаго.

Судя по воспоминаніям Шульгина, имя Керенскаго и раньше называлось в кругах прогрессивнаго блока, при обсужденіи нѣкоторых комбинацій "министерства довѣрія" или "гаданія на кофейной гущѣ", по мнѣнію мемуариста. Ссылаясь на свою бесѣду с Шингаревым в

*) По утверженію Шидловскаго, «журнал Комитета» был составлен «один общій для періода 27 февраля — 10 марта», так что он дѣйствительно писался *post factum*, «и старанія раздѣлить все это время на отдѣльныя засѣданія оказались не осуществимыми». Не подразумевается ли под таким протоколом то обзорнѣе, которое редактировал Милоков?

январь 17 г., Шульгин объясняет и мотивы, побуждавшие тогда выдвигать кандидатуру представителя трудовой группы. Оба собеседника признавали, что настроение страны перешагнуло уже через голову “прогрессивного блока”, и что в силу этого необходимо искать поддержки расширением блока “лѣво”: “надо вырвать у революции ея главарей”, гораздо выгоднее имѣть Керенского “с собой, чѣм против себя”. И именно Шульгин, по его словам, предложил “Керенского на пост министра юстиции — на пост, который сейчас (т. е. до революции) не имѣет никакого значенія**). В дни революции выгода имѣть Керенского в своей средѣ должна была выясниться еще отчетливѣе дѣятелям прогрессивного блока в силу приобретенной лидером трудовиком совершенно исключительной популярности. “Душою движенья был Керенскій” — вспоминает Зензинов: “это необходимо признать, не боясь впасть в преувеличеніе”. “Он выросал с каждой минутой” — подтверждает и Шульгин, давая свое объяснение причинам, выдвигнувшим лидера думских трудовиков в дни переворота на первое мѣсто: “на революціонной трясинѣ привыкшіи к этому дѣлу танцевал один Керенскій” — “талантливый актер”, но его “одного слушают”. “Магическій” дар Керенского — отмѣчает Бьюкенен: это единственный министр, который производит впечатлѣніе. Его слова вызывают “энтузіазм”. Он “самый популярный человек”, его образ “всемирно опозитизирован”, всѣ делегаты с фронта требуют свиданія именно с ним, появленіе его на эстрадѣ вызывает “бури восторга” (Станкевич, Вл. Львов и др.). “Обаяніе Керенского поднимает престиж Временнаго Правительства в глазах революціонной демократіи” — утверждают авторы “Хроники”.

Роль, сыгранную Керенским в февральском переворотѣ, довольно образно охарактеризовал еще в первые мартовскіе дни в Московском Комитетѣ общественных организаций видный представитель партіи к. д. Кишкина: “Я только что вернулся из Петрограда — сказал назначенный правительственным комиссаром Кишкин — и могу засвидѣтельствовать, что если бы не Керенскій, то не было бы того, что мы имѣем. Золотыми буквами будет написано его имя на скрижалях Истории”. При организаціи власти органически нельзя было устранить того, кто воплотил в себѣ как бы весь лафос первых революціонных дней, и чье имя производило “магическое впечатлѣніе” на толпу. Керенскій сдѣлался “романтическим героем революции” — ея “любовью”. Сам Керенскій рассказывает во французском текстѣ воспоминаній, что ему позже стало извѣстно, что нѣкоторые члены намѣтившагося правительства соглашались вступить в его состав только при условіи включенія и Керенского.

Керенскій колебался. Его вхожденіе в правительство означало конфликт с Исп. Ком. и возможный уход из Совѣта. Всѣ друзья — рассказывает он — убѣждали его покончить с Совѣтом и войти в кабинет. То же, в сущности, рекомендовали и члены Совѣта, с которыми в “частном порядкѣ” вел переговоры Керенскій в утренніе часы вто-

*) Интересно, что и во Временном Комитетѣ выставлены были подобные же аргументы в пользу кандидатуры Керенского. Так утверждает б. московскій прокурор Чебышев, ссылаясь на Маклакова: «Керенскій был назначен в вѣдомство, гдѣ он мог «меньше принести государству вреда».

рого марта. Они, по словам Шляпникова, даже “угovarивали” Керенского вступить в правительство за свою личную отвѣтственность. — Шляпников присутствовал при бесѣдѣ Керенского со Стекловым, который доказывал, что Керенскій, не связанный партійным рѣшеніем, может в правительство вступить. “Совѣтскій Маклавец” — Суханов, заставшій аналогичную бесѣду Керенского с Соколовым, не так был опредѣлен и дал двугранный отвѣтъ, когда его мнѣніе спросил Керенскій. Свой отвѣтъ в записках он формулирует так: “ни в Исп. Ком., ни в Совѣтѣ эти вопросы еще не ставились (это, как мы видѣли, не вѣрно), и говорить об этом было преждевременно. Но мое личное отношеніе к этому дѣлу я высказал Керенскому. Я сказал, что я являюсь рѣшительным противником, как принятія власти совѣтской демократіи, так и образованія коалиціоннаго правительства. Я не считаю возможным и *официальное* представительство социалистической демократіи в ценовом министерствѣ. Заложник Совѣта в буржуазно-империалистическом кабинетѣ связал бы руки демократіи. Вступленіе Керенского в кабинет Милукова в качествѣ представителя революціонной демократіи совершенно невозможно... Но... индивидуальное вступленіе Керенского... в революціонный кабинет я считал бы объективно бесполезным... Это придало бы всякому кабинету большую устойчивость перед лицом стихійно ползущих влѣво масс”... “Керенского не мог удовлетворить такой отвѣтъ” — замѣчает резонирующий мемуарист: “Ему явно хотѣлось быть министром. Но ему нужно было быть посланником демократіи и официально представлять ее в первом правительствѣ революции”. Как видно из воспоминаній самого Керенского, позиція индивидуальнаго вхожденія в министерство, дѣйствительно, его не удовлетворяла, он считал такое рѣшеніе политически невозможным, ибо предвидѣлъ огромную опасность, которая угрожала в том случаѣ, если революціонныя массы будут предоставлены случайному руководству Совѣта, не имѣя сѣциальнаго своего представителя во временном правительствѣ. Допустить это Керенскій не мог («Je ne pouvais le permettre» — нѣсколько претенциозно выражается он во французском текстѣ). Такое временное правительство было бы заранѣе обречено. В то же время Керенскій, по его словам, сознавал невозможность переубѣдить совѣтских лидеров и повліять на измѣненіе их позиціи. Надо признать, что нѣтъ никаких намеков на то, что Керенскій пытался воздѣйствовать на измѣненіе лишь намѣчавшейся перваго марта тактики. Почва для его инициативы и для его выступленія была подходящая, но в ночь с перваго на второе марта он в идеологических спорах участія не принимал; не оказал вліянія представителя демократіи и при подборѣ кандидатов в будущее революціонное правительство.

Керенскій пишет в воспоминаніях, что эта ночь была для него самой трудной. Он должен был найти выход из почти безвыходнаго положенія. Силы его ослабѣвали. Истощенный обстановкой Керенскій впервые послѣ безсонных ночей отправился домой. Здѣсь он потерял сознаніе и в полузабытіи провел 2—3 часа. И вдруг сразу пришло рѣшеніе на вопрос, который мучил Керенского. Он должен принять пост министра юстиціи и открыто объяснить мотивы своего рѣшенія непосредственно в Совѣтѣ. Рѣшеніе это было принято не по тѣм политическим соображеніям, которыя были выше изложены, а по моги-

вам исключительно гуманным. Керенский неожиданно вспомнил об арестованных представителях старой власти. Он был убежден, что только он один в переживаемых условиях мог бы не допустить линчевания их толпой и избить пенижного кровопролития. Так говорит сам мемуарист, утверждающий, что под таким впечатлением он очнулся и немедленно позвонил по телефону во Временный Комитет, передав Милюкову свое окончательное решение. Керенского несколько не смущало то обстоятельство, что он будет один от "демократии" в правительстве, ибо за ним было непрерываемое общественное мнение, определявшее удельный вес будущего "заложника" демократии в буржуазном правительстве*).

В первой половине дня собрался пленум Совета Р. Д., на котором Стеклов "дипломатически и уклончиво" докладывал программу соглашения, намечавшегося с Врем. Комитетом. Во время доклада в зал заседания появился Керенский и потребовал предоставления ему слова в очередь. Члены Исп. Ком., как пишет Керенский, всемерно старались отговорить его от выступления, указывая на возмущенное состояние многолюдной толпы рабочих и солдатских делегатов, которая может устроить Керенскому враждебную демонстрацию — необходимо подготовить собрание к мысли, что формальный представитель Совета вступил в состав буржуазного правительства (*«Ils se jeteront sur vous et vous mettront en pièces»* — в образных выражениях передает мемуарист аргументацию "верховников" Исп. Ком.). Тем не менее Керенский, взгромоздившись на стол, свое заявление сдвинул, объясняя мотивы, побуждавшие его дать согласие на предложение Врем. Ком., не дожидаясь решения Совета, и потребовал доверия к себе. "Патетические фразы, полубезсвязные, но сказанные с сильным подъемом с непривычным для впечатлительной аудитории мелодраматическим эффектом", произвели "магическое действие" — так описывает "Хроника февральских событий", авторы которой присутствовали на заседании в качестве активных действующих лиц. В отчете советских "Известий" сказано: "трудно представить энтузиазм, охвативший зал заседания. Единичные голоса, пытавшиеся протестовать... были заглушены единодушным возгласом подавляющего большинства. Совет Р. Д. устроил Керенскому бурную овацию, которой еще не видели, кажется, стены Таврического дворца". Суханов отмечает, что настроение поднялось в тот именно момент, когда Керенский мотивировал свое согласие войти в состав министерства тем, что в его руках находятся арестованные представители старой власти, которых он не решается выпустить из своих рук. Сам Керенский не помнит деталей своей речи, но хорошо помнит устроенную ему овацию и то, что он был отнесен на руках до помещения Временного Комитета. И поэтому, быть может, беззпо-

лезно воспроизвести (с маленькими лишь купюрами) эту речь в том виде, как она на другой день была напечатана в официальных советских "Известиях"... "Товарищи... доверяйте ли вы мне?" — патетически спрашивал Керенский. — "В настоящий момент образовалось временное правительство, в котором я занял пост министра юстиции. Товарищи, я должен был дать ответ в течение пяти минут(?) и потому не имел возможности получить ваш мандат до решения моего о вступлении в состав временного правительства. *В моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их из своих рук* (возгласы: правильно)... Немедленно по вступлении на пост министра я приказал освободить всех политических заключенных и с особым почетом препроводить из Сибири сюда, к нам, наших товарищей депутатов, членов соц.-дем. фракции IV Думы, депутатов II Думы... Я занял пост министра юстиции до созыва Уч. Соб., которое должно будет, выражая волю народа, установить будущий государственный строй (бурные аплодисменты). До этого момента будет гарантирована полная свобода пропаганды и агитации по поводу формы будущего государственного устройства, *не исключая и республики* (обратим внимание на это указание Керенского!). В виду того, товарищи, что я принял на себя обязанности министра юстиции до получения от вас на это полномочия, я слагаю с себя звание тов. предс. Совета Р. Д. Но для меня жизнь без народа немыслима, и я вновь готов принять на себя это звание, если вы признаете нужным (присим!). Товарищи, войдя в состав временного правительства, я остался тем же, как был — республиканцем. В своей деятельности я должен опираться на волю народа... Я должен иметь в нем могучую поддержку. Могут ли я верить вам, как самому себе? ("верим!") Я не могу жить без народа, и в тот момент, когда вы усомнитесь во мне — *убейте меня*. Я заявлю временному правительству, что я являюсь представителем демократии, но что временное правительство *должно особо считаться* с теми мнениями, которые я буду отстаивать в качестве представителя народа, усилиями которого была свергнута старая власть... Я полагаю, что вы не осудите меня и дадите мне возможность осуществить необходимые гарантии свободы до созыва Учр. Собрания. Товарищи! Позвольте мне вернуться к временному правительству и объявить ему, что я *вхожу в его состав с вашего согласия*, как ваш представитель".

Керенский впал на мгновение в полубормочное состояние, что произвело, по наблюдениям присутствовавшего Шидловского, на аудиторию потрясающее впечатление. Патетические фразы, полубезсвязные, как видим, были довольно определены по своему содержанию и достаточно демагогичны. Оратор погрязнул против истины, так как слишком очевидно, что неволевленный министр юстиции в то время, когда Временное Правительство еще только конструировалось, не мог еще отдавать распоряжения об освобождении всех политических заключенных и, как следует из соответствующего сообщения "Известий" комитета думских журналистов, распоряжение о вызове из Сибири членов думской соц.-дем. фракции было сдано комиссарами Временного Комитета Аджемовым и Маклаковым до занятия Керенским поста министра юстиции. Керенский 3-ьяго подтвердил лишь распоряжение своих временных предшественников через несколько дней, придав ему до-

* Я должен исправить не совсем понятную леперь для меня ошибку в тексте моей книги «На путях к дворцовому перевороту». Там сказано, что кандидатура Керенского выдвинулась тогда, когда предварительный список, оглашенный Милюковым в залах Таврического дворца, вызвал бурный протест. Тогда члены Врем. Комитета пожертвовали Маклаковым и уговорили Керенского принять назначение. Колебались между этими двумя именами. Но как раз в первоначальном наброске состава Временного Правительства, помещенном 1 марта, значит, первой фамилия Керенского — она зачеркнута, и вставлено Маклаков».

вольно крикливую форму — специальной телеграммой 6 марта мѣстным прокурорам предписывалось лично освободить подсѣдственных и осужденных по политическим дѣлам и передать им привѣтъ министра.

**

Овація в Совѣтѣ Керенскій воспринял не только, как вотум личнаго довѣрія къ нему, но и как одобрение избранной им политической линіи. Он считал, что входит во временное правительство, как тов. предс. Совѣта, т. е. в качестве официального представителя “рабочаго класса”. Было около 3 час. дня, когда произошло, по мнѣнію одних, “героическое выступленіе” Керенскаго в Совѣтѣ или, по мнѣнію других, совершен им *сюр д'ѣтат*. По впечатлѣнію героя собранія, его выступленіе вызвало негодованіе у “верховников” Исп. Ком.: когда толпа несла его на руках, Керенскій видѣлъ гнѣвные лица, грозившія местию. С этого момента, по его словам, началась против его вліянія в Совѣтѣ борьба «*sans aucun scrupule*». Неоспоримо, Керенскій вызвал негодованіе, может быть, у большинства членов Исп. Ком. — отчасти уже самим фактом своего непредвидѣннаго выступленія. Но столь же безспорно, что по существу он мог встрѣтить и сильную поддержку у нѣкоторых членов Комитета, если бы не дѣйствовал так неподготовленно в одиночку. Каждый из мемуаристов под своим углом зрѣнія воспринял атмосферу собранія. Суханов — главный как бы идеолог невхожденія представителей демократіи в министерство, у котораго Керенскій в частном порядкѣ уже спрашивал совѣта, конечно, был в числѣ “негодующих”, выступленіе Керенскаго вызвало в нем “ощущеніе неловкости, пожалуй, конфуза, тоски и злобы”. Но “лидеры Исп. Ком. понимали, что развертывать пренія во всю ширь в данной обстановкѣ, специально о Керенском, значило бы идти на такой риск свалки, неразберихи, затяжки вопроса и срыва комбинаціи, который был нежелателен для обѣих сторон. На этой почвѣ большинство... не считало нужным принимать бой”... Составители “Хроники” просто говорят, что Исп. Ком. “не смѣлъ возражать” — “протестующіе голоса потонули в бурѣ аплодисментов и привѣтственных криков”. “Бой”, начавшійся в связи с докладом Стеклова, оставил в сторонѣ личное рѣшеніе, принятое Керенским и шумно одобренное сочувствующим Керенскому митингом. Вопрос шел о принятіи резолюціи Исп. Ком., хотя и отрицавшей коалицію, но говорившей о необходимости соглашенія с буржуазіей и поддержки правительства. “Лѣвая опасность”, которой боялся Суханов, по его словам, на собраніи в общем очень мало давала себя знать. Ораторы “лѣвой”, выступавшіе “против буржуазіи вообще”, были поддержаны только своими, т. е. пезначительной частью собранія.

Впрочем, Суханов наблюдал то, что происходило в собраніи. “урывками, мимоходом, среди текущих дѣл”. Другой участник собранія, бундовец Рафес, дает нѣсколько иную характеристику “лѣвой опасности”. Два обстоятельства, по его мнѣнію, помѣшали организационному комитету с.-д. партіи, высказавшемуся в ночь с 1-го на 2-ое марта (так утверждает мемуарист) за вхожденіе членов партіи в правительство, отстаивать эту позицію в общем собраніи Совѣта. “Когда на завтра — пишет Рафес — до засѣданія Совѣта, вторично собрался

Исполком для обсужденія вопроса послѣ того, как представители партіи уже лиформировались о взглядах своих организаций, оказалось, что Стеклов, Суханов и Соколов, не выжидая этого засѣданія, сообщили уже представителям думскаго комитета о состоявшемся наканунѣ отрицательном рѣшеніи вопроса Исполкома, как об окончательном”. Но “еще важнѣе” было то, что “на засѣданіи Совѣта представители большевиков повели крайне энергичную атаку против поддержки буржуазнаго правительства. Членам Исп. Ком. пришлось со всей энергіей отстаивать эту позицію. Выступленіе с предложеніем участія во временном правительствѣ вряд ли встрѣтило бы поддержку на пленумѣ Совѣта, когда большинство Исполкома было против него. Оно лишь сыграло бы на руку большевикам”. Исторіку трудно даже повѣрить, что вопрос такой исключительной важности мог быть разрѣшен так, как рассказывает партійный мемуарист. Во всяком случаѣ постолько, поскольку дѣло касалось настроенія пленума Совѣта, шумное выступленіе Керенскаго показывает, что защитники коалиціоннаго принципа могли бы при поддержкѣ Керенскаго без большаго труда выиграть кампанію. Исключительный успѣх новаго “кумира” толпы засвидѣтельствовал и другое — не столько “интеллигентные вожаки Совѣта” должны были в своих выступленіях приспособляться къ бурным стремленіям низов (запись Гиппиус 1-го марта), сколько эти интеллигенты вели за собой не опредѣлившуюся еще, в общем аморфную массу, плохо разбирающуюся в политических тонкостях. Так или иначе коалиционисты сдали почти без боя свои позиціи, принявъ вышній митинговый, даже “шумный успѣх” крайних ораторов (в противоположность Суханову, так утверждают составители “Хроники”, примыкавшіе къ позиціи бундовцев) за доказательство того, что “революціонное настроеніе прочно владѣет аудиторіей”. При таком “радикальном” настроеніи сторонникам коалиціи приходилось “защипать уже не свою позицію”, а говорить об “опасности для пролетаріата оказаться в изолированном положеніи на первых же порах буржуазной революціи” и отстаивать против большевиков официальную позицію Исп. Комитета.

В результатѣ совѣтскій митинг принял резолюцію Исп. Ком. всѣми голосами против 15, т. е. формально отверг вхожденіе своих членов в создающееся правительство. Получилось двойственное положеніе, ложное в своем основаніи и чреватое своими послѣдствіями: фактически одобрилъ поведеніе Керенскаго, Совѣт принципиально отвергал одновременно его тактику... Совѣт едва ли отдавал себѣ отчет в том противорѣчіи, которое получалось. Не искушенный еще революціонной казуистикой пленум, очевидно, механически голосовал предложенную резолюцію. Вспоминая впоследствіи на Совѣщаніи Совѣтов выступленіе Керенскаго, делегат петроградскаго совѣта Кохно говорил: “Мы всѣ в один голос изымали свою полную съ ним солидарность, выразили полное довѣріе и сказали, что... всегда будем одобрять его на этом посту”... Во имя фикціи единства революціоннаго мнѣнія за резолюцію большинства Исп. Ком. голосовала почти вся оппозиція, как правая, так и лѣвая.

II. Гуманность и революціонная стихія.

Один мотив в рѣчи, произнесенной Керенским в Совѣтѣ, находится в рѣзком противорѣчіи съ тѣми побужденіями, которыя яко-бы

заставили его по какому-то таинственному наитию принять решение о вхождении в состав временного правительства. Не случайно, однако, Керенский упомянул об арестованных представителях старой власти. Довольно знаменательно, что и Милоков, произносивший на митинге в соседнем зале чуть-чуть позже также свою первую “министерскую” речь, выдвинул ту же мотивировку выбора Керенского на пост генерал-прокурора в новой России: “Мы бесконечно рады были — говорил Милоков по отчету “Известий” — отдать в верные руки этого общественного деятеля то министерство, в котором он отдаст справедливое возмездие прислужникам старого режима, всем этим Штюмерам и Сухомлиновым”. Итак речь шла не о гуманности, а о возмездии, и Керенский еще раз сам подчеркнул на солдатском митинге в Таврическом дворце вечером 2-го марта, что все старые министры будут отвечать по суду за свои действия. Как можно объяснить это противоречие? Шульгин, который среди мемуаристов кладет наиболее густо краски в описании переживаний современников февральских и мартовских дней, в непоследовательной позиции Керенского видит своего рода “комедию”, которую он сознательно играл перед “революционным сбродом”. Керенский хотел спасти арестованных, и для этого надо было перед толпой “дѣлать вид”, что Гос. Дума сама “расправится с виновными”. И крайне тенденциозный мемуарист отдает должное Керенскому: “он употребил все силы своего “драматического” таланта, чтобы кровь “при нем” не была пролита”. В правых кругах не один только Шульгин признает заслуги в этом отношении Керенского в первые дни революции. Ген. Врангель вспоминает, что в то время он уже услышал от члена Думы бар. Штейнгера, приехавшего в Киев и рассказывавшего о событиях в Петербурге, что только Керенскому (он один способен “сладить с толпой”) “Россия была обязана тем, что кровопролитие первых дней во-зрѣмя остановилось”. Писательница Гиппиус — человек другой среды — высказалась в дневнике еще сильнее: “в марте он буквально *спас* (курсив авт.) Россию от немедленного безумного взрыва”.

Естественно мы не будем отрицать гуманности революционного правительства, которая была за ним признана таким антиподом революции, каким неизбежно был в. кн. Ник. Ник. Он говорил своему племяннику Андрею в Тифлисе 9 марта: “Единственное спасение я вижу в лозунге нового правительства — безкровная революция, но ручаться, конечно, нельзя. Народная ненависть слишком накалилась и сильна”. Готовы мы в общем признать, что именно Керенскому, в силу исключительной роли, которую ему пришлось играть, и ореола, окружившего его имя, принадлежит как бы честь проведения в жизнь лозунга: “государственная жизнь не проливает крови”. Но сам Керенский проявил так мало чуткости в своих воспоминаниях к описываемой им современности, что счел для себя возможным поместить в текст такие строки: “Люди правые меня упрекали и упрекают еще за мою снисходительность в отношении лѣвых, т. е. большевиков. Они забывают, что, если бы я действовал в соответствии с принципами, которые они выдвигают, я должен был примѣнить режим террора, не налѣво, а направо, и что я не имел права проливать кровь (!!) большевиков, не пролив *потоков крови* (couler des flots de sang), в первые недѣли революции, когда я рисковал авторитетом и престижем в глазах масс, сопротивляясь тре-

бованиям жестокой расправы (peine atroce) с Царем, со всеми членами династии и их слугами”. Вот это изложение, почти приближающееся к изложению тех мемуаристов, которые с излишним усердием желают изобразить народную стихию в февральские и мартовские дни насыщенной кровавыми инстинктами, мы должны решительно опровергнуть, как очень далекое от того, что было в действительности. О династии придется говорить особо, и, думается, роль Временного Правительства и министра юстиции выяснится с достаточной отчетливостью*). Поэтому ограничимся пока лишь бѣглыми иллюстрациями в дополнение к тому, что сказано уже было для характеристики настроения толпы в первые дни революции в связи с описанием эксцессов в отношении к офицерам. Это будет некоторым коррективом к показаниям строгих мемуаристов, обливающих революцию.

1. — Кордегардия Таврического дворца.

Нельзя отрицать, что в первые дни Петербург пережил пароксизм лихорадки массовых арестов, временно превративших даже здание Таврического дворца, где, по выражению Зензинова, билось “сердце русской революции”, в какую-то революционную кордегардию. Мемуаристы лѣвого сектора русской общественности — Керенский не представляет в данном случае исключения — всемерно стараются снять с себя ответственность за насилие, учиняемые именем революции, и довольно решительно отклоняют приписываемую им инициативу в дѣлѣ “самозащиты” революции. То было инстинктивное, самопроизвольное устремление масс, носившее “партизанский характер”. Руководители революции пытались лишь регулировать анархическую инициативу самозванных групп, придав ей некоторым образом законную форму. Так поясняет Суханов в своих “записках”. “Самочинные группы, одна за другой — вспоминает он — подносили членам Исп. Ком. ...написанные ими приказы об арестах, как невинных, так и действительно опасных; как безразличных, так и на самом дѣлѣ злозредных слуг царского режима... Не дать своей подписи в таких обстоятельствах, значило, в сущности, санкционировать самочинное насилие, а, быть может, и эксцессы по отношению к намѣченной почему-либо жертвѣ. Подписать же ордер, означало в одних случаях пойти навстрѣчу вполне целесообразному акту, в других — просто доставить личную безопасность человеку, ставшему под подозрѣние. В атмосферѣ разыгравшихся страстей нарваться на эксцессы было больше шансов при противодействии аресту, чѣм при самой процедурѣ его. Но я не помню ни одного случая (и даже могу утверждать, что такого не было), когда тот или иной арест состоялся бы по постановлению Исп. Ком. или по инициативѣ его. С первого момента революция почувствовала себя слишком сильной для того, чтобы видѣть необходимость в самозащитѣ подобным способом**).

Память несколько изменила мемуаристу, и факты далеко не всегда

*) Этот вопрос подробно разобран в моей книгѣ «Судьба имп. Николая II послѣ отречения».

**) «Я лично — добавляет мемуарист — подписал единственный, подданный мной ордер об арестѣ за всю революцию. Моей случайной жертвой был человек, во всяком случаѣ, достойный своей участи болѣе, чѣм сотни

совпадают с его категорическим утверждением. Как ни скромны документальные следы этих дней в архивах, но они говорят об инициативе, проявленной членами Исп. Ком.: вот, напр., “приказание”, отданное подп. Ст. Шиманскому “отправиться на основании полученных сведений для производства ареста б. председателя Совета министров Бориса Штюрмера и доставить его в помещение Государственной Думы” — приказание помечено датой 8 ч. 45 м. утра 28-го и подписано за председателя военной комиссии Врем. Ком. Гос. Думы ст. лейт. с. р. Филипповым, не состоявшим даже членом Исп. Ком.*).

Само собой разумеется, что инициатива ареста правительственного аппарата принадлежала не взбунтовавшейся солдатской толпе, а руководителям движения, которые в первый момент исходили в гораздо большей степени из соображений революционной целесообразности, чем гуманности. Для объяснения этого естественного последствия возмущения, когда борющаяся сторона пыталась изолировать и обезвредить представителей старой власти, вовсе нет надобности становиться в искусственную позу безупречного революционного Дон-Кихота. Сам Керенский рассказывает, что Думский Комитет поздно вечером 27-го, приняв временные бразды правления, решил арестовать старое правительство в Мариинском дворце (очень сомнительно, чтобы такое постановление Врем. Комитета существовало, но какие-то попытки в этом отношении были сделаны, как устанавливает процитированный выше документ из архивов военной комиссии). Еще раньше, даже до формального образования Врем. Комитета, по распоряжению уже диктаторствовавшего в кулуарах Керенского было отдано в революционный порядок предписание об аресте председателя Гос. Совета Щегловитова. Это вновь рассказал сам Керенский в несколько противоречивом повествовании о событиях первых дней революции, и рассказ его подтвердил в своих воспоминаниях литовский депутат Ичас. По словам Керенского, в толпе, собравшейся в Тавр. дворец, говорили о необходимости суровых мер в отношении представителей и защитников старого режима и интересовались его “мнением”. Керенский ответил, что те, кто особенно опасны, будут немедленно арестованы, и назвал Щегловитова, тут же приказав, чтобы последний немедленно был к нему приведен (*tut amené sur le champ devant moi*). Отпадает таким образом приводимая Сухановым и другими, распространенная при посредстве “очевидцев” версия о том, что какой-то студент, “известно по чьему распоряжению”, арестовал Щегловитова, пригласив к себе на помощь с улицы случайную группу вооруженных солдат. Надо думать, что тогда же было дано распоряжение и об аресте мин. вн. д. Протопопова, задержать которого пыталась еще в 11 ч. утра по собственной инициативе какая-то группа инсургентов при помощи солдат Преображенского и Волынского полков, которых еще не было в Таврич.

и тысячи. Это был Крашенинников — сенатор и председатель петербургской Судебной Палаты — возможный (?) глава царистской реакции, вдохновитель серьезных монархических заговоров.

*) 8-го марта совершенно неожиданно инициатором одного из арестов является представлявший тогда в Исп. Ком. трудовиков Н. В. Чайковский: по его предложению постановлено было арестовать протопр. военного ведомства Шавельского. Мотивы решения в протокол не указаны. Шавельский был арестован и находился под арестом в течение двух суток.

дворец (эту совершенно неправдоподобную версию приводит Керенский).

Щегловитов был приведен. По всем почти воспоминаниям проходит сцена, разыгравшаяся в кулуарах между председателем Думы и считающим себя на деле диктатором левым депутатом*). Из этих мемуарных версий выберем ту, которую дает Ичас: он был не только непосредственным свидетелем, но и действующим лицом; его изложение привлекает своей ясной простотой — затерянное к тому же среди газетных сообщений, оно менее известно, чем воспоминания Керенского, Родзянко, Суханова, которые легко сравнить между собой. В то время, когда “300 членов Думы” бродили по “улылым залам”, ожидая решения Временного Комитета, “два студента с саблями наголо” явились Щегловитова и обратились к Ичасу с вопросом: где Керенский? “Я велел отвести Щегловитова в приставскую комнату и сказал, что сам пойду за Керенским” — рассказывает Ичас. Керенский ответил: “сейчас приду, пусть подождут”. “Минут десять мы его ждали. Тем временем толпа с улицы уже проникла в помещение и стала окружать нас. Керенский приближался в комнату и громко спросил, озираясь: кто меня звал? Тогда студент, конвоировавший Щегловитова, указал на арестованного. Керенский взволнованным голосом спросил: “Так вы — Щегловитов?” и... прибавил: “Ив. Гр., вы тот человек, который может нанести самый опасный удар ножом в спину революции, и мы вас в такой момент не можем оставить на свободе”. При этих словах вышел из своего кабинета, окруженный членами Комитета, председатель Гос. Думы Родзянко: “Ив. Гр., как вы сюда попали? А. Ф., ведь в Комитет постановления об аресте его не было?” “Я еще до избрания Комитета распорядился его арестовать” — ответил Керенский. “Так пойдемте в кабинет, обсудим этот вопрос. Ив. Гр., пойдемте со мной, посидите, пока мы обсудим этот вопрос” — продолжал Родзянко, протягивая Щегловитову руку. Тогда молодой студент с саблей оборвал председателя Думы: “Не по вашему распоряжению мы его арестовали и не можем отпустить его с вами”. “Отведите г. Щегловитова в министерский павильон и приготовьте ему кровать” — распорядился Керенский и вошел вместе с комитетскими в кабинет председателя**).

Арест Щегловитова, по словам Керенского, вызвал чрезвычайное возбуждение среди “умеренных” членов Думы. Они настаивали на освобождении председателя Гос. Совета во имя принципа неприкосно-

*) Находившиеся в Думе репортеры говорили Керенскому, что он в данный момент всемогущ в России (франц. текст воспоминаний).

**) В воспоминаниях Керенского студент не играет никакой роли. Это он, Керенский, пришедший тогда уже, когда Родзянко приглашал Щегловитова в свой кабинет, оборвал чрезмерную любезность Родзянко словами: «Щегловитов здесь не ваш гость, и я отказываюсь его освободить». В воспоминаниях Родзянко никакого Керенского не было, когда группа преобразованцев привела к нему арестованного Щегловитова. Пораженный призывом Родзянко приказал освободить Щ., но солдаты сомкнулись вокруг своего плетника и самым «вызывающим» образом показали председателю свои винтовки, после чего Щ. был увен «неизвестно куда». По словам Керенского, он немедленно после захвата председателя Гос. Совета направился в министерский павильон и пытался убедить Щегловитова, во имя искупления своего прошлого, оказать родине услугу, протелефонировав в Царское Село о бесполезности сопротивления и посоветовал отделиться на милость народа. Щегловитов с твердостью от этого отказался.

венности членов законодательных собраний, они протестовали против превращения Гос. Думы в дом тюремного заключения и, впрочем, всего, отнюдь еще не желали вступить на революционный путь. Но фактический “диктатор” был тверд, несмотря на все протесты Врем. Ком., о которых говорит Родзянко. В воспоминаниях Керенский высказывает удивление, как его коллеги не понимали, что освобождение Щегловитова в этот момент означало бы не только умаление престижа Думы в глазах масс, но и передачу его возмущенной толпы на линчевание. Это было безумие, на которое предвидевший последствия будущий генерал-прокурор революции пойти не мог.

Министерский павильон быстро наполнился арестованными сановниками — элитой бюрократического мира*). Сюда приводили арестованных по законным “правительственным” ордерам, выдаваемым от имени членов обоих Испол. Комитетов и их военной комиссии; сюда поступали приведенные любителями творить самочинно революционное правосудие, согласно официальному объявлению доставлять сановников и генералов в Таврич. дворец, “буде таковых придется задерживать” (подобные объявления могли лишь толкать население на произволство арестов); сюда сажали добровольно явившихся в целях самосохранения — здесь они чувствовали себя, как за “каменной стеной”, по выражению секретаря Родзянко. В хаосе “черезполосицы” невозможно разобраться и определить случаи, когда вожди революции в предписании арестов проявляли активную инициативу и когда лишь вынужденно легализировали революционное беззаконие. Ордера посылались на бланках, которые были под рукой, и немудрено, напр., что с.-р. Мстиславский, член военной комиссии, по собственному признанию, заполнил, не имея на это никакого права, бланки тов. пред. Гос. Думы. Мало понятно, на основании каких полномочий чл. Врем. Комитета Караулов, занявший 28-го временно пост коменданта Тавр. дворца, отдавал 1 марта приказ о немедленном аресте “всех чинов наружной и тайной полиции и корпуса жандармов”, но совершенно очевидно, что аресты в этой среде производились вовсе не в соответствии с “приказом № 1”, как утверждал впоследствии отчет думской “комиссии по принятию задержанных военных и бывших гражданских чинов”.

Керенский с первого же момента сдвинулся вершителем судьбы представителей того режима, который свергла революция. Может быть, поэтому естественно, что его имя вне зависимости от официального поста, который он занял 2-го марта, оказалось особо тесно сопряженным с волной арестов, прокатившейся по Петербургу. Отмечая “поразительную планотворность” арестов, несмотря на неоднократное, будто бы, объявление со стороны Врем. Ком. об их “незаконотворности”, Родзянко намекает на специфическую роль Керенского — по крайней мере воинские чины, производившие аресты, указывали “имя члена Гос. Думы Керенского, как руководителя их действий”**). В

своем стремлении охранить революцию от насилия (“в благородных усилиях”, чтобы “Тавр. дворец не обогрелся кровью”) Керенский проявлял временами, действительно, чрезмерное рвение. С некоторой наивностью рассказывает он сам эпизод, имевший место при аресте б. мин. вн. д. и юстиции Макарова. Где-то и к кому-то арестованный Макаров был освобожден депутатами по “сердечной доброте”: они не понимали, что только арестом и проявлением известной строгости — повторяет Керенский свой излюбленный мотив — можно было воспрепятствовать массовым судам Линча. Керенский спешит исправить оплошность депутатов, не подумавших о том, что сделано было бы с этим бывшим министром, если бы господа демагоги и агенты-provokatory узнали об освобождении министра, знаменитого своей неосмотрительной фразой в Думу по поводу ленских разстрелов в 12-ом году: “так было и так будет” (этой фразе тогда придали несколько иной смысл, чем тот, который вкладывал в нее ее произносивший). Узнав, что б. министр Макаров, боясь ночью возвращаться домой, нашел себе пристанище в частной квартирке, расположенной в антресолях дворца, член Гос. Думы Керенский, захватив двух вооруженных солдат, бегом поднялся наверх; перепугал даму, ему открывшую дверь на звонок, извинился, арестовал Макарова и водворил его в министерский павильон. Дело, конечно, было не только в личной экспансивности лидера думской трудовой группы. Впрочем, и соображения о гуманности привлечены были в данном случае мемуаристом задним числом. Эпизод скорее надо объяснить сугубо отрицательным отношением Керенского, выступавшего в роли разоблачителя ленских событий, к тогдашнему министру вн. д., заслужившему, однако, общественную амнистию своим независимым поведением в последний период царского правления, когда он вызвал недовольство к себе со стороны имп. А. Ф. и должен был покинуть министерский пост. И, может быть, не так уж не правы были те члены Думы, которые рекомендовали арестованному и освобожденному Коковцову, как он рассказывает в воспоминаниях, идти скорее домой, пока на него “не набрел Керенский”.

Побуждала ли обстановка в Таврическом дворце первого марта к принятию таких экстраординарных мер, если даже допустить, что имя Макарова было ненавистно массе так же, как оно ненавистно было Керенскому? Мемуаристы противоположного лагеря по иному, конечно, основаниям явно сгущают атмосферу. Примером может служить повествование все того же Шульгина. Он чрезвычайно картинно рассказывает, как в Думу “побуждало особое волнение”, когда пришел добровольно арестовываться или отдаться “под покровительство Гос. Думы” Протопопов (это было в тот же вечер, когда произошел эпизод с Макаровым), и как Керенский проявил все силы своего “актерского дарования”. От озлобленной толпы распутинскому ставленнику “ждать ничего хорошего не приходилось”. “И в то же мгновение я увидел в зеркале — живописует Шульгин — как бурно распахнулась дверь... и ворвался Керенский. Он был бледен, глаза горели... рука поднята. Этой протянутой рукой он как-бы рвался толпу... — Не смей прикасаться к этому человеку... Все замерли... И толпа разступилась... Керенский пробжал мимо, как горящий факел революционного правосудия, а за ним влекли тщедушную фигуру в помятом пальто, окруженную пятаками”... Сам Керенский рассказал о появлении Протопопова

*) Для того, чтобы избежать упреков за то, что он Думу превращает в полицейскую кордгардию, Керенский нарочно избрал «министерский павильон», находившийся как-бы вне Думы и соединенный с ней крытой галереей.

**) Были аресты, произведенные и по инициативе самого Врем. Комитета — так «по приказу правительства» (т. е. Вр. Ком.), был арестован финл. ген.-губ. Зейн и его помощник Боровитинов.

в Думѣ менѣе картинно с вѣшной стороны, чѣм то сдѣлал сторонній очевидец происходившаго. По словам Керенскаго, его в одном из корридоров дворца остановила фигура страннаго вида, обратившаяся к нему с титулованіем “Ваше Превосходительство”. Это оказался Протопопов. И Керенскій провел, не вызвав ничьего вниманія, этого наиболѣе ненавистнаго в Россіи челоѣка в “павильон министров”. Сам Протопопов так рассказал о своем арестѣ в дневникѣ: “Я спросил какого-то студента провести меня в Исп. Ком. Узнав, кто я, он вѣдѣлся в мою руку. “Этого не паду, я не убѣгу, раз сам сюда пришел” — сказал я; он оставил меня. Стали звать А. Ф. Керенскаго. Он пришел и, сказав строго, что его одного надо слушать, ибо кругом кричали солдаты, штатскіе и офицеры, повел меня в павильон министров, гдѣ я оказался под арестом”. Еще болѣе прозаична была отмѣтка в № 3 “Извѣстій” комитета журналистов, утверждавшая, что появленіе Протопопова не вызвало в Думѣ никаких страстей.

Всегда представляется нѣсколько сомнительным, когда мемуаристы в однородных тонах и с однородными деталями сообщают разные эпизоды, хотя и возможно себѣ представить, что в аналогичных условіях должны были получаться однотипныя картины. Совершенно в духѣ Шульгина нѣсколько раньше Суханов изображал эпизод с арестом столь же ненавистнаго Штюмерера. Только роль Керенскаго в этом случаѣ сыграл трудовик в формѣ прапорщика — Знаменскій, обладавшій зычным голосом. Надлежало провести в спасительный “министерскій павильон” через враждебную и вооруженную толпу группу арестованных, во главѣ со Штюмерером и Курловым, под охраной надежных конвойных, “самочинно арестовавших и доставивших ненавистных правителей в Таврич. дворец”. “Не смѣть трогать” — крикнул во все свое могучее горло Знаменскій, открывая шествіе. Толпа разступилась, злобно поглядывая на арестованную партію, и “ненавистные министры” были охранены от самосуда. “Труднѣе будет уберечь Сухомлинова, о котором постоянно спрашивали в толпѣ, и против котораго возбужденіе было особенно сильно” — будто-бы подумал тогда же Суханов, присутствовавшій при том, как Знаменскій вел группу арестованных садовников. И если Сухомлинова оберегли от самосуда, то здѣсь, в изображеніи Керенскаго, исключительно его заслуга. Кто-то “блѣдный и трясущійся от страха” прибѣжал сообщить Керенскому, что привели Сухомлинова, и что солдаты находятся в чрезвычайном возбужденіи (*surexcitation terrible*) и готовы измѣнника-гверала разорвать на куски. Керенскій и через десять лѣтъ не мог вспоминать без чувства ужаса ту кошмарную сцену, которая готова была разыгратъся. Увидав приближающагося с охраной Керенскаго и поняв, что жертва может ускользнуть, толпа бросилась на Сухомлинова, и Керенскій собственным тѣлом его прикрыл. Он воззвал к чести солдат, заклиная их не опозорить революцію пролитіем крови в стѣнах Думы. Он один противостоял неготованію озвѣрѣлой толпы солдат, твердо заявив, что они коснутся своей жертвы только через его. Керенскаго, труп. Керенскій почувствовал колебанія в толпѣ и понял, что он выиграл игру.

Отдадим должное мужественному поступку мемуариста. Вѣроятно, нѣчто подобное было в дѣйствительности. В отношеніи Сухомлинова атмосфера должна была быть сгущенной — вѣдь около его личности

была сосредоточена вся ненависть и вся агитація в період всѣх неудач во время войны. Враждебность к Сухомлинову не могла быть показательной для революціонных настроеній. И все-таки закрадывающіяся нѣкоторыя сомнѣнія — не чрезмерно ли мемуарное перо и позднѣйшее воспріятіе остро в свое время пережитого стусили краски. Невольная случайная очевидица того, как толпа на улицѣ требовала выдачи Сухомлинова для растерзанія, тоже приведенная в Тавричeskій дворец — гр. Клеймихель, видѣла, как “юноша, почти мальчик, в офицерской формѣ, хватал его за руки и толкал” свою жертву — мундир на Сухомлиновѣ был изорван, погонны срѣзаны, ордена похищены... Депутаты спасли б. военнаго министра, окружив его тѣсным кольцом. Надо сказать, что у старой графини было чрезвычайно живое воображеніе. В ея воспоминаніях можно было бы почерпнуть яркія бытovyя сцены для эпохи, если бы онѣ не были приправлены подчас слишком уже фантастическими аксессуарами даже тогда, когда она говорит о своих собственных приключеніях и своих собственных переживаніях*). В личных воспоминаніях Сухомлинов совсѣм по иному рисует обстановку своего ареста. Взятый у себя на квартирѣ (к моменту революціи он был освобожден из Петропавловской крѣпости и находился под домашним арестом) “какой-то компаніей вооруженных людей”, Сухомлинов был отвезен в Тавричeskій дворец. “Во время переѣзда в грузовом автомобилѣ студент в очках держал против моего виска браунинг, дуло котораго стучало мнѣ в голову на ухабах. Полнѣйшее мое равнодушіе к этому боевому его приѣму привело к тому, что он вскорѣ спрятал оружіе в кобурѣ. Нѣсколько заданных вопросов относительно моего дѣла и совершенно спокойные мои отвѣты на них закончились тѣм, что первоначальное непріязненное ко мнѣ отношеніе превратилось в благожелательное. У Тавр. дворца снаружи и в залах, по которым я проходил, была масса народа, и никаким оскорбленіям я не подвергался, как об этом невѣрно сообщали газеты”. Сухомлинов вначалѣ был приведен к Энгельгардту, а потом повели к Керенскому. “В небольшом корридорѣ просили обождать. Я сѣл у колонны и наблюдал то столпотвореніе, которое вокруг происходило... Подошел ко мнѣ какой-то приличный господин и просил очень вѣжливо, чтобы я спорол погонны, и подал мнѣ ножницы. Я их просто отвязал и отдал ему — тогда он попросил и мой георгіевскій крест, но я его не отдал и, к моему удивленію, бывшій тут часовой, молодой солдатик, вступился за меня и сказал: “Вы, господин,... этого не понимаете, это заслуженное и так отнимать, да еще такой крест, не полагается”. Наконец, пригласили меня тут-же рядом в сѣни, гдѣ стоял взвод солдат с ружьями, и появился Керенскій... Мнѣ он ничего не говорил, а обратился к нижним чинам и в приподнятом тонѣ сказал, что вот, мол, бывшій военный министр царскій, который очень виноват и его будут судить, а пока он им повелѣвает, чтобы волос с головы моей не упал... Тѣм все и кончилось... Я вышел на внутренній подъѣзд дворца, гдѣ стоял

*) Впрочем, условія, в которыя поставлена была графиня, находившаяся с 11 марта уже под домашним арестом, были довольно таки своеобразны в революціонной обстановкѣ. Как утверждает комендант Тавричeskаго дворца, Перетц, у нея была собственная комбинированная охрана, ея оплачиваемая: 8 челоѣкъ «домашней охраны» и 15 солдат гвардейскаго экипажа. Гвардейцы получали двойную плату — по 2 руб. в день.

тот самый автомобиль, в котором меня привезли; мой почетный караул... присутствовал, когда я в него садился, а мои уже старые знакомые конвоиры дружески встрѣтили меня... От них же я узнал, что меня повезут в Петропавловскую крѣпость, куда приблизительно через полчаса меня и доставили"... Здѣсь — подчеркивает Сухомлинов, "со мною всё было вѣжливо — принесли даже котлету с картофелем и чай... Арестованных еще не было никого... и я занял опять свой № 55".

Легко можно допустить сознательную тенденцію Сухомлинова при рассказѣ, но в дальнейшем изложеніи, говоря о содержаніи в Петропавловской крѣпости, он отнюдь не падит "обнагльвших со звѣриными фizioноміями в сѣрых шинелях". Неожиданно в нѣкоторых своих частях рассказ Сухомлинова находит подтвержденіе в напечатанном 9 марта в "Извѣстіях" письмѣ прап. 171 пѣх. зап. полка Чиркунова, находившагося во главѣ отряда, который забирал Сухомлинова на его квартирѣ. Между прочим, здѣсь устанавливалось, что солдаты хотѣли первоначально сорвать с измѣнника погоны, но послѣ рѣчи Сухомлинова о том, что он невиновен, погоны были оставлены. Как будто бы очевидно, что отряд прап. Чиркунова должен был по распоряженію новой власти перевести подслѣдственного Сухомлинова с привилегированнаго домашняго положенія, с чѣм так боролись до революціи думскіе дѣятели из состава прогрессивнаго блока, на старое крѣпостное. Почему понадобилось провести такую техническую операцію через революціонный штаб, каким являлся в тот момент Таврическій дворец, не совсемъ понятно.

Как примирить двѣ столь противоположныя версіи, которые выступают в изложеніи Керенскаго и Сухомлинова? — истина должна быть гдѣ-то по серединѣ между двумя крайностями. При таких условіях сухомлиновскій эпизод будет достаточно характерен. Он как бы подтверждаетъ положеніе, что атмосфера в Таврическом дворцѣ вовсе не была насыщена электричеством той злобности, при которой эксцессы приобретают кровавый характер*). Трудно повѣрить показаніям, принимавшаго непосредственное участіе в "слѣдственной комиссіи" кн. Мансырева, который говорит о том, как уже вечером перваго дня революціи "толпа" в Таврическом дворцѣ "неистово" избивала "кулаками и прикладами" арестованных "жандармских офицеров и полицейских чиновников" — трудно повѣрить потому, что подобная сцена рѣзко противорѣчитъ фактической обстановкѣ, которую можно установить для революціоннаго штаба 27 февраля и послѣдующихъ дней.

2. — Петропавловская крѣпость.

Не было атмосферы напряженной злобности и за стѣнами Таврическаго дворца. Перед нами воспоминанія б. тов. обер-прокурора Св. Синода кн. Жевахова. Это был человѣкъ крайне реакціонный — для него уже введеніе института земскаго самоуправленія в царствованіе

Александра II являлось началом чуть ли не конца Россіи, и в то же время он был человѣком нѣсколько не от міра его. Мартовскіе дни представлялись этому религіозному министру православнаго пошиба сплошным ужасом. Чего только не видѣли его глаза, и чего только не слышали его уши! Он, конечно, рассказывает, как улицы запружены были толпой, жаждущей крови и самыхъ безжалостныхъ расправ — генералов ловили, убивали, разрубали на куски и сжигали. Что только тенденція не выдумает! Однако, когда эти озвѣрѣлыя толпы вломались в казенную квартиру кн. Жевахова и увидѣли иконостас и другіе церковныя атрибуты, то жажда крови изсякла — солдаты присмирѣли, стали "виновато улыбатся" и "почтительно удалились, полагая, что здѣсь живетъ святой человѣкъ"... Такой сценой само собою уничтожается та гипербола, с которой современник передал потомству о видѣнном и слышанном в дни революціи*).

Но допустим, что по иному могла рисоваться обстановка тѣм, кто были почти замуравлены в первые дни и ночи в четырехъ стѣнахъ революціоннаго штаба. Вспомним, как свои ощущенія вполнѣдствіи изобразил Шульгин — почти в жеваховскихъ тонах. Керенскій рассказывает, с какой предосторожностью пришлось перевозить заключенныхъ в "министерскомъ павильонѣ" царскихъ сановниковъ в Петропавловскую крѣпость**). У временной власти, по его словам, не было охоты размѣщать царскихъ приверженцевъ в историческихъ казематахъ, служившихъ в теченіе столѣтій мѣстомъ заключенія и страданія политическихъ узниковъ — героевъ революціи, но всѣ тюрьмы были разрушены (?) революціоннымъ порывомъ 27-28 февраля, и только за крѣпкими стѣнами Петропавловки можно было найти надежное мѣсто для личной безопасности новыхъ заключенныхъ старой политической тюрьмы. Такимъ образом, еще разъ гуманныя соображенія побудили вспомнить Трубецкой бастіонъ и оживить новыми сидѣльцами прежнюю русскую Бастилію. Городъ былъ еще неспокоен, когда "мы вынуждены были перевести министров. Сдѣлать это днемъ было чрезвычайно опасно, а тѣмъ болѣе заранѣе раскрыть планъ перевозки. Поэтому рѣшено было совершить переводъ ночью безъ предупрежденія даже стражи"... Лично Керенскій в полночь предупредилъ арестованныхъ, когда всѣ приготовленія были закончены, что они будутъ перевезены, не указавъ ни мѣста, куда ихъ перевозятъ, ни причинъ увоза. Секрет, которымъ была окружена ночная экспедиція, и враждебная лица солдатъ, казалось, сильно возбудили заключенныхъ — они думали, что ихъ везутъ на казнь. (Такъ казалось во всякомъ случаѣ Керенскому, который по челу оставшагося спокойнымъ Щегловитова читалъ затаенную мысль — воспоминанія долготѣннаго руководителя царской юстиціи, какъ его многочисленныя жертвы в такихъ же условіяхъ ночного безмолвія отвѣзились изъ тюремныхъ казематовъ на мѣсто казни). В такой обстановкѣ революціонная гуманность, о которой думалъ Керенскій, превращалась, пожалуй, в недо-

*) Жевахов все же был арестован. Когда его привезли в Таврическій дворец, «толпа ревѣла» и забрасывала камнями каміон. Но конвой покинул арестованнаго, и Жевахову пришлось итти самоарестовываться и самому отыскивать путь в «министерскій павильон».

**) По утвержденіямъ Керенскаго, это было в ночь на 3-е марта; по словамъ самихъ заключенныхъ, в ночь на 2-ое. Послѣднюю дату сообщаетъ и Зензинов, принимавшій непосредственное участіе в ночной операціи.

стойную мелочную месть. В действительности, впрочем, не было ни того, ни другого. Была скорее неуверенность власти, не чувствовавшей еще прочной почвы под ногами и облекавшей свою неуверенность в революционный пафос, замбняя его подчас революционной позой. К ней был несколько склонен тот, кто занял пост министра юстиции революционного правительства, и она производила впечатлѣніе. Так Ледницкій в докладѣ московскому Комитету Общ. Организаций 3 марта, передавая свои петербургскія впечатлѣнія, с одушевленіем изображал бытовую сцену, которой сопровождался арест послѣдняго министра юстиціи царскаго правительства Добровольскаго (явился сам в Таврическій дворец). “Бывшій министр Добровольскій — торжественно заявил ему Керенскій — вы имѣете честь разговаривать с депутатом Думы, потрудитесь встать”. Ледницкій комментировал эти слова: “прежняя власть почувствовала силу новой власти” (по отчету “Рус. Вѣд.”). Зензинов вспоминает, с каким “дикующим видом” Керенскій ему сообщил, что по его распоряженію арестован Щегловитов — то было “первое проявленіе власти революціи”. В первые дни подсознательным стимулом, вызывавшим революціонную позу, и могло быть чувство инстинктивнаго страха за революцію. Этим только можно объяснить не соответствовавшій идеям и настроеніям обиход, который был установлен властью свыше в “министерском павильонѣ”. Здѣсь парила “гробовая тишина”, так как строжайше запрещено было разговаривать. Заключенные должны были вставать при входѣ коменданта. Одним словом, все то, что полагалось по тюремной дисциплинѣ ушедшаго в прошлое режима. Это не отзыв переживаній арестованных, это непосредственное впечатлѣніе журналиста Луганскаго, посѣтившаго 2 марта “министерскій павильон”. Курлов утверждает, что такой обиход с “вынужденным молчаніем” установлен был личным распоряженіем “начальника” революціонной кордегардіи в Таврич. дворцѣ депутатом Керенским, который дѣлал выговор начальнику караула за неисполненіе им своих обязанностей*).

Если учесть эту возможную психологію революціонной власти, в нѣкоторых случаях персонифицированной Керенским, мы поймем обстановку, в которой произошел перевоз арестованных сановников в Петропавловскую крѣпость. Иначе получается нѣчто несуразное. Таинственность, которой был облечен перевоз, всѣ принятія Керенским

*) В первые два дня обстановка была, как свидѣтельствуют воспоминанія того-же Жевахова, нѣсколько иной, несмотря на то, что арестованные были окружены «озвѣрѣвшей» толпой, желавшей «растерзать» бывших министров. Сохраним стиль б. тов. обер-прокурора Св. Синода: «Подлѣ арестованных суетились жидки, семинаристы, выпущенные на свободу политическіе преступники. Каждый из них старался быть отменно и изысканно вѣжливым, внимательным и предупредительным. Обращаясь к арестованным, они говорили: “когда мы сидѣли в тюрьмѣ, то вы надѣвали на нас кандалы, а вот мы угощаем вас папиросами; и тут же появлялся огромный поднос с табаком и папиросами. Откуда-то явились и сестры милосердія или же передѣттыя курсистки с уголовным прошлым, я не знаю... Сестры разносили чай, одна из них “открыто возмущалась чинным насильем, была посредницей в перепискѣ заключенных с родными... Жевахов говорит, что появившіяся в павильонѣ с “цѣлой свитой” Керенскій произнес рѣчь на тему, что они арестованы только потому, что он хотѣл сохранить им жизнь, так как при народном гнѣвѣ против слуг прежняго режима каждый из них рисковал сдѣлаться “жертвой народной расправы”».

мѣры предосторожности объясняются необходимостью предотвратить возможные эксцессы. Между тѣм всѣ заключенные из числа тѣх, кто оставил мемуарныя отраженія своих переживаній, единодушно свидѣтельствуют о своеобразной мѣрѣ охраненія, предпринятой в отношеніи их. Вот разсказ Курлова: “Этот отправление обставилось весьма торжественно (Курлов утверждает, что перевоз совершился около 10 ч. веч.). В проходѣ между залом и подъездом, на пространствѣ приблизительно 40-50 шагов, была выстроена рота преображенцев. Прапорщик Знаменскій лично проводил меня до автомобиля, в котором я замѣтил какого-то человѣка с забинтованной головой и вскорѣ узнал в нем Н. А. Маклакова. Против нас помѣстились унтер-офицер с револьвером в руках и член Гос. Думы Волков. По-прежнему нам было запрещено разговаривать, с предупрежденіем, что в случаѣ нарушенія этого приказанія унтер-офицер будет стрѣлять”. По словам Васильева (б. дир. деп. полиціи), подтверждающаго описаніе Курлова, их предупреждали, что всякая попытка к *быстрому* вызовет примѣненіе оружія. В дневникѣ Протопонова записано: “Впереді нас (Протопопов попал в автомобиль с ген. Бѣляевым) сидѣл офицер и держал револьвер наготовѣ, о чем нас предупредил: за каждое движеніе — пуля в лоб”. Можно было бы предположить, что такая демонстративная внѣшность создана была лишь в показательных цѣлях — для воздѣйствія на толпу. Но подобныя предположенія разсѣиваются при ознакомленіи со свидѣтельством одного из представителей революціонной общественности, сопровождавшаго ночную экспедицію. Зензинов разсказывает, что министр юстиціи предложил ему и Волкову принять на себя перевоз арестованных министров. “Я с *удовольствіем* взялся выполнить это дѣло” — вспоминает мемуарист. “Мнѣ интересно было в *новой* уже роли побывать в той самой крѣпости, гдѣ я полгода просидѣл заключенным. Автомобили были приготовлены только поздно вечером, и перевод арестованных состоялся глубокой ночью. В пяти автомобилях мы везли 12 министров. На мою долю пришлось б. мин. вл. д. Макаров и б. мин. юстиціи Хвостов*). В автомобиль нас было четверо — два арестованных министра, солдат с *наведенным на них револьвером* и я. Министры сидѣли неподвижно, как бы раздавленные всѣм происшедшим. На улицах шумѣла толпа, несмотря на поздній час**), и гудок нашего автомобиля гудѣл непрерывно. Занавѣсы на наших окнах были спущены (слѣдовательно, отпадает возможность показательнаго приѣма), и толпа охотно разступалась, когда шофер кричал ей, что автомобили слѣдуют по распоряженію Врем. Рев. Правительства”. В Петропавловской крѣпости Зензинов, к великому своему удивленію, натолкнулся на полк. Ивалишина, того самаго “вѣрнаго слугу стараго правительства”, который семь лѣтъ тому назад караулил Зензинова, явившагося теперь в роли “чрезвычайнаго комиссара Рев. Правит.”. Давая отчет Керенскому об исполненіи порученія, Зензинов настоялъ на том, чтобы Ивалишин был “немедленно смѣщен и замѣщен вѣрным человѣком” (к каким результатам это привело, мы увидим ниже). Ке-

*) Ошибка — старшій Хвостов не был арестован, а младшій Алексѣй был арестован позже в процессѣ разсмотрѣнія его дѣла в Чр. Сл. Комиссіи.

**) Как будто это подтверждает болѣе правильное опредѣленіе часа, даннаго Курловым.

керенский согласился и отдал тут же распоряжение по телефону в крепость... Курлов передает такую деталь. По прибытии в крепость им (т. е. Курлову и Маклакову) приказали "выйти из автомобиля и стать лицом к стене". Они стояли до тех пор, "пока все арестованные не вышли", а потом их "гуськом" повели в Трубецкой бастион, заведующим которого и был полк. Иваншин...

Для завершения всей картины напомним, что Сухомлинов днем был перевезен в Петропавловскую крепость без всяких осложнений, и что никаких "чрезвычайных комиссаров" для этого дела не понадобилось *), а министр финансов Балк — "ставленник Распутина" — был без всяких индигетов освобожден, так как по вому министру финансов, как сообщала "Русская Воля", "необходимо" было с ним "сблизиться".

3. — Самочинные аресты.

В приведенной выше характеристикѣ Суханова самочинных арестов одно заключение мемуариста, конечно, надо признать правильным — аресты по ордеру из центра всетаки ограничивали возможность самосудов и вводили в известные рамки частную инициативу, которая слишком легко рождалась в условиях переживаемого момента. Трудно установить грани между самозарождающимся чувством толпы и восприятием ею лозунга, приходящего как бы извне и падающего на благоприятную для себя почву. Инстинктивное подражание всегда лежит в основе массовой психологии. Потому так легко в Петербурге волна арестов в первые дни захватила толпу — ничего подобного не было, напр., в Москве. В этом отчасти и разгадка того "сложного психологического процесса" в народном сознании ("передать Думѣ ее прагмы"), о котором говорила в своем позднейшем отчетѣ думская комиссия об арестованных**). Яркую бытовую картину нарисовал нам Пышехов, редактор "Русского Богатства", в воспоминаниях "комиссара Петербургской стороны". "Не успѣли мы открыть комиссариат — вспоминает он — как к нам уже повели арестованных... Пришлось создать при комиссариатѣ особую "судебную комиссию", в которой с утра до вечера посмѣнно работало до 20 юристов, и она едва успѣвала справиться с дѣлом"... "Была прямо какая-то эпидемия самочинных арестов. Особенно памятен мнѣ один день, когда

*) Керенский перечисляет Сухомлинова среди тех 8 министров, которых он предупредил в ночь на 3-е марта, но в список Керенского не оказался Макарова и других, которых, в общем, по воспоминаниям Зензинова, было 12 человек.

**) Эпидемия арестов в большей или меньшей степени прошла по всей России. (В минимальных размерах ее можно отметить для Москвы). Со всех концов из провинции повезли арестованных в центр. Значительное число их в первое время попадало в Думу, здѣсь они регистрировались, распределялись и освобождались особой думской комиссией по «принятию задержанных военных и высших гражданских чинов», получившей в общежитии наименование «комиссии по разгрузкѣ» Таврическаго дворца. Комиссия дѣйствовала в течение всего марта. Через мѣсяц в кордегардии Тав. дворца, отшедшаго в вѣдѣніе Совѣта, так как правительство перешло в Марининскіи дворец, осталось 16 чел. (Р. В.). Однако, ответственные лица среди арестованных — «опасные для новаго режима» — зачислялись за министром юстиции, от которого и зависѣла их дальнѣйшая судьба.

казалось, что все граждане переарестуют друг друга"... "За что вы их арестовали?" — спрашивал слѣдователь тех, которые привели арестованных. — "Да они против Родзянко". "Слѣдующее дѣло начинается тѣм же вопросом: "Почему вы их арестовали?" — "Да они за Родзянко". И обстановка обоих дѣл одна и та же: сошлись на улицѣ, заспорили, а потом болѣе сильные арестовали болѣе слабых. Если одни сами хватали и тащили в комиссариат своих политических противников, то другие ждали этого от комиссариата. нас прямо осаждали с требованіем обысков и арестов. Не менѣе того доносили нас доносами".

Картину, зарисованную для "Петербургской стороны", можно было наблюдать болѣе или менѣе повсемѣстно*). Такія же случайныя толпы приводили арестованных полицейских в Таврическій дворец — по словам его коменданта, даже с "женами и дѣтьми". Заполняли ими и вообще "подозрительными" градоначальство и огромный Михайловскій манеж... По газетным позднѣйшим исчисленіям, в общем было арестовано около 4000 человек (Бирж. Вѣд.), и министерству юстиции пришлось создать особую слѣдственную комиссию для проверки формальных причин задержанія. К этим добровольцам по изысканію контр-революціи, дѣйствовавшим с революціонным пылом, присоединялись всякаго рода любители наживы и всплывшіе на мутной поверхности авантюристы, которые очень часто и возглавляли "толпу" обыскивающих и арестующих. И в газетах того времени и в воспоминаніях принимавшаго ближайшее участіе в организаціи городской милиціи молодого адвоката Кельсона можно найти показательные образцы дѣятельности этих разоблаченных ретивых "революционеров" февральских и мартовских дней, которые с вооруженными солдатами, взятыми случайно на улицѣ, ходили по квартирам, дѣлали обыски, грабили и арестовывали "по подозрѣнію в контр-революціи". Кельсон рассказывает, напр., как он случайно встрѣтился со своим подзащитным, взломщиком-рецидивистом Роговским, который явился в кабинет городского головы в полной "модной формѣ одежды" того времени — вплоть до пулеметной ленты. Легко себѣ представить, каким водворителем "порядка" являлся "гвардіи поручик" корнет Корни де Бод, оказавшійся предприимчивым и ловким рядовым Корнѣем Батовым — ему эти функціи "защиты населенія" при содѣйствіи двух рот были поручены особым приказом Энгельгардта 28 февраля. "Корни де Бод" ухитрился получить и ответственное назначеніе коменданта городской Думы и побывать на квартирѣ гр. Коковцева с нарядом "из 12 нижних чинов". Перед нами может пройти дѣлая портретная галерея, которая откроется пом. коменданта Таврическаго дворца Тимновским — в дѣйствительности известным аферистом "графом д'Оверн" (Аверкіевым), принявшим участіе в арестованіи послѣдняго предсѣдателя Совѣта министров кн. Голицына.

*) И не только в сѣверной столицѣ, пережившей боевые дни. Старый революціонер, полк. Оберучев, прошедшій во время эмиграціи жизненную школу «свободных стран» — Швейцаріи и Соед. Штатов, в кievских воспоминаніях говорит о том «вкусъ» к предварительным арестам «в порядкѣ цѣлесообразности», который развивался среди лиц, возглавлявших общественныя организаціи. Толпа шла дальше и, подобно революціонерам «Петербургской стороны», требовала подчас арестов «инакомыслящих».

В мин. путей сообщения при Бубликовѣ и Ломоносовѣ активную роль играл "ротмистр-гусар" Сосновскій, командовавший ротой семейцев, которая стояла здѣсь на стражѣ, он оказался бѣглым каторжником, содержавшимся в Литовском замкѣ. Но это неизбежная накипь революціи. Остатим ее*)... Пѣшехонов дает правдивое объясненіе изнанкѣ революцій. Во всем этом, несомнѣнно, сказывался не остывшій еще, а у многих и запоздалый азарт борьбы, хотѣлось припахнуть в ней участіе, внести свою долю в общую побѣду**)... Еще большую роль сыграл страх перед контр-революціей, но многие просто не понимали, что такое свобода***). Но "пароксизм страха" все-же должен быть поставлен на первом мѣстѣ. Тот же Пѣшехонов рассказывает, что он "вынужден был держаться преднамѣренно рѣзкаго тона в своем обращеніи с обвиняемыми и не жалѣть самых рѣзких квалификацій по адресу старых властей и самых жестоких угроз по адресу тѣх, кто осмѣлится противиться революціи. Только таким путем мнѣ удалось при... первой встрѣчѣ с толпой поддержать свой авторитет, как представителя революціонной власти. Иначе меня самого, вѣроятно, заподозрѣли бы, как контр-революціонера"... Приспособленіе къ настроеніям толпы приводило к тому, что Энгельгардт, если вѣрить новѣтствованію Мстиславскаго, арестовал в Таврическом дворцѣ уже 2 марта офицера, который высказывался "за монархію".

И все-таки как-то скорѣе благодушіе в общем царило в этой тревожной еще атмосферѣ — благодушіе, которое отмѣчают (при обысках в поисках оружія) столь противоположные люди, как писательница Гишпиус и генерал Вердинскій. А вот показаніе бывшаго царскаго министра народнаго просвѣщенія гр. Игнатѣева, данное Чр. Сл. Ком. Временнаго Правительства (это отвѣтъ на вопрос: "было ли оказано какое-либо безпокойство" в дни февральских событій). "Я должен сказать, что кромѣ самой глубокой признательности к молодежи и солдатам я ничего не имѣю. Доложу слѣдующее явленіе, глубоко меня тронувшее. Был обход солдат, мастеровых ремонтной

*) Накипь эту сгустило не только появленіе на авансценѣ освобожденнаго толпой из-под тюремных замков уголовного элемента, но и участіе в событіях дня добровольцев «старога режима». Прис. пов. Кнатиц (Катенев), слѣвавшийся особым комиссаром по охранѣ архива, разгромленнаго толпой департамента полиціи, рассказывает о своеобразной картинѣ, представившейся ему при посѣщеніи особняка мин. вн. д. Громили департаментъ какі-то «вѣроподобныя» революціонеры, открывшіе несорасоемыя шкапы, заглянувшіе в департаментскія бумаги, но оставившіе совершенно не тронутыми всѣ царскіе портреты. К этим добровольцам стараго политическаго сыска могли присоединяться, конечно, и нѣмецкіе агенты. Надо ли говорить, что усиленно распространявшіеся тогда слухи, что революція освободила болѣе 300 нѣмецких шпіонов из Петропавловской крѣпости — сплошная фантазія любителей сенсаций, легко попадавших в диванники и письма иностранных наблюдателей смутной эпохи (напр., гр. Шамбрэн — секретарь французской миссіи).

**) Обыватель чувствовал себя на подмостках героической пьесы — скажет Троцкий.

***) Русскій человѣкъ, в представленіи Оберучева, не мог сразу «вытряхнуть» из себя «жандармское нутро», которое было впитано им, благодаря «жизни при полицейском строѣ старой Россіи». Исторія послѣдних десятилѣтій с особой отчетливостью показала, однако, что дрожжи, на которых поднимается революціонное насиліе, отнюдь не вырабатываются только в лабораторіи традицій стараго порядка.

автомобильной части. Можете представить, что это за состав: это уже не строевые, а люди пслурабочаго уклада. Между ними один уволенный из какой-то ремесленной школы... за время моего министерства. Входят в подъѣзд... Прислуга испугалась. Спрашивают: "кто здѣсь живет"... "Граф Игнатѣев, б. мин. нар. просв." — "Товарищи, идем". Один говорит: "нельзя ли на нѣчто посмтрѣть"... — "Он болен"... — "Может быть, он нас примет". Поднимается ко мнѣ человѣкъ, весь трясется и говорит: "Лучше не выпускать"... Входят пять человѣкъ наверх... "Хотим на вас посмтрѣть"... — "Почему?" — "Развѣ мы вас не знаем, развѣ мы такіе темные". Другой раз — продолжал Игнатѣев — был еще болѣе тронут". Далѣе свидѣтель рассказывал, как толпа хотѣла забрать его автомобиль и ушла, узнав от случайно проходившаго студента, что здѣсь "живет гр. Игнатѣев"...

Ссылки на настроенія "гизов" слишком часто становятся в воспоминаніях дѣятелей революціи отговорками в тѣх случаях, когда надо оправдать в глазах приходящаго на смѣну поколѣнія революціонный акт, может быть, жизненно даже цѣлесообразный, но противорѣчащій демократическим принципам, которые были написаны на знамени революціи. Вот почему нѣкоторая фальшь всегда чувствуется в испитках отвѣтственных межуаристов обѣщаніи исключительно только в романтическую тогу гуманности при описаніи дней, когда рождалась и закрѣплялась революціонная Россія. Сдѣланныя опибки, вольныя или невольныя, нельзя объяснить, ретушируя дѣйствительность. Совершенно объективно надо признать, что дѣятели февральской революціи были очень далеки от осуществленія в жизни нѣсколько сентиментальных завѣтов, выраженных нѣкогда поэтом в знаменитых словах: "Дню прошеднему забвенье, дню грядущему привѣтъ". Поскольку дѣло касалось возмездія за грѣхи стараго режима, здѣсь не было, как мы увидим, большого колебанія. Цѣлесообразна ли была такая тактика — это вопрос другой. Руководители движенія не всегда учитывали резонанс, который получало или могло получить в массѣ их дѣйствіе, вступавшее в рѣзкую коллизію с исповѣдуемыми ими идеалами. Во всяком случаѣ революціонная современность — по крайней мѣрѣ, значительная часть ея — поставила в заслугу первому министру юстиціи революціоннаго правительства не гуманность, о которой говорит Керенскій в воспоминаніях, а твердость, проявленную им в отношеніи представителей ликвидированнаго строя. Один из делегатов петербургскаго Совѣта на совѣщаніи Совѣтов, тот, который выступал в защиту позиціи Керенскаго, занявшаго министерскій пост, говорит: "...если бы, дѣйствительно, Керенскій не вошел в министерство, не взял бы этого портфеля и без согласія Исп. Ком., то что было бы тогда с этим министерством?... Там был бы московский депутат Маклаков, но если бы это было так, развѣ были бы арестованы всѣ лица, арестованные сейчас, и было бы сдѣлано то, что сдѣлал Керенскій, наш Керенскій?"

III. Рискованный шаг Милюкова.

Похоропы коалиціи в Совѣтѣ закончились около 6 ч. веч. (1 марта). Послѣ общаго собранія, одобившаго по докладу Стеклова выработанное соглашеніе демократіи с цензовой общественностью, должно

было состояться совѣщаніе представителей обоих исполнительных комитетов для окончательной формулировки "соглашенія". И, быть может, нѣсколько неожиданно незавершенное еще дѣло было оглашено Милюковым на перманентном митингѣ в Екатерининском залѣ — в тот приблизительно час, когда совершалось триумфальное шествіе Керенскаго из зала засѣданія Совѣта в помѣщеніе Вр. Ком., т. е., еще задолго до окончанія засѣданія Совѣтов. Почему это сдѣлал лидер "цензурной общественности"? Случайность? Радостное нетерпѣніе, о котором говорит Мстиславскій? Желаніе закрѣпить достигнутые результаты и получить представленіе об отношеніи к образуемому правительству со стороны "народных масс"? "В частности, быть может, — говорит Суханов — Милюков желал провѣрить свое рѣшеніе самаго остраго для него вопроса, способнаго послужить источником конфликта не только с Совѣтом Р. Д., но и с его собственными, болѣе лѣвыми толарищами". Это был, конечно, вопрос о монархизмѣ и династіи. Построеніе рѣчи, как будто, не согласуется с подобным предположеніем. Вопрос о судьбѣ династіи ("самый существенный" в рѣчи, как признает Милюков в написанной им "Исторіи") всплыл — по вѣроятности по крайней мѣрѣ — случайно в связи с репликами, которыя подавались со стороны митинговой публики. Прислѣдованность разглашенія "тайны", ключи к которой вез с собой Гучков, гораздо в болѣшей степени надо отнести к тѣм гафам, которые вообще присущи были политической дѣятельности Милюкова и заслужили ему репутацію, по его собственным словам, "бога безтактности" ("Рус. Зап."). Если выступленіе Милюкова и было своего рода шахматным ходом, то направил его фактическій уже вождь Врем. Ком. не в сторону своих "лѣвых" партнеров, а в сторону "правых".

Днем второго марта политическая обстановка выяснилась с достаточной отчетливостью — опасность военного разгрома "революціи" отпала. Каждый истекавшій час говорил о необходимости замѣны сурогата власти, каким являлся Врем. Ком., правительством полномочным, ибо безвластіе, наступившее послѣ переворота, развращало даже самых благонамѣренных солдат. Возможность превращенія совѣтскаго обращенія в форму обязательнаго "приказа" ослабляла авторитет будущей власти — это, конечно, понимали всѣ, независимо от содержанія "приказа № 1". Ждать при таких условіях возвращенія Гучкова и Шульгина не представлялось цѣлесообразным. Вот почему в 5 ч. 45 м. дня в Ставку была послана за подписью Родзянко нѣсколько предпрѣшавшая событія телеграмма слѣдующаго содержанія: "Временный Комитет Г. Д. образовавшійся для восстановленія порядка в столицѣ, вынужден быть взятъ в свои руки власть в виду того, что под давленіем войска и народа старая власть никаких мѣръ для успокоенія населенія не предпринима и совершенно устранена. В настоящее время власть будет передана Врем. Комитетом Г. Д. Временному Правительству, образованному под предсѣдательством кн. Г. Е. Львова. Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войсках, а также находящихся в Петроградѣ лиц императорской фамиліи, и всѣ слои населенія признают только новую власть. Необходимо для установленія полнаго порядка и для спасенія столицы от анархіи командировать сюда на должность главнокомандующаго Петербургским военным округом доблестнаго боевого генерала, имя котораго было бы

популярно и авторитетно в глазах населенія. Комитет Г. Д. признает таким лицом доблестнаго, извѣстнаго всей Россіи героя... ген. Корнилова. Во имя спасенія родины, во имя побѣды над врагом, во имя того, чтобы неисчислимыя жертвы этой долгой войны не пропали даром на канунѣ побѣды, необходимо срочно командировать ген. Корнилова в Петроград".

Здѣсь иѣтъ даже намек на спорный вопрос о формѣ правленія. Логически приходилось заключать, что в нѣдрах Временнаго Комитета еще не был окончательно рѣшен даже вопрос об отреченіи, поставленный в порядкѣ дня. Так, повидимому, и появл. ген. Алексѣев, доложившій Николаю II телеграмму Родзянко и неспрашивавшій разрѣшенія на выполненіе выраженнаго в пей "пожеланія", во имя того, что в этом "может заключаться начало успокоенія столицы и водворенія порядка в частях войск, составляющих гарнизон Петрограда и окрестных пунктов". В кадетской группѣ, входившей в состав Врем. Ком., очевидно, не было колебаній в вопросѣ о неизбежности отреченія. Примемъ информатію Гронскаго в первый же день революціи о провозглашеніи императором в. кн. Михаила. По свидѣтельству Скебелева, который оказался сосѣдом на одном столѣ в Таврическом дворцѣ в ночь 27-го с Милюковым, послѣдній ему сказал: "Чѣм бы все это ни кончилось, одно несомнѣнно, с этим... (слѣдует рѣзкое слово в передачѣ мемуариста) у нас ничего не может быть общаго". Шингарев перваго марта категорически говорит французскому журналисту Анэ, что вопрос о династіи уже не ставится: царь должен будет покинуть трон — как это произойдет, покажет будущее. На таком предположеніи и построена была вся агитаціонная часть рѣчи Милюкова. Она была произнесена около 3 час. дня. Своему экспромту на случайном безответственном очередном митингѣ в стѣнах Таврическаго дворца Милюков придавал такое декларативное значеніе, что сам выправил, по утвержденію Набокова, текст рѣчи для печати. Таким образом перед нами завершенный текст рѣчи, довольно странной для оратора, который старался в эти часы спасти монархическій принцип.

"Мы присутствуем при великой исторической минутѣ" — начал оратор. — "Еще три дня тому назад мы были скромной оппозиціей, а русское правительство казалось всесильным. Теперь это правительство рухнуло в грязь, с которой сроднилось, а мы и наши друзья слѣва выдвинуты революціей, арміей и народом на почетное мѣсто членов перваго русскаго общественнаго кабинета. Как могло случиться это событіе, казавшееся еще так недавно невѣроятным? Как произошло то, что русская революція, низвергнувшая навсегда старый режим, оказалась чуть ли не самой короткой и самой безкровной из всѣх революцій, которыя знает исторія. Это произошло потому, что эта исторія не знает и другого правительства, столь трусливаго и измѣнническаго, как это нынѣ низвергнутое правительство, покрывшее себя позором"... "Правительство мы свергли легко и скоро... Остается удержатъ в руках эту побѣду". Оратор призывал "сохранить то единство воли и мысли, которое привело... к побѣдѣ". Существующія разногласія "стусневаются перед той главной задачей, которая еще не разрѣшена вполне: задачей — создать новую народную власть... Будьте едины в устраненіи политическихъ споров, быть может, и важных, но се-

годия могущих еще вырвать из наших рук плоды победы. Будьте едины и вы, солдаты и офицеры великой и славной русской армии, и помните, что армия, потерявшая это единство... обращается в беспорядочную толпу, и всякая горсть вооруженных организованных людей может взять ее голыми руками"... "Я слышу, меня спрашивают: кто вас выбрал? Нас никто не выбрал, ибо, если бы мы стали дожидаться народного избрания, мы не могли бы вырвать власть из рук врага". Пока мы спорили бы о том, кого выбирать, враг успел бы организовать и победить и вас, и нас". "Нас выбрала русская революция" — заключил гордо Миллюков... "Мы не сохраним этой власти ни минуты после того, как свободные избранные народные представители скажут нам, что они хотят... выбрать других людей, более заслуживающих их доверия... Но мы не отдадим этой власти теперь, когда она нужна, чтобы закрепить победу народу — упавшая из наших рук, она может достаться только врагу". Оратора прерывают вопросом: "кто министры? для народа не может быть тайны". "Во главе нашего министерства мы поставили человека, имя которого означает организованную русскую общественность (крики: "цензовую"), так непримиримо преследовавшуюся старым правительством... Вы говорите "цензовая общественность", да, но единственно организовавшая, которая даст возможность организоваться и другим слоям русской общественности. Но, господа, я счастлив сказать вам, что и общественность не цензовая тоже имеет своего представителя в нашем министерстве. Я только что получил согласие моего товарища А. Ф. Керенского занять пост в первом русском общественном кабинете. Мы безконечно рады были отдать в ваши руки этого общественного деятеля то министерство, в котором он воздаст справедливое возмездие прислужникам старого режима, всем этим Штюрмерам и Сухомлиновым... трусливые герои дней, прошедших на войне, по воле судьбы окажутся во власти не щеголовитовской юстиции... Вы хотите знать других имена? (крики: "а вы?") "Мои товарищи поручили взять руководство внешней политики. Быть может, на этом посту я окажусь и слабым министром, но я могу, обещаю вам, что при мне тайны русского народа не попадут в руки наших врагов. Теперь я скажу вам имя, которое, я знаю, возбудит здесь возражения. А. И. Гучков был нам политическим врагом (крики: "другом") в течение всей жизни Гос. Думы. Но, господа, мы теперь политические друзья, да и к врагу надо быть справедливым... Он положил первый камень той победы, с которой наша обновленная и возрожденная армия выйдет из пастоящей великой борьбы..." "Когда я в этой зале говорю с вами, Гучков на улицах (?) столицы организует нашу победу (Гучков как раз в этот момент вышел в Псков, С. М.). Что бы сказали вы, если вместо того, чтобы развешивать войска вчера ночью на вокзалах, к которым ожидалось прибытие враждебных перевороту войск, пришлось принять участие в наших политических прениях, а враждебные войска, занявши вокзалы, заняли бы улицы, а потом и эту залу? Что стало бы тогда с вами и со мной"?... Упомянув о Коновалове и Терещенко, введенных в министерство в качестве представителей той либеральной группы рус-

ской буржуазии, которая пыталась организовать "общественное представительство рабочего класса" (т. е. военно-промышленные комитеты), и ограничившись относительно Терещенки меланхолическим замечанием: "Россия велика, и трудно ведь знать всех наших лучших людей", оратор два слова сказал еще о Шингареве и Некрасове, "особенно любимым нашими дѣльными товарищами". Об остальных министрах оратор умолчал. Ну, вот, кажется, все, что вас может интересовать"(?) "А программа" — спрашивают Миллюкова. "Я очень жалю, что... не могу прочесть вам бумаги, на которой изложена эта программа. Но дѣло в том, что единственный экземпляр программы, обсужденной вчера (сегодня?) в длинном ночном совещании с представителями Совета Р. Д., находится сейчас на окончательном рассмотрении их... Но, конечно, я могу и сейчас сказать вам важнейшие пункты (шум, громкие крики: "а династия"?). Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит, но я его скажу. Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен... Власть перейдет к регенту, в. кн. Мих. Ал. Наследником будет Алексей (крики: "это старая династия"!); Да, господа, это старая династия, которую, может быть, не любите вы, а может быть, не люблю и я. Но дѣло сейчас не в том, кто кого любит. Мы не можем оставить без ответа и без решения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе, как парламентскую и конституционную монархию. Быть может, другие представляют иначе, но теперь, если мы будем об этом спорить, вместо того, чтобы сразу решить, то Россия очутится в состоянии гражданской войны и возродится только что разрушенный режим. Этого мы сделать не имеем права ни перед вами, ни перед собой. Однако, это не значит, что мы решили вопрос безконтрольно. В нашей программе вы найдете пункт, согласно которому, как только пройдет опасность и водворится прочный порядок, мы приступим к подготовке созыва Учр. Собр. на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранные народные представители решат, кто вверит выразит общее мнение России: мы или наши противники..."

В напряженной обстановке того времени выпадами против старой власти, которые даже Суханов назвал "демагогическими", вождь "цензовой общественности" думал защитить самую идею монархии! Он, конечно, только дискредитировал ее во мнений толпы. Политик, считавший, что другие говорят на "неподходящих струнах", не учел того настроения, с которым он может встретиться. По рассказу Миллюкова, речь его была встречена многочисленными слушателями, переполнявшими зал, с энтузиазмом, и оратора вынесли на руках по ее окончании. Вероятно так и было. Настроение разнокалиберной толпы не могло быть дѣлостно. Оратор, выступая от имени нового революционного правительства, говорил об Учред. Собрании, как о хозяине земли русской. Но совсем иное отношение встречали его слова о монархии. Историк, повидимому, очень смягчает, когда упоминает, что "среди шумных криков одобрения слышались и ноты недовольства и даже протесты". В тогдашнем отчете "Известий" сказано так: "Продолжительные негодующие крики, возгласы: "да здравствует республика", "долгой династии". Жидкие аплодисменты, заглушенные новым взрывом негодова-

* Обратим внимание — Миллюков не счел нужным в этот момент упомянуть о Госуд. Думе.

ния". По рассказу Шляпникова, — едва ли он был очевидцем, — "Милюков в течение нескольких минут не мог продолжать своей речи"...

Все свидетельства однородны в одном: вопрос, который был как бы заглушен в первые дни, после выступления Милюкова стал в сознании массы во всей своей остроте. Исп. Комитет, каждый его член — утверждает Шляпников — "был буквально засыпан вопросами относительно судьбы династии". "Без недоразумений по поводу династии с этих пор уже не обходились митинги и публичные речи" — пишет Суханов, вспоминая, как ему тотчас же пришлось говорить на эту тему перед "несметной" толпой ("в несколько десятков тысяч человек"), собравшейся перед Таврическим дворцом и вызвавшей через делегацию членов Исп. Ком. Суханов говорил о том, что в вопросе о монархии существует, еще не ликвидированное разногласие и, по его словам, он тут впервые понял, как остро в глазах массы стоит вопрос, которому он лично не придавал решающего значения. Из Таврического дворца разговоры перешли на улицу и проникли в казармы, где "буйно", по выражению Вл. Львова, говорили, что "не потерпят никого из Романовых на престол", обостря с таким трудом налаживавшиеся отношения между офицерами и солдатами. Не только тогдашняя молва, но и позднейшие мемуаристы "безмерно преувеличили" то крайнее возбуждение, которое вызвали слова Милюкова. Сам Милюков в таких словах подвел итог дня: "Поздно вечером в здании Таврического дворца проникла большая толпа чрезвычайно возбужденных офицеров, которые заявили, что не могут вернуться к своим частям, если П. Н. Милюков не откажется от своих слов. Не желая связывать других членов правительства, П. Н. Милюков дал требуемое заявление в той форме, что "его слова о временном регентстве в кн. Мих. Ал. и о наследовании Алексея являются его личным мнением" (*). Это было, конечно, неуместно, ибо во всех предшествовавших обсуждениях вопрос этот считался решенным сообща в том смысле, как это излагал П. Н. Милюков. Но напуганный нарастающей волной возбуждения Врем. Ком. "молчаливо отрекся от прежнего мнения".

Дело было не в "молчаливом" отречении. Милюкова никто не уполномачивал выносить спорный вопрос на обсуждение улицы и преждевременно разглашать то, что большинство склонно было разрешить по методу Гучкова, т. е. поставив массу перед совершившимся фактом. План этот в значительной степени был сорван неожиданным выступлением Милюкова — для сторонников монархии это была поистине медвежья услуга. "Демократия" не только насторожилась ввиду столь определенной позиции, публично выявленной лидером "цензовой" общности (припомним, что одновременно выступавший в Совете Керенский не шел дальше заявления о свободе "агитации по поводу форм будущего государственного устройства России, не исключая и республики"), но и почувствовала, что ее осторожность в вопросе о формах власти не соответствует настроению в массах в революционном, по крайней мере, центре, здесь весь "воздух", по выражению дневника Гиппиус, в эти дни был "против династии". "Романовых не оставляйте, нам их не нужно" — сказал какой-то незнакомый старик, встре-

тивший Набокова на улице. Так естественно, что приспособлявшаяся к настроениям крикливая "Русская Воля" первая успела провозгласить республиканский лозунг и даже создать эфемерную организацию под названием "республиканский союз". Это не означало вовсе, что все вдруг стало добрым республиканцами. Я не повторил бы, что монархия "умерла в сердцах" двухсотмиллионного народа задолго до восстания в столице, как вскоре заявляло приспособившееся к господствующим настроениям суворинское "Новое Время" (*), но это означало, что в солдатской массе ("вооруженный народ"), определявшей до известной степени ход событий, под напором столичных слухов и сплетен, действительно уничтожена была "мистика" царской власти, о чем в связи с проявлениями антидинастического движения не раз говорили предреволюционные записки органов департамента полиции (см. "Легенду о сепаратном мире"). Все это облегчало республиканскую пропаганду. Полусознательное отталкивание от монархии должно было вызывать в массе то чувство боязни ответственности за содеянное, о котором приходилось упоминать. Революция, заканчивающаяся возстановлением старой династии, в сущности превращалась в бунт, за участие в котором при изменившейся конъюнктуре могло грозить возмездие.

IV. Соглашение.

То настроение, которое нарастало под влиянием слухов о речи Милюкова, сказалось, как мы видели, к ночи, когда толпа возбужденных офицеров появилась в Таврическом дворце с требованием от Врем. Комитета соответствующего разъяснения. Один из мемуаристов (Вл. Львов) определяет более точно — к 12 час. ночи. Первоначально декларация, сделанная в Екатерининском зале, не возбудила сомнений у "верховников" Исп. Ком. По крайней мере, если придерживаться описания, данного Сухановым, то придется заключить, что обстановка мало изменилась, когда делегаты Совета после того, как в пленум было одобрено намеченное соглашение, в восьмом часу вечера явились к "цензовикам" для завершения дела "образования правительства". Фактически "делегация" свелась уже к двухчленному составу: Стеклов и Суханов. Соколов исчез, а Чхеидзе, председательствовавший в этот момент на митинге в зале Совета, сердито стмахнул от Суханова и не пошел на словотворение с "цензовиками". Стоя на председательском столе, окруженный наэлектризованной толпой, он с энтузиазмом кричал "ура" по поводу полученного вздорного сообщения о том, что в Берлине уже второй день идет революция...

По словам Суханова, у "цензовиков" на этот раз не было уже и "подобия официального и вообще организованного заседания", шел разговор между Милюковым, Стекловым и Сухановым, в котором "не принимали никакого или почти никакого участия остальные, находившиеся в комнате". Отмечаем вновь эти мелочи для того, чтобы показать обстановку, в которой решались важнейшие вопросы — по

*) Пет. Тел. Аг. в ночь на 3-ье марта была разослана соответствующая циркулярная телеграмма.

*) «Что такое революция», — задавало вопрос «Новое Время» 12 марта и отвечало: «Революция не разрушение, а созидание, не смерть, а возстание к истинной жизни. И да будет еще и еще благословенна великая русская революция».

крайней мѣрѣ в изображеніи одного из участников этих переговоров. Совѣтскіе делегаты вернулись прежде всего к вопросу о формѣ правленія и пытались убѣдить Милюкова, что из его стремленія “навязать Романовых” не выйдет “ровно ничего, кромѣ осложненій, которыя не помогут дѣлу монархіи, но выразятся в наилучшем случаѣ в подрывѣ престижа их собственнаго кабинета”. В отвѣтъ они услышали слова Милюкова (“за точность передачи я ручаюсь” — утверждает мемуарист): “Учр. Собрание может рѣшить, что угодно. Если оно высказается против монархіи, тогда я могу уйти. Сейчас же я не могу уйти. Сейчас, если меня не будет, то и правительства вообще не будет. А если правительства не будет, то... вы сами понимаете”... В концѣ концов — рассказывает Суханов — “мы согласились не помѣшать в правительственной деклараціи официального обязательства “не предпринимать шагов, спредѣляющих форму правленія”. Мы согласились оставить вопрос открытым и предоставить правительству... хлопотать о романовской монархіи. Мы же категорически заявили, что Совѣтъ с своей стороны безотлагательно развернет широкую борьбу за демократическую республику”*)).

“Фигура умолчанія, найденная нами в качествѣ выхода из положенія, была, конечно, компромиссом” — замѣчает Суханов. Форма умолчанія, конечно, не могла быть по существу компромиссом. Получалась правовая безсмыслица, которая сводила на нѣтъ достигнутое якобы соглашеніе — каждый партнер намѣревался продолжать вести свою игру. Логика в данном случаѣ была на сторонѣ представителей “революціонной демократіи”. Не без основанія Гиппиус записала 2-го: “Что же это будет за Учр. Собрание при учрежденіи монархіи и регентства? Не понимаю”. Не понимали этого и в Москвѣ, гдѣ Комитет общ. организацій обсуждал этот вопрос 3 марта в связи с полученным еще не официально сообщеніем об отреченіи Императора. На засѣданіе — сообщали “Рус. Вѣд.” — явились “представители рабочих депутатов и указали на необходимость рѣшить теперь же вопрос о регентствѣ и династии, пока не скажут, что дѣло уже сдѣлано, и признают регентом одного из представителей Дома Романовых”. Представители Совѣта заявили, что Совѣтъ признает только одно Учред. Собрание; монархія допустить не может и будет поддерживать свое мнѣніе “до конца”. — Он высказывается за демократическую республику. В послѣдующих преніях (по газетному отчету) выступают исключительно лишь представители “цензовой” общественности. Если к. д. Тесленко стоит на формальной позиціи и считает обсужденіе вопроса преждевременным, ибо неизвѣстно: существует ли император (раз императора нѣтъ, то не должно быть и регента), то к. д. Кишкин сомнѣвается, чтобы монархія (“это сила — не наша”) являлась тѣм элементом, который помог дойти до Учред. Собранія: царь нужен, “если мы не сумѣем организовать Учр. Собр.”, до созыва У. С. “нам не нужно

ни монарха, ни регента”*)). Представителю торгово-промышленных служащих Начевкину (к. д.) вопрос представляется совершенно ясным: временное правительство ручается за созыв Учр. Собранія; раз будет У. С., то для чего нужна монархія? Раз будет монарх, то для чего нужно Учред. Собрание?.. Собрание “единогласно”, при одном воздержавшемся (к. д. Пржевальском) постановило довести до свѣдѣнія временнаго правительства, что “учрежденіе какой-бы то ни было монархической власти до созыва У. С. недопустимо; вся полнота власти должна принадлежать временному правительству, которое созывает У. С. для созданія такого политическаго строя, какой обезпечил бы всѣ права свобод”. Сами “Рус. Вѣд.” по поводу этих преній писали: “Было бы самым ужасным несчастьем для Россіи, если бы разногласія по этому вопросу**) замедлили и осложнили процесс образованія признанной всѣми исполнительной власти, ибо немедленное завершеніе этого процесса есть вопрос жизни и смерти для свободной Россіи. Без этого свобода обречена на гибель”. Московскій орган либеральной демократіи дѣлал довольно своеобразное заключеніе: “при настоящих условіях инициатива в рѣшеніи вопроса о формѣ верховной власти естественно (?) принадлежит временному правительству”.

Сознаніе необходимости немедленнаго образованія “исполнительной” власти в значительной степени, как мы видѣли, продиктовало оригинальную форму умолчанія, на которой послѣ бесполезных дискусій остановились в Петербургѣ представители двух секторов общест-венности. В дѣйствительности это была страусова политика, ибо “монопольный лидер” буржуазно-демократическаго лагеря предпринялъ вопрос не только на митинговых собраніях. В тот же день он, в качествѣ министра ин. д., заявил представителям иностранной печати: “Новое правительство считает необходимым, чтобы отреченіе Государя от престола состоялось официально, и чтобы регентство было возложено временно на в. кн. Мих. Ал. Такого *наше рѣшеніе* и измѣнить его мы не считаем возможным”. Трудно сказать, как разрѣшился бы неизбежный конфликт, если бы жизнь не разрѣшила его наперекор теоретическим калькуляціям политиков...

Вечером 2-го избранная формула умолчанія казалась еще удовлетворительной — тѣм, кто сошлись в помѣщеніи Врем. Комитета для формальнаго завершенія дѣла соглашенія “буржуазіи” и “демократіи”. С рѣшеніем “третьяго пункта” — рассказывает Суханов — окончилось уже всякое обсужденіе “высокой политики” и оставалось только окончательно проредактировать первую “конституцію Великой Рос-сійской Революціи, к которой согласно постановленію Совѣта было до-

*) Таким образом Кишкин нѣлком примыкалъ к позиціи, к которой склонялись в Петербургѣ представители революціонной демократіи, отстаивавшіе первоначально непрѣдрѣшенчество формы правленія. Характерно, что Кишкин еще 1-го марта с большим волненіем (он даже расплакался) на первом собраніи Комитета общ. орг. говорил против сохраненія монархіи.

**) Настроенія «буржуазных» кругов вовсе не были так единодушны. Примѣром может служить Н. Новгород, гдѣ телеграмма правительству с противомонархической резолюціей была принята 3 марта 44 голосами против 30. Впослѣдствіи на Государственном Совѣщаніи Рябушинскій вспоминалъ, с каким «единодушіем» московскіе промышленники привѣтствовали «сверженіе презрѣнной царской власти». В Симбирскѣ торгово-промышленный союз высказался единогласно за республику.

*) В воспоминаніях Шляпникова отмѣчается, что в большовицких кругах послѣ совѣтскаго пленума проявилась тенденція немедленной агитаціи за вооруженное выступленіе против временнаго правительства, но у послѣдняго «тогда оружія было куда больше, чѣм у нас». — «Соотношеніе сил не позволяло ставить вопрос в плоскость борьбы с оружіем в руках».

бавлено, что "Временное Правительство считает своим долгом присокупить, что оно отнюдь не намѣрено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедленія по осуществленію вышеуказанных реформ и мѣропріятій"). Возникъ вопрос, от имени кого опубликовать правительственную декларацию. "От Врем. Комитета Гос. Думы" — предложилъ Милуков. "При чем тут Гос. Дума и ея комитет" — возразилъ Суханов. "Чтобы сохранить преемственность власти" — отвѣтилъ Милуков, не очень, однако, настаивая на упоминаніи Гос. Думы. Рѣшено было написать: "от Временнаго Правительства". Пошли собирать подписи министров. Годнев отказался подписать*). "Зато подвѣрнулся" Родзянко, который "сам счелъ необходимымъ благословить революціонное правительство своею подписью". Мемуарист не только забылъ (или игнорировалъ) постановление Совѣта, что правительственный манифестъ долженъ появиться одновременно за подписью председателя Врем. Ком. Гос. Думы и установленнаго Врем. Правительства, но и не потрудился читать даже при написаніи своихъ "записокъ" в тот официальный документ, в созданіи котораго принимал самое непосредственное участіе. Декларация была опубликована вовсе не от имени того сформированнаго 2 марта Временнаго Правительства (т. е. "общественнаго кабинета" во главѣ с кн. Львовым), а от имени того временнаго правительства, которое создала революція 27 февраля, т. е. Временнаго Комитета Гос. Думы. Декларация начиналась словами "Временный Комитетъ членовъ Г. Д. при содѣйствіи и сочувствіи стольничихъ войскъ и населенія достигъ в настоящее время такой степени успѣха над темными силами стараго режима, которая позволяетъ ему приступить къ болѣе прочному устройству исполнительной власти. Для этой цѣли Врем. Ком. Г. Д. назначаетъ министрами перваго общественнаго кабинета слѣдующихъ лицъ, довѣріе къ которымъ в странѣ обезпечено ихъ прошлой общественной и политической дѣятельностью***)...

Такъ создалось, по "соглашенію" с Совѣтомъ или с "разрѣшеніемъ" Совѣта (по терминологіи нѣкоторыхъ представителей лѣвой общественности) то формально назначенное Временнымъ Комитетомъ старой Государственной Думы первое революціонное правительство, которому суждено было проводить утлую ладью русской государственности черезъ взбаломученный океанъ революціонныхъ страстей.

*) В постановленіи Совѣта имѣлось еще требованіе включенія в программу временнаго правительства пункта о предоставленіи всѣмъ національностямъ права національнаго и культурнаго самоопредѣленія. Постановление это не отразилось на текстѣ согласительной программы.

**) Причины мы не знаемъ. Годнев занялъ весьма своеобразную позицію в революціонномъ правительствѣ. Позднѣе в Совѣщаніи членовъ Думы 18 іюля онъ заявилъ, напр., что согласился занять постъ государственнаго контролера при условіи, что не будетъ входить в составъ Совѣта Министровъ (?!).

***). Ниже мы наглядно увидимъ, какую путаницу вызвала двойственная терминологія «временнаго правительства» в умахъ современниковъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТРЕЧЕНІЕ

І. В Царской Ставкѣ.

1. — Информациа из Петербурга.

Когда делегаты думскаго Комитета выѣзжали изъ Петербурга, вопросъ объ отреченіи Государя былъ принципиально в Псковѣ уже разрѣшенъ, и внимательство делегаціи лишь задержало опубликованіе манифеста и тѣмъ самымъ скорѣе осложнило проблему сохраненія монархическаго строя, ради которой делегаты поѣхали в Псков. Мало того, эта задержка на нѣсколько часовъ оказала рековое вліяніе на послѣдующую судьбу Царя. Почему Николай II, в сущности такъ легко вышине отказавшійся отъ борьбы за престолъ, не откликнулся сразу в критическій моментъ на настойчивые призывы пойти навстрѣчу общественному мнѣнію и удовлетворить почти всеобщее требованіе, если не отвѣтственнаго парламентарскаго министерства, то по терминологіи того времени "министерства довѣрія", какъ единственнаго выхода изъ создававшегося положенія. Для того, чтобы очертить объективно психологию Императора, надо обозрѣть хотя бы послѣдніе годы его царствованія, — годы войны и предреволюціоннаго періода*). В данномъ случаѣ насъ будутъ занимать не психологическія переживанія царствовавшего монарха, а то, какъ онъ непосредственно реагировалъ на февральскія событія.

Вечеромъ 26-го (в 9 ч. 53 м.) председатель Думы, охарактеризовавъ "угрожающіе размѣры" петербургскихъ волненій, которыя принимаютъ "стихійный характеръ", отправилъ Царю умоляющую телеграмму: "Государь, спасите Россію", — взывалъ Родзянко: "Ей грозитъ униженіе и позоръ. Война при такихъ условіяхъ не можетъ быть побѣдоносно окончена, такъ какъ броженіе распространилось уже на армію и грозитъ развиться, если безначалію и безпорядку власти не будетъ положенъ рѣшительный конецъ**)... Государь, безотлагательно призвите лицо, которому можетъ вѣрять вся страна и поручите ему составить правительство, которому можетъ довѣрять все населеніе. За такимъ правительствомъ пойдетъ вся Россія. В этотъ небывалый по ужасающимъ послѣд-

*) Это досильно сдѣлано на страницахъ первой части моей работы, посвященной «Легендѣ о сепаратномъ мирѣ».

**) «На этой почвѣ несомнѣнно, разовьются событія, сдержать которыя можно временно цѣною пролитія крови мирныхъ гражданъ, но которыя при повтореніи сдержать будетъ невозможно».

ствиям и страшный час иного выхода нет и медлить невозможно**). Получив эту телеграмму, Николай II, по словам Фредерикса в показаниях Чр. Сл. Ком., будто бы, сказал: "Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать***).

Правда, на показания престарелого министра Двора, до чрезвычайности разстроенного обрушившимися на него личными бедами после революции — разгромом и пожаром его дома в Петербурге, болезнью жены — и, по собственному признанию, совершенно потерявшего память, не приходится слишком полагаться, но, впрочем, Царь считал крайним преувеличением ту взволнованность, которая проявилась в телеграмме председателя Думы. Полученная Государем "лишняя" условительная телеграмма командующего войсками Хабалова (и отчасти военного министра Бляева и мин. в. д. Протопопова) могли казаться такими после революции, но в момент, когда они посылались в Ставку, они соответствовали больше или меньше действительности или, впрочем, тому настроению, под которым воспринималась тогда почти всеми эта действительность. Мало кто видел в петербургском бунте реальную предюдию к революции. Впрочем никто. Что может быть характернее простого сопоставления двух одновременных, независимых друг от друга, отзывов о начавшихся волнениях в Петербурге со стороны лиц, которые находились в смысле своего общественного положения на диаметрально противоположных полюсах: "Это — хулиганское движение, — писала 25 февраля имп. А. Ф. мужу — мальчишки и девчонки бьют и кричат, что у них нет хлеба — просто для того, чтобы создать возбуждение... Если бы погода была очень холодная, они все, впрочем, сидели бы по домам. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя". Почти такую же характеристику с упоминанием о "мальчишках и девчонках" дал начавшемуся движению на официальном приеме у московского командующего войсками Мрозовского проф. Мануилов, редактор руководящего органа тогдашней либеральной мысли, известный политико-экономист и будущий член революционного правительства***). Царь был "слеп" не больше других. Можно удивляться, но не приходится иронизировать *ros. factum* по поводу непредусмотрительности правящих кругов, которые одни только не знали, что "пришла революция", т. е. не придавали февральской забастовке и уличным демонстрациям характера политического (Шеголев).

*) В напечатанном Сторожевым тексте нет той заключительной фразы, которую приводит в воспоминаниях Родзянко (он передает эту телеграмму, хотя и берет в кавычках, очень сокращенно): «Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Вѣнцѣносца».

**) Дворцовый комендант Воейков в своих воспоминаниях говорит, что Царь не ответил на первую телеграмму Родзянко по формальным причинам, — потому что она была от имени уже распущенной Думы. Придуманное мемуаристом объяснение фактически неверно, так как телеграмма Родзянко была получена в Ставке значительно раньше сообщения Голицына об отсрочке заседаний Думы. А главное Дума вовсе не была распущена, следовательно, председатель ее не терял своего звания.

***) Я тогда же записал со слов ближайших сотрудников «Русских Вѣдомостей» в дневник эту поразившую меня характеристику.

В Ставку отклики на быстро текущие в Петербурге события приходили с опозданием. Недаром Рузский на копии телеграммы Родзянко 26-го сдѣлал пометку: "Очень жаль, что с 24 по 27 не удалось сообщить о том, что дѣлается в Петроградѣ"... Рузский добавил, что не сообщали на фронт "может быть, и с дѣлом**). Конечно, никакой задержки дѣла не было. Дѣло было только в том, что у самых предусмотрительных людей в действительности еще не было ощущения наступившей "катастрофы", которую 26-го вечером почувствовал Родзянко. На первую телеграмму Хабалова к вечеру 25-го о начавшейся забастовке и демонстрациях 23-го и 24-го, при разгоне которых "оружие войсками не употреблялось", Царь лаконически ответил "за личной подписью": "Повѣждать завтра же прекратить в столицѣ безпорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германіей и Австріей". В Чр. Сл. Ком. Хабалов показывал, что эта телеграмма хватила его, как бы "обухом": "как прекратить завтра же? Что я буду дѣлать? Как мне прекратить? Когда говорят: хлеба дать — дали хлеб и кончено. Но когда на флагах надпись: долой самодержавіе, какой же тут хлеб успокоит". "Царь велѣл: стрѣлять надо, и я убит был".

Через час после получения телеграммы, около 10 ч. веч. 25-го, по словам Хабалова, собрались командиры запасных батальонов. Главнокомандующий сообщил им о царской телеграмме и указал, что должно быть применено "последнее средство", т. е., "раз толпа агрессивна, то действовать по уставу — после трехкратного сигнала открывать огонь***). И в воскресенье 26-го оружие было пущено в ход в большем масштабе, чем в предшествовавшие дни. Трудно не усмотреть в показаниях Хабалова перед революционным слѣдствием попытки снять с себя ответственность за разстрѣл толпы. Хабалов телеграмму Императора в показаниях относил к 9 час. веч. 25-го, а между тем на подлинникѣ телеграммы самого Хабалова, адресованной нач. в. рх. штаба, имеется пометка рукою Алексѣева: "доложено Государю Императору 26", другими словами, очевидно, телеграмма Николая II могла быть послана лишь 26-го — в публикаціи Сторожева она и помѣчена 22 часами двадцать шестого***).

26-го Император не проявлял большого беспокойства. Он писал в этот день женѣ: "Я надѣюсь, что Хабалов сумѣет быстро остановить эти уличные безпорядки. Протопопов должен дать ему ясныя и опредѣленные инструкции. Только бы старый Голицын не потерял голову". В 9 ч. 20 веч. из Ставки пошла телеграмма в Царское: "...Выѣзжаю послѣзавтра. Покончил здѣсь со всеми важными вопросами. Сии спокойно"...

Одновременно со "всеподающейшей" телеграммой Царю Родзян-

*) Копія эта входит в серію документов, опубликованных Вильчковским.

**) Военный министр отозвался в Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи полным незнаніем по поводу телеграммы и утверждал, что он о ней «в первый раз» слышит.

***) Исследователю, и в особенности эмигранту, пока приходится идти ощупью и пользоваться разрозненными публикаціями документов: в сводкѣ Блока, у Сторожева, в «Красном Архивѣ» и т. д. В документах Ставки, опубликованных в «Красном Архивѣ», и по другой копії в воспоминаниях Лукомскаго, личная телеграмма Николая II отсутствует, хотя по утверждению Воейкова, она прошла через военно-походную канцелярію.

ко телеграфировал и нач. верх. штаба... Телеграмма Алексеѣву почти дословно совпадала с текстом, адресованным Царю, и оканчивалась призывом к нач. штаба своим предствительством перед Царем ("молю вас о том от всей души") "спаси Россію от катастрофы... в ваших руках... судьба, слава и побѣда Россіи". Конѣн были посланы и главнокомандующим фронтами: "порученіе исполнил", — отвѣтил просто Рузскій и болѣе претенціозно Брусилов: "свой долг перед родиной и Царем исполнил" (эти отвѣты были напечатаны в московских газетах 2 марта). Брусилов в час ночи телеграфировал Алексеѣву, что "при наступившем грозном чѣс другого выхода не вижу" (т. е. послѣдовать совѣту Родзянко). Эверт позже, днем 27-го, уклонялся от отвѣта в телеграммѣ на имя Алексеѣва: "Я — солдат, в политику не мѣшался и не мѣшаюсь. По отрывочным доходящим до меня слухам, насколько справедливо все изложенное в телеграммѣ по отношенію внутренняго положенія страны, судить не могу". Рузскій телеграфировал непосредственно Царю в 9 ч. веч. 27-го. Не касаясь министерскаго вопроса, главнокомандующій Сѣвернаго фронта указывал лишь на необходимость "срочных мѣр" для успокоенія населенія и предостерегающе предупреждал, что "нынѣ армія заключает в своих рядах представителей всѣх классов, профессій и убѣжденій, почему она не может не отразить в себѣ настроеній страны". "Позволяю себѣ думать, — заключал Рузскій, — что при существующих условіях мѣры репрессій могут скорѣе обострить положеніе, чѣм дать необходимое длительное умиротвореніе".

В теченіе дня и вечера 27-го всѣ эти телеграммы доложены были Царю*). В час дня в связи с перерывом занятій Думы пришла на имя Царя новая телеграмма Родзянко, в очень рѣшительных тонах, призывавшая посетителя верховной власти "безотлагательно" вповѣ созвать законодательныя палаты и призвать новую власть на началах, изложенных в предшествовавшей телеграммѣ председателя Думы: "Государь, не медлите", — телеграфировал Родзянко: "Если движеніе перебросится в армію, восторжествует нѣмец, и крушеніе Россіи и с ней династии неминуемо. От имени всей Россіи прошу В. В. об исполненіи изложеннаго. Час, рѣшающій судьбу войск и родины, настал. Завтра может быть уже поздно". Это не было увѣщаніем человека, через нѣсколько часов присоединившагося — пусть вынужденно — к революціонному движенію. Родзянко говорил не о "революціи", а о "бунтѣ", который грозит гибелью государству: "Послѣдній оплот порядка устранил. Правительство совершенно безсильно подавить безпорядок. На войска гарнизона надежды нѣтъ. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров, примкнувъ к толпѣ и народному движенію, они направляются к дому мин. вл. д. и Государственной Думѣ (очевидно, не для того.

*) Нѣкоторое сомнѣніе возбуждает телеграмма Рузскаго. На подлинникѣ ея имѣется пометка: 2 час. 28-го. А на копіи, имѣющейся в том же дѣлѣ: «Представлено Его Вел. 27». Зная педантичность Алексеѣва, трудно предположить ошибку в датированіи. Царь в 1 час ночи перѣхал уже в свой поѣзд, отправлявшійся на зарѣ из Могилева. Можно предположить, что пометка на оригиналѣ относится к моменту, когда оригинал был доставлен начальнику штаба. Телеграмма была адресована непосредственно Царю.

чтобы сдѣлать Думу вождем революціоннаго движенія. С. М.). Гражданская война началась и разгорается". Логически из телеграммы Родзянко слѣдовало, что дѣло шло в данный момент не столько о перемѣнѣ в составѣ министерства, сколько о необходимости ликвидировать анархическій бунт, начавшійся в столицѣ. Почти одновременно с телеграммой Родзянко Царю была доставлена телеграмма Хабалова, излагавшая происшествія в Волынском полку и стклики их в гарнизонѣ: "принимаю всѣ мѣры, которыя мнѣ доступны, для подавленія бунта. Полагаю необходимым прислать немедленно надежныя части с фронта". Так возникла в Ставкѣ мысль о посылкѣ "карательной" экспедиціи во главѣ с ген. Ивановым, окончательно, очевидно, оформившаяся к моменту полученія Алексеѣвым телеграммы (в 7 ч. 35 м. от военнаго министра Бѣляева, помѣчена № 197*): "Положеніе в Петроградѣ становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими сставшимися вѣрными долгу частями погасить пока не удастся; напротив того, многія части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пѣсары, бороться с ними нѣтъ средств. Необходимо срѣшное прибытіе дѣйствительно надежных частей, при том в достаточном количествѣ для одновременных дѣйствій в различных частях города***).

Нѣтъ никаких основаній приписывать инициативу посылки Иванова в Петербург с чрезвычайными полномочіями личнс Императору, так как совершенно очевидно из послѣдующаго, что сам нач. верх. штаба понял обстановку, изложенную в телеграммѣ Родзянко и поясненную телеграммами Хабалова и Бѣляева, как наличие анархическаго бунта, который надо прежде всего ликвидировать военной силой. Разговаривая через нѣкоторое время по прямому проводу с нач. штаба Сѣвернаго фронта Даниловым по поводу миссіи Иванова и назначенія въ его распоряженіе соотвѣствующих воинских частей с "надежными, распорядительными и смѣлыми помощниками" ("прочных генералов", как выражался Алексеѣв, отгѣчавшій, что Хабалов "повидимому растерялся"), Алексеѣв заключил: "минута грозная, и нужно сдѣлать все для ускоренія прибытія прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнѣйшаго будущаго****). В письмѣ к женѣ, написан-

*) Вѣрнѣе, телеграмма была направлена в адрес главнокомандующаго Сѣверным фронтом, как ближайшим к столицѣ.

**) Телеграмма Бѣляева стояла в рѣзком противорѣчій с тѣм, что сам Бѣляев телеграфировал перед тѣм, в 1 ч. 20 м., Алексеѣву. Там было сказано: «Начавшійся с утра в нѣкоторых войсковых частях волненіе твердо и энергично подавляются оставшимися вѣрными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо цѣпен в скором наступленіи спокойствія, для достиженія коего принимаются безпощадныя мѣры. Власти сохраняют полное спокойствіе». Эта телеграмма, дѣйствительно, разительно противорѣчила существовавшей обстановкѣ.

***). Прямая ссылка Алексеѣва в разговорѣ с Даниловым на телеграмму военнаго министра за № 197, в силу которой Император повелѣлъ назначить Иванова главнокомандующим Петербургскаго военнаго округа, упраздняет другія существующія версіи. Так Блок утверждал, что Иванов был назначен под вліяніем послѣдней телеграммы председателя Совѣта министров Готлиба, вставившей на командированіи в столицу пользующагося популярностью в войсках боевого генерала, что, в свою очередь, отчасти могло подтверждать версію, которую устанавливал притворный исторіограф ген. Дубенскій. По его словам (в записях, цитируемых Блоком), он и лейб-хирург Федоров (иниціатива принадлежала Дубенскому) уговорили Иванова принять на себя миссію водворенія порядка в столицѣ. Иванов был по-

ном до назначения Иванова, Государь говорил: “послѣ вчерашних извѣстій из города я видѣлъ здѣсь много испуганных лиц. К счастью, Алексѣев спокоен, но полагает, что необходимо назначить очень энергичнаго человѣка, чтобы заставить министров работать для разрѣшенія вопросов: продовольственнаго, желѣзнодорожнаго, угольнаго и т. д. Это, конечно, совершенно справедливо”. Ясно, что рѣчь идет не о реорганизациі Совѣта министров, а о назначеніи отвѣтственнаго лица с диктаторскими полномочіями, что соответствовало давнишним проектам ген. Алексѣева. Эту черту слѣдует учитывать, когда обращаясь к воспоминаніям тѣх, кто в описываемые дни находился в Ставкѣ. В сознаніи мемуаристов событія 27 февраля — 1 марта подчас сливаются в одну общую картину. Желая подчеркнуть свое пониманіе создавшейся обстановки и свою предусмотрительность, они извольны факты 27 февраля вставляют в рамку послѣдующих явленій. Мы это видим в воспоминаніях генерал-квартирмейстера Ставки Лукомскаго. Виднѣе он старается быть очень точным даже в датах, отмѣчая часы разговоров и проч. Но именно эта мемуарная точность без соответствующих справокъ с документами, которые вступают в противорѣчіе с утвержденіями мемуариста, и лишает воспоминанія ген. Лукомскаго в деталях исторической достовѣрности. Непосредственный очевидец и участник драмы, разыгравшейся в Ставкѣ, рассказывает о том, как ген. Алексѣев безуспѣшно пытался воздѣйствовать на Царя, в соответствіи с настояніями, которыя шли из Петербурга и в частности с упомянутой телеграммой, полученной от предсѣдателя Совѣта министров кн. Голицына. Эту телеграмму Лукомскій ошибочно отнес на дневное время — она могла быть получена в Ставкѣ лишь вечером*). В опубликованных документах Ставки телеграммы Голицына нѣтъ. Воспроизвести ее можно только в изложеніи, явно неточном, Блока, причем самое главное мѣсто у автора приводится не в подлинных словах телеграммы. Совѣтъ министров “дерзал” представить Е. В. о “безотложной необходимости” объявить столицу на осадном положеніи, что было выполнено уже “собственной властью” военнаго министра “по уполномочію” Совѣта. Совѣтъ министров “всеподданнѣйше” ходатайствовал о “постановленіи во главѣ оставшихся вѣрных войск одного из военачальников дѣйствующей арміи с популярным для населенія именем”. “Далѣе указывалось, — пишет уже Блок, — что Совѣтъ министров не может справиться с создавшимся положеніем, предлагает себя распустить, назначить предсѣдателем Совѣта министров лицо, пользующееся общим довѣріем и составить *ответственное* министерство”. Послѣднее толкованіе Блока болѣе чѣм произвольно. Перед Чр. Сл. Ком. Голицын засвидѣтельствовал, что он никого не указывал в качествѣ лица, “облеченнаго довѣріем Государя” и не возбуждавшаго “недовѣрія со стороны

широких слоев общества”. На вопрос предсѣдателя: имѣлась ли в виду диктатура, Голицын отвѣтил: “Мнѣ лично не диктатура. Мнѣ представлялось так, что мог быть таким лицом нынѣшній же предсѣдатель Совѣта министров, что этот человѣкъ, извѣстный широким кругам общества и мог бы умиротворить”. Голицын говорил, что телеграмма, редактированная министрами Покровским и Барком была послана вечером “в шесть часов или в семь”.

“Генерал Алексѣев, — рассказывал Лукомскій, — хотѣлъ эту телеграмму послать с офицером для передачи ей Государю через дежурнаго флигель-адъютанта. Но я сказал ген. Алексѣеву, что положеніе слишком серьезно, и надо ему идти самому, что, по моему мнѣнію, мы здѣсь не отдаем себѣ достаточнаго отчета в том, что дѣлается, что, по видимому, единственный выход — это поступить так, как рекомендуют Родзянко, Вел. Князь и кн. Голицын, что он, ген. Алексѣев, должен уговорить*). Ген. Алексѣев пошел. Вернувшись минут через десять, он мнѣ сказал, что Государь остался очень недоволен содержаніем телеграммы Голицына и сказал, что сам составит отвѣтъ... “Государь со мной просто не хотѣлъ говорить”... “Часа через два ко мнѣ в кабинетѣ прибѣжал дежурный офицер и сказал, что в наше похѣщеніе идет Государь... Е. В. спросил меня: гдѣ ген. Алексѣев?” — Он у себя в кабинетѣ, чувствует себя плохо и прилегает**). “Сейчас же передайте ген. А. эту телеграмму... При этом скажите, что это мое окончательное рѣшеніе, которое я не измѣню, и поэтому бесполезно мнѣ докладывать еще что-либо по этому вопросу”. Отвѣтъ Царя Голицыну мы имѣем в точной копій из архива Ставки: “О главному военному начальнику для Петрограда мною дано повелѣніе нач. моего штаба с указаніем немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставляю всѣ необходимыя права по гражданскому управленію. Относительно переменъ в личном составѣ при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми”.

По памяти Лукомскій очень неточно воспроизводил текст телеграммы, переданной ему Царем. По его словам, кромѣ предоставленія предсѣдателю Совѣта министров “диктаторскихъ прав по управленію”, “диктаторскими полномочіями” снабжался и командиромъ для “подавленія возстанія и установленія порядка” Иванов. “Получались в Петроградѣ двѣ диктатуры!” — восклицает автор, ошибочно объединившій два разных момента, ибо вопрос о “диктаторскихъ полномочіяхъ” Иванова всплыл в послѣдующем ночном свиданіи Царя с Ивановым уже в вагонѣ отбѣжающаго из Могилева Императора. “Я попросил ген. Алексѣева, — продолжает Лукомскій, — идти к Государю и умолять измѣнить рѣшеніе... Послѣ нѣкоторых колебаній нач. штаба пошел к Государю. Вернувшись, он сказал, что Государь рѣ-

сажен во время обѣда рядом с Царем и внушил послѣднему мысль о посылкѣ его в Петербург. Обѣд происходил в Ставкѣ в 7¼ ч. веч.; Иванов в Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи совершенно опредѣленно заявил, что перед обѣдом Алексѣев объявил ему о его назначеніи, а сам Николай II женѣ телеграфировал в 7 час.: «Выѣзжаю завтра 2.30. Конная гвардія получила приказаніе немедленно выступить из Нов(города) в город (т. е. Петербург). Бог даст, безпорядки в войсках скоро будут прекращены».

*) Днем Царю представлена была ночная телеграмма Голицына, говорившая о прерывѣ занятій законодательныхъ палат.

*) «Великій Князь» — это Михаилъ Александровичъ, который, однако, говорил из Петербурга с Алексѣевымъ значительно позже момента полученія в Ставкѣ телеграммы Голицына. Лукомскій этотъ разговоръ отнесъ к 12 час. дня, а былъ онъ в 10½ вечера.

**) Авторъ поясняетъ: «Дѣйствительно, у ген. Алексѣева температура была болѣе 39 градусовъ».

шения не мѣняет. Телеграмма была послана". Когда? — Мы имѣем опредѣленную документальную дату: в 11 ч. 25 м. *вечера**).

Приблизительно за час до отправки телеграммы Голицыну Алексѣев был вызван из Петербурга к прямому проводу в. кн. Мих. Алекс. Последний просил от его имени доложить Царю, что "для немедленнаго успокоенія принявшаго крупныя размѣры движенія... необходимо увольнение всего состава Совѣта министров"... "При теперешних условиях, — говорил Мих. Ал., — полагаю единственно остановить выбор на лицѣ, облеченном довѣріем В. И. В. и пользующемся уваженіем в широких слоях, возложив на такое лицо обязанности председателя Совѣта министров, *ответственного единственно* перед В. И. В. Необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрѣнію. В виду чрезвычайнаго серьезнаго положенія не угодно ли будет В. И. В. уполномочить меня безотлагательно объявить об этом от Высочайшаго В. И. В. имени, причем с своей стороны полагаю, что таким лицом в настоящий момент мог бы быть кн. Львов". "*Сейчас* доложу Е. И. В. телеграмму В. И. В. *Завтра***)" Государь Император выѣзжает в Царское Село" — отвѣчал Алексѣев. Великій Князь просил Алексѣева доложить и то, что по его убѣжденію "пріѣзд Государя Императора в Царское Село, может быть, желательно отложить на нѣсколько дней". Через короткій промежуток Алексѣев дал отвѣтъ Великому Князю: Царь выѣзжает сам в Царское Село; всѣ мѣропріятія, касающіяся личнаго состава правительства, Царь отлагает ко времени своего пріѣзда в Ц. С., на слѣдующій день в качествѣ главнокомандующаго петербургским округом отправляется ген. Иванов с надежными воинскими частями. Алексѣев обращался с "личной просьбой" к Вел. Князю "настойчиво" поддержать при свиданіи с Царем мысль о необходимости "замѣны современных дѣятелей Совѣта министров" и "способа выбора новаго Совѣта" — "и да поможет В. И. В. Господь Бог в этом важном дѣлѣ". "С своей стороны, — добавлял нач. верх. штаба, — общаю лично вам, что я опасаясь, как бы не было упущено время до возвращенія Е. В., так как при настоящих условіях дорог буквально каждый час"***). Ген. Лукомскій передает болѣе рѣзкій отвѣтъ Царя: "Государь де "благодарит за совѣтъ, но что он сам знает, как поступить". Возможно, что Алексѣев смягчил отвѣтъ в передачѣ, но мы должны помнить, что мемуарист воспроизводит прошлое только по памяти, причем самое предложеніе Вел. Кн. формулирует не так, как оно

*) В воспоминаніях помош. ген.-квартир. полк. Пронина, изданных послѣ воспоминаній Лукомскаго, как бы подтверждается рассказ послѣдняго. Достаточно освѣдомленный, как будто, автор говорит: «В теченіе второй половины дня ген. Алексѣев... нѣсколько раз был с докладом у Государя и управлявал его... последовать совѣтам кн. Голицына и Родзянко и дать отвѣтственное министерство... Вечером ген. А. вновь был у Государя и просил его даровать отвѣтственное министерство. «На колѣнях умоляя Его Величество, — сказал он, грустно качая головой, возвратившись из дворца: — не согласен». Надо имѣть в виду, что свой «дневник» автор цитирует в кавычках только с записей 1-го марта.

**) Обращаю вниманіе на подчеркнутыя слова.

***) «Завтра при утреннем докладѣ, — заканчивал Алексѣев, — еще раз доложу Е. И. В. желательность теперь же принять нѣкоторыя мѣры, так как вполне сознаю, что в таких положеніях упущенное время бывает невознаградимо».

занесено на официальной лентѣ разговора: Лукомскій говорит об отвѣтственном перед Гос. Думой правительствѣ.

2. — "Отвѣтственное Министерство".

Разговор со Ставкой Мих. Ал. явился результатом бесѣды его 27-го с Родзянко и Голицыным. Степографическая записъ допроса послѣдняго в Чр. Сл. Ком. в таких словах зафиксировала эту бесѣду (Голицын относил ее на 26-ое): "Мы (Родзянко и Голицын) просили Мих. Ал. принять на себя регентство временно, так как Государя нѣтъ, чтобы он принял хотя бы с превъзнесеніем власти и чтобы нас (т. е. министров) сейчас же всѣх уволил и назначил новый Совѣтъ министров. Но он на это не пошел". В воспоминаніях председателя Думы дается поясненіе, нѣсколько противорѣчащее показаніям Голицына. Родзянко рассказывает, что совѣщаніе с Мих. Ал. въ присутствіи Голицына происходило у президіума Думы и происходило оно 27 февраля. В бесѣдѣ приняли участіе Некрасов (тов. пред. Думы), Дмитрюков (секретарь) и член Думы Савич. Представляется маловероятным, чтобы 27-го, послѣ образованія Временнаго Комитета, президіум Думы мог в 8 час. вечера совѣщаться с членами Совѣта министров. Это мог сдѣлать еще колебавшійся председатель Думы. Повидимому, Родзянко спутал два совѣщанія, 24-го происходило частное совѣщаніе Совѣта министров с президіумом законодательной палаты по вопросу о передачѣ продовольствія в вѣдѣніе общественных организаций — так, между прочим, показал управляющій дѣлами Совѣта министров Ладженскій*). Военный министр Бѣляев, присутствовавшій на совѣщаніи 27-го и сопровождавшій в. кн. Мих. Ал. в военное министерство для переговоров со Ставкой, в показаніях указывал совсѣм иной состав совѣщанія — из общественников был только Родзянко. На совѣщаніи участвовало 5 человек: вел. кн. Михаил, Родзянко, Голицын, Бѣляев и гос. секр. Крыжановскій. По словам Протопопова, отстраненнаго уже от дѣл, на совѣщаніи будто бы присутствовали в. кн. Кирилл и Гучков, которых Протопопов встрѣтил в вестибюлѣ, покидая Маринскій дворец.

В мое изложеніе надо все же внести оговорку. В недавно выпущенных воспоминаніях кн. Шаховскаго, послѣдняго министра торговли и промышленности, категорически говорится, что, пріѣхав в Маринскій Дворец 27-го на засѣданіе Совѣта министров, он встрѣтил "спускавшихся по лѣстницѣ Родзянко, Некрасова, Дмитрюкова и Савича". Шаховской добавляет, что во время засѣданія "в темнотѣ нѣсколько раз мелькнула сіяющая фигура Гучкова..."

По существу Родзянко рассказывает слѣдующее: "Великому Князю было во всей подробности доложено положеніе дѣл в столицѣ и было указано, что еще возможно спасти положеніе. Он должен был явочным порядком принять на себя диктатуру над городом Петроградом, побудить личный состав правительства подать в отставку**) и потребовать

*) Результатом этого совѣщанія о продовольствіи и была правительственная декларация в Гос. Думѣ 25-го и собраніе в тот же день в Городской Думѣ с представителями от общественных и рабочих организаций. (См. мою книгу «На путях к дворцовому перевороту»).

**) «Несмотря на всѣ убѣжденія в том, что ему надлежит выйти в отставку, чтобы облегчить Государю Императору разрѣшеніе назрѣвающаго и все возрастающаго конфликта, — добавляет мемуарист, — кн. Голицын

по телеграфу, по прямому проводу, Манифест Государя Императора о даровании ответственного министерства. Неисполнительность в. кн. Мих. Ал. способствовала тому, что благоприятный момент был упущен. Выходя из того, чтобы принять активные меры и собрать вокруг себя гарнизон, вел. кн. Мих. Ал. повел по прямому проводу переговоры с имп. Николаем II, получил в своих указаниях полный отказ и, таким образом, в этом отношении попытка Гос. Думы (!) потерпела неудачу".

Отказавшись участвовать в сущности в переворот (хотя и *suu generis*), который предлагал от имени думцев Родзянко, в. кн. М. А., как было указано, довел до сведения Царя о необходимости мероприятия, довольно далеко отстоящих от идеи ответственного министерства перед законодательным собранием. В этом нет ничего удивительного, ибо совершенно ясно, что на совещании 27-го, т. е. в день уже начавшейся революции, вопрос об "ответственном министерстве" не ставился и не мог быть поставлен при той неопределенности, которой может быть отмечена позиция даже передовых представителей "центральной" общественности накануне роковых событий. Никакого конкретного плана действия у них не было, если не считать довольно расплывчатых проектов дворцового переворота, в которые были посвящены немногие, и осуществление которых будто бы намечалось на мартовские дни. Что может быть характернее выступления в качестве политического парламентаря, в порядке как бы личного, думского златоуста, виднейшего представителя фракции к-д., депутата Маклакова. Факт этот имел место в полном смысле слова накануне революции. Инициатива вышла из правительственных кругов, искавших выхода из критические дни. Вот что показывал в Чр. Сл. Ком. кн. Голицын: В заседании Совета министров 25-го "зашла речь о том, что предполагается в Гос. Думе в понедельник ряд выступлений, которые повлекут за собой со стороны правительства обязанность распустить Думу... Я был против этого. Многие мои коллеги были тоже против. Тогда я просил министров ин. д. и земледелия, так как они знали большее количество членов Думы, переговорить с членами Думы о том..., как из этого выйти... Они ко мне пришли, повидимому, повидавшись с членами Думы, кажется, с Маклаковым и с Балашевым, и сказали мне, что, по их мнению (т. е. членов Думы), нужно сделать перерыв, дабы страсти улеглись. Это заставило меня на несколько дней (?) сделать перерыв, боясь роспуска". Военный министр Беляев добавил в своих показаниях, что решение о необходимости "найти почву для соглашения" и для "действия заодно с Гос. Думой" было принято "единодушно", и что переговоры были намечены на 26-ое: "Родзянко должен был поехать к кн. Голицыну, затем... Покровский и Риттих войдут в переговоры с некоторыми лидерами партий, если не ошибаюсь, с Маклаковым, Савичем и еще кем-то"... По утверждению Протопопова (мало

правдоподобному) этим третьим был будто бы Милоков. Во всяком случае, состоялась беседа с Маклаковым.

Какую же программу действия предложил "самый умбранный из кадет и самый умный", по характеристике Шульгина?... На каких условиях Дума в лице Маклакова готова была "помочь" правительству? Формулируем словами самого Маклакова. "Берите на себя инициативу", — сказал Маклаков: "Поставьте завтра же Думу перед таким совершившимся фактом, который она сможет принять. Прежде всего отставка всего кабинета,... чтобы было ясно, что хотят идти новым путем. Дальше сейчас же пусть будет назначен новый премьер, популярный в стране. И пусть он получит поручение составить кабинет по своему усмотрению. На это дайте ему срок самый короткий. Три дня. А на эти три дня прекратите заседания Думы: в данной обстановке заседание Думы принесет только вред. Через три дня пусть новый кабинет явится перед Думой и изложит свою программу". В качестве премьера Маклаков рекомендовал не "общественного деятеля" (среди "парламентариев" он не видел "подходящих и умных людей"), а "умного и популярного генерала", который был бы "символом" нового министерства. Маклаков назвал Алексева. "Пусть берет в министры умных и популярных людей из бюрократии... Возвратит Коконцова, Сазонова, Наумова, Самарина и др.". "Пусть он явится в Думу с краткой, но определенной программой: все для войны... Пусть заявит, что в своей деятельности будет *опираться* на Думу... Такому правительству и такой программой Дума ни в чем не откажет. Но... это уже последняя ставка". Сам Маклаков признает, что министры "с удивлением переглянулись между собой — "и только?" и заявили, что "программа приемлема", и что они надбьются к гортнику получить на нее "согласие Государя". Маклаков же взялся добиться отказа от созыва экстренного заседания Думы на понедельник. Депутат, по его собственным словам, не посвятил никого из своих товарищей по партии в намеченный им, с согласия Покровского и Риттиха, план, и фактически проектированное на 27-ое заседание было отложено лишь из-за технической невозможности его собрать*).

Наши сведения о происшедшем затм в Совете министров настолько скудны и противоречивы, что пока нет возможности устранить противоречия и дать в деталях изобразительную картину того, как отразился в правительственных совещаниях переживавшийся политический момент (Беляев говорит, что он настаивал на составлении "подробного журнала" в эти "исторические дни"). Заседания Думы были прерваны — только не на три дня, как проектировал Маклаков, а на срок неопределимый с указанием, что работы Думы должны возобновиться "не позннее апреля, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств" (в представлении Голицына всетаки перерыв должен был продлиться всего "несколько дней"). Когда Маклаков на другой день

оставался неумолимым в своем решении, объяснив, что в минуту опасности он своей должности не оставит, считая это позорным бегством, и этим только еще больше усложнил и запутал создавшееся положение. Это, как мы уже знаем, совершенно не соответствовало действительности, так как совещание было носило посылки Голицыным телеграммы в Ставку. Может быть, слова Родзянко надо считать отзывом предварительной беседы, которую вел Родзянко с Голицыным 26-го...

*) До некоторой степени в план был посвящен Шульгин, с которым предпринятно Маклаков совещался. Шульгин, по обыкновению, не помнит, что в воскресенье 26-го обсуждалось в бюро прогрессивного блока, но помнит, что предложил «не отсылаться общей формулой» и наметить конкретные «людей, доверием общества обремененных», — на случай, «если правительство согласится пойти на путь соглашения с Думой, но список не составили, потому что нашли, что это «еще... невозможно».

снесся с Покровским, то был огорочен “успокоительным” ответом министра ин. д.: “одно желание ваше исполнено, заседание Думы прервано. А об остальном мы будем иметь суждение в среду” (т. е. 1 марта). “Я не понимал, не шутит ли он?” — рассказывает Маклаков. — “Вы знаете, что теперь происходит?” — “Что же?” — “Войска взбунтовались”. — “Я ничего не слышал”. — “Так с вами больше не о чем говорить”, — и я в трубку повесил. Началась уже официальная революция”.

План Маклакова “спасти Россию от революции”, таким образом, провалился... Впоследствии (уже в эмиграции) Маклаков от Покровского и Риттиха слышал, что за его план высказалось только 4 министра. Эту версию подтверждал в своих показаниях Протопопов, ошибочно относивший заседание Совета министров на 25 февраля: “Примирение, — писал он, — оказалось невозможным: депутаты требовали перемены правительства и назначения новых министров... Требование депутатов было признано неприемлемым”. В действительности как-будто было по другому, и план Маклакова, надо думать, в общих чертах был принят. “В воскресном собрании в 9 ч. — показывал Бляев, — был доложен результат переговоров, причем было выяснено, что всетаки члены Гос. Думы признают необходимым выйти в отставку Совету министров, необходимо, чтобы был кабинет такой, председатель коего пользовался бы полным доверием Государя-Императора, но на которого было бы возложено образование министерства, т. е., чтобы министры были подчинены, так сказать, председателю Совета министров. Тогда же была написана телеграмма Государю-Императору”.

Характер заседания может быть прекрасно обрисован словами Бляева: “У меня вообще такое впечатление, что не Протопопов здесь рассуждал”. В хронологии Бляев сделал ошибку, — телеграмма Царю фактически была послана на другой день около 6 час. вечера. Правильность впечатления Бляева косвенно подтверждает запись Палеолога (очень неточная, как почти всегда), 27 февраля послышавшего в 11.30 час. утра министерство ин. д.: Покровский сообщил ему о роспуске Думы, о телеграмме Царю с мольбой немедленно принять*) и о мнении всех министров, за исключением Протопопова, о необходимости установления диктатуры, которая должна быть вручена популярному в армии генералу, напр., Рузскому. Не исключена, конечно, возможность, что на вечернем заседании 26-го, действительно, план Маклакова (каковы были другие предположения, исходившие от общественных кругов, мы не знаем) был отвергнут, и Совет министров под влиянием воскресных событий, когда могло казаться, что правительство “побило”, склонился к мнению “правых” о введении осадного положения, т. е. решил взять “твердый курс”. (См. ниже). И только на другой день, когда столица неожиданно сделалась вновь “полем военных действий”, и стало обнаруживаться безсилie правительства и безнадёжность положения, обратились к рецепту, предложенному Маклаковым. При таких условиях странный ответ Покров-

*) Хронологическое совпадение показаний Бляева и отчасти Голицына с записью Палеолога позволяет допустить, что решение о телеграмме, действительно, было принято в ночном совещании министров 26-го. Выбывшие событиями 27-го из колеи министры запоздали с отправкой телеграммы, или на них повлияли правые.

ского 27-го, поразивший депутата, был только тактическим приемом, чтобы не разрубить веревочки, которая связывала правительство с общественностью.

**

Рассказ о переживаниях в Петербурге проткрывает завесу над тем, что происходило в Ставке, где вопрос об “ответственном министерстве” в сознании действовавших лиц, конечно, должен был стоять еще менее отчетливо, нежели в столичных министерских кругах. Приходится думать, что только вечером 27-го после телеграммы председателя Совета министров и последовавшего затем разговора с в. кн. Михаилом у Алексева стал изменяться взгляд на происходящее в Петербурге, и солдатский бунт стал представляться чем-то более глубоким и серьезным, чем казалось это первоначально. Тогда встал проблема, если не ответственного министерства, то министерства доверия по ходячей терминологии того времени. И только 28-го, когда получено было сообщение, что столичное движение возглавляется Временным Комитетом Гос. Думы, позиция ген. Алексева совершенно определенно оформилась в сторону “ответственного министерства” — общественного кабинета. Это изменение довольно ясно выступает при сопоставлении двух документов, помеченных 28-м и вышедших непосредственно из-под пера начальника верховного штаба. Между 1-2 часами дня главнокомандующим фронтами была разослана циркулярная телеграмма Алексева с обзором событий в Петербурге 26-28 февраля. События эти характеризуются только, как “военный мятеж”, подавление которого стоит на первом плане. О необходимости хотя бы косвенно поддержать “революционное правительство” нет и речи. “На всех нас, — заключал Алексей, — лег священный долг перед Государем. Надлежит сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий”. Значительно позже, около 8 час. вечера, в дополнительной телеграмме главнокомандующим Алексей, предупреждая, что пьемы могут использовать внутренни затруднения и проявить активность на фронте, так определял положение: “События в Петрограде, сделавшие революционеров временно хозяевами положения, конечно, известны нашему противнику, быть может, принявшему довольно деятельное участие в подготовке мятежа”. В совете других тонах составлена почная телеграмма в Царское Село на имя Иванова, которая приведена была выше, — здесь определенно уже говорится о поддержке усилий “Временного Правительства” под председательством Родзянко и о “новых основаниях для выбора и назначения правительства” в соответствии с “пожеланием народа”..

Повествование о настойчивых, но безрезультатных попытках предусмотрительных людей в Ставке убить Царя 27-го в необходимости перейти к парламентскому строю должно быть отнесено к числу легенд, ретившихся в аспекте мемуарного восприятия прошлого. В среде императорской свиты легенда эта приобрела другой оттенок: Царь де легко тотчас же после телеграммы Родзянко согласился на ответственное министерство — правда, в ограниченном размахе, оставляя в своем непосредственном распоряжении министерства военное, морское, иностр. дел и Двора. Так следует из воспоминаний придворного

историкографа ген. Дубенского, впрочем оговаривающегося, что сам оп царской телеграммы “не видѣл, но слышал об ней от многих лиц”; по его словам, “безусловно вся Свита и состоящие при Государѣ признавали в это время неотложным согласіе Государя на стѣтственное министерство и переход к парламентскому строю”. “Весь вечер и почти всю ночь — вспоминает Дубенскій — мы всё не расходились и бесѣдовали о нашем срочном отъѣздѣ и, хотя выражали надежду, что предуказанный парламентскій строй внесет успокоеніе в общество, но отошли из Могилева послѣ 2 час. ночи 28 февраля с большой тревогой”. Внутренній смысл второй версіи легенды сам по себѣ понятен, однако, по дневникам-записям того времени самого историкографа царской Ставки*) легко установить, что легенда родилась значительно позже послѣ отреченія. В дневникѣ от 3 марта у Дубенскаго записано: “27 февраля было экстренное засѣданіе под предѣдательством Государя, — Алексѣева, Фредерикса и Воейкова. Алексѣев в виду полученных извѣстій из Петербурга умолял Государя согласиться на требованіе Родзянко дать конституцію. Фредерикс молчал, а Воейков настоял на непринятіи этого предложенія и убѣждал Государя немедленно выѣхать в Царское Село***). Естественно, что дворцовый комендант в показаніях перед слѣдственной комиссіей стричал свою роль в попытках отговорить Царя от согласія на “конституцію”. Вѣроятно, так и было в дѣйствительности уже потому, что Свита, повидимому, не могла оказывать замѣтнаго вліянія на политическія рѣшенія монарха — по установившемуся обыкноу Император не склонен был выслушивать мнѣнія по вопросам, не входившим в компетенцію окружающих придворных: об этом члены Свиты, не исключая министра Двора, дворцоваго коменданта, находившихся на привилегированном положеніи среди тѣх, кто — по выраженію Дубенскаго — “имѣл право говорить”, свидѣтельствовали перед Чр. Сл. Ком. довольно единодушно.

3. — О т ѣ з д Ц а р я .

На условныя традиціи Двора могли оказывать вліяніе и личныя свойства монарха: как часто бывает у людей слабой воли, Николай II хотѣл царствовать “сам”***). Однако во всем и всегда он невольно подчинялся болѣе властной женѣ. Так и в данном случаѣ отказ согласиться на “конституцію” был вызван давленіем Ал. Фед. — утверждали, по словам Лукомскаго, в Ставкѣ. Говорили, что послѣ полученія телеграммы Голицына Царь “больше часа” разговаривал по телефону с Царским Селом. Пронин пишет еще опредѣленнѣе о том, что телеграм-

*) К сожалѣнію, непосредственные «записи-дневники» ген. Дубенскаго мы знаем лишь по отрывочным использованіям их Блока, или по выдержкам, прочтенным в Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи при допросѣ Дубенскаго. Другой «свитскій», полк. Мордвинов, в восторгинаніях, правильно отмѣчая, что в телеграммѣ Голицыну Царь не соглашался на перемѣну в составѣ правительства, говорит, что Николай II нѣсколько «раздраженно» и «нетерпѣливо» реагировал на соответствующія обращенія к нему.

**) По словам Пронина, в офицерской средѣ Ставки дворцовый комендант высказывался против реформ: «Знаем мы их, дай им палец, а они захотят отнять и всю руку: еще посмотрим».

***). См. напр., дневник члена Гос. Совѣта гр. А. А. Бобринскаго.

ма Голицыну была послана “послѣ переговоров по прямому проводу с Царским Селом”. Но Лукомскій, повидимому, ошибался, предполагая, что между Могилевым и Царским Селом существовал “особый” телефонный провод. Телефонный разговор с Царским Селом, о котором “говорили” в Ставкѣ, в дѣйствительности был телеграфный запрос перекоммунікаціоннаго гр. Бенкендорфа от имени Императрицы: “Не желает ли Е. В., чтобы Ея В. с дѣтьми выѣхали навстрѣчу”. Воейков доложил. Царь сказал: “ни под каким видом, передать Бенкендорфу, что он сам пріѣдет в Царское”. Мемуаристы и здѣсь соткали легендарную ткань. Она легко разрывается с помощью дошедших до нас документов.

Очевидно, запрос А. Ф. был вызван тѣм, что в Царском почувствовали себя неспокойно*). До полученія телеграммы Голицына Царь никакого безпокойства за семью не испытывал и не думал ускорять свой отъѣзд из Могилева, заранѣе еще назначенный на 2 ч. 30 м. 28 февраля. В телеграммѣ, отправленной в Царское в 7 час. вечера. Ник. Алекс., подтверждая часы своего отъѣзда, сообщал: “гонимая гвардія получила приказаніе немедленно выступить из Новгорода в город. Бог даст, безпорядки в войсках скоро будут прекращены”. Телеграмма была послана в отвѣтъ на полученное от жены письмо, написанное днем 26-го и не заключавшее в себѣ ничего особо тревожнаго. Оно столь характерно для момента, когда династія переживала свой “дѣвѣнадцатый час”, что его слѣдует процитировать. Со слов принятаго А. Ф. таврическаго губернатора Войсмана, она писала: “Разсказывал мнѣ много о безпорядках в городѣ (я думаю, больше 200.000 человек). Он находит, что просто не умѣют поддержать порядка. Но я писала об этом уже вчера, прости — я глупенькая. Необходимо ввести карточную систему на хлѣб (как это теперь в каждой странѣ), вѣдь так устроили уже с сахаром, и всё спокойно и получают достаточно. У нас же — пшты... Один бѣдный жандармскій офицер был убит толпой и еще нѣсколько человек. Вся бѣда в этой звѣвающей публикѣ, хорошо одѣтых людей, раненых солдат, курсисток и пр., которые подстрекают других. Лили заговорила с извозчиком, чтобы узнать новости. Они говорили ей, что к ним пришли студенты и заявили, что если они выѣдут утром, то в них будут стрѣлять. Такіе испорченные типы! Конечно, извозчики и вагоновожатые бастуют. Но они говорят, что не похоже на 95 (надо понимать 1905), потому что всё обожают тебя и только хотят хлѣба”.

Первая половина письма была написана в утренніе часы, в 3¼ час. дня А. Ф. дописывала: “В городѣ дѣла вчера были плохи. Произведены аресты 120-130 человек. Главные вожаки и Лелянов привлечены к отвѣтственности за рѣчи в Гор. Думѣ. Министры и нѣкоторые правые члены Думы совѣщались вчера вечером (Калинин писал в 4 часа утра) о принятіи строгих мѣр**). и всё они надѣются,

*) Государевы дѣти уже были больны. А. Ф. писала мужу 26-го: «Баби — это одна сплошная сыпь. — покрыло его, как леопарда. У Ольги большія плоскія пятна. Аня (Вырубова) тоже покрыта сыпью. У всех болят глаза и горло».

**) Очевидно, рѣчь идет о совѣщаніи правых членов Гос. Совѣта. По словам Проотопопова, в засѣданіе Совѣта министров прибыли Тропов, Шнуринскій-Шахматов, Маклаков с предложеніем ввести особое положеніе.

что *завтра* все будет спокойно. Тѣ хотѣли строить баррикады... Но мнѣ кажется, все будет хорошо. Солнце свѣтит так ярко, и я ощущаю такое спокойствіе и мир на Его дорогой могилѣ! Он умер, чтобы спасти нас"...

Письмо это, конечно, не могло содѣйствовать уступчивости Царя. 27-го настроенія в Царском сдѣлались болѣе пессимистичными. Блок приводит три телеграммы, направленные А. Ф. в этот день*). В 11 час. 12 мин. дня: "Революція вчера приняла ужасающіе размѣры... Извѣстія хуже, чѣм когда бы то ни было"; в 1 час 3 мин.: "Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войск перешло на сторону революціи"; в 9 ч. 50 м.: "Лили провела у нас день и ночь — не было ни колясок, ни моторов. Окружной суд горит". Очевидно, телеграммы до Царя уже не доходили, ибо невѣроятно, чтобы Царь не поторопился бы с отъѣздом и так спокойно телеграфировал в Царское в 7 час. вечера**).

Послѣ запроса Бенкендорфа Царь рѣшил немедленно ѣхать в Царское. В 9 час. вечера — рассказывает Лукомскій — пришел ген. Воейков и сказал, что "Государь приказал немедленно подать literные поѣзда", так как он "хочет сейчас же, как будут готовы поѣзда, ѣхать в Царское" — "не позже 11 час. вечера". Лукомскій указал, что отправить поѣзда раньше 6 час. утра невозможно по техническим условиям. "Затѣм я сказал ген. Воейкову, что рѣшеніе Государя ѣхать в Ц. С. может повести к катастрофическим послѣдствіям..., что связь между Штабом и Государем будет потеряна, если произойдет задержка в пути, что мы ничего опредѣленнаго не знаем, что дѣлается в Петроградѣ и Царском Селѣ". Воейков отвѣтил, что "принятаго рѣшенія Государь не отменит". Тогда Лукомскій пошел к Алексѣеву, который "собирался лечь спать". "Я опять стал настаивать, чтобы он немедленно пошел к Государю и отговорил его от поѣздки в Царское Село... Если Государь не желает идти ни на какія уступки, то я понял бы, если бы он рѣшил немедленно ѣхать в Особую армію (в нее входили всѣ гвардейскія части), на которую можно вполне положиться, но ѣхать в Царское Село — это может закончиться катастрофой. Ген. Алексѣев пошел к Государю. Пробыв у Государя довольно долго, вернувшись, сказал, что Е. В. страшно беспокоится за Императрицу и за дѣтей и рѣшил ѣхать в Царское Село". Другой свидѣтель, полк.

Предложеніе было отвергнуто, — утверждал Протопопов: он ошибался... В воспоминаніях кн. Шаховскаго рассказывается о проектѣ сбросить ночью бомбы на Таврическій дворец и уничтожить «революционное гнѣздо». «не оставить камня на камнѣ». Предполагалось использовать летчиков Царскаго Села. «К сожалѣнію, — пишет Шаховская, — Бѣляев не рѣшился сдѣлать это, боясь громаднаго числа жертв»...

*) В опубликованной перепискѣ Ник. Ал. и Ал. Фед. нѣтъ телеграмм послѣдней. «Мѣстонахожденіе их релакціи неизвѣстно». — сообщается в предисловіи. Таким образом неизвѣстен оригинал, которым пользовался Блок среди матеріалов Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи.

**) В опубликованной перепискѣ нѣтъ никаких откликов, а между тѣм Ник. Ал. не оставляя без немедленнаго отвѣта ни одной телеграммы жены. Революціонным анекдотом, подхваченным Троцким и др., является рассказ о том, как телеграммы Паричи, которая слѣдовали одна за другой, позвѣщались с карандашной помѣткой: мѣстонахожденіе адресата неизвѣстно. Об этом говорит и Вырубова, — от ее нѣсколько истеричнаго повѣствованія, быть может, и пошел «революціонный» анекдот.

Пронин, расскажет совѣм по другому: "Слава Богу, Государь не уѣзжает, остается — радостно сообщил нам ген. Алексѣев, возвратившись из царскаго помѣщенія". По словам Пронина Алексѣев будто бы еще днем убѣдил Царя остаться в Могилевѣ — так, по крайней мѣрѣ, "передавали из дворца". Версію эту подтвердил в воспоминаніях и дворцовый комендант, рассказывающій, что послѣ вторичной телеграммы Родзянко Царь рѣшил остаться в Могилевѣ. Однако, документ, выше приведенный — лента вечерняго разговора, т. е., около 11 час., ген. Алексѣева с вел. кн. Михаилом, довольно рѣшительно опровергает и Лукомскаго, и Пронина и Воейкова. Алексѣев опредѣленно говорил В. Князю: "Завтра Государь-Император выѣзжает в Ц. С.". Что значит это "завтра". Очевидно, что рѣчь идет об отъѣздѣ, пазначенном в 2 ч. 30 мин. дня, ибо нач. штаба добавляет: "*завтра при утреннем докладѣ* еще раз доложу Е. И. В. желательность теперь же принять нѣкоторыя мѣры, так как вполне сознаю, что в таких положеніях упущенное время бывает невознаградимо". Слѣдовательно Алексѣев не знал еще, что Царь рѣшил ускорить свой отъѣзд — даже послѣ доклада Царю о бесѣдѣ с Вел. Князем (Алексѣев о своем "утреннем докладѣ" упомянул В. Князю уже послѣ разговора с Царем). Из этого слѣдует и то, что до вечера никаких измѣненій в принятіи раньше рѣшенія об отъѣздѣ не было сдѣлано, и что никаких колебаній в этом отношеніи не было.

В своем дневникѣ по окончаніи дня Царь записал: "Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочныя нехорошія извѣстія. *Послѣ обѣда* рѣшил ѣхать в Царское Село и в час ночи перебрался в поѣзд". Не исключена, конечно, возможность, что Алексѣев послѣ разговора с в. кн. М. А., который признавал желательным отложить пріѣзд Императора в Царское Село "на нѣсколько дней", пытался в этом отношеніи оказать нѣкоторое воздѣйствіе: зная характер властелина, нач. штаба мог бояться непосредственнаго вліянія А. Ф. и думать, что в Могилевѣ легче будет побудить Царя к уступкам. Но, видимо, такія попытки, если онѣ и были, не были особенно настойчивы и упорны. И это нельзя объяснить тѣм, что Алексѣев был "апатичен и угнетен" в силу своего болѣзненнаго состоянія ("вид у него был лихорадочный" — вспоминает дежурный флигель-адъютант Мордвинов). Тогда в Ставкѣ отъѣзд Государя в "отвѣтственный для жизни государства момент" еще не представлялся "непоправимой и роковой ошибкой", как изображается это в воспоминаніях Пронина. Приходится усомниться в том, что нач. штаба выставил Царю, вѣроятно, позднѣйшую аргументацію Лукомскаго о необходимости концентрации сил и организаціи противодѣйствія революціи в вѣрных гвардейских частях Особой арміи. Может быть, Алексѣев, дѣйствительно, узнал о "внезапном" отъѣздѣ Царя лишь в самый послѣдній момент, как о том говорит Пронин. Очевидно, не сообщив Алексѣеву тотчас же о перемѣнѣ, Государь не придавал ей какого-либо рѣшающаго политическаго значенія. Возможно, "оканчательнаго" рѣшенія ѣхать немедленно и не было — по крайней мѣрѣ, историограф записал: "... в 12 час. ночи Государь... ушел к себѣ. Вслѣд за ним к нему вошли Фредерик и Воейков, пробыли у Царя недолго... Воейков объявил, что отъѣзд... Е. В. назначен безотлагательно в эту почу".

II. «Кровавое подавление» революции.

1. — Диктатор.

Царь фхал из Ставки для того, чтобы проявить “твердую волю”. Но это вовсе не означает, что он готов был утопить “в крови народное возстание”, как изобразил в свое время, в соответствии с традицией, приспособившийся к официальному тону новых властелинов, историк Щеголев. Наоборот, до послѣдняго времени у Николая II было убѣждение, что “беспорядки” в войсках, происшедшіе от “роты выздоравливающих” (письмо женѣ 27-го), легко будет локализовать. Поэтому, вѣроятно, в качествѣ “диктатора” был выбран поклонник “мягких дѣйствій”, каким выставляет ген. Иванова придворный исторіограф ген. Дубенскій.

Безподобный по своей бытовой колоритности рассказ дал сам Иванов в Ч. Ст. Ком. Врем. Правительства, — рассказ о том, как он фхал умирять революціонную столицу. Повѣствованіе почтеннаго по возрасту генерала могло бы показаться карикатурой, если бы в нем не было столько эпической простоты. На ст. “Дно” утром 1 марта Иванову сообщали, что из Петербурга приходят поѣзда, переполненные безбилетными солдатами, которые “насилъно отбирают у офицеров оружіе, производят насиліе в вагонах и на станціях”. В один из таких поѣздов с “перебитыми окнами” генерал направился сам... и “из разговоров женщин и одного старичка” заключил, что “безобразія большія: масса солдат фдет в штатской одеждѣ, так как все это участвовало в грабежах магазинов... И за сим фдет в поѣздѣ много агитаторов”. “Проходи мимо одного вагона — показывал Иванов — обернулся, на меня насккивает солдат буквально в упор. Тут я не разобрался: одна шапка у него офицерская с темляком анненским, 2-я шапка в руках, винтовка за плечами... Я его оттолкнул. Рука скользнула по его шапкѣ. Я поцарапал руку и прямо оборвал окриком: “на колѣни”. Со мной раз случился эпизод в Кронштадтѣ. Случилось мнѣ попасть в толпу, когда моряки с сухопутными дрались. Я очутился между ними один... Что тут дѣлать? Уфхать — значит драка будет. Тут я их выругал основательно — не подѣйствовало. Наконец, моментально пришло в голову: “на колѣни”. С обѣих сторон толпа остановилась. Один матрос в упор, в глаза, первы не вытержали. начали моргать, слезы... И все успокоилось. Я повернул в одну сторону моряков, в другую пѣхотинцев. Тут мнѣ и вспомнился этот момент. Руку ему на правое плечо: “на колѣни”. В это время я не знаю, что он подумал, я его лѣвой рукой схватил, а он вдруг, случайно это или нѣтъ, куснул меня. Сейчас же его убрали, и он успокоился. Я думаю — что тут дѣлать? Сказать, что он на меня наскочил и оскорбил дѣйствіем — полевой суд, через два часа разстрѣляют. У меня тогда такое настроеніе было: в этот момент разстрѣлать — только масла в огонь подлить. Тут был мой адъютант, и я ему велѣл его арестовать”... Любившій держать себя с нѣкоторой торжественностью председатель Муравьев и тот не выдержал, слушая этот рассказ: “Что же этот человек стал на колѣни?” — “Стал”. “Это магически дѣйствует” — отвѣчал Иванов, продолжая свое повѣствованіе. “Подходит поѣзд, 46 вагонов. Смотрю, в концѣ поѣзда

стоит кучка, выдают шапки. Я этим заинтересовался, подошел. Слышу: “Свобода! Теперь все равны! Нѣтъ начальства, нѣтъ власти!” Приближаюсь, смотрю, стоит нѣсколько человек офицеров, а кругом кучка солдат. Я говорю: “Господа, что же вы смотрите?” Они растерялись. Я то же самое приказал: “на колѣни”. Они немедленно стали на колѣни. Впослѣдствіи оказалось, что тут был городской, одѣтый в штатское. Я пригрозил ему: “встань!”. Отошел, а солдат начинает трунить: “вот тебѣ и нѣтъ власти, вот тебѣ и нѣтъ начальства”. Он опять. Я говорю: “заставьте его замолчать”. Они говорят: “что же прикажете рот зашивать”. Я говорю: “завяжите рот”. Из кармана вынимают красный платок. Я говорю: “оставьте”. Его в вагон отвели и арестовали. Так и кончилось”...).

Так рассказывал не только сам генерал. Рассказ его был подтвержден впослѣдствіи показаніями солдат Георгіевскаго батальона. Подобное “отеческое воздѣйствіе” и даже розги за провинность было обычным приемом генерала и на фронтѣ, как отмѣчает в дневникѣ прикомандированный в 14 г. к Иванову в. кн. Ник. Мих. Революціонное чувство, может быть, скажет об униженіи “человѣческой личности”, но для старата военачальника то было проявленіе своеобразной гуманности. “Николай Іудович — записывает Ник. Мих. — большой оригинал, встает в 5 час. утра, плясает сам всюду, ворчит, кое-кого подтягивает и прогуливается все больше один”... Во время обѣда 27-го “поклонник мягких дѣйствій”, по свидѣтельству Дубенскаго, рассказал между прочим Царю, как он в Харбинѣ успокоил волненія и “привел все к благополучному концу, не сдѣлавши ни одного выстрѣла”. Во всяком случаѣ, никто из парских приближенных не вспомнил в тѣ часы об Ивановѣ, как об “умирителѣ Кронштадта” в 1906 г., что на первый план выдвинуто Мстиславским.

Ночью, в 2-3 часа, Иванов был вызван к Царю в поѣзд. Может быть, потому, что к этому времени была получена отправленная из Петербурга в 8 час. веч. и принятая в Ставкѣ почему-то только в 1 ч. ночи телеграмма Хабалова о том, что “исполнить повелѣніе о возстановленіи порядка в столицѣ не мог”. “Большинство частей — телеграфировал Хабалов Алексѣву для доклада Царю — одинъ за другими измѣнили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. Другія части побратались с мятежниками и обратили свое оружіе против вѣрных Е. В. войск... К вечеру мятежники овладѣли большей частью столицы”...)). Иванов инициативу ночного свиданія с Царем приписывал в показаніях себѣ. Узнав, что Царь уѣзжает, Иванов, “наученный горьким опытом”, настоял на экстренном приѣмѣ, желая выяснить перед отъѣздом свои будущія взаимоотношенія с министрами***). При

*) Иванов арестовал человекъ 30-40, отпущенных им по прибытіи в Ц. Село.

**) Надо думать, что телеграмма Хабалова была послана «вслѣд на вокзал Царю», как это было сдѣлано с «вѣрноподданнической» депешей выборныхъ членовъ Гос. Совѣта, полученной около 2 час. ночи.

***). Память Иванова не отличалась отчетливостію. Так в показаніях он говорит, что до бесѣды с Царем задал по телеграфу Хабалову десять вопросов о состояніи Петербурга. Блок, имѣвшій в своем распоряженіи тѣ «три желтенькіе листочка», на которых собственной рукой Иванова были записаны «пункты», утверждает, что переговоры по прямому проводу происходили в 8 час. утра 28-го, т. е. послѣ выѣзда Царя из Могилева. Вѣ-

свиданіи Иванов получил как бы диктаторскія полномочія. В официальной докладной запискѣ ген. Алексѣеву полученныя полномочія Иванов формулировал так: «Всѣ министры должны исполнять всѣ требованія главнокомандующаго ген. воен. округом ген.-ад. Иванова безпрекословно»^{*)}. Просясь с Государем, новый директор сказал: «В. В., позвольте напомнить относительно реформ». «Да, да», — отвѣтил Царь: «мнѣ об этом только что напомнил ген. Алексѣев». «Так что я вышел с мыслью, что это дѣло рѣшенное» — показывал Иванов и на вопрос председателя добавлял, что Царь даже спрашивал его: «кому довѣрить составленіе отвѣтственнаго министерства». И другой раз «министерства довѣрія»... Не будем придавать большого значенія этой терминологіи, фигурирующей в показаніях перед революціонной слѣдственной комиссіей и в болѣе раннем письмѣ (9 апрѣля) Иванова на имя воен. мин. Гучкова, гдѣ он утверждал, что еще днем при первом разговорѣ с Царем заключил, что «Николай II рѣшил перейти к управленію отечеством при посредствѣ министерства довѣрія в соотвѣтствіи с желаніем большинства Гос. Думы и многих кругов населенія»^{**)}.

Можно, как будто, заключить, что если в это время еще не было опредѣленнаго рѣшенія, то носитель верховной власти сознавал необходимость уступок общественному мнѣнію и перемѣны правительства послѣ ликвидаціи петербургскаго мятежа. Царю совершенно чужда была, очевидно, психологія, которую изображает Шульгин в видѣ несбывшейся мечты: «Можно было раздавить бунт, ибо весь этот «революціонный народ» думал только об одном, как бы не идти на фронт. Сражаться он бы не стал... Надо было бы сказать ему, что петроградскій гарнизон распускается по домам... Надо было бы мѣрами исключительной жестокости привести солдат к повиновенію, выбросить весь

рочно, Иванов запросил подробностей в связи с полученной Алексѣевым телеграммой о том, что положеніе «до чрезвычайности трудно». Отвѣтъ Хабалова был принят в Ставкѣ в 11 час. 30 мин. Главнокомандующій военным округом на вопросы Иванова отвѣтил пессимистически: «В моем распоряженіи в зданіи главнаго адмиралтейства четыре гвардейских роты, пять эскадронов и сотен, двѣ батареи, прочія войска перешли на сторону революціонеров или остаются на соглашеніи с ними нейтральными. Отдѣльные солдаты и шайки бродят по городу, стрѣляя в прохожих, обезоруживая офицеров; всѣ вокзалы во власти революціонеров, строго ими охраняются; весь город во власти революціонеров, телеграф не дѣйствует, связи с частями города нѣтъ; министры арестованы революціонерами» и т. д. Только относительно продовольствія Хабалов указал, что на 25-е в городѣ запаса муки было 5½ мил. пудов. Положеніе в Петербургѣ было признано безнадежным уже в 21 ч. 30 м., когда Бѣляев телеграфировал Алексѣеву, что войска по требованію морского министра выведены из адмиралтейства, чтобы не подвергать разгрому зданіе Перевод войск в другое мѣсто считали безцѣльным в виду «неполной их надежности». Часть была разведена по казармам.

*) Блок указывает, что Иванов считал впоследствии свои полномочія отпавшими, так как Алексѣев их не подтвердил. В дѣйствительности Алексѣев телеграфировал военному министру вышеприведенное «высочайшее повелѣніе, отданное словесно через гн.-ад. Иванова около трех часов», и просил Бѣляева «изыскать всѣ способы вручить это повелѣніе председателю Совѣта Министров».

**) Дубенскій, конечно, скажет (в воспоминаніях), что Иванов ему рассказывал послѣ перваго разговора с Царем, что он из уст Царя услышал, что дается «отвѣтственное министерство», и что об этом послана телеграмма в Петербург.

сброд из Таврическаго дворца, возстановить обычный порядок жизни и поставить правительство не «довѣрем страны облеченное», а опирающееся на настоящую гвардію. Что такое «настоящая гвардія»? Это — корпус, назначеніе котораго дѣйствовать «не против врагов виѣшних, а против врагов внутренних». «Пускать гвардію на войну» нельзя. «Сражаться с врагом виѣшним можно до послѣдняго солдата арміи и до перваго солдата гвардіи». «Революція неизмѣнно хуже проигранной войны», устанавливает тезис человек, лишь случайно не попавшій в 17 г. в состав Временнаго Правительства: «гвардію нужно беречь для единственной и почетной обязанности — бороться с революціей». «Главный грѣх стараго режима был тот, что он не сумѣлъ создать настоящей гвардіи»...

Ночной разговор с Царем, по словам Иванова, закончился тѣм, что он получил высочайшее одобреніе в той тактикѣ, которую диктатор намѣчал для себя. «В. В., — сказал Иванов, — я рѣшил войска не вводить, потому что, если ввести войска, произойдет междоусобица и кровопролитіе». «Да, конечно», — отвѣтил Царь. «Так что было одобрено, но в какой формѣ, не могу сказать навѣрное», — утверждал Иванов: «это я за основу положил»...

2. — Мирюлюбивая политика.

Если не по соображеніям сантиментальным, то по соображеніям цѣлесообразности мирюлюбивая политика была общим девизом правительственной власти в февральскіе дни. Играло роль и сознаніе ненадежности войск (армія во время войны представляет собой «вооруженный народ» — отмѣчали и Алексѣев, и Рузскій), и общее возбужденное политическое настроеніе, захватившее офицерскіе кадры^{*)} и еще в болѣе степени сознаніе риска вступать в період международных осложнений в междоусобную борьбу. Событія на внутреннем фронтѣ не казались вовсе столь грозными для существовавшаго государственнаго порядка, чтобы идти на такой риск.

Болѣе рѣшительная, чѣм Царь, его нимфа Эгерія, Ал. Фед., энергично настаивающая на том, чтобы муж ея проявил «твердость», писала, однако, в первые дни (25 фев.): «забастовщикам прямо надо

*) Современники мемуаристы, которых в той или иной степени можно отнести к числу адептов «стараго режима» (Шульгин, Дубенскій и др.), выражают удивленіе, что в февральскіе дни никто в столицѣ не вспомнил про юнкерскія училища — они могли послужить опорой для защиты поставленнаго под угрозу государственнаго порядка. В Ставкѣ удивлялись, — вспоминает Дубенскій, — что ген. Хабалов не воспользовался такими твердыми частями, как петроградскія юнкерскія училища, в которых в это время сосредоточивалось нѣсколько тысяч юнкеров. «Если бы кто-нибудь поспѣлъ значеніе военных училищ... эта минута могла спасти все», — разсуждает Шульгин. Надо ли говорить, что по отношенію к юнкерской молодежи в дни войны еще болѣе примѣнно положеніе, которое Рузскій выдвигал в письмѣ Гурко 19 февраля и повторил в телеграммѣ Царю 27 февраля: современная армія однородна с тылом и отражает его настроенія. По свѣдѣтельству ген. Гурко было рѣшено вообще не прибѣгать к помощи юнкеров при усмирении безпорядков. Думается, что главную роль здѣсь играли не только соображенія «политической благонадежности». Только революція превратила учащуюся молодежь в гражданских борцов. Такая психологія органически была чужда дореволюціонному времени.

сказать, чтобы они не устраивали стачек, иначе будут посылать их на фронт*) или строго наказывать. *Не надо стрельбы*, нужно только поддерживать порядок и не пускать их переходить мосты, как они это делают. Но толпа с Выборгской рабочей стороны агрессивно переходила Неву по льду, и тогда военный министр совещался с командующему войсками в ответ на поленья, камни и осколки льда (применялось и огнестрельное оружие), которыми прогонялись конные городовые, стрелять так, чтобы пули ложились впереди толпы... Можно поверить в искренность показаний Бяляева, что он «просил Хабалова принять меры, чтобы не открывать огня там, где можно избить»; «какое ужасное впечатление произведет на наших союзников, когда разойдется толпа и на Невском будут трупы». Хабалов с первого дня не хотел прибегать к стрельбе — это совещался ему еще за три недели до переворота Рузский, в ведение которого входила тогда северная столица: по мнению Рузского, применение оружия при беспорядках может вызвать «лишь ужасные последствия, учесть кои вперед нельзя» (запись в кн. Андрея Вл.). В силу такой психологии военная власть противилась выводу казачьих сотен из столицы в период, когда ожидалась демонстрация 14 февраля, ибо с казаками можно обйтись «без кровопролития и жертв». Достаточно показательно, что если больше или меньше точно известно число чинов полиции, потерпевших за дни 22-24 февраля, то нет никаких указаний (даже у мемуаристов) о пострадавших среди демонстрантов. В воспоминаниях рабочего Каюрова, активного участника и руководителя уличных выступлений, имеется даже такая фраза: «истер с нашей стороны я не замечал». Вероятно, в такой только обстановке мог родиться план «уличного братания» забастовщиков и солдат, который будто бы сознательно проводился по настоянию Шляпникова руководящим органом пролетарской партии (бюро Ц. К. большевиков), препятствуя вооружению пролетариата. В этой обстановке, когда, казалось, что власть «явно запускала движение», утверждалась и легенда о правительственной провокации.

25-го в Петербурге пролилась первая кровь: по официальному сообщению Хабалова на Невском у Гостиного Двора 3 было убито и 10 ранено. Как всегда, слух о стрельбе и кровавых жертвах вызвал взрыв негодования. На власть возлагалась ответственность в большей степени, чем она того объективно в данном случае заслуживала. На открытом собрании в Городской Думе 25-го, где обсуждался продовольственный вопрос, при нервно-повышенном настроении присутствующей публики, член Гос. Думы Скобелев патетически клеймил правительство, которое «борется с продовольственным кризисом путем разстрела фдоков»... «Это правительство — говорил думский с. д. депутат при бурных аплодисментах — надо заклеить, оно требует возмездия... Правительство, проливающее кровь невинных, должно уйти»***). Если один из ораторов на собрании призывал в вид протеста выйти на улицу, другие требовали «предупредить эксцессы». Шингарев сообщил, что председатель Гос. Думы уже обратился к главе правительства с просьбой

или требованием, чтобы «стрельба в народ завтра не повторялась». Родзянко непосредственно обращался к командующему войсками. «В. Пр., зачем стреляете, зачем эта кровь» — передавал Хабалов в показаниях перед Чр. Сл. Ком. эту беседу 26-го... «Я говорю: «В. Пр., я не менее вашего скорблю, что приходится прибегать к этому, но сила вещей заставляет это делать». — «Какая сила вещей?». Я говорю: «Раз идет нападение на войска, то войска — волей и неволей — не могут быть мишенью, они тоже самое должны действовать оружием». — «Да где же — говорит — нападение на войска?»... Я перечисляю эти случаи. Называю случаи с гранатой, брошенной на Невском... «Помилуйте, — говорит — городской бросил!» — «Господь с вами! какой смысл городскому бросать?»... Звонил Родзянко и военному министру: нельзя ли эту толпу рассредоточить, вызвать пожарных, чтобы они поливали водою. Бяляев снесся с Хабаловым, который ответил, что «есть распоряжение, что пожарные команды никаким образом не могут быть вызываемы на прекращение беспорядков, а кроме того, вообще говоря, существует точка зрения, что окачивание водою всегда приводит к обратному действию, именно потому, что возбуждает». Нельзя объяснить только «недосмотром» рядовое явление, отмечаемое для правительственной системы подавления февральских уличных беспорядков — то казакия сотни выъзжали без нагаек, то у полиции не хватало патронов, то солдатские шкеты оказывались с незаряженными ружьями. Это было даже в понедельник 27-го, когда толпа на Петербургской стороне в 5 час. дня пыталась нервно прорвать цепь гренадер — солдаты говорили Пешехонову: «Пусть идут... Мы не будем препятствовать»... «И ружья у нас не заряжены». Здесь была миролюбивая толпа. На Выборгской стороне, на Сампсониевском пр. перед деревянными бараками казарм запасного самокатного батальона настроение было иное. Здесь солдаты, принадлежавшие к «мелкобуржуазным элементам населения» (повторю этому!), оказывали сопротивление народному напору. Командир батальона, полк. Балкапин, пытался «уладить все мирным порядком» и «воздержаться от открытия огня». В критический момент у начальника боевой пулеметной части, непосредственно оборонявшей казармы, не оказалось патронов...

Начиналась революция, и сила влияния была не у тех, кто искал компромисса, а у тех, кто подобно Керенскому, на совещании Городской Думы 25-го, предостерегал от «дара данайцев». События в воскресенье 25-го приняли более грозный характер. Войска на Невском действовали активно, чем в предшествующие дни. Были убиты и ранены. По сведениям командующего войсками, таковых насчитывалось 40. Сведения преуменьшены? — известное количество раненых толпа всегда уносит с собой. Возможно. Однако, один из непосредственных участников уличного движения тех дней, рабочий Кондратьев, член большевистской партии, не проявляет тенденции оспаривать официальные цифры — он их даже уменьшает. Мемуарист, не следящий строго за своим словом, с легкостью скажет, что пехота 26-го «довела ружейный огонь до огромной интенсивности. Невский, *покрытый* трупам невинных, ни к чему не причастных людей, был очищен» (такое утверждение Суханова. По воспоминаниям Керенского толпу на Невском, как и в других кварталах, разстреливали уже 25-го). Но плохо выполнит свою функцию историка революции тот, кто в угоду своему революцион-

*) Подобная угроза уже заключалась в объявлении Хабалова 25-го о досрочном призыве рабочей молодежи, если к 28-му не закончится стачка.

**) Петербургские газеты 26-го не вышли. О характере описываемого собрания приходится судить по отчету Охранного Отделения министру вн. д. Отчет напечатан в работе Шляпникова.

ному чувствованию (или механически повторяя публицистические приемы политической борьбы современников революционных дней) воспроизведет ходячую молву того времени, исчисляющую жертвы воскресенья 26-го “тысячами”. На страницах работы Чернова можно найти описание того, как 26-го на кишащем людьми широчайшем Невском проспекте ружейный огонь был доведен до огромной интенсивности, и мостовая усеяна тѣлами безоружных — в том числѣ стариков, женщин и дѣтей. Только издали, в атмосферѣ заграничнаго невѣдѣнія можно было еще говорить о “недѣлѣ кровавых битв рабочих”, как писал Ленин в серединѣ марта. Гипербола в изслѣдованіи будет исторической фантастикой.

При “рожденіи революціонной Россіи” пародная толпа в изображеніи Чернова “в теченіе болѣе недѣли обстрѣливалась пулеметами городскихъ с вышек и чердаков и ружейными залпами солдатскихъ цѣпей, разгонялась ударами сабель и нагаек конной полиціи”. Дѣйствительность была нѣсколько иной. В изображеніи рабочаго Кондратьева 26-го на Невскомъ лишь “небольшая группа студентовъ и рабочихъ” пыталась устроить демонстрацію. Послѣ разгона ея “уже не было никакихъ попытокъ” уличныхъ выступленій — на Невскомъ “была пустота” и только “на панели ходили вооруженные патрули и разѣзжала конница”. Очевидцы, наблюдающіе небольшой секторъ дѣйствія, склонны обобщать. По официальнымъ свѣдѣніямъ полиціи (ихъ ген. Мартыновъ заимствовалъ изъ матеріаловъ Чр. Сл. Ком.), стрѣльба была на Невскомъ пр. в воскресенье в четырехъ мѣстах, и число жертвъ было больше, нежели указывали с одной стороны Хабаловъ, с другой Кондратьевъ. Но и эта поправка не можетъ измѣнить общей картины. Столица мѣстами, дѣйствительно, напоминала собой “боевой лагерь”: “всюду патрули, заставы, разѣзды, конница” — описывали поздне советскія “Извѣстія” 8 марта боевые дни. Изъ этого описанія современники-мемуаристы и заимствовали свои свѣдѣнія объ “усиленныхъ разстрѣлахъ” 25-го и 26-го, о залапахъ “изъ невидимыхъ засадъ”, о пулеметахъ, разставленныхъ “на колокольняхъ, в верхнихъ этажахъ домовъ, на верхахъ и пр.”. В дѣйствительности произошло то, что предсказывалъ ген. Рузскій, и что предусмотрѣть никто не можетъ, когда случай бросаетъ искру на пороховую бочку. В моментъ, когда в руководящихъ подпольныхъ кругахъ казалось, что “правительство побѣдило”, когда, какъ мы видѣли, раздавались уже скептическіе голоса, и начинались колебанія, тогда именно стихійное уличное движеніе перебросилось в армію...*)

Военный бунтъ превратилъ уличные безпорядки в торжествующую революцію. Поворотъ в массовой психологіи совершила стрѣльба в народъ 26-го. На этой почвѣ произошло выступленіе волинцевъ, увлекшихъ за собой часть Преображенскаго и Литовскаго полковъ. Снѣжный комъ вызвалъ лавину: “Если войска станутъ на сторону забастовщиковъ — предостерегающе докладывало Охранное Отдѣленіе — ничто не спасетъ отъ

*) Изъ этого явствуетъ, что легкомысленный Протопоповъ, высказывавшій 26-го увѣренность, что рабочіе встанутъ на работу, не такъ уже былъ далекъ отъ правильной оцѣнки реальнаго положенія или возможной дѣйствительности... Секретарю французскаго посольства тогда казалось, что достаточно Царю вѣзхать верхомъ в столицу в сопровожденіи митрополита, чтобы прекратить волненія.

революціоннаго переворота”. Одинъ изъ освѣдомителей Охр. Отд. доносилъ еще 25-го по начальству, что, если безпорядки не будутъ подавлены, то “къ понедѣльнику” (т. е. 27-му) возможно ждать сооруженія баррикадъ. Побѣду революціи предопредѣлило не бездѣйствіе власти — не то, что, по выраженію состоявшаго при командующемъ войсками ген. Перцова (в показаніи слѣдователю), “событіямъ былъ предоставленъ, какъ бы, естественный ходъ”. Не будемъ слишкомъ обольщаться показаніями современника — рабочаго провокатора Шурканова, доносившаго по начальству 26 февраля: “такъ какъ воинскія части не препятствовали толпѣ... то массы получили увѣренность в своей безнаказанности и нынѣ послѣ двухъ дней безпренятственнаго хожденія на улицахъ, когда революціонные круги выдвинули лозунги: “долой войну” и “долой самодержавіе”, народъ увѣрился в мысли, что началась революція, что успѣхъ за массами, что власть безсильна подавить движеніе в силу того, что воинскія части на ея сторонѣ”. Нѣтъ, не это чувство “увѣренности в своей безнаказанности” вызвало поворотъ. Сухановъ вспоминаетъ впечатлѣніе собравшихся у Горькаго вечеромъ 26-го, послѣ телефонныхъ разговоровъ с “различными представителями буржуазнаго и бюрократическаго міра”. Мемуаристъ отмѣчаетъ фактъ, который представляется ему страннымъ: “разстрѣлы оказали большое вліяніе на всю ситуацію, они произвели крайне сильное впечатлѣніе не только на обывателей, но и на политическіе круги... разстрѣлы вызвали явную реакцію полѣвѣнія среди всей буржуазной политиканствующей массы”...*)

Казалось необходимымъ отмѣтить еще разъ всѣ эти черты, такъ какъ до сихъ поръ еще держится легенда о томъ, что революцію вызвала *провокаціонная* стрѣльба полиціи (см., напр., предисловіе проф. Перса къ книгѣ Керенскаго). Невольно вспоминается, какъ в единственный день существованія Всероссийскаго Учредительнаго Соборанія, в день его открытія, представитель с. д. фракціи, б. членъ революціоннаго правительства Скобелевъ сравнивалъ “драматическую обстановку” 18-го года съ послѣдними часами царизма, когда “старые слуги стараго режима, в официальныхъ формахъ и замаскированные, стрѣляли изъ-за угла... с крышъ в мирныхъ демонстрантовъ”. Надо и эту легенду, нашедшую себѣ отраженіе в историческихъ трудахъ Милюкова, окончательно сдать в архивъ. “Протопоповскіе пулеметы” существовали только в возбужденномъ воображеніи современниковъ.

3. — “Протопоповскіе пулеметы”.

Эта легенда родилась еще до революціи. Тогда молва, доходившая до кафедръ Гос. Думы, утверждала, что правительство провоцируетъ народные безпорядки для того, чтобы имѣть основаніе заключить сепаратный миръ с Германіей. Акредитованные при русскомъ правительствѣ иностранные дипломаты (в частности Бюкененъ) стѣснили сообщать за границу о той роли, которую играетъ в данномъ случаѣ министр

*) Однако и в отношеніи 27-го надлежитъ сдѣлать оговорку — утромъ никакихъ «уличныхъ боевъ» (Шляпниковъ) не происходило, — быть можетъ, лишь къ вечеру Петербургъ могъ нѣсколько напоминать «осажденный городъ». Когда повсемѣстно стрѣльба начала сливаться, по выраженію рабочаго Кондратьева в «общій гулъ», а по неосмотрительному употребленію Родзянко словамъ «на улицахъ.. началась форменная рѣзня».

вн. д-ла Протопопов. В начальный момент февральских дней "глупые и слепые выверты" о провокации (мы знаем, что это — выражение дневника Гиннiус) были первым отзвуком на начавшиеся беспорядки, — о том свидетельствуют не только воспоминания современников (для Ломоносова "ясна" была полицейская провокация), но и действительная запись 17-го года. Так Каррик в Петербург в свой политический фольклор 25-го февраля занес упоминание, что "все" считают события для "провокаций"; равным образом и моряк Рейнгартен в Гельсингфорсе позже, 27-го, записывает, "все говорят об участии правительства в провокации". Успех революции изменил формулировку легенды — стали говорить не столько о "провокации", сколько о подготовке министром вн. д. "кровавого" подавления ожидавшихся народных волнений (Керенский).

Легенда в обоих своих вариантах была предметом внимания Чр. Сл. Комиссии, но усиленное ударение, конечно, было сдѣлано на пулеметах. Послѣ того, что было уже сказано, мы можем оставить в сторонѣ ничемную версію, в которую увѣровал комиссар Врем. Прав. член Думы Вубликов (отчасти и другіе), о том, как правительство устроило революцію не только для заключенія сепаратнаго мира, но и сдѣлало это по соглашенію с Германіей. В свой дневник первых дней послѣ ареста Протопоповъ с полной правдивостью мог занести: "Клянусь, я не допущу бы провокаціи". Можем мы отбросить и занесенные Гиппиусъ в дневник 10 марта признанія Протопопова, яко бы сдѣланныя им в момент ареста в Таврическом дворцѣ в цѣлях поднять себѣ дѣну в революціонных кругах: "я остался министром, чтобы сдѣлать революцію". "Безумный шутъ" — отмѣтила писательница, но ничего подобнаго Протопоповъ не говорил ни в одном из своих многочисленных, противорѣчивых письменных и устных показаній. Мы должны цѣлком перенести вопрос в плоскость разсмотрѣнія разработаннаго правительством плана о ликвидаціи воиеней, если они возникнут в столицѣ.

Тот характер, который носили дѣйствія военныхъ властей въ дни, когда ожидаемые безпорядки начались, какъ уже выяснилось, отнюдь не носилъ отпечатка обдуманной жестокой расправы въ "4 дня". Объ этихъ "четыре дня" съ чужихъ словъ упоминалъ Протопоповъ въ Чр. Сл. Ком., но лишь въ конъюнктурѣ постепенности, съ которой предполагали въ случаѣ необходимости выдвигать на помощь полиціи казаковъ и войсковые наряды. Никакого специфическаго плана послѣдній министръ вн. д. при содѣйствіи Курлова, пользуясь и совѣтами Бѣлецкаго, не разрабатывалъ. Всѣ имѣющіяся данныя вполнѣ подтверждаютъ заявленіе военнаго министра Бѣляева, что предварительныя мѣры на случай безпорядковъ не выходили за предѣлы того, что "всегда существовало въ мирное время".

Правда, план раздѣленія Петербурга на 16 районов, по которымъ были распределены военныя силы, былъ представленъ въ январѣ на усмотрѣніе верховной власти, но, очевидно, главнымъ образомъ потому, что надлежало для самостоятельности дѣйствія выдѣлить столицу изъ вѣдѣнія главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ*). Планъ, выработанный особымъ совѣщаніемъ у градоначальника Балка при участіи командую-

*) Бѣлецкій в Чрезв. Слѣдств. Ком. объяснялъ это выдѣленіе недоувѣріемъ к Рузскому, который тяготѣлъ к Гос. Думѣ и был будто связанъ с Гучковымъ.

щего войсками Хабалова, никакой новизны не представлял по сравнению с тем, что намечалось в апреле 16 г. при премьер-Штурмере и градоначальнике кн. Оболенском.

Особенность его была, быть может, лишь в том, что предполагалось в случае надобности использовать на помощь полиции казаков и "учебные команды" запасных батальонов, не пользуясь основными кадрами, которые считались не вполне надежными (*). При такой комбинации правительство располагало наличностью в 12 тыс. человек. Протопопов указывал в Комиссии, что обычный полицейский расчет предшествовавших лет исходил из наличности 60 тыс., поэтому и им был поднят вопрос о привлечении войск с фронта и выводъ несколько запасных частей с территории столицы, что командующий войсками считал невозможным выполнить за неимением подходящих казарм в мѣстностях, прилегавших к Петербургу.

Здѣсь одна легенда влетаетъ въ другую. Эту вторую легенду занесла в свои воспоминанія Вырубова, и о ней распространился в предсмертной запискѣ Протопоповъ. По словам Вырубовой, Царь приказал по очереди приводить на отдых с фронта гвардейскіе полки, но исполнявшій обязанность нач. штаба в Ставкѣ ген. Гурко под “разными предлогами” не выполнялъ распоряженія. По утвержденію Протопопова за день до отбѣзда Царя в Ставку, т. е. около 20 февраля, у него произошел с Николаем II, секретно от А. Ф., такой разговор. Царь был крайне обезпокоен — “первый раз я видѣл Государя в таком волненіи”. “Знаете, что сдѣлал Гурко?” — сказал Николай II. “Он прислал сюда вмѣсто четырех полков гвардейской кавалеріи три экипажа матросов”. “Кровь бросилась мнѣ в лицо: я инстинктивно почувствовал что-то опасное”. “Государь, — воскликнул мин. вн. д. — Это невозможно, это больше, чѣм непослушаніе. Всѣ знают, что матросы набраны из рабочих и представляют самый революціонный элемент”. “Да, да, — отвѣтил Царь, — Гурко я дам голесвойку и кавалерію пришлю” **)

Для того, чтобы вставить эпизод в правильные хронологические рамки, будем иметь в виду, что к этому времени болѣвѣйшій Алексѣев вернулся уже к исполненію своихъ обязанностей. Комментаторы, как изъ круговъ крайне правыхъ, так и изъ лагеря противоположнаго, готовы толковать “ослушаніе” ген. Гурко, какъ доказательство причастности его къ замысламъ совершенія “дворцоваго переворота”. Это какъ-то мало соотвѣтствуетъ духу нашумѣвшаго письма Гурко Николаю II 4 марта и придастъ задуманному плану характеръ такой организованности, какой въ дѣйствительности не было (правда, Гучковъ говорилъ, что въ февралѣ заговорщики *собрались* въѣзныя части подвезти въ Петербургъ)***).

*) Шкловский, служивший в броневой части, говорит, что за 3-4 дня до революции было отдано распоряжение привести моторы на блиндированных автомобилях в состояние бездействия и сосредоточить последние в Михайловском манеже.

**) Из царской переписки, однако, легко выясняется, что гвардейский экипаж пользовался исключительным доверием верховной власти: матросы всегда были «сердцу их ближе».

Бывший саратовский губернатор Стремешов, прославившийся своей борьбой с иером. Илларионом, идет еще дальше и видит причины февральских «голодных» беспорядков в сознательной задержке каковыми «таинственными силами» хлеба на станциях железных дорог. Это была как бы

И вот относительно казаков мы имѣем документ, как раз противоположной версiи о вызовѣ войск с фронта, которую давал Протопопов. Дѣло шло не о вызовѣ казаков с фронта, а о уводѣ казаков из столицы, — если угодно, в этом можно увидѣть подтвержденіе замыслов в Ставкѣ, но не замыслов правительства*). Из письма военного министра пом. нач. штаба Клембовскому 14 февраля явствует, что в Ставкѣ предполагали два казачьих полка, находившіеся в столицѣ, перевести на фронт. Бѣляев писал, что этого нельзя сдѣлать в виду возможных безпорядков, ибо, примѣняя казаков на роль умиротелителей, можно добиться порядка “без стрѣльбы”, которая производит на общество отрицательное впечатлѣніе. Военный министр сообщал, что, если наступит успокоеніе, то можно будет оставить в столицѣ один полк в составѣ шести сотен, но наступит такое время “очень не скоро”, — не раньше 1 марта, через двѣ недѣли, послѣ возобновленія сессіи Госуд. Думы. Упоминает в своем дневникѣ (15-22 января) о вызовѣ гвардейской кавалеріи в виду “опасенія волненій” и придворный исторіограф Дубенскій (упоминает со слов кн. Оболенскаго, уволеннаго с должности градоначальника в концѣ 16 года), при чем ген. Дубенскій записал, что в Царское Село “командируется гвардейскій экипаж, так как сводный полк не очень надежен”, т. е. командируется та именно часть, появленіе которой уже во второй половинѣ февраля привело Царя яко бы в такое волненіе**).

Отбросим и эту вводную легенду — очевидно, достовѣрность ея весьма проблематична. Остается лишь вопрос о пулеметах, которыми вооружена была полиція в дни февраля. Вопрос о пулеметах, дѣйствительно, косвенно, как бы в частном порядкѣ, по инициативѣ нѣкоторых администраторов и совѣтников со стороны поднимался в правительственных кругах. Вспомним негодованіе, какое вызвала в Совѣтѣ Министров лѣтом 15 г. дѣятельность Юсупова в Москвѣ. Московскій правитель, между прочим, ставил вопрос о вооруженіи полиціи австрійскими пулеметами. В концѣ 16 г. вопрос о снабженіи войсковых частей пулеметами для подавленія мятежа поднимала записка Римскаго-Корсакова, переданная министру вн. д. Сам Протопопов упоминает в показаніях о своем разговорѣ с Курловым, который считал пѣлесообразным снабдить стражников пулеметами. Тут начинается мѣшанина. Ген. Мартынов, пользовавшійся в своем изслѣдованіи неизданными документами, приводит свидѣтельство нач. арт. упр. при верховн. главн. ген. Барсукова о том, что мин. вн. д. с начала зимы 15 г. (?) обращался к Алексѣеву с просьбой снабдить полицію пулеметами. В напечатанном текстѣ явная опечатка — в началѣ зимы 15 г. Алексѣев не был еще в Ставкѣ; в началѣ зимы 16 г.? — тогда Протопопов не состоял министром вн. д.; в началѣ зимы 17 г.? — тогда в Ставкѣ отсутствовал большой Алексѣев. Но отвѣтъ Алексѣева, в изображеніи Барсукова, был определен — он отказал на том основаніи, что пулеметы нужны на фронтѣ. Тѣм не менѣе Протопопов говорил Бѣляеву в февралѣ (в датѣ и здѣсь бессмыслица): “Мы еще побо-

провакація наоборот, которую отмѣчали раннія донесенія департамента полиціи.

*) См. мою книгу «На путях к дворцовому перевороту».

**) По утвержденію “придворнаго скорохода” Оамера матросы прибыли в Ц. С. уже в декабрѣ.

ремся. Пулеметы уже пришли”. По сообщенію Бѣляевскаго, пулеметы предполагалось примѣнить, если толпа пойдет на Царское Село. А пока что, полиція обучалась стрѣльбѣ из пулеметов — так утверждал Родзянко. Дѣлали это “нагло” — показывал Родзянко в Комиссіи, — дѣлали открыто на площади и в пожарной части на Офицерской. Сын Родзянко с возмущеніем писал отцу из Екатеринослава, что там на соборной площади также открыто обучают полицію обращенію с пулеметами. Подобныя же свѣдѣнія шли из Смоленска. Очевидно, это была “мбра общаго характера”. В Петербургѣ, как узнал Предсѣдатель Думы, полиція располагала 600 пулеметами. Тогда он и член Гос. Сов. Карнов 21 января подняли дѣло в Совѣтѣ Обороны. Военный министр был смущен и объяснил, что обучаются стрѣльбѣ учебныя войсковыя части. При всеподданнѣйшем докладѣ 1 февраля Родзянко, считавшій что для обывателей достаточно “винтовок”, довел до свѣдѣнія верховной власти о наличности пулеметов у полиціи. Царь сказал: “Я ничего этого не знал и не знаю”, тѣм не менѣе, именно тогда, по словам Родзянко, Николай II заявил: “если вспыхнут безпорядки, я их задавлю”. На вопрос в Чр. Сл. Ком. Протопопов отвѣтил, что он, узнавъ о пулеметах на газет, запросил Балка, который объяснил свѣдѣнія ошибкой; идет обученіе молодых солдат. Протопопов распорядился дать опроверженіе. Пулеметы послѣ выступленія Родзянко в Совѣтѣ Обороны широко были использованы в революціонной нелегальной печати — им удѣлил вниманіе и “Освѣдомительный Листок” (№ 2) П. К. большевиков, говорившій, что во всей Имперіи полиція снабжена пулеметами... В дни “недѣли” боев в Петербургѣ никто не сомнѣвался в том, что полиція стрѣляла из пулеметов по толпѣ. “В каждом домѣ мерещились пулеметы” — вспоминал Пѣшехонов: на чердаках, крышах, колокольнях. “У нас притихли пулеметные залпы — записывает Гиппиус 1 марта — но в других районах дѣйствуют во всю и сегодня”. Автор дневника отмѣчал, как “героическіе” городовые “жарят” с Исаакіевскаго Собора. Даже Бѣляевъ будет говорить о стрѣльбѣ полиціей из пулеметов 1 марта на Бассейной, гдѣ он жил. Со слов кн. Голицына (Предсѣдателя Совѣта) сам военный министр скажет о стрѣльбѣ с крыши дома на Мойкѣ. Что же удивительнаго, если на эту тему в то же первое марта англійскій посол пишет в Лондон Бальфуру официальную телеграмму! Увѣренность была столь велика, что Гиппиус без колебаній записывает, как факт, вздорное сообщеніе, что Протопопов, явившись в Думу, прежде всего передал Керенскому список домов, гдѣ поставлены пулеметы. Их очень много — ген. Лукомскій в письмѣ Каледину говорил о 100 обнаруженных пулеметах, чѣм сильно дискредитировано военное министерство. Было извѣстно, что установкой пулеметов специально распоряжался нѣкій жандармскій генерал Гордон. Фактом этим особо заинтересовалась Чр. Сл. Комиссія. Хабалов показал, что он впервые услышал о Гордонѣ и пулеметах от Керенскаго, когда находился в “министерском павильонѣ”. Но так мифическій жандармскій генерал и остался не выясненной загадкой — даже в перечнѣ имен в изданных матеріалах Чр. Сл. Комиссіи, гдѣ так тщательно релакція сообщала званія и пр. титулы всѣх лиц, так или иначе проходивших через слѣдственное производство, Гордон не нашел себѣ соответствующаго обозначенія. Комиссія вызвала через газетныя публикаціи свидѣтелей, которые могли бы дать точныя свѣ-

дѣнія о пулеметах. Слѣдователь Юзевич-Компанеев допросил иѣсколько сот человек и установил, что всѣ найденные на улицах пулеметы принадлежали воинским частям и были похищены с воинских складов... Этот итог подвели в эмигрантских публикаціях слѣдователи Чр. Сл. Ком. Руднев и Романов. В своих описаніях они были крайне тенденціозны, и поэтому для нас может быть авторитетѣе итог, полученный адвокатским бюро, которое организовало с марта 47 слѣдственных отдѣлов для обследованія дѣятельности бывших полицейских участков. 6 июля бюро передало в учрежденные временные суды производство о 1197 полицейских чинах — и ни в одном отчетѣ не оказалось данных, указывающих на стрѣльбу из пулеметов. Производил разслѣдование и неутомимый Бурцев, сам, по его мнѣнію, подвергшійся обстрѣлу пулеметов. — он заявил, однако, слѣдователю, что “с увѣренностью он ничего не может сказать”. Тов. председателя Комиссіи Завадскій в воспоминаніях высказал предположеніе, что слухи породила установка пулеметов на крышах для защиты столицы против непріятельских аэропланов. Они, дѣйствительно, были в небольшом количествѣ размѣщены начальником воздушной обороны ген. Бурминым на нѣкоторых зданіях (напр., на Зимнем дворцѣ). Стрѣляли ли из них по уличной толпѣ? “Господь их знает” — отвѣтил спрошенный Хабалов. 27-го “может быть, стрѣляли против жителей и, может быть, против правительственных войск”. Пожалуй, болѣе компетентно будет сужденіе революціонера Шкловскаго, получившаго специальное порученіе в боевые дни — выявить паличие “гнѣзд пулеметов”. Он установил, что с крыш пулеметы (т. е. противозаэропланные) не могли своей стрѣльбой задѣвать уличную толпу...

Так знаменитые “Протопоповскіе пулеметы” оказались одной из революціонных сказок — фантазіей назвал их в воспоминаніях член Временнаго Комитета Гос. Думы Шидловскій*).

III. Игра в «кошку и мышку».

Так назвал Керенскій в иностранном изданіи своих воспоминаній блужданія императорскаго поѣзда по пути слѣдованія из Могилева в Царское Село. Молодая “мышка” (вѣрнѣе, надо было сказать “кошка”), по его мнѣнію, проявила в сложной игрѣ, продолжавшейся много часов, большое искусство. Временный Комитет — излагает Керенскій тогдашнюю точку зрѣнія — не мог допустить проѣзда Императора в Царское Село, считая это опасным, и рѣшил задержать в пути, в дѣлах войти в переговоры с монархом — дѣло шло, конечно, об отреченіи, ибо “всѣ” отдавали себѣ отчет в том, что это отреченіе необходимо и неминуемо. Комиссар новой власти Вубликов, пристально слѣдившій за продвиженіем литерных поѣздов, получил приказ остановить их на ст. Дно Виндавской дороги. Встрѣтив препятствіе, царскій поѣзд повернул на Лихославль Николаевской дороги и направился в “Бологое” — Временный Комитет распорядился перерѣзать путь на сѣверѣ. Версію эту можно найти и у мемуаристов Ставки, которые

по своему служебному положенію должны были знать, что Царь ѣхал из Могилева в обычном порядкѣ, не по Виндавской линіи через Дно на Царское Село, а по болѣе длинному пути, но и болѣе удобному для литерных поѣздов, через Оршу, Вязьму, Лихославль до Тосно, а оттуда по передаточной линіи на Ц. Село. Через Дно поѣхал Иванов и, как мы знаем, безпрепятственно доѣхал до мѣста назначенія — никто ему никаких препятствій не оказал*).

Дѣло всетаки не в этой существенной неточности. Из всего, что было раньше сказано, ясно, что никакого рѣшенія Времен. Комитета, на которое ссылается Керенскій, не было. Схема захвата Царя в пути в дѣлах принужденія его к отказу от престола скорѣе всего произвольно взята из неосуществившагося дореволюціоннаго проекта дворцоваго переворота: “план — показывал Гучков — заключался в том, ...чтобы, захватив по дорогѣ между Ставкой и Царским Селом императорскій поѣзд, вынудить отреченіе”. Эта схема нашла себѣ отклик и в донесеніи англійскаго посла в Лондон 1 марта. По тексту донесенія как-будто бы выходит, что свою информацию Бьюкенен получил от бывшаго министра ин. д. (Покровскаго), сообщившаго послу, что царскій поѣзд остановлен на ст. Бологое, и что Дума посылает делегатов для предъявленія монарху требованія отреченія. Весьма возможно, что свою бесѣду с Покровским, который едва ли в это время мог быть непосредственно достаточно освѣдомлен о планах Врем. Комитета, посол добавлял слухами, шедшими к нему из думской периферіи — от тѣх, кто был связан с дореволюціонными проектами и, как видно из воспоминаній Бьюкенена, ранѣе освѣдомлял его не раз о замыслах дворцоваго переворота. Эти посредники могли по своему толковать факт или выдавать за осуществляемый план предположенія нѣкоторых членов думскаго комитета, примыкавших к “скобелевскому” плану в интерпретаціи Гучкова.

Мы видѣли, что неопредѣленность царя в позиціи Врем. Комитета в теченіе всего дня блужданія литерных поѣздов. Сомнительно даже, что “временная власть”, как таковая, принимала мѣры не допустить пріѣзда Царя в Петербург, как утверждает формальный председатель прогрессивнаго блока Шидловскій. Родзянко пытался даже дѣйствовать в противоположном направленіи, и ему невольно содѣйствовал совѣтскій комиссар в званіи коменданта Николаевскаго вокзала “невѣдомый поручик Греков”, который, вопреки инструкціям думских желѣзнодорожников в центрѣ, больше озабоченных тѣм, чтобы не пропустить Царя на фронт, довел по линіи распоряженіе направить царскій поѣзд в Петербург, минуя передаточную на царскосельскій путь ст. Тосно: происходила, по характеристикѣ Ломопосова, “явная чепуха, каждый дѣлает, что на ум взбредет”. *Этот хаос, а не сознательная воля дѣлателей революции, в значительной степени определяла продвиженіе литерных поѣздов...* Поэтому надлежит отвергнуть и модификацію игры в “кошку и мышку”, которую дал Керенскій в книгѣ «La Verité», появившейся через 10 лѣтъ послѣ воспоминаній.

*) Естественно, «сказка» эта о пулеметах на крышах церквей попала и в добросовѣстные иностранныя обзорѣнія событій революціонных дней (Chessin).

*) Легенда о том, как революціонные желѣзнодорожники преградили путь литерным поѣздам на ст. Дно, как было указано, имѣет еще меньшую базу под собою. Повидимому, и эта легенда ротилась в Ставкѣ. По крайней мѣрѣ, ее повторяет вел. князь Александр Мих., ссылаясь на рассказы своего брата Сергѣя, находившагося в Ставкѣ.

Он уже не говорит о планѣ захвата императорскаго поѣзда в цѣлях добиться отреченія и признает, что свѣдѣнія Врем. Ком. о мотивах этакъ Императора из Ставки и о движеніи литерныхъ поѣздовъ были смутны и неопредѣленны («nous n'avions pas la moindre idée de l'état réel des affaires»). Игра в “кошку и мышку” преслѣдовала, таким образом, только задачу “блокировать поѣзд и изолировать Николая II. По мнѣнію мемуариста Временный Комитетъ объективно тѣм самым оказал лично Царю большую услугу. Попади Николай II в этот момент в Царское Село, е. о. положеніе стало бы болѣе трагично (это ясно теперь «pour tout le monde»). Не будемъ вступать на рискованную стезю гаданій с том, что могло бы быть. О бывшемъ же можно сказать, что и эта блокада в большой степени должна быть отнесена в область мифов.

28-го “последній рейс” императорскаго поѣзда происходил в нормальной обстановкѣ. Из Вязьмы в 3 часа дня Царь телеграфировалъ женѣ: ...“Надѣюсь, что вы хорошо себя чувствуете и спокойны. Много войскъ послано с фронта”. В 10 час. веч. в Лихославль получилось сообщеніе, что в Петербургѣ образовалось правительство во главѣ с Родзянко*). На другой день исторіографъ так изобразилъ ход событій в императорскомъ поѣздѣ: “Ночью опредѣлилось из цѣлаго ряда свѣдѣній, что Высочайшій поѣздъ временное правительство направляет не в Царское Село, а в Петроград, гдѣ Государю предложены будутъ условія о дальнѣйшемъ управленіи. Я убѣждалъ всѣхъ, написалъ даже письмо С. П. Федорову, доложить Воейкову и Государю, что в виду создававшегося положенія, надо ѣхать в Псков, гдѣ штабъ фронта... Отсюда, взявши войска, надо идти на Петроградъ и возстановить спокойствіе. Послѣ всякихъ разговоровъ и промедленія, уже доѣхавши в 3 часа ночи до Малой Вишеры, рѣшено было вернуться и через Вологое тѣнуться к Пскову”. Реальное рѣшеніе было вызвано сообщеніемъ, что ст. Любань (между М. Вишерой и Тосно) занята революціонными войсками. В сущности и этого не было. Какія-то случайныя запасныя части по-просту разгромили станціонный буфет**).

Почему же Государь рѣшилъ направиться в Псков? Раздѣляя ли онъ тѣ соображенія своего окруженія (или части его), которыя выразилъ Дубенскій в процитированной записи в дневникѣ? Очевидно, для того, чтобы произвести на иностраннаго читателя большее впечатлѣніе Керенскій говоритъ (в изданіи 38 г.), что Псков былъ единственный городъ во всей Россіи, куда Николай II могъ еще поѣхать. Почему? Вѣдь литерные поѣзда, не подвергаясь никакой опасности, могли бы вернуться в Могилевъ. Такая мысль была бы естественна, если бы Алексѣевъ, дѣйствительно, так настойчиво предупреждалъ Царя о рискѣ ѣздить в смутные дни из Ставки. Лукомскій говоритъ: “Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что в бытность в Могилевѣ при началѣ революціи онъ не чувствовалъ твердой опоры в своемъ нач. штаба генералѣ Алексѣевѣ, и рѣшилъ ѣхать в армию на сѣверный фронтъ, гдѣ надѣялся

найти болѣе твердую опору в лицѣ ген. Рузскаго”. Дубенскій в Чр. Сл. Ком. показывалъ, что большинство настаивало на Псковѣ потому, что тамъ былъ Рузскій, “человѣкъ умный, спокойный, имѣвшій большое вліяніе на Государя”: онъ могъ бы “выяснить положеніе” — или “послать войска”, или войти в “какія-нибудь сношенія”. Между тѣмъ мы знаемъ, что командующій Сѣвернымъ фронтомъ цѣлкомъ раздѣляя точку зрѣнія нач. штаба Верховной Ставки. И Царь это зналъ из телеграммы Рузскаго 27-го. Авторитетъ Алексѣева, укрѣпившійся за долгіе мѣсяцы совмѣстной работы, стоялъ в глазахъ Царя несравненно выше, слѣдовательно, и болѣе внушительно было личное вліяніе: самъ Рузскій, рассказывая впоследствии в. кн. Андр. Влад. о событіяхъ, в которыхъ ему пришлось сыграть такую большую роль, указывалъ, что онъ и раньше чувствовалъ, что Государь ему “не довѣряетъ”. Очевидно, мотивы, которые выставляли Лукомскому, не играли роли в рѣшеніи “тѣнуться к Пскову”.

Дворцовый комендантъ довольно правдоподобно объяснилъ в Чр. Сл. Ком., почему поѣхали в Псков. Когда ночью в М. Вишерѣ онъ доложилъ Царю, последній приказалъ “вернуться и ѣхать к ближайшему юзу”. Ближайшій изъ нахотился в Псковѣ, гдѣ можно было, такимъ образом, связаться и со Ставкой, и с Петербургомъ, и с Царскимъ Селомъ и получить информацію. Дубенскій впоследствии вспоминалъ, что Царь относился к задержкѣ в пути “необычайно спокойно”: “онъ, мнѣ кажется, предполагалъ, что это случайный эпизодъ, который не будетъ имѣть послѣдствій и не помѣшаетъ ему доѣхать с нѣкоторымъ только опозданіемъ в Царское Село”. Воейковъ подчеркивалъ, что на обратномъ пути царскій поѣздъ прибылъ на ст. Дно безъ опозданія противъ нормальнаго времени, несмотря на то, что онъ шелъ безъ “официальнаго наряда”. Находившійся в свитѣ императорскаго поѣзда фл.-ад. полк. Мордвиновъ такъ и считалъ, что они вернулись для того, чтобы поѣхать в Царское Село по Виндавской дорогѣ через ст. Дно и Вырицу, т. е. по линіи, по которой преслѣдовалъ эшелонъ ген. Иванова. По словамъ Мордвинова, лишь по прибытіи в Ст. Руссу стало извѣстно, что мостъ по Виндавской ж. д. то ли испорченъ, то ли ненадеженъ, и тогда рѣшили ѣхать на Псковъ, а оттуда по Варшавской дорогѣ черезъ Лугу на Царское. Свидѣтельство Мордвинова не очень авторитетно — онъ самъ рассказываетъ, что на вопросъ его Воейкову: “почему мы ѣдемъ назадъ?”, тотъ отвѣтилъ “какъ-будто шутливо, но с сильнымъ раздраженіемъ: “молчите, молчите, не ваше дѣло”. Во всякомъ случаѣ, именно в Старой Руссѣ около часа была дана телеграмма Рузскому о прибытіи Царя в Псковъ. “Я получилъ от Воейкова телеграмму. — рассказывалъ Рузскій в. кн. Андрею, — что литерные поѣзда слѣдуютъ на Псковъ, и чтобы были приняты мѣры к ихъ безпрепятственному пропуску в Царское Село. На слѣдующее мною по этому поводу распоряженіе, я получилъ отвѣтъ по всей линіи до Царскаго, что путь свободенъ, и литерные поѣзда могутъ слѣдовать безпрепятственно”. Изъ предосторожности былъ заготовленъ особый “поѣздъ с рабочей командой, которая в случаѣ необходимости могла бы исправить путь”. Такъ и было до вечера 1 марта, когда произошли извѣстныя событія в Лугѣ, и ген. Болдыревъ сообщалъ в Ставку в 8 час. веч.: “весьма вѣроятно, что литерные поѣзда из Пскова не пойдутъ, такъ какъ

*) Передъ тѣмъ Ник. Ал. получилъ успокоительную телеграмму из Царскаго, на которую в Лихославль отвѣтилъ: ...«Радъ, что у васъ благополучно. Завтра утромъ надѣюсь быть дома»....

**) Я лично былъ проездомъ случайнымъ очевидцемъ фактовъ, рассказанныхъ буфетчикомъ со ст. Любань инж. Ломоносову.

задержка в Лугѣ. Во всяком случаѣ, вопрос этот выясняется". Последнія сомнѣнія отпадают при чтеніи лаконической, как всегда, записи, сдѣланной Царем в дневник и подводящей итог дню перваго марта: "Стыд и позор! Добѣхать до Царскаго не удалось. А мысли и чувства все время там. Как бѣдной Аликс должно быть тягостно одной переживать всѣ эти событія. Помогите нам Господь".

Издали А. Ф. чувствовала, что муж ея как бы попался в "западню". В письмѣ, которое не дошло до Царя и само по себѣ западывало (оно было написано 2-го в отвѣтъ на телеграмму с сообщеніем о прибытіи в Псков), А. Ф. писала: "Все отвратительно, и событія развиваются с колоссальной быстротой. Но я твердо вѣрю — и ничто не поколеблет этой вѣры — все будет хорошо... Не зная, гдѣ ты, я дѣйствовала, наконец, через Ставку, ибо Родз(янко) притворялся, что не знает, почему тебя задержали. Ясно, что они не хотят допустить тебя увидѣться со мною прежде, чѣм ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцію или еще какой-нибудь ужас в этом родѣ. А ты один, не имѣя за собой арміи, пойманный, как мышь в западню, что ты можешь сдѣлать? Это — величайшая низость и подлость, неслыханная в исторіи — задержать сего Государя... Может быть, ты покажешься войскам в Псковѣ и в других мѣстах и соберешь их вокруг себя? Если тебя принудят к уступкам, то ты ни в коем случаѣ не сбьзан их исполнять, потому что онѣ были добыты недостойным путем".

Это был крик души, но крик почти истерическій. И только крайне тенденціозное нежеланіе разобраться в фактах могло привести к тому, что автор мѣстами фантастически-легендарной книги "Царь и революція" повторяет истерическій возглас о "западнѣ", в которую невидимая рука завлекла слишком довѣрчиваго монарха. Не хитроумный плап, осуществляемый по замыслу Временнаго Комитета, привел Царя в "старый Псков". "Западня" была в происходивших событіях. Ретроспективно Керенскій признает, что "западня" ему представляется теперь в ином свѣтѣ, чѣм в 17 г.: Николай II поѣхал в Царское, не отдавая себѣ отчета в безнадѣжности положенія, желая увидать больных дѣтей и в надеждѣ, быть может, примириться с Думой, сдѣлать соотвѣтствующія уступки.

**

Спокойствіе и незаурядная "выдержка", проявленная Николаем II в "удручающей обстановкѣ" (выраженіе Дубенскаго) 1-го марта, когда он получил тяжелый моральный шок, отложившійся в его сознаніи словами в дневникъ: "стыд и позор", представляется для многих своего рода феноменом. Что здѣсь приходило извнѣ — от традиціонных условностей придворнаго быта и умѣнія "владѣть собой совершенно", годами выработаннаго как бы царским ремеслом, и что рождалось в силу личных свойств самодержца — его "пониженной сознательности"? Каждый по своему разрѣшит психологическую загадку, если она имѣется. Для нас этот вопрос имѣет значеніе постолько, поскольку он уясняет отношеніе монарха к событіям. Запись исторіографа за первое марта нѣсколько неожиданно послѣ разсказа о мотивах, побуждавших ѣхать в Псков для того, чтобы противодействовать

вооруженной силой революціи, непосредственно же пріобрѣтает совершенно иной тон. "Все больше и больше опредѣляется, насколько правильно было рѣшеніе ѣхать в Псков и избѣгнуть поѣздки в Петроград, гдѣ, навѣрное, произошли бы событія, во всяком случаѣ, неожиданныя" — гласит она в чтеніи на засѣданіи Чр. Сл. Ком.: "Всѣ признают, что этот ночной поворот в Вишерѣ есть историческая ночь в дни нашей революціи. Для меня совершенно ясно, что вопрос о конституціи окончен, она будет введена навѣрное. Царь и не думает спорить и протестовать. Всѣ его приближенные за это... всѣ говорят, что надо только сговориться с ними, с членами Временнаго Правительства. Я, свидѣтель этих исторических событій, должен сказать по совѣсти, что даже попыток протеста не было... Старый Псков опять занесет на страниці своей исторіи великіе дни, когда пребывал здѣсь послѣдній самодержец Россіи, Николай II, и лишился своей власти, как самодержец".

Разительное противрѣчіе, заключающееся между первой половиной записи и второй, может быть объяснено только тѣм, что вторая была сдѣлана в послѣднюю минуту истекшаго дня (в записи имѣется и прямое указаніе — около часа ночи), т. е. в обстоятельствах, совершенно измѣнивших конъюнктуру предшествовавшей ночи и, может быть, психологію нѣсколько примитивнаго исторіографа: впечатлѣнія дня слились, и послѣднее заслонило болѣе раннія переживанія. С этого момента члены ближайшей свиты Императора превращаются в "поклонников конституціи" (выраженіе Дубенскаго) и создается легенда о готовности Императора пойти на коренныя уступки общественным требованіям... Мы знаем, что Дубенскій в воспоминаніях послал мифическое царское согласіе на "конституцію" еще 27-го в отвѣтъ на телеграмму Родзянко.

В своей обобщающей записи 1 марта исторіограф глухо говорит о бесѣдах среди приближенных Царя по поводу лаской "конституціи", которой не сспаривал и сам монарх. Получается впечатлѣніе, что эти разговоры должны были находиться в связи с ожидавшимся пріѣздом Предсѣдателя Думы на ст. Дно для переговоров с монархом от имени порожденной революціонным порывом временной исполнительной власти. Так создалась легенда, которую не только поддержал, но и развил в своем псевдо-историческом этюдѣ Шеголев — легенда о проектѣ "полудетствянаго" министерства, созданная в процессѣ переживания ній монарха в день тяжкаго испытанія перваго марта. "Такую уступочку" общественному мнѣнію, — говорит историк, — могло избрѣсти присущее Николаю лукавство, опирающееся на поразительное невѣжество в конституціонных вопросах". Опирается легенда на воспоминанія Мордвинова, упоминающаго о том, что Царь "телеграфировал в поѣздъ Родзянко, назначая его вмѣсто кн. Голицына предсѣдателем Совѣта Министров, и предлагая ему выѣхать для доклада на одну из промежуточных станцій навстрѣчу императорскому поѣзду". Тогда же из разговоров выяснилось, — добавляет Мордвинов, — что предполагалось предоставить Родзянко выбор лишь нѣкоторых министров, а министры Двора, военный, морской и иностр. дѣл должны были назначаться по усмотрѣнію Государя Императора и все министерство должно было оставаться отвѣтственным не перед Гос. Думой, а перед

его Величеством". О том, что Мордвинов путает, свидетельствует не-
суразная дата, которую он устанавливает для телеграммы Родзянко
— это было будто бы еще до прибытия в Вязьму, т. е. в первую по-
ловину для 28-го. Описем эти возможные, конечно, в придворной
среде разговоры более правдоподобно на сутки позже. Я говорю "воз-
можные", потому что версия "полувотвѣственного министерства", при
всей своей конституционной "безграмотности", была в то время одной
из ходячих версий. Припомним, что в. кн. Михаил, дѣйствовавший с
согласия совѣщанія Совѣта Министров, на котором присутствовали
Предсѣдатель Думы и такой испытанный правовѣд, как ст. сен. Кры-
жановскій, предлагая своему царствовавшему брату как раз подобный
же проект "отвѣственного" министерства. Но еще болѣе показатель-
ную иллюстрацію мы можем найти в дневникѣ молодого морского офи-
цера Рейнгартена — одного из тѣх, кто искренне мечтали о "консти-
туции" для Россіи и дѣятельно готовились к ней: 27 февраля Рейнгар-
тен излагает ближайшую программу дѣйствія, выработанную в круж-
ковых "дружеских бесѣдах" — это, слѣдовательно, коллективное мнѣ-
ніе: Гос. Совѣт и Гос. Дума составляют "законодательный корпус",
который избирает "представителей отвѣтственной перед ними испол-
нительной власти. При этом всѣ министры, кромѣ военнаго, морского
и Двора (как стоящіе нынѣ вѣдѣнія премьера) должны быть
смѣнены". Ходячая версия имѣла уже свою традицію — и не только
в тѣх разговорах о "конституціи", которые велись в 15 г. в прогрес-
сивном блокѣ (запись Милюкова отмѣчает, напр., мнѣніе высказанное
таким авторитетным государствовѣдом, как Максим Ковалевскій: "мы
не занимаемся выборами военнаго и морского министров и, может
быть, и иностр. дѣл"), а в прецедентах, значительно болѣе ранних;
когда в 1905 г. Милюков вел переговоры с Треповым о реконструкціи
правительства и введенія в него общественных элементов, он заранѣе
согласился считать "царской прерогативой" назначеніе министров
военнаго, морского и Двора...

Я не думаю, что подобный проект могла обсуждать царская сви-
та, но допускаю возможность аналогичных безотвѣстных разгово-
ров, так как очевидно, пріѣзд Родзянко неизбежно поднимал вопрос
о "конституціи", поставленной в порядок дня еще в Ставкѣ. Воейков
в Чр. Сл. Ком. рѣшительно отрицал возможность того, чтобы сам Ни-
колай II принялъ участіе в политических разговорах со свитой. Этого
"никогда не было" — "весь строй, вся атмосфера была — манекен".
"Вообще о событіях старался не говорить, потому что это не особенно
пріятно было". Вся "надежда была на то, что поѣдем в Псков, и все
выяснится". И только в Псковѣ в дѣйствительности поднялся вопрос об
"отвѣственном министерствѣ".

Существованіе проекта "полувотвѣственного министерства", соз-
даннаго в період относительнаго блужданія императорскаго поѣзда,
только тогда могло походить на "истину" (документальных доказа-
тельств нѣтъ — признает и Щеголев), если бы можно было установить
факт сношенія Царя со Ставкой и давленія на него со стороны Алек-
сѣева. Информанція, полученная нач. штаба послѣ отбѣзда Императора
из Ставки, окончательно убѣдила его в необходимости контакта с об-
щественностью, представленной Временным Комитетом Гос. Думы. Ут-

ром 1-го *наштаверхом* была заготовлена всеподданнѣйшая телеграмма
— рѣшительная по содержанію и по тону, Алексѣев телеграфировал:
"Революція в Россіи, а послѣдняя неминуемо, раз начнется безпоряд-
ки в тылу, знаменует собой позорное окончаніе войны со всѣми тяже-
лыми для Россіи послѣдствіями: Армія слишком тѣсно связана с жиз-
нью тыла, и с увѣренностью можно сказать, что волненія в тылу вы-
зывают такіе же в арміи. *Требовать от арміи, чтобы она спокойно
сражалась, когда в тылу идет революція, невозможно.* Нынѣшній мо-
лодой состав арміи и офицерскій состав, среди котораго громадный про-
цент призванных из запаса и произведенных в офицеры из высших
учебных заведеній, не дает никаких основаній считать, что армія не
будет реагировать на то, что будет происходить в Россіи..."). Мой вѣр-
ноподданнический долг и долг присяги обязывает меня все это доложить
В. И. В. Пока не поздно, необходимо немедленно принять мѣры к ус-
покоенію населенія и возстановить нормальную жизнь в странѣ. По-
давленіе безпорядков силою при нынѣшних условіях опасно и приве-
дет Россію и армію к гибели. Пока Гос. Дума старается водворить воз-
можный порядок, но если от В. И. В. не послѣдует акта, способствую-
щаго общему успокоенію, власть завтра же перейдет в руки крайних
элементов, и Россія переживет всѣ ужасы революціи. Умоляю В. В.
ради спасенія Россіи и династіи поставить во главѣ правительства
лицо, которому бы вѣрила Россія, и поручить ему образовать кабинет.
В настоящую минуту это единственное спасеніе. Медлить невозможно
и необходимо это провести безотлагательно. Докладывающіе В. В. про-
тивное, безсознательно или преступно ведут Россію к гибели и позору
и создают опасность для династии В. И. В."

Алексѣевская телеграмма, не говорившая еще об отвѣтственном
министерствѣ в настоящем смыслѣ, в утренніе часы 1-го не была по-
слана "за отсутствіем связи" с императорским поѣздом. Позже она
была отправлена в Петербург "для передачи в Царское Село" в на-
деждѣ, что Царь туда прибыл, и повторена около 6 час. в штаб Руз-
скаго для врученія ея Царю, когда тот будет "проѣзжать через Псков".
Свѣдѣнія о том, что "поѣзд лит. А." прослѣдует через Псков, в Став-
кѣ получили в 4 часа, когда поступил запрос главкошва с просьбой
его "ориентировать" для "возможности соотвѣтствующаго доклада". Из
сопоставленія этих документов как-будто бы ясно, что в царском по-
ѣздѣ до прибытія его в Псков никаких свѣдѣній и указаній из Ставки
не получали. Такая поправка должна быть сдѣлана к воспоминаніям
Пронина, утверждающаго, что телеграмма Алексѣева была передана
"немедленно по установленію мѣстонахожденія Государя" — "около
3 час. дня... на ст. Дно". Аналогичный корректив необходимо внести
и к показаніям дворцоваго коменданта, который ввели в заблужденіе
Блока и Щеголева. В стенографическом отчетѣ (не очень вразуми-
тельной записи) помѣщены слова Воейкова, что "на ст. Дно телеграм-
му о согласіи Государя припять Родзянко, Алексѣев доложил сам(?).
Он получил отвѣтъ, что Родзянко ѣдет на ст. Дно". Этим как бы
устанавливалась непосредственная связь между "поѣздом лит. А." и
Ставкой, чего в дѣйствительности не было.

Государь прибыл в Псков. не имѣя дополнительных данных, по-

* Царь твердо был увѣрен в надежности арміи.

ступивших в Ставку за два дня его отсутствия и рисовавших обстановку в более грозном свете, нежели это представлялось в момент отъезда. "Случайный эпизод", вызвавший необходимость изменить намеченный маршрут в Царское Село, не мог произвести радикальной перемены в психологии "самодержца", упорно отказывавшегося от необходимых уступок общественным требованиям в смысле установления "ответственного министерства" под влиянием того же, по его мнению, случайного бунта в столице. То, что произошло в Пскове в ночь на 2-е марта, целиком подтверждает такое заключение.

IV. Псковская драма.

1. — Воздействие генералитета.

Как ни умел внешне владеть собой Николай II, как ни внушал он себя, что все совершающееся большого значения не может иметь, впечатлительны, полученные им во время тревожного "рейса", не могли не оказать на него воздействия. Едва ли "последний самодержец" принадлежал к числу боевых натур, которых опасность возбуждает и заставляет идти на риск. Скорее ему присуща была некоторая пассивность перед роком — мистическая покорность судьбе, как охарактеризовал Сазонов Палеологу натуру Николая II в 14 г. после возвращения из Москвы*). И, может быть, не так уже сознательно преувеличивал ген. Рузский, сказав в интервью, которое он дал сотруднику "Русской Воли" через несколько дней после отречения, что, когда Николай II прибыл в Псков, он ни о каких "репрессивных мерах против революции не мечтал".

В Пскове Николай II должен был попасть в атмосферу, отнюдь не благоприятствовавшую подогриванию тех иллюзий, которыми убаюкивал свое сознание "самодержец". Дневник ген. Болдырева, ген. кварт. у Рузского, довольно отчетливо рисует настроение в штабе Северного фронта. 27-го у него записано: "...События приняли крайне серьезный оборот... Д(анилов) говорит, что выход один — выбор 30 доверенных лиц, которые в свою очередь выбрали бы кандидата, которому и вручить судьбу России... Но "сам" уверен, что все это бредни, что Россия благоденствует. Это мнение, по словам Д., разделяет и в. кн. Георг. Мих., бывший сегодня у главнокомандующего. Верно, что нет большей слепоты у людей, которые ничего не хотят видеть"... 1 марта запись продолжает: "Решается судьба России... Пскову и Рузскому, видимо, суждено сыграть великую историческую роль... Здесь, в Пскове, окутанному темными силами монарху придется вынужденно объявить то, что могло быть сделано во-время... Я сказал Данило-

ву, что сегодня вопрос надо кончить, что завтра уже будет поздно. Видимо, они с Рузским решили, что другого выхода нет"... Вероятно, эта обстановка и побудила полк. Пронина в Ставке написать в своих воспоминаниях, что Царь в Пскове был изолирован — его окружали "холодные люди Северного фронта".

В Пскове должна была встретиться Царя не ложная информация о том, что войска, посланные на усмирение бунта, переходят на сторону революции, а процитированная выше телеграмма начальника штаба, в дополнение к которой помощник Алексева ген. Клембовский сообщал, что в. кн. Сергей Мих. просит доложить Государю о "безусловной необходимости принятия тех же мер, которые указаны в телеграмме ген. Алексева" — Вел. Князь считал, что наиболее подходящим лицом в качестве премьера является председатель Гос. Думы. Была еще повторная телеграмма Брусилова, направленная в 7 ч. веч. на ст. Дпо на имя министра Двора и говорившая о гибельности в дни грозной войны для "отчества и царского дома" междоусобной борьбы. Грозные симптомы наступающей катастрофы выступали в сообщениях об "анархии" в Кронштадте, об убийстве главного командира порта адм. Вирепа и об аресте офицеров. Командующий флотом Балтийского моря адм. Непенин телеграфировал о необходимости пойти навстречу Гос. Думе, причем сообщал, что приказал объявить командам телеграмму Родзянко о создании Временного Комитета: "считаю, что только таким прямым и правдивым путем я могу сохранить в повиновении и боевой готовности вверенные мне части". Далее шла отправленная в 2 часа 30 мин. депеша командующего войсками в Москве Мрозовского: "В Москве полная революция. Военские части переходят на сторону революционеров". Вероятно, только в Пскове Царя достигла и та телеграмма брата, которую воспроизвел в воспоминаниях полк. Никитин по копии, снятой секретарем в в. кн. Джонсоном и сохраненной в семейном архиве в. кн. Брасовой. Вот она: "Забыв все прошлое, прошу тебя пойти по новому пути, указанному народом. В эти тяжелые дни, когда мы все русские так страдаем, я шлю тебе от всего сердца этот совет, диктуемый жизнью и моментом времени, как любящий брат и преданный русский человек". Надо думать, что Царь получил и письмо начальника английской военной миссии ген. Вильямса, помеченное 1-м марта. Он, как человек "безпредельной и искренней преданности", писал, что во время всех волнений, которые он видел "в разных государствах", всегда лучшим средством было — иметь "отдушину" — во всех государствах бывают времена, когда необходимо иметь "бархатную перчатку на железной руке". "Не подлежит сомнению, — говорил — не политик и не дипломат, а старый солдат", — что в основе настоящих волнений имеются немецкие козни, но козни эти могут быть уничтожены... Мне кажется, что настало время призвать народ Ваш помочь Вам нести ту громадную тяжесть, которая лежит на ваших плечах". Вильямс говорил о "свободе слова в парламенте", о правительстве, избранном народными представителями.

Так как от Родзянко была получена телеграмма, что он не придет, то функции посредника должен был взять на себя Рузский. "Я стал доказывать Государю, — рассказывал Рузский в. кн. Андрею Вл. — необходимость даровать ответственное министерство, что уже по

*) Столыпин говорил, что Царь в разговорах с ним часто ссылался на многогрудальника Юва, в день которого он родился — записал Палеолог со слов Сазонова. Неудачливость мужа в связи с днем Юва отменяла и А. Ф. Малодуния и трусости не было в характере Царя — Верховский рассказывает, какое сильное впечатление на него в молодости произвела выдержка Николая II в момент инцидента, происшедшего на водосвятии на Неве 6 января 1905 г., когда одно орудие из Петропавловской крепости произвело чистую лопатку, разорвавшейся непосредственно за царской трибуной. Николай II спокойно ожидал все 101 выстрел.

слухам, собственный Е. В. конвой перешел на сторону революционеров, что самодержавие есть фикция при существовании Гос. Совета и Думы и что лучше этой фикцией пожертвовать для общего блага. Государь ответил, что “не знает, как решить, что скажет юг России, казачество”. По записи рассказа Рузского, сдвинутой Вильчковским также в Кисловодск, основная мысль Николая II заключалась в том, что он “ответствен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится”. Рузский старался доказать, что следует принять формулу: “Государь царствует, а правительство управляет”. Государь возражал, что “эта формула ему не понятна, что надо было иначе быть воспитанным, переродиться и опять отблудил, что лично не держится за власть, но только не может принять решение против своей совести и, сложив с себя ответственность за течение дела перед людьми, не может считать, что он сам не ответствен перед Богом”.

В момент беседы, которая происходила “глаз на глаз”, пришла из Ставки новая телеграмма Алексева, переданная около 10 час. веч. Неумолчимый нач. штаба, повторяя аргументацию предшествовавшего своего сообщения, предоставлял на усмотрение Царя проект манифеста, умоляя немедленно его опубликовать. Ново в постановке вопроса было то, что в манифесте уже определенно говорилось об “ответственном перед представителями народа министерстве”, составить которое поручалось председателю Гос. Думы. Рузский говорил Андр. Вл., что телеграмма Алексева решила дело: “Не знаю, удалось ли бы мне уговорить Государя, не будь телеграммы Алексева — сомневаюсь”. Царь дал согласие и сказал, что напишет сейчас телеграмму. Рузский ушел, и через некоторое время ему была доставлена телеграмма на имя Родзянко, в которой ответственное министерство формулировано было как раз в соответствии с одной из указанных выше модификаций примечательно к войне. По словам Рузского, там было сказано: “поручаю вам сформировать новый кабинет и выбрать министров, за исключением военного, морского и ин. дел”. “Тогда я обратился к Воейкову, — продолжает Рузский по записи Андр. Вл., — с просьбой доложить Государю, что мне он говорил о даровании ответственного министерства, а в телеграмме сказано лишь о сформировании нового кабинета без указания, перед кем он ответствен, Воейков вытаращил на меня глаза, заерзал на диване и очень неохотно пошел к Государю. Я остался ждать. Ждал час, потом второй и ничего*). Тогда я попросил одного из адъютантов сходить и доложить Государю, ждать ли мне или можно уходить в штаб. Я чувствовал себя не совсем хорошо, да еще безумно устал и еле держался на ногах. Пока адъютант ходил и докладывал, остальные лица свиты стали обсуждать положение и, когда узнали, что Государь согласен даровать ответственное министерство, все обрадовались, уверяя, что давно говорили, что это необходимо было сделать. Кому они об этом говорили, я так и не узнал”. Вероятно, в течение этой беседы и были произнесены горькие и резкие слова старого главнокомандующего, отмеченные мемуаристами из свиты и занесенные

*) Быть может, именно к этому моменту следует отнести характерную деталь. Продолжав больше получаса, Рузский пошел в купе Воейкова и застал его спокойно развешивающим на стенах какие-то фотографии — Воейков «забыл» доложить Царю. (В передаче Вильчковского сцена относится к моменту, предшествовавшему докладу).

в дневник Дубенского*). На вопрос: “что же делать?” Рузский между прочим, сказал: “Ну, господа, поздно, ничего нельзя теперь — теперь нужно сдаваться на милость победителя и согласиться на те условия, которые предложены”... Дубенский в воспоминаниях, написанных в эмиграции, отнес беседу с Рузским на первый момент приезда в Псков, изобразил характер беседы в духе ином, чем Рузский. По его словам, Фредерикс, сказав Рузскому, что решено дать ответственное министерство, просил его помочь Царю. “Теперь уже поздно”, — сказал Рузский: “Я много раз говорил, что необходимо идти в согласии с Гос. Думой и давать те реформы, которые требует страна. Меня не слушали. Голос хлыста Распутина имел большее значение. Им управлялась Россия”... — “с яростью и злобой говорил ген.-ад. Рузский”. “После разговора с Рузским мы стояли все потрясенные и как в воду опущенные. Последняя наша надежда, что ближайший главнокомандующий Северным фронтом поддержит своего Императора, очевидно, не осуществится. С цинизмом и грубою определенностью сказанная Рузским фраза: “надо сдаваться на милость победителя”, все уясняла и с несомненностью указывала, что не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот... Ген.-ад. К. Д. Нилев был особенно возбужден и, когда я вошел к нему в купе, он, задыхаясь, говорил, что этого предателя Рузского надо арестовать и убить, что погибает Государь и вся Россия”... “Только самые решительные меры по отношению к Рузскому, может быть, улучшили бы нашу участь, но на решительные действия Государь не пойдет”, — сказал Нилев. К. Д. весь вечер не выходит из купе и сидит мрачный, не желая никого видеть”...

“Прождал я всего около двух часов, — рассказывал далее Рузский все в той же записи, — был уже первый час ночи, когда меня позвали к Государю. Там был гр. Фредерикс, и Государь передал мне вновь составленную телеграмму, где уже было сказано о даровании ответственного министерства без ограничения”. Вильчковскому Рузский говорил, что при обсуждении проекта манифеста, предложенного Алексеевым, как-то чувствовалось нечто “похожее на безразличие”, Рузскому показалось, что Царь даже передумал, и поэтому он спросил: “не будет ли он действовать против воли Государя”, сообщив в Ставку и в Петербург о согласии Царя на манифест. Государь ответил, что “принял решение, ибо и Рузский, и Алексеев, с которым он много на эту тему раньше говорил, одного мнения, а ему, Государю, известно, что они редко сходятся на чем-либо вполне”. Принять решение Царю было “очень тяжело, но раз этого требует благо России, он на это по чувству долга должен согласиться”... Наряду с согласием на ответственное министерство Рузский, как мы знаем, получил разрешение приостановить продвижение войск с фронта. Царь самому “диктатору” предписал ничего не предпринимать до его приезда.

Последовавшая затем беседа Рузского с Родзянко изложена нами в другом месте. В этом ночном разговоре была поставлена дилемма об отречении. Припомним, что Родзянко не знал, как ответить на вопрос Рузского: “нужно ли выпускать манифест?” — “все зависит от

*) Каждый из них относит слова Рузского к различным моментам.

событий, которые летят с головокружительной быстротой". Сам Рузский считал более осторожным не выпускать манифеста до свидания с Царем, которое должно было состояться в 10 час. утра. Все материалы были сообщены в Ставку. Прочитав ленту переговоров Рузского с Родзянко, Алексеев просил немедленно разбудить Царя и доложить ему беседу с Родзянко, ибо переживается "слишком серьезный момент, когда рѣшается вопрос не одного Государя, а всего царствующаго дома в Россіи"... "важна каждая минута и всякіе этикетки должны быть отброшены". Алексеев указывал, что необходимо сдѣлать сообщение в армии, ибо "неизвѣстность хуже всего и грозитъ тѣм, что начнется анархія в армии". Передавая распоряженіе Алексеева по должности "официально", ген. Лукомскій, с своей стороны, просил Данилова доложить Рузскому, что по его, Лукомскаго, "глубокому убѣжденію, выбора нѣтъ и отреченіе должно состояться. Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск... Если не согласится, то, вѣроятно, произойдутъ дальнѣйшіе эксцессы, которые будут угрожать царскимъ дѣтям, а затѣмъ начнется междоусобная война, и Россія погибнетъ под ударомъ Германіи, и погибнетъ вся династія. Мнѣ больно это говорить, но другого выхода нѣтъ". Впервые слова об отреченіи попали на официальную ленту штабныхъ разговоров. Их произнес Лукомскій, передавая, очевидно, главенствовавшія тогда настроенія в Ставке*). Чрезвычайно знаменательно, что это призналъ генералъ правыхъ политическихъ убѣждений, выдвигавшій планъ отъѣзда Царя в Особую армию для противодѣйствія революціи...

"Ген. Рузскій черезъ часъ будетъ с докладомъ у Государя", — отвѣчалъ Лукомскому Данилов, — "и поэтому я не вижу надобности будить главнокомандующаго, который только что, сію минуту, заснулъ и черезъ полчаса встанетъ... Что касается неизвѣстности, то она, конечно, не только тяжела, но и грозна. Однако, и ты, и ген. Алексеевъ отлично знаете характеръ Государя, и трудность получить отъ него опредѣленное рѣшеніе. Вчера весь вечеръ до глубокой ночи прошелъ в убѣжденіяхъ поступиться в пользу отвѣтственнаго министерства. Согласіе было дано только к двумъ часамъ ночи, но, к глубокому сожалѣнію, оно — какъ это, в сущности, и предвидѣлъ главнокомандующій, явилось запоздалымъ... Я убѣжден, к сожалѣнію, почти в том, что, несмотря на убѣдительность рѣчей Ник. Вл. и прямоту его, едва ли возможно будетъ получить опредѣленное рѣшеніе. Время безнадежно будетъ тнаться. Вотъ та тяжелая картина и та драма, которая происходитъ здѣсь"... "Дай Богъ, чтобы ген. Рузскому удалось убѣдить Государя. В его рукахъ теперь судьба Россіи и царской семьи", — подалъ заключительную реплику Лукомскій.

Понималъ ли это самъ Николай II? Ни личныя свойства, отмѣченныя Даниловымъ, ни религіозная концепція власти, традиціонно воспринятая с рожденія, выдвинутая в разговорѣ с Рузскимъ, не могутъ объяснить того исключительнаго упорства, которое проявилъ монархъ в эти, дѣйствительно, грозные для него дни. Да, здѣсь было еще "что-то", что мѣшало правдивому воспріятію происходившаго. Царь "про-

*) В область мемуарныхъ переживаній, очевидно, надо отнести утвержденіе помощника Лукомскаго, полк. Пронина; «Будь Императоръ в Ставке, событія приняли бы, болѣе, чѣмъ вѣроятно, другой оборотъ».

изводилъ впечатлѣніе человѣка задержаннаго, который пересталъ понимать, что пужно дѣлать, чтобы найти выходъ изъ положенія", — в такихъ выраженіяхъ подвелъ итоги того, что ему пришлось слышать, Милюковъ в Чр. Сл. Ком. Возможно, что такая характеристика и не такъ далеко была отъ истины. Почти аналогичное впечатлѣніе вынесъ Коковцовъ изъ послѣдняго свиданія с Императоромъ, которое происходило за пять недѣль до революціи.

Такимъ образомъ, безконечно трудная задача стояла передъ тѣми, кто понималъ необходимость быстраго рѣшенія вопроса. Оно диктовалось не нетерпѣніемъ людей, поддавшихся психозу момента и легко подчинившихся вліянію подпитиковъ — оно диктовалось прежде всего реальными требованіями фронта. Я бы побоялся приписать только Алексееву инициативу обращенія къ командующимъ фронтамъ в цѣляхъ борьбы нерѣшительностью и двойственностью Царя. Эту двойственность замѣтилъ Рузскій; этой двойственности боялся и Алексеевъ, указавшій утромъ 2-го, в бесѣдѣ по юзу с Брусиловымъ, на то, что онъ "не вполне" довѣряетъ ликвидаціи Ивановской миссіи... Обращеніе къ командующимъ фронтамъ было сдѣлано между 10-11 часами утра послѣ упомянутой весьма показательной бесѣды двухъ генераловъ. Самъ Алексеевъ говорилъ с Брусиловымъ; Клембовскій с Эвертомъ; Лукомскій с Сахаровымъ; ему же было поручено передать на Кавказъ в. кн. Ник. Ник. черезъ ген. Янушкевича. Текстъ передачи былъ выработанъ единообразный. Послѣ краткаго изложенія основныхъ положеній, высказанныхъ ночью Родзянко, шло добавленіе: "обстановка (в своей передачѣ Алексеевъ прибавилъ "туманная"), повидимому, не допускаетъ иного рѣшенія, и каждая минута дальнѣйшихъ колебаній повыситъ только притязанія, основанныя на томъ, что существованіе армии и работа жел. дорогъ находятся фактически в рукахъ петроградскаго временнаго правительства. Необходимо спасти дѣйствующую армию отъ развала, продолжать до конца борьбу съ вѣнскимъ врагомъ, спасти независимость Россіи и судьбу династіи нужно поставить на первомъ планѣ, хотя бы цѣною дорогихъ уступокъ. Если вы раздѣляете этотъ взглядъ, то не благоволите ли телеграфировать весьма слѣжно свою вѣрносподанныческую просьбу Е. В. черезъ главноверха, извѣстивъ наштоверху? Повторяю, что потеря каждой минуты можетъ стать роковой для существованія Россіи, и что между высшими начальниками дѣйствующей армии нужно установить единство мыслей и цѣлей. Армія должна всѣми силами бороться съ вѣнскимъ врагомъ, а рѣшенія относительно внутреннихъ дѣлъ должны избавить ее отъ искушенія принять участіе в переворотѣ, который болѣе безболѣзненно совершится при рѣшеніи сверху". "Колебаться нельзя. Время не терпитъ. Совершенно с вами согласенъ... тутъ двухъ мнѣній быть не можетъ". — отвѣтилъ Брусиловъ Алексееву. Ген. Эвертъ, соглашаясь, что "вопросъ можетъ быть разрѣшенъ безболѣзненно для армии, если только онъ будетъ рѣшенъ сверху", спрашивалъ: есть ли время съговориться с командующими. "Время не терпитъ, дорога каждая минута", — отвѣчалъ ему Клембовскій: "кного исхода нѣтъ. Государь колеблется, единогласныя мнѣнія командующихъ могутъ побудить его принять рѣшеніе, единственно возможное для спасенія Россіи и династіи. При задержкѣ в рѣшеніи вопроса Родзянко не ручается за сохраненіе спокойствія, при чемъ все можетъ кончиться гибельной анархіей". "Повидимому, какъ ни грустно, а придется согласиться с этимъ единственнымъ выходомъ".

— говорит Сахаров, предпочитая, однако, дать окончательный отвѣтъ послѣ полученія мнѣнія других главнокомандующих и, главное, отвѣта с Кавказа.

Нельзя не отмѣтить одной черты. В постановкѣ Родзянко еще не существовало дилеммы в качествѣ категорическаго императива: говорилось лишь, что “грозное требованіе отреченія... становится опредѣленным требованіем”^{*)}). На фронтѣ сомнѣнія были разрѣшены в пользу этого императива, ибо надлежало положить конец колебаніям — требовалась опредѣленность. Можно допустить, что это произошло почти безсознательно для верховнаго командованія: по крайней мѣрѣ Алексѣев через нѣсколько дней на представленной ему записѣ бесѣды англійскаго ген. Вильямса с вдовствующей императрицей в Могилевѣ, гдѣ упоминалось, что Царь отрекся от престола по настояніям ген. Рузскаго, сдѣлал помѣтку: “Вопрос этот в Петербургѣ был рѣшен уже 1/III, 2-го Миллюков уже говорил об этом в своей рѣчи”.

В 9½ час. утра Рузскій дѣлал доклад верховному повелителю. Запись Вильчковскаго, проводящаго опредѣленную тенденцію реабилитации Рузскаго в глазах эмигрантских монархистов и пытающагося всю инициативу отреченія отнести за счет Алексѣева (запись явно иногда не точная и спутывающая разные моменты), дает такіа подробности: “Ген. Рузскій спокойно, “сгиснув зубы”, как он говорил, но страшно волнуясь в душѣ, положил перед Государем ленту своего разговора. Государь, молча, внимательно все прочел. Встал с кресла и отошел к окну вагона... Наступили минуты ужасной тишины. Государь вернулся к столу... и стал говорить спокойно о возможности отреченія. Он опять вспомнил, что его убѣжденіе твердо, что он рожден для несчастія, что он приносит несчастіе Россіи; сказал, что он ясно сознавал вчера еще вечером, что никакой манифест не поможет. “Если надо, чтобы я отошел в сторону для блага Россіи, я готов на это”, — сказал Государь: “но я опасюсь, что народ этого не поймет. Мнѣ не простят старообрядцы, что я измѣнил своей клятвѣ в день священнаго коронованія; меня обвинят казаки, что я бросаю фронт”... Рузскій высказал еще свою надежду, что манифест все успокоит, и просил обождать совѣта и мнѣнія ген. Алексѣева, хотя не скрыл, что, судя по словам ген. Лукомскаго, видимо, в Ставкѣ склоняются к мнѣнію о необходимости отреченія. В это время подали срочно дошедшую телеграмму Алексѣева (пиркулярную — обращеніе к главнокомандующим). Рузскій, блѣдный, прочел вслух ея содержаніе. “Что же вы думаете Н. В.?” — спросил Государь. — “Вопрос так важен и так ужасен, что я прошу разрѣшенія В. В. обдумать эту депешу раньше, чѣм отвѣчать... посмотрим, что скажут главнокомандующіе остальных фронтов. Тогда выяснится вся обстановка”. Государь..., сказав: “Да, и мнѣ надо подумать”, отпустил его до завтрака”.

По записи Андр. Вл. — “Государь внимательно читал, но ничего не отвѣчал”. Как будто это болѣе соответствует утренней обстановкѣ послѣ длительной ночной бесѣды. “Я еще спросил, — записывает Андр. Вл., — откуда могла имп. Марія Фед. рассказывать знакомым,

со слов Государя, что во время разговора в Псковѣ он, Рузскій, стукнул кулаком по столу и сказал: “Ну, рѣшайтесь же, наконец”, — разговор шел об отреченіи. Рузскій мнѣ отвѣтил: “Я не знаю, кто мог это выдумать, ибо ничего подобнаго никогда не было. Вѣроятно все это Воейков наврал, послѣ того, что я с ним рѣзко говорил”.

Вновь был вызван Рузскій к Царю в 2 часа дня. Он просил разрѣшенія привести с собой ген. Данилова и ген. Савича (гл. нач. снаб. фронта), ибо, как он сказал “прямо” Царю: “В. В., я чувствую, что Вы мнѣ не доверяете... Пусть они оба изложат свое личное мнѣніе” (по записи Андр. Вл.). Сначала Рузскій доложил всѣ полученныя за послѣдніе часы свѣдѣнія. “Когда очередь дошла до телеграммы ген. Алексѣева с заключеніями главнокомандующих (передана была в 2 ч. 30 м.) — рассказывает уже Данилов, — то ген. Рузскій положил телеграфныя ленты на стол перед Государем и просил прочесть их лично”. В. кн. Ник. Ник. “колѣнопреклоненно” молил спасти Россію и наследника: “освѣив себя крестным знаменіем, передайте ему Ваше наслѣдіе. Другого выхода нѣтъ”... Брусилов, исходя из своей преданности и любви к родинѣ и царскому престолу, считал, что отказ от престола “единственный исход”. Эверт, отмѣчая, что “средств прекратить революцію в столицах нѣтъ никаких” (“на армию при настоящем ея составѣ рассчитывать при подавленіи безпорядков нельзя”), умоляя, как “безгранично преданный... вѣрноподданный”, принять рѣшеніе, согласованное с заявленіем предсѣдателя Думы, как “единственно, видимо, способное прекратить революцію и спасти Россію от ужасов анархіи”. Докладывая приведенныя телеграммы, Алексѣев, с своей стороны, умоляя “безотлагательно принять рѣшеніе, которое Господь Бог внушит Вам... Промедленіе грозит гибелью Россіи. Пока армию удастся спасти от проникновенія болѣзни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другіе города. Но ручаться за дальѣйшее сохраненіе военной дисциплины нельзя. Прикосновеніе же армии к дѣлу внутренней политики будет знаменовать неизбѣжный конец войны, позор Россіи, развал ея. В. И. В. горячо любите родину и ради ея пѣлости, независимости, ради достиженія побѣды, соизволите принять рѣшеніе, которое может дать мирный и благополучный исход из создавашагося болѣе, чѣм тяжелаго, положенія... Ожидая повелѣній”. Лишь телеграмма ген. Сахарова, пришедшая из Ясс с опозданіем на час и доложенная особо, была составлена в иных тонах. Не совсѣм соответствовало тому, что главнокомандующій румынским фронтом говорил по юзу Лукомскому, все же Сахаров приходил к тѣм же заключеніям: генерал возмущался “преступным и возмутительным отвѣтом предсѣдателя Гос. Думы на высокомилоостивое рѣшеніе Государя Императора даровать странѣ отвѣтственное министерство”. “Горячая любовь моя к Е. В. — говорил Сахаров — не допускает души моей мириться с возможностью осуществленія гнуснаго предложенія, переланнаго Вам предсѣдателем Думы. Я увѣрен, что не русскій народ, никогда не касавшійся Царя своего, задумал это злодѣйство, а разбойническая кучка людей, именуемая Гос. Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведенія своих преступных пѣллей. Я увѣрен, что армиі фронта непоколебимо стали бы за своего державнаго вождя, если бы не были призваны к защитѣ родины от врага вѣншнаго и если бы не были в руках тѣх же государственных

^{*)} Кіренскій совершенно ошибочно приписывает Родзянко посылку утром 2-го марта специальной телеграммы от имени Думы с требованіем отреченія.

преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии. Таковы движения *сердца и души*. Переходя же к *логикѣ разума* и учтя создавшуюся безвыходность положенія, я, непоколебимо вѣрный подданный Е. В., рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболѣзненным выходом для страны и для сохраненія возможности продолжать биться съ вѣншим врагом является рѣшеніе пойти навстрѣчу уже высказанным условіям, дабы промедленіе не дало пищу к предъявленію дальнѣйших и еще гнуснѣйших притязаній". Гораздо позже, в 8 час. 40 мин. вечера, была получена телеграмма Нелепина: "С огромным трудом удерживаю в повиновеніи флот и вѣрныя войска... Всепоподаннѣйше присоединяюсь к ходатайствам вел. кн. Н. Н. и главнокомандующих фронтами о немедленном принятіи рѣшенія, формулированнаго предсѣдателем Думы. Если рѣшеніе не будет принято в теченіе ближайших же часов, то это повлечет за собой катастрофу с неисчислимыми бѣдствіями для нашей родины".

Затѣм Рузскій обрисовал обстановку, указав, что выход один — отреченіе. "Но я не знаю, хочет ли этого вся Россія?" — сказал Государь, по словам другого мемуариста, непосредственнаго свидѣтеля происходившаго, ген. Савича. "В. В., — возразил Рузскій, — занимаюсь сейчас анкетой обстановки не представляется возможным, но событія несутся с такой быстротой и так ухудшают положеніе, что всякое промедленіе грозит неисчислимыми бѣдствіями. Я Вас прошу выслушать мнѣніе моих помощников; они оба в высшей степени самостоятельны и притом прямые люди". Наступила очередь для выступленія приглашенных экспертов... "Ген. Данилов, — рассказывал Рузскій Андр. Вл., — в длинной рѣчи изложил свое мнѣніе, которое сводилось к тому, что для общаго блага Россіи Государю необходимо отречься от престола. Примѣрно то же, но короче, сказал ген. Савич". Сам Данилов в воспоминаніях представляет свою рѣчь очень кратко. Что же касается Савича, то "генерал этот, — рассказывает сам Савич о себѣ, — странно волновался. Приступ рыданій сдавил его горло". Чувствуя, что он "сейчас разрыдается", генерал только сказал: "Я человек прямой и поэтому вполнѣ присоединяюсь к тому, что сказал генерал Н.", т. е. Данилов*). Наступило общее молчаніе, длившееся одну-двѣ минуты. Государь сказал: "Я рѣшился. Я отказываюсь от престола". Перекрестились генералы. Обращаясь к Рузскому, Государь сказал: "Благодарю Вас за доблеетную и вѣрную службу" и поцѣловал его. Затѣм Государь ушел к себѣ в вагон".

Что побудило Царя к такому неожиданно скорому рѣшенію. "Весѣ

* Волненіе Савича отмѣчает и Данилов. Другой мемуарист, очень пристрастный в своих отмѣтках, нѣсколько по иному изображает настроеніе ген. Савича в этот рѣшающій день — правда, через нѣсколько часов послѣ сцены, о которой идет рѣчь. В посмертных воспоминаніях Гучкова говорится: «В вагонѣ, в котором происходила бесѣда об отреченіи Государя, кромѣ Рузскаго, Шульгина и меня, находился ген. Савич. б. командир корпуса жандармов. Помню, как меня тогда возмутило его веселое настроеніе. У нас было глубокое ощущеніе трагизма этого момента, а у него: «Ах слава Богу, кончилось все это...» Этот жандарм, ликующій во время отреченія его монарха, является символической фигурой». В Псковѣ, естественно, появилось чувство облегченія в момент, когда, по выраженію самого Гучкова в показаніях, «тяжелая операція, которая назрѣвала и должна была совершиться, наконец, закончилась».

вопрос об отреченіи. — записал Андр. Вл., — был рѣшен от 2 до 2 ч. 45 м. дня, т. е. в 3/4 часа времени, тогда как вопрос об отвѣтственном министерствѣ наканунѣ рѣшался от 9 час. до 12½ ночи". Можно ли это объяснить только мистикой Николая II, считавшаго лично себя в правѣ отречься от престола, но не в правѣ ограничивать предѣлы полномочій царской власти? (объясненіе Гурко). Центр тяжести, думается, надо перенести в иную плоскость. Очевидно, на монарха произвело сильное впечатлѣніе коллективное выступленіе главнокомандующих. В. кн. Александр Мих. рассказывает, что позже, в Могилевѣ, Царь ему показывал чашку телеграмм, полученных от главнокомандующих, и когда он нашел телеграмму, подписанную Ник. Ник., "впервые голос его дрогнул: "Даже он", — сказал Никки"...

По словам Рузскаго, Царь вышел для того, чтобы написать телеграмму об отреченіи. Ровно в 3 часа Государь вернулся и передал двѣ телеграммы: одну в Петербург на имя предсѣдателя Думы, другую напштоверху в Ставку: "Нѣтъ той жертвы, которую Я не принес бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родимой матушки Россіи. Посему Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына съ тѣм, чтобы Он оставался при Мнѣ до совершеннолѣтія, при регентствѣ брата Моего Михаила Александровича", — гласила телеграмма Родзянко. (По словам Савича, прибавка о регентствѣ была сдѣлана по указанію Рузскаго). "Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына. Прошу всѣх служить Ему вѣрно и нелицемѣрно", — гласила телеграмма в Ставку. Телеграммы были помѣчены: "15 часов".

Не всѣ еще детали псковскаго дѣйствія можно выяснитъ, так, напр., в болѣе поздней телеграммѣ ген. Данилова в Ставку (6 час. веч.) говорится: "одно время возникло предположеніе у Государя поѣхать через Двинск в Ставку, но вскорѣ эта мысль была оставлена в виду второй бесѣды Е. В. с ген. Рузским, о которой я уже донес напштоверху". В опубликованных матеріалах этого донесенія нѣтъ. Очевидно, мысль о поѣздкѣ в Ставку была оставлена послѣ принятаго рѣшенія об отреченіи.

2. — Свитская интрига.

В момент, когда заканчивался первый акт псковскаго дѣйствія, пришло сообщеніе из Петербурга о предстоящем пріѣздѣ в Псков съ экстренным поѣздом Гучкова и Шульгина. "Я предложил Государю, — говорил Рузскій Андр. Вл., — лично сперва с ними переговорить, дабы выяснитъ, почему они ѣдут, съ какими намѣреніями и полномочіями". Таким образом, было рѣшено телеграммы не посылать до пріѣзда думских делегатов, при чем, по утвержденію Вильчковскаго, телеграмму в Ставку Царь взялъ обратно из рук Рузскаго. "Не прошло и ½ часа послѣ моего ухода, — продолжал Рузскій по той же записи разговора, — как ко мнѣ пришел один из флигель-адъютантов и попросил вернуть Государю телеграмму. Я отвѣтил, что принесу лично и пошел в царскій поѣзд и застал Государя и гр. Фрелерикеа. Я чувствовал, что Государь мнѣ не довѣряет и хочет вернуть телеграмму обратно, почему прямо заявил: "В. В. я чувствую. Вы мнѣ не довѣряете, но позвольте послѣднюю службу все же сослужить и переговорить

до Вас с Гучковым и Шульгиным и выяснит общее положение". На это Государь сказал: "Хорошо, пусть останется, как было решено"... Я вернулся к себѣ в вагон с телеграммой в карманѣ и еще раз предупредил коменданта, чтобы, как только придут Гучков и Шульгин, вести их прямо ко мнѣ в вагон". "Мнѣ хотѣлось узнать от них, — добавлял Рузскій, — в чем дѣло, и, если они вправду пришли с дѣлом просить Государя об отреченіи, то сказать им, что это уже сдѣлано. Хотѣлось мнѣ спасти, насколько возможно, престиж Государя, чтобы не показалось им, что под давлением с их стороны Государь согласился на отреченіе, а принял его добровольно и до их приѣзда. Я это сказал Государю и просил разрѣшенія сперва их повидать, на что получил согласие". Болдырев записал 2-го со слов Данилова, что "Государь был особенно неприятно поражен, что это рѣшеніе (об отреченіи) придется выполнить в присутствіи, а, может быть, и под давлением ненавистнаго ему А. И. Гучкова**". Вильчковскій в соотвѣтствіи со своей тенденціей приписывает Рузскому намѣреніе убѣдить, при личном свиданіи, делегатов в ненужности отреченія. Почему Рузскому надо было оставлять при таких условіях телеграмму? Рузскій, по противоположному мнѣнію Щеголева, "не хотѣл выпустить из своих рук козыря" и, желая "упредить Царя", намѣревался первым встрѣтить делегатов. Не проще ли повѣрить, мотивам Рузскаго в изложеніи Андр. Вл.: он хотѣл показать делегатам, что вопрос об отреченіи уже рѣшен помимо их внимательства.

Среди царскаго окруженія родилась мысль попытаться аннулировать принятое рѣшеніе. Что такая мысль дѣйствительно была, видно из записей, довольно противорѣчивых, дѣйствовавших лиц. Наибольшее значеніе, естественно, может имѣть современная записка Дубенскаго, помѣченная 4 час. 45 мин.: "Сейчас узнал в поѣздѣ Государя, что событія идут все страшнѣе и неожиданнѣе... Государь, дабы не дѣлать отказа от престола под давлением Гучкова и Шульгина, неожиданно послал отвѣтъ телеграммой с согласіем отказаться от престола. Когда Воейков узнал это от Фредерикса, пославшаго эту телеграмму, он попросил у Государя разрѣшеніе вернуть эту телеграмму. Государь согласился. Воейков быстро вошел в вагон свиты и заявил Нарышкину (нач. воен. поход. канц.), чтобы он побѣжал скорѣе на телеграф и приостановил телеграмму. Нарышкин пошел на телеграф, но телеграмма ушла, и нач. тел. сказал, что он попытается ее остановить. Когда Нарышкин вернулся и сообщил это, то всѣ, стоящіе здѣсь, Мордвинов, Штапельберг и я, почти в один голос сказали: "все кончено". Затѣм выражали сожалѣніе, что Государь так поспѣшил, всѣ были разстроены, насколько могут быть разстроены эти пустые, эгоистичные в большинствѣ люди". В дальнѣйшем исторіограф записал: "Оказалось, что телеграммы Рузскій не успѣл передать, она за-

держана до приѣзда Гучкова и Шульгина. Долго разговаривали всѣ, и Воейков, по моему настоянію, пошел и сказал Государю, что он не имѣет права отказываться от престола только по желанію Временнаго Правительства и командующих фронтами... Я доказывал, что отреченіе вызовет междоусобицу, погубит войну и затѣм Россію". Дальнѣйших записей Дубенскаго мы пока не знаем. В Чр. Сл. Ком. Дубенскій, комментируя свои записи, сказал: "всѣ эти соображенія были совершенно не признаны Государем-Императором... Насколько мнѣ извѣстно, он к этому отнесся довольно спокойно: "Раз этого желают, раз командующіе арміями написали, пришли представители, значит, воля Божья".

Воспоминанія фл.-ад. Мордвинова дают как бы продолженіе прерванных для нас записей Дубенскаго. Они нѣсколько по иному изображают свитескую интригу. Узнав от Фредерикса об отреченіи и о телеграммах, переданных Рузскому, и боясь, что Рузскій поспѣшит их отправить, между тѣм как приѣзд думских уполномоченных может измѣнить положеніе ("может Шульгин и Гучков... сумѣют отговорить и даже повернуть дѣло... Вѣдь мы не знаем, что им поручено, и что дѣлается там у них"), члены свиты ("мы всѣ") убѣдили министра Двора пойти к Государю и добиться приказа "взять телеграммы от Рузскаго". Фредерикс пошел и через нѣсколько минут вернулся с соотвѣтствующим распоряженіем. Тогда к Рузскому был послан Нарышкин, вернувшійся, однако, с пустыми руками". Свиту рѣшеніе Рузскаго о предварительном свиданіи с думскими уполномоченными "взволновало... необычайно": "в желаніи Рузскаго настоять на отреченіи и не выпускать этого дѣла из своих рук не было уже сомнѣній". "Мы вновь пошли к Фредериксу просить иаостоять перед Е. В. о возвращеніи этих телеграмм, а проф. Федоров, по собственной инициативѣ, направился к Государю. Было около четырех часов дня, когда С. П. вернулась обратно в свое кунц, гдѣ большинство из нас его ожидало. Он нам сказал, что вышла перемѣна, и что все равно прежних телеграмм теперь нельзя послать: "я во время разговора о поразившем всѣх событіи, — пояснил он, — спросил Государя: "Развѣ В. В. Вы полагаете, что Алексѣй Ник. оставят при Вас послѣ отреченія?" — "А отчего же нѣтъ?" — с нѣкоторым удивленіем спросил Государь: "Он еще ребенок и естественно должен оставаться в своей семьѣ, пока не станет взрослым. До тѣх пор будет регентом Михаил Александрович". "Нѣтъ, В. В., — отвѣтил Федоров, — это вряд ли будет возможно и по всему видно, что надѣяться на это Вам совершенно нельзя**". Государь, по словам Федорова, немного задумался и спросил: "Скажите, С. П., откровенно, как Вы находите, дѣйствительно ли болѣзнѣ Алексѣя такая неизлѣчимая?" — "В. В., наука нам говорит, что эта болѣзнь неизлѣчима, но многіе доживают при ней до значи-

*) Из писем А. Ф. хорошо извѣстно, насколько она враждебно относилась к этому политическому дѣятелю. В дневникѣ ген. Поливанова за 12 г. под 18 февраля имѣется такая анекдотическая отмѣтка: «Военный министр передал мнѣ, что Государь сегодня опять говорил с неудовольствіем о Гучковѣ и спрашивал военного министра, передал ли он ему, что Государь изывает его «подлецом». Сухомлинов отвѣтил, что такого случая еще не представилось». Палеолог называет в дневникѣ Гучкова «личным врагом Их Величеств».

*) По воспоминаніям Дубенскаго в разговорѣ с Федоровым Царь упомянул, что он останется около сына, будет заниматься его воспитаніем, устраниаясь от всякой политической дѣятельности, но что ему было бы очень тяжело оставить родину. На слова Федорова, что ему «никогда не разрѣшат жить в Россіи, как бывшему императору», Ник. Ал. сказал: «Я это сознаю, но неужели могут думать, что я буду принимать когда-либо участіе в какой-либо политической дѣятельности, послѣ того, как оставлю трон».

тельного возраста, хотя здоровье Ал. Ник. и будет всегда зависеть от всяких случайностей”*). “Когда так, — как бы про себя сказал Государь, — то я не могу разстаться с Алексѣем. Это было бы уже сверх моих сил... к тому же, раз его здоровье не позволяет, то я буду имѣть право оставить его при себѣ”... Кажется, на этих словах разсказа, потому что других я не запомнил, вошел... гр. Фредерикс, сходявшій во время нашего разговора к Государю, и сообщил, что Е. В. приказал потребовать от Рузскаго задержанныя им обѣ телеграммы, не упоминая ему, для какой именно это цѣли. Нарышкин отправился вновь и на этот раз принес их обратно”.

Исторія с телеграммами остается неясной. Итоги Мордвинов знал, в концѣ концов, из вторых рук. Он сам признается: “Нас по обычаю продолжали держать в полной неизвѣстности и, вѣроятно, по привычкѣ же даже и на этот раз забыли о нашем существованіи”. Мордвинов ошибся, — телеграммы не были возвращены. О вторичной попыткѣ получить назад телеграмму об отреченіи упоминал и сам Рузскій в бесѣдѣ с Андр. Вл.**). По словам Рузскаго, это было уже в момент, когда приближался поѣзд с думскими уполномоченными. Уступил Царь настойчивым обращеніем окружающей свиты? Возможно, что у него з послѣднюю минутой блеснула надежда на нѣкоторый просвѣтъ. В 6 ч. 55 м. Царю была передана та телеграмма Родзянко от имени Временнаго Комитета, в которой говорилось о конструированіи совѣта министров под предсѣдательством Львова, о подчиненіи войск новому Правительству и о необходимости для установленія полнаго порядка командировать в Петербург ген. Корпилова. Мы видѣли, что даже Алексѣев из этой телеграммы дѣлал вывод о перемѣнѣ настроеній в Петербургѣ и, слѣдовательно, возможности измѣненія в запросѣ об отреченіи. Так, повидимому, представлялось одно время и Рузскому. Ген. Данилов вспоминает, что Рузскій ему говорил (при вечернем свиданіи), что он посовѣтовал Государю задержать отправку телеграмм до бесѣды с ожидавшимися делегатами, приняв в соображеніе, что ѣдет Шульгин, “слышшій всегда убѣжденным и лойальным монархистом”***), — “не повернулись ли дѣла в столицѣ таким образом, что отреченіе Государя явится ненужным, и страна окажется удовлетворенной созданіем отвѣтственного министерства”. Но все-таки наиболѣе естественно предположить, что именно около 7 час. вечера, когда ожидался делегатскій поѣзд, Царь пожелал имѣть телеграмму об отреченіи, так как под влияніем разговора с лейб-медиком

*) По собственноручной записи Федорова, которой пользовался ген. Мартынов, вопрос о гемофилиі наслѣдника Царем был поставлен так: «Григорій Ефимович все время говорил, что А. Ник. к 13 годам будет совершенно здоров. Я и Государя привыкли вѣрить гр. Еф., потому что все, что он предсказывал, всегда сбывалось». — На это Федоров и отвѣтил: «Если вѣрить в чудо, то можно надѣяться... Современная медицина таких примѣров не знает».

**) В записи Ан. Вл. все время говорится только об одной телеграммѣ. Телеграмму Алексѣеву Царь с самаго начала оставил у себя (по записи Вильчковскаго). По существу, конечно, это второстепенный вопрос — важны перипетіи, связанныя с этим фактом.

***) Всѣ, конечно, помнили, как Шульгин в 1906 г. от имени «одного милліона» волинских жителей представлял Царю демонстративныя петиціи «за самодержавіе».

Федоровым рѣшил измѣнить форму отреченія и отречься за сына в пользу брата. По нѣкоторой своей скрытности он ничего не сообщил Рузскому о мотивах, оставляя того в невѣдѣніи о причинах колебаній, которыя Рузскій замѣчал в “царском поѣздѣ”. Такое объясненіе и дает ген. Данилов.

Совершенно естественно, что источник свѣтских закулисных дѣйствій Рузскій видѣл в дворцовом комендантѣ, хотя по утверженію Дубенскаго (в воспоминаніях) у Царя послѣдній “едва ли имѣл в эти тревожные часы значеніе прежде всего потому, что Е. В., по моему личному мнѣнію, никогда не считал Воейкова за челоѣка широкаго государственнаго ума и не интересовался его совѣтами и указаніями”. Возвращаясь от Царя послѣ перваго посѣщенія Нарышкина, — разсказывал Рузскій Андр. Вл., — он зашел к Воейкову и тут “у меня произошел довольно крупный разговор, даже не разговор, а я просто наговорил кучу истин, примѣрно такого содержанія: “Я почти ничѣм не обязан Государю, но вы*) ему обязаны во всем и только ему, и вы должны были знать, ...что творилось в Россіи, а теперь на вас ляжет тяжелая отвѣтственность перед Родиной, что вы допустили событія прити к такому роковому концу. Он так на меня и вытаращил глаза, нс ничего не стѣтил”...

Так шли часы в императорском поѣздѣ в ожиданіи пріѣзда думских уполномоченных. “По наружности” было, “как всегда”, — вспоминает Мордвинов. Этикет соблюдался. За пятичасовым чаем “ни одного слова, ни одного намека на то, что всѣх нас мучило, не было”. Говорили о “пустяках” и думали: “когда же, наконец, кончится это сидѣніе за чаем”. Послѣ чая “опять всѣ вмѣстѣ в кушѣ адм. Нилова”, — “все еще” озабоченные “попытками перемѣнить роковое рѣшеніе”. “Телеграмму об отреченіи удалось задержать и все еще может вернуться в другую сторону” в зависимости от переговоров с думскими делегатами. “Надо, во что бы то ни стало, не допустить их до предварительнаго свиданія с Рузским, а сейчас же, как пріѣдут, провести к Государю!” “Воейков, по приказанію гр. Фредерикса, поручил это мнѣ, как дежурному”...

V. Думскіе делегаты.

Поѣзд с уполномоченными Временнаго Комитета в Псковѣ ждали в 7 час. вечера; он прібыл в 9 часов. В прозекутѣ проходили обычные поѣзда. Вот поѣзд, идущій в Петербург. Мордвинов отмѣчает, что толпа, хотя и знала уже, что находится “вблизи Царя”, “держала себя отнюдь не вызывающе”... О “всеобщей ненависти к династіи” тут не было и поминѣ. Но вот поѣзд из Петербурга — первый “послѣ

*) Очевидно, “истины” касались не лично одного Воейкова, а всей придворной камарильи. Послѣдняя вполнѣ стѣсняла Рузскому усиленным распространеніем молвы о псковской «западнѣ», сдѣлавшей невозможным поѣзд Николая II в Ставку. Винберг уже не стѣсняется в квалификаціи сознательнаго предательства стараго генерала. В «правдивых» воспоминаніях Боткиной, гдѣ наворочена куча путаницы, «западнѣ» переносится на ст. Дно. Это здѣсь Рузскій вмѣстѣ с думскими депутатами заставил Царя отречься под угрозой ухудшенія положенія его семьи в Царском Селѣ.

революционных дней". Впереди бѣжал какой-то полковник. Дубенскій спросил его о городских настроеніях: "теперь все хорошо, город успокаивается, и народ доволен". — "Что же говорят о Государѣ, о всей перемѣнѣ?" — допрашивал генерал. — "Да, о Государѣ почти ничего не говорят, надѣются, что временное правительство с новым царем Михаилом (вѣдь его хотят на царство) лучше справится"... Эта бытовая зарисовка сама по себѣ отвѣчала на опасеніе придворнаго историографа, что отреченіе должно неминуемо вызвать междоусобицу.

Мордвинов, как и хотѣл, перехватил делегатов и провел их, минуя Рузскаго, непосредственно в салон-вагон императорскаго поѣзда. Придворный журнал отмѣтил: "от 9 час. 45 м. веч. Е. В. принимали министра Имп. Двора гр. Фредерикса, ген.-ад. Рузскаго, члена Гос. Совѣта Гучкова, чл. Гос. Думы Шульгина и свиты ген.-майора Нарышкина". В дѣйствительности Рузскій опоздал и пришел в сопровожденіи Данилова уже тогда, когда Гучков излагал ход событій в Петербургѣ*). Всѣ присутствовавшіе, за исключеніем престарѣлаго гр. Фредерикса, разсказали обстановку, в которой произошло формальное отреченіе от престола царствовавшего монарха. Ген. Нарышкин, в качествѣ пач. поход. канцеляріи, вел как бы официальную записку. Она сохранилась и была напечатана Сторожевым в 22-м году**). Трудно назвать то, что записывал Нарышкин в свою "записную книгу", протоколом, но все-таки будем исходить от этой официальной записки, оставляя в сторонѣ бытовые черты, зарисованныя мемуаристами, и лишь добавляя из воспоминаній нѣкоторые штрихи.

"Мы пріѣхали с членом Гос. Думы Шульгиным, чтобы доложить с тем, что произошло за эти дни в Петроградѣ, и вмѣстѣ с тѣм посоветоваться***) о тѣх мѣрах, которыя могли бы спасти положеніе", — начал Гучков. — "Положеніе в высшей степени угрожающее"... Это не есть результат какого-нибудь заговора или заранее обдуманнаго переворота, а это движеніе вырвалось из самой почвы... и сразу получило анархическій отпечаток, власти ступевались... Так как было страшно, что мятеж примет анархическій характер, мы образовали так называемый Временный Комитет Гос. Думы и начали принимать мѣры, пытаясь вернуть офицеров к командованію нижними чинами; я сам лично объѣхал многія части и убѣждал нижних чинов сохранять спокойствіе. Кромѣ нас, засѣдает в Думѣ еще Комитет рабочей партіи, и мы находимся под его властью и его цензурою. Опасность в том, что, если Петроград попадет в руки анархій, то нас, умѣренных, сметут, так как это движеніе начинает нас уже захлестывать.

*) Шульгин говорит, что Царь спросил: «А. Ник. Вл.?» Кто-то сказал, что ген. Рузскій просил доложить, что немного опоздает. — «Тогда мы начнем без него». Колоритная деталь, если принять во вниманіе все происшедшее. Но очень уж много у Шульгина произвольных поостроений.

**) Сторожевым она была напечатана, как анонимная записка. Ген. Маргенов словам б. нач. опер. отдѣла Ставки Базилевскаго, это — копія протокола, хранившагося в дѣлах его отдѣленія, т. е., запись Нарышкина.

***) «Дать... тѣ совѣты, которые мы находим нужными» — в изложеніи рѣчи, данном Гучковым в показаніях Чр. Сл. Ком. 2 августа.

Их лозунг: провозглашеніе социалистической республики*). Это движеніе захватывает низы и даже солдат, которых обѣщают отдать землю. Вторая опасность, что движеніе перекинется на фронт... Там такой же горючий матеріал, и пжар может перекинуться по всему фронту, так как нѣтъ ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движенія, тотчас же не заражалась бы...**). В народѣ глубокое сознание, что положеніе создано ошибками власти и именно верховной власти, а потому нужен какой-нибудь акт, который подѣйствовал бы на сознание народное. Единственный путь — это передать бремя верховнаго правленія в другія руки. Можно спасти Россію, спасти монархическій принцип, спасти династію, если Вы, В. В., объявите, что передаете свою власть вашему маленькому сыну, если Вы передадите регентство в. к. Михаилу Александровичу***) и если от *вашего имени* (курсив мой) или от имени регента будет поручено образовать новое правительство, тогда, может быть, будет спасена Россія. Я говорю "может быть", потому что событія идут так быстро, что в настоящее время Родзянко, меня и других умѣренных членов Думы крайніе элементы считают предателями; они, конечно, против этой комбинаціи, так как видят в этом возможность спасти наш исконный принцип. Вот В. В. только при этих условіях можно сдѣлать попытку водворить порядок... Прежде, чѣм на это рѣшиться, Вам, конечно, слѣдует хорошенько подумать, помолиться, но рѣшиться все-таки не позже завтрашняго дня, потому что уже завтра мы не будем в состояніи дать совѣтъ, если Вы его у нас спросите, так как можно опасаться агрессивных дѣйствій толпы".

По мнѣнію Шульгина, Гучков говорил "негладко и глухо", с трудом справляясь с волненіем. Наоборот, по характеристикѣ Данилова, "ровный, мягкій голос" Гучкова произносил "тихо, но отчетливо роковыя слова". Царь смотрѣлъ "прямо перед собой, спокойно, совершенно непроницаемо". Когда Гучков говорил об отреченіи, Рузскій обратился к своему сосѣду, Шульгину, и сказал, что "Государь уже рѣшил этот вопрос" и "передат одновременно Царю извѣстную телеграмму. Рузскій думал, что Царь развернет телеграмму (она была сложена пополам) и прочтет ее". "Каково было мое удивленіе, — передавал Рузскій Андр. Влад., — когда Государь взяв телеграмму, спокой-

*) В показаніях Чр. Сл. Ком. Гучков, конечно, пропустил всѣ эти выпады против «комитета рабочей партіи». Вѣроятно, Гучков свою аргументацію представлял в болѣе причастном видѣ, нежели записывал генерал-референт.

**) Возможно, что здѣсь политика причисал уже генерал, составлявшій протокол. Гучков, по его словам, говорил рѣзче: «всякая борьба с этим движеніем безнадежна... ни одна воинская часть не возьмет на себя выполненіе этой задачи»... всякая часть, «как только она соприкоснется с петроградским гарнизоном и подымет тѣм общим воздухом, которым дышет Петроград... перейдет неминуемо на сторону движенія»... «Поэтому — добавлял Гучков — всякая борьба для вас бесполезна». Сообщая о присоединеніи конвоя Е. В. к новой власти, Гучков сказал: «Видите, вы ни на что разсчитывать не можете». В послѣдующих репликах своих в Чр. Сл. Ком. Гучков утверждал, что его поддержал Рузскій, сказав, что «никаких воинских частей» он не мог бы послать в Петербург.

***) В изложеніи Гучкова сказано: «кому-нибудь из великих князей, напр., Мих. Ал.».

но сложил ее еще раз и спрятал в карман”*). Ни Гучков, ни Шульгин, к удивлению, всего этого не заметили. В газетах того времени — по крайней мере в “Русск. Вѣд.”, которые лежат перед моими глазами, — очень скудно сообщены были подробности отречения, при чем свѣдѣнія проводили опредѣленную тенденцію. Рѣчь Гучкова в газетном изложеніи (4 марта) заканчивалась сообщеніем о распоряженіи правительства (?) вернуть войска, посланные с фронта. Тогда Царь “тихо” спросил: “что же мнѣ дѣлать?” “Отречься от престола”, — отвѣтил представитель новой временной правительственной власти. Царю в руки был дан для подписи заготовленный заранее акт отречения, — заканчивало сообщеніе, — и Царь подписал его”. В таком изложеніи добровольное согласіе Царя на отречение, данное, как мы знаем, даже до вѣсти о пріѣздѣ петербургских делегатов, совершенно ступшевывалось. Для психологій момента это было чрезвычайно важно и поясняет многое из того, что потом послѣдовало. Надо хорошо запомнить, эту черту. В дѣйствительности все происходило далеко не так, как описывала печать.

Вернемся к официальной записи. Вот дальнѣйшая выдержка из нея *in extenso*: *Его Величество*: “Раньше вашего пріѣзда и послѣ разговора по прямому проводу ген. Рузскаго с предѣдителем Гос. Думы я думал в теченіе утра и во имя блага, спокойствія и спасенія Россіи я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав положеніе, я пришел к заключенію, что в виду его болѣзненности мнѣ слѣдует отречься одновременно и за себя, и за него, так как разлучаться с ним я не могу”***).

Член Гос. Сов. Гучков: “Мы учли, что облик маленькаго Ал. Ник. был бы смягчающим обстоятельством при передачѣ власти”.

Ген.ад. Рузскій: “Его Величество беспокоится, что, если престол будет передан наследнику, то Е. В. будет с ним разлучен”.

Чл. Гос. Думы Шульгин (не Гучков ли?): “Я не могу дать на это категорическаго отвѣта, так как мы ѣхали сюда, чтобы предложить то, что мы передали”.

Эту слишком лаконическую запись, не совѣм, быть может, отчетливую, необходимою пополнить. “Всѣ так были огорошены совершенно неожиданным рѣшеніем Государя”, — записал Андр. Вл. со слов Рузскаго***). “Гучков и Шульгин переглянулись удивленно между собой, и Гучков

отвѣтил, что такого рѣшенія они не ожидали и просили разрѣшенія обсудить вдвоем вопрос и перешли в сосѣднее столовое отдѣленіе”. Комментируя слова Царя, Гучков в Чр. Сл. Ком. говорил: “Я лично эту комбинацію, на которой я, по порученію *нѣкоторых членов* (курсив мой) думскаго Комитета настаивал, находил болѣе удачной, потому что... эта комбинація малолѣтняго государя с регентом представляла для дальнѣйшаго развитія нашей политической жизни большіе гарантіи, но, настаивая на прежней комбинаціи, я прибавил, что, конечно, Государю не придется разсчитывать при этих условіях на то, чтобы сын остался при нем и при матери, потому что никто, конечно, не рѣшится довѣрить судьбу и воспитаніе будущаго государя тѣм, кто довел страну до настоящаго положенія. Государь сказал, что он не может разстаться с сыном и передает престол своему брату”. Со слов Рузскаго, Лукомскій передает, что Царь будто бы склонялся уже к комбинаціи отреченія в пользу сына*), но колебаніям был положен конец словами Гучкова, что Государю придется уѣхать за границу, а сын должен будет остаться в Россіи при регентѣ.

По протоколу бесѣда продолжалась. *Его Величество*: “Давая свое согласіе на отреченіе, я должен быть увѣренным, что вы подумали о том впечатлѣніи, какое оно произведет на всю остальную Россію”. *Член Гос. Сов. Гучков*: “Нѣтъ, В. В., опасность не здѣсь. Мы опасаемся, что, если объявят республику, тогда возникнет междоусобіе”. *Чл. Гос. Думы Шульгин*: “Позвольте мнѣ дать нѣкоторое поясненіе, в каком положеніи приходится работать Гос. Думѣ. 26-го (?) вошла толпа в Думу и вмѣстѣ с вооруженными солдатами заняла всю правую сторону, лѣвая сторона занята публикой, а мы сохранили всего двѣ команты, гдѣ ютится так пазываемый Комитет. Сюда тащат всѣх арестованных, и еще счастье для них, что их сюда тащат, так как это избавляет их от самосуда толпы; нѣкоторых арестованных мы тотчас же освобождаем. Мы сохраняем символ управленія страной, и только благодаря этому еще нѣкоторый порядок мог сохраниться, не прерывалось движеніе жел. дорог. Вот при каких условіях мы работаем: в Думѣ это сумасшедшій дом. Нам придется вступить в рѣшительный бой с лѣвыми элементами, а для этого нужна какая-нибудь почва... Относительно Вашего проекта, разрѣшите нам подумать хотя бы четверть часа. Этот проект имѣет то преимущество, что не будет мысли о разлученіи и, с другой стороны, если Ваш брат, в. кн. Мих. Ал., как полноправный монарх, присягнет конституціи одновременно с вступленіем на престол, то это будет обстоятельством, содѣйствующим успокоенію”.

Чл. Гос. Думы Гучков: “У всѣх рабочих и солдат, принимавших участіе в безпорядках, увѣренность, что водвореніе старой власти — это расправа с ними, а потому нужна полная перемѣна. Нужен на народное воображеніе такой удар хлыста, который сразу перемѣнит бы все. Я пахожу, что тот акт, на который Вы рѣшились, должен сопровождаться и назначеніем предѣвателя Совѣта министров кн. Львова”.

Его Величество: “Я хотѣл бы имѣть гарантію, что велѣдствіе мо-

*) Указаніе, что Царь уже взял перо для подписи манифеста, во всяком случаѣ надо отнести к числу мемуарных вольностей.

*) В своем разсказѣ Савич подтверждал, что Рузскій телеграмму передал Царю при Гучковѣ.

**) Шульгин: послѣ взволнованнаго слова Гучкова, голос Царя звучал «спокойно, просто и точно». Только акцент был немного чужой — «гвардейскій».

***) Шульгин говорит, что Рузскій знал о перемѣнѣ уже тогда, когда к нему приходил Мордвинов (т. е., Нарышкин) за телеграммами. Оговариваясь, что «событія этого дня» (т. е., до момента пріѣзда делегатов) «должно быть» разсказаны ему Рузским, Шульгин заключал: «во всяком случаѣ эти событія можно считать «точно установленными, как я изложил». Однако, на дѣлѣ Шульгин не все точно воспринял. И в данном случаѣ версія, изложенная Ан. Вл., представляется болѣе правдоподобной, т. е. Рузскій не знал до послѣдняго момента о происшедшей перемѣнѣ в рѣшеніи Царя.

его ухода и по поводу его не было бы пролито еще лишней крови". Чл. Р. Д. Шульгин: "Может быть, со стороны тѣх элементов, которые будут вести борьбу против поваго строя, и будут попытки, но их не слѣдует опасаться. Я знаю, напримѣр, хорошо город Киев, который был всегда монархическим, теперь там полная перемяна". Его Величество: "А вы не думаете, что в казачьих областях возникнут беспорядки?" Чл. Р. С. Гучков: "Нѣтъ, В. В., казаки всѣ на сторонѣ поваго строя".

Здѣсь я искусственно обрываю официальную запись, ибо, очевидно, наступил момент перерыва, котораго требовали делегаты*). Вновь занисъ Андр. Вл. наиболѣе отчетливо рисует картину. "Вскорѣ я пошел к Гучкову и Шульгину, — рассказывает Рузскій, — и спросил их, к какому они пришли рѣшенію. Шульгин отвѣтил, что они рѣшительно не знают, как поступить. На мой вопрос, как по основным законам: может ли отречься за сына, они оба не знали. Я им замѣтил, как это они ѣдут по такому важному государственному вопросу и не захватили с собой ни тома основных законов, ни даже юриста. Шульгин отвѣтил, что они вовсе не ожидали такого рѣшенія. Потолковав немного, Гучков рѣшил, что формула Государя приемлема, что теперь безразлично, имѣл ли Государь право или нѣтъ. С этим они вернулись к Государю". Данилов говорит, что новая комбинація власти смутила и его. Он обратил во время перерыва вниманіе Гучкова на то, что также рѣшеніе может вызвать в будущем тяжелыя послѣдствія**). "Не думаю", — отвѣтил ему Гучков и направил его к Шульгину, который де является "специалистом не такого рода государственно-юридическим вопросам". Шульгину вопрос: "Алексѣй или Михаил? перед основным фактом отреченія казался "частностью"***).

"Оставалось только подчиниться", — объяснял 2-го августа Гучков. "В. В., — сказал Гучков по официальной записи, — у Вас заговорило человеческое чувство отпа, и политику тут не мѣсто, так что мы ничего против Вашего предложенія возразить не можем". "Хотите еще подумать?" — спросил Царь. — "Нѣтъ, я думаю, что мы можем сразу принять Ваше предложеніе". Гучков, по его словам, настоял на том, чтобы немедленно был составлен акт отреченія, так как он останется в Псковѣ час или полтора и должен уѣхать, имѣя акт отреченія в руках. Царю был предложен в "качествѣ матеріала" проект, составленный наканунѣ и привезенный в Псков. "Е. В., отвѣтив, что проект уже составлен, удалился к себѣ, — гласит официальная запись,

*) Запись фактического перерыва не отмѣчает. А. Шульгин говорит, вопреки утвержденіям Рузскаго и Данилова: «кажется, я просил четверть часа — посоветоваться с Гучковым... Но это почему то не вышло».

**) Судя по дневнику Болдырева, сомнѣнія Данилова заключались не только в нарушеніи закона о престолонаслѣдіи, но и в морганатическом бракѣ вел. кн. Михаила. На «совѣщаніи в вагонѣ» возник «серьезный вопрос о супружествѣ новаго государя» — записал Болдырев.

***). Впоследствии Шульгин, пытался так изобразить ход своей мысли: «пусть будет неправильность!.. Может быть, этим выиграется время. Нѣкоторое время будет править Михаил, а потом, когда все утомонится, выяснится, что он не может царствовать, и престол перейдет к Ал. Ник». «Как будто не я думал, а кто-то другой за меня, болѣе быстро соображающій» — пишет Шульгин. Это было просто разсужденіе post factum самооправдывающагося носителя идеи легитимизма.

— гдѣ собственноручно исправил заготовленный с утра манифест об отреченіи в том смыслѣ, что престол передается в. кн. Мих. Александровичу... Е. В. подписал манифест и, войдя в вагон-салон, в 11 ч. 40 м. передал его Гучкову". Гучков прочел манифест. "Текст был написан тѣми удивительными словами, которыя теперь всѣ знают", — вспоминает Шульгин. "Каким жалким показался мнѣ набросок, который мы привезли... Государь принес и его и положил его на стол... К тексту отреченія нечего было прибавить... Во всем этом ужасѣ на мгновеніе пробился один свѣтлый луч... Я вдруг почувствовал, что с этой минуты жизнь Государя в безопасности... Половина шипов, вонзившихся в сердце Его подданных, вырвалась этим лоскутком бумаги... Так благородны были эти прощальныя слова... И так почувствовалось, что Он так же, как и мы, а, может быть, гораздо больше любит Россію".

Очевидно, манифест был прекрасен, если производил такое впечатлѣніе на слушателей, но только к основному его тексту не приложилась рука монарха. Текст манифеста был составлен в Ставкѣ, по порученію Алексѣева, камергером Базиліи при непосредственном участіи самого начальника штаба и Лукомскаго*) и был послан Царю в 7 ч. 40 м. на случай, если Царь "соизволит принять рѣшеніе". Исторія нѣсколько подшутила над мемуаристом, слишком нарочито и неумѣренно выставлявшим свои монархическія чувствованія**).

"Депутаты попросили вставить фразу о присягѣ конституціи поваго императора (продолжает официальная запись), что тут же было сдѣлано Е. В.***). Одновременно были собственноручно написаны Е. В. указы Прав. Сенату о назначеніи председателем Совѣта министров кн. Львова****) и верховным главнокомандующим вел. кн. Ник. Ник.*****). Чтобы не казалось, что акт совершен под давленіем пріѣхавших депутатов и так как самое рѣшеніе об отреченіи от престола было принято Е. В. еще днем, то по *совѣту депутатов* на манифестѣ было поставлено при подписи 3 часа дня, а на указах Прав. Сенату 2 часа*****). В заключеніе член Думы Шульгин спросил Е. В.

*) Лукомскій говорит, что к составленію проекта он и Базиліи приступили, вооружившись сводом законов, послѣ телеграммы Рузскаго о том, что Государь просит составить проект манифеста (т. е., около 3 час. дня).

**) На генерала Селивачева на фронтѣ манифест произвел совѣстное впечатлѣніе. 3 марта он записал в дневник: «По слогу манифеста совершенно ясно, что он продиктован Государю от первого до послѣдняго слова. Данныя, нами приведенныя, по существу не оставляют мѣста для сомнѣній. Разрѣшить вопрос уже безоговорочно могло бы только недоступное нам ознакомленіе с оригиналом».

***). Шульгин — показывал 2 авг. Гучков — «сдѣлал два-три замѣчанія, нашел нужным внести второстепенныя поправки». Шульгин предложил: «принесла всенародную присягу». Царь написал: «ненарушную», что стилистически было гораздо правильнѣе — отмѣчает Шульгин.

****). В соответствии с заявленіями депутатов.

*****). «Мы не возражали, быть может, даже подтвердили» — указывал Гучков.

*****) Этим придавалась юридическая легальность назначеніям, которую в то время хотѣли имѣть делегаты: «Повѣщаемъ быть Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ» и т. д. Это дало повод Троцкому в «Исторіи русской революціи» говорить о «поддѣлкѣ историческаго акта», так как «дневное рѣшеніе» было «фактически взято обратно в расчетъ на болѣе благоприятный оборот колеса».

об его дальнейших планах. Е. В. ответил, что собирается поехать на несколько дней в Ставку, может быть, в Киев, чтобы проститься с Государыней Императрицей Мар. Фед., а затем останется в Царском Селе до выздоровления детей. Депутаты заявили, что они *приложат все усилия*, чтобы облегчить Е. В. выполнение его дальнейших намерений". Гучков утверждал, что он ничего не ответил за вопрос Николая II: ехать ли ему в Царское, или оставаться в Ставке, ибо он "не знал, что в этом случае посоветовать"...

Еще днем 2-го несколько упрощенно мысливший историограф занес в дневник: "Славный, безвольный, но хороший и чистый человек, а погиб из-за Императрицы, ее безумного увлечения Григорием, — Россия не могла простить этого, создавала протест, превратившийся в революцию". Как ни реален был "распутинский миф", не он, конечно, решил вопрос. Гучков был "поражен" тем, что его предложение отречься не встретило "никакого сопротивления". "Повидимому", у Царя "никакого внутреннего сопротивления не было", — утверждал Гучков в заседании 2 августа. Вся сцена отречения произошла на него "очень тяжелое впечатление". "Такой важности акт в истории России", — "крушение трехсотлетней династии". "И все это прошло в такой простой, обыкновенной форме, и я сказал бы, настолько без глубокого трагического понимания всего события со стороны того лица, которое являлось главным действующим на этой сцене, что мне прямо пришло в голову, да имеем ли мы дело с нормальным человеком... Человек этот просто до последнего момента не отдавал себе полного отчета в положении, в том акте, который он совершал. Все-таки при самом желанном характере, при самообладании, которому равного нельзя найти, что-нибудь в человеке дрогнуло, зашевелилось, вы почувствовали бы тяжелое переживание. Но ничего этого не было... Повидимому, человек с пониженной сознательностью, я сказал бы — с пониженной чувствительностью"...

Признать, что Гучков, как считал Щеголев, дал "совершенно правильную разгадку рвущей глаза выдержки" Царя нельзя. В виде иллюстрации (с наивной как бы просьбой в журнал не записывать) Гучков приводил отзыв одного из великих князей, которого он видел через несколько дней после отречения: "Господи, Господи, что за человек! Я видел Государя после отречения, и вы знаете, что он мне сказал: "Ну что, как у тебя там-то?" и назвал имение, где в кн. всегда жил. Это один из очень старых людей, перед которым не приходилось комедии играть. Мы могли подумать, что перед нами это была комедия, что он взял всю свою твердость и мужество в руки, чтобы не показаться ослабевшим, но это человек свой..., перед которым не надо было прикидываться!" И некий великий князь, информировавший Гучкова, и сам Гучков проявили себя плохими психологами. Гучкову мешало понять переживания момента и увидеть нечто обычное, человеческое в этих переживаниях личное враждебное отношение к отрекшемуся монарху.

Поражает в допросе Гучкова утверждение, что ему совершенно неизвестна была обстановка, предшествовавшая акту отречения 2-го.

Не только неизвестна была в момент самих переговоров, но и тогда, когда Гучков давал свои показания в Чр. Сл. Комиссии. "Мне казалось, — говорил там Гучков, — из разговоров, которые я имел потом с Рузским, что даже самые крайние решения, которые принимались и потом отменялись, не шли дальше обновления состава правительственной власти". Гучков категорически заявлял, что Рузский не знал (!) о дневной телеграмме с отречением. "Когда вы предложили акт отречения, вам Государь не сказал, что у него есть уже свой, уже заготовленный акт", — задал Гучкову вопрос председатель комиссии. "Нет", — ответил Гучков. Если бы в обстановке 2-го марта Гучков ничего не заметил, это можно было бы объяснить и волнением, о котором говорит Шульгин, и утомлением от предшествовавших дней и, наконец, сосредоточенностью мысли на выполнении возложенной на него ответственной миссии или выработанного им плана*).

Из царского поезда делегаты перешли в вагон главнокомандующего, где Рузский рассказывал, как подготавливалась псковская драма, и как последовательно происходили все ее этапы. Позднее все газеты обошли рассказ Шульгина, как происходило отречение, и в этом рассказе, воспроизводившем стенограмму доклада Шульгина во Временном Комитете, была затронута и предварительная стадия отречения, объясняя, почему манифест был помечен дневным временем. Тогда это указание прошло почти незамеченным, тем более, что в первых публикациях манифест был помечен 12 часами ночи (с прибавкой в объяснении: после приезда депутатов), что и запечатлелось в общественном сознании. Но как могла остаться Гучкову неизвестной предварительная стадия отречения через пять месяцев, совершенно непонятно. Допустим, что Гучкову в то время хотелось, быть может, бессознательно, с одной стороны, остаться инициатором попытки спасения династии и трона, а с другой стороны — акта, который безболезненно завершал в переходное время революционную смуту**). Он при этом совершенно забывал, давая характеристику психологии имп. Николая II, что в часы переговоров с думскими делегатами 2-го в сознании монарха даже не мог встать вопрос о крушении династии, — был личный вопрос, к разрешению которого в отрицательном смысле для себя Николай II после долгих колебаний и возможно мучительных переживаний был достаточно подготовлен... "Сердце царя в руках Божьих", — написал Царь Столыпину еще в 1906 г. И Царь внешне примирился с личной катастрофой для себя. Здесь больше всего скажется, повидимому, та мистическая покорность судьбе, в которой те, которые, пытавшиеся разгадать "сфинкса" на престоле, видят "сущность" характера погибшего ужасной смертью Императора. Как сви-

*) Характерно для обстановки, что ни Гучков не заметил имевшегося в царском поезде проекта отречения, ни Рузский проекта, привезенного депутатами. Но показания Рузского мы знаем все же в интерпретации посредника, который записывал утверждение генерала, что он «решительно никаких документов» в руках делегатов не видел. Гучков же сам свидетельствовал в Комиссии.

**) В позднейших воспоминаниях Гучков говорит, что у Царя был заготовлен текст манифеста.

дѣлствует запись царскаго дневника 2 марта, ея автор внутренне не примирился съ тѣм, что произошло. Краткое описаніе дня он закончил словами: "В час ночи уѣхал из Пскова съ тяжелым чувством пережитаго. Кругом измѣна, трусость и обман" *). "Отчаяніе проходит", — писал отрешившійся Император 4-го марта.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТВОРИМЫЯ ЛЕГЕНДЫ

I. Колебанія Царя.

В имѣющейся исторической литературѣ въ связи съ актом отреченія 2-го марта имп. Николая II создались уже двѣ легенды — одна протворившая другая.

Винником происхожденія одной явился ген. А. И. Деникин, который въ "Очерках русской смуты" сообщил о фактѣ имѣвшемся бы мѣсто на другой день послѣ отреченія. "Поздно ночью, — писал Деникин въ книгѣ, вышедшей въ 1921 г., — поѣзд уносил отрешающагося императора въ Могилев... Никогда никто не узнает, какія чувства боролись въ душѣ Николая II — отца, монарха и просто человѣка — когда въ Могилевѣ, при свиданіи съ Алексѣевым, он, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, как-то нерѣшительно сказал: "Я передумал, прошу вас послать эту телеграмму въ Петроград". На листѣ бумаги отчетливым почерком Государь писал о своем согласіи на вступленіе на престол сына своего Алексѣя... Алексѣев унес телеграмму и... не послал. Было слишком поздно: странѣ и арміи объявили уже два манифеста. Телеграмму эту, "чтобы не смущать умы", никому не показывал, держа въ своем бумажникѣ и передал мнѣ въ концѣ мая, оставляя верховное командованіе. Этот интересный для будущих біографов Николая II документ хранился затѣм въ секретном пакетѣ въ генерал-квартирмейстерской части Ставки".

Таким образом осуществилось как бы предчувствіе ген. Болдырева, занесенное им въ дневник: "какая-то непрочность чувствовалась въ этом документѣ, когда я нес его для передачи по аппарату" — дѣло шло о манифестѣ съ отреченіемъ въ пользу Михаила.

Как ни мало вѣроятенъ былъ подобный фактъ, сообщеніе авторитетнаго мемуариста без критики и анализа воспринималось въ позднѣйшихъ работахъ, претендовавшихъ на характер историческихъ изслѣдованій, хотя къ этому времени уже былъ опубликованъ матеріалъ, который заставлялъ по меньшей мѣрѣ съ нѣкоторой осторожностью относиться къ факту, переданному въ воспоминавіяхъ Деникина. Такъ воспроизвелъ это сообщеніе въ 1931 г. Троцкий въ книгѣ "Исторія русской революціи"; за нимъ повторилъ въ 1934 г. и Черновъ въ "Рожденіи революціонной Россіи".

Желая уяснить себѣ обстановку, въ которой могла родиться легенда о томъ, что Царь въ теченіе третьяго марта (онъ прибылъ въ Ставку въ 9 ч. веч.) перерѣшилъ вопросъ, завершанный наканунѣ въ 12 час. ночи, я обратился непосредственно къ автору воспоминаній, указавъ ему на

*) Въ воспоминаніяхъ Родзянко со словъ «одного изъ членовъ Думы», командированнаго на фронтъ и записавшаго рассказъ Рузскаго, передаетъ, что Царь по окончаніи тяжелой для него сцены отреченія будто бы сказалъ: «Единственный, кто честно и безпристрастно предупреждалъ меня и смѣло говорилъ мнѣ правду, былъ Родзянко». Слова эти къ мемуаристу попали все же черезъ третьи руки... Шульгинъ утверждаетъ, что у него вырвалось: «Ахъ, В. В. ...Если бы Вы это сдѣлали раньше...» (очевидно, согласіе на отреченіе отъ министерства). «Вы думаете — обошлось бы» — сказалъ «просто» отрешившійся Императоръ.

мотивы, которые заставляют сомневаться в возможности такого факта. Ген. Деникин ответил формально: "эпизод с телеграммой имп. Николая II изображен мною совершенно точно со слов покойного ген. Алексева. I т. "Очерков", где об этом говорится, вышел при жизни ген. Юзефовича, бывш. ген.-кварти. Ставки, которому я в свое время сдал этот документ"... Мог бы разъяснить Базили, который, по поручению ген. Алексева, выезжал на встречу Царя и вместе с ним прибыл в Могилев. Вот что ответил на мой вопрос Базили: "...Сообщаемое Деникиным должно быть основано на недоразумении. Я сам беседовал тогда по этому поводу с Царем, выразил ему всю скорбь, которую вызвало у нас его решение устранить сына... Может быть, Царь высказал Алексеву сожаление, что не внял его совету отречься в пользу Ал. Ник."*)).

Совершенно очевидно, что ни утром, ни днем 3-го Царь не думал перерывать того, что установлено было в Пскове. В 2 часа 56 мин. им была послана со ст. Сусанино в Петербург телеграмма новому государю. Она была адресована "Его Императорскому Величеству" и гласила: "События последних дней вынудили меня решиться безповоротливо на этот крайний шаг. Прости меня, если им огорчил тебя и что не успел предупредить... Горячо молю Бога помочь тебе и нашей Родине"***). Но допустим на момент психологически невнятное: Царь, действительно, передумал к моменту приезда в Могилев и вручил Алексеву ту телеграмму, которую начальник Штаба не послал — "было слишком поздно". Что это? — мотив ген. Алексева или сообщения ген. Деникина? Ни армии, ни стране еще ничего не было объявлено. Опубликование манифеста было задержано, и манифест появился в газетах на другой день одновременно с отречением в. кн. Мих. Ал. Задержку в освещении фронта о положении для Алексева считал столь пагубной, что, получив ранним утром сообщение о том, что в Петербурге обстановка изменилась, и что кандидатура Мих. Ал. признается неприемлемой, он наматывался потребовать от председателя Думы осуществления манифеста 2-го марта и выступил с инициативой созыва в ближайшие дни совещания главнокомандующих в Могилеве для "установления единства во всех случаях и всякой обстановке". В 2 часа Алексей о своем предположении доложил в. кн. Ник. Ник. и вместе с тем сообщил о том же всех главнокомандующих. Алексеву положение представлялось настолько острым, что позже, уже получив известие об отречении в. кн. Мих. Ал. и разговаривая по прямому проводу в 6 час. веч. с военным министром Гучковым, он высказал опасение, что манифест об отречении Мих. Алек. может повести к нежелательным осложнениям: "трудно предусмотреть, как примет стоящая в окопах масса манифест 3-го марта. Разве не может она признать его вынужденным со стороны?" Около этого времени Алексей имел телеграмму с Кавказа от Ник. Ник. по поводу регентства Мих. Ал., в которой выражается уверенность, что манифест о пере-

дать престола Мих. Ал.. "неминуемо вызовет рзнью". Среди ответов, полученных на дневную телеграмму главнокомандующим, один ответ как бы предугадывал возможный выход из тупика. Командующий 10-й армией Горбатовский*) предлагал изменить вторую половину манифеста, которая "не приведет к успокоению страны"; он считал бы "наилучшим" переход престола к наследнику, "к которому армия и народ присягали" и назначение "временно" регентом в. кн. Ник. Ник., как "более популярного среди войск и народа". "Новый манифест в таком виде, отменяющий ранее изданный, явился бы спасительным для родины, армии и народа", — заключал Горбатовский.

Трудно предположить, что в такой обстановке Алексей мог просто скрыть новое решение Николая II для того только, чтобы "не смущать умы". Правда, он узнал от Гучкова, что "обнародование обоих манифестов произойдет в течение предстоящей ночи", но не так в Ставке хорошо были осведомлены о настроениях в Петербурге, чтобы признать иллюзорными предшествовавшие слова Родзянко: "с регентством великого князя и воцарением наследника, быть может, помирились бы".

Всякая субъективная интерпретация не может считаться вполне убедительной. Но в данном случае она находит совершенно идентичное толкование в документе, который в копии воспроизведен в приложении к воспоминаниям полк. Пронина. Копия эта была засвидетельствована еще 2 августа 1917 г. самим Прониным — по какому случаю была сделана эта копия, автор воспоминаний не говорит. Вот ее подлинный текст: "Копия телеграммы на имя Председателя Гос. Думы, собственноручно написанной Государем Императором Николаем II днем 2 марта, по известной причине не отправленной по назначению и переданной ген. Алексеву. "Председателю Гос. Думы. Петроград: "Нет такой жертвы, которую Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения Матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы (он) остался при нас до совершеннолетия при регентстве брата моего Вел. Кн. Михаила Александровича. Николай..." Проект телеграммы относится, повидимому, к периоду 3-4 часа 2 марта 1917 г. Написан в Пскове. *Передан ген. Алексеву 3 марта вечером в Могилев.* (Курсив мой. — С. М.). Ген. Алексей. С подлинным верно: ген. шт. подполк. Пронин. 2 авг. 1917, 16 ч. 48 м. Могилев". Это — та, именно, телеграмма, которую Рузский вернул Царю вечером 2-го в момент, когда Гучков заканчивал свою речь. Ее-то и передал Николай II в Могилеве Алексеву.

Наконец, прямым опровержением легенды служит запись в дневнике самого Царя — она сделана была по обыкновению вечером 3 марта: "Говорил со своими о вчерашнем дне... В 8 ч. 20 м. прибыл в Могилев... в 9 час. с половиной перебрал в дом. Алексей пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 мѣс. в У. С. Бог знает, кто надумал его подписать такую гадость. В Петербурге беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше". К области досужей фантазии надо отнести предположения военного

*) Базили в то еще время, через мѣсяц приблизительно, подробно рассказывал французскому послу об отречении и указывал на то, что Царь свой отказ за наследника объяснил в беседе невозможностью расстаться с сыном.

**) Телеграмма была напечатана в свое время в работе Блока. Полк. Никитин говорит на основании «категорического заявления» кн. Брасовой, что телеграмма Великому Князю не была передана.

*) Ген. Эверт запросил предварительно мнения командующих отдельными армиями и сообщил их в Ставку.

историка Керсановского, что Царь взял назад псковское отречение, узнав от отказа брата.

Легенда, воспринятая и эмигрантской литературой, разбивается, как дым.

II. «Последние совѣты Царницы».

Источником другой легенды явился П. Н. Милоков. Я называю Милокова только потому, что на его «Историю» в этом случае ссылаются, и что он явился как бы обоснователем легенды. В действительности, начало легенды положили воспоминания сыгравшего активную роль в первые дни революции чл. Гос. Думы Вубликова (они появились в Нью-Йорке в 1918 г., первый том Милокова в 1921 г.). В них можно найти такой «анализ» акта отречения: «одной из основных черт характера семьи Романовых является их лукавство. Этим лукавством пропитан и весь акт отречения. Во-первых, он составлен не по формѣ: не в видѣ манифеста, а в видѣ депеши Нач. Штаба в Ставку. При случаѣ это кассационный повод*). Во-вторых, в прямое нарушение основных законов Имперіи Россійской он содержит в себѣ не только отречение Императора за себя, но что он, конечно, имѣл право, но и за наследника, на что он опредѣленно никаких прав не имѣл. Цѣль этого беззаконія очень проста. Права наследника этим несколько до существу не подрывались, ибо по бездѣльному и состоящему в морганатическом бракѣ Михаилу, в пользу котораго отрекся Николай, все равно автоматически имѣл вступить на престол Алексѣй. Но зато на время безпорядков с него как бы снимался всякій одіум, как с отрекшагося от своих прав». Последній тезис из произвольных расуждений бывшего думскаго депутата и заимствовал историк, придав ему болѣе осторожную и нѣсколько расплывчатую формулировку. В «Истории революции» Милоков написал: «Ссылка на отцовскія чувства закрыла уста делегатам**), хотя позволено думать, что в рѣшеніи царя была и известная политическая задняя мысль. Николай II не хотѣлъ рисковать сыном, предпочитая рисковать братом и Россіей в ожиданіи неизвѣстнаго будущаго. Думая, как всегда прежде всего о себѣ и своих даже в эту критическую минуту и отказываясь от рѣшенія, хотя и труднаго, но до известной степени подготовленнаго, он вновь открывал *весь* вопрос о монархіи в такую минуту, когда этот вопрос только и мог быть рѣшен отрицательно. Таковы были послѣднія услуги Николая II родинѣ».

В 1923 г. в «Красном Архивѣ» были напечатаны письма Алек. Феод. к мужу за дни отречения, давшія новый матеріал для дальнѣйшаго толкованія, в духѣ создаваемой легенды. Выдержки из одного из этих писем (2 марта) были уже приведены.

*) Государственная жизнь, конечно, разбивается не в кассационных судебных установлениях. Не могу себѣ представить, какое это могло имѣть значеніе. Фактически утвержденія мемуариста не соответствуют действительности. Но законники в Чрезв. Слѣд. Комиссіи Временнаго Правительства интересовались указанным вопросом, путая два акта 2-го марта (дневная телеграмма и манифест с отреченіем). Гучков засвидѣтельствовал, что «акт отречения был безымянный», т. е. копія, которую Гучков получил на руки, была без обращенія. Когда акт зашифровали, его предполагали послать по адресу Предсѣдателя Думы и главнокомандующаго фронтом.

**) По существу дѣло было совсѣм не так.

Эти конспиративныя «крохотныя письма», которыя «можно легко сжечь или спрятать», отправлены были с двумя офицерами («юнцами», как пишет А. Ф.) Грамотиным и Соловьевым. На другой день А. Ф. пытается отправить письмо через жену одного офицера. Она писала «Солнышко благословляет, молится, держится вѣрою и — ради своего мученика. Она ни во что не вмѣшивается, *ничего не видала из «тѣх» и никогда об этом не просила, так что не вѣрь, если тебѣ это скажут*. Теперь она только мать при больных дѣтях. Не может ничего сдѣлать из страха повредить, так как не имѣет никаких извѣстій от своего милаго... Такая солнечная погода, ни облачка — это значит: вѣрь и надѣйся. Все кругом черно, как ночь, но Бог над всѣм. Мы не знаем путей его, ни того, как он поможет, но услышит всѣ молитвы. Я ничего не знаю о войнѣ, живу отрѣзанная от міра. Постоянно новыя, сводящія с ума извѣстія — послѣднее, что отец отказался занимать то мѣсто, которое он занимал в теченіе 23 лѣтъ. Можно лишиться разсудка, но мы не лишимся; она будет вѣрить в свѣтлое будущее еще здѣсь на землѣ, помни это». Письмо, явно, писалось в нѣсколько приемов. Дальше А. Ф. сообщает: «только что был Павел — рассказал мнѣ все. Я *вполнѣ* (курсив А. Ф.) понимаю твой поступок. Я знаю, что ты не мог подписать противнаго тому, о чем ты клялся на своей коронаціи. Мы в совершенствѣ знаем друг друга, *нам не нужно слов, и клянусь жизнью, мы увидим тебя снова на твоём престолѣ* (курсив мой. С. М.), вознесенным обратно твоим народом и войсками во славу твоего царства. Ты спас царство своего сына и страну, и свою святую чистоту и (*Иуда Рузскій* — курсив А. Ф.) ты будешь коронован самим Богом на этой землѣ, в своей странѣ». Еще день: жена получила возможность перекинуться с мужем нѣсколькими словами по телефону; А. Ф. пишет 4-го: «Эта дама ѣдет сегодня, вчера она не уѣхала. Таким образом я могу написать еще. Каким облегченіем и радостью было услышать твой милый голос, только слышно было очень плохо, да и подслушивают теперь всѣ разговоры!... Только этим утром я прочла манифест и потом другой Михаил... Не бойся за Солнышко, оно не движется, оно не существует, но впереди я чувствую и предвижу свѣтлое сіяніе солнца... О Боже! Конечно, Он воздаст сторицей за всѣ твои страданія. Не надо больше писать об этом, невозможно! Как унижали тебя, послав этих двух скотов! Я не знала, кто это был, до тѣх пор, пока ты не сказал сам... Я чувствую, что армія возстанет!... «Только сегодня утром мы узнали, — сообщает А. Ф. в припискѣ, — что все передано М(ишѣ), и Бѣби теперь в безопасности — какое облегченіе!». Само письмо заканчивается словами: «найди кого-нибудь, чтобы передать хоть строчку — есть у тебя какіе-нибудь планы теперь?»

Оставлю свой анализ писем пока в сторонѣ. Интересно, как проанализировали эти строки другіе в момент напечатанія писем. Перед нами передовая статья парижских «Послѣдних Новостей» от 23 февраля 24 г., озаглавленная «Послѣдніе совѣты Царницы». Не приходится сомнѣваться в том, что статья написана Милоковым — не только потому, что послѣднія строки статьи словно воспроизводят то, что Милоков написал в «Историю», но и потому, что в «Россіи на переломѣ» автор ссылается на эту статью, как на свою. «Назначеніе Михаила — заключала передовая «Посл. Нов.» — было послѣдним даром Распутина Россіи и первым ударом по мирной революціи». Я

возьму комментарий передовика газеты почти *in extenso*, сократив только некоторые выдержки из писем. Прочитав из письма 2-го марта слова, что Царь "ни в коем случае не обязан" выполнять уступки, к которым его "припудят", автор переходит к письму, помеченному 3-м мартом "Страшная вѣсть" об отречении, наконец, доходит до Царицы... "Только что был Павел — рассказал мнѣ все"... "Теперь она... не может ничего сдѣлать из страха повредить". И *она спышит со слезами несбыточным что-то уже предпринятое* (курсив мой). "Она (все время в третьем лицѣ) ни во что не вѣрившаяся, никого не видѣла из "тѣх" и никогда об этом (о чем?) не просила"... Не будем догадываться, какія тайны похоронены в *этих стынных подготавливающих к возможному допросу*. Но то, что слѣдует за этим превосходит по важности все предыдущее. Дѣло касается смысла отречения не в пользу сына, как слѣдовало бы по закону, а в пользу брата, что было явно незаконно. Как известно, первоначально царь думал отречься в пользу наследника, но передумал за нѣсколько часов до прѣзда Гучкова и Шульгина. Видимо, в. кн. Павел Ал. передал царю не только о голом фактѣ отречения, но и о мотивах этой перемены намерений. Только (курсив повсюду мой) этим могут объясняться дальнейшія таинственные слова императрицы: "Я вполне понимаю твой поступок, о мой герой. Я знаю, что ты не мог подписать противное тому, о чем ты клялся на своей коронации (т. е. передать наследство сыну?)... Клянусь жизнью, мы увидим тебя снова на твоём престоле"...

Другое письмо, написанное в тот же день*), дает нѣкоторое пояснение: "только сегодня утром (это, очевидно, относится к той же бесѣдѣ с Пав. Ал.) мы узнали, что все передано М(ишѣ), и Бэби (наследник) теперь в безопасности — какое облегчение***). Смысл этих слов в связи с предыдущим может быть *только один* (курсив мой). Отказ в пользу брата недействителен, и это есть *тот трюк*, который задуман был и осуществлен в отсутствіи императрицы, но ею всецѣло одобряется: "Мы понимаем друг друга без слов". При условіи передачи власти Михаилу легче было впоследствии истолковать весь акт об отречении, как недействительный. Есть основаніе (?) думать, что такое толкованіе было вообще распространено среди великих князей".

Под влияніем ли самих писем А. Ф. или толкованій комментаторов Шульгин в воспоминаніях нѣкоторыя из этих мыслей приписал себѣ — в тот момент, когда перед думскими делегатами неожиданно встал вопрос об отречении в пользу брата. Тѣм самым мемуарист поддержал частично легенду о "трюкѣ". Припомним. "Если Государь не может отречься в пользу брата — подсказывал тогда Шульгин "кто-то другой", "болѣе быстро" за него соображающій, — пусть будет не правильность. Может быть, этим выиграем время... когда все уговорится... престол перейдет к Алексѣю Николаевичу"***).

*) В дѣйствительности на другой день.

**) Утром третьяго Пав. Ал. не мог сообщить об отречении Михаила.

***) В одном из своих болѣе ранних публичных выступленій (лекція в Бѣлградѣ в 22 году) Шульгин говорил (по крайней мѣрѣ по газетному отчету), что у него скользяла «іезуитская» мысль при согласіи на отречение

Из этих слов мемуариста представитель лѣваго направленія революціонной историографіи Чернов спышит сдѣлать вывод: "Иными словами наследника, его отца и мать временно "выводят из игры" и вмѣсто них ставился под удар в. кн. Мих. Ал. При неудачѣ расплачиваться головой должен был он, при удачѣ — плоды ея достались бы другому. Корона, которую везли Мих. Ал. Гучков и Шульгин, была подлинным "даром данайцев". Из слов Шульгина не слѣдовало, конечно, заключеніе, что во имя спасенія "Бэби" на закланіе "революціонному сброду" отдавался "Миша". Но почти несомнѣнно, что как Шульгин вообще не думал в часы переговоров об отречении. Это видно из отвѣта, который Шульгин дал 2-го марта ген. Данилову в качествѣ "специалиста по такого рода государственно-юридическим вопросам". "Несомнѣнно, здѣсь юридическая неправильность, — отвѣтил, по словам Данилова, Шульгин: "Но с точки зрѣнія политической, которая должна сейчас превалировать, я должен высказаться в пользу принятаго рѣшенія. При воцареніи царевича Алексѣя будет весьма трудно изолировать его от вліянія отца и, главное, матери, столь ненавидимой в Россіи. При таких условіях останутся прежнія вліянія, и самый отход от власти родителей малолѣтняго императора станет фиктивным; едва ли таким рѣшеніем удовлетворится страна. Если же отстранить отца и мать совсѣм от ребенка, то этим будет косвенно еще болѣе подорвано слабое здоровье цесаревича Алексѣя, не говоря уже о том, что его воспитаніе явится ненормальным. Терновым вѣнком страданія будут увѣнчаны головы всѣх трех".

Такой простой жизненный отвѣтъ, данный в тѣ дни*), впоследствии покрылся таинственной пеленой историческаго тумана... Чернов все-таки проявил большую осторожность, нежели передовик "Посл. Нов." в вопросѣ о "трюкѣ", придуманном в царской семьѣ о престолонаслѣдованіи, и центр тяжести переносит в предвидѣнія той "неутомимой женщины", которая хотѣла "лихорадочно" "тотчас послѣ отречения, втянуть мужа в разговор с цѣлью реставраціи". "Трудно судить, — замѣчает Чернов — насколько в унисон со своей политической Этеріей думал и чувствовал послѣдній русскій император. Она во всяком случаѣ в этом не сомнѣвалась и отречение в пользу Михаила рассматривала, как *тактический маневр*". Все же "надо думать, — полагал автор, — что в лабиринтѣ событій, гдѣ он (Николай) блуждал как безпомощно в это время, ему была брошена из Царскаго Села "нить Ариадны". То были три письма Императрицы от 1-го, 2-го и 3-го марта". Никакого письма от 1-го марта на дѣлѣ не было. Удивительно, что автор не задался даже вопросом: мог ли Царь до отречения получить письмо своей жены. Письмо от 3-го и 4-го, посланное через "жену офицера", было написано послѣ отречения, и естественно, не могло повліять на рѣшеніе**). Молодые офицеры, отправившіеся из

в пользу Михаила: «если фактическія событія пойдут так, что не сможет удержаться династія, то и тут положеніе Михаила будет легче, чѣм ребенка Алексѣя» («Руль»).

*) Он показывает, однако, насколько прав чл. Думы Шидловскій в утвержденіи, что проект об отречении в Петербургѣ не был даже серьезно обсужден.

**) Письмо через жену кап. Головкина Николай П получил 6-го, как видно из отмѣтки в его дневникѣ.

Царского, прибыли в Псков в ночь с 3-го по 4-ое, как устанавливает дневник ген. Болдырева: "...оба — приверженцы старого строя и в частности "Ея Величества". Я спросил их, кого им надо. — "Мы ъдем к Государю, думали застать его здѣсь; не откажите сказать, гдѣ теперь Е. В.". Я им сказал: "В Ставкѣ. От кого же вы имѣете порученіе и к кому? Замялись сначала, а потом сообщили, что к Государю, — "хотим освѣтить ему правдивое положеніе дѣл". Когда их принял Рузскій, они сознались, что везут по письму, кажется дубликаты, Государю от Ея Величества..." *).

Если подойти к письмам А. Ф. без кривотолков и предвзятых толчков зрѣнія, то многія "тайны" перестанут быть ими. Вот таинственные "тѣ" и "это", о которых сообщает она 3 марта, подготавливаясь к "возможному допросу" и спѣша "сдѣлать несдѣланным что-то уже предпринятое".

Тот, кто внимательно и полностью прочтет письма А. Ф., тот легко усмотрит, что под титулом "они" у нее всегда фигурируют думскіе дѣятели. Это даже ясно из того письма, о котором идет рѣчь и в котором А. Ф. негодует на в. кн. Кирилла, который "опалѣд, ходил в Думу с экипажем и стонт за них". Подобная терминологія, как свѣдѣтельство-вали в показаніях перед Чр. Слѣд. Комиссіей, пришла от "Друга", которому так вѣрила Царица: "они" — это члены Государственной Думы... Попробуем подставить вмѣсто "они" — члены Гос. Думы. Тогда получится текст: "Она ни во что не вмѣшивалась, никого не видѣла из членов Г. Д. и никогда об этом не просила, так что не вѣрь если тебѣ это скажут". Легко дешифрируется и "это".

**

В письмѣ 2-го марта, гдѣ А. Ф. говорила о недѣйствительности вынужденных со стороны Царя "уступок", она упоминала, что в. кн. Павел составил "идиотскій манифест относительно конституцій послѣ войны". Еще в первые дни послѣ переворота, 11 марта, в "Русской Волѣ" появилось интервью, данное в. кн. Павлом, в котором послѣдній разъяснил исторію этого конституціоннаго проекта. Начинаясь интервью с разсказа о том, как 28 февраля Пав. Ал. был вызван во дворец к А. Ф. "Побѣжайте немедленно на фронт" — заявила она: "постарайтесь привести преданных нам людей. Надо спасти во что бы то ни стало трон. Он в опасности". "Я отказался. — разсказывал П. А., — ссылаясь на то, что мои обязанности, как начальника гвардіи, касаются только хозяйственной части. В душѣ же я был убѣжден, что звать войска бесполезно. Все равно присоединятся к революціи". Интервьюированный явно подлаживался уже к революціонным настроеніям и, как многіе другіе члены великокняжеской семьи, виѣшне отгораживался тогда от царской семьи. Приходится усомниться в том, что в. кн. Павел был вызван 22-го специально в цѣлях побудить его

*) Раньше Чернова легенду повторил в сов. Росс. ген. Мартынов, автор, несомнѣнно, лучшей работы по исторіи февральских дней, по крайней мѣрѣ в смыслѣ подбора матеріалов, но повторил ее только, как характеристику точки зрѣнія Миллюкова, без каких-либо добавленій от себя. Как связываются в сознаніи всѣх этих изслѣдователей двѣ столь противоположныя легенды, как легенда денкинская и легенда миллюковская, довольно трудно себѣ уяснить: они воспроизводят обѣ.

поѣхать на фронт, так как надо было "все что бы то ни стало" спасать трон. Такого страха еще не могли испытывать в Царском Селѣ, гдѣ все сравнительно было "благополучно", и гдѣ знали об отправкѣ надежных войск с фронта.

Керенскій в своей книгѣ «La Verité», опираясь отчасти на показанія дочери лейб-медика Боткиной-Мельник, по существу и хронологически очень неточныя, изобразил положеніе в Царском Селѣ критическим к полудню 28 февраля, когда Царица и ея дѣти находились уже под охраной революціонных сил*). Насколько это не соответствовало дѣйствительности показывает разсказ того самого члена Гос. Думы Демидова, который был командирован Временным Комитетом вмѣстѣ с другим членом Думы Степановым в Царское Село и на которого ссылается Керенскій. Вот как через 10 лѣт Демидов изобразил свою поѣздку в "Послѣднихъ Новостях". Вечером 28-го Миллюков обратился от имени Вр. Ком. к Демидову и Степанову с предложеніем поѣхать в Царское Село. "Есть одно серьезное дѣло", — сказал он им: "Из Царскаго получены тревожныя и противорѣчивыя слухи: по однимъ царскосельскій гарнизон идет на Петербург, по другимъ — там с минуты на минуту грозит всыхнуть мятеж. Необходимо попытаться предупредить и то, и другое". "На слѣдующій день (т. е. 1 марта) — разсказывает Демидов — друзья проводили нас сумрачно. И у нас на душѣ было волнительно и заботливо... Царское Село — там стояли стрѣлки императорской фамилии. Невольно думалось, что слухи о походѣ на Петербург вѣрнѣе слухов о готовящемся взрывѣ на мѣстѣ... О нашем приѣздѣ было дано знать, и нас встрѣчали. Начальник станціи сообщил, что при выходѣ нас ждут придворный экипаж и военный автомобиль из ратуши, гдѣ идетъ гарнизонное собраніе. Начало мало походило на поход противъ Петербурга и на готовившійся мѣстный взрыв... Было около 11 час. утра. В городѣ тихо. Улицы почти пусты. Послѣ Петербурга, кипѣвшаго, как в котлѣ, это было странно". Депутаты поѣхали в ратушу и были встрѣчены в собраніи долгими бурными рукоплесканіями. Они сообщили о переходѣ власти в руки Гос. Думы и закончили призывом к "войнѣ до побѣды". "В отвѣтъ раздалось оглушительное ура... Нас окружили офицеры. У всѣхъ была одна просьба: ѣхать немедленно по казармам. Войска еще в рубѣх... Еще сутки неизвѣстности, и дисциплина может рухнуть". Депутаты поѣхали. Небезынтересны их показательныя наблюденія. В одной из казарм, гдѣ солдаты отказались выйти для бесѣды с депутатами, послѣдніе наткнулись на совершенно "скотскія условія" содержанія солдат. "За два с половиною года мировой войны я объѣзжалъ все три фронта", — говорит Демидов: "но такой "казармы", какою оказалась царскосельскій манеж, встрѣчать мнѣ не приходилось", — "сразу почувствовалось, что слухи о взрывѣ могли имѣть под собой почву"***). По окончаніи объѣзда депутатами казарм в ратушу приѣхалъ дворцовый комендантъ фон Гротген, с которым у Демидова произошел такой приблизительно раз-

*) То же утверждал Керенскій и в предшествующей своей книгѣ «L'Experiences».

**) Отмѣчаем это в противовѣсъ «уличнымъ» сужденіям о том, как «конвой ЕВ» во время продовольственныхъ стѣсненій «обжирался жареными гусями и поросятами». Такихъ сужденій набрался толстовецъ Булгаков, бродя въ Петербургѣ перваго марта.

говор. “До приезда Государя, — сказал комендант, — я ничего не могу делать другого, как защищать дворец до последней возможности. Я не могу ни с кем входить в переговоры... Мы, конечно, нападение отобьем, но это будет ужасно”... “Могу ручаться, — перебил генерала Демидов, — что этого не случится, если не будет какого-либо вызова со стороны дворцовой охраны”. “За это я ручаюсь, — в свою очередь сказал Гроттен и попросил захватить во дворец и поговорить с охраной. “Подумайте, генерал, — возразил депутат, — вѣдь говорить мы можем только от лица Гос. Думы. Мы должны сказать, что сейчас власть в руках Думы..., что царского правительства больше нѣт. Какое будет ваше положение? Стало быть я вы признали Думу...”

Этим характерным разговором и можно закончить описание, данное Демидовым той миссии, которую он выполнил. Оно стоит на дистанции огромных размеров от описания, которое подсказывало Керенскому его тогдашнее революционное чувство и позднейшее желание перед иностранцами представить мощный единодушный порыв февральских дней и полную изоляцию уходящей в историю монархии*). По словам Керенского члены Думы были посланы для того, чтобы выяснить, в каком положении находится царская семья среди мятежного гарнизона. Демидов будто бы установил, что Царица была немедленно составлена всеми служителями и вынуждена была сама ухаживать за больными детьми. Гроттен просил новую власть взять на себя охрану царской семьи. Позднейший рассказ Демидова все это опровергает, как опровергает и занесенную в воспоминаниях Вырубовой версию о “приказании” Родзянко всей царской семье выйти из дворца: “когда дом горит, все выносят”**).

Когда думские депутаты уѣзжали вечером из Царского, им передали, что “ген. Иванов с какой-то частью шел на Царское, но его поезд пустили по другому направлению”. Слух был невѣрен. Иванов, как мы знаем, прибыл в Ц. С., нашел здѣсь все в состоянии довольно спокойном и охрану царскосельского дворца надежной. Впечатления извѣстнаго инженера Ломоносова, поздно вечером прибывшаго в Царское, гдѣ жила его семья, сводились к тому, что “мѣстные войска объявили себя нейтральными...”***).

“Идет рѣдкая стрельба, — это солдаты от радости стреляют в воздух”. Нѣт данных, подтверждающих повѣствованіе Жильера о том, что вечером первого марта мятежники “стали наступать на дворец, и что столкновение казалось неизбежным”. “Императрица, — расска-

*) Отмѣтим, как реагировала на всѣ эти факты в своем дневникѣ Гиппиус, приходившаяся двоюродной сестрой Степанова. Она записала 2-го марта: «Демидов и Вася ... ѣздили в Царское от Дум. Ком. — назначить «коменданта» для охраны царской семьи. Поговорили с тамошним комендантом и как-то неожиданно глупо вернулись «вообще». Упомянутая франц. журналистка Маркович протѣ отмѣтила, что Царица у себя во дворцѣ охранялась «двумя депутатами».

**) Пародію уже дал в своей изумительной по тенденціозности книгѣ ген. Дитерихс, ярко живописавший расправы озвѣрѣвшей многочисленной толпы черни в Царском Селѣ 28 февраля.

***) Среди документов «военной комиссии» можно найти сообщеніе, помѣченное 4 ч. дня 28-го, что «собратье Е. И. В. жел. (д.) полк не присоединился, им охраняется царская вѣтка», это б. в то время, когда револ. войска, по утверждению Керенского, заняли Царскосельскій дворец.

зывает Жильер, — была вѣ себя от ужаса при мысли, что кровь прольется на ея глазах, и вышла с Маріей Николаевной к солдатам, чтобы побудить их сохранять спокойствіе. Она умоляла, чтобы вступили в переговоры с мятежниками”. Ни первого, ни второго марта со стороны “мятежников” никаких активных дѣйствій против царскосельского дворца не было предпринято. Думается, правдивую картину происходившаго в Александровском дворцѣ дал в своих воспоминаніях бывшій “придворный скороход” эстонскій гражданин Оамер. По его словам, командир своднаго пѣхотнаго полка, Комаров, распоряжился вызвать во дворец весь полк, расположенный у павильона императорской вѣтки. Всѣ части прибыли в боевой формѣ, с ружьями и пулеметами и расположились в обширном подвалѣ дворца, принявшаго вид военнаго лагеря. У ворот и кругом дворца были разставлены часовые посты. Когда со стороны расквартированных в Ц. С. I. II. IV стрѣлков, л. гвардіи гусарскаго и кирасирскаго полков стала слышаться беспорядочная ружейная стрѣльба, Комаров распорядился поставить у ворот дворца два пулемета. А. Ф., узнав про это, отмѣнила распоряженіе. “Должен замѣтить, — пишет Оамер, — что А. Ф. выказала себя в эти тревожные дни и ночи женщиной с крѣпкими нервами и большой выдержкой характера. Она нѣсколько раз, раза два даже в 2-3 часа ночи, спускалась в подвал Александровскаго дворца, проходила медленно мимо стоявших солдат и, бодро смотря им в глаза, говорила: прошу ни при каких обстоятельствах не стрѣлять, быть хладнокровными, стараться уговаривать словами. Я готова все претерпѣть, только не хочу крови”... “Среди собранинх для охраны дворца солдат и казаков конвоя в виду их отгѣзанности от остальнаго міра и посившихся слухов о готовящемся обстрѣлѣ из орудій и штурмѣ дворца, возникло тревожное настроеніе. Солдаты и казаки собрали общее собраніе, гдѣ при общем одобреніи выбрали депутацію из 3 офицеров и около 20 солдат и казаков. Всѣм им надѣли на рукава бѣлые повязки и, взяв с собой бѣлый флаг, сдѣланный из приколотенной к пальтѣ скагерти, они вышли на грузовикъ в казармы лейб-гвардіи I-го стрѣлковаго полка, откуда раздавалась беспорядочная ружейная стрѣльба... Встрѣтили депутацію дружелюбно, так как и там от неопредѣленности, что дѣлается среди войсковых частей, находившихся во дворцѣ, было настроеніе нервное и неспокойное. Как оказалось дѣйствительно, орудія были направлены дулами по направлению Александровскаго дворца. Согласились обоюдно охранять порядок во дворцах и на прилегающих к ним улицах сводному пѣхотному полку и казакам Конвоя Е. В., а вокзалы и остальную часть улиц Царскаго Села и Павловска стрѣлкам*)... По выясненію прибывшими парламентарями, среди казаков и солдат тревожное настроеніе улеглось. Всѣ, кромѣ обычнаго наряда, были отправлены обратно в свои казармы”. Между обѣими сторонами была установлена “нейтральная зона”, и дворцовая охрана надѣла бѣлые повязки. Но она не была разоружена, как отмѣтила в своих воспоминаніях бывшая замужем за кн. Иоанном Конст. сербская королева Елена Петровна, посѣтившая дворец 1 марта. (Когда корнет Марков, покинув царскосельскій лазарет 4 марта, явился во дворец, там по прежнему на постах стояли вооруженные солдаты своднаго полка). То-

*) Кстати, в Павловскѣ до полудня 1 марта порядок не был нарушен.

гда же был послан в Петербург фл.-ад. Ливевич для переговоров с "думскими" кругами через посредство Родзянко.

Итак, ни первого, ни второго марта со стороны "мятежников" никаких активных действий против царскосельского дворца не было предпринято. Вырубова была больна, лежала с жаром и, вероятно, в представления ея все достаточно перепуталось — поэтому ей казалось, что бунтующие с пулеметами надвигались на дворец для того, чтобы его разгромить, и что охрана дворца покинула его уже 1-го марта и что по самому дворцу уже ходили кучки революционных солдат.

Из письма А. Ф. 2-го видно, как стесняется постепенно атмосфера, как изолируется понемногу дворец от внешнего мира, и как близкие люди попадают на учет или оказываются арестованными. "Ты прочтешь все между строк и почувствуешь, — писала она мужу: "всего не скажешь в письмах", но как все это далеко от того жуткого "человѣческаго" одиночества, о котором говорил в своих парижских докладах (уже для русской публики) в 36-м году Керенский, когда с образностью, переходящей в фальшь, утверждал, что царская семья всеми была покинута и "революционеры бѣжали в алтеку" за дѣкарствами для больных дѣтей*). А. Ф., конечно, бодрилась, когда говорила о своем даже боевом настроении: "все мы бодрь, не подавлены обстоятельствами, только мучаемся за тебя". С ночи на 3-е "тренога" должна была усиливаться, ибо был арестован поздно вечером в ратушѣ ген. Гроттен ("совершенство" аттестовала его Царица в письмах 2-го) и другие лица (сообщения из Ц. С. в Ставку). Внешне, однако, все еще по старому: "Мы все держимся по прежнему, каждый скрывает свою тревогу... вечером, — пишет А. Ф. 3-го, — я с Марией дѣлаю свой обход по подвалам, чтобы повидать всех наших людей — это очень ободряет..."**).

**

Три дня, прошедшие с 28 февраля, — время огромное для момента, когда события текли с быстротой часовой стрелки. Вероятно, обстановка, в которой происходило первое свидание А. Ф. с вел. кн. Павлом, была ближе к характеристикѣ, которая дана была в письмах 2-го марта: "Павел, получивший от меня страшнѣйшую головомойку за то, что ничего не дѣлал с гвардіей, старается теперь работать изо всех сил и собирается нас всех спасти благородным и безумным способом". Дѣло идет об "идиотском манифестѣ относительно конституции послѣ войны". Предоставим вновь слово в. кн. Павлу оно, конечно, претворено вос-

*) На воспоминания Керенского, лично не бывшаго в эти дни в Ц. С., вероятно, оказало влияние свидѣтельство той же Вырубовой, утверждавшей, что из царскаго окружения "спаслись все, кто мог". Однако, она дѣлала оговорку, что «вся так называемая половина Ея Величества, все до одного человека, начиная с камердинера и кончая низшими служащими, все остались».

**) У мемуаристов разнаго ранга «удивительным образом» можно встрѣтитъ выраженіе сожалѣнія или злорадства по поводу того, что в Россіи не нашлось вѣрных ландскнехтов, погибших защищая монархію, на подобіе швейцарцев Людовика XVI. Условія осады Тюльерійскаго дворца весьма мало походили на условія пребыванія царской семьи в Александровском дворцѣ. Параллель здѣсь не уместна.

пріятіем газетнаго сотрудника*). "1-го марта, — продолжает интервью, — я исторично был вызван во дворец, но пойти туда отказался. В это время у меня на квартирѣ готовился манифест о полной конституціи русскому народу. Его должен был подписать Николай Александрович. Заручившись подписями Кирилла Вл. и Мих. Ал. и подписавшись под этим манифестом сам, я отправил манифест в Гос. Думу и вручил его под расписку Милюкову. А уже потом я отправился во дворец. Первые вопросы, заданные мнѣ тогда Алек. Фед., были такіе: — "гдѣ мой муж? жив ли он? И что нужно сдѣлать для улаженія безпорядков?" Я передал А. Ф. содержаніе заготовленнаго мною манифеста, и она его одобрила". Далѣе передавалось содержаніе этого не очень удачнаго по формѣ выраженія "манифеста". "В твердом намѣреніи переустроить государственное управленіе в Имперіи на началах широкаго представительства, мы предполагаем пріурочить введеніе новаго государственнаго строя ко дню окончанія войны", — начинал манифест и перекладывал затѣм отвѣтственность на "бывшее правительство", которое, "считая нежелательным установленіе отвѣтственности министров перед отечеством в лицѣ законодательныхъ учрежденій, находило возможным отложить этот акт на неопредѣленное время. Событія послѣднихъ дней, однако, показали, что правительство, не опирающееся на большинство в законодательномъ учрежденіи, не могло предвидѣть возникших волненій и их властно предупредить". Посему: "Мы предоставляемъ государству русскому конституціонный строй, повелѣваемъ продолжить прерваннаго указомъ нашимъ занятія Гос. Совѣта и Гос. Думы, поручая предсѣдателью Гос. Д. немедленно составить временный кабинет и в согласіи с ним озабочиться созывомъ Законодательнаго Собранія, необходимаго для беззастѣнчиваго разсмотрѣнія имѣющаго быть внесеннымъ правительствомъ проекта новыхъ основныхъ законовъ Россійской Имперіи"***).

Манифест еще не былъ представленъ во Временный Комитет, когда до в. кн. Павла дошло сообщеніе о том, что начались разговоры по поводу отреченія и назначенія Мих. Алек. регентом. Тогда, как мы уже знаем, в. кн. Павелъ написалъ своему племяннику Кириллу с просьбой переговорить с Родзянко. Племянникъ, уже ходившій с краснымъ флагомъ, нѣсколько раздраженно отвѣтилъ дядѣ: "...до меня дошли лишь слухи. Я совершенно с тобой согласен, но Миша, несмотря на мои настоящія просьбы работать ясно и единомысленно с нашимъ семействомъ, прячется и только сообщается секретно с Родзянко. Я былъ все эти тяжелые дни один, чтобы нести свою отвѣтственность передъ Никой и родиной, спасая положеніе, признавалъ новое правительство".

Тактика спасенія династіи, примѣненная в. кн. Кирилломъ в революціонные дни, вызвала рѣзкое отрицательное отношеніе къ себѣ не только со стороны А. Ф. Братъ легитимнаго кандидата на Россійскій

*) Кн. Палѣй утверждаетъ, что корреспондентъ пришелъ къ нему подъ видомъ «офицера», и что Великій Князь отказался с нимъ бесѣдовать — это не помѣшало появленію длиннѣйшаго интервью. Откуда корреспондентъ могъ узнать факты, о которыхъ говорится в интервью и которые соответствовали дѣйствительности? В. Кн. написалъ опроверженіе, которое с большими измѣненіями воспроизвело «Новое Время».

**) Характерно, что А. Ф. уловила лишь первый абзацъ «манифеста» в это время, какъ его сущность была какъ разъ противоположной.

престол занес в дневник 9 марта такое суждение по этому поводу старшаго в родѣ в. кн. Ник. Ник.. "Поведеніе в. кн. Кирилла глубоко возмущило всѣх". "Еще послѣ опубликованія отреченія это было бы допустимо, но до этого долг присяги и чести не допускали таких дѣйствій, т. е. переходить на сторону в то время врагов Государя, гдѣ кровь наших предков, честь и сознание своего достоинства".

Редакція "Краснаго Архива" не расшифровала того лица, скрытаго в письмѣ в. кн. Павла под инициалами Н. И., при посредствѣ котораго Павел Александрович был все время в контактѣ с Государственной Думой, между тѣм это нетрудно сдѣлать. Подразумѣвался здѣсь прис. пов. Иванов — тот самый, который позже играл в дни гражданской войны нѣсколько двусмысленную роль при образованіи Сѣв.-Зап. Правительства на фронтѣ ген. Юденича. Посредническая роль его недостаточно ясна*), равно как и всѣ предварительные шаги, предшествовавшіе составленію "манифеста" и охарактеризованные в. кн. Павлом в интервью словами: "Я слѣдил за ходом событій и был в курьѣ всѣх дѣл".

Попытка спасти положеніе "манифестом" запоздала. В момент, когда дядя и племянник сомнѣвались еще письмами, "новое теченіе" в "Думѣ" уже опредѣленно оформилось в категорическое требованіе, и Родзянко, как мы знаем, писал лицу, намѣчавшемуся в регенты: "успокой страну только отреченіе от престола". Жена в. кн. Павла, кн. Палѣй, информируя, с своей стороны, Императрицу о настроеніях "в Думѣ" и предпринятых ею мужем шагах, на другой день писала: "весь вчерашній день он был в угнетенном состояніи, так как не было ни побѣд, ни телефонов, вѣрный нам человек, который держал нас в контактѣ с Гос. Думой, не появился". Второго, когда писалось письмо с тайнственным "они", А. Ф. даже не представляла себѣ, что поставлен вопрос о смѣнѣ верховной власти. Перед нею, как *memento mori*, стоял "идіотскій" манифест, измышленный стараніями в. кн. Павла Ал. Едва ли при такой квалификаціи манифеста можно предположить, что А. Ф. "одобрила" его содержаніе, как утверждал П. А. в интервью. Но я не рискнул бы без оговорок подтвердить и имѣющіяся свѣдѣнія, что Императрицѣ было предложено подписать проект манифеста, но она категорически отказалась**). Она могла отнестись в общих чертах сочувственно к тому политическому шагу, который дѣлал в. кн. Павел, и в котором она готова была видѣть неизбежную теперь уступку общественному мнѣнію, против чего с присущей страстностью и упорством она боролась послѣдніе годы. Недаром "идіотскій" манифест все же она назвала "благородным и безумным способом" спасенія. Положеніе казалось А. Ф. безнадежным. Она надѣялась не только на "чудо", но и на то, что захватившій всѣх "микроб" постепенно исчезнет. "Два теченія — Дума и революціонеры, которые, как я надѣюсь, отгрызут друг другу голову, — это спасло бы положеніе", — писала Ал. Фед. 2-го... "Когда узнают, что тебя не выпу-

стили, войска придут в неистовство и встанут против всѣх. Они думают, что Дума хочет быть с тобой и за тебя. Что же, пускай они водворят порядок и покажут, что они на что-нибудь годятся, но они зажгли слишком большой пожар, и как его теперь потушить?" "Бог поможет, поможет", — заканчивала Царица письмо, — "и твоя слава вернется. Это — вершина несчастій!.. Какой ужас для союзников и радость врагам. Я не могу ничего совѣтовать, только будь, дорогой, самим собой. Если придется покориться обстоятельствам, то Бог поможет освободиться от них"***). В письмѣ, отправленном 3 марта, кн. Палѣй сообщила о новых "ужасах", имѣвших мѣсто наканунѣ ("главное, рѣчь Милюкова") и побудивших в. кн. Павла экстренно с "вахтером" послать в 12 час. слѣдующее письмо Родзянко ("мы сообща составили", — писала княгиня): "Как единственный оставшійся в живых сын Царя-Освободителя, обращаюсь в Вам с мольбой сдѣлать все, от Вас зависящее, дабы сохранить конституціонный престол Государю... Я бы не тревожил Вас в такую минуту, если бы не прочитал в "Извѣстіях" рѣчь мин. ин. д. Милюкова и его слова о регентствѣ в. кн. Мих. Ал. Эта мысль о полном устраниніи Государя меня гнетет... Я бы сам пріѣхал к Вам, но мой городской мотор реквизирован, а силы не позволяют итти глѣшком". Слѣдовательно, 3-го в 12 час. дня в. кн. Павел не знал еще о фактическом отреченіи — письмо кн. Палѣй заканчивалось вопросом: "есть ли извѣстія от Государя? В Псковѣ ли он или уѣхал и куда, и на что рѣшился?"***). Не знала и Ал. Фед. — не знала "совершенно ничего", когда начала писать письмо, предположенное к отправкѣ через "жену офицера". Она не вѣрят еще тѣм "самым гнусным сплетням", которыя доходят до нея и могут "довести человека до безумія". И она пишет мужу, что она ничего не предпринимает, никого из думских людей не видѣла и не участвовала в переговорах о "конституціи". *Только так*, на мой взгляд, можно истолковать "тайну", которая заключалась в непосказательных строках Императрицы.

Предпринимала ли в своем "боевом" настроеніи А. Ф. какіе-нибудь реальные шаги для противодѣйствія революціи, не удовлетворенная той мягкотѣlostью (по выраженію большевиков — Покровскій) которую проявлял Николай II? В письмѣ 3-го, мы знаем, она писала, что "не может ничего сдѣлать из страха повредить, так как не имѣет никаких извѣстій"... "теперь она только мать при больных дѣтях". Ну, а раньше? В тѣх же "Послѣдних Новостях", н номерѣ от 30 апрѣля 24 г. появилась нѣсколько странная статья, автор которой скрылся под псевдонимом Z. Он расширил рамки темы о "тѣх", которые участвовали в "этом", и говорил о планѣ, который осуществлял "тріумвират" в лицѣ Царицы, командующаго войсками Хабалова и военнаго министра Бѣляева. Это одна из версій легендарнаго "протопоповскаго" проекта: спровоцировать революцію и подавить ее пулеметами. На основаніи каких-то матеріалов ген. Аверьянова, которые будут опубликованы, автор говорил о 500 пулеметах, остав-

*) «Носи Его (т. е. Распутина) крест, если даже неудобно, ради моего спокойствія». — добавляла А. Ф. почти обычную свою просьбу.

**) В воспоминаніях Палѣй сообщает, что в. кн. Павел был осѣдломленным утром 3-го об отреченіи «вѣрным» человеком, присланным ген. Рессинем, командиром Своднаго полка в Ц. Селѣ, и уже в 4 ч. 30 м. утра читал сам Манифест.

*) О нем упоминает кн. Палѣй, рассказывая, как составлялся в 4 часа дня перваго марта кн. Путятиним, причисленным к Мин. Двора, Бирюковым и Ивановым — «Манифест».

**) Это утверждает снова кн. Палѣй. Ей рассказывали, что ф. Гроттен на колѣнях просил А. Ф. дать свою подпись.

ленных для этой цели в Мурманск из числа присланных для фронта. "Документы" эти до сих пор не были опубликованы, и, следовательно, разуждения Z должны быть отнесены к области исторической фантастики, для которой нет места в историческом новствозании*).

Реально мы знаем только о свидании А. Ф. с ген. Ивановым в ночь с 1-го на 2-ое марта. В передаче Иванова при допросе в Чр. Слѣд. Ком. рѣчь шла о приѣзде Царя, о необходимости создать правительство, пользующееся доверіем и т. д. "Только не поручусь, — добавлял генерал, — что она сказала слово: "отвѣтственное". Естественно, Иванов не стал передавать то интимное, что между ними могло быть говорено. Но вот рассказ вел. кн. Николая Мих., занесенный им в дневник. Человек этот довольно страстно не терпѣл Царицу, — в его дневникѣ попадаются квалификации, которые трудно в печати повторять. "Государыня, — записывал Ник. Мих., — казалась очень хорошо владѣла собой и была невозмутимо спокойна. Она увѣряла генерала, что энергичными дѣйствіями он легко может восстановить порядок в Петроградѣ... что все это возстаніе ничто иное, как недоразумѣніе, ...что мало вѣроятно, чтобы он (Император) рѣшился отречься от престола, и если бы даже он это сдѣлал, то это было бы только для того, чтобы успокоить умы и в пользу наследника, а в виду несовершеннолѣтія послѣдняго установить регентство под ея попеченіем. Иванов был ошеломлен всѣм этим разговором, старался показать невозможность идти на Петроград и должен был сознаться, что он может принять только единственное рѣшеніе вернуться в Могилев". Почти не приходится сомнѣваться в том, что это позднѣйшая запись из вторых рук, — даже дата указана ошибочно: ночь с 2-го на 3-е**). Совершенно невѣроятно, чтобы А. Ф. могла с Ивановым говорить об отреченіи. Судя по письму А. Ф. 2-го, если она побуждала Иванова к активным дѣйствіям, то не в сторону Петербурга, а на освобожденіе Николая II, попавшаго в западню присаками "революціонеров". "Милый старик Иванов сидѣл у меня от 1 до 2.30 час. ночи и только постепенно исполнѣ уразумѣл положеніе"... "Я думала, что он мог бы пробѣжать к тебѣ через Дно, но сможет ли он прорваться? Он надѣялся провести твой побѣд за своим".

Вся обстановка, вырисовывающаяся из приведенных данных, составляет по иному подтоит к моменту, когда А. Ф. получила сообщеніе об отреченіи Царя, и нѣсколько болѣе осторожно и по другому интерпретировать остальные "таинственные" слова в ея письмах. Этот момент, очевидно, пришелся уже на вечерніе или предвечерніе часы, а не на утренніе, и, начав писать письмо послѣ полученной от кн. Палѣй информации, центром которой был все же "идіотскій" манифест, А. Ф. заканчивала письмо послѣ разговора с в. кн. Павлом. Припомним, что по предположенію автора статьи в "Пос. Нов.", А. Ф. должна была получить от в. кн. Пав. Ал. сообщеніе "не только о геном фактѣ отреченія, но и о мотивах этой перемѣны намѣренія" (т. е. о замиѣ сына бра-

*) Разговоры об этом «планѣ» должны быть сопоставлены с престолу-тыми слѣдствіями о сепаратном мирѣ, который будто бы готовился накануне революціи в нѣкоторых правых политических кругах. Эта легенда разсмотрѣна в первой части моей работы.

**) Насколько в великокняжеской семьѣ неясно представляли себѣ и впоследствии ход событій, показывают воспоминанія Палѣй, рассказывающей, что ген. Иванов достиг Колпина, гдѣ был арестован мятежными войсками.

том). Великій Князь мог сам знать только то, что сообщили Гучков и Шульгин, — и то, вѣроятно, с чужих слов. Ничего специфическаго, поясняющаго "таинственные слова" Пав. Ал. сообщить не мог. В интервью, напечатанном в "Русской Волѣ", со слов Великаго Князя так рассказывалось о посѣщеніи им дворца 3 марта: "У меня в руках был свѣжій номер "Извѣстій" с манифестом об отреченіи. Я прочел его А. Ф. Об отреченіи А. Ф. ничего не знала. Когда я закончил чтеніе, она воскликнула: "не вѣрю, все это — враки, газетныя выдумки. Я вѣрю в Бога и армію. Они нас еще не покинули". Мнѣ пришлось разъяснить опальной царицѣ, что не только Бог, но и вся армія присоединилась к революціонерам. И лишь тогда б. царица повѣрила и, кажется, в первый раз поняла или постаралась понять все то, к чему она, Гришка Распутин и Протопопов привели страну и монархію". Слишком очевидно, что конец сказан для толпы. Но интервью не документ, на который можно твердо опираться. В данном случаѣ прежде всего бросается в глаза одна несуразица — упоминаніе об "Извѣстіях", в которых яко бы уже 3-го был напечатан манифест. Самое большое, что могло быть в руках Пав. Ал. — это "летучка", выпущенная днем Совѣтом с кратким извѣщеніем об отреченіи, — о ней говорят Ломоносов и Шульгин*).

Гораздо важнѣе другая загадка, которую ставит приниска А. Ф. в письмѣ, помѣщенном 4-м марта. В ней говорится: "Только сегодня утром мы узнали, что все передано М(ишѣ), и Баби теперь в безопасности — какое облегченіе".

Вѣдь 4-го были одновременно опубликованы оба Манифеста — и отреченіе Николая II, и отреченіе Михайла! Единственное как будто бы возможное объясненіе заключается в предположеніи, что жена и мать послѣ полученія "ужасающих" для нея свѣдѣній была в состояніи, граничащем почти с невмѣняемостью. Душевная экзальтація истерической женщины должна была дойти до крайних предѣлов, и в таком состояніи писалось письмо 3-го (конец его) и письмо 4-го. По первому впечатлѣнію она обратила вниманіе только на то, что отрекся Царь. Она пыталась сказать ему слово успокоеніе... в минуту "безумнаго страданія". Письмо преисполнено какой-то исключительно проникновенной нѣжностью любящаго существа...

"Я востѣи понимаю твой поступок, о мой герой! Я знаю, что ты не мог подписать противное тому, чему ты клялся на своей коронаціи". Заѣм дѣлать искусственное предположеніе, что здѣсь имѣется в виду "передать наследствію сыну"? Неужели, не ясно, что дѣло касается совсѣм другого — отказа от самодержавія, признанія "конституціи", вѣи которой должен стоять "Помазанный Божій". Еще Витте отиѣтил, что послѣ 1905 г. Николай II продолжал считать себя "неограниченным монархом". Теократическія представленія Царя создались отнюдь не под вліяніем только жены. В ранніе годы ее в придворных кругах считали даже проводительницей при Дворѣ, конституціонных настроеній. Потом... ее захватили тенета мистики, и она, дѣйствительно,

*) Так могло быть, если свиданіе в. кн. Павла с Императрицей произошло вечером. Кн. Палѣй говорит про 11 час. утра. В это время сам Родзянко знал подробности лишь по «слухам», как видно из его разговора со Ставкой.

стала какой-то “политической Эгерией” самодержавия. И в представлении Царя, и в представлении Царицы самодержец ответственен перед Богом. “Я несу за всё власти, мною поставленные, перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов дать в том отчет”, — писал Царь в том же письме Столыпину 10 декабря 1906 г. Переложить ответственность за ошибки на “правительство”, как предполагал, например, великокняжеский проект манифеста 1-го марта, морально было неприемлемо для Николая II.

Мистическая представленность о власти находилась в резкой коллизии с реальной жизнью. В февральские дни положение сдѣлалось безвыходным. “Ты спас царство твоего сына и свою святую чистоту”... Царь не сдѣлался клятвопреступником. Наслѣдник не связан присягой, и его царствование может быть конституционным. Так, мне кажется, слѣдует толковать “таинственные слова”. В экзальтации, быть может, А. Ф. и продолжала вѣрить в чудо, которое должно совершиться и которое вознесет царя “снова” на престол. Бог должен вознаградить “мученика”. Но больше всего и скорѣе всего это — слова утѣшенія.

В сгущенной атмосферѣ мистических упований, как-то трудно предположить, что дѣло могло идти о тонко задуманном коварном планѣ сознательной “поддѣлки” исторического акта. “Нить Ариадны” не могла идти в тѣ дни из Царскаго Села. Могла ли самостоятельно возникнуть инициатива такой политической интриги в головѣ того, кто “наивно думал, что он может отказаться от престола и остаться простым обывателем”? Сам нѣсколько наивный придворный историограф ген. Дубенский, сказавший процитированные слова в Чр. Сл. Ком., не догадывал, допустим, врожденное “дукаство” вѣнценосца “сфинкса”. Перед нами пройдет еще яркое свидѣтельство лица из иной среды, совсем уже враждебной, которое расскажет о том, как вѣнценосец, скинув тяготѣвшія на нем историческія бармы монаховой шапки, ожидал и дѣлался “челозѣком”. То будет свидѣтельство Керенскаго, непосредственно наблюдавшаго послѣдняго императора в заключеніи в Царскосельском дворцѣ*).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

М И Х А И Л І І

І. Ставка и Петербург.

Закончив псковскую операцію, делегаты Временнаго Комитета в 3 часа ночи выѣхали назад в Петербург. Приблизительно в то же время пошли сообщенія о принятых рѣшеніях главнокомандующим на фронт и в столицу. Только обостренно тревожной обстановкой и неуверенностью можно объяснить непонятный инцидент, разыгравшійся в Петербургѣ с арестом по ордеру новаго министра юстиціи полк. Шихѣва, производившаго в Штабѣ расшифровку манифеста. Окруженію Бубликова казалась подозрительной медлительность работы — ясно, умышленно затягивают; звонок в Гос. Думу и рѣшеніе, как выразился Ломоносов, “на всякій случай полковника с актом арестовать”. Сказано и сдѣлано — из Думы послали не то грузовик, не то лимузину. Вѣроятно, этим объясняется “сѣбшное” привлеченіе к дѣлу считавшагося “специалистом по шифровальному дѣлу” будущаго командующаго петербургскаго округа, полк. ген. штаба Половцова, котораго Гучков привлек к работѣ военной комиссіи. Он вмѣстѣ с Родзянко отъѣзжал в главное управленіе Ген. Штаба и расшифровал ночную телеграмму Гучкова об отреченіи, адресованную на имя нач. гл. Штаба для передачи председателю Думы*).

Неожиданное содержаніе акта отреченія произвело переполох в кругах Врем. Комитета — прежде всего в связи с тѣми антидинастическими требованіями, которые так опредѣленно выявились в теченіе дня. Керенскій “без всяких обиняков заявил, — по словам Родзянко, — что если воцареніе Мих. Ал. состоится, то рабочіе г. Петрограда и вся революціонная демократія этого не допустят”. Смущал и вопрос о законности акта, поднимавшій “обоснованный юридическій спор” в смутное и тревожное время. Этот вопрос кратко рассматривает в воспоминаніях Набоков: “Наши основные законы, — говорит он, — не предусматривали возможности отреченія царствующаго императора и не устанавливали никаких правил, касающихся престолонаслѣдія в этом случаѣ!.. При таком молчаніи основных законов престол в случаѣ отреченія мог переходить только к “законному наслѣднику”. “Престол российский — не частная собственность, не вотчина императора, которой он может распоряжаться по своему произволу... Поэтому пе-

*) Половцов нѣсколько по иному рассказал эту исторію, вызвавшую в прошлом нѣкоторую полемику на страницах бурцевскаго эмигрантскаго «Общаго Дѣла».

*) Легенда о «трюкѣ» при желаніи может быть расширена. Судя по откликам русской печати революціоннаго времени, нѣкоторыя англійскія газеты в назначеніи в. кн. Н. Н. верховным главнокомандующим усмотрѣли «макиавеллистическій пріем», хитро придуманный Царем в расчетѣ «вызвать смуту».

редача престола Михаилу была актом незаконным. Никакого юридического титула для Михаила она не создавала". "Принятие Михаилом престола", следовательно, было "с самого начала порочным". Не удовлетворял в. кн. Михаил с мorganатической супругой и легитимистов, мнѣнія которых находили известный отзвук в думской средѣ. Мы видѣли, что "интригам" кн. Брасовой готовы были оии приписать даже идею регентства, за которой таилась секретная мысль превратить временнаго регента в постоянного императора. Столпчатая "яхт-казюская" молва давно уже приписывала кн. Брасовой подготовку в этих цѣлях чуть ли не заговора. (Запись Нарышкиной 21 авг.). Палеолог, с своей стороны, еще в февралѣ 16 г. записал ходячіе слухи и комментировал их. "Честолюбивая и ловкая" кн. Брасова "за послѣднее время поддерживает самыя либеральныя мнѣнія. Ея салон... часто принимает лѣвых членов Гос. Думы. В придворных кругах ее обвиняют в измѣнѣ монархическим принципам, она, впрочем, этим чрезвычайно довольна, так как это подчеркивает ея позицію и подготавливает популярность. Она все болѣе и болѣе разворачивается, она высказывает столь удивительно отважныя идеи, которыя, исходя из другого рта, могли бы повлечь за собой каторжныя работы (см. в моей книгѣ "Легенда о сепаратном мирѣ" еще сужденія, высказанныя на засѣданіи прогрессивнаго блока).

Так или иначе первым рѣшеніем в средѣ думскаго комитета и новаго правительства было — остановить распространѣніе манифеста. В 5 час. утра Родзянко и Львов*) вызвали к прямому проводу Рузскаго и Алексѣева**). Предсѣдатель Думы довольно ярко, чрезвычайно даже слущая краски (может быть, в цѣлях болѣе сильного воздействия на главнокомандующих, а, может быть, в состояніи собственной растерянности), изобразил то, что происходило в нѣдрах новой правительственной власти. "С великим трудом — говорил Родзянко, — удалось удержать в болѣе или менѣе приличных рамках революціонное движеніе, но положеніе еще не пришло в себя и весьма возможна гражданская война. С регентством Великаго Князя и воцареніем Наслѣдника Цесаревича помирились бы, может быть, но воцареніе его, как императора, абсолютно неприемлемо". На сожалѣніе, выраженное Рузским, по поводу того, что "депутаты, присланные вчера, не были в достаточной степени освоены с ролью и вообще с тѣм, для чего

*) Львов, повидимому, был молчаливым свидѣтелем.

**) Датированіе разговоров в публикаціи «Кр. Арх.» расходится с датами в копіях, напечатанных в эмигрантских изданіях. В первом случаѣ разговор с Алексѣевым помѣчен 6 ч. 46 м., а с Рузским в 8 ч. 45 м.; во втором разговор с Рузским помѣчен 5 час. (у Вильчковскаго) и 6 ч. у Лукомскаго. Копія разговора с Алексѣевым вообще отсутствует в зарубежных публикаціях. Не имѣя возможности документально разъяснить разнорѣчія, считаю болѣе логическим эмигрантское датированіе; в концѣ разговора с Псковом имѣется замѣчаніе Рузскаго: «не забудьте сообщить в Ставку, ибо дальнѣйшіе переговоры должны вестись в Ставкѣ, а мы нато сообщать только о ходѣ и положеніи дѣла». 8 ч. 46 м. и. вообще время слишком позднее, принимая во вниманіе растерянность, которую вызвала в Петербургѣ ночная телеграмма Гучкова. По записи ген. Болдырева тоже выходит, что Родзянко прежде говорил с Алексѣевым, но запись Болдырева явно сдѣлана позже, ибо в ней попадаются такія слова «как это потом и оказалось».

пріѣхали". Родзянко пояснил: Опять дѣло в том, что депутатов винить нельзя. Вспыхнул неожиданно для всѣх нас такой солдатскій бунтъ, которому еще подобнаго я не видѣл, и которые (так в подлинникѣ), конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые всѣ свои мужицкія требованія нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпѣ: "Земли и воли", "Долой династію", "Долой Романовых", "Долой офицеров". И началось во многих частях избіеніе офицеров, к этому присоединились рабочіе, и анархія дошла до своего апогея*). В результатѣ переговоров с депутатами от рабочих(?) удалось придти к ночи сегодня к нѣкоторому соглашенію**), которое заключалось в том, чтобы было создано через нѣкоторое время Учред. Собраніе для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правленія, и только тогда Петроград вздохнул свободно, и ночь прошла сравнительно спокойно. Войска мало по малу в теченіе ночи приводятся в порядок, но провозглашеніе императором в. кн. Мих. Ал. подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребленіе всего, что можно истребить. Мы потеряем и уступим из рук всякую власть и усмирить народное волненіе будет некому; при предложенной формѣ *возвращеніе династіи не исключено* и желательно, чтобы при *мѣрно до окончанія войны* продолжал дѣйствовать Верховный Совѣтъ и нынѣ дѣйствующее с нами Временное Правительство***). Я вполне увѣрен, что при этих условіях возможно быстрое успокоеніе и рѣшительная побѣда будет обезпечена, так как несомнѣнно произойдет подъем патриотическаго чувства"...****), — "Скажите, для вѣрности, так ли я вас пенял" — спросил Рузскій: "Значит, пока все остается по старому, как бы манифеста не было, а равно и о порученіи в. кн. Н. Н. главнокомандующим повелѣніем Е. В., отданным вчера... То об этом желал бы знать также ваше мнѣніе; об этих указах сообщено было вчера очень широко *по просьбѣ депутатов******), даже в Москву и, конечно, на Кавказ". — "Сегодня нами сформировано правительство с кн. Львовым во главѣ", — отвѣтил Родзянко: "Все остается в таком видѣ: *Верховный Совѣтъ, ответственное министерство и дѣйствія законодательных палат* до разрѣшенія вопроса о конституціи Учр. Собраніем. Против распространѣнія указов о назначеніи в. кн. Н. Н. верховным главнокомандующим не возражаем". — "Кто во главѣ Верховнаго Совѣта", — интересуется Рузскій. — "Я ошибся: не Верховный Совѣтъ, а Временный Комитет Гос. Думы под моим предсѣдательством"*****).

Соединившись со Ставкой, Родзянко просил Алексѣева "не пускать в обращеніе никакого манифеста до полученія... *соображеній*,

*) Объективная оцѣнка этой характеристики была сдѣлана выше.

**) В разговорѣ с Алексѣевым Родзянко говорил, что «соглашенія» достигнуть не удалось, и установлено только «переміріе».

***). В разговорѣ с Алексѣевым упоминались: Верховный Комитет и Совѣтъ министров.

****). Алексѣеву Родзянко говорил болѣе рѣшительно о «колоссальном подъемѣ патриотических чувств», о «небывалом подъемѣ энергіи», об «абсолютном спокойствіи в странѣ», которые обезпечивают «самую блестящую побѣду».

*****). Ср. показанія Гучкова в Чр. Сл. Ком.

*****). Эти знаменательныя «обмолвки» Родзянко будут разобраны ниже.

которые одни могут сразу прекратить революцию” и, повторил ему с небольшими вариантами то, что сказал Рузскому. “Приму всё мѣры задержать... командующих войсками... сообщенный им манифест”, — отвѣтил Алексѣев: “Сообщенное мнѣ вами далеко не радостно. Незавѣстность и Учр. Собрание двѣ опасныя игрушки в примѣненіи к дѣйствующей арміи... Петроградскій гарнизон, вкусившій от плода измѣны, повторит его с легкостью и еще, и еще раз, для родины он теперь вреден, для арміи бесполезен, для вас и всего дѣла опасен. Вот наше войсковое мнѣніе... Всѣ помыслы, всѣ стремленія начальствующих лиц дѣйствующей арміи направлены теперь к тому, чтобы дѣйствующая армія помнила об одной войнѣ и не прикоснулась к болѣзненному состоянію внутреннему, переживаемому нынѣ частью Россіи”... “Я солдат, — заканчивал Алексѣев, — и всѣ мои помыслы обращены на фронт, на запад, к сторонѣ врага”.

Начальник штаба был, дѣйствительно, смущен и больше всего отяжкой освѣдомленія фронта, предвидя, как и всѣ главнокомандующіе, что это может имѣть трагическія послѣдствія, ибо “немыслимо удержать в секретѣ высокой важности акт, предназначенный для общаго свѣдѣнія”*). У Алексѣева явилась мысль оказать воздѣйствіе на “влияющее” правительство, как он выразился через нѣсколько часов в разговорѣ с Брусиловым. Он обратился в промежуток между 1—4 часами ко всѣм главнокомандующим: “Из совокупности разговоров председателя Думы с главнокомандующим и мною, — телеграфировал Алексѣев, кратко излагая суть этих разговоров, — позволено прийти к выводу: первое — в Гос. Думѣ и в ея Врем. Комитетѣ нѣтъ единодушія — лѣвыя партіи, усиленные Совѣтом Р. Д., приобрѣли сильное влияние; второе — на председателя Думы и Врем. Комитета Родзянко лѣвыя партіи и рабочіе депутаты оказывают мощное давленіе, и в сообщеніях Родзянко нѣтъ откровенности и искренности; третье — цѣли господствующих над председателем партій ясно опредѣлились из вышеприведенных пожеланій Родзянко; четвертое — войска петроградскаго гарнизона окончательно распропагандированы... очерченное положеніе создает грозную опасность болѣе всего для дѣйствующей арміи, ибо неизвѣстность, колебанія, отрицаніе уже объявленнаго манифеста, могут повлечь паденіе умов в войсковых частях и тѣм разстроить способность борьбы с вѣрным врагом”... Сообщая, что он срочной телеграммой доносит “все это” верховному главнокомандующему, Алексѣев выдвигает план “суть настоящаго заключенія сообщить председателю Думы и потребовать осуществленія манифеста” и “для установленія единства во всѣх случаях и всякой обстановкѣ созвать совѣщаніе главнокомандующих в Могилевѣ” (Если в. кн. Н. Н. “не сочтет возможным прибыть лично, то собраться 8-го или 9-го марта). “Такое совѣщаніе тѣм болѣе необходимо, — продолжал Алексѣев, — что только что получил полуофициальный разговор по аппарату между чинами морского гл. штаба, суть его: обстановка в Петроградѣ 2 марта значительно спокойнѣе, постепенно все налаживается, слухи о рѣзкѣ солдатами — сплошной раздор, авторитет Врем. Прав., повидимому, силен. Слѣдовательно, основные мотивы Родзянко

могут оказаться невѣрными и направленными к тому, чтобы побудить представителей дѣйствующей арміи неминусом присоединиться к рѣшенію крайних элементов, как к факту, совершившемуся и неизбежному. Коллективный голос высших чинов арміи и их условия должны, по моему мнѣнію, стать извѣстными всѣм и оказать влияние на ход событий”.

До полученія официальных отвѣтов на свой запрос Алексѣев в 1 ч. 30 м. был вызван к аппарату по инициативѣ Брусилова, указавшаго, на основаніи донесеній командиров, на необходимость отдачи “какого-либо приказа” в виду преувеличенных слухов, проникших уже на фронт; Брусилов предлагал объявить, что Николай II отрекся, что в управленіе страной вступил Врем. Ком. Гос. Думы, что войска должны “охранять свою грудью матушку Россію” и не вмѣшиваться в политику. “Выполнѣ понимаю все, вами высказанное”, — съѣвил Алексѣев. — “Мое положеніе: 1. Не могу добиться, чтобы Родзянко подошел к аппарату выслушать мое рѣшительное сообщеніе о невозможности играть в их руку и замалчивать манифест. 2. Повелѣніе Вел. Кн., верховнаго главнокомандующаго, во всѣх важных случаях обращаться к нему и его извѣщеніе, что для кавказской арміи манифест не существует до республиканскаго его законным порядком через Сенат. Сейчас вторично доложу по аппарату Вел. Кн... заявленіе всѣх главнокомандующих, что дальнѣйшее молчаніе грозит опасными послѣдствіями. При полученіи каких-либо указаній, возьму на себя отдачу приказанія... Самое трудное — установить какое-либо согласіе с влияющим современным правительством”...

Трудно сказать, до каких предѣлов могла пойти инициатива ген. Алексѣева. Он не встрѣтил достаточной поддержки: Вел. Кн. отвѣтил, что он является “выразителем объединеннаго мнѣнія арміи и флота”, но не как “коллегіальнаго мнѣнія главнокомандующих”, и что он спосится с правительством*). Рузскій, считая необходимым объявленіе манифеста, полагал, что излишне запрашивать командармов, так как им “обстановка внутри имперіи мало извѣстна”; что для “установленія единства дѣйствія” необходимо установить “полный контакт с правительством”, и что до фактическаго вступленія в главнокомандованіе Вел. Князя “сбор главнокомандующих несоответственен”. Эверт считал, что “подобно тому, как мы под давленіем обстановки коллективно вынуждены были обратиться к Государю Императору с мольбой о согласіи его на измѣненіе формы правленія, также нынѣ необходимо обратиться к Гос. Думѣ и новому правительству с заявленіем о необходимости немедленнаго объявленія высочайшаго манифеста, съѣсно и законно изданнаго Сенатом, и просто во имя спасенія родины от пораженія ея злѣйшими ея врагами немедленно успокоить всѣ волне-

*) В телеграммѣ, посланной в 9 ч. 11 мин. веч. кн. Львову, Ник. Ник. высказывал опасенія, что «отреченіе в пользу в. кн. Мих. Ал., как императора... неизбежно усилит смуту в умах народа. Опасеніе это усугубляется неясной редакціей манифеста и отсутствіем указанія в нем, кто является наследником престола». По поводу свѣдѣній о «якобы готовящемся согласіи между Правительством и Совѣтом Р. Д. по вопросу о созывѣ через полгода Учр. Собрания», Ник. Ник., как «отвѣчающій перед родиной за успѣхъ нашихъ армій», «категорически» высказывался, что «заключеніе подобнаго соглашенія было бы величайшей ошибкой, грозящей гибелью Россіи».

*) Как фактически отразилась задержка с опубликованіем манифеста в войсках, будет рассмотрѣно ниже.

нія, отказаться нынѣ от намѣченного пути избранія Учред. Собрания". Эверт считал съезд необходимым и недопустимым откладывать его на 8-ое марта...

Алексѣев пытался установить контакт с правительством, как рекомендовал Рузскій. Не добившись "возможности говорить с председателем Гос. Думы", он говорил в 6 час. веч., когда вопрос о манифестѣ 2-го в Петербургѣ окончательно уже был разрѣшен в отрицательном смыслѣ, с Гучковым и просил его "взять на себя передачу" Родзянко "серьезнѣйшаго для арміи вопроса". "Выход должен быть найден путем соглашенія с лицом, долженствующим вступить на престол", — убѣждал нач. штаба... "Полагаю вполне возможным в первом манифестѣ новаго царствованія объявить о том, что окончательное рѣшеніе вопросов государственнаго управленія будет выполнено в согласіи с народным представительством, хотя бы по окончаніи войны или наступленія успокоенія", "пять милліонов вооруженных людей ждут объясненія совершившагося", — напоминал еще раз Алексѣев. Военный министр информировал нач. Штаба о "соглашеніи", достигнутом с лицом, долженствовавшим вступить на престол... Алексѣева не удовлетворило "соглашеніе". "Неужели нельзя было убѣдить Вел. Князя принять временно до созыва Собранія власть? Это сразу внесло бы опредѣленность в положеніе*)... Трудно предусмотрѣть, как примет стоящая в окопах масса манифест 3-го марта. Развѣ не может она признать его вынужденным со стороны? Теперешнюю дѣйствующую армію нужно беречь и беречь от всяких страстей в вопросах внутренних. Хотя бы непродолжительное вступленіе на престол Вел. Князя сразу внесло бы и уваженіе к волѣ бывшаго Государя и готовность Вел. Кн. послужить своему отечеству в тяжелые переживаемые им дни... Увѣрен, что на армію это произвело бы наилучшее бодрѣющее впечатленіе... Через полгода-же все выяснится ближе, лучше и всякія измѣненія протекутъ не столь болѣзненно, как теперь"... Вечером в 11 часов Алексѣев еще раз говорил с Петербургом — на этот раз с претѣдателем Думы. Ему оставалось лишь подчиниться обстоятельствам и заключить разговор полной предчувствій фразой: "Прибавить ничего не могу, кромѣ слов: Боже, спаси Россію".

II. Отреченіе Михаила.

1. — Рѣшеніе Временнаго Комитета.

В "Исторіи революціи" Милоков говорит, что Родзянко-Львов отправились к прямому проводу в военное министерство для того, чтобы выяснитъ возможность "измѣненія" манифеста. Мы видѣли, что об этом не было и рѣчи со стороны председателей Врем. Комитета и Врем. Правительства. Дѣло шло об отерочкѣ, пока политическіе архитектора не договорятся между собой... "Ночь, (вѣрнѣе предразсвѣтное время) прошла, — вспоминает Керенскій, — в рѣзких и горячих спорах, так как Милоков защищал свою позицію с настойчивостью и упорством изумительными. Его поддерживал лишь отчасти (*moitié à*

contre cœur) Шингарев. Милоков считал, что "все потеряли голову"*). Мнѣніе Керенскаго о необходимости убѣдить Вел. Князя отречься возымѣло рѣшающее вліяніе. Некрасов успѣлъ уже набросать и проект отреченія. Никто не знал, насколько сам Вел. Князь был осведомлен о происходящем. Рѣшено было отправиться и коллективно представитъ на его усмотрѣніе двѣ точки зрѣнія, так как Милоков, — утверждает Керенскій, — заявил, что он немедленно покинет ряды Вр. Правительства, если ему не будет предоставлена возможность изложить мнѣніе меньшинства перед Мих. Алекс.

Около полудня по датировкѣ Милокова — около 10 час. по воспоминаніям Керенскаго — члены правительства кн. Львов, Милоков, Керенскій, Некрасов, Терещенко, Годнев, Львов Вл. и члены Врем. Комитета Родзянко, Ефремов и Караулов (называют еще Шидловскаго и Ржевскаго), собрались на Милліонной в квартирѣ кн. Путятиной, гдѣ временно пребывал Великій Князь. Сама хозяйка в воспоминаніях опредѣляет время собранія около 11 часов.

Не зная, на основаніи каких данных Маклаков инициативу созыва совѣщанія приписывает "новому императору". Караулов, рассказывавшій 31 марта в. кн. Андрею Влад. в Кисловодскѣ исторію отреченія Мих. Ал., говорил, что инициатива совѣщанія принадлежала исключительно думцам: Керенскій телефонировал Вел. Кн. в 5 час. утра, Мих. Ал. разбудили, и он отвѣтил, что "ничего не знает" о том, что произошло в Псковѣ. Надо ли говорить, что теоретическія разсужденія Маклакова, который понял бы собраніе на Милліонной, если бы там рѣчь шла о недостаточности конституціонных гарантій в актѣ отреченія Царя, совершенно непримѣнны к революціонной обстановкѣ утра 3-го марта, вытекавшей, конечно, не из правомѣрных юридических предпосылок государствовѣдов. При обрисовкѣ тогдашней революціонной обстановки надлежит устранить легенду, правда совершенно второстепеннаго значенія, но очень характерную для революціонной мемуарной литературы. Суханов вспоминал, как он 2-го марта, т. е. в критическій момент, когда рѣшался вопрос о государственной власти, на запрос съѣзскаго комиссара на Царскосельском вокзалѣ ("по порученію желѣзнодорожников"): возможно ли дать Мих. Ал. поѣзд для пріѣзда из Гатчины в Петербург, "без всяких совѣщаній" отвѣтил, что поѣзда Исп. Ком. не разрѣшает "по случаю дороговизны угля" — "гр. Романов может прійти на вокзал, взять билет и ѣхать в общем поѣздѣ" Этот, воспроизводимый Черновым и др. "революціонный" отвѣтъ теряет свой эффект и относительное остроуміе, так как Мих. Ал., прибыв в столицу 27-го, уже не мог ѣхать назад в Гатчину и находился все время в квартирѣ кн. Путятиной. Так засвидѣтельствовала сама Путятина; это утверждает и полк. Никитин, по словам котораго Мих. Ал. в разговорѣ с ним рассказывал особенное недовольство против Родзянко, вызвавшего Великаго Князя и оставившаго его будто бы в военном министерствѣ во время вечерняго разговора со Ставкой. Однако, для переговоров со Ставкой Мих. Ал. ѣздил не с Родзянко, а с военным министром Бѣ-

*) Алексѣев приводил в примѣръ Ревель, гдѣ при ознакомленіи с текстом манифеста образовалось «хорошее приподнятое настроеніе».

*) В некрологѣ Милокова, напечатанном в «Новом Журналѣ», Керенскій говорит, что на ночном совѣщаніи первым о невозможности воцаренія в. кн. Михаила высказался Родзянко.

ляемым и на его автомобилѣ. Весь этот инцидент (с сухановским отъѣздом) нашел нѣкоторый отклик в тогдашнем сообщеніи “Русскаго Слова”, но отнесен он ко времени послѣ отреченія. Кто у кого заимствовал — мемуарист ли у газетнаго сотрудника или этот послѣдній у будущаго мемуариста — не знаю...

По словам Путятиной, Мих. Ал. уведомил Родзянко только в 4 часа утра 2-го, гдѣ он находится (свидѣтельство болѣе, чѣм сомнительное), и тогда же ему была прислана охрана из 40 юнкеров и 8 офицеров.

2. — Возвращеніе делегатов.

Гучков и Шульгин только что (около 8 час. утра) вернулись в Петербург и тут же на Варшавском вокзалѣ натолкнулись на яркую иллюстрацію к существовавшим настроеніям. Гучков смѣло пошел объявить акт отреченія в мастерскія Сѣв.-Зап. жел. дор., но рабочие припали в такое возбужденіе, что, “закрыв помѣщеніе мастерских, проявили недвусмысленное намѣреніе акт уничтожить, а Гучкова линчевать”. Эпизод, повидимому, был не столь драматичен, как изобразил его в приведенных словах Бубликов, и никто не собирался уничтожать акт отреченія и убивать Гучкова...*). Образно, но нѣсколько туманно, об инцидентѣ рассказал Шульгин, бывшій одним из дѣйствовавших лиц. В кутурьмѣ, которая царил на вокзалѣ, когда “какіе-то люди”, “куда-то нас тащили”, “мнѣ выпало на долю объявить о происшедшем “войскам и народу”. Рота выстроилась “покоем” (четвертую сторону составляла толпа) и взяла на караул. В такой торжественной обстановкѣ Шульгин прочитал отреченіе. “Я подпал глаза от бумаги. И увидал, как дрогнули штывы... прямо против меня молодой солдат плакалъ... Тогда я стал говорить”. Депутат произнес патристическую рѣчь о Россіи, о ея спасеніи, чему подал примѣръ Царь. “Ура! Государю императору Михаилу... второму!” “И показалось мнѣ на короткое время, что монархія спасена”. В этот момент Шульгина позвали к телефону — Милюков спѣшил перехватить делегатов на вокзалѣ и предупредить, что они должны ѣхать на Милліонную 12. Милюков не одобрил послѣднюю попытку провозгласить “Михаила II”. “Настроеніе сильно ухудшилось... текст (манифеста) неудовлетворителен... необходимо упоминаніе Учредительнаго Собранія”. Шульгин направился на розыски Гучкова, но по дорогѣ передал конверт с подлинным отреченіем посланцу Бубликова и нашел Гучкова на митингѣ рабочих в желѣзнодорожных мастерских.

Шульгин застал момент, когда толпа “забурлила” под вліяніем агитационных рѣчей ораторов и требовала “закрыть двери”, дабы “Александра Ивановича” не выпустить, а “документы” отобрать**). Спас положеніе инженер, устылившій толпу: “вы хуже стараго режима”. “Двери отворились. Гучков говорил какія-то успокаивающія сло-

ва”, а Шульгин мотивировал необходимость немедленнаго отъѣзда, так как “сейчас в Гос. Думѣ между Комитетом Думы и Совѣтом Р. Д. идет важнѣйшее совѣщаніе, на котором... все рѣшится”. “Толпа разступилась — скорѣе дружественно”... Желѣзнодорожный инспектор Некрасов, сопровождавшій делегатов во время поѣздки в Псков, дал Ломоносову другое объясненіе. Гучкова приняли за “самозванца” и хотѣли арестовать. Вмѣшался Некрасов и сказал, что они привезли “акт отреченія”. Пошли “какіе-то переговоры”. Нас “вѣжливо продержали еще минут двадцать и выпустили”*). Так и остается неизвѣстным из рассказов мемуаристов — читал ли Гучков акт отреченія рабочим. Вѣроятно же всего читал, и возбужденіе, силу котораго каждый мемуарист передал на свой лад, вызвало упоминаніе о воцареніи Михаила. Сам Гучков в воспоминаніях не упомянул об инцидентѣ: он говорит, что от начальника станціи делегаты узнали, куда они спѣшно должны ѣхать.

3. — У Великаго Князя.

“Вот Милліонная”... Вел. Князь имѣлъ очень взволнованный вид, — вспоминает Керенскій. Кн. Львов и Родзянко изложили взгляд большинства. Что сказал Родзянко, “пространно”, по словам Милюкова, мотивировавшій необходимость отказа “новаго императора”, мы можем дотадаться по его воспоминаніям. Говорил ли Родзянко о незаконности манифеста, о дефективности текста “конституціи”, мы не знаем. Очевидно, центром были соображенія тактическія, вытекавшія из учета настроенія революціонных элементов: “для нас было совершенно ясно, Вел. Кн. процарствовал бы всего нѣсколько часов и немедленно произошло бы огромное кровопролитіе в стѣнах столицы, которое бы положило начало общегражданской войнѣ. Для нас было ясно, что Вел. Кн. был бы немедленно убит и с ним всѣ сторонники его, ибо вѣрных войск уже тогда в своем распоряженіи не имѣл и поэтому на вооруженную силу опереться не мог. Вел. кн. Мих. Ал. поставил мнѣ ребром вопрос, могу ли я ему гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему отвѣтить отрицательно... Даже увезти его тайно из Петрограда не представлялось возможным: ни один автомобиль не был бы выпущен из города, как не выпустили бы ни одного поѣзда из него”...**).

Наступила очередь Милюкова изложить позицію “меньшинства”,

*) По разсказу Родзянко делегаты были освобождены дежурной ротой. Об этой ротѣ, явившейся с пулеметом, упоминает и Шульгин. Шляпников утверждает, что потребовалось вмѣшательство Совѣта, и Гучков был освобожден только послѣ переговоров с Исп. Ком. По свидѣтельству еще одного современника (Б. Н. Б.), выступавшаго на столбахъ эмигрантскаго буржуазскаго «Общаго Дѣла», «вмѣшательство Совѣта» выявилося в том, что был арестован комендантъ станціи полк. Т., который со взводом петроградскаго полка высвободил Гучкова.

**) Кн. Путятина, воспоминанія которой точною не отличаются, утверждаетъ, что Родзянко на Милліонную пріѣхал за час до остальных и убѣждал Мих. Ал. принять власть. Вѣроятно, автор спутал с тѣм, что было накануне, когда, по ея словам, Родзянко нѣсколько разъ посѣтил Великаго Князя и говорил ему о регентствѣ. Вечером 2-го в тѣх же цѣлях квартиру Путятиной посѣтил и вел. кн. Ник. Мих.

*) Мстиславскій, повторяя ходячую версію, говорит об арестѣ Гучкова — его «чуть не поставили под разстрѣлъ» и пр.

**) Эти рѣчи мемуарист, конечно, сотворил в духѣ будущих большевическихъ трафаретов — о милліонахъ сахарозаводчика Терещенко, «князяхъ и графовъ» из Врѣм. Прав. и т. д. Терминологія выдает мемуариста — ни один из ораторов-рабочих не мог 3-го говорить о «революціонной демократіи» (позднѣйшее словоупотребленіе, едва ли не введенное Церетели).

т. е. свою собственную точку зрѣнія*). Вновь очень картинно изобразил Шульгин «потрясающую» рѣчь Милюкова — «Головой — бѣлый, как лунь»**), лицом сизый от бессонницы, совершенно сиплый от рѣчей в казармах, на митингах, он не говорил, но каркал хрипло: если откажетесь — Россія погибла. Естественно, что именно в этом изложеніи всегда цитируется рѣчь Милюкова. Но с Шульгиным, как мемуаристом, всегда происходят небольшие *malentendus*: депутат попал на Милліонную лишь к самому концу рѣчи Милюкова. Поэтому возьмем лучше ту общую характеристику ея, которую дал сам Милюков в своем уже историческом повѣствованіи: «Сильная власть, необходимая для укрѣпленія порядка, нуждается в опорѣ привычнаго для масс символа власти. Временное Правительство одно без монарха... является утлой ладьей, которая может потонуть в океанѣ народных волненій; странѣ при таких условиях может грозить потеря всякаго сознанія государственности и полная анархія, раньше, чѣм соберется Учр. Собраніе, Временное Правительство одно до него не доживет» и т. д. По словам Керенскаго, Милюков говорил болѣе часа с большим спокойствіем и хладнокровіем, явно желая, по мнѣнію мемуариста, затянуть разговор до пріѣзда псковичей, надѣясь в них найти опору. Совѣтъ иное объясненіе длинной рѣчи Милюкова и его состоянія — крайне возбужденнаго, а не спокойнаго — дали Алданову другіе участники совѣщанія (анонимные в статьѣ писателя): «это была как бы обструкция... Милюков точно не хотѣл, не мог, боялся окончить говорить, он обрывал возражавшаго ему, обрывал Родзянко, Керенскаго и всѣх»...***).

По пріѣздѣ псковских делегатов был объявлен перерыв для взаимной информатіи. Послѣ нѣкоторых колебаній или размышленій Гучков рѣшил, что он должен поддержать позицію Милюкова, и объявил, что если Мих. Ал. присоединится к позиціи большинства, он не вступит в состав правительства.

По Керенскому послѣ перерыва говорил Гучков, по Шульгину — Керенскій. В изложеніи послѣдняго Керенскій сказал приблизительно так: В. В., мои убѣжденія республиканскія. Я против монархіи...****).

*) По словам Милюкова, послѣ Родзянко говорил Керенскій. Шульгин утверждает, что Керенскій выступил послѣ перерыва. В рѣчи Керенскій возражал Милюкову. Так как я могу слова Керенскаго изложить только по Шульгину или дать их из третьих уже рук — в описаніи в. кн. Андрея, то откладываю их на время послѣ перерыва. Возможно, что Керенскій выступил два раза. Шульгин с Гучковым опоздали к началу бесѣды.

**) На другой день Палеолог, дѣйствительно, обратил вниманіе на то, что Милюков постарѣлъ «на десять лѣтъ».

***). Очерк Алданова носит в себѣ черты слишком опредѣленнаго юбилейнаго преувеличенія. Между прочим, он заключает: «Обращаясь к документам (!) того времени, историк признает, что такого яснаго, истинно вѣщаго предвидѣнія надвигающейся на Россію катастрофы не имѣл в первый час революціи ни один другой политическій дѣятель». Послѣдующее изложеніе, стилизирующее факты, устраняет эту иллюзію «предвидѣнія» в отношеніи Милюкова. «Вѣщныя предсказанія» о «побѣдѣ Россіи» было много, даже слишком много — и особенно перед революціей. Все это больше словесная мишура, которую навѣивали летучія пережитія в данный, иногда короткій отрывок времени.

****). В изложеніи Шульгина Керенскій сказал Мих. Ал., что он принадлежит к партіи которая запрещает соприкасаться с лицами императорской

Но я сейчас не хочу, не буду... разрѣшите вам сказать иначе... как русскій русскому, П. Н. Милюков ошибается. Приняв престол, Вы не спасаете Россію!.. Наоборот. Я знаю настроеніе масс... Сейчас рѣзкое недовольство направлено именно против монархіи... именно этот вопрос будет причиной кроваваго разлада. Умоляю Вас, во имя Россіи, принести эту жертву. Если это жертва... Потому что, с другой стороны... я не в правѣ скрыть здѣсь, каким опасностям Вы лично подвергаетесь в случаѣ рѣшенія принять престол... Во всяком случаѣ я не ругаюсь за жизнь В. В.»...*).

Слово предоставлено было Гучкову (предсѣдательствовал как бы сам Мих. Ал.). Гучков был, по словам Керенскаго, краток и ясен. Французскому послу один из участников совѣщанія говорил, что Гучков, призывая Вел. Князя к патрістическому мужеству, указывал на необходимость в переживаемый момент выступить ему в качествѣ національнаго вождя. Если Вел. Кн. отказывается принять императорскую корону, то пусть примет на себя регентство, пока трон вакантен; пусть выступит в роли «покровителя націи», как именовался Кромвель. Вел. Кн. может дать торжественное обѣщаніе передать власть Учр. Собранію по окончаніи войны.

Была очередь Шульгина. Ему кажется, что он говорил «послѣдним» **). Шульгин обратил вниманіе на то, что тѣ. «кто должен быть... опорой» Вел. Кн. в случаѣ принятія престола, т. е. почти всѣ члены новаго правительства, «этой опоры... не оказали». «Можно ли опереться на других? Если нѣтъ, то у меня не хватает мужества при этих условіях совѣтовать... принять престол»...

Шульгин не был послѣдним — говорил еще раз Милюков, так как «вопреки соглашенію» за первыми рѣчами послѣдовали другія в «полемическом тонѣ». Милюков получил, папекор «страстному противодѣйствию Керенскаго», слово для отвѣта. В нем он указал, что «хотя и правы утверждавшіе, что принятіе власти грозит риском для личной безопасности Вел. Князя и самих министров, но на риск этот надо идти в интересах родины, ибо только таким образом может быть снята с даннаго состава лиц отвѣтственность за будущее. К тому же рѣш Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты Вел. Князя».

По утвержденію Керенскаго, Мих. Алек. казался уже утомленным

крови (!). Еще болѣе образно представил это Андр. Владиміровичу Караулов. Керенскій заявил, что «поступился всѣми своими партійными принципами ради блага отечества и лично явился сюда, за что его «могли бы партійные товарищи растерзать»...

*) По отзыву Караулова Керенскій «наиболѣе ярко характеризовал момент». Он сказал, что «вчера еще бы согласился на конституціонную монархію, но сегодня, послѣ того, что пулеметы с церкви разстрѣливали народ, негодованіе слишком сильное, и Миша (это записъ Ал. Вл.), беря корону, становится под удар народнаго негодованія, из под котораго вышел Ники. Успокоить умы теперь нельзя, и Миша может погибнуть с ним и они всѣ». Эта передача, очевидно, может установитъ только смысл рѣчи оратора, а не подлинныя его слова, равно как и термины «вчера» и «сегодня» должны быть понимаемы относительно.

**) По воспоминаніям Керенскаго («Новый Журнал»), Шульгин «просто промолчал».

и начинал терять терпение*). По окончанию рѣчей (в представлении Керенского, это было послѣ рѣчи Гучкова). Мих. Ал. выразил желаніе переговорить наединѣ с кн. Львовым и Родзянко, прежде чѣм принять окончательное рѣшеніе. По словам Караулова, он мотивировал свое желаніе тѣм, что ему „крайне трудно принять рѣшеніе, раз между членами Думы нѣтъ единства**). Родзянко пытался возразить, ссылаясь на общее соглашеніе дѣйствовать коллективно. Вопрошающій взгляд в сторону Керенского, как бы испрашивавшій у него согласія на частные разговоры. Керенскій нашел, что отказать Вел. Кн. в его просьбѣ неудобно. Караулов говорил, что и он настаивал на предоставленіи Мих. Ал. полной „возможности принять свободное рѣшеніе“. Поэтому никто не возражал против „разговора“ с двумя лицами... при условіи, что Мих. Ал. „ни с кѣм посторонним разговаривать не будет, даже по телефону“***). Своеобразная „свобода рѣшенія“, которая дала впоследствии повод в кругах, близких Мих. Ал., утверждать, что послѣдній был „взятъ мергвой хваткой“!.. Указанныя лица вмѣстѣ с Вел. Князем вышли в другую комнату.

Какія реальныя возможности открывались перед Михаилом Александровичем? Личныя настроенія и теоретическія выкладки пытавшихся предугадать событія политиков не создавали еще базы для активнаго дѣйствія. В отрывках воспоминаній, напечатанных в „Совр. Зап.“, Милоков очень опредѣленно утверждал, что он хотѣл „рискнуть открытым конфликтом с революціонной демократіей“ и рассчитывал тогда на успѣх, как он потом, нѣсколько позже, говорил Набокову. Набоков же считал эту возможность „чисто теоретической“. „Несомнѣнно, — разсуждает в воспоминаніях Набоков, — для укрѣпленія Михаила потребовались бы очень рѣшительныя дѣйствія, не останавливающіяся перед кровопролитіем, перед арестом Исп. Ком. Совѣта Р. и С. Д... Через недѣлю, вѣроятно, все вошло бы в надлежащія рамки. Но для этой недѣли надо было располагать реальными силами... Таких сил не было. И сам по себѣ Михаил был человѣком, „мало или совсѣм не подходящим к той трудной, отвѣтственной и опасной роли, которую ему предстояло бы сыграть“. „Вся совокупность условій была такова, что принятіе престола было невозможно“, — заключает мемуарист. Не мог же Милоков, готовившійся „на собственный страх и риск“ к „рѣшительной“ игрѣ, не учитывать всей

той обстановки, которую рисует Набоков?). Алданов, опросившій „всѣх, кого только мог“ о совѣщаніи в кв. кн. Путигиной, говорившій и с Милоковым, сообщает, что Милоков „совѣтовал Великому Князю в эту же ночь оставить Петербург с его революціонным гарнизоном и, не теряя ни минуты, выѣхать в Москву, гдѣ еще была военная сила“. „Три энергичных, популярных, на все готовых человѣка — на престолѣ, во главѣ арміи, во главѣ правительства — могли бы предотвратить развал страны“. Великій князь Михаил лично был человѣкъ отважный, как свидѣлствуютъ всѣ военные, видѣвшіе его в боевой обстановкѣ**). Во главѣ арміи стоял в. кн. Ник. Ник., человѣкъ достаточно энергичный и не помышлявшій в эти дни о канитуляціи — он мог, к тому же, опереться на сочувствіе всего высшаго команднаго состава, который видѣл в отказѣ от престола Мих. Ал. большую трагедію для фронта. Во главѣ правительства должен был неминуемо в таком случаѣ встать Милоков, ибо, как говорит он в качествѣ историка, „обѣ стороны (на совѣщаніи) заявили, что в случаѣ рѣшенія, несогласнаго с их мнѣніем, онѣ не будут оказывать препятствія и поддерживать правительство, хотя участвовать в нем не будут“. Вакансія премьера освобождалась.

Надо предполагать, что, дѣлая предложеніе о переѣздѣ в Москву, Милоков не считал, очевидно, столь уже безоговорочным, как передает Набоков с его слов, что „в первые дни переворота гарнизон был в руках Гос. Думы“. Не был он и всецѣло в руках Совѣта. Не было и того настроенія гражданской войны, в атмосферѣ которой могла родиться мерещившаяся Родзянко и др. опасность убійства Мих. Ал. Не думаю, чтобы и в квартирѣ кн. Путигиной, охраняемой нѣсколькими десятками преображенцев, чувствовался тот почти паническій страх, о котором разсказывает Шульгин: „Керенскій, — передает тѣмъ же Шульгин, — боится, чтобы не убили Великаго Князя: вотъ какія-то бродящія кругом „банды“ могутъ бороться“. Эти опасенія в большей степени зависѣли от настроенія молодого министра финансов революціоннаго правительства, бывшаго до революціи чуть ли не кандидатом на цареубійство, который, в изображеніи Шульгина, очень тяжело и непосредственно переживал сцену, разыгравшуюся на Милліонной: „Я больше не могу... что дѣлать, что дѣлать!...“ „Маленькая анекдотичная подробность“, переданная Гучковым, как будто говоритъ скорѣе за то, что Керенскій боялся появленія „банд“ другого типа. Когда Гучков попробовал по телефону переговорить с женой и сообщить ей о своемъ приѣздѣ, Керенскій пожелалъ знать, с кѣмъ будет

*) В изложеніи Милокова, Мих. Ал. все время молчал. В процитированныхъ строкахъ воспоминаній Родзянко говорится о вопросахъ, поставленныхъ Мих. Ал. — вѣроятно, это было уже тогда, когда они остались наединѣ. По словамъ Керенскаго, Вел. Кн. все время проявлялъ активный интерес, много разъ вмѣшивался, переспрашивал и просилъ повторить.

**) Милоков говорит, что отдѣльная бесѣда была только с Родзянко, но и Карауловъ разсказывалъ Андр. Влад. о бесѣдѣ с Родзянко и Львовымъ.

***) Информаторъ Палеолога передавалъ ему, что Керенскій попросилъ Мих. Ал. только не совѣтоваться с женой, на что М. А. отвѣтилъ: „Успокойтесь, А. Ф., моей жены сейчасъ нѣтъ здѣсь. Она осталась в Гатчинѣ“. Самъ Палеологъ занесъ в дневникъ, что Вел. Кн. не такъ легко уступилъ бы, если бы „честолюбивая и ловкая“ кн. Брасова была в Петербургѣ.

*) Впрочем, нельзя быть увѣреннымъ в том, что опредѣленная точка зрѣнія Набокова не установилась подъ вліяніемъ позднѣйшихъ размышленій надъ протекшими событіями. По крайней мѣрѣ ген. Куропаткинъ при свиданіи с Набоковымъ 1 мая (17 г.) записалъ в дневникъ: «Набоковъ не очень спокойно относится къ происходящему. Говоритъ, что совсѣмъ не то они ожидали. Что надо было, чтобы Михаилъ нашелъ в себѣ мужество принять престолъ. Тогда разрухи и безначалія не было бы. Теперь нѣтъ власти».

**) Проф. Платоновъ, преподававшій Мих. Ал. исторію, далъ в 1903 г. члену Гос. Сов., руководившему извѣстнымъ «Импл. Рус. Ист. Общ.» Потолову, такую, расходящуюся съ традиціоннымъ представленіемъ, характеристику Великаго Князя: «имѣетъ чрезвычайную сильную волю и безъ торопливости, с неуклонной твердостью достигаетъ раз намѣченной цѣли. К сожалѣнію, умственно лѣнивъ».

говорить Гучков... У Керенского "было подозрѣніе, что я хочу вызвать какую-либо военную часть, которая силою заставила бы Михаила остаться на престолѣ"*)).

В Москвѣ, не пережившей "пороховых дней", виѣние, как будто, было спокойнѣе. Но это спокойствіе отнюдь не означало, что московскія настроенія благопріятствовали осуществленію милоковской концепціи. Напомним, что приблизительно как раз в часы, когда шло совѣщаніе в кв. Путьиной, в Москвѣ обсуждали вопрос о монархіи до Учр. Собр. и основное намѣтившееся теченіе Третьяков, представитель торгово-промышленнаго класса, а не будущей "революціонной демократіи", по газетному отчету выразил словами: "Не может быть рѣчи, чтобы послѣ Романова Николая вступил на престол Романов Михаил". Это было, может быть, скоро преходящее "опьянѣніе революціей", вскружившее даже наиболѣе "трезвые умы" в средѣ буржуазіи. С ним нельзя было не считаться, — оно распространилось на всю Россію: кн. Волконскій вспоминает, напримѣр, как в провинціальном Борисоглѣбскѣ "люди встрѣчались, обнимались, поздравляли", когда в связи с отреченіем пришло сообщеніе, что "старый порядок кончился". В такой общественной атмосферѣ монархическая традиція не могла быть "объединяющей и собирающей силой". В Москвѣ "опьянѣніе революціей" было, пожалуй, сильнѣе, чѣм в Петербургѣ, гдѣ, как рассказывал Караулов в Кисловодскѣ 16 марта, в "первые дни не знали, кто возьмет верх" и "боязнь контр-революціи у всѣх была большая". В Москвѣ боязни "контр-революціи" не было, и каким-то недоразумѣніем надо считать утвержденіе (историка или мемуариста — не знаю), что здѣсь "еще была военная сила", на которую мог рассчитывать "отчаянный смѣлости план", предложенный Милоковым в. кн. Михаилу. "Московский гарнизон" еще 1 марта без всяких осложненій перешел всецѣло на сторону революціи. И сила сопротивленія возможной "контр-революціи" в Москвѣ представлялась гораздо значительнѣе, нежели в Петербургѣ. Это отчетливо видно из психологіи "крайне лѣвых", т. е. большевистских групп; лишь крайне плохой осведомленностью даже в общественных кругах можно объяснить отмѣтку Гиппиус 3-го, о Москвѣ, гдѣ "никакого Совѣта Р. Д. не существует".

Отдѣльные факты, взятые сами по себѣ, почти всегда противорѣчивы и ими одними нельзя иллюстрировать положеніе. Но сопоставленіе все-таки выясняет общую конъюнктуру. Вот резолюція, принятая в первые дни революціи в Петербургѣ на митингѣ рабочих и солдат в Самсоновском братствѣ (Выборгская сторона) — она требует, чтобы Совѣт "немедленно" устранил Временное Правительство и этим правительством объявил бы себя. Из 1000 человек только 3 высказались против. Совѣтам другое настроеніе на заводѣ "Галерный Остров". Отношеніе к большевикам было таково, что "даже не давали выступать", — вспоминает рабочій Наратов, — "о передачѣ власти совѣтам не хотѣли... слушать". Аналогичная картина и в революці-

онном гарнизонѣ. Опасность "гиѣна революціоннаго народа", который может обрушиться на агитаторов из большевистскаго лагеря, была столь "реальна", что даже представители ЦК, носившіе высокое званіе членов Исп. Комит. Совѣта Р. Д., вынуждены были, как утверждает Шляпников, — "временно" воздержаться ходить в тѣ казармы, гдѣ господствовали "ура-патріоты", и создавать опору путем "индивидуальной обработки". Шляпников вспоминает, как ему — "большевику" — в одной из зал Таврическаго дворца солдаты, распригандированные "оборонцами", "не давали говорить". Так было в отношеніи той партіи, которая — "единственная" среди партійных организацій — принимала непосредственное участіе в боевых дѣйствіях на улицах столицы! Мы говорили уже, что этот большевистскій дѣятель и историк революціи признает, что у "Временнаго Правительства тогда оружія было куда больше, чѣм у нас", — "соотношеніе сил не позволяло" большевикам ставить вопрос в плоскость "борьбы с оружіем в руках". В протоколѣ Исп. Ком. (9 марта) можно найти отмѣтку, что в Царском Селѣ "войска стоят за конституціонную монархію"... Припомним, что в Москвѣ позиція "крайних" была, пожалуй, болѣе выигрышна — они открыто пытались на первых порах требовать созданія временнаго революціоннаго правительства.

Надежды на Москву были эфемерны. Реальной опорой мог быть только фронт, плохо еще осведомленный о происшедшем, не захваченный настроеніем уличной революціонной стихіи. Едва ли новому императору трудно было бы в петербургской обстановкѣ выѣхать из столицы — "революціонныя рогадки" не так уже были непроницаемы. Всякое активное дѣйствіе, естественно, несет в себѣ долю риска, ибо случай играет здѣсь подчас слишком большую роль. А рѣши на фронтѣ можно было найти опору. Дѣло, конечно, не в тѣх патріотических буфонадах, которыя имѣли мѣсто и к которым надлежит отнести и телеграмму Рузскому ген. ад. Хапа-Нахичеванскаго 3 марта: "Прошу вас не отказать повергнуть к стопам Е. В. безграничную преданность гвардейской каналеріи и готовность умереть за своего обожаемаго монарха". Люди в тѣ дни вообще имѣли склонность безотвѣтственно говорить от имени масс. При "нervном" и "недовѣрчивом" отношеніи солдат в первые дни к совершившемуся*), поддержку на фронтѣ можно было найти, тѣм болѣе, что Алексѣев своим авторитетом мог бы подкрѣпить петербургское начинаніе — он считал, как мы знаем, воцареніе Михаила, хотя бы временное, необходимым**).

Рисковали ли бы главнокомандующіе на вооруженный конфликт, мы, конечно, не знаем, так как всѣ их стремленія в страдные дни сводились к стремленію избѣгнуть междоусобицы, пагубной в их глазах для успѣха войны... Но совершенно удивительно, что мысль *снестись и предварительно переговорить с верховным командованіем не являлась* у тѣх, кто призывал Вел. Князя идти на риск. Алексѣев тщетно пытался в теченіе всего дня найти этих политиков и добился Гучкова лишь тогда, когда вопрос был разрѣшен. Всякое дѣйствіе запаздыва-

*) Ниже будет особо разсмотрѣно отношеніе фронта к февральскому перевороту.

**) Ген. Краснов рассказывает, что 5-го и 6-го в 4 кав. корпусѣ он объявил под «громкое ура» на парадѣ о воцареніи Михаила Александровича и награждал именем новаго императора георгіевскими крестами.

*) Впрочем, и Караулов, отмѣчавшій большое «волненіе», которое испытывали члены Совѣщанія, рассказывал Андр. Влад., что они «все время посматривали в окно, не идет ли толпа, ибо боялись, что их могут всѣх прикончить».

до и становилось, действительно, рискованным в момент, когда на улицах столицы развешивали уже плакаты о двойном отречении или раздавались листовки “Известий”, а за кулисами Исп. Ком. принимал уже постановление об аресте “династии Романовых”^{*)}). На квартирнике Путиной Вел. Князю предлагались теоретические выкладки, больше уместные в воспоминаниях, как, напр., у Набокова^{**)}), но не предлагалось никакого конкретного плана действия. Вероятно, поэтому Мих. Ал. и проявлял признаки нетерпения, о чем говорит Керенский. Для лидера прогрессивного блока эта словесная скорбь академическая постановка вопроса была естественна и до некоторой степени соответствовала его характеру. Но Гучков? — человек больше практического дѣла, чѣм теории, человек, свывшийся уже в предшествующие мѣсяцы в заговорщической атмосфере подготовки дворцового переворота с мыслью о военном *pronunciamiento* и нащупывавший военные части для действия? Очевидно, вся общественная атмосфера не подходила для действительных актов против “революционной демократии”. То, чего хотѣл теоретически Миллюков 3 марта, Гучков, как сам разсказал впоследствии, пытался в других условиях и с другим персонажем безуспешно осуществить через нѣсколько мѣсяцев.

4. — Рѣ ш е н и е.

Через полчаса вышел Великий Князь. Он сообщил “довольно твердо” ожидавшим, что его “окончательный выбор склонился в сторону мнѣния, защищавшагося председателем Гос. Думы”. Такова версия свидѣтеля-историка. Шульгин в иных тонах передает заключительную сцену. Вел. Кн. не договорил, “потому что... заплакал...”.

Почему Мих. Ал. отказался “принять престол”? Не ясно ли из всего сказаннаго? Среди мотивов могли быть и соображения, передаваемые полк. Никитиным, со слов кн. Брасовой: в кн. Мих. Ал. не считал себя в правѣ взойти на престол, так как Царь не имѣл права отречься за наследника. Именно по мнѣнію Никитина, человека близкаго к Мих. Ал., послѣдній был взят как бы “мертвой хваткой” и чувствовал себя одиноком, считал, что “правительство, против него настроенное, не даст ему возможности работать”. Вел. Кн. не мог не знать и отрицательнаго отношенія к его кандидатурѣ в родственной великокняжеской средѣ. Все вело к одному... Керенский “рванулся”,

^{*)} См. мою книгу «Судьба имп. Николая II послѣ отреченія».

^{**)} «A priori, — пишет он, — можно привести очень сильные доводы в пользу благоприятных послѣдствій положительнаго рѣшенія «принятия» Микханлом престола, несмотря на порочность с точки зрѣнія юридической с самаго начала этого акта». «Прежде всего оно сохранило бы преемственность аппарата власти... сохранены были бы основы государственнаго устройства Россіи, и имѣлись на лицо всѣ данныя для того, чтобы обезпечить монархическій характер конституціонный... Устранен был бы роковой вопрос о созывѣ Учр. Собранія во время войны. Могло бы быть создано не Временное Правительство, формально облеченное диктаторскою властью, фактически вынужденное завоевать... эту власть, а настоящее конституціонное правительство на твердых основах закона... Избѣгнуто бы было то великое потрясеніе всенародной психики, которое вызвано было крушеніем престола».

“В. В.! Вы — благородный чловѣкъ!” Он прибавил, что отнынѣ будет всегда заявлять это^{*)}).

“Пафос Керенскаго, — замѣтил историк, — плохо гармонировал с прсзой принятаго рѣшенія. За ним не чувствовалось любви и боли за Россію, а только страх за себя”... Почему?! “Злостным вздором” называл Суханов эту отмытку историка. Вероятно, в ней надо видѣть отзывъ тѣх слов Керенскаго, которые в записи Ал. Вл. гласили: “Миша может погибнуть, с ним и *они все*”. Странно, что и через 20 лѣтъ Миллюков не нашел других слов, кромѣ “нерѣшительности” Вел. Князя и “трусости” Родзянко, помѣшавших осуществить предложенный план спасенія Россіи, для характеристики обстановки, в которой создавался “историческій акт” 3-го марта. Реалистичнѣе было тогда монархист кн. Львов, опредѣлившій в болѣе позднем разговорѣ по поводу с ген. Алексѣевым поласженіе так: “благородное рѣшеніе в. кн. Мих. Ал. привлекло к нему симпатіи громадных масс и открывает в будущем возможность новых горизонтов и спасло его и нас от новой бури”.

Для оформленія акта отреченія на Милліонную были вызваны юристы-государствовѣды Набоков и Нольде, а в перерыв кн. Путигина “просила всѣх завтракать”. По свидѣтельству мемуаристов не остался только Миллюков, сама же Путигина перечисляет лишь четырех среди завтракавших: Львов, Набоков, Шульгин и Керенский^{**)}). Завтрак прошел в сниской обстановкѣ. Не показывает ли это, что страх, будто бы кто-то может ежеминутно “ворваться” не был силен? Привѣхавшіе юристы соответственно передѣляли “слабый и неудачный” черновик проекта Некрасова. Мих. Ал. со своей стороны, внес нѣсколько поправок — по указанію Шульгина, двѣ: ссылку на Бога и замѣну словом “прошу” проектированнаго “повелѣваю”. Караулов разсказывал Ан. Вл., что Мих. Ал. “настоял”, чтобы акт был редактурирован не в видѣ манифеста от имени императора, и всѣ выраженія “мы” замѣнил “я”. Керенский, также участвовавшій в обработкѣ некрасовскаго текста, увѣряет, что “особенно долго спорили” о происхожденіи временнаго правительства. Керенский требовал исключить “волю народа”. Помирились на том, чтобы было “волею народа по почину Гос. Думы”, но в окончательном текстѣ “воля народа” все-таки исчезла.

Манифест гласил: “Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшаго Мнѣ Императорскій Престол в годину безпри-

^{*)} В текстѣ воспоминаній самого Керенскаго сказано, что он заявил Мих. Ал., что берет обязательство защищать Вел. Князя от всѣх. «Мы пожали друг другу руку. И с этого момента мы остались в добрых отношеніях. Правда, мы встрѣтились только раз в ночь отъѣзда Царя в Тобольск, но... я имѣл нѣсколько раз случай оказать услугу в. князю, облегчая ему немного жизнь в новой обстановкѣ, в которой он находился». Как характерен этот абзац для Керенскаго-мемуариста! В иностранных изданіях своих воспоминаній он не упомянул, что Мих. Ал. в августѣ был арестован по личному распоряженію тогдашняго главы правительства.

^{**)} Бѣдный Шульгин, имѣвшій, вѣроятно, нѣсколько потрепанный вид послѣ псковских перипетій, не избѣг обвиненій в демагогической приспособляемости ко вкусу толпы. Так кн. Брасова говорила Маргулесу, что монархист Шульгин «нарочито не брлся» и «надѣл самый грязный пиджак», «когда ѣхал к Царю, чтобы рѣзче подчеркнуть свое издѣвательство над ним».

мѣрной войны и войнѣй народных. Одушевленный единою со всѣмъ народомъ мыслію, что выше всего благо Родины Нашей, принялъ Я твердое рѣшеніе в томъ лишь случаѣ воспріять Верховную Власть, если таковая будетъ воля Великаго народа Нашего, которому надлежитъ всепароднымъ голосованіемъ, черезъ представителей своихъ в Учред. Собраніи, установить образъ правленія и новые основныя законы Государства Россійскаго. Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ граждан Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Гос. Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, какъ созданное в возможно кратчайшій срокъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа”.

Послѣ подписанія актъ взялъ кн. Львов. Это было уже около 6 час. вечера. Перевернулась страница русской исторіи. Назрѣвавшій правительственный кризисъ благополучно разрѣшился. Набоков рассказываетъ, что кн. Львов, информируя прибывшихъ на Милліонную юристовъ о мотивахъ ихъ приглашенія, сообщилъ, что в результатѣ принятаго рѣшенія Милюковъ и Гучковъ выходятъ изъ состава правительства. “Что Гучковъ уходитъ, — добавилъ, яко-бы, Львовъ, — это не бѣда: вѣдь оказывается, что его в арміи терпѣть не могутъ, солдаты же его просто ненавидятъ. А вотъ Милюкова непременно надо уговорить остаться”. Набоков соглашался, что уходъ Милюкова былъ бы “настоящей катастрофой”, и направился в Таврическій дворецъ убѣждать вождя партіи к. д. не выходить изъ состава Временнаго Правительства. Оказалось, что на эту тему с Милюковымъ говорилъ уже Винаверъ. “Текстъ отказа” Михаила Милюкова удовлетворилъ и “кажется” послужилъ окончательнымъ толчкомъ для измѣненія принятаго раньше рѣшенія. Кто убѣдилъ Гучкова. Набоков не зналъ. Это сдѣлалъ, в свою очередь, Милюковъ — такъ рассказываетъ Гучковъ на страницахъ воспоминаній, напечатанныхъ в “Пос. Новостяхъ”. Милюковъ, мало надѣявшійся на благополучный исходъ революціи, “всетаки былъ большимъ оптимистомъ, чѣмъ я”. Керенскій говоритъ, что Гучкова убѣдили остаться, по крайней мѣрѣ на первые дни, тутъ же на совѣщаніи в минуты второго перерыва, когда Мих. Ал. совѣщался с Родзянко.

Надо думать, что Гучковъ согласился и вѣсь отказался, иначе непонятен характерный для обстановки нижеслѣдующій разговоръ по прямому проводу между Алексѣевымъ и полк. Энгельгардтомъ. Алексѣевъ только что закончилъ процитированную выше бесѣду с Гучковымъ по поводу отреченія Мих. Ал. (это было ближе уже къ 7 час. вечера) и вызвалъ вновь Гучкова или Родзянко. “Родзянко занятъ неотложнымъ дѣломъ, — отвѣтилъ Энгельгардтъ: — “Гучковъ подалъ в отставку, временно я занимаюсь военнымъ дѣломъ и явился къ аппарату. Можетъ быть, найдете возможнымъ переговорить со мною?” — “Я сейчасъ только оканчиваю разговоръ с Гучковымъ, и опъ мнѣ ни однимъ словомъ не обмолвился о своей отставкѣ, указывая, напротивъ, что вѣсь усилю свои посвятить на пользу арміи. Очень трудно рѣшать какіе бы то ни было вопросы, касающіеся дѣйствующей арміи, если отсутствуетъ какая бы то ни было оріентировка в эти исключительныя дни со стороны правительства. Если вы можете довести до свѣдѣнія предсѣдателя Совѣта Министровъ,

то я прошу быть оріентированъ о ходѣ дѣла, ибо отдавать распоряженія с *завязанными глазами* (курсивъ мой) невозможно”*). “Часъ тому назадъ Некрасовъ сообщилъ мнѣ, что Гучковъ подалъ в отставку. В Думѣ его не было, а потому я позволилъ себѣ лично прибыть къ аппарату, чтобы не задерживать вас. Изъ Ставки трижды вызывали Родзянко и Гучкова. Если вы говорили с Гучковымъ послѣ 18 часовъ, то, возможно, онъ взялъ отставку обратно. Передамъ нашу бесѣду кн. Львову немедленно”***).

Думается, что на рѣшеніе Милюкова и Гучкова больше всего повлияла окружающая обстановка. Становилось ясно, что историческій путь в данномъ отрывѣ времени шелъ не по тѣмъ линіямъ, которыя намѣчались теоретическими выкладками политиковъ: событія рождались “психологіей массъ”, какъ выразился кн. Львовъ в дальнѣйшемъ разговорѣ с Алексѣевымъ. Эту психологію массъ в революціонной столицѣ Родзянко в разговорѣ с тѣмъ же Алексѣевымъ в 10 час. вечера опредѣлялъ словами: “Хотя эти акты (манифесты) не опубликованы, но слухъ о нихъ прошелъ и встрѣченъ населеніемъ с ликованіемъ. Произведенъ салютъ с крѣпости новому правительству в 101 выстрѣлъ”. В дополненіе къ словамъ Родзянко случайный фланеръ в то время на улицахъ столицы, толстолицъ Будгаковъ, вспоминаетъ, что извѣстіе об отреченіи “Николая” и “Михаила” вызывало восторженное “ура”. — “Всѣ были именинниками”. В “низахъ” — на “улицѣ”, переходящей в “демократію”, общее настроеніе “противъ Романовыхъ”, — отмѣчаетъ вновь Гиппиусъ. На песимистическую реплику нач. штаба предсѣдатель Думы замѣтилъ: “Искренне сожалѣю, что Ваше Высокопревосходительство такъ грустно и уныло настроены, что тоже не можетъ служить благопріятнымъ

*) Затрудненія, которыя испытывала военная власть на фронтѣ при быстротечномъ ходѣ событий и при условіяхъ, что верховный главнокомандующій находился на Кавказѣ, Ставка в Могилевѣ, правительство в Петербургѣ, можно иллюстрировать примѣромъ, по существу, можетъ быть, и второстепеннымъ. Первый приказъ верховнаго главнокомандующаго, помѣченный 3-мъ мартомъ, совпалъ с опубликованіемъ «манифеста» Михаила. В нихъ имѣлось рѣзко бросающееся в глаза противорѣчіе. Ник. Ник. говорилъ, обращаясь къ солдатамъ: «...что касается васъ, чудо-богатыри, сверхдоблестные витязи земли русской, то я знаю, какъ много вы готовы отдать за благо Россіи и престола...». В манифестѣ 3 марта выдвигалось Учредительное Собраніе. В Псковѣ обратили вниманіе на такое «серьезное» противорѣчіе. Русскій хотѣлъ вычеркнуть слово «престолъ», но его штабъ запротестовалъ (сообщ. Болдырева). Даниловъ настаивалъ на замедленіи выпуска приказа и вступилъ в переговоры со Ставкой, указывая, что «войскамъ трудно будетъ разобраться в такомъ сличеніи: времени отдачи приказа верховнаго главнокомандующаго и манифеста в. кн. Мих. Ал., ибо оба документа помѣчены третьимъ мартомъ. Получается безусловное впечатлѣніе несогласованности, очень тяжелое в такихъ государственной важности и деликатныхъ для совѣсти каждаго вопросахъ». Ставка в лицѣ Лукомскаго считала «недопустимымъ» задержку приказа верховнаго. Нач. штаба, какъ видно изъ словъ Лукомскаго, не считалъ возможнымъ какія-либо дальнѣйшія задержки, «пока не получится все черное по бѣлому», ибо «проволочка» привела уже к тому, что «балтійскій флотъ окончательно взбунтовался». Мы увидимъ, что этотъ формальный вопросъ послужилъ предюдіемъ довольно большихъ осложненій тогда, когда приказъ в. кн. Ник. Ник. дошелъ до Совѣта Р. Д.

**) Энгельгардтъ уже считалъ себя почти военнымъ министромъ, — такъ рассказываетъ Половцовъ, встрѣтившій его в Главномъ Штабѣ послѣ разговора со Ставкой: «Гучковъ не будетъ больше военнымъ министромъ — завтра я буду военнымъ министромъ».

фактором для победы, а я вот и всё мы здесь настроены бодро и решительно”.

Скептики не только уступили всеобщему оптимизму, но и сами им заразились: Милюков на другой день сдѣлался даже самоуверенным, как отмѣчают современники. Очевидно, он думал, что опытный рулевой сумеет всегда направить государственныи корабль, вопреки революционной стихии, в надлежащее русло. Таким путем ему в первые, по крайней мѣрѣ, дни все еще рисовался путь, который он отгаивал на Миллионной. Об этом опредѣленно говорит официальная телеграмма 6 марта англійскаго посла в Лондон. Бюкенен передавал Бальфуру, на основаніи своего разговора с Милюковым от означеннаго числа: министр ин. д., выразив “большую удовлетворенность положеніем дѣл”, полагает, что “окончательным устройством вещей явится избраніе новаго императора. Единственным кандидатом он считал в. кн. Михаила. Его Высочество приобрѣл большую популярность послѣ опубликованія своего манифеста”.

Таким образом заря новой Россіи и в представленіи лидера думской общественности занималась при auspiciis, скорѣе благоприятных. Естественно, что Карабчевскій, посѣтившій через нѣсколько дней новаго руководителя вѣншней политикой в качествѣ предсѣдателя “комиссіи по разслѣдованію германскихъ вѣрств”, напел Милюкова в настроеніи радужном и в себѣ увѣренном: он вновь “и помолодѣл и пріосанился”. И Палеолог записал 4 марта: Милюков в 24 часа от отчаянія перешелъ к полной увѣренности. Милюков отнюдь не был одинок: мы видѣли, в какихъ повышенныхъ тонахъ привѣтствовалъ революцію черезъ нѣсколько дней акад. Струве — тотъ Струве, который находился в Думѣ в первые революціонныя часы и встрѣтилъ Набокова в “крайне скептическомъ” настроеніи.

5. — П о с л ѣ д н і й ш т р и х .

...Всѣ вновь собрались в Таврическомъ Дворцѣ для выработки формы опубликованія двухъ отреченій. Случайно присутствовавшій при обсужденіи проф. Ломоносов (он привезъ “подлинникъ” манифеста Николая II, полученный отъ Гучкова и находившійся в мин. пут. сообщ., и ждалъ официальнаго текста актовъ отреченія, такъ какъ печатать его должна была типографія министерства), изобразилъ в воспоминаніяхъ обстановку, в которой происходило обсужденіе — вѣроятно, нѣсколько карикатурно. “Какъ назвать эти документы? По существу это суть манифесты двухъ императоровъ”, — заявилъ Милюков. — “Но Николай придадъ своему отреченію иную форму, форму телеграммы на имя Начальника Штаба. Мы не можемъ мѣнять эту форму”, — возразилъ Набоков. — “Пожалуй. Но рѣшающее значеніе имѣетъ отреченіе Мнх. Ал... Оно написано вашей рукой, Вл. Дм., и мы можемъ его вставить в любую рамку. Понимаете: “Мы, милостью Божіей, Михаилъ II, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій... объявляемъ вѣрнымъ подданнымъ кажимъ”... — “Позвольте... да вѣдь онъ не царствовалъ”... Начался горячій споръ... Милюковъ и Набоковъ с иѣной у рта доказывали, что отреченіе Михаила только тогда имѣетъ юридическій смысл, если признать, что онъ былъ императоромъ... Полночь застала насъ за этимъ споромъ. На-

конецъ, около 2 час. ночи соглашеніе было достигнуто. Набоковъ написалъ на двухъ кусочкахъ бумага названія актовъ: 1. Актъ об отреченіи Государя Императора Николая II от престола Государства Россійскаго в пользу Великаго Князя Михаила Александровича. 2. Актъ об отказѣ Вел. Кн. Мнх. Ал. отъ *воспріятія* верховной власти и о призначіи имъ всей полноты власти за Временнымъ Правительствомъ, возникшимъ по почину Гос. Думы”...

“Над этими строками, — язвительно замѣчаетъ мемуарист, — можно поставить заглавіе: “Результатъ первыхъ шести часовъ работы перваго Временнаго Правительства”*). Нѣкоторая доля истины в этой ироніи имѣется: только в 3 часа 50 мин. ночи 4-го марта изъ Петербурга пошло в Ставку столь нервно ожидавшееся тамъ официальное уведомленіе об отказѣ Мнх. Алек. “воспріять верховную власть впредь до спредѣленія Учредительнымъ Собраніемъ формы правленія”.

Вокругъ имени в. кн. Михаила в роковыя дни создались уже обычныя легенды. Помѣщаемые ниже отрывки изъ записей А. С. Матвѣева (управляющаго дѣлами В. Кн.), опредѣляютъ довольно точно, по крайней мѣрѣ, даты, касающіяся пребыванія Мнх. Ал. в Петербургѣ.

Вел. князь Михаилъ Александровичъ в дни переворота.

25-го февраля, в субботу, предполагался пріѣздъ изъ Гатчины в Петербургъ вел. кн. Михаила Александровича. В этотъ день былъ назначенъ на 7 час. вечера обѣдъ у гр. И. И. Капниста, на Сергіевской улицѣ (Капнистъ — членъ Государственной Думы), и затѣмъ предполагалась поѣздка в Михайловскій театръ на французскій спектакль.

Проѣзжая къ гр. Капнисту, Великій Князь обратилъ вниманіе на большое скопленіе народа в направлевіи Невскаго проспекта, а потому, по пріѣздѣ на Сергіевскую, поручилъ мнѣ справиться по телефону у Петербургскаго градоначальника (ген.-м. Балк) о положеніи в Петроградѣ. Градоначальникъ отвѣтилъ, что в городѣ тревожно, на Невскомъ проспектѣ была стрѣльба, и что при стрѣльбѣ убитъ полицейскій приставъ. Мой доклад о событіяхъ в Петроградѣ произвелъ на Вел. Князя очень тяжелое впечатлѣніе, и онъ сейчасъ же отказался отъ мысли поѣхать в театръ. По окончаніи обѣда лица, принимавшія в немъ участіе, поѣхали в театръ, а М. А. поѣхалъ со мной ко мнѣ на квартиру; оставаясь у меня, М. А. писалъ письма своимъ знакомымъ и, между прочимъ, ген. Брусилову. Вел. Князь оставался у меня до 12 час. ночи; в указанное время подѣхалъ къ дому автомобиль съ Н. С. Брасовой и Н. Н. Джонсономъ, возвратившимися изъ театра. М. А. вошелъ в автомобиль и уѣхалъ в Гатчину. На другой день, 26-го февраля, в воскресенье, вел. князь Михаилъ Александровичъ предполагалъ пріѣхать в Петроградъ и, вмѣстѣ съ вел. кн. Ксеноіей Александровной, быть в 2 часа дня в Петропавловскомъ соборѣ на панихидѣ у гробницы имп. Александра III. В этотъ день, в 10 час. утра,

*) Бубликовъ — его воспоминанія вышли раньше воспоминаній Ломоносова — совершенно также, со словъ своихъ помощниковъ, изображаетъ вечерніе споры 3-го о формѣ опубликованія актовъ отреченія, приписывая только кн. Львову проектъ традиціонной вѣншней формулировки манифестовъ.

я справился по телефону у градоначальника о безопасности слѣдованія Вел. Князя с Варшавскаго вокзала в Петропавловскій собор. Градоначальник сообщил, что путь слѣдованія безопасен, о чем я и доложил по телефону в Гатчину. 26-го февраля М. А. я не видѣл, но знаю, что он благополучно побывал у Кс. Ал. и в Петропавловском соборѣ, а затѣм возвратился в Гатчину.

27-го февраля, в понедѣльник, я отправился в обычное время в Управление дѣлами вел. кн. М. А.; на улицах было большое оживленіе, а мѣстами были замѣтны даже отдѣльныя группы; вообще же чувствовалось очень тревожное настроеніе. Из Управленія дѣлами я вышел в 3½ ч. дня. Возвращаясь я домой в автомобиль, которому мѣстами приходилось ѣхать очень медленно из-за народа, котораго особенно было много на Благовѣщенской площади. По приѣздѣ домой я говорил по телефону с шофером Козловским, который сообщил мнѣ, что ему приказано по телефону из Гатчины подать автомобиль на Варшавскій вокзал для встрѣчи вел. кн. М. А.; сообщая об этом, Козловскій добавил: извѣстно ли Великому Князю о тревожном настроеніи в Петроградѣ. Так как о приѣздѣ Великаго Князя в Петроград мнѣ не было извѣстно, то сейчас же послѣ разговора с Козловским я позвонил в Гатчину и узнал, что Мих. Ал. уже выѣхал в Петроград с Н. Н. Джонсоном послѣ телефоннаго разговора из Петрограда с председателем Государственной Думы Родзянко. Около 8 час. вечера позвонил ко мнѣ Н. Н. Джонсон и сообщил, что М. А. находится в Маринском дворцѣ на свиданіи с видными членами Государственной Думы и другими, по вызову М. В. Родзянко. Н. Н. Джонсон говорил из вестибюля Маринскаго дворца.

В двѣнадцатом часу ночи позвонил ко мнѣ, по приказанію Н. Н. Джонсона, шофер Козловскій и сообщил мнѣ, что вел. князь М. А. находится у военнаго министра, в его домѣ на Мойкѣ, при чем сообщил мнѣ об этом иносказательно, видимо, опасаясь при разговорѣ по телефону открыть мѣстопребываніе Вел. Князя; вмѣстѣ с тѣм Козловскій добавил, что автомобиль Вел. Князя спрятан во дворѣ дома. В четвертом часу ночи на 28-ое февраля ко мнѣ позвонил Н. Н. Джонсон и сообщил, что Вел. Князь находится с ним в Зимнем дворцѣ, и что пришлось остаться в Петроградѣ, вслѣдствіе невозможности проѣхать из дома военнаго министра на Варшавскій вокзал, из-за большого количества народа на улицѣ. В восьмом часу утра того же дня (вторник, 28-го февраля) Н. Н. Джонсон сообщил мнѣ по телефону, что М. А. находится в квартирѣ кн. О. П. Путятиной, на Милліонной улицѣ, 12, так как оставаться в Зимнем дворцѣ оказалось невозможным: караул снялся, и двери дворца открыты; сообщая об этом, Н. Н. Джонсон пояснил, что квартира кн. О. П. Путятиной выбрана, как ближайшая к Зимнему дворцу, и что и сюда пришлось проходить не через улицу, а по двору Эрмитажа и дворца вел. кн. Николая Михайловича.

В этот день я страдал сильной головной болью, и поэтому отправиться к вел. князю М. А. не мог. — поддерживал связь с квартирой кн. О. П. Путятиной по телефону. В 7-м часу вечера зашел ко мнѣ Д. Н. Старынкевич: одѣт был Старынкевич в охотничье короткое пальто, и он объяснил мнѣ, что так он мнѣ похож на буржуа, и потому ближе подходит к толпѣ. Около 7 час. вечера ко мнѣ вошли двое не-

извѣстных людей с винтовками, из которых один был в военной формѣ, а другой в штатском платьѣ и котелкѣ; эти лица объявили мнѣ, что выстрѣлом из моего окна убита на Фонтанкѣ женщина, и требовали, чтобы я показал им всѣ окна своей квартиры. Тщетно я доказывал этим людям, что окна моей квартиры не выходят на Фонтанку, они все же обошли мою квартиру и затѣм, благополучно для меня, удалились в сосѣднюю квартиру; говорю “благополучно”, так как в сосѣдней квартирѣ произошел разгром. Послѣ ухода этих лиц, я снова лег в постель; Д. Н. Старынкевич пробыл у меня весь вечер, и даже остался ночевать.

1-го марта, в среду, я рѣшил отправиться к вел. князю Михаилу Александровичу, на Милліонную улицу, 12. Вышел я из дому около 12 часов, в сопровожденіи Д. Н. Старынкевича, который проводил меня до Милліонной, 12. Шли мы с Фонтанки на Милліонную по Невскому проспекту и через площадь Зимняго дворца. По всему Невскому проходили войска к Государственной Думѣ. На углу Милліонной улицы и Мѣшкова переулка, у дома № 16, была большая толпа народу. Оказалось, что в этом домѣ только-что убили, во время обыска, проживавшаго там генерала Г. Э. Штапельберга, состоявшаго при вел. кн. Маріи Павловнѣ старшей. Это было за два дома до квартиры кн. Путятиной. Подойдя к подъѣзду дома № 12, гдѣ находился вел. князь М. А., я встрѣтил гувернантку кн. Путятиной, которая сказала, что только-что на ее глазах на набережной Невы был убит какой-то офицер. В квартиру кн. О. П. Путятиной я вошел около часу дня, к самому началу завтрака. В передней комнатѣ меня встрѣтил Н. Н. Джонсон, который сообщил мнѣ об опасности, которой подвергся в это утро Вел. Князь, находясь в частной квартирѣ, так как в сосѣдних квартирах, — между прочим, обер-прокурора Св. Синода Раева и Столыпина, — производились обыски; в квартиру кн. О. П. Путятиной лица, производившія обыск в домѣ, к счастью, не зашли; сообщая об этом, Н. Н. Джонсон добавил, что в настоящую минуту М. А. находится в большей безопасности, так как, с одной стороны, вызван для охраны Вел. Князя караул из школы прапорщиков, а, с другой, что Вел. Князь подписал один акт, привезенный ему из Государственной Думы, в котором Вел. Князь признавал необходимость конституціоннаго порядка в Россійской имперіи; этот акт, как я впоследствии узнал, был составлен в Царском Селѣ 28-го февраля Евг. Ал. Бироновым, состоявшим в то время начальником канцеляріи дворцоваго коменданта, и кн. М. С. Путятиным, и подписан вел. князьями Павлом Александровичем, Кириллом Владиміровичем и, кажется, Димитріем Константиновичем. Как мнѣ сообщил Е. А. Биронов, означенный акт предлагался к подписи имп. Александрѣ Феодоровнѣ, которая должна была расписаться от имени малолѣтняго наследника, но Государыня от подписи отказалась. Вел. князь М. А. подписал этот акт послѣдним. Сдѣлав эту подпись, вѣроятно, второпях, так как в этот же день снял эту подпись путем особаго письма на имя председателя Государственной Думы, к которому этот акт был обращен.

Прибыв в квартиру кн. Путятиной в первом часу дня, в среду, 1-го марта, я оставался в пей с вел. князем М. А. до 11 час. утра субботы, 4-го марта. За завтраком, кромѣ М. А. и семьи кн. Путятиной,

были Н. Н. Джонсон и я. Муж кн. О. П. Путятиной находился на фронтѣ. Послѣ завтрака М. А. рассказал мнѣ о совѣщаніи в Марининском дворцѣ, вечером 27-го февраля, результатом котораго был разговор его с Государем, через ген.-ад. Алексѣева, по прямому проводу в Ставку. Во время завтрака прибыл караул от школы прапорщиков, в количествѣ 20 юнкеров, при пяти офицерах; офицеры помѣстились в кабинетъ квартиры кн. Путятиной, а юнкера — в сосѣдней квартирѣ, этажем ниже. В теченіе дня к Вел. Князю пріѣзжали разные лица. Был член Гос. Думы гр. И. И. Каппист, были и другія лица, у которых Вел. Князь освѣдомлялся о происходящем в Государственной Думѣ; доставляли эти свѣдѣнія и офицеры караула, отправлявшіеся поочередно в Думу, интересуясь, с своей стороны, происходящим в ней.

В этот же день, около 9 час. вечера, пришел и вел. князь Николай Михайлович, возвратившійся в этот день в Петроград (жил “визави” с квартирой Путятиной) из своего имѣнія “Грушевка”, гдѣ он находился по повелѣнію Государя с 1-го января. Кажется, в этот же день пріѣзжал и англійскій посланник Бюкенен. День 2-го марта, четверг, М. А. продолжал оставаться в квартирѣ кн. Путятиной, узнавая от пріѣзжавших к нему лиц о происходящем в Государственной Думѣ. В этот день Вел. Князь написал письмо М. В. Родзянко, изъявляя готовность пріѣхать в Гос. Думу, если его пріѣзд может принести пользу при создавшемся положеніи. М. В. Родзянко отвѣтил письмом. Из этого письма Вел. Князь впервые узнал о предполагаемом отреченіи от престола Государя в пользу наследника, при регентствѣ вел. князя М. А.; это письмо было получено вечером, о рѣшеніи же самого Государя М. А. извѣстно не было.

Так закончился день 2-го марта.

Утром 3-го марта (пятница), в 5 час. 55 мин. утра, я услышал телефонный звонок, и затѣм увидал стоящих у телефона; сперва Н. Н. Джонсона, а затѣм вел. князя Михаила Александровича; оказалось, что звонил министр юстиціи Керенскій и спрашивал разрѣшеніе пріѣхать составу Временнаго Правительства и Думскому Комитету. Вел. князь изъяснил согласіе, и стал приготовляться к пріему.

Михаил Александрович предполагал, в соотвѣтствіи с письмом председателя Государственной Думы, что состав Временнаго Правительства и Думскій Комитет ѣдут доложить ему о регентствѣ, а потому и обдумывал соотвѣтствующій отвѣтъ, выражающій согласіе.

Выяснилось, что Временное Правительство и Думскій Комитет придут немедленно послѣ переговоров по телефону, но на сбор потребовалось время, и съѣзд начался в 9 час. 15 мин. утра. Одними из первых прибыли М. В. Родзянко и кн. Г. Е. Львов: послѣдними пріѣхали А. И. Гучков и В. В. Шульгин. М. В. Родзянко просил через меня вел. князя М. А. не открывать засѣданія до пріѣзда этих послѣдних, так как они возвращаются из Ставки с важными сообщеніями.

Михаил Александрович вышел к собравшимся лицам около 9 час. 15 мин.; приблизительно в это же время пріѣхали А. И. Гучков и В. В. Шульгин. При пріемѣ вышеуказанных лиц я не присутствовал, но заключительныя слова Вел. Князя слышал из сосѣдней комнаты: М. А., выслушав рѣчи съѣхавшихся к нему лиц, объявил, что удаляется в

сосѣдную комнату для размышленія. Член Думы Керенскій заявил, что он вѣрит, что такой вопрос, предложенный на рѣшеніе Вел. Князя, М. А. рѣшит со своей совѣстью, без участія посторонних лиц, развѣ лишь по совѣщаніи с супругой. Вел. Князь объявил, что супруги его в Петроградѣ нѣтъ, и что он жаждет вынести отвѣтственное рѣшеніе по обсужденіи вопроса с М. В. Родзянко и кн. Львовым. Послѣ этих слов М. А. с указанными лицами удалился в сосѣдную комнату, и через нѣкоторое время вынес рѣшеніе, объявленное в актѣ от 3-го марта.

Это было около 1 часу дня.

Послѣ сего всѣ присутствовавшіе уѣхали, остались лишь кн. Львов и Шульгин, приглашенные кн. О. П. Путятиной к завтраку. За завтраком были: вел. князь М. А., кн. О. П. Путятина, кн. Львов, В. В. Шульгин, Н. Н. Джонсон и я.

Послѣ завтрака М. А. предложил кн. Львову и Шульгину приступить при моем участіи к оформленію происшедшаго. Я указал, что при составленіи акта необходимо имѣть перед собою подлинное отреченіе Государя и основные законы. Рѣшено было вызвать В. Д. Набокова, у котораго находилось подлинное отреченіе Государя императора (вѣроятно, как у управляющаго дѣлами Временнаго Правительства), и бар. Нольде, профессора международного права. Первым пріѣхал В. Д. Набоков, представившій М. А. отреченіе Государя и доложившій проект акта, составленный, по словам Набокова, министром путей сообщенія Некрасовым. По пріѣздѣ бар. Нольде, М. А. приступил, при участіи указанных лиц (Львов, Набоков, Нольде), к обсужденію проекта акта. Я удалился. Около 4½ час. дня М. А. вышел из совѣщательной комнаты и передал мнѣ для прочтенія, уже переписанный рукой Набокова, акт о временном отказѣ от принятія верховной власти. По прочтеніи акта я предполагал высказать свои соображенія непосредственно Вел. Князю. М. А. предложил мнѣ сдѣлать их в его присутствіи членам совѣщанія.

Войдя в совѣщательную комнату, я замѣтил, кромѣ вышеупомянутых лиц, М. В. Родзянко и А. Ф. Керенскаго. Я предложил нѣкоторые измѣненія в текстѣ акта, нѣкоторые из которых и были приняты М. А. и членами совѣщанія. Послѣ внесенных измѣненій, акт был подписан Вел. Князем и вручен кн. Львову.

На слѣдующее утро, в субботу, 4-го марта, вел. князь Михаил Александрович отбыл из Петербурга в Гатчину, в сопровожденіи Н. Н. Джонсона и встрѣтившагося по пути ген. Я. Д. Юзефовича.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ТРАГЕДІЯ ФРОНТА

I. Армія и переворот.

1. — “Обманутые” генералы.

Председатель Думы, информируя Ставку в 11 час. вечера 3-го марта, подвел итоги словами: “все приходит болѣе или менѣе в порядок”. На фронтѣ пока “благополучно”, признавал нач. штаба, но тѣм не менѣе отвѣтъ его звучал пессимистически: “главнокомандующіе в течение цѣлаго дня запрашивали о времени опубликованія акта 2 марта, ибо слухи об этом проникли в армію, в ряды войск и населенія, порождали недоумѣніе и могли закончиться нежелательными проявленіями. Безотрадно положеніе Балтійскаго флота, бунтъ почти на всѣх судах, и боевая сила флота, повидимому, исчезла... Это результат промедленія в объясненіи чинам флота сути акта 2 марта. По имѣющимся свѣдѣніям также печально и безнадежно состояніе войск петроградскаго гарнизона... Вот грустная картина с военной точки зрѣнія. Полагаю, что новое правительство должно придти на помощь арміи, призвавъ к порядку развращенныя части... Суровыя мѣры на первое время должны образумить забывших дисциплину”... Мы знаем, что “унылой” и “грустной” оцѣнкѣ ген. Алексѣева Родзянко противопоставил петербургскія настроенія — “бодрыя” и “рѣшительныя”. Родзянко сослался на полученную телеграмму о том, что в Балтійском флотѣ “всѣ бунты ликвидированы, и флот привѣтствует новое правительство”. В отвѣтъ Алексѣев огласил новую вечернюю телеграмму адм. Непенина: “Бунтъ почти на всѣх судах”...*). “Вы видите — продолжал Алексѣев — как

*) Дѣйствительное положеніе было таково. Когда командующій Балтійским флотом утром 2-го получил из Ревеля телеграмму коменданта крѣпости вице-адм. Герасимова, гласившую, что «положеніе грозит чрезвычайными осложненіями, если не будет мною объявлено категорически, на какой сторонѣ стою я с гарнизонамъ», он отвѣтил: «Благоволите объявить всѣм частям, что Исп. Ком. Гос. Думы требует от войск полного подчиненія своему начальству, а от рабочих возстановленія усиленной работы, и что я дѣйствую в полном согласіи с этим Комитетом, который занят устроеніем тыла, а от арміи и флота требует только поддержанія строгой дисциплины и полной боевой готовности для войны до побѣды. Если положеніе потребует, во что бы то ни стало, категорическаго отвѣта, то объявите, что я присоединяюсь к Временному Правительству и приказываю вам и старшему на рейдѣ сдѣлать то же». Вечером Непенин телеграфировал Рузскому о необходимости принять рѣшеніе, «формулированное председателем Думы». Сообщение о манифестѣ в Ревель было объявлено «и получило широкую огласку». «Безпорядки временно прекратились» — доносил Непенин в 8 час. утра 3-го. В

быстро разворачиваются событія, и как приходится быть осторожным в оцѣнкѣ событий... Конечно, я извѣщу вас о том, как будут встрѣчены войсками дѣйствующей арміи оба акта. Всѣ начальники от высших до низших приложат всѣ усилія, чтобы армія продолжала быть сильным, могущественным орудіем, стоящим на стражѣ интересов своей родины. Что касается моего настроенія, то оно истекает из того, что я никогда не позволяю себѣ вводить в заблужденіе тѣх, на коих лежит в данную минуту отвѣтственность перед родиной. Сказать вам, что все благополучно, что не нужно усиленной работы — значило бы сказать неправду”.

Можно ли из этого пессимизма Алексѣева, навѣяннаго создавшейся обстановкой, дѣлать вывод, что он призналъ вообще ошибочность своего поведенія в часы, предшествовавшіе отреченію Царя?

В таком смыслѣ ген. Лукомским сдѣлано пояснительное примѣчаніе к одному из документов, приведенных в его воспоминаніях. Передавая телеграмму 3-го марта с запросом мнѣній главнокомандующих, Алексѣев сказал: “никогда себѣ не прещу, что, повѣрив в искренность нѣкоторых людей, послушал их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отреченіи Государя от престола”. Аналогично утверждает и комментатор бесѣд с Рузским, изложенных в “Рус. Лѣтописи”. “Основное мнѣніе Рузскаго о днях 1-2 марта им формулировано так: Алексѣев “горяча повѣрил Родзянко, принявъ рѣшеніе посоветовать Государю отречься от престола, и увлекъ к тому остальных главнокомандующих”. Сам же Рузскій яко-бы признавал, что ему надеялось “вооруженной силой подавить бунтъ”, но что в тот момент он “старался избѣжать кровопролитія и междоусобія”. Как бы не оцѣнивали сами участники событій своей роли под влияніем послѣдующих неудач, историку приходится по иному опредѣлять патрістическія побужденія, которыя ими руководили. Не участвовавшій непосредственно в событіях ген. Куропаткин (он находился на отлѣгѣ — в Туркестанѣ), довольно ярко выразил почти господствовавшее настроеніе своей записью в дневникѣ 8-го марта: “Чувствую себя помолодѣвшим и, любя себя на радостном настроеніи, нѣсколько смущаюсь: точно и неприлично генерал-адъютанту так радоваться революціонному движенію и перевороту. Но так плохо жилось всему русскому народу, до такой разрухи дошли правительственные слои, так стал непонятен и ненавидѣн Государь, что взрыв стал неизбежен. Ликую потому, что без переворота являлась большая опасность, что мы были бы разбиты, и

три часа дня, однако, положеніе в Ревелѣ вновь приняло угрожающій характер» — сообщал Непенин. «Прибытіе членов Думы не внесло достаточнаго успокоенія... Является *желательнымъ прибытіе деп. Керенскаго*, который пользуется особым авторитетом среди рабочих... В Гельсингфорсѣ сегодня были безпорядки, прекращенные лично мною и нач. морской обороны в.-ад. Максимовым». Затѣм послѣдовала телеграмма от 7 ч. 30 м. веч., на которую ссылался Алексѣев. На другой день в 11 ч. утра Непенин телеграфировал Алексѣеву: «Собрал депутатов от команд и путем переговоров и благодаря юзо-телеграммамъ мин. юст. Керенскаго удалось прекратить кровопролитіе и безпорядки... Через депутатов передал командам, пролившим кровь офицерскую, что я, с своей стороны, крови не пролью, но оставить их в командах не могу — виновных же пусть разберет Временное Правительство». а в 4 часа пришло «ошеломившее» всѣх в Ставкѣ извѣстіе: «в воротах Свеаборгскаго порта ад. Непенин убит *выстрѣлом из толпы*».

тогда страшная рѣзня внутри страны стала бы неизбежна. Теперь только бы удалось возстановить всюду дисциплину в войсках, только бы политическая горячка не охватила войска действующей армии; побѣда, глубоко увѣрен в том, нам обеспечена”.

Если придворная дама Нарышкина, послѣ бесѣды с “одним офицером”, записывает в свой позднѣйшій дневник (26 июля): “всѣ они единодушно утверждают то, что есть, а именно, что, если бы Государь не поторопился подписать отреченія, ничего бы не было” — то это, может быть, естественно. Также понятно и то, когда свитскій мемуарист полк. Мордвинов утверждает, что “русскій народ” думал иначе, тѣм же думскіе представители и “русскіе генералы”. Но когда военный историк ген. Головин, особо претендующій на “соціологическую” трактовку событій революціи, пытается убѣдить нас, что Николай II своим быстрым отреченіем, не сдѣлав “сколько-нибудь серьезных попыток бороться против взбунтовавшагося гарнизона столицы”, превратил “солдатскій бунт” в “удавшійся мятеж, т. е. в революцію”, то это вызывает только недоумѣніе. Неужели не ясно теперь, что даже задержка опубликованія отреченія 2-го марта, вызванная запоздалой делегаціей Врем. Комитета и несвоевременной агитаціей “защитников монархіи”, которая обострила династическій вопрос, до крайности осложнила положеніе и имѣла только отрицательные результаты? Иностранцы в свое время вѣрно опредѣлили значеніе происшедшаго: “Величайшая опасность — писал лондонскій “Times” — заключалась в том, что Царь не сумѣет оцѣнить требованія момента с достаточной быстротой и вступит в борьбу с революціей. Но он обнаружил достаточно государственной мудрости и безкорыстнаго патріотизма, сложив свою власть — он, как мы думаем, спас свой народ от гражданской войны и свою столицу от анархіи”... “Мы восхищаемся — говорил в Парижѣ предсѣдатель совѣта министров Рибо — поступком Царя, который преклонился перед волею народа и принес ей в жертву прошлое гордой династіи... Ничего болѣе прекраснаго нельзя себѣ и представить”. Эти восторженные официальные слова, быть может, и не совсѣм соответствовали индивидуальным мотивам, вызвавшим рѣшительный шаг имп. Николая II, но они вѣрно передают объективную цѣнность в тот момент совершившагося факта. Только этой объективной цѣнностью можно опредѣлять все значеніе поведенія верховнаго командованія в критическій день 1-го марта.

Тезису о генералах, “обманутых” политическими дѣятелями,ประสบความสำเร็จ — он попал даже, как было указано, на страницы труда проф. Нолде. Генералы подтвердили, что Дума овладѣет революціей, генералы не устояли перед настойчивой самоувѣренностью политических главарей. Вспомним характер информации, которую давал на фронт от имени Врем. Ком. Родзянко — она была противорѣчива, но временами заострена в сторону преувеличенія стихійной анархіи, господствовавшей в столицѣ (это отмѣтил Алексѣев). У верх. Командованія, как будто, не было сомнѣній в том, что “Дума не владѣет стихіей”. В этом отношеніи “генералы” не были обмануты. Командованіе, если не форсировало, то само уточнило и формулировало необходимость “требуемый отреченія”, о которых передавал Родзянко в ночь с 1-го на 2-ое марта. Если в руководящих кругах военнаго Командованія так легко

усвоилась идея “отреченія”, то это объясняется тѣм, что с этой идеей еще до революціи освоилась общественная мысль в насыщенной атмосферѣ разговоров о неизбежности дворцоваго переломата*). Называть “измышленіями” всѣ эти разговоры в военной средѣ нѣтъ никакого основанія, если только отбрасывать гиперболы, о которых сообщали за границу даже такіе освѣдомленные во внутренних дѣлах и связанные с русской либеральной общественностью дипломаты, как англійскій посол (припомним сенсационную телеграмму Бьюкенена Бальфуру 16 января). Может быть, Брусилов и не говорил тѣх слов, которыя передавались у Родзянко, когда Крымов дѣлал свой доклад, а именно: “Если придется выбирать между Царем и Россіей, я пойду за Россіей” (неизвѣстно было, кому и когда это было сказано) — но эти слова вѣрно передавали основное настроеніе верховнаго Командованія.

Революція разразилась наперекор этим заговорщическим планам, цѣлью которых было желаніе избѣжать революціи во время войны и двинуть Россію на путь внѣшней побѣды (припомним выступленіе ген. Крымова на созываніи у Родзянко). Здѣсь был самообман, пагубный и для психологій Временнаго Правительства и для психологій верховнаго Командованія. Свыкнувшись с мыслью о неизбежности смѣны власти и необходимости осуществленія программы, выдвинутой думским прогрессивным блоком, военные люди еще меньше, чѣм политическіе дѣятели, могли вполне осознать, что в Россіи произошла революція, которая требовала коренной перемѣны и тактики и методов воздѣйствія на массу. В этой неясности и лежит одна из основных причин трагедіи фронта и военнаго командованія**).

2. — Эпопея в. кн. Николая Николаевича.

Исторія назначенія в. кн. Н. Н. верховным главнокомандующим послѣ отреченія и его отставки служит лучшим доказательством непониманія того, что произошло... Судя по показаніям Гучкова в Чр. Сл. Ком., надо полагать, что среди думскаго комитета в “рѣшающую ночь” даже не задумывались над вопросом, кто же замѣнит Николая II на посту верховнаго главнокомандующаго***). Напомним, что думскіе делегаты в Псковѣ не только не возразили против назначенія Царем верховнаго главнокомандующаго в лицѣ Ник. Ник., но отнеслись к этому скорѣе сочувственно, и, по их просьбѣ, Русскій “очень широко” постарался информировать о новом назначеніи. Когда делегаты уѣзжали, антидинастическія настроенія еще не выявились во внѣ, как это произошло к вечеру 2-го. Ясно было, что назначеніе главнокоман-

*) См. мою книгу «На путях к дворцовому перевороту».

**) Версія о «генералах-измѣнниках», доведенная до полного абсурда в работѣ Якобія «Le Tsar Nicolas II et la Révolution» (издана была и по русски, при чем вызвала горячій протест Деникина в «Посл. Нов.»), просто не заслуживает разсмотрѣнія по существу в историческом повѣствованіи. Не всегда разобравшись в фактах, автор так специфически их препарировал, что дошел до фантастической концепціи, по которой смерть Царя во имя торжества революціи явилась чуть-ли не результатом соглашенія лидеров думской оппозиціи и генералов.

***)) Не служит ли это лишним доказательством того, что вопрос об отреченіи во Врем. Комитетѣ тогда не был еще поставлен ребром?

дующим члена царствовавшей династии психологически было невозможно и грозило вызвать осложнения. Тем не менее, когда Рузский запросил на другой день мнение по этому поводу Родзянко, тот заявил, что в Петербург не возражают против "распространения" указа о назначении в. кн. Н. Н. Указ на фронт был опубликован, и одновременно с ним приказ нового верховного вождя армии, который своей устаревшей терминологией о "воле монаршей" и о "чудо богатырях", готовых отдать жизнь за "благо России и престола", должен был звучать почти дико в революционной обстановке.

Последовавшее затем чрезвычайно показательно для позиции и тактики Вр. Правительства. В первый момент официально Вр. Прав. как-то странно не реагировало на тот факт, что на посту верховного главнокомандующего находится в. кн. Ник. Ник. Ни в советских "Известиях", ни в "Известиях" комитета журналистов сведений о назначении Вел. Князя не появлялось. Даже в № 1 "Вестника Вр. Пр." (5 марта) одна из телеграмм Верховного Главнокомандующего была напечатана в виде "приказа главнокомандующего Кавказским фронтом"). Столица жила слухами. Получалось впечатлительное, что назначение в. кн. Н. Н. по каким-то причинам скрывается. Петербургские "Известия" на основании этих слухов требовали от Правительства "немедленного смещения с офицерских (а тем более командных) постов всех членов старой династии". В Москве слухи также проникли в печать, и по этому поводу Комитет Общ. Орг. вынес резолюцию, в которой доводилось до сведения Правительства, что "лица царской фамилии не должны назначаться ни на какие высшие посты военного и гражданского ведомств".

Сам Ник. Ник., ожидавший, что он будет ориентирован Правительством, чувствовал неопределенность своего положения. Он охарактеризовал ее в разговор с племянником Андреем утром 7-го марта: "Что делается в Петроград, я не знаю, но по всем данным, все меняется и очень быстро. Утром, днем и вечером все разное, но все идет хуже, хуже и хуже"... "Никаких сведений от Врем. Пр. я не получаю, даже нет утверждения меня на должности... Единственное, что может служить намеком о том, что новое правительство меня признает, это телеграмма кн. Львова, где он спрашивает, когда может приехать в Ставку переговорить. Больше я ничего не знаю, и не знаю, пропустят ли мой поезд, надо полагать, что добуду"***). Вел. Кн. телеграфировал Львову, что выезжает из Тифлиса и предполагает быть в Ставке 10-го. "Я телеграфировал ему — сообщал Львов Алексею 6-го марта веч. —

*) Первое сообщение о Вел. Князе, как о «верховном главнокомандующем», появилось в № 3 «Вестника» — уже после того, как об этом сообщили советские «Известия».

**) В телеграмме городского головы Тифлиса Хатисова, посланной Львову вечером 4-го с отчетом о состоявшемся у Вел. Кн. приеме, говорится несколько по-иному: «Я заявил — сообщал Хатисов — что широкие массы населения Тифлиса приветствуют назначение Е. В. верховным главнокомандующим, но вместе с тем вызывает много толкований то обстоятельство, что приказ об этом издан Государем, а не Врем. Прав., в то время, когда Государь отрекся от престола. Верх. Главноком. на это сказал, что назначение последовало до отречения Государя от престола, и что вслед за этим Врем. Прав. санкционировало это назначение, о чем председатель Совета министров уже уведомил Вел. Кн. и вошел с ним в непрерывные сношения».

об общем положении вещей, а на все конкретные вопросы, требующие указаний, чем руководствоваться в дальнейших действиях, общался переговорить лично в Ставке. Однако, здесь заключается самый сложный вопрос — Вел. Кн. желает, сохраняя наместничество на Кавказе, быть одновременно главнокомандующим. Больше недвояко употребляю все усилия, чтобы склонить течение в его пользу; состав Вр. Пр. в большинстве считает крайне важным признание его главнокомандующим*). Вопрос о наместничестве совершенно отпадает, вопрос главнокомандования становится столь же рискованным, как и бывшее положение Мих. Ал. Остановились на общем желании, чтобы в. кн. Н. Н. в виду грозного положения учел создавшееся отношение к дому Романовых и сам отказался от верховного главнокомандования. Общее желание, чтобы верховное главнокомандование приняли на себя вы и тем отрезали возможность новых волнений. Подозрительность по этому вопросу к новому правительству столь велика, что никакие заверения не принимаются. Во имя общего положения страны считаю такой исход неизбежным, но Великому Князю я об этом не сообщал, не переговаривая с вами. До сего дня вел с ним сношения, как с верховным главнокомандующим. Что-то председатель Совета министров не договаривает. Эту полутайну довольно грубо расшифровал Бубликов: Вел. Князь попал в «ловушку», разставленную ему Временным Правительством — его хотели вызвать из района преданной ему кавказской армии... Может быть, страх, что Н. Н. не подчинится, действительно, смущал некоторых членов Правительства.

Вел. Князь, несомненно, был популярен на Кавказе. Ан. Вл. преувеличивает, конечно, утверждая в дневнике, что «его войска прямо обожали», но его рассказ о «горячих» проводах Ник. Ник. в Тифлис и о «триумфальном» почти путешествии в предлах наместничества («почти на всех остановках его встречал народ, рабочие, и все говорили ему патристические речи») в значительной степени соответствовал действительности. Первые революционные дни в Тифлисе протекали в обстановке, мало напоминающей бурную петербургскую атмосферу. Революция в Тифлисе, по выражению одного из местных революционных деятелей, с.р. Верещака, «не вышла на улицу». Не было никаких выходов против офицеров; совет сол. деп., не установивший связи с советом раб. деп., ютился в «крохотной комнатке» и не имел большого авторитета. Мы видели, что городской голова приветствовал 4-го марта Вел. Князя от имени «широких масс» населения; 7-го при отъезде нового верховного главнокомандующего, которого торжественно конвоировала «сотня казаков», как сообщало Пет. Тел. Аг., его «восторженно приветствовали представители народа и солдат». Об этих «толпах народа» упоминает и Верещака. Вел. Князь говорил речь, в которой упомянул, что надеется, что «после войны» ему разрешат, как «маленькому помѣщику, вернуться в свое имѣние» (слова эти были припаты с тем же «восторгом»). Не измышлены и «патристические речи», которые приходилось выслушивать на дороге отъезжаю-

*) На Правительство оказывали давление военные и дипломатические представители союзников. Бьюкенен передает, что он всячески отставал Н. Н. в разговорах с Милюковым.

щему на фронт новому Верховному — так, напр., в “Вѣст. Вр. Пр.” упоминалась одна из таких рѣчей, выслушанная Вел. Князем из уст уполномоченных рабочих и служащих сучанских каменноугольных предприятий. Со слов “молодых офицеров”, сопровождавших Ник. Ник., Дубенскій утверждает, что такая же “восторженная встрѣча народом” ожидала Верховнаго Главнокомандующаго на всем пути, и что харьковский совѣтъ поднес ему даже “хлѣб-соль”. В Харьковѣ ген.-ад. Хан Гуссейн Нахичеванскій и кн. Юсупов (старшій) убѣждали Ник. Ник. — так передает тот же Дубенскій — ѣхать на фронт, минуя Ставку, которая находится под вліяніем Правительства, желающаго устранить Н. Н. от командованія. Чужая душа — потемки; что думал в дѣйствительности Ник. Ник., мы не знаем... По сообщенію Дубенскаго, послѣ бесѣды с Ханом Нахичеванским и Юсуповым Н. Н. “долго сидѣлъ один, затѣм совѣтовался с братом Пет. Ник., ген. Янушкевичем и другими лицами своей свиты и рѣшил, в концѣ концов, не мѣнять маршрута и слѣдовать в Могилев”.

Упованія многих в эти дни, песомѣнно, обращались к Ник. Ник. Эти чаянія опредѣленно высказала, напр., в. кн. Мар. Пав., находившаяся в Кисловодскѣ, в письмѣ, которое направлено было через “вѣрныя руки” в Ставку к сыну Борису: “Мы естественно должны надѣяться, что Н. Н. возьмет *все* в свои руки, так как послѣ Миши все испорчено: наша вся надежда за возможное будущее остается с ним”). Вѣдьше Н. Н. был дойлен в отношеніи Врем. Правительства, формально примирившись с неизбежностью общаго созыва Учр. Собр., которое в письмѣ к Львову он до получения акта 3-го марта называл “величайшей ошибкой, грозящей гибелью Россіи” — мало того, ѣдкая административно-полицейская власть в Тифлисѣ в объявленіи 6-го марта грозила даже преслѣдованіем тѣх, кто будет пытаться противодѣйствовать созыву Учр. Собранія.

В цитированном выше разговорѣ с Львовым и Гучковым Алексѣев пытался убѣдить своих собесѣдников по прямому проводу в том, что Ник. Ник. не представляет опасности для новаго порядка, и что в будущем у Правительства сохранится возможность “всяких перемѣн”, а пока не надо вносить “коренной ломки в вопросах высшаго управленія арміей”. “Характер Вел. Князя таков — говорил Алексѣев, — что, если он раз сказал: признаю, становлюсь на сторону новаго порядка, то в этом отношеніи он ни на шаг не отступит в сторону и исполнит принятое на себя. Безусловно думаю, что для Вр. Прав. он явится желанным начальником и авторитетным в арміи, которая уже знает о его назначеніи, получает приказы и обращенія. В общем он пользуется большим расположеніем и довѣріем в средних и низших слоях арміи, в него вѣрили... для новаго правительства он будет помощником, а не помѣхой... Если настроеніе среди членов Правительства таково, что перемѣна почему либо признается необходимой, то в этом случаѣ лучше выждать пріѣзда Вел. Князя сюда, и здѣсь переговорить вам лично с ним... Если полнаго единенія, согласія и искренняго подчиненія не будет, то мы получим комбинацію, при которой трудно будет рассчитывать на здоровую работу нашего хрупкаго вой-

скаго организма”. В дополненіе к разговору по юзу 6-го Алексѣев на другой день послал Львову и Гучкову еще специальную телеграмму. Он отмѣчал в ней, что “постепенно получаемыя от войск донесенія указывают на принятіе войсками вѣсти о назначеніи верховным Главнокомандующим в. кн. Н. Н. с большим удовольствіем, радостью, вѣрою в успѣх, во многих частях восторженно...” Алексѣев указывал и на пріѣзды от 14 крупнѣйших городов. “Вѣрую в то, что вы примете в соображеніе все высказанное” — заканчивал Нач. Штаба, усиленно настаивая на сохраненіи в силѣ назначенія Н. Н. в цѣлях обереечь армію от “излишних потрясеній”. Приведенная аргументація Алексѣева опровергает слухи, что он не желал видѣть Н. Н. во главѣ арміи и добивался сам этого поста — слухи, которые отбѣняда в своем письмѣ в. кн. Мар. Павл.

Разговор Алексѣева с представителями Правительства показывает, что вопрос об отставкѣ Н. Н. еще не был рѣшен, как отмѣчает и протокол засѣданія Правительства 5-го марта: “отложить рѣшеніе вопроса (дѣло идет о намѣстничествѣ на Кавказѣ) до личных переговоров в Ставкѣ... министра Предсѣдателя с Великим Князем, о чем послать В. Кн. телеграмму”. Но на другой день послѣ секретных (для общества) переговоров по поводу “деликатнаго” вопроса член правительства Керенскій в Москвѣ публично говорил в засѣданіи Совѣта Р. Д.: “Ник. Ник. главнокомандующим не будет”. На собраніи солдатских и офицерских делегатов в Кино-театрѣ он заявил еще опредѣленнѣе: “Я могу завѣрить вас, что не останусь в теперешнем кабинетѣ, если главнокомандующим будет Ник. Ник.”.

Вел. Князь прибыл в Ставку, принес присягу Врем. Правительству**) и формально вступил в отправленіе должности верховнаго главнокомандующаго***). Ни кн. Львов, ни Гучков в Ставку не поѣхали, предоставив Алексѣеву разрѣшить своими средствами “деликатный” вопрос. Правительство должно было в концѣ концов вынести рѣшеніе. В 3 часа дня 11-го марта Львов передал Алексѣеву: “Я только что получил телеграмму от в. кн. Н. Н., что он прибыл в Ставку и вступил в отправленіе должности верховнаго главнокомандующаго... Между тѣм послѣ переговоров с вами по этому вопросу Вр. Пр. имѣло возможность неоднократно обсуждать этот вопрос перед лицом быстро идущих событій и пришло к окончательному выводу о невозможности в. кн. Н. Н. быть верховным главнокомандующим. Получив от него из Ростова телеграмму, что он будет в Ставкѣ одиннадцатаго числа, я послал навстрѣчу офицера с письмом, с указаніем на невозможность его верховнаго командованія и с выраженіем надежды, что он во имя лю-

*) Депутаты, побывавшіе на фронтѣ, вынесли и иное впечатлѣніе. Солдаты говорили им: «Довольно с нас Романовых. Нам не нужно Великаго Князя. Пусть будет, кто угодно».

**) Дубенскому «очевидцы присяги» передавали, что Н. Н. был настроен «очень нервно» и что «его рука, подписывая присяжный лист, тряслась».

***) Ген. Врангель, со слов адъютанта в. кн. Н. Н. гр. Менгдена, с которым он встрѣтился на ст. Бахмач в момент пріѣзда Н. Н. из Тифлиса в Могилев, изображает дѣло так, что Н. Н. был уже предупрежден о рѣшеніи Врем. Правит. н ѣхал в Могилев с принятым рѣшеніем отказаться от главнаго командованія.

*) Условія послыжн этого письма изложены в моей книгѣ «Судьба имп. Николая II послѣ отреченія».

Сви к родинѣ сам сложит с себя это высокое званіе. Очевидно, посланный не успѣлъ встрѣтить Вел. Князя на пути, и полученная, благодаря этому, телеграмма В. Кн. о его вступленіи в должность стала извѣстна Петрограду и вызвала большое смущеніе. Достигнутое великим трудом успокоеніе умов грозит быть нарушенным*). Врем. Прав. обязано немедленно объявить населенію, что В. Кн. не состоит верховным главнокомандующим. Прошу помочь нашему общему дѣлу и вас, и Вел. Князя. Рѣшеніе Вр. Прав. не может быть отмѣнено по существу, весь вопрос в формѣ его осуществления: мы хотѣли бы, чтобы он сам сложил с себя званіе верховнаго главнокомандующаго, но, к сожалѣнію, по случайному развѣду нашего посланника с Вел. Кн., это не удалось. Алексѣев отвѣтил на безпокойство Правительства: “вопрос можно считать благополучно исчерпанным. Ваше письмо получено В. Кн. сегодня утром**). Сегодня же посланы двѣ телеграммы: одна вам, что В. Кн., подчиняясь выраженному пожеланію Вр. Пр., слагает с себя званіе...***). Вторая телеграмма военному министру с просьбой уволить В. Кн. в отставку”. Н. Н. просил гарантировать ему и его семейству “безпрепятственный проѣзд в Крым и свободное там проживание”... “Слава Богу” — облегченно вздохнул предсѣдатель Совѣта министров...

Никакого волненія появленіе Н. Н. в Ставку не вызвало — в газетах не упомянут был даже самый факт. Официальное Пет. Тел. Аг. сообщало 12-го, что Н. Н. “отрѣшен” от должности верховнаго главнокомандующаго. Очевидно, агентство сообщало “из официальных источников”, что Н. Н. прибыл в Ставку “вслѣдствіе недоразумѣнія”. Будучи назначен Николаем II, Вел. Кн. “немедленно” выѣхал в Ставку, не успѣвъ получить предложеніе Вр. Пр. не вступать в командованіе войсками. Курьер Вр. Пр. развѣхался с Н. Н.”. Теперь Н. Н. сообщено, что назначеніе его, состоявшееся “одновременно с отреченіем Николая Романова, не дѣйствительно”. Это сообщеніе — утверждала агентская информация — сдѣлано Н. Н. “в Ставкѣ (?) военным министром А. И. Гучковым в 3 часа дня 11-го”. Не представит затрудненія оцѣнить правдивость официальнаго правительственнаго сообщенія, так изумительно подтасованнаго дѣйствительность, а равно искренность той тактики, которая приводила к “отрѣшенію” от должности лица, добровольно сложившаго свои полномочія “во имя блага родины”. В стремленіи найти мирный выход из конфликтнаго положенія Правительство жертвовало своим достоинством.

*) Насколько помнит Суханов, в Исп. Ком. вопрос об отставкѣ в. кн. Н. Н. специально не подвергался разсмотрѣнію. 6-го обсуждался лишь вопрос об отмѣнѣ его приказа по арміи.

**) В письмѣ, помѣченном 9 марта, Львов писал, что «народное мнѣніе рѣзко и настойчиво высказывается против занятія членами дома Романовых какой-либо государственной должности», поэтому «Вр. Пр. не считает себя в правѣ оставаться безучастным к голосу народа, пренебреженіе которым может привести к самым серьезным послѣдствіям», и просит В. Кн. «во имя блага родины» пойти навстрѣчу этим требованіям и сложить с себя еще до пріѣзда в Ставку званіе верх. главнокомандующаго».

***) «Рад вновь доказать мою любовь к родинѣ, в чем Россія до сих пор не сомнѣвалась» — отвѣчал Н. Н., указывая, что он не мог слать верховное командованіе до пріѣзда в Ставку, так как письмо Правительства получил 11-го марта, а пріѣхал в Ставку 10-го в 4 часа дня.

3. — “Центр контр-революціоннаго заговора”.

Как ни оцѣнивать дѣйствій Правительства, нельзя не признать, что описанная выше тактика в сущности весь одиум за несоотвѣтствующее духу революціонных дней назначеніе Великаго Князя сѣмъ вождем арміи перекладывала на верховное командованіе на фронтѣ, положеніе котораго и без того было исключительно трудно. Выходило так, что верховное командованіе без вѣдома Врем. Правительства, за кулисами подготовив назначеніе Ник. Ник., пыталось фактически передать армію в руки представителя отгревшейся династіи. Само Правительство, того, быть может, не сознавая, создавало почву для демагогіи. И не приходится удивляться тому, что через нѣсколько дней в связи с другими сообщеніями, приходившими с фронта (о них скажем дальше) и пріемом в Исп. Ком. депутаціи от баталіона георгіевских кавалеров, в “Извѣстіях” появилась замѣтка: “Ставка — центр контр-революціи”. В ней говорилось, что Могилев по сообщенію георгіевских кавалеров, посѣдивших 12-го марта Совѣт, сдѣлался “центром контр-рев. заговора”: “офицеры-мятежники организуют реакціонныя силы... утверждают, что новый строй... недолговѣчен, и что скоро на престолѣ будет возстановлен царь Николай... Делегация георг. кав. сообщала в подтвержденіе своих слов много фактов и в частности имена офицеров, явных врагов новаго режима”. “Исп. Ком. — утверждала замѣтка — призналъ такое положеніе вещей совершенно недопустимым и постановил довести до свѣдѣнія Врем. Прав. о том, что, по мнѣнію Исп. Ком., необходимо безотлагательно назначить Чрезвычайную Комиссію для раскрытія монархическаго заговора и примѣрнаго наказанія измѣнников, врагов русскаго народа. Правительство обѣщало принять нужныя мѣры. Будем надѣяться, что оно проявит в этом дѣлѣ надлежащую энергію и будет дѣйствовать безпощадно по отношенію к шайкѣ черносотенных заговорщиков. Только таким путем возможно предотвратить бурные эксцессы со стороны солдат, глубоко возмущенных наглостью реакціонеров в их безнаказанностью”. Заостренность вопроса, сказавшюся в замѣткѣ совѣтскаго офиціоза, который далеко не всегда выражал правильно формальную позицію Исп. Ком., очевидно, слѣдует цѣлком отнести в область тѣх личных домыслов, которые Стеклов (фактический редактор “Извѣстій”), как мы видѣли, любил в Контактной Комиссіи выдвигать за рѣшенія отвѣтственнаго органа так называемой “революціонной демократіи”. В протоколѣ Исп. Ком. ничего подобнаго нѣтъ: по поводу пріема депутаціи георгіевских кавалеров сказано лишь, что “необходимо послать депутатов, которые помогут бы им сорганизоваться и связали бы фронт с Совѣтом”. Разнузданная демагогія Стеклова пошла дальше, и в общем собраніи Совѣта 14-го он выступил по собственной инициативѣ с возмущительными комментаріями будущаго декрета об объявленіи вѣдъ закона “генералов-мятежников”, держащих не подчиняться волѣ русскаго народа и ведущих открытую контр-революціонную агитацію среди солдат: “всякій офицер, всякій солдат, всякій гражданин”, в толкованіи Стеклова, получит “право и обязанность” убить такого реакціоннаго генерала раньше, чѣм он “святотатственно поднимет свою руку”. Впервые за дни революціи публично раздался голос, призывающій к безнаказанным убійствам, и удивительным

образом непосредственно никто не реагировал на эту гнусность: только представители царскоесельского гарнизона, как явствует из протокола Исп. Ком. 16-го марта, пожелали “сблеститься” по поводу замѣтки, появившейся в “Извѣстіях”. Общаннаго будто бы “декрета”, на чем настаивал Стеклов, Правительство, конечно, не издало, но агитация безответственных демагогов, как мы увидим, наложила свой отпечаток на соответствующие правительственные акты.

В обстановкѣ первых недѣль революціи сообщеніе совѣтскаго офиціоза о настроеніях в Ставкѣ, поскольку рѣчь шла о высшем командованіи, весьма мало соответствовало дѣйствительности — демагогам Исп. Ком. просто не нравилось, что на фронтѣ “движеніе солдат хотят направить в русло Врем. Прав.”, как выразился в засѣданіи Исп. Ком. 15-го марта представитель одной из “маршевых рот” на западном фронтѣ, и они спѣшили форсировать то, что могло вылиться в послѣдующій момент. Послѣ переворота ни о каком “монархическом заговорѣ” в Ставкѣ не думали*). Когда Алексѣев в бесѣдѣ с Гучковым по поводу устраниція в. кл. Н. Н. от верховнаго командованія говорил: “мы всѣ с полной готовностью сдѣлаем все, чтобы помочь Правительству встать прочно в сознаніи арміи: в этом направленіи ведутся бесѣды, разъясненія и думаю, что ваши делегаты привезут вам отчеты весьма благоприятные... Помогите, чѣм можете, и вы нам, поддержите нравственно и своим словом авторитет начальников” — он говорил, повидимому, вполне искренне, и высшій командный состав, дѣйствительно, сдѣлал все, чтобы “пережить благополучно совершающійся... нѣкоторый болѣзненный процесс в организмѣ арміи”. Конечно, помогало то, что в силу отреченія Императора формально не приходилось насиловать своей совѣсти и челоуѣку монархических взглядов: “покоряясь, мы слушали голос, исходящій с высоты престола” — так формулировал Лукомскій в официальном разговорѣ с Даниловым 4-го марта основную мысль людей, находившихся в Ставкѣ... С облегченіем запас Куропаткина в дневник 6-го марта: “Мнѣ, старому служацѣ, хотя и глубоко сочувствующему новому строю жизни Россіи, все же было бы непонятно измѣнить присягѣ... Никѣ я могу со спокойной совѣстью работать на пользу родины, пока это будет соответствовать видам новаго правительства”. Вѣроятно, очень многіе — и в том числѣ прежде всего Алексѣев — могли бы присоединиться к формулировкѣ своего отношенія к “монархіи”, данной адм. Колчаком во время своего позднѣйшаго предсмертнаго вопроса в Иркутскѣ: “для меня лично не было даже... вопроса — может ли Россія существовать при другом образѣ правленія”... “послѣ переворота стал на точку зрѣнія, на которой стоял всегда, что я служу не той или иной формѣ правленія, а служу родинѣ своей, которую ставлю выше всего”. “При сягу (новому правительству) — показывал Колчак — я принял по

совѣсти”. “Для меня ясно было, что возстановленіе прежней монархіи невозможно, а новую династію в наше время уже не выбирают”. Насколько сам Алексѣев был далек от мысли о возможности возстановленія монархіи, показывает знаменательный разговор, происшедшій уже в августовскіе корниловскіе дни между ним и депутатом Маклаковым. Бесѣда эта извѣстна нам в передачѣ послѣдняго, — быть может, она нѣсколько стилизована. Но суть в том, что правый к. д. Маклаков, завороженный юридической концепціей легальности власти, считал, что в случаѣ успѣха Корнилов (Маклаков был пессимистичен в этом отношеніи) должен вернуться к исходному пункту революціи — к отреченію Царя и возстановить монархическій строй. Алексѣев, в противоположность Маклакову думавшій, что Врем. Правит. джживает свои послѣдніе дни, уже разочарованный в политическом руководствѣ революціей, крайне тяжело переживавшій развал арміи (все это накладывало отпечаток на пессимистическія сужденія Алексѣева о современности, как видно из его дневника и писем послѣ отставки), признавал все же невозможным и нежелательным возстановленіе монархіи**).

Насколько Ставка была в первое время чужда итѣ “монархическаго заговора”, показывает легкость, с которой были ликвидированы остоженія, возникшія в связи с отставкой в. кл. Н. Н. В воспоминаніях Врангеля подчеркивается “роковое” значеніе рѣшенія Ник. Ник. подчиниться постановленію Врем. Правительства. По мнѣнію генерала, Врем. Прав. не рѣшилось бы пойти на борьбу с Вел. Князем в силу его “чрезвычайной” популярности в арміи, и только “один” Ник. Ник. мог бы оградить армію от гибели. Такого было сужденіе. высказанное Врангелем, по его словам, в тѣ дни. Неподчиненіе Врем. Правительству знаменовало бы собой попытку контр-революціоннаго демарша. Если Врангель тогда высказывался за подобный шаг, его никто не поддержал, если не считать офицеров Преображенскаго полка полк. Озюбишина и кап. Старицкаго, о появленіи которых в Ставкѣ в качествѣ “делегатов” из Петербурга рассказывает довольно пристрастный свидѣтель, ген. Дубенскій**).

4. — Настроенія в арміи.

Офицеры и солдаты.

Настроенія в Ставкѣ, очевидно, были характерны и для значительнаго большинства команднаго состава на периферіи. Понятіе “контр-революционности”, конечно, весьма относительно — для всякаго рода

*) Намуѣвшаго письма ген. Гурко, направленнаго Царю в первых числах марта, мы коснемся в другой комбинаціи фактов. Этому письму бывшаго одно время незадолго перед революціей замѣстителя Алексѣева искусственно придали иной характер, чѣм оно имѣло в дѣйствительности и увидѣли в нем выраженіе реставраціонных вожделѣній генералитета.

**) Кн. Путятин — та самая, в квартирѣ которой происходила драматическая сцена с отреченіем в. кл. Михаила. — со слов своего рода знаменитаго Пеликана (отескаго гор. головы и виднаго члена Союза Русскаго Народа — за им была замужем сестра Путятинной), рассказывает о существованіи плана, согласно которому кавалерійскій корпус гр. Келлера должен был занять Одессу, чтобы поддержать монархическое движеніе в Подольскѣ и на Волынѣ. Вѣроятно, это отклик тѣх позднѣйших разговорѣ, которых

*) Выраженіем «контр-революционности» Ставки могло служить то обстоятельство, что в Могилевѣ по примѣру Петербурга не сшибали царских «орлов» (кстати, они сохранились вплоть до захвата Ставки в ноябрѣ большевнцкими бандами). Не у всѣх, конечно, было мужество противостоять этой революціонной мишурѣ. Ген. Половцов рассказывает, как он при вызвѣлѣ с новым военным министром на фронт, прежде всего самолчно занялся вывинчиваніем в вагонѣ царских портретов, которые желѣзнодорожники забыли снять.

большевизанствующих революционеров выпрямление линии в сторону безоговорочного признания Временного Правительства само по себе уже являлось в те дни признаком отрицательного отношения к советской платформе, т. е. признаком контр-революционных унастроений. В соответствии с этой демагогической тенденцией “лэваля” революционная историография (большевицкая по преимуществу) желает представить несколько иную картину на фронте, поскольку дело касается реставрационных поползновений кадрового офицерства. Неоспоримо, в многотысячном, связанном корпоративной средой и профессиональной традицией офицерском корпусе (сильно, правда, изменившемся в период войны)* не могло быть внутреннего единства в смысле принятия революции. Но “многочисленные” факты, на которые ссылается эта литература, в конце концов сводятся к довольно шаблонному повторению зарегистрированных в мартовский период “борьбы за армию” случайных сообщений, подчас возбуждающих даже большое сомнение. Оставим в стороне полуанекдотическую офицерскую жену, демонстративно игравшую на фронте у открытого окна на рояле “Боже Царя храни” — ей и так уже слишком посчастливилось в литературе. Из письма, направленного из действующей армии в адрес “депутата Чхедзе” и помеченного 8 марта, мы узнаем, что на повёртках в некоторых частях 28 корпуса Особой Армии (т. е. гвардии) после переворота продолжали петь “Боже Царя храни” и “Спаси, Господи, люди Твоя” — “очевидно” там, где “начальники являются приверженцами старого режима, и солдаты мало ознакомлены с событиями” — добавлял осведомитель. Начальник кавалерийского корпуса гр. Келлер, отказавшийся присягнуть новому правительству, прощался со своим полком, как свидетельствует Врангель, пропуская его церемониальным маршем под звуки того же “Боже Царя храни”. Надо ли видеть здесь парочную демонстрацию или привычную при торжественной обстановке традицию национального гимна? Он не был ни отменен, ни заменен революционным гимном, и Деникин нам рассказывает о сомнениях военного командования — петь ли народный гимн.

Можно привести, конечно, десятки эпизодов, прямо или косвенно говорящих об отрицательном отношении в отдельных случаях высшего и низшего командования к перевороту. Ген. Селивачев, командовавший 4-ой Финл. стрелковой дивизией на юго-западном фронте и принадлежавший к числу тех военачальников, которые желали только в “ужасное переживаемое время” справиться с “великой задачей удержать фронт”, в дневнике 6-го марта отбывает, что его командир корпуса — “глубочайший монархист, участник “Русского Знамени” и юдофоб чистой воды” — отдал приказ, из коего “ясно, что, кроме верховного главнокомандующего, он не признает никого из Временного Правитель-

нам придется коснуться. По выражению ген. Половцова 3-й корпус в начале революции невольно «скандалил» и, следовательно, не был силою, на которую мог опереться реставрационный план, если бы он и существовал в реальности.

*) Ген. Селивачев в дневнике эту армию определил, как «сплошь состоящую из третьего сословия — извозчиков, печников и т. п. Родзянко, ссылаясь на характеристику одного из военных корреспондентов, указывает, что командный состав перед революцией был проникнут «штатским духом и больше близок к интеллигенции и ее понятиям».

ства”. В дневнике генерала пройдут и его собственные подчиненные, не осведомлявшие солдат о происшедших событиях и не позволявшие читать газеты, потому что эти “идiotы” все равно не поймут, и потому, что “глухая затѣя” в некультурной стране не может долго длиться. В результате давались подчас, по выражению Врангеля, “совершенно бессмысленные толкования отречения Государя”: так один из командиров пехотного полка объяснил своим солдатам, что “Государь сошел с ума”. Можно допустить, что живую реальность представлял и тот гусарский ротмистр, который свою часть информировал об отречении Царя в такой форме: “Е. И. В. изволил устать от трудных государственных дел и командования вами и решил немного отдохнуть, поэтому он отдал свою власть на время народным представителям, а сам уѣхал и будет присматривать издалека. Это и есть революция, а если кто будет говорить иначе, приводите ко мне, я ему набью морду. Да здравствует Государь-Император. Ура!”*).

Может быть, в архивах каких-нибудь местных штабов найдутся несуразные для революционного времени приказы от 15-17 марта о телесных наказаниях розгами, о которых, как о факте, говорил докладчик военной секции в заседании Совещания Советов 3-го апреля внефракционный с.-д. Венгеров (докладчик конкретно не указал за “краткостью времени”, где происходил этот “абсурд”). Отрицать наличие таких фактов нельзя. Как не поверить колоритному по своей безграмотности письму в Исп. Ком. — “Г.г. Депутатам государственной думы”: “Братцы. Покорнейше просим Вас помогите нам (.) в нашем 13-м тяжелом артилл. дивизионе полк. Биляев, родственник бывшего военного министра, который распространяет слухи, что неверные свободы... эти люди сего дня Красный флаг, а завтра черный и зеленый... Еще командир 3 бат. того же дивизиона... кап. Ванчехизе безовой причины бил солдат... он изменник Государства и нашей дорогой родины... покорнейше просим убрать нашего внутреннего врага Ванчехазу... Не можем совершенно его требования выполнять”. Свой “Ванчихазе” — полк. Христофоров был в Слуцке в одном из гвардейских полков, как свидетельствует офицер этой части в письме к родителям 11-го марта — мы ниже его широко цитируем, — кричал по телефону: “сволочь получила свободу”, вернувшись с фронта, отомстим. Думский депутат от Литвы, Янушкевич, призывавший к трудовой группе, в докладе Временному Комитету 13 марта о поездке на Северный фронт рассказывал, что один из командиров дивизии так выражался в его присутствии, что депутат вынес впечатление, что “если он и не враг нового правительства, то во всяком случае слишком иронически на него смотрит”. “Хорошо, что разговор оборвался добавлял депутат, — а то я думал, что придется его арестовать”. Между прочим, он сказал: “все-таки я эту сволочь съез и буду съез, и если он что-нибудь съезает, то я всыплю ему 50 розог”. Пока Янушкевич беседовал с дивизионным командиром, солдаты не расходились, полагая, что депутат будет арестован коман-

*) Как раз этот «факт, смахивающий на анекдот», и вызывает сомнение. Этот красочный гусар заимствован из статьи полк. Парадѣлова «Комсостав, его рост и значение в армии» в с.-р. сборнике «Народ и армия», изданном в 18 г. Парадѣлов — автор, весьма мало заслуживающий доверия в смысле точности сообщаемых фактов и способный к прямым измышлениям.

диром — “он сторонник старого строя. Он вчера грозил разстрѣлом за снятіе портрета. Уже казаков сотня была приготовлена”...

Всѣ подобные факты едва ли могут служить показательным барометром общих настроеній. Достаточно знаменательно, что Янушкевич и его товарищ по побѣдѣ свящ. Филоненко, посѣтившіе “почти всѣ части” 1-ой арміи, говорившіе со “многими офицерами”, равно и с “высшим офицерским составом”, и на официальных собраніях, и в индивидуальных бесѣдах, могли в своем отчетѣ в качествѣ “блага новаго строя” (и то относительно) конкретно отмѣтить лишь одного командира дивизіи, который “слишком проницательно” смотрѣлъ на революціонное правительство. “Многіе из них (т. е. офицеров) — говорили в депутатском докладѣ Врем. Ком. — совершенно не оріентируются в положеніи и нас спрашивали: “неужели вы не могли спросить армію прежде, чѣм произвести революцію?” Мы говорили: “Так вышло. И вы сами, проснувшись, не узнали бы Петербурга”. Они не представляют себѣ, что так могло быть. Они недовольны, что это случилось, как то без их спроса, пaskоро, штатскими людьми, которые не считаются с ними”. В чем же “не считаются”? “Они не улавливают “суть”*) — отвѣчает отчет — и думают, что у нас разрушена вся армія, что весь дух ея упал, и что нѣтъ оснований, на которых зиждилась вся армія”. В одном собраніи школы прапорщиков, гдѣ собралось 250 человек, депутаты встрѣтились с особо ярким настроеніем “контр-революціонным” — “совершенно против переворота”. Характерное поясненіе дѣлают депутаты: “говорило больше зеленое офицерство, прапорщики” — “недоточки”; по их выраженію. Камнем преткновенія явилась все та же тема — опасность разрушенія арміи. Как “люди дисциплинированные”, они требовали, чтобы приказы “издавались из центра, сверху”: если “начальство потеряет свой авторитет... нельзя будет вести войска в атаку”. Стремленіе поддержать дисциплину и является основным мотивом в обвиненіях “высшаго офицерства” в контр-революціонности. Нѣкоторые командиры были “очень тактичны”: “когда произошел переворот, отреченіе и проч., они потихоньку убрали всѣ портреты, а в нѣкоторых частях портреты демонстративно висят. Когда солдаты требовали, чтобы портреты были убраны, то начальники отказывались” — отказывались (добавляли депутаты) не погуму, что “находили, что он должен висѣть... а потому, что, по их мнѣнію, дисциплина не позволяла... Этим создавались отношенія, грозившія большими послѣдствіями”... даже “ужасная атмосфера”, по словам докладчиков, — могли быть “убійства”. “Нетактичность” сказывалась в срываніи “красных бантов” — этих живых атрибутов революціи**).

*) Депутаты указывали, что не только солдаты, но и офицеры “плохо представляют себѣ, что такое временное правительство, и что такое Учред. Собрание”.

**) Куропаткин в дневникѣ рассказывает, как в Нарвѣ был арестован адм. Коломейцев, собственноручно снимавшій красные банты с матросов, желая, чтобы на парадѣ 5 марта всѣ были одѣты по формѣ. Борьба с “красными бантами” продолжалась еще долго, вызывая осложненія в арміи, и высшему начальству приходилось разъяснять, что во время революціи нельзя “придираться” к красным бантам: “зачѣм лѣзть на рожон и раздражать толпу” (резолуція пом. воен. мин. Новицкаго 11 апрѣля по по-

Уполномоченные Врем. Комитета отмѣтили “подозрительное отношеніе” солдат к начальству. Этому настроенію, по их мнѣнію способствовал, с одной стороны, “приказ № 1”, с другой — “неправильное истолкованіе событій”... “Мы замѣтили, что тѣм офицерам, которые пытались объяснить солдатам происшедшій переворот, даже прощались грѣхи прошлаго, они сразу как-то выростали в их глазах; но особое недовѣріе было там, гдѣ замалчивали, гдѣ не собирали солдат, не объясняли происшедшаго или давали тенденціозное объясненіе, там создавалась почва страшнаго недовѣрія. Старое недовѣріе как то слабо, а недовѣріе послѣ переворота — новое — ужасно*). В тѣх же частях, гдѣ собирали и объясняли событія, там сразу восстанавливалось довѣріе: даже в тѣх частях, гдѣ его раньше не было. Эти части могут в огонь и в воду пойти”... Депутаты дѣлали любопытное поясненіе: “знаменитый приказ № 1 и всевозможные слухи породили извѣстную дезорганизацию в “зеленых” частях, гдѣ мужики. В частях, болѣе революціонных (?), ничего подобнаго не было. Там и с офицерами уживаются очень хорошо”. Может быть, еще болѣе интересны их наблюденія по мѣрѣ приближенія к фронту: “что касается общаго настроенія войск, то вблизи позицій оно у них такое веселое, радостное и хорошее, что страдно становится. Там мы видѣли настоящіе революціонные полки с полнѣйшей дисциплиной, полное объединеніе с офицерами”***). Уполномоченные многократно во всѣх частях бесѣдовали с солдатами в отсутствіе команднаго состава. Бесѣды эти начертали цѣлую программу мѣр, которыя надлежало осуществить, и которыя соответствовали желанію солдат (о программѣ мы скажем ниже). Политическое настроеніе армейской массы характеризуется достаточно заявленіем Янушкевича Временному Комитету: “Я должен сказать откровенно, насколько я видѣл, настроеніе сплошь республиканское” — мѣротно, правильнѣй было бы сказать: “за новый строй”****).

Приходилось уже упоминать о том энтузіазмѣ, с которым на фронтѣ были встрѣчены члены Гос. Думы солдатской массой. Их повѣзка вообще носила характер какого-то триумфальнаго шествія: их встрѣчали “ведѣ” торжественно, с музыкой: словами “невѣроятная овація”. “царскій пріем”, “носили на руках”. “склонялись знамена” нестрит их отчет... “Были полки, гдѣ нас болѣе сдержанно принимали — замѣчали депутаты — по общему впечатлѣнію в громадном большинствѣ случаев такое, что послѣ обмѣна привѣтствій, послѣ такого рода бесѣд, они нас поднимали и выносили до наших саней. Мы не могли распрощаться. Они *цѣловали нам руки и ноги*”. Могли, конечно, депутаты нѣсколько самобольдаться****), но все же не настолько, насколько

боду столкновеній на румынском фронтѣ). Эти атрибуты настолько вошли в сознаніе, что ими стали украшать даже иконы.

*) К числу “неправильных толкованій событій” относилось объясненіе акта отреченія “доброй волей” Императора.

**) «Относительно того, что надо кончать войну, что они устали, мы слышали только в одном полку. Это вновь сформированный полк, и, пока он еще не войдет в общую колею, нѣтъ сплоченности и спаянности».

***) К династіи, по наблюденіям французскаго наблюдателя Листра, на Зап. фронтѣ большинство солдат равнодушно.

****) Керенскій говорит, что представители Думы, т. е., Временнаго Комитета, на фронтѣ не имѣли успѣха. Для марта это, очевидно, было не так.

ко это представлено в секретной телеграммѣ 18 марта, посланной в Токио японским послом. Он передавал своему дипломатическому начальству, что сообщеніе членов Врем. Ком., командированных на фронт, составлено "весьма оптимистически, но на самом дѣлѣ положеніе *diametрально противоположное*. Я в этом убѣдился из разговоров с офицером, возвратившимся с фронта". Пессимизм свѣдомителя виконта Уциды, дѣйствительно, не соответствовал выводу думской делегаціи, говорившей в заключеніе своего, повидимому, устнаго отчета: "У нас вообще впечатлѣніе отрадное, и если бы офицеры сумѣли перестроить свои отношенія на новых началах, а это необходимо, то дѣло было бы сдѣлано. *Теперь самый острый* вопрос, по нашему мнѣнію, как свою задачу исполнит офицерство"...

Отчет делегаціи коснулся лишь ближайшаго к столицѣ фронта. Путем сравненія можно дать, пожалуй, и лучший отвѣтъ на вопрос, как отнеслась фронтовая армія к перевороту, и как этот переворот повліял на армію. Возьмем два мѣста, гдѣ было хуже всего: гвардейскій корпус и Балтійскій флот. Относительно гвардіи это особо подчеркнул Алексѣев в разговорѣ с Гучковым 11 марта: "здѣсь событія нарушили равновѣсіе, и замѣчается нѣкоторое броженіе и недовѣріе к офицерскому составу". Для характеристики этих отношеній у нас имѣется интересный "дневник" неизвѣстнаго офицера-интеллигента, написанный в видѣ писем к родным из Лудка*). "Дневник" имѣет нѣсколько резонерскій оттѣнок — наблюденія смѣняются разсужденіями. Автор отмѣчает сложность и трудность положенія гвардіи в силу той двойственности, которая получилась от того, что революцію совершили запасные батальоны стѣвших на фронтѣ полков, и что из тѣх же полков направлялись в Петербург части для подавленія революціи. Впечатлѣніе наблюдателя до полученія извѣстій об отреченіи сформулировано им 4 марта так: "сознательное меньшинство (солдат) довольно, но хочет отомстить вождам павшаго режима, большинство же относится ко всему происшедшему с полным безразличіем и хочет только одного — мира... Офицеры, покурив, убитые страхом за будущее, ходили один к другому, нерывничали, строили планы и тут же сами их опровергали. Я не знаю такого тяжелатаго дня. Полумертвый я заснул"... 4-го получено было сообщеніе о назначеніи Вел. Князя главнокомандующим. "Я сообщил это солдатам. Они опять молчали". Вечером пришла телеграмма о новом министерствѣ — "среди офицеров общее ликованіе... Всѣ увѣрены, что Николай II отрекся от престола". Любопытным сообщеніем кончает наш своеобразный мемуарист свое письмо: "У нѣмцев — ликованіе. Выставляют плакаты, салютуют, играют оркестры**). Попытались наступать на VII корпус..., но были отбиты. Наше высшее командованіе растеряно... не знают, что им дѣлать. Надо было устроить парад, самим салютировать, выставлять побѣдные плакаты, заставить играть оркестры, воспользоваться моментом для подъема духа солдат... Но... жизнь рот течет так,

будто ничего не случилось. Это ужасно, но я надѣюсь, что послѣ манифеста у нас что-нибудь сдѣлают"...

11 марта письмо начинается болѣе или менѣе оптимистической оцѣнкой: Слава Богу, теперь стало проясняться, все же возможность кровавых событій не совсемъ исключена. Надо помнить, что положеніе гвардіи особенно тяжело... ея старое офицерство и генералитет имѣют опредѣленную репутацію... Вот какимъ представляется мнѣ положеніе. Во-первых, ни одну воинскую часть так не волновали петроградскія новости, как гвардейцев... А свѣдѣнія из Петрограда приходили запоздалыя, преувеличенныя, часто нелѣпыя. Вѣрили всему, и ничего нельзя было опровергать. Во-вторых, когда пришло извѣстіе об установленіи новаго порядка, то офицеры стали подозрѣвать солдат, а солдаты офицеров. Мы не знали, как отнесутся нижніе чины к событіям, поймут ли они происходящее, а главное — не заразятся ли они петроградским примѣром, не вздумают ли у нас смѣнять начальников и заводить собственные порядки; не знали мы также, не захотят ли они прекратить войну, не предпримут ли они какого-либо насилія для ея прекращенія; наконец, мы не знали, одинаково ли воспримут новыя вѣсти всѣ части, или полк пойдет на полк и батальон на батальон, а вѣдь у нас до нѣмцев — нѣсколько верст, случись что-нибудь, и фронт будет прорван, может быть прорван в нѣскольких мѣстах, и что тогда? И мы томились и не знали, как лучше исполнить свой долг. А солдаты в то же время не довѣряли офицерам. Они не знали, на сторонѣ какого строя мы стоим и одинаково ли мы направлены; они боялись, что с нашей стороны *будут попытки сдать позиции нѣмцам*; они были увѣрены, что от них скрываются какіе-то новые приказы; они также боялись, перейдут ли всѣ части на сторону новаго порядка; они мучились тѣм, что свободу отнимут, что отечеству измѣнят; они вѣрили каждому нелѣпому слуху самаго темнаго происхожденія; они постоянно хватались за винтовки, и нѣсколько раз могло случиться побоище"... "Старшіе начальники не сдѣлали ничего для вселенія к ним довѣрія, а бездѣйствіе было истолковано, как приверженность их к павшему порядку. Атмосфера получилась ужасная"... "Между нами и ими пропасть, которую нельзя перешагнуть..." "Сколько бы мы с ними ни говорили... сколько бы ни старались предотвратить столкновенія, они не вѣрят нам. Нѣкоторымъ офицерам они прямо говорили, что в гвардіи всѣ офицеры — дворяне, и что поэтому офицеры не могутъ быть сторонниками новой власти"*)).

Как всетаки характерно, что всѣ инциденты, о которых разсказывает автор писем, вращаются около имен ген. Гольгоера, гр. Роттермунда, Клод-фон-Юренсбурга, бар. Штемпель и т. д. Вѣдь это они готовы "открыть фронт"**), это они составляют "нѣмецкую партію",

*) Как попал этот «дневник» в архив «Октябрьской революции» неизвестно. Комментатор называет автора его «умным и расчетливым классовым врагом».

**) В рядѣ мѣст на фронтѣ о переворотѣ узнали из нѣмецких «плакатов». Так было 3 марта в дивизіи ген. Селивачева. Там нѣмцы бросали особыя бомбы с прокламаціями. Были мѣста, гдѣ подчас недѣлю и больше в окопах жили еще только слухами.

*) Автор приводит, как примѣръ недовѣрія, отказ приносить присягу — подозрѣвают, что она подложная, вслѣдствіе того, что не было подписи Гучкова (в другом мѣстѣ требовали подписи Родзянко). Смущало имѣвшееся в текстѣ слово «государство», гдѣ обязательно долженъ быть «государь», а «государь» непременно самодержецъ. Один из батальонов грозил захватить пулеметы и разстрѣлять тѣ части, которыя будут присягать. (На Сѣверном фронтѣ возбуждало опасеніе требованіе подписи под присягой).

**) Полевой интендантскій склад перевозится из Несвѣжа в Блудов —

козни которой пытаются раскрыть Чр. Сл. Комиссія Врем. Правительства, и о кознях которой так много говорили до революціи. Эти легенды и сплетни из среды придворной, бюрократической, военной и общественной перешли в народ. По всему фронту прокатилась волна недоверія — на позиціях около Риги в 80 сиб. стрѣлк. полку солдаты, как и в Особой арміи, высказывали опасенія, что офицеры сдадут позиціи нѣмцам; повсюду требуют удаленія “баронов, фонов и прочих шпіонов”. Это отмѣчает позднѣйшій доклад (апрѣльскій) члена Гос. Думы Масленникова, посѣтившаго фронт... Нач. 3 пѣх. дивизіи ген. Шолп, устраивает манифестаціи, чтобы доказать, что он не нѣмец и вполне сочувствует перевороту (Селивачев)... По истинѣ, что посѣпшь, то и пожнешь*).

“В основѣ всѣх этих нелѣпностей, обнаружить которыя перед ними иногда все-таки удается — пишет наш офицер родителям с просьбой довести до свѣдѣнія Гучкова о положеніи на фронтѣ — лежит одно соображеніе, которое нельзя опровергнуть. Переворот совершился в тылу, а у нас все остается по старому; высшая власть вѣрялась при павшем правительствѣ его приверженцам, а они всѣ на мѣстах. Надо немедленно смѣстить всѣх генералов с нѣмецкими фамиліями и других, которые навлекут на себя подозрѣніе. Надо сдѣлать это скорѣе, иначе начнется солдатская самоуправа...**). Нужны немедленныя и рѣшительныя мѣры — иначе власть ускользнет из наших рук, инициатива преобразованій перейдет от нас к ним, армія начнет разлагаться, и пораженіе будет неизбежно”. Слѣдующее письмо, написанное на другой день — 12 марта — когда в ротах “уже начали смѣщать офицеров и выбирать себѣ новых”, полно пессимизма: “Конечно, надо надѣяться до самой послѣдней минуты, но я считаю солдатскій бунт вполне возможным. Еще вчера они качали Тимохина, говоря, что вѣрят ему, что ничего без его согласія не предпримут. А сегодня, когда он пришел в роту, они кричали ему “вон” и объявили затѣм, что выбрали себѣ новаго ротнаго командира. Измѣненій и колебаній их настроенія ни предугадать, ни направить нельзя. Вчера вечером положеніе казалось прояснившимся. Сегодня оно ухудшилось. Мы все время переходим из одной полосы в другую. У нѣкоторых падают руки, до того эти волненія утомляют. Нѣкоторые говорят, хоть бы скорѣе на позиціи, там все будет лучше, поневолѣ люди сдержат себя”. “Вообще положеніе безвыходно” — заключает автор, — “руководить событіями уже нельзя, им просто надо подчиниться”. “Армія погибла” — это становится лейт-мотивом всѣх слѣдующих писем.

движеніе замѣчают нѣмцы, открывшіе артил. огонь: солдаты увѣряют, что генералы хотят уморить их голодом и нарочно устраивают склад на обстрѣливаемом германцами мѣстѣ. «Они (солдаты) повсюду выставляют свои караулы, непомерно большіе — у винтовок, у пулеметов, у складов. Они всюду подозрѣвают измѣну и черносотенство. Их успокоить ничѣм нельзя».

*) См. в моей книгѣ «Судьба имп. Николая II послѣ отреченія» главу «Муравьевская комиссія», а также книгу «На путях к дворцовому перевороту».

**) В батальонѣ, гдѣ был автор, уже говорили, что «надо убить офицеров с нѣмецкими фамиліями».

Итог индивидуальных переживаній стужал картину, как можно усмотрѣть хотя бы из позднѣйшаго доклада депутата Масленникова, посѣтившаго по полномочию Врем. Комитета территорію Особой Арміи в апрѣлѣ. В этом докладѣ уже не будет нѣсколько сапентиментальнаго мартовскаго флера, но он все же будет очень далек от пессимизма “умнаго... классоваго врага” пролетарской революціи. Реалистическій итог для марта, пожалуй, можно охарактеризовать записью ген. Селивачева 26-го: “Вчера в газетѣ “Кіевская Мысль” было сообщено, что от Особой арміи выѣхали в Петроград делегаты в Совѣтъ Р. и С. Д. и в запасные гвардейскіе батальоны, чтобы заявить, что Особая армія с оружіем в руках будет защищать Временное Правительство и не потерпит ничего вмѣшательства в дѣла правленія до созыва Учредительнаго Собранія”.

Общее впечатлѣніе, что эксцессы на фронтѣ, имѣвшіе мѣсто далеко не повсемѣстно, в значительной степени связаны были с нѣкоторым чувством мести в отношеніи начальников, злоупотреблявших своими дисциплинарными правами*). Революція с перваго же момента, независимо от “новых законов о бытѣ воинских чинов”, конечно, должна была перестроить в бытовом порядкѣ систему отношеній между командным составом и солдатской массой. “Рукоприкладство” в арміи должно было исчезнуть, но “оно настолько въкоренилось — говорили в своем отчетѣ депутаты, посѣтившіе Сѣверный фронт, — что многіе не могут от него отстать. Когда солдаты спрашивали нас, можно ли бить, то мы при офицерах говорили: “нѣтъ, нельзя”, и ничего другого, конечно, говорить не могли”. Отрицател. явленіе, о котором с негодованіем говорила даже имп. А. Ф. в одном из писем к мужу (офицеры, по ея выраженію, слишком “часто” объясняются с солдатами “при помощи кулака”) нельзя. Если для начальника одной казачьей части, который на Сѣверном фронтѣ “морду набил” в революціонное время, эта несдержанность сошла благополучно, то на Западном фронтѣ проявленіе подобной же бытовой служебной привычки 8 марта стоило жизни вновянику ея, как рассказывает прикомандированный к фронту француз проф. Легра (полковник ударил солдата за неоттаніе чести и был растерзан толпой). Едва ли к числу “лучших” военачальников принадлежал тот командир 68 сиб. стрѣлк. полка, который был арестован “письменным постановленіем депутатов от офицеров и солдат этой части”, равно как и три его подчиненных, удаленных от командованія, причем к постановленію депутатов “присоединились почти всѣ офицеры полка”. Мотивом ареста и удаленія выставилось рѣзкое и грубое обращеніе, недоверіе к боевым качествам и несочувственное отношеніе командира полка к перевороту. Этот эпизод дошел до военнаго министра в силу настойчивости, которую проявил полк. Телеграмма нач. корпуса, посланная Алексѣеву, сообщала, что “продолжительныя увѣщанія и бесѣды с офицерскими и солдатскими депутатами 18 и 19 марта не привели к восстановленію законнаго порядка”. Командующему корпусом удалось добиться освобожденія из-под ареста командира полка, но де-

*) Этот вывод отнюдь не служит подтвержденіем правильности тенденціознаго обобщенія противоположнаго свойства, с которым мы встрѣтимся при описаніи событій в Балтійском флотѣ.

путаты продолжали настаивать на оставлении избранного ими командира полка, ссылаясь на газетное сообщение о разработке комиссией сен. Попова в вопроса о подборе высшими начальниками своих помощников. Для уговора полка вышли два члена Гос. Думы. Алексеев законно негодовал на самоуправство, признавая невозможным руководиться проектами, не санкционированными к проведению в жизнь и толкуемыми солдатами “вкривь и вкось”, и требовал, чтобы в полку были восстановлены офицеры или полк был бы раскассирован: “при таких условиях работа армии не может идти” — телеграфировал он военному министру. Но в данном случае, повидимому, формальная правота входила в коллизию с бытовой правдой, и тот факт, что д-лу 68 сиб. стр. полка придали такое значение, показывает, что оно не было явлением рядовым в жизни армии в первый период революции. Почти несомненно, что политика сама по себе в этих бытовых столкновениях на фронте стояла на втором плане.

Экцессы во флот.

Если в гвардейском корпусе непосредственно после переворота солдатская масса держалась настороженно, “что-то” ожидая, то в Балтийском флоте барометр, определяющий силу волны избудораженной стихии — “психоза беспорядка”, с первого момента “лихорадочно” колебался; были моменты, когда казалось, что “спасти” может только “чудо”. Дневник Рейнгартена, одного из тех молодых энтузиастов, которые сгруппировались вокруг адм. Непенина и мечтали о “новой жизни великой свободной России”*), очень ярко передает атмосферу настроений, царившую в Гельсингфорсе. Только тенденциозность, не желающая считаться с фактами, может привести к выводу, что “лукавая” политика Непенина стоила ему жизни (Шляпников). Мы приводили уже официальные телеграммы командующего Балтийским флотом, опровергающие эту большевистскую легенду. 28 февраля Рейнгартен записал: “Наш начальник и командир в общем настроен празднично и сочувствует революции во спасение родины”... В смутные дни Непенин “твердо решил остаться на взятой позиции”, т. е. поддержки Времен. Правительства. Он сказал фл.-кап. кн. Черкасскому, и. д. начальника штаба, по поручению товарищей выяснявшему решение командующего флота, что он не выполнит противоположного приказа “сверху”, если таковое послышится. 2 марта командующий объявил о своем решении на собрании флагманов: “Буду отвечать один, отвечаю головой, но решил твердо. Обсуждения этого вопроса не допускаю”... В зависимости от сведений, приходивших из Петербурга, “радость” сменялась “тревогой” у молодых энтузиастов, окружавших Непенина. Но пришел манифест об отречении, и Рейнгартен “на заре новой жизни великой, свободной России” записывает: “ночь без сна, но какая великая, радостная, памятная ночь счастливого завершения Великой Российской революции”. Отметка в дневнике, сделанная в 7 ч. 20 м. утра, была преждевременна. В 6 ч. 35 м. веч. Рейнгартен вписывает: “в общем, кажется, мы идем к гибели”... “От Редзянко приказано задержать объявление манифеста... Что это опять начинается?” — с волнением спрашивает себя автор дневника: “горю весь,

*) См. «На путях к дворцовому перевороту».

все время вскакиваю и хожу”. “Нервность растет. Отовсюду слухи о беспорядках, имеем быть”... “Психоз беспорядка перекинулся сюда: на “Андрея Первозванном” подняли красный флаг”. Началась “возстание” на линейных кораблях, арест и разоружение офицеров. Крики “ура” перемешиваются со стрельбой из пулеметов. “Неужели все погибнет” — вновь мучительно записывает Рейнгартен... Трагически закончилось движение, однако, только во второй бригаде линейных кораблей, которой командовал, находившийся на “Андрея Первозванном”, к. ад. Небольсин. В записи на 3 марта “флагманского исторического журнала” обострение на адмиральском судне объясняется тем, что Небольсин “в своих выступлениях перед матросами многое скрыл от них. С депутатами, явившимися к нему от имени команды с просьбой (или требованием) показать официальные сведения, Небольсин вступил в пререкания. В итоге был убит адмирал и еще два офицера”. На некоторых судах “возстание” окончилось манифестацией даже “патриотического” характера, по выражению Рейнгартена — качали командиров*).

У себя на “Кречет” Непенин обратился к матросам с речью — сказал “все без утайки”, потом “стал говорить все сильней, сильней... и закончил: ...“страной управляет чорт! Я все сказал, я весь тут. Вы скажите: кто за меня, кто против — пусть выйдет! Кто-то крикнул: “адмиралу — ура!”, все подхватили, так что я не выдержал — бросился, обнял и крепко поцеловал Адриана. Это было слишком — его качали, а когда успокоились, адмирал сказал: “найдется ли среди вас охотники, умеющие говорить?” Вышло много. “Раздлитесь по пять. Когда утихнут беспорядки, я пошлю вас.. вы скажите все, что я сказал, и скажите, что потом приду я”... Адмиралу никуда не пришлось идти — к нему на “Кречет” пришли сами — “толпа матросов с кораблей”. “Переговоры Непенина с депутатами — записывает Рейнгартен — были длительными и очень несносными. Жалко было смотреть на Непенина — так он устал, бдывая, так он травился и с таким трудом сдерживался. К концу речи он воспалился, сказал, что убили офицеров: сволочи, что зажгли красные огни и стреляли в воздух из трусости, что он презирает трусость и ничего не боится. Ему долго не давали уйти — все говорили: “позвольте еще доложить” — основной лейтмотив: говорить на вы, относиться с большим уважением к матросу, дать ему большую свободу на улицах, разрешить курить и т. д. Когда, наконец, измученный Непенин вышел, команды, прочаясь, отвечали дружно и вообще держали себя хорошо, стояли смирно”...

Пришла телеграмма Керенского, которая произвела “очень хорошее впечатление и успокоила”. Кому то это не нравилось. “5 час. 15 м. — отмечает дневник — провокация по радио — “смерть тиранам”: ...“Товарищи матросы, не вбейте тирану... От вампиров старого строя

*) Первая бригада вообще «за все время переворота оставалась совсем почти спокойной». Кое-что было лишь на «Петропавловск», когда два матроса приставив дуло револьвера ко лбу командующего Бахарева, грубо требовали оружие офицеров, которое он от них взял и спрятал в свою каюту. Между сторонами произошел такой разговор: «Не отдам. — Тогда возьмем сами. — Ну так стреляйте. — Мы не хотим вашей крови проливать... — Я не отдам, потому что мне же довела команда. — ...Тогда, конечно... извините».

мы не получим свободы... Смерть тирану, и никакой вѣры от объединенной флотской демократической организации". "Какое безумие!... Опять надо разсчитывать... на чудо"... Нѣкто в сѣром усиленно сѣдал апархю в Гельсингфорсѣ. Какая-то группа, состоящая на "разнородной команды и офицеров, морских и сухопутных", избрала командующим флота нач. минной обороны виц.-ад. Максимов, находившагося под арестом на посыльном суднѣ "Чайка". Непенин согласился на такой компромисс: Максимов приѣдет на "Кречет" и будет контролировать всѣ поступки адмирала. Через два часа Непенин был убит выстрѣлом в спину из толпы. Впоследствии — утверждает Рейнгартен — матросы рѣшительно отрекались от участія в этом убійствѣ. Авторитет Непенина казался опасным тѣм, кто хотѣл разложить боевую силу Балтійскаго флота. Почти перед самым убійством адмирала Рейнгартен записал сообщеніе: "Центральный Комитет депутатов кораблей на "Павлѣ", разобравшись в обстановкѣ, признал дѣйствіе командующаго флотом правильными и приходит к повиновенію!!!".

В связи с приѣздом Родичева и Скобелева, встрѣченных "адской оравой", у Рейнгартена "надежды на восстановление порядка повысились с 1%, примѣрно, до 60% — "всѣ постепенно возвращаются на мѣста". В настроеніи перелом. Толпа ходит по улицах с красными флагами — даже "приказано объявить желательность красных поясков и участіе в манифестаціях офицеров". На судах спокойно, но "нервность всюду ужасная". И вновь отмѣчается в дневникѣ за 5-ое марта: "провокація страшнѣйшая" — "по городу распространяется "манифест" Николая II с призывом к возстанію в пользу престола". "Враги родины, видимо, работают во всю и сѣют новую смуту"*)).

Дневник Рейнгартена картинно описывает противорѣчіе, рождавшееся в страданные дни революціи в матросской толпѣ: "Всюду праздничное, веселое, приподнятое настроеніе; только нервность в связи с провокаціей" (6 марта). Это "праздничное" настроеніе смѣняется мрачными сценами убійства или покушеніями на убійство, что заставляет автора написать: "я ошибся, что 60%, если тогда было 6%, то теперь эти проценты падают". Нельзя не отмѣтить, что во всѣх случаях, на которых останавливается Рейнгартен, почти всегда имѣется наличность той "провокаціи", на которой он настаивает. Вот примѣр. С "Петропавловска" передали на "Кречет", что желают удаленія лейтенанта Будкевича. "Пересуды были нескончаемы — команда боится "Петропавловска", откуда уже дважды звонили: взят ли Будкевич?". "Команда "Кречета" аттестовала Будкевича "самым добрым образом", но все-же велѣла Будкевичу идти в арестный дом". "С великим трудом удалось мнѣ убѣдить команду по дорогѣ завести Б. в Морское Собраніе, гдѣ обратиться к депутатам "Петропавловска". Я кричал, умолял. К счастью, еще при выводѣ Б. у трапа они столкнулись с комфлотом и Родичевым, затѣм вмѣстѣ всѣ пошли в Морское Собраніе, гдѣ долго говорили с депутатами... и оказалось, что на "Петропавловскѣ" — тихо, ничего не требовали, и все спокойно". На "Діанѣ" арестовали кап. Рыбчина и лейт. Любимова, "увели с корабля и скоро вернулись" —

*) «Манифест» этот и по стилю и по контексту явно нѣмецкаго происхожденія. Он распространялся наряду с другими аналогичными прокламаціями и в других мѣстах.

оба были убиты. Люди, уведшіе Рыбчина, "клялись" комфлоту и Родичеву, что "они не убивали". Провокаторы прикрываются именем образовавшагося в день приѣзда совѣтской делегаціи из Петербурга Исполнительнаго Комитета Совѣта представителей арміи, флота и рабочих Свеаборгскаго порта, который пытался наладить какой-то порядок: "воззванія Комитета хороши и намѣренія правильны, но виднo абсолютное неумѣніе руководить исполнительной частью" — замѣчает Рейнгартен. "Постоянно посылаются вооруженные патрули всюду, гдѣ ожидается безпорядок. Так ими уничтожено нѣсколько вагонов огромных запасов спиртных напитков; они вылиты на землю и политы керосином и нефтью"*)). "При мнѣ на "Петропавловскѣ" — рассказывает Рейнгартен — неизвѣстно откуда передана телеграмма, якобы от имени Исп. Ком., с приказаніем не посылать патрулей. Правда, этот обман так груб, что открывается легко".

Рейнгартен был выбран тов. пред. Исп. Комитета. "Немыслимо рассказать — записывает он — что было за дни моей работы 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12/III. Я не замѣтил этих дней. Впечатлѣніе сплошного митинга, рѣчей, постановленій. Это было тяжкое испытаніе, ибо я пошел на эту Голгофу единственно ради восстановленія спокойствія, уничтоженія розни между офицерами и матросами, ради восстановленія работы для войны. Я с собой справился и к себѣ довѣріе снискал; я говорил много со всѣми, особенно с крайними элементами. Наибольшій успѣх был у Хиліани (предсѣдатель Совѣта) — это хороший, честный, страстный человек. Он подкупал меня своей искренностью, а я, может быть, подкупал его тѣм, что отдал всю жизнь этому дѣлу, всю мою душу, всю любовь к родинѣ, которая сейчас сжигает меня. Хиліани называл меня своим другом, просил перейти на ты. Теперь мнѣ легко говорить и работать с ним".

В районѣ Свеаборгскаго порта, несомнѣнно, наступило успокоеніе. Уже 6-го кн. Черкасскій давал в морской ген. штаб такіа свѣдѣнія о Гельсингфорсѣ: "настроеніе улучшается, но по теоріи колебательнаго движенія строго научной, всегда возможны повторенія затухающих колебаній, а посему не надо удивляться, если еще будут эксцессы, но, конечно, несравненно болѣе слабые. Дѣйствіе представителей Думы безусловно громадное. Надѣюсь, что в ближайшіе дни явится возможность вернуться мнѣ к исполненію прямых моих обязанностей, т. е. подготовкѣ флота к бою, так как за эти дни я был весь поглощен работами и стремленіями спасти флот от полной разрухи, и всѣ операціи были пущены хною по-боку. Не причисляя себя к оптимистам, думаю, что все изложенное довольно близко к истинѣ. Под влияніем петроградских депутатов Думы и работающаго здѣсь мѣстнаго комитета матросских и солдатских депутатов случаи арестованія офицеров матросами и солдатами не только прекратились, но офицеры возвращены в свои части с принесеніем им извиненія и сожалѣнія о случившемся". Нач. штаба, адм. Григорьев, с своей стороны, сообщал: "спокойствіе восстанавливается все больше и больше. Исп. Ком. Совѣта Деп. принимает всѣ мѣры к восстановленію полного порядка, помогает все время ко-

*) Совѣтская делегація, по сообщенію «Извѣстій», обвиняла в политической спекуляціи со спиртом жандармскаго генерала Фрайберга.

мандующему. В посвященных командующим частях и кораблях команды поклялись сохранять порядок и восстановить дисциплину**).

Дневник Рейнгартена бурную эпопею первых мартовских дней заканчивает описанием "общаго собрания офицеров, членов Исп. Ком. и всех желающих", происходившаго 11 марта в русском театре под председательством перводумца Кедрина. Под крики "ура" и звуки марсельезы командующий флотом Максимов провозгласил: "Поклянемся, что ничего другого, кроме республики, не будет"... Советская делегация, вернувшись в Петербург, заявила, по отчету "Известий", что флотская семья единодушно приложит "все силы к тому, чтобы война была доведена до победнаго конца за счастье свободной России". Успокоительную картину нарисовал и депутат Маньков (пехановец), посетивший Ревель и примиривший взбунтовавшихся на броненосце "Петр Великий" с командиром, которому грозили судом Линча: "...Я взял честное слово с адмирала при всем собрании, что он подчинится новому правительству". В общем депутат нашел "настроение среди матросов очень сознательное" по сравнению с армейцами (в Ревеле, между прочим, матросы стбили у толпы раненого коменданта крепости). Для Гельсингфорса на первых порах показательно враждебное отношение матросов к крайней пропаганде — это засвидетельствовал в воспоминаниях крупный местный большевистский деятель — Залеский: большевистских агитаторов сбрасывали в воду, были и случаи ареста.

"В Балтийском флоте переход к новому строю принят восторженно" — подвел итог в официальном сообщении председателю Совета министров из Ставки 14 марта исп. должн. верховнаго главнокомандующаго. Дневник Рейнгартена показывает, как эту "восторженность" омрачала анархия, имевшая своим источником агитацию безответственных отечественных демагогов, коварные замыслы внешнего врага и неумелую провокацию полицейских политиков старого режима, которые считали, что "не все потеряно, есть надежда".

Возстание матросов Балтийскаго флота приняло с первого момента в ночь на первое марта форму жестоких экспессов в Кронштадте, который, по тогдашнему выражению большевистскаго офицера "Правда", оказался "отрванным от мира" и не представлял себя "ясно картину совершающихся событий": формы, в которыя вылилась здесь "стихийная вспышка", до некоторой степени были предугазаны прежней революционной пропагандой**). Нельзя, конечно, вполне довериться сообщениям "секретной агентуры" жандармских властей, которая перед революцией сообщала о планах, выработанном в середине 16 г. возродившимся "Главным Коллективом Кронштадтской военной организа-

ции*), — поднять возстание ("частью убив, а частью арестовав командный состав") в целях прекращения войны и свержения правительства. По этому плану действий "петроградский пролетариат должен поддержать возстание и для того, чтобы дать знать о началѣ возстания, флот выйдет из Кронштадта, уже покончив там с офицерами, и даст несколько залпов по Петрограду. Если бы в отношении рабочих происходили крутые меры, и рабочих правительство стало бы разстреливать, то флот разгромит весь Петроград, не оставив тут и камня на камне". Историк коммунистической партии Шляпников, цитирующий эти жандармские донесения, отрицает наличность существованія подобнаго фантастическаго заговорщическаго плана. Но, очевидно, разговоры об убийствах и арестах были в среде "главнаго коллектива" (ведь это входило органической частью в ранние революционные замыслы Ленина — см. кн. "Уроки московскаго возстания" 1905), и разбушевавшееся "пламя революции", нашедшее благоприятныя условия в милитаризованной "тыловой базе", легко превратило теоретическую возможность в печальную действительность — в Кронштадте провокационная работа ощущалась еще больше реально, чѣм в других местах. Очень трудно назвать "до некоторой степени сдерживающей", как то дѣлают составители "Хроники фев. революции", роль "Комитета революционнаго движения", избраннаго уличной толпой и возглавляемаго прибывшим из Петербурга нѣким "студентом Ханиным": для успокоения страстей "Комитет революционнаго движения" приказал арестовать всех офицеров и заключить в тюрьму до назначенія над ними суда. Кронштадтскія событія ярко охарактеризованы краткою записью в протоколѣ 8 марта Петроградскаго Исп. Ком.: "Избиение офицеров, арест их в большом количествѣ, командный состав из офицеров совсѣм отсутствует, выбраны командиры кораблей из состава самих матросов. Флот, как боевая единица, совсѣм не существует***).

Самосуды кончились лишь тогда, когда в Кронштадт 13 марта пришла от петроградскаго Исп. Ком. делегация в лицѣ с.-д. депутатов Скобелева и Муранова, которые информировали местный Совет рабочих и военных депутатов армии и флота о положеніи дѣл в столицѣ и о взаимоотношеніях между Временным Правительством и Советом. На революционном вѣчьѣ, собиравшемся на Якорной площади, программа дѣятельности петроградскаго Совета была принята. Отныне революционная "твердыня" со всеми своими "штыками, пушками и пулеметами" будет находиться в распоряженіи петроградскаго Совета и поддерживать Временное Правительство, поскольку оно согласуется с этим Советом... Соглашение было запечатлено в духѣ того сантиментализма, которым до известной степени обвѣян был "медовый мѣсяц" револю-

*) По сообщенію жандармских властей, на каждом кораблѣ существовали с.-д. ячейки (большевистскія), из которых и был создан "главный комитет". В концѣ 15 г. этот коллектив был ликвидирован, вѣрнѣе, по жандармскому выраженію «был парализован, но отнюдь не пресѣчен», почему нач. крепост. жан. управл. возбуждал перед комендантом крепости вопрос о высылкѣ на передовыя позиции или в отдаленный военный округ неблагонадежных матросов.

**) В «Правдѣ» (центр. орган большевиков) говорилось: «весь командный состав войск был частью перебит, частью арестован. Немногіе офицеры, выпущенные на свободу, были лишены оружія и погон».

*) Алексѣев на этом донесеніи сдѣлал помѣтку: «Оптимистично. Розовые очки»...

**) По вѣстности возстание началось болѣе стройно, чѣм в других местах. К флотскому экипажу сразу присоединились крепостной артиллерійскій полк, «выступившій со всеми офицерами». Так утверждал Раскольников: командир полка нес знамя, оркестр играл марсельезу...

дн, публичным поцѣлуем между посѣтившим кронштадтскій совѣтъ Керенским и прославленным Рошелем. Подчинение Кронштадта было кратковременно и очень относительно. Кронштадт в качествѣ большевицкой цитадели сдѣлается символом насилия, анархїи и разложенья в русской революціи. В этих позднѣйших обвиненіях заключалась доза тенденціозной сгущенности, но на первых порах ни у кого не нашлось мужества (или сознанія ошибочности тактики замалчиванія) безоговорочно осудить зловѣщіе и мрачные эпизоды поглощенія “пламенем революціи” ея идейной цѣнности: такіе органы, как “Биржевыя Вѣдомости”, писали о “герической, но вмѣстѣ с тѣм страшной ночи в Кронштадтѣ 1 марта”^{*)}.

Министръ юстиціи в засѣданіи Врем. Прав. 28 марта опредѣлилъ число офицеров, павших в Кронштадтѣ от рук убійц, цифрой 36. Ген. Лукомскій в сообщеніи из Ставки командованію на Сѣверном фронтѣ 21 марта повышал эту цифру до 60. В Гельсингфорсѣ по официальным свѣдѣніям убито было 39 офицеров и ранено 6; в Ревелѣ убито было 3; на Моозундской позиціи 2; в Петербургѣ — 1 и ранен был 1^{**)}. Общую потерю в личном составѣ офицеров флота Лукомскій опредѣлялъ “в 200 человекъ, считая в том числѣ до 120 офицеров, которых пришлось отчислить от должности и убрать с судов в виду протеста команды”.

**

Событія в Балтійском флотѣ (особенно в Кронштадтѣ) представляютъ специфическую страницу в мартовскій період революціи. В Черноморском флотѣ, гдѣ командный пост занимал друг Непенина, адм. Колчак, мартовскіе дни протекали в совершенно иной обстановкѣ. 6 марта Колчак доносил Алексѣеву: “На кораблях и в сухопутных войсках, находящихся в Севастополѣ, ...пока не было никаких внѣшних проявленій, только на нѣкоторых кораблях существует движеніе против офицеров, носящих нѣмецкую фамилію. Команды и населеніе просили меня послать от лица Черноморскаго флота привѣтствіе новому правительству, что мною и исполнено. Представители нижних чинов, собравшіеся в

^{*)} В петербургской газетѣ «День» в № от 13 апрѣля можно найти одобрение по поводу появившихся в московском «Утрѣ Россіи» разоблаченій, которыя нарушили «уговор» — не говорить о Кронштадтѣ. Опредѣленно грѣшила по соображеніям тактическим совѣтская коммиссія, утверждавшая в своем докладѣ, что «погибли люди, игравшіе двойную роль и тѣ, чья безпощадная, бессмысленная жестокость вызвала к себѣ гнѣвъ возставшаго народа». Слѣдственная коммиссія рѣшительно не подтвердила этого обобщенія.

^{**)} Тактика умалчиванія привела к тому, что молва расцвѣтила событія ужасами до размѣров не бывших, что и отразилось в дневниках и воспоминаніях современников. Так ген. Селивачев, со слов депутата Думы, записываетъ 28 марта, что в Кронштадтѣ перерѣзали до 1000 человекъ (редакція «Кр. Арх.» сочла нужным сдѣлать, пожалуй, даже странную оговорку: «явно преувеличенная (?) цифра»). Кн. Палѣй (ея волненіе понятно, ибо в Гельсингфорсѣ был ея сын) также будет вспоминать с излишней реальностью тѣ сцены ужаса (она читала о них в тогдашних газетах), которыя творились ослѣпленной «от крови и вина» солдатской толпой, а большевик матрос Степан (фамилію разобратъ не мог), эпически будет описывать, как он и его товарищи убивали «офицеров второго Балтійскаго экипажа» — «много офицеров» убили. Не уменьшая картины «ужасов», все же надо сказать, что слухавъ обливанія керосином и сжиганія офицеров, конечно, не было. Это фантазія мемуаристов, передающих чужіе рассказы (напр., Мельник-Боткина).

Черноморском экипажѣ, обратились ко мнѣ с просьбой имѣть постоянное собраніе из выборных для обсужденія их нужд. Я объяснил им несовмѣстимость этого с понятіем о воинской чести и отказал. В населеніи Севастополя настроеніе возбужденно-мирное: было нѣсколько просьб, обращенных толпою къ коменданту, кончившихся мирно... Большое смущеніе в войсках вызвала внезапность воззванія рабочих и солдатских депутатов об общих гражданских правах внѣ службы. В интересах спокойствія, дабы дать возможность занять войска не внутренними дѣлами, необходимо, чтобы Врем. Пр. объявило всѣм военнослужащим обязательно исполнять всѣ до сих пор существующіе законы, покуда не будут разработаны и утверждены правительством новыя законы о бытѣ воинских чинов”.

Официальная сводка настроеній.

В упомянутой выше официальной запискѣ, представленной ген. Алексѣевым правительству 14 марта и заключающей в себѣ сводку донесеній главнокомандующих о том, какое впечатлѣніе на войска произвели “послѣднія событія” и переход к новому государственному строю, проводилась мысль, что перемена произошла “спокойно”. Конечно, официальные сообщенія, собиравшіяся до извѣстной степени в бюрократическом “секретном” порядкѣ главнокомандующими, не могут служить истинным показателем настроеній масс, ибо эти настроенія внѣшне отражались все же в воспріятіи команднаго состава, и подобно тому, как представители революціонной демократіи слишком часто склонны были безоговорочно говорить от имени народа, командный состав с той же безотвѣтственностью брал на себя право говорить от имени солдат. К тому же всякая сводка несет черты искусственности при всей добросовѣстности составителей ея. Нельзя отрицать и извѣстной политической тенденціи, сказавшейся в обобщеніи, которое дѣлалось уже в Ставкѣ. Однако, приписывать этой запискѣ “боевой характер” политической программы, предлагаемой Ставкой Правительству, хотя и в “скрытой, иносказательной формѣ”, едва ли возможно^{*)}. Слишком поспѣшно и легкомысленно дѣлать вывод, что Ставка как бы требовала недопущенія евреевъ в офицерскую среду, на основаніи того, что во 2 сиб. корп. 12 арміи в соответствующем духѣ раздавались “нѣкоторые голоса” — из того, что в том же сибирском корпусѣ было выражено мнѣніе о необходимости надѣленія крестьян землей при помощи Крест. Банка, еще не вытекает обобщающій постулат о характерѣ земельной реформы, устанавливающей принцип “выкупа”.

Сводка производилась по фронтам. “На Сѣверном фронтѣ — заключаетъ записка исп. долж. верховнаго главнокомандующаго — происшедшая перемена и отреченіе Государя от престола приняты сдержанно и спокойно. Многіе к отреченію имп. Николая II и к отказу от престола в кн. М. А. отнеслись съ грустью и сожалѣніем... Многим солдатам манифесты были непонятны, и они не успѣли разобратъся в наступающих событіях. Во 2-м Сиб. корп. 12 арміи... были нѣкоторые голоса, что без царя нельзя обойтись, и надо скорѣе выбирать

^{*)} Так сдѣлал Невскій в комментаріяхъ к запискѣ, напечатанной в «Красном Архивѣ».

государя... В 5-ой армии наступавшія события нѣкоторыми солдатами разсматривались, как конец войны, другими — как улучшение своего питания, а частью безразлично. Во всех арміях фронта многие солдаты искренне возмущались заявленіем Совѣта Р. и С. Д. о республикѣ, как желаніи народа. Среди офицеров выясняется недовольство, возмущеніе и опасеніе, что какая то самозванная кучка политиканов, изображающая собой Совѣт Р. и С. Д., не получившая никаких полномочій ни от народа, ни от арміи, дѣйствует захватным порядком от имени страны, мѣшается в распоряженія Врем. Пр. и даже дѣйствует и издает вопреки его распоряженіям. Особенно волнует попытка Совѣта вмѣшаться в отношенія между солдатами и офицерами и регулировать их помимо существующих не отмененных законов и законнаго войскового начальства. Высказываются пожеланія устранить Совѣты Р. и С. Д. от вмѣшательства в дѣло управленія государством, так как это крайняя политическая партія, а не полномочные представители народа и арміи. Также замѣчается недовольство выдѣленіем петроградскаго гарнизона в какую-то привилегированную часть арміи, и высказываются пожеланія, чтобы войска этого гарнизона были отправлены также на фронт...*) По мнѣнію войск боевой линіи заслуга по образованію новаго строя принадлежит не петербургскому гарнизону, а избранныкам народа — членам Гос. Думы, народу и всей арміи, которая *весьма сочувственно отнеслась ко всему происшедшему*”.

На *Западном* фронтѣ акт об отреченіи был принят спокойно, серьезно, многими — с сожалѣніем и огорченіем. Наряду с этим перемены строя у многих связана с вѣрой в восстановленіе порядка... Солдатами новый порядок привѣтствуется... Выражалась увѣренность о прекращеніи нѣмецкаго засилія. В 9, 10 и сводном корпусѣ 2-ой арміи манифест встрѣчен отчасти с удивленіем и с сожалѣніем о Государѣ. Многие, видимо, были поражены неожиданностью и той быстротой, с которой к нам подошли настоящія событія**). В сибирской каз. дивизіи своднаго корпуса манифест произвел удручающее впечатлѣніе. Нѣкоторыми выражалась надежда, что Государь не оставит своего народа и армію и вернется к ним. Для части солдат это впечатлѣніе смягчалось тѣм, ...что в Россіи еще не республика, относительно которой высказывались отрицательно. Однако самый переход к новой власти казаками Сиб. каз. дивизіи принят с полной покорностью. К допущенным в дни перелома эксцессам толпы к офицерам, имѣвшим мѣсто в Петроградѣ, Москвѣ и других городах, отношеніе отрицательное... Настроеніе войск бодрое. Преобладает сознаніе необходимости довести войну до побѣднаго конца...

На *Юго-Западном* фронтѣ объявленіе манифеста встрѣчено спокойно, с сознаніем важности переживаемаго момента и чувством удов-

*) Недовольство на фронтѣ этой петербургской революціонной новеллой, очевидно, было значительно — оно нашло себѣ отраженіе даже в протоколах Исп. Ком.

**) Небезынтересно сопоставить с этим записи 9 марта в дневникѣ Селивачева, бывшаго на другом фронтѣ (это большаго значенія не имѣет). «Попытка заинтересоваться у командиров полков, как отнеслись нижніе чины к отреченію Государя. На это *все* отвѣтили, что отнеслись очень спокойно, а нѣкоторые прямо заявили: «Да мы, вѣдь, давно знали и ожидали». Только нѣкоторые смущает вопрос — «а что же будет с наслѣдником».

летворенія и вѣры в новое правительство*). Мѣстами в офицерской средѣ высказываются сомнѣнія, что новой власти не удастся сдержать крайние революціонные элементы.

На *Румынском* фронтѣ происшедшія перемены войсками приняты спокойно. Отреченіе имп. Николая II на офицеров 9-ой арміи произвело тягостное впечатлѣніе. В 4-ой арміи большинство преклоняется перед высоким патріотизмом и самоотверженностью Государя... Здѣсь же манифест в. кн. М. А. встрѣчен с недоумѣніем и вызвал массу толков и даже тревогу за будущій образ правленія. Болѣе нервное отношеніе къ событіям чувствуется в 3 Кав. корпусѣ, гдѣ передача престола в. кн. М. А. склонны понимать, как врученіе регентства до совершеннолѣтія в. кн. Ал. Ник., котораго считают законным наслѣдником.

В *Кавказской* арміи к переменѣ строя войска отнеслись спокойно.

В *Балтійском* флотѣ переход к новому строю принят восторженно.

В *Черноморском* флотѣ послѣднія событія встрѣчены спокойно и с пониманіем важности переживаемаго момента”.

Объективная цѣнность “лаконичных” и “туманных” характеристик официальной записки ген. Алексѣева заключается в отсутствіи односторонности в освѣщеніи многообразных настроеній в арміи, которыя должны были имѣться и в офицерской средѣ, и в солдатской массѣ. Итог наблюденій почти совпадает с тѣми выводами, которые сдѣлал ген. Данилов в письмѣ к своим “близким” 8 марта: “Перевернулась страница исторіи. Первое впечатлѣніе опеломляющее, благодаря свей полной неожиданности и грандіозности. Но в общем войска отнеслись ко всемъ событіям совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но в настроеніи массы можно уловить совершенно опредѣленные теченія: 1. Возврат к прежнему немислим. 2. Страна получит государственное устройство, достойное великаго народа: вѣроятнo конституціонную ограниченную монархію. 3. Конецъ нѣмецкому засилію и побѣдное продолженіе войны”.

5. — Правительство и Ставка.

При тѣхъ настроеніях на фронтѣ, которыя отмѣчала даже официальная сводка, Ставка в мартѣ не могла сдѣлаться “центром контр-революціи”. Жизнь всемирно толкала ее на сближеніе с Временным Правительством. Первые дни, послѣдовавшіе за стабилизацией переворота, 4-6 марта, буквально заполнены настойчивыми призывами вышаго командованія, обращенными к Правительству, — помочь и поддержать моральный авторитетъ начальников для того, чтобы “перекить

*) Из воспоминаній командира 9 Финл. Стрѣлк. полка Данилова (человѣка откровенно монархическихъ взглядов) можно привести нѣкоторый корректив. Данилов пишет: «Вѣсть об отреченіи Императора была встрѣчена офицерством мрачно, а солдатами недовѣрчиво, и мнѣ... приходилось ходить по окопам и... разъяснять слова манифеста, указывая на волю Царя, которой слѣдуетъ подчиниться тѣмъ болѣе, что в манифестѣ указывалось, что отреченіе принято для большаго и скорѣйшаго успѣха побѣды над врагом. Как ни тревожно встрѣтили мы манифест, но тѣмъ не менѣе, привыкшіе к повиновенію, безпрекословно ему подчинились». Данилов, между прочим, отмѣчает, что в его полку за все время революціи до октябрьскаго переворота не было эксцессовъ противъ команднаго состава.

благополучно совершающийся болѣзненный процесс в организмъ арміи” и предотвратить армію от “заразы разложенія”, начавшагося в тылу. Поражает пассивность, с которой воспринимались эти призывы центром, хотя война и стояла в его сознаниі “на первом планѣ” (интервью Милюкова).

Революціонная стихія, дѣйствительно, наступала на тыловую часть фронта. Дѣло, конечно, было не в тѣх самозванных вооруженных “депутатіях”, якобы от “рабочей партіи”, а в сущности от разбѣжавшихся нижних чинов петербургскаго гарнизона, которыхъ стали появляться в тыловых мѣстностях фронта, обезоруживая не только желѣзнодорожную полицію, но и офицеров, производя аресты и освобождая заключенных — это были “неминуемые”, как призналъ Алексѣев, отголоски того, что было уже пережито в Петербургѣ. В официальной перепискѣ упоминалось лишь о двухъ такихъ эпизодах, которые были обобщены и которымъ придали совершенно несоотвѣтствующее значеніе. 2 марта штабъ Западнаго фронта получил сообщеніе, что из Великихъ Лук на Полоцк ѣдет “депутатія в 50 человекъ от новаго правительства и обезоруживаетъ жандармов”. Главнокомандующій Эверт в связи с этимъ приказал просить Ставку “сношеніемъ с предсѣдателемъ Гос. Думы установить, какъ правило, чтобы о всякихъ командированіяхъ на фронтъ сообщалось... дабы узнать, что прибывающіе не самозванцы, какихъ теперь будетъ много”. На другой день, на основаніи донесенія коменданта Полоцка, Алексѣевъ имѣлъ возможность сообщить Родзянко уже болѣе опредѣленные свѣдѣнія о характерѣ петербургской “делегатіи”. Прибыло “пятьдесятъ нижнихъ чинов”, истребовавшихъ от коменданта разоруженія жандармовъ от имени “офицера, который остался в вагонѣ”. В это время “показался на станціи взводъ драгунов... и всѣ пріѣхавшіе солдаты разбѣжались, в вагонѣ же никакого офицера не оказалось...” Алексѣевъ убѣдительно просилъ “принять необходимыя мѣры, чтобы из Петрограда на фронтъ не появлялись банды солдат и какія либо странныя и самозванные депутатіи”. Родзянко законически отвѣтилъ, что “никакой делегатіи Врем. Ком. Г. Д. на фронтъ не посылалъ”. 4-го Алексѣевъ получил новое сообщеніе от нач. штаба Сѣвернаго фронта: “Прибывшіе сегодня днемъ из Петербурга в Рѣжицу (районъ 5-ой арміи) вооруженные делегаты рабочей партіи освободили вездѣ всѣхъ арестованныхъ, обезоружили полицію, начали обезоруживать офицеровъ... Ходили даже для этого по квартирамъ. Примкнули нижніе чины гарнизона. Сожгли в управленіяхъ начальника гарнизона, коменданта и в полицейскихъ участкахъ ссудныя и арестантскія дѣла. Кровопролитія и особые безпорядковъ не было”. Рузскій просилъ о “срочномъ сношеніи с представителями власти по принятіи самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію такихъ явленій, могущихъ деморализовать всю армію”. В отвѣтъ Алексѣевъ уведомили кн. Львова, что онъ предписалъ, “в случаѣ появленія такихъ шаекъ”, немедленно захватывать ихъ и предавать на мѣстѣ военно-полевому суду.

Исп. Ком. Совѣта, вѣроятно, не имѣлъ никакого отношенія къ делегатамъ “рабочей партіи”, появившимся в Рѣжицѣ — о полоцкой “делегатіи” нечего и говорить. Но дѣло осложнилось бы, если приказъ 4 марта былъ бы примѣняемъ къ тѣмъ идейнымъ агитаторамъ, которые стали просачиваться во фронтовые районы, и которые нерѣдко именovali

себя делегатами и уполномоченными совѣтскихъ учреждений, не имѣя на то официальныхъ мандатов. Отсутствіемъ формальностей и дезорганизаціей большевицкіе дѣятели, какъ сами они признаютъ в воспоминаніяхъ, пользовались для того, чтобы снабжать “мандатами” агитаціонной комиссіи Исп. Ком. своихъ посланцевъ, отнюдь не стремившихся усилить “боеспособность” арміи. Эти почти “неуловимые элементы” были для арміи болѣе страшною язвой, чѣмъ революціонно-разнузданныя “шайки”... Приказъ Алексѣева, появившійся 8-го на столбахъ “Извѣстій”, вызвалъ необычайное негодованіе петербургскихъ большевизанствующихъ демагоговъ и долго служилъ центральнымъ пунктомъ обвиненія и. д. верховнаго главнокомандующаго в “контр-революціонности”, хотя никакихъ реальныхъ поводовъ практическое примѣненіе распоряженія ген. Алексѣева не давало.

Рузскій, какъ главнокомандующій фронтомъ, наиболѣе территоріально близкимъ къ революціонному горнилу, былъ особенно заинтересованъ принятіемъ “незамедлительныхъ мѣръ центромъ для огражденія арміи и сохраненія ея боеспособности”. Онъ обращался с рядомъ заявленій. Поддерживая его, Алексѣевъ в телеграммѣ военному министру 5 марта еще разъ, с своей стороны, настаивалъ на томъ, чтобы “военнымъ чинамъ в тылу, населенію и гражданскимъ властямъ” опрѣлѣненно было указано на “преступность вышеупомянутыхъ дѣяній (аресты и избраніе солдатами новыхъ начальниковъ и т. д.) и на строгую законную отвѣтственность за совершеніе ихъ”. Эта телеграмма была послана в 11 час. утра; в 5 час. посылается другая, адресованная уже не только Гучкову, но и кн. Львову и Родзянко: “Каждая минута промедленія в буквальномъ смыслѣ слова грозитъ роковой катастрофой... необходимо *примѣнить* *свое* *объявленіе*, что никакихъ делегатіи и депутатіи имъ не посылалось и не посылается для переговоровъ с войсками... Броженіе начинается распространяться в войскахъ, ближайшихъ къ тылу. Эти волненія можно объяснить исключительно тѣмъ, что для массы... непонятно истинное отношеніе правительства къ начальствующимъ лицамъ в арміи и недовѣріе, что послѣднія дѣйствуютъ согласно директивамъ и рѣшеніямъ новаго правительства. Ради спасенія арміи, а вмѣстѣ с ней и родины, прошу не медлить ни одной минуты”. На другой день самъ Рузскій непосредственно обращается къ Львову, Гучкову, Керенскому: “Ежедневные публичные аресты генеральскихъ и офицерскихъ чинов, несмотря на признаніе всѣми новаго государственнаго строя, производимые при этомъ в оскорбительной формѣ, ставятъ командный составъ, нерѣдко георгіевскихъ кавалеровъ, в безвыходное положеніе... Аресты эти произведены в Псковѣ, Двинскѣ и другихъ городахъ. Выѣстъ с арестами продолжается, особенно на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, обезоруженіе офицеровъ, в томъ числѣ ѣдущихъ на фронтъ, гдѣ эти офицеры должны будутъ вести в бой нижнихъ чиновъ, товарищами которыхъ имъ было нанесено столь тяжелое и острое оскорбленіе и при томъ вполне незаслуженно... При такихъ условіяхъ представляется серьезная опасность разложенія арміи, передъ которой предстанетъ грозный вопросъ о возможности успѣшной борьбы с нашимъ противникомъ”. Рузскій настаивалъ на “авторитетномъ разъясненіи центральной власти” и на экстренномъ пріѣздѣ “доѣзженныхъ правительственныхъ комиссаровъ” с цѣлью успокоить в томъ, что “всѣми признанному новому строю никакой опасности не угрожа-

ет". Алексѣеву Рузскій жаловался в связи с получением из Петербурга совѣтскаго "приказа № 2" на то, что всѣ его телеграммы остаются "без ответа". В свою очередь в обращеніи к председателю Думы, к председателю Совѣта министров и к военному министру, сдѣланном почти ночью (в 11 ч. 50 м. веч.) 6 марта, послѣ телеграммы Рузскаго, Алексѣев "с грустью" жалуется, что его "многочисленные... представленные правительству по апологичным вопросам остаются без ответа, что дѣятельность учреждений, не имѣющих отношенія к арміи, развивается, подобные приказы малоудовимыми способами проникают в части дѣйствующей арміи, грозя разрушить ея нравственную силу и боевую ея пригодность, ставя начальников в невыразимо тяжелое положеніе отвѣтствовать перед родиной за сохраненіе нравственной устойчивости вооруженной силы и не имѣть способов бороться с потоком распоряженій, подобных приказу № 2. Или нам нужно оказать доверіе или нас нужно замкнуть другими, которые будут способны вести армію даже при наличіи фактов, в корни подтачивающих основы существованія благоустроеннаго войска".

Не возлагая надежды на правительственную инициативу, Рузскій обратился непосредственно к Совѣту — им была послана особая делегация, посѣтившая Исп. Ком. 6-го*). Дѣло касалось "крайне вреднаго" вліянія приказа № 1, который получил распространеніе на Сѣверном фронтѣ. Исп. Ком. отнесся с полным вниманіем к заявленію делегации ген. Рузскаго. Не надо забывать, что вліяніе большевиков в Исп. Ком. было невелико, и в "первыя недѣли" преобладало в нем, по выраженію Шляпникова, "эсеровское мѣщанство". Исп. Ком. сознательно отнюдь не склонен был поддерживать анархію на фронтѣ, понимая, что эта анархія падет на "собственную голову" — через анархію при неустойчивом еще положеніи "могла притти реставрация стараго порядка" (Суханов). В протоколѣ Исп. Ком. записано: "Делегация от ген. Рузскаго сообщает, что ...начинается полное неподчиненіе власти**). Положеніе крайне тяжелое. Необходим пріѣзд на фронт извѣстных, популярных общественных работников, чтобы внести хоть какое-нибудь спокойствіе в армію. По обсужденіи этого вопроса признано необходимым командировать одного представителя в Псков, задержать приказ № 2***) и послать телеграммы на фронт, разъясняющія, что приказы

*) 3 марта к Рузскому поступил какой-то письменный запрос от имени Исп. Ком. за подписью Бонч-Бруевича (к сожалѣнію, его нѣтъ в опубликованных матеріалах), в отвѣтъ на который главнок. Сѣверным фронтом телеграфировал: "...Я и подчиненные мнѣ арміи и воинские чины вполне приняли нынѣ новое существующее правительство до рѣшенія Учр. Соб. об образѣ правленія. Прошу содѣйствія, чтобы уполномоченные и другія лица Комитета, прибывающіе в предѣлы Сѣвернаго фронта, предварительно обращенія к рабочим и войскам, обращались ко мнѣ, дабы можно было бы установить полную связь между дѣйствіями центральной и мѣстной власти". Заключивал Рузскій словами: «желателен ваш пріѣзд сюда».

**) Естественно, делегация для воздѣйствія на членов Исп. Ком. нѣсколько муссировала критическое положеніе на фронтѣ.

***) Рузскій уже 4-го сообщал о нем Алексѣеву и отмѣчал соответствіе его 7 п. правительственной декларации, опубликованной 3-го. Рузскій указывал на опасность формулировки «предоставленія солдатам всѣх общественных прав без соответственных опредѣленій деталей». Необходимо «беззамедлительное разъясненіе и точное установленіе особым приказом взаимотношенія офицеров и нижних чинов». Алексѣев тотчас же телеграфировал

№№ 1-2 относятся к петроградскому гарнизону, а по отношенію к арміи фронта будут немедленно выработаны особые правила в соответствіи с основным положеніем новаго государственнаго строя*).

Гучков в воспоминаніях говорит, что он 4-го (3-го был занят отеченіем) телеграфировал в Ставку, прося принять мѣры против распространенія "приказа № 1". В опубликованных документах это распоряженіе военнаго министра не нашло себѣ никакой отмѣтки, но, как мы видѣли, имѣются указанія противоположнаго свойства. Из центра на "приказ № 1" по собственной инициативѣ реагировал только Пуринкевич, пославшій главнокомандующему Западным фронтом телеграмму: "...распространяемый агитаторами на фронтѣ приказ № 1 Совѣта Р. и С. Д. о неповиновеніи солдат офицерам и неисполненіи распоряженій новаго временнаго правительства является злостной провокаціей, что удостовѣрено особым объявленіем министра юстиціи Керенскаго и председателя Совѣта Р. и С. Д. Чхеидзе, напечатанным в №7 "Извѣстій" комитета петроградских журналистов от 3 марта, а также в "Извѣстіях Совѣта Р. и С. Д.". Пуринкевич рѣшительно все перепутал, ибо заявленіе, на которое он ссылался, касалось вовсе не "приказа № 1", а той прокламаціи, которая была выпущена группой "междурайонных" и "лѣвых" с.-р. 1 марта и распространеніе которой, как мы говорили, пытался задержать Исп. Ком. Ген. Эверт запросил указаній Ставки: надлежит ли телеграмму члена Гос. Думы объявить в приказах арміям?

При сопоставленіи отправленной Алексѣевым поздно вечером 6-го телеграммы, в которой он говорил о неполученіи отвѣтов от правительства и необходимости или довѣрія или смѣны начальников, с вечерним же болѣе ранним разговором по юзу с Львовым и Гучковым бросается в глаза противорѣчіе — Львов опредѣленно освѣдомляя нач. верх. штаба: "сегодня ночью выѣзжают на всѣ фронты официальные депутаты Думы, вчера было напечатано объявленіе от Врем. Правит. гражданам, сегодня печатается такое-же обращеніе к войскам". Но это противорѣчіе только кажущееся. В дѣйствительности никакого отвѣта на тѣ реальныя проблемы, которыя стали перед фронтом, командованіе не получило. Одно только — Гучков "убѣдительно" просил еще 4 марта "не принимать суровых мѣр против участников безпорядка": "они только поджуют масло в огонь и помѣшают тому успокоенію в центрѣ, которое теперь наступает. Без центра мы не успокоим и фронт". Договориться в данном случаѣ оказалось невозможным, так как Гучков прервал бесѣду, будучи "спѣшно вызван в Совѣтъ министров". Психологію момента Гучков, конечно, учитывал правильно, и все-таки остается непонятным, почему ни Правительство, ни военный министр в частности не выступили с рѣшительным протестом и формальным запретом тѣх сепаратных дѣйствій самочинных делегаций, против которых взывало фронтовое командованіе.

Внутренне Алексѣев негодовал. Значительно позже, когда Алексѣев

Гучкову, что необходимо, если «не полное уничтоженіе пункта седьмого программы (соглашеніе 2 марта), то совершенная переработка редакціи ея с точным разграниченіем прав и обязанностей солдат».

*) Приказ № 2 (о сущности его скажем ниже) не мог быть задержан, так как он был уже передан по радіо.

был отстранен от руководства армией, он писал находившемуся в отставке ген. Скугаревскому: “за этот “контр-революционный” приказ разнузданная печать... требовала в отношении меня крутых мѣр. Ко мнѣ правительством был командирован генерал, имя которого послѣ возрожденія нашей армии будет записано на позорную доску, чтобы убѣдить меня в необходимости отменить приказ” (в своем дневникѣ Алексѣев пояснил, что здѣсь имѣется в виду Поливанов). Молчаніе правительства приводило к тому, что весь одиум борьбы с эксцессами революціи на фронтѣ во внѣ, в сознаніи широких кругов “революціонной демократіи”, вновь переносился на реакціонность Ставки. В запоздалых (сравнительно с требованіями фронта) правительственных воззваніях к армии, появившихся 8 и 9 марта, признавалось, что перемены в армейском быту могут происходить лишь распоряженіем правительства, что повинованіе — основа армии, что “глубоко прискорбны и совершенно неужесты” всякія самоуправства и оскорбительныя дѣйствія в отношеніи офицеров, героически сражавшихся за родину, и без содѣйствія которых “невозможно укрѣпленіе новаго строя”, но в этих воззваніях не было того конкретного, чего требовала армейская жизнь. Слов говорились уже достаточно. Что это безволіе, диктуемое “психомом свободы” — своего рода болѣзнь времени или боязнь раздражить лѣваго партнера, с которым представители военного министерства договорились в учрежденной уже так называемой поливановской комиссіи по реформированію армейскаго быта? Отсутствие времени для продуманнаго дѣйствія в лихорадочной обстановкѣ общественнаго кипѣнія?*)

Мы знаем, как сами члены Правительства в официальных бесѣдах с представителями высшаго военнаго командованія на фронтѣ объясняли свое поведеніе — напомним, что Львов ждался Алексѣеву 6-го: “догнать бурное развитіе невозможно, событія несут нас, а не мы ими управляем”, а Гучков в письмѣ 9-го, помѣченном “в. секретно”, “в собственныя руки”**), пытался “установить одинаковое пониманіе современнаго положенія дѣл, считаясь в оцѣнкѣ послѣдняго лишь с жестокой дѣйствительностью, отбросив всякія иллюзіи”, давал свою знаменитую характеристику безсилія Врем. Правительства: “Врем. Пр. не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряженія осуществляются лишь в тѣх рзамѣрах, как допускает Совѣтъ Р. и С. Д., который располагает важнѣйшими элементами реальной власти, так как войска, желѣзная дорога, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Вр. Правит. существует лишь, пока это допускается Совѣтом Р. и С. Д. В частности, по военному вѣдомству нынѣ представляется возможным отдавать лишь тѣ распоряженія, которыя не идут коренным образом вразрѣз с постановленіями вышеназваннаго Совѣта”. Хотя военный министр и просил врем. и. д. наверх “взрѣчь, что дѣйствительное положеніе вещей таково”, едва ли надо еще раз

*) И, однако, в засѣданіи правительства, на которое был вызван так спѣшно Гучков, что Алексѣеву пришлось прервать свой доклад, когда впервые остро был поставлен вопрос об армии, обсуждались такіе “спѣшные” для момента вопросы, как вопрос о прекращеніи дѣла об убійствѣ Распутина, об стѣснѣніи ограниченій при приѣмѣ евреев в высшія учебныя заведенія и т. д.

**) Секретный характер письма объясняется, вѣроятно, и тѣм, что в нем дается пессимистическая картина невозможности своевременно выполнить боевыя задания, возлагаемая войной на тыл.

подчеркнуть, что Гучков безконечно преувеличива: тѣ дефекты, которые существовали в организаци власти, и совершенно игнорировал тогда тот моральный авторитет и ту исключительную популярность, которые имѣло в странѣ в первые дни революціи, а, может быть, и не дѣли, Временное Правительство. Думается, объясненіе надо искать в другом — в извѣстном гипнозѣ, порожденном событіями. Казалось, что Петербург в революціонное время — это пуп русской земли*). Надо добиться положительных результатов в центрѣ — все остальное приложится само собой; мысль эту и выразил Гучков в болѣе раннем разговорѣ с Алексѣевым.

Централистическая гипертрофія приводила к тому, что взаимоотношенія Правительства и Ставки устанавливались разговорами по юзу, командировками офицеров, “освѣдомленных... в деталях создавшейся в Петербургѣ обстановки” и т. д., и не являлась даже мысль о необходимости в первые же дни непосредственнаго свиданія для выработки однородной собмѣстной тактики. Казалось бы, что это было тѣм болѣе необходимо, что военная психологія (не кастовая, а профессиональная) неизбежно должна была расходиться с навыками общественными. Много позже, будучи временно не у дѣл в Смоленскѣ, ген. Алексѣев писал Родзянко (25 іюля): “Я сильно отстал и психологіи дѣятелей нашей революціи постичь не могу”. Дѣло не в том, что Алексѣев “отстал” — он был, конечно, органически чужд тому революціонному процессу, который происходил. Лишь присущій ему особо проникновенный патріотизм сдѣлал его “революционером” и заставил его приспособляться к чуждому міру. “Цензовая общественность” — думскій политическій круг должен был служить мостом к общественности революціонной, которая своими крайними и уродливыми подчас проявленіями должна была отталкивать честнаго военнаго дѣятеля, отдавашаго душу свою исполненію долга во время войны и боявшася, что “соціалистическія бредни” заслонят собой “Россію и родину”.

Необходимость контакта почувствовал и Гучков, когда писал свое конфиденціальное сообщеніе 9 марта. И тѣм не менѣе военный министр незамедлительно не выѣхал в Ставку и не вызвал к себѣ ген. Алексѣева: “подробности современнаго положенія дѣл вам доложат — писал Гучков — командируемые мною полк. Соттеруп и кн. Туманов, исполнѣ освѣдомленные... в деталях создавшейся в Петроградѣ обстановки, ибо оба названные штаб-офицера находились с первых же дней революціи в Гос. Думѣ и в близком общеніи, как с членами Врем. Правит., так и членами Совѣта Р. и С. Д.”. Сам же Гучков, выѣхавшій на другой день на фронт, начал свой объѣзд с периферіи. 11 марта он был в Ригѣ — в районѣ 12 армии Радко Дмитріева**). 13-го прибыл в Псков, гдѣ “сразу же было... совѣщаніе... по вопросам,

*) Ушедшій с исторической сцены Император назвал в одном из писем жемѣ Петербург лишь «географической точкой». Он не дооцѣнивал политическаго значенія столицы, Гучков и вмѣстѣ с ним другіе — преувеличивали это значеніе.

**) Болдырев рассказывает, что распространился слух, что Гучков будет убит по постановленію «террористической» партіи, но, «конечно, никакого покушенія не было». На всѣй случай «по городу предусмотрительно был установлен конный наряд».

1. — С и м п т о м ы р а з л о ж е н і я .

Временному Правительству и верховному командованию предстояло практически разрешить проблему исключительно трудную — сочетать стремления революции с задачами продолжающейся войны. В предфевральские дни сознание сложности этой проблемы при сохранении жизненных интересов страны, конечно, не чуждо было представителям социалистических партий — за исключением, быть может, упорных догматиков крайнего толка. Страх перед возможной катастрофой клал преграду революционной пропаганде и мешал “подлым софистам” (по выражению Ленина) приложить провокационно, т. е. преждевременно, свою печать к грядущим событиям.

Фронт не мог быть изолированным оазисом в атмосфере той психологии фаталистически неизбежного, которая охватила накалывшие стихийно разыгравшихся событий все круги и все слои русской общественности и обостряла до крайности напряженность ожиданий народных масс... “Недовольство в народе становится сильнее и сильнее... Революция неминуема” — это запись 2 февраля в дневнике боевого генерала на фронте — Селивачева (8 марта, после событий, Селивачев записал: “несомненно, что после войны революция была бы более кровавая, а теперь — провинция просто так присоединилась”).

Как уже указывалось, перелюстрированные солдатские письма с фронта в значительной степени можно было бы охарактеризовать выражением в одном из этих писем: “Мы стоим на пороге великих событий”. Среди перелюстрированного департаментом полиции материала имеется документ, представляющий особый интерес, ибо он был переслан в Ставку военным министром Бляевым для ознакомления войсковых начальников. Задержанное “письмо” с фронта, написанное партийным человеком большевистского склада мыслей, набрасывало четкую программу революционного выступления *после войны*, окончание которой “скоро или не очень скоро” несомненно приближается. Все наблюдения, которые автор вынес из своих скитаний “по запасным батальонам и по фронту”, приводили его к заключению, что у правительства может и не оказаться силы для подавления неизбежных рабочих и крестьянских “беспорядков”. Армия в тылу и “в особенности на фронте, полна элементов, из которых одни способны стать активной силой восстания, а другие могут лишь отказаться от усмирительного действия”. Весь этот “революционный элемент” надо спаять для того, чтобы поднять знамя солдатского восстания. Геп. Клембовский (и. д. нач. шт. верх. главнок.) разослал “совершенно секретно в собственные руки” начальников предложение военного министра дать отзыв о назначенном министерством агитационном плане “всеми зависящими средствами” парализовать в зародыше “преступную работу” в армии. Мы знаем только ответ Рузского, высказавшегося против устройства в войсках беседы на политические темы, ибо это приведет лишь к “опасности возникновения в армии более интенсивных подпольных течений”. “До настоящего времени в воинском строю проводится взгляд, что армия должна стоять вне политики и поэтому не следует “искусственно привлекать ее внимание к этому вопросу”. Русский подчеркивал, что единственным

связанным с брожением в войсках”. “Гучков — записывает в дневник Болдырев — как единственное средство успокоения, рекомендует различные уступки”; “Мы не власть, а видимость власти, физические силы у Совета Р. и С. Д.”. “Безпомощность” Врем. Пр. — странный тезис в устах представителя власти на фронте — была основной темой речи военного министра и на последующих совещаниях, и на разных фронтах: через два дня почти в таких же выражениях говорит он и в Минске: “мы только власть по имени, в действительности власть принадлежит искомому крайним социалистам, водителям солдатской толпы, которые завтра же нас могут арестовать и расстрелять (в записи Лейбнера, которую мы цитируем, не упомянуты Советы, как таковые). Что это: реалистическая оценка безвыходного положения*), или совершенно определенная тактика, подготавливающая среди командного состава, принявшего переворот, осуществление плана, который напомнил себе Гучков?”

Только 17-го собрались поехать в Ставку члены Правительства. Сведения об этой поездке в печать проникли очень скудно. В “Рус. Вѣд.” довольно глухо было сказано, что “линия общей работы найдена”. Лукомский в воспоминаниях передает лишь вышедшие черты посещения революционными министрами Ставки, зафиксировав момент прибытия, когда министры по очереди выходили на перрон из вагона и, представляясь толпе, говорили речи: “совсем как выход парей в оперетке” — сказал кто-то из стоявших рядом с генералом. Повидимому, декларативных речей было сказано не мало**). Возможно, что декларативной стороной и ограничился главный смысл посещения министрами Ставки... Как видно из “секретного” циркулярного сообщения, разосланного за подписью Лукомского, в Ставке 18-го происходило деловое совещание с “представителями центрального управления” для выяснения вопросов “боеготовности армии”. Совещание привело к выводу, что Правительство должно “определенно и ясно” сообщить союзникам, что Россия не может выполнить обязательств, принятых на конференциях в Шантильи и Петрограде, т. е., не может привести в исполнение намеченных весной активных операций. Деникин, со слов ген. Потапова, передает, что Правительство вынесло отрицательное впечатление от Ставки. Если не по воспоминаниям, то по частным письмам того времени — и с такой неожиданной стороны, как в. кн. Серг. Мих. — вытекает, что само правительство в Ставке произвело скорее хорошее впечатление. 19 марта Серг. Мих. писал: “все в восторге, но кто покорил всех, так это Керенский”.

*) Припомним, что Врангель дал противоположную характеристику позиции военного министра.

*) В моих заметках того времени, со слов одного из присутствовавших уже при отъезде министров, записана такая жанровая сценка: ...Поезд усиливает свой ход, колеса стучат — все сильнее и сильнее. С вагонной площадки министр ил. д. говорит прощальную речь. За грохотом не слышно на перроне ни его слов, ни его охрипшего от речей голоса. Смѣняются ряды публики, а министр с площадки говорит, говорит...

средством борьбы с революционной пропагандой является изжитие "тяжелого кризиса внутренней жизни страны..." "нельзя упускать из виду, что современная армия... представляет собой однородную с прочим тыловым населением массу и естественно отражает в себя те настроения, помыслы и стремления, которые суммируются в другой половине ее".

Были попытки представить революцию плодом "отрицания войны". Эту аргументацию по соображениям больше политическим, нежели в соответствии с фактами, развил в первом и единственном заседании Учред. Собрания официальный докладчик партии с.-р. о "мире" — Тимофеев. Первое слово Учр. Собр. должно быть о "мире" — этом чаянии измученного, истомленного войной трудового народа". Оратор старался вырвать приоритет у большевиков своими рискованными безоговорочными утверждениями. Для Троцкого в "истории" революции главным лозунгом февральских дней остается лозунг: "долой войну"...

Отдельными иллюстрациями, взятыми из жизни — сложной и многообразной, пожалуй, почти всегда можно подтвердить любой тезис и в особенности тогда, когда речь идет о неуловимой с точки зрения статистических выкладок народной психологии. В истории не может быть фактически принят сомнительный сам по себе метод американских "института общественного мнения". Обобщающие впечатления современников могут быть ошибочны и субъективны, как, напр., уверенность будущего правительственного комиссара при Верховной Ставке Станкевича — для него "несомненно", что "переворот был вызван народным опущением тяжести войны"*); столь же "ясно" было и будущему военному министру Верховскому, что массы поняли революцию, "как немедленное прекращение войны". "Когда пришел к нам и сказали о великом перевороте, все солдаты сказали: "слава Богу, может быть, теперь мир скоро будет заключен" — вспоминал на совещании Совфтов 30 марта Остроумов, солдат большевистского уже склада, явившийся "прямо из окопов". Военный генерал Селивачев, несколько пессимистичный в записках своего дневника, скажет с своей стороны, что "совершившийся переворот притянул к себе мысли армии, которая безудовольно ждала, что с новым правительством будет окончена война". Еще определеннее было мнение Набокова, принадлежавшего к числу тех, которые полагали, что одной из причин революции было утомление от войны и нежелание ее продолжать. Но только мнение это сложилось уже в процесс революции и сильно отражалось в себе слишком субъективное восприятие действительности. В сознании Набокова вырисовывался единственно разумный выход — сепаратный мир**).

*) Станкевич центр тяжести из области проявления "народной души", не принимавший войны, переносит в область объективных материальных данных. Он утверждает, что после речи ген. Корнилова в Исп. Ком. "все заколебались в возможности продолжения войны": разстройство транспорта, тиф и чума, свирепствующие на фронте в силу чрезвычайного недостатка продуктов и т. д. Хотя повествование Корнилова относится к до-революционному времени, "ясно" было, что дело должно было в этом отношении "еще ухудшиться". Вывод мемуариста, на превеличественно-сгущенном фон фактов, едва ли может быть признан обоснованным.

**) Мемуарист вспоминает письмо, полученное им с фронта от гр. Игнатьева. Корреспондент писал, что надо отдать себе отчет в том, что война кончилась, потому что армия "стихийно не хочет воевать": Умные люди должны придумать способ ликвидации войны безболезненно, иначе

Набоков высказал свое убеждение Милюкову, который "решительно" не согласился, однако, с этим и считал, что "без войны скорый бы все разошлось".

Наличие таких разговоров не отрицает и официальная сводка Алексева — их слышали, как было упомянуто, депутаты Янушкевич и Филоненко, в одном полку первой армии при объезде Северного фронта. Командующий 5-ой армией на Северном фронте Драгомиров в донесении Рузскому 29-го марта совершенно ясно определил эту психологию "опасного свойства", которая стала замечаться в его армии после "победного успокоения" "в первые дни", и которая свидетельствовала, по его мнению, об упадке боевого настроения. "Первые дни подрыв — писал Драгомиров — ко мне приходили полки, стоявшие в резерве, с заявлением своей готовности по первому моему требованию идти, куда угодно, и сложить голову за родину". На практике "крайне неохотно отзывались на каждый приказ идти в окопы...". "Все помыслы солдат обращены на тыл. Каждый только думает о том, скоро ли ему очередь идти в резерв, и все мечты сводятся к тому, чтобы быть в Двинске. За последние дни настойчиво живут мыслью, что они достаточно воевали, и пора их отвести в далекие тыловые города, а на их место поставить войска Петроградского округа и других больших городов".

Большевицкие исследователи спешат (не слишком ли опрометчиво!) сделать вывод: мир — "таков был первый непосредственный вывод каждого солдата", полученного известие о революции. Правда, сама по себе эта несколько иная постановка вопроса, нежели та, что формулируется словами: "под знаком отрицания войны родилась русская революция". Подобная концепция связана с утверждением, принявшим, естественно, парадоксальный вид у Троцкого: "Революция обнаружила то, что случилось до нее"... "безнадёжно было нравственное состояние. Его можно определить так: армии, как армии, уже не было". Парадокс поддержал Чернов: новой властью армия "была унаследована от старой в состоянии еле сдерживаемого разложения. Не революция разложила армию. Противоположное мнение основано на том, что только после революции это подспудное разложение целиком вышло наружу". Тайное стало явным. "Что раньше проявлялось в ней спорадически, в виде отдельных внезапных судорожных конвульсий, то проступило ясной для всех наружной сиюминутностью". Этот тезис развивал и Керенский в воспоминаниях, предназначавшихся для иностранных читателей — он утверждал, что в армии к 17 году исчезла "всякая дисциплина". Еще раньше, в качестве формального главы революционной армии, на московском Государств. Совещании, Керенский шел дальше и называл старую армию, связанную "ненавистными цепями механического принуждения", "трупом на глиняных ногах и почти без головы".

Конечно, отрицать наличие до революции явлений, которые мо-

жет произойти катастрофа». Набоков показал письмо военному министру. Тот ответил, что он получает такие письма массами и приходится «надёяться на чудо».

*) Любопытно, что наиболее яркий случай отказа «идти на позиции» в 5-ой армии, считавшейся командным составом наименее «благополучной» со стороны эскадронов (арест офицеров), связан с такой бытовой деталью: полк считал несправедливым идти в окопы в пасхальную ночь, так как он стоял на позиции в эту ночь в предшествующем году.

гут быть отнесены к числу признаков "разложения" армии на фронте, не приходится, равно, как и зарождение "солдатской вольницы" в тылу. Соответствующие приметы могут быть многочисленны, начиная со свидетельств ген. Крымова, прибывавшего с фронта и утверждавшего в Петербурге среди общественных деятелей (по крайней мере в передаче Родзянко — явно преувеличенной) за несколько месяцев до переворота, что армия "постепенно разлагается" и что "в течение зимы может просто покинуть окопы и поля сражения". "Из сказанного ясно — замечает мемуарист Родзянко — что почва для окончательного разложения армии имела на лицо задолго до переворота"... Еще более мрачную картину "разложения армии" в конце 16 г. набрасывала записка петербургского жанд. управления в октябре 16 г., передавая отчасти наблюдения кадетских парламентариев и уполномоченных земского и городского союзов, рисующих "чудовищную картину жизни тыла и настроения войск", которая предвещает "скорый конец войны". В этих наблюдениях, переданных через жандармских эскадронных командиров, "моральное разложение" войск сопровождается подчас с ростом в них настроений революционных... Очевидно, это не одно и то же. И записка сама совершенно парализует свой вывод, сообщая наблюдения тех же "уполномоченных", что "дух армии был бы великоколепен, если бы был хотя несколько выше состав офицеров"...

Останемся в пределах понятия "разложения армии" в прямом смысле слова. Каждый лишний день войны, дававший пищу для "пораженческой" пропаганды, должен был усиливать симптомы, грозившие целостности и боеспособности армии, как это наблюдалось на всех фронтах сражавшихся держав*). Но не всякая заразная бактерия, вошедшая в организм, обязательно приводит к болезни. Болезнь возникает все-таки тогда, когда бактерии захватывают весь организм, т. е. то да, когда организм перестает сопротивляться. Было ли это в русской армии накануне переворота? Конечно, нет. Неужели не прав был Алексеев, отнюдь не скрывавший болезненных симптомов в жизни старой армии и говоривший в критический момент революции на августовском московском Госуд. Совещании, что в "руки новой власти поступила армия, которая способна была выполнить и даже свой долг и вести многострадальную Россию к скорому окончанию войны". Это была армия относительно "прочная и твердая", сохранившая свою "внутреннюю дисциплину" и сознание своих "нравственных обязанностей", несмотря на все, что может, темные стороны своего быта. Опровергать это положение могут публицисты и политики, но не историки. "Смешно и неумно", по мнению Чернова, сваливать вину за разложение армии на революцию, но с еще большим правом такие эпитеты могут быть приложены к утверждениям противоположного характера. Факт слишком очевиден: если не февральский переворот сам по себе, то дальнейший ход революции содействовал постепенному распаду армии — вовсе не надо быть "реакционером", как думает Керенский, чтобы "поддерживать"

подобную версию. Однако, все преувеличения, как в ту, так и в другую сторону, надо отвести в плоскость обостренного чувства восприятия современников или позднейшей политической полемики*). На военном совещании в Ставке 17-18 дек. шестнадцатого года, исполнявший тогда временно обязанности Алексея ген. Гурко на пессимистическую оценку Русского исключительно неблагоприятных условий, в которых находится Северный фронт, имевший такое распропагандированное гледище, как Рига, добавил, как видно из официального протокола, замечание, что, если бы действительность вполне соответствовала этому пессимизму, то противник давно прорвал бы фронт**). В параллель к той трезвой оценке, которую давал Гурко на декабрьском совещании в Ставке, можно сказать, что вопреки многочисленным авторитетным свидетельствам военных специалистов, фронтовые армии, несмотря на все последующие эксперименты, которые производили над ними кентальские выученики, в течение восьми месяцев революции сохраняли боевые возможности до последнего дня своего существования***), т. е. в течение всего до-большевистского периода революции организм армии противостоял зараженным бактериям.

Наиболее ярким проявлением разложения армии должно было явиться дезертирство с фронта. Современная молва до февральской революции доводила это явление в старой армии в годы войны до колоссальной цифры в 2 миллиона чел. Ген. Гурко в своих воспоминаниях называет подобное утверждение "легендой", — и это действительно было легендой, родившейся в дни военных неудач в 15-м году****). Припомним заявления министра вн. д. Щербатова в исторической обстановке, царившей в Совете Министров в дни летнего кризиса и описанной в протокольных записях Яхонтова, заявления о "появлении" сдачи в плен под влиянием пораженческой пропаганды. Военные историки

*) Чернов спорит с Деникиным, Керенский с Миллюковым. Последний «в виду опубликования большевиками новых архивных документов» вынужден был после длительной полемики внести «оговорку» в свое изложение, отрицавшее революционную концепцию Керенского. («Еще факты». «Посл. Нов.» 17 ноября 27 г.). Соответствующая поправка сделана в «Росси́ на переломе» — в труде, в котором Миллюков стал приближаться к традиционной «революционной» концепции.

**) Обобщение в каждом отдельном случае требует критического анализа и следующей за ним оговорки. Наглядную иллюстрацию можно найти в утверждениях, раздававшихся на декабрьском совещании в Ставке. Брусилов, подтверждая замечания Русского, приводил в качестве примера 7 Сиб. корпус, прибывший на юго-западный фронт из русского района «совершенно распропагандированным, люди отказывались идти в атаку; были случаи возмущения, одного ротного командира подняли на штыки, пришлось принять круглые штыки, разстрелять несколько человек, переменить начальствующих лиц, и теперь корпус приводится в порядок». А вот полк. Никитин в качестве офицера при нем. штаба 7 армии, где корпус приводился в порядок, имевший возможность «специально» и «близко» наблюдать 7 Сиб. корпус в действительности, дает совершенно иную характеристику поведения «неадекватного» корпуса перед революцией в условиях позиционной борьбы, тяжелые которых «трудно придумать»: под Бржезанами «полк не дрогнул» — «дух героя командира (ген. Ступина), дух старого русского солдата был с ними»...

***). См. мою книгу «Как большевики захватили власть».

****). Не трудно найти и источник легенды — это записка членов Особого Совещания, исчислявшая потерю «людского запаса» в 2 милл. — военнопленных, оставшихся в занятых неприятелем областях, уклонившихся, эмигрантов и пр.

*) Иллюстрацию дают воспоминания Пуанкаре. Историк германской революции Штребель, принадлежащий к числу «левых» социалистов, так охарактеризовал в своей работе «развал германской армии»: он «начался не с июльских дней 1918 года; он медленно, но неуклонно подготовлялся на протяжении нескольких лет. Безконечная длительность войны, позиционная война и походная жизнь подточили боевую силу и поколебали дух армии».

старой школы присоединяются к мнѣнію ген. Гурко и склонны ограничиться признаніем лишь скромной официальной цифры дезертиров — около 200 т. Но метод измѣняется, когда дѣло касается революцій — здѣсь вѣдь всякой статистики старая ходячая цифра в 2 милл. выступает, как нѣчто-песомѣнное: проф. Перс, прикомандированный к русской арміи и имѣвший связи в общ. кругах, утверждает даже в предисловіи к книгѣ Керенскаго, что двухмилліонной цифрѣ дезертирство достигло в первые два мѣсяца революціи. Откуда заимствовалъ англійскій историк свои свѣдѣнія? Вѣроятно, он механически повторилъ ходячую цифру, ибо в основной своей работѣ он ссылается только на свои личныя воспоминанія — так, очевидно, “говорили”. 2 милліона в два мѣсяца — это чрезвычайная гипербола, которую ввел на страницы своих исторических работ о русской революціи и ген. Голенин*). В концѣ концов реальных данных, свѣдѣтельствующих об увеличеніи в революціонное время дезертирства по сравнению с тѣм, что было до переворота, нѣтъ. Если бы уже в мартѣ происходило такое массовое бѣгство с фронта, которое было облегчено отсутствіем надзора в тылу, то не стал бы Алексѣев в официальном рапортѣ в апрѣлѣ отмѣчать фактъ недѣльнаго дезертирства (с 1 по 7 апрѣля) с Сѣвернаго и Западнаго фронта в размѣрѣ 8 тыс. человек. Очевидно, эта цифра казалась выходящей из ряда обычных. “Эпидемія дезертирства” в революціонное время носила нѣсколько специфическій характер — это было как бы дезертирство “временное”, мотивом котораго являлось опасеніе, что солдаты на фронтѣ при даровом раздѣлѣ земель останутся без надѣла. Черту эту отмѣтил на Сѣверном фронтѣ Рузскій, жаловавшийся в письмѣ в Ставку 17 марта на “значительное дезертирство” в его арміи, оговариваясь, что точных свѣдѣній об этом явленіи пока не имѣется. Говорит об этом Перс, изображая дѣло в крайне преувеличенном видѣ и объясняя пропагандой большевиков, призывавших армію расходиться для того, чтобы принять участіе в раздѣлѣ земли. В первые два мѣсяца вліяніе большевиков на армію было совершенно незначительно, и оставленіе фронта никогда массоваго характера не имѣло. Любопытен фактъ, отмѣченный нѣкоторыми членами Врем. Комитета, бывшими на фронтѣ, что временные “де-

зертиры”, возвращаясь в полкъ и узнавъ о продленіи срока явки дезертиров, объявленном правительством, “немедленно бѣгут обратно на родину”.

Если бы “армія” не было к моменту революціи, она при стихійном напорѣ и необходимости еще большаго наденія дисциплины, разналась бы в нѣсколько дней или недѣль. Внутренняя сопротивляемость “хрупкаго организма” арміи свидѣтельствует о ея дореволюціонной крѣпости. Нѣмцы из окопов кричали: “Русь капут. Русь революція” — передает в своей запискѣ 12 марта бытовую сцену на одном из участков фронта ген. Цихович. Как же реагировала на первых порах на это “Русь” — уже революціонная? Отнюдь не сочувственными возгласами: долой войну — лозунгами, запечатлѣнными будто бы в сердцахъ каждаго солдата еще до переворота. Можно привести сотни примѣров, почерпнутых из источниковъ разнаго происхожденія. Обратимся к цитированному уже “письму офицера” с гвардейскаго фронта, гдѣ так рѣзко проявилась в дни революціи сословная рознь между офицерами и солдатами, и гдѣ особенно “ликовали” вѣмцы. И вот отвѣтъ солдатской массы: ...“Сегодня ночью — пишет автор в письмѣ 11 марта — была страшная ураганная канонада правѣ нас. Оказалось, что вѣмцы наступали на семеновцев, но были отбиты. Солдаты рассказывали, что офицеры говорили, что ничего не будет, и приказывали людямъ спать в своихъ норах, что солдаты им не повѣрили, всю ночь простояли у бойниц, а к утру пошли три вѣмцкихъ цѣпи — и пакляли же имъ они”... Днем под звуки марсельезы, замѣнившей національный гимн, происходитъ парадъ с красными флагами вновь награжденных георгіевскихъ кавалеров. Автор письма подводитъ итогъ в смыслѣ боевого настроенія: “В атаку пойдем, как одинъ человекъ, как ходили в началѣ войны. Но пусть насъ ведетъ не Гольговер. Иначе солдаты опять скажут, что онъ хочет отъ нихъ отдѣлаться... подарить вѣмцамъ русскіе трупы”. Это требованіе, прокатившееся, какъ было указано, по всему фронту*), само по себѣ представляетъ показательное явленіе и отнюдь не можетъ служить доказательствомъ неудержимаго стремленія к “замиренію”. В особой арміи для характеристики настроеній можетъ быть отмѣчено еще одно проявленіе патріотизма, навѣяннаго переворотом. Если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ (эту оговорку и мы готовы сдѣлать вслѣд за авторомъ “Хроники”, откуда заимствуемъ свѣдѣнія), къ лучшему команданту с 3 по 16 марта явилось свыше 25 т. дезертировъ с просьбой отъправить ихъ на фронтъ. Что такое боевое настроеніе, наблюдавшееся в Особой арміи, отнюдь не было какимъ то явленіемъ исключительнымъ, совершенно опредѣленно вытекаетъ изъ тѣхъ официальныхъ армейскихъ сводокъ, которыя легли в основу записки ген. Алексѣева Правительству. В нашемъ распоряженіи имѣется детальная сводка о настроеніяхъ в арміяхъ, расположенныхъ на Западномъ фронтѣ (къ сожалѣнію, она напеча-

*) Оно можетъ быть отмѣчено и на томъ рижскомъ плацдармѣ, который представлялъ распропагандированное «гнѣздо» на Сѣверномъ фронтѣ. В памятной запискѣ, поданной военному министру в 20-х числахъ марта отъ имени 379 офицеровъ XII арміи и подписанной в первую голову командиромъ латышскаго полка Вацетисомъ (извѣстнымъ впоследствии большевикомъ командармомъ), требовалось удаленіе с командныхъ должностей всего «нѣмецкаго элемента балтійскаго происхожденія».

*) Для двухмилліоннаго исчисленія дезертировъ во время революціи онъ примѣнилъ такую своеобразную статистику. Взявъ общую цифру 15 милл. призванныхъ к 1 ноября 17 г. и исключивъ соответствующія цифры убитыхъ (убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ) и наличный составъ дѣйствующей арміи и запасныхъ ея частей, онъ получилъ недостатокъ в 15 милл. человекъ. Это и есть, по его мнѣнію, дезертиры; прибавивъ сюда официальную цифру дезертировъ в 365 т. и 400 т. укрывшихся в разныхъ революціонныхъ военныхъ комитетахъ, онъ получилъ цифру в 2 милліона! И нѣтъ дѣла военному историку до несовершенства официальной военной статистики, сдѣлавшейся еще болѣе случайной в бурные годы революціи. игнорируетъ онъ и фактъ, установленный всѣми правительственными войсковыми комиссарами, что в дни наступленія «дезертиры» изъ числа членовъ исполнительныхъ комитетовъ, в подавляющемъ большинствѣ случаевъ оказывались в первыхъ рядахъ активно сражавшихся. Насколько произвольна военная статистика, руководящаяся головнымъ принципомъ исчисленія, видно изъ расчисленій другого военнаго историка Керсановскаго, который весь «недостатокъ» для дореволюціоннаго времени относитъ в рубрику убитыхъ.

Соответствующій матеріалъ дается в моей книгѣ «Легенда о сепаратномъ мирѣ».

тана в работѣ Шляпникова и в собраніи документов, озаглавленном "Разложение арміи", лишь в значительных выдержках). В донесеніях полковых командиров, начальников дивизій и корпусов дается дѣлая гамма разнообразных и противорѣчивых настроеній: одни признают, что "революціонная волна повліяла отрицательно" на армію, другие утверждают, что "порыв и воодушевленіе... не изменились"... В концѣ концов сравнительное число положительных и отрицательных оцѣнок имѣет второстепенное значеніе, если учесть возможную субъективность даваемых отзывов в зависимости от настроеній самого командного состава. Один из информаторов, ген. Киселевскій, так и объяснил "значительную долю пессимизма" в отзывах начальников отдѣльных частей корпуса, находившагося под его началом (9-й арм. корпус) — он должен быть отнесен "за счет настроевія офицеров и начальников, которые еще не имѣют реальных данных, чтобы вывести иное заключеніе". Важна наличность характеристик (их немало), типичным образом которых можно признать донесеніе командира 169 пѣх. полка, отмышлявшаго большой подъем духа и стремленіе довести войну до побѣднато конца". Возьмем лишь нѣсколько примѣров из сообщеній начальников крупных войсковых частей. "Переход к новому строю вызвал подъем духа в войсках" — спидѣлствовал командующій гренадерским корпусом Парскій: "вначалѣ были довольно крупны недоразумѣнія... постепенно все начинает успокаиваться". Кузьмин-Караваев, командующій 31 арм. корпусом, доносил, что "протекшія событія всколыхнули всѣх, внесли нервнось, возбужденность, недоувѣріе в рядѣ войск" и в то же время в войсках замѣчается "громадное воодушевленіе, рвеніе в бой". "Войска боеиспособность не утратили и будут драться молодцом" — писал Сокольников, командир 38 арм. корпуса. "Войска 1-го Сибирскаго корпус., по словам ген. Теплева, сохранили твердый внутрениій порядок и боеиспособность на должной высотѣ". "Высокій подъем духа" (наряду "с упадком дисциплины и взаимным недоувѣріем офицеров и солдат") — отмышчал Макѣев, нач. 1 кавк. гренад. дивизіи и т. д.

Общее заключеніе в сводкѣ по Западному фронту гласило: "мнѣнія большинства начальствующих лиц сходятся на том, что дисциплина в войсках упала; доувѣріе между офицерами и солдатами подорвано; нравственная упругость и боеиспособность войск значительно понизились". Однако, это "общее заключеніе" дѣлает оговорку: "многіе начальники утверждают, что послѣ переворота стремленіе войск к побѣдѣ осталось, а в нѣкоторых частях даже усилилось". "Большинство начальствующих лиц смотрит на будущее спокойно и надѣется, что через 1-2 мѣсяца (к половинѣ мая) боеиспособность войск будет восстановлена". Такой итог в сущности дает лучший отвѣтъ на вопрос, как повліяли февральско-мартовскія событія на состояніе арміи и устанавливает ограничительные предѣлы, в которых должна разсматриваться проблема. Если временный главнокомандующій Западным фронтом Смирнов (Эверт вышел в отставку) был осторожен в выводах своего рапорта в Ставку, то даже в нѣсколько повышенных тонах писал свое заключеніе главнокомандующій Юго-Зап. фронтом Брусилов: "Революціонное движеніе не отразилось пока на нравственной упругости и духѣ арміи. Сейчас организм арміи прочен, дух их высок и даже по-

вышел, они полны порыва, жажды побѣды, в которую они вѣрят**). Можно было объяснить этот оптимизм впечатлительностью "маловдумчиваго" Брусилова, рассчитывавшаго на свое "военное счастье" (такая характеристика дается ему в дневникѣ Алексѣева), или его опортунизмом, отмѣчаемым современниками — он стремился занять пост верховнаго главнокомандующаго**). Но официально выраженное Брусиловым мнѣніе было подтверждено особой телеграммой военному министру, подписанной всѣми командующими арміями Юго-Западнаго фронта — и среди них Щербачевым и Каледниным. Телеграмма говорила, что на военном совѣтѣ 18-го единогласно рѣшено, что "наступленіе вполне возможно" (это наша обязанность перед союзниками, перед Россіей и перед всѣм міром) и, что "арміи желают и могут наступать". Телеграмма заканчивалась словами: "мнѣніе Петрограда о ея (арміи) состояніи и духѣ не может рѣшать вопрос; мнѣніе арміи обязательно для Россіи; настоящая ея сила здѣсь на театрѣ войны, а не в тылах".

Настроеніе "военнаго задора", столь опредѣленно выявившееся в нѣкоторых воинских частях и нарушавшее искусственную схему всякаго рода кептальских выучеников, нельзя было просто стереть с исторических скрижалей — тѣм болѣе, что такіа настроенія отнюдь не являлись минутным возбужденіем, результатом порыва от слишком сильнаго внутренняго толчка, который дал переворот. Такиа настроенія были довольно длительны и упорны. Резолюціи и соотвѣтствующія требованія с фронта (не только с фронта, но и от тыловой периферіи) продолжали настойчиво поступать в центр и говорили о "шовинистическом", как выразился меньшевик-интернационалист Суханов, настроеніи арміи или "полушовинистическом", как отговаривались молодые историки из коммунистической школы Покровскаго... Суханов говорит, что послѣ опубликованія Совѣтом деклараціи 14 марта к міровой демократіи (о пей ниже) резолюціи поступали сотнями по адресу Врем. Прав. и Совѣта. Довольно типичной будет резолюція комитета офиц.-солдат. депутатов 42 пѣх. див., заявлявшаго, что лишь "побѣднйй конец войны может закрѣпить свободу", и что Совѣтъ должен "облегчить" правительству дальнѣйшее веденіе войны. За резолюціями, присылаемыми с фронта, слѣбовали и личныя представленія через особых посланцев. Делегация 2-го моторпо-понт. бат. протестовала перед лицом Родзянко против призывов к заключенію преждевременнаго мира и заявляла, что армія будет поддерживать Правительство при условіи "доведенія войны до побѣднато конца". Выборные от 31 части фронтовых войск докладывали военному министру, что "неясные приказы", требующіе прекращенія войны, "раздражают и должны исчезнуть". Аналогичныя заявленія дѣлались не только на приѣмах у членов Пра-

*) То же утвержденіе прошло красной нитью в рѣчи Брусилова при приѣмѣ в Кіевѣ членов Гос. Думы.

**) Напр., в дневникѣ Селивачева имѣется записъ: «несомнѣнную карьеру дѣлает Брусилов: хитрый старик, видя окружающее, первый стал заигрывать с народом». Приспособляемость к общественному мнѣнію Селивачев увидит даже в том, что в свое время Брусилов, единственный из главнокомандующих, дал «идеальную аттестацію» земским организациям на фронтѣ, когда хоѣли их уничтожить по причинѣ их «яко бы бесполезности», а на самом дѣлѣ считая их «революціонными».

вительства, но и в самом Совѣтѣ. Вот одно из обращеній, напечатанное в "Бирж. Вѣд." от имени солдат и офицеров пѣхотнаго полка, находящагося на передовых позиціях: "Здѣсь на фронтѣ мы, солдаты и офицеры, спокойно и радостно приняли вѣсть о спасеніи Россіи и, если боялся, то только одного, что нам, благодаря проiscaм уже появившихся темных-сил, не дадут закончить побѣду, начатую внутри Россіи... Безрезультатный конец войны покроет вѣчным позором имя Россіи. Наши союзники не простят нам предательства. И неужели новая Россія должна быть заклеена измѣной. Мы, солдаты и офицеры, сохраняем полное единство мнѣній... Несмотря на предательски направляющую волю стараго правительства в теченіе почти трех лѣтъ тяжелой войны, армія все-таки сумѣла сохранить свою мощь, столь необходимую для конечной побѣды... Было бы преступно разрушить это, и пусть не смущают слабых духом крики из Россіи: "долой войну". Вы побѣдили врага внутреннего, дайте же нам побѣдить врага внешнего... Не трогайте армію, не мучите ее крайностями, надо помнить, что она может равно спасти и равно погубить Россію".

Приѣзжавшим с фронта делегаціям "оборонческая позиція" Совѣта представлялась неприемлемой, — это засвидѣтельствовал никто иной, как один из членов Испол. Ком. Горев, которому было поручено принимать эти делегаціи. Слѣдовательно, не так уже был нецѣпен докладчик о войнѣ на мартовском съѣздѣ к. д., вернувшійся с фронта Щепкин, в своем утвержденіи, что лозунги "долой войну" или "война в ничью" — эти главные лозунги февральско-мартовских дней, по словам Троцкаго — встрѣчают в арміи "страшнѣйшее негодование". Такое сужденіе отнюдь не было только субъективным воспріятіем человека, желавшаго видѣть в дѣйствительности подтвержденіе своих личных взглядов.

Упомянутый Горев скажет, что всѣ резолюціи с фронта этого времени не отражали подлинных настроеній и желаній солдатских масс, ибо онѣ вырабатывались "почти исключительно армейской интеллигенціей" — тѣми "межеумочными" интеллигентами, которые, по характеристикѣ Суханова, шли на поводу у "буржуазіи". Шовинистическій задор первых недѣль явился результатом планомѣрно организованной агитаціонной кампаніи. Резолюціи повторяли как бы хорошо "заученный урок". Доля истины ищется в этих одновременно преувеличенных и упрощенных заключеніях. Напр., интеллигентскій характер процитированнаго выше обращенія делегаціи пѣхотнаго полка в Совѣт несомнѣнен. Была и нѣкоторая директива из центра. Так, напр., Селивачев записывает 18 марта со слов приѣхавшаго из Петербурга подп. Каминскаго, что желательнo, чтобы "по организаціи комитетов тѣ выносили резолюціи о довѣрїи Врем. Правительству, подтверждая это телеграммами послѣднему, что необходимо, как противовѣс Совѣту Р. и С. Д., видимо, желающему подорвать престиж правительства". Патріотическіе "заученные уроки" во всяком случаѣ не меньше показательны, чѣм всякіе иные митинговые трафареты, свидѣтельствующіе о настроеніях противоположных*). Молниеносных результатов пропаганда не

*) Относительную цѣнность этих резолюцій, как нельзя лучше, характеризуют строки из воспоминаній извѣстнаго московскаго большевickaго дѣятеля Смирновича, который рассказывает, как т. Кастреловская (старая

дает, если только она не падает на соответствующую почву и не находит среды, адекватной цѣлям, которых стремится достигнуть. В первые дни послѣ переворота организованной пропаганды на фронтѣ не было, и тѣм не менѣе мы видѣли примѣры довольно яркаго проявленія "военнаго задора".

Еще болѣе характерным надо признать "шовинистическія" проявленія в запасных частях петербургскаго гарнизона, среди котораго до переворота велась "пораженческая" пропаганда, и который в дни переворота находился в непосредственном контактѣ с рабочими кругами, естественно болѣе пропитанными крайностями Циммервальда. И нѣсколько неожиданно Шляпников признает, что "буржуазіи" и "оборонцам" и первое время на столичных митингах удалось создать "буквально погромное настроеніе против большевиков", т. е. против послѣдовавшаго отрицанія войны. Во время первых манифестацій воинских частей у Таврическаго дворца, т. е. манифестацій, которыя не могли быть хорошо подготовлены и извнѣ инспирированы (особенно "буржуазіей"), на знаменах красовались лозунги: "война до полной побѣды". По утвержденію Суханова, депутат Скобелев, тов. пред. Совѣта, за какое то неосторожное слово о войнѣ "был чуть не поднят на штыки"; такая же судьба едва не постигла какую-то неизвѣстную большевичку, при приѣмѣ Родзянко запаснаго батальона Семеновскаго полка крикнувшую "долой войну". Таким образом "дѣвный" мемуарист цѣлком подтверждает наблюденія "праваго" мемуариста кн. Мансырева, засвидѣтельствовавшаго, что в Петербургѣ разговоры против войны в первые дни вызвали негодование. Довольно знаменательно, что делегаты Московскаго Совѣта соед. деп. на собраніи, гдѣ обсуждалась организація предполагаемой 12 марта обще-совѣтской демонстраціи мира, согласились в ней участвовать при условіи, что не будет плакатов "долой войну" ("Рус. Вѣд.").

Сам Суханов в своих "записках" почувствовал бросающіяся в глаза натянутость и фальшь антивоенной характеристики массовых настроеній и говоривил о "мужицко-казарменной" психологіи — о той "толпѣ атавизма" и "примитивнаго націонализма", которые должна была преодолѣть революція. Вѣдь этим все и сказано. Идеологическая платформа циммервальдцев всѣх отбѣнков была чужда психологіи масс в момент, когда произошла революція, и нужно было время и благопріятствующія внѣшнія условия для того, чтобы большевickaя пропаганда, облачившись в ленинскія формы, возымѣла надлежащее дѣйствіе. (См. "Золотой ключ"). В предѣлах марта обстановка была иная. Поэтому искусственным и рискованным представляется тезис, который пытается защитить военный историк Головин, принявшій без критики фактическую канву троцкистской схемы. Я говорю о том "психическом коллективном процессѣ отказа от борьбы", который якобы назрѣл в массах к моменту революціи, и осознать который мѣшала интеллигенціи ея оторванность от низов — попытка идти наперекор стихіи вела государство к гибели*).

С такой апріорной характеристикой народных переживаній свя-
большевичка) желала в партійном органѣ печатать резолюціи «не так, как снѣ принимались».

*) См. «Россійская контр-революція». Методы и выводы ген. Головина.

зывается столь же априорное суждение о примитивности патристических устремлений масс, не понимавших государственного смысла слова "отечество". Ген. Селівачев в дневникъ от 11 марта опредѣлилъ это так: "Ожидать счастливаго окончанія для нас войны невозможно... Выборный начальник "хам", не зная Россіи и не понимая ея исторических задач, несомнѣнно будетъ разсуждать так, как и его гражданин-солдат, который знаетъ только свою волость и ее только считаетъ своимъ отечеством". Не поддаваясь соблазну сдѣлать экскурсу в область народной психологіи, ограничимся лишь замѣчаніемъ, что в ходячей формулѣ: "мы — пензенскіе, тамбовскіе или вятскіе", столь часто находящей себѣ мѣсто в мемуарных откликах*), в сущности в гораздо большей степени проявляется фигуральное выраженіе довольно элементарной истины, что Россійская Имперія в силу своихъ географических, топографических и экономических условий располагаетъ огромными оборонительными ресурсами, которыхъ нѣтъ в другихъ европейскихъ странахъ — ресурсами, в борьбѣ с которыми можетъ спастись самая усовершенствованная военная техника. В дни второй міровой войны фландрское пораженіе, предопредѣлившее судьбу Парижа, означало для Франціи катастрофу; захватъ 11 русскихъ губерній (правда, польскихъ, незначительныхъ по размѣрамъ), в эпоху перваго мірового катаклизма, никакой государственной катастрофы Россіи не предвѣщалъ. Во времена Наполеона западно-европейская практика установила необходимость капитуляціи страны при захватѣ непріятелемъ столицы. Военный гений французскаго полководца не ожидалъ встрѣтить иного в варварской Москвѣ — надежды его оказались обманчивыми и стнють даже не в силу особаго народно-патрістическаго подъема (исторія 1812 года полна прозы). Означало ли это, что "Россія", какъ таковая, ничего не говорила крѣпостному населенію, какъ яно бы не говорила и черезъ столѣтіе народу, освобожденному отъ помѣстнаго ига? Отнюдь нѣтъ**).

Воспроизведемъ в видѣ иллюстраціи довольно яркую сцену, описанную в мартовскомъ дневникѣ 17 г. ген. Болдыревымъ. В Псковѣ 5 марта парадъ. Войска по "нелѣпому" распоряженію нач. гарнизона Ушакова выведены безъ оружія "в видѣ какой-то сборной команды". "В глаза рябило отъ красныхъ ленточекъ и флаговъ с надписью: "Да здравствуетъ Свободная Россія". На мѣстѣ собралась огромная толпа. Настроеніе, какъ сообщили в штабъ, "крайне тревожное". Надо было найти выходъ для скопившейся энергіи. И Болдыревъ своимъ зычнымъ голосомъ, поздравивъ войска с переходомъ к новому государственному строю, крикнулъ: "Да здравствуетъ Россія!" "Раздалось бѣшенное "ура"... Толпа ревѣла вмѣстѣ с солдатами, чувствовалось, что... в этотъ моментъ толпу, охваченную и взвинченную до послѣдняго предѣла, легко можно было бросить и на подвигъ, и на преступленіе"... Послѣ "нѣ-

сколькихъ горячихъ словъ" Болдыревъ заявилъ, что главнокомандующій будетъ удивленъ, видя войска на парадѣ "безоружными", и приказалъ разойтись по квартирамъ и прибыть вновь в "положенномъ уставомъ видѣ". Отвѣтъ — "громовое ура". Парадъ состоялся. Говорилъ Рузскій — "тихо, тепло, по-отечески". Его любили, и при отъѣздѣ ему была устроена овація и войсками, и народомъ, хотя "вензеля на его погонахъ с буквой Н какъ-то особенно коробили глаза среди моря революціонныхъ знаковъ"...

Русская армія неразрывно связана съ мужицкой Русью. Никакой подготовленности, никакимъ носторожнымъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ нельзя объяснить тотъ фактъ, что во *всѣхъ* революціяхъ, принимавшихся на крестьянскихъ собраніяхъ в мартѣ, требовалось довести войну "до побѣднаго конца" и сохранить неприкосновенность территоріи. Если вліяніе большевиковъ в деревнѣ было незначительно*), то связи с партией, выставившей на своемъ знамени "Земля и воля", были значительны. В партиі сильно было и циммервальдское теченіе. Очевидно, не крестьяне должны были приспособляться къ своимъ политическимъ руководителямъ, а обратно. Не приходится поэтому поддерживать тезисъ, получившій извѣстную популярность в нѣкоторыхъ русскихъ общественныхъ кругахъ и нашедшій откликъ в первыхъ обзорѣхъ революціонныхъ событій, которыя вышли изъ-подъ пера иностранцевъ (напр. Chessin), — тезисъ, согласно которому, русскій солдатъ на войнѣ сражался не за Россію, а за Императора и с устраненіемъ этого символа отпали побудительныя причины для героизма и жертвенности.

2. — Побѣдоносная война.

Официальная версія происхожденія революціи, данная партійнымъ ораторомъ в Учредительномъ Собраніи, не можетъ быть отнесена къ числу концепцій историческихъ, ибо в значительной степени противорѣчитъ фактамъ. Не потому ли "вождьъ партіи" Черновъ, вступивъ уже на стезю историческую и опредѣляя источники "рожденія февральской революціи", присоединился къ другому объясненію: "рѣшающую роль в наступленіи революціи сыграла военная неудача, когда передъ "общественнымъ мнѣніемъ и народнымъ сознаніемъ" вырисовался "фактический проигрышъ войны". Тогда "страна попробовала спастись революціей". Такая точка зрѣнія нѣсколько неожиданна, ибо коммунистическими писателями она всецѣло приписывалась "буржуазіи", которая пыталась революціонному перевороту придать характеръ "возмущенія военными неудачами Царя". В дѣйствительности это объясненіе почерпнуто изъ общественныхъ переживаній болѣе ранняго времени — неудачъ 15 г. и первыхъ разговоровъ о "дворцовомъ переворотѣ" — психологіи, с нѣкоторымъ запозданіемъ переданной Родзянко в послѣреволюціонныхъ воспоминаніяхъ и реально не соответствовавшей личнымъ его настроеніямъ передъ революціей. Наканунѣ революціи сознаніе о "фактическомъ проигрышѣ войны" уже не могло быть, а тѣмъ болѣе убіжденія, что "военная энергія арміи была уже какъ бы пулею на излетѣ,

*) Припомнимъ, что ген. Янушкевичъ в 15 г. эту формулу развѣивалъ в официальномъ обращеніи къ Совѣту министровъ; в дни революціи она фигурируетъ в устахъ извѣстнаго издателя Сытина, в дневникѣ Гиппиусъ и т. д.

**) Эти строки пишутся в рѣшающій для Россіи моментъ. Каковы бы ни были ближайшія послѣдствія германскаго продвигненія вглубь страны, характеръ, который пріобрѣтаетъ война на обширной территоріи россійской равнины в 1941-42 г.г., какъ бы подтверждаетъ законъ «евразійской» самобытности.

*) Не показательно ли в этомъ отношеніи свидѣтельство Махно, что в деревняхъ, прилегающихъ къ району знаменитаго Гуляй Поля, будущей резиденціи анархическаго «батки», в первые четыре мѣсяца революціи вообще большевиковъ не было.

бессильно отскакивающей от груди неприятеля". Продолжавшиеся разговоры о перспективах "сепаратного мира", как пытались мы показать, (см. мою книгу "Легенда о сепаратном мире") в значительной степени были агитационным политическим орудием. Даже компромиссная концепция, которую в худшем случае допускал в середине 16 г. в. кн. Ник. Мих. — ни победителей, ни побежденных, не ставилась уже в сознании оппозиционной общественности: "мы не хотим мира без победы" — заявлял ее лидер с кафедры Гос. Думы 15 февраля 17 г.; Миллюков, по компетентному свидетельству Набокова, до революции "глубоко вѣрил в "побѣдный конец".

В дни революции старая концепция была подновлена: переворот произошел во имя побѣдоносного окончанія войны*) (Госуд. Дума вступила в борьбу с пластью "ради победы" — гласило обращение моск. гор. Думы 28 февраля) и достиженія исторических задач, лежащих перед Россійской Имперіей. Руководящая идея революции заключалась в побѣдѣ над германским империализмом — утверждал Родзянко в московском Государственном Совѣщаніи. Наиболее ярким выразителем этих империалистических чаяній передовых слоев "буржуазіи" был, как извѣстно, сам лидер этой "цензовой" общественности и первый министр ин. д. революціоннаго правительства. Его рупором на ролях народнаго трибуна был депутат Родичев, со свойственным ему пафосом зажигавшій слушателей на митингах заманчивой перспективой будущаго величія Россіи. В первый момент революціи едва ли мог найтись среди политических дѣятелей такой оптимизм, который стал бы объяснять петербургскій солдатскій бунт и рабочую забастовку с призывами "долой войну!", "долой самодержавіе", осуществленіем отдаленных "національных" чаяній. Палеолог рассказывает, что 4-го Миллюков посѣтил послов (Франціи, Англіи и Италіи). Прежде чѣм начать формальный разговор, французскій посол попросил официальнаго гостя высказать свое откровенное сужденіе о положеніи вещей. В порывѣ искренности (так казалось послу) Миллюков отвѣтил: "в теченіе 24 часов я переходил от полнаго отчаянія почти к полной увѣренности. Мы не хотѣли этой революціи перед лицом врага**). Я даже ее не предвидѣл: она совершилась помимо нас... Теперь дѣло идет о спасеніи Россіи, ведя войну до послѣдняго, до победы". Но Миллюков ничего реальнаго не мог еще сказать послам — вѣдь в соглавательную почву вопрос о войнѣ остался открытым. Палеолог был неудовлетворен: люди, которые пришли к власти, по его мнѣнію, не имѣли ни опредѣленной точки зрѣнія, ни необходимой смѣлости в такой тревожный момент; надо в рядах Совѣта искать энергичных людей с инициативой. Первый "манифест" новаго правительства по своему

*) Керенскій в «Extrême» говорит, что революція отчасти родилась, как протест против перспектив сепаратнаго мира. Он лишь повторил слова Церетелли в Гос. Совѣщаніи 17 г. «всѣ знают, что, если бы не было русской великой революціи, мы в настоящій момент имѣли бы сепаратный мир».

**) В противорѣчіе с послѣдующей схемой 17 г. Миллюков 3 марта 16 г. говорил в Гос. Думѣ: революція в Россіи непременно приведет нас к пораженію». Шингарев на VI кадетском сѣздѣ в февралѣ 16 г., по утвержденію сыскных информаторов, утверждал, что взрыв народнаго отчаянія похоронит побѣду над Германіей. Как мы видѣли, по свидетельству современников, так и воспринял Шингарев революцію 27 февраля.

сдержанному тону о войнѣ привел посла даже в негодованіе: хотя и была упомянута кѣрность союзным обязательствам и обѣщана война до побѣды, но ничего не было сказано о прусском милитаризмѣ и о цѣлях союзников. Дантоп и Гамбетта говорили по другому. Свое недовольство Палеолог тотчас же выразил министру ин. д., на что послѣдовал отвѣт: "предоставьте мнѣ время", причем министр обѣщал найти в ближайшій срок повод удовлетворить дипломатических представителей союзных держав.

Повод представился 11 марта, когда послы вручали в Маринском дворцѣ новому, признанному державами, правительству свои доверительныя грамоты. В отвѣтной рѣчи русскій министр сказал: "Временное Правительство, одушевленное тѣми же намѣреніями и проникнутое тѣм же пониманіем задач войны, как и союзные с нами народы, нынѣ приносит для осуществленія этой задачи новыя силы. Великія идеи освобожденія народностей и созданія прочных международных отношеній — идеи, осуществленіе которых невозможно без рѣшительной борьбы, нынѣ получают новую и твердую опору в идеалах русской демократіи. Два новых препятствія стоят на пути осуществленія этих идеалов. Одно заключается в тѣх стремленіях наших противников достигнуть мирового преобладанія за счет других народов, которые явились главной причиной мирового конфликта. Мы всѣ сознаем громадную опасность этих стремленій и мы твердо рѣшились вмѣстѣ с вами употребить всѣ силы и принести всѣ жертвы для окончательнаго устраненія их и для созданія условій прочнаго мира путем рѣшительной побѣды. Но было и другое препятствіе: это наш старый порядок, нынѣ разрушенный. Государственная Дума и вся страна убѣдились, что при этом порядкѣ, лишившем нас всякой возможности организовать страну для рѣшительнаго національнаго усилія, побѣда нами достигнута быть не может. Это убѣжденіе сдѣлалось даже первым источником совершеннаго народом переворота. Могу вас увѣрить, что исход этого переворота не может противорѣчить его причинѣ. Взгляните кругом — и вы увидите, что желанія ваши уже осуществились*). Рабочіе уже стоят у станков, порядок уже господствует на улицах — дисциплина возстаетъ въ войсках. И по мѣрѣ того, как сглаживаются эти второстепенныя черты, сопровождающія всякую насильственную перемѣну, все ярче вырисовывается перед нами ея основная сущность. Вмѣсто старой власти сам народ стоит пред вами во всеоружіи своей силы. И эту силу он приносит для скорѣйшаго осуществленія тѣх великих задач, за которыя в теченіе двух с половиною лѣтъ мы вмѣстѣ с вами боремся и несем несчетныя жертвы. Мы рады встрѣтить с вашей стороны правильную оцѣнку нашей силы, удвоенной переворотом"... В тот же день на приемѣ иностранных журналистов Миллюков высказался еще опредѣленнѣе: "русская революція произведена была для того, чтобы устранить препятствія на пути Россіи к побѣдѣ".

Такая версія происхожденія революціи могла быть дана только

*) От имени союзников на правах старѣйшины дипломатическаго корпуса правительство пріѣзжавшаго англійскій посол, выразившій надежду, что Правительство сдѣлает «все возможное, чтобы довести войну до побѣднаго конца, оставаясь на стражѣ порядка и національнаго единства и стремясь к возобновленію нормальной работы на заводах и к обученію войск и поддержкѣ дисциплины в арміи».

потому, что в настроениях, проявившихся в массах в первые дни, раздалась, как бы, созвучная ей нота. Но, конечно, это созвучие было только внешним, поскольку речь идет о той формулировке национальных задач, какую через 10 дней дал министр ин. д. Накануне партийного съезда, 22 марта, в беседе с журналистами по поводу вступления Соед. Штатов в войну, Миллюков разъяснил смысл “победного конца” — тогда было сказано о жизненном значении для России приобретения Константинополя и проливов, при чем министр отметил, что этими претензиями русские “ничуть” не посягают на национальные права Турции, и что никто не в праве бросить России упрек в “захватных тенденциях” — обладание Царьградом всегда считалось национальной задачей России*).

Интеллигентские построения, рожденные в умах кабинетных теоретиков вне реальных условий жизни, всегда будут чужды психологии народных масс. Трудно себя представить, что через 2½ года изнурительной войны, всей своей тяжестью легшей на хребет трудового народа, могли бы найти хоть какой-либо отклик призывы к осуществлению таких весьма проблематичных и спорных “исконных национальных задач”, к числу которых следует отнести “византийскую мечту”**). Народ, “несмотря на то, что сэр, отлично понимает основы государственной мудрости” — утверждал на съезде к. д. Н. Н. Щепкин, характеризуя настроения солдат на Западном фронте. Вероятно, этот “народ” мог бы только присоединиться к словам Короленко, написанным в письме к другу 18 июня 16 г.: “Я не вижу в войне ничего кроме печальнейшей необходимости”. Никакая идеологическая война никогда не будет воспринята и осознана в массах независимо от их культурного состояния. Это значит, что победный конец реалистично мог мыслиться в народном сознании только, как “замирение”***), при условии, что немедь будет прогнан с русской территории. Идеологическая война в те годы вообще была чужда психологии демократии — ее квалифицированным представителям из интеллигенции. Отвлеченная концепция, вдохновлявшая, напр., старых народников Крапоткина и Чайковского, которые видели оправдание мировому катаклизму в борьбе

*) Аргументация Миллюкова относительно ничем не отличалась от исторической необходимости, которую давали немцы адепты «социал-империализма». Различие было лишь в субъектах, в сторону которых должны были направляться мировые события (см. кн. ген. Штретель «Германская революция»). Станюкович выкопал в писаниях Миллюкова в начале войны даже такой пассаж: *история и политика* (см. книгу «Легенда о сепаратном мире»), полагал, что вся Восточная Пруссия должна быть превращена в новую остзейскую губернию.

**) Ей мы посвятили достаточно внимание. (См. книгу «Легенда о сепаратном мире»). В предреволюционное время вопрос о проливах продолжал занимать внимание морских общественных кругов, как видно из дневника Рейнгартена. Ему посвящена «беседа вторая» по текущим вопросам — 4 февраля. Но формулируется «византийская мечта» только, как экономическая проблема: «Владение проливами представляет для нас не цель империалистических стремлений, а характер необходимости... «Требуя проливы, мы должны дать обязательство дальше не идти... «Мы должны требовать минимум территории при проливах. Этот минимум определялся из стратегических соображений»...

***) Так в массах до революции воспринималась даже пораженческая проповедь. См. воспоминания анархиста Максимова.

двух культур — латинской, несущей мировой прогресс, и германской, знаменующей собой реакцию в Европе, не имела корней в революционной среде. Среди видных представителей демократии было немало таких, которые, будучи одинаково чуждыми циммервальдским настроениям и толстовскому пацифизму и примыкая к позиции “оборончества”, стояли в стороне от психоза войны с его нездоровой атмосферой националистического задора — в их представлении национальные интересы России властно требовали конца войны, поэтому Плеханов в концепцию идеологической платформы вносил поправку — прекращения “кровавой войны” и соглашения с Германией с момента, как там произойдет революция. Таким образом лозунг “до победного конца” сам по себе в среде демократии получал ограничительное толкование.

3. — Вокруг советского “манифеста”.

“Безумным и преступным ребячеством звучит эта корявая прокламация: “...немедленное прекращение кровавой бойни”, — записывает Гиппиус в дневнике 9 марта по поводу одного выступления большевиков... “В этом “немедля” только может быть или извращенное толкование или неприкрытое преступление. Но вот что нужно и можно “немедля”. Нужно, не медля ни дня, объявить именно от нового русского нашего правительства русское новое военное “во имя”... Конкретно: необходима абсолютно ясная и твердая декларация насчет наших целей войны”. Что же надо сказать русскому народу? На это пытался ответить такой психолог народной души и знаток народного быта, как Короленко, в статье “Отечество в опасности”, напечатанной в газетах 15 марта.

Обращение писателя вызвано было возмущением Времен. Правительства, написанным Набоковым, в котором недвусмысленно говорилось о “надвигающейся и уже близкой” опасности со стороны внешнего врага: “...прислушайтесь! Назревают и вскоре могут наступить грозные события. Не дремлющий, еще сильный враг уже понял, что великий переворот, разрушивший старые порядки, внес временное замешательство в жизнь нашей родины. Он напрягает последнее усилие, чтобы воспользоваться положением и нанести нам тяжкий удар. Он стягивает, что может, к нашему фронту. С наступлением весны его многочисленный фронт получит свободу действий и станет угрожать столицам. Враг вложит все силы свои в этот напор. Если бы ему удалось сломить сопротивление наше и одержать победу, это будет победа над новым строем, над освободившейся Россией. Все, достигнутое народом, будет отнято этим ударом. Прусский фельдфебель примется хозяйничать у нас и наведет свой порядок. И первым делом его будет восстановление власти Императора, порабощение народа”. В обращении военного министра еще определеннее говорилось, что по полученным сведениям “немцы, узнав о происшедших в России событиях, спешно стягивают силы к Северному фронту, рвущим нанести удар Петрограду”.

Многим впоследствии казалось, что Правительство сознательно несколько форсировало, по тактическим соображениям, положение, но, повидимому, нависшая угроза в те дни казалась реальной под влиянием телеграммы Алексея 9 марта о подготовке немцами “сильного удара в направлении на Петроград”... Исполнявший фактически обязан-

ности верховного главнокомандующего, настаивая на принятии "самых решительных и энергичных мѣр к уничтоженію поводов разложенія арміи", указывал, что операции нѣмцев могут "заставить нас совершенно очистить направление на Петроград", и что нѣмцы "в іюлѣ мѣсяцѣ могут при удачѣ достигнуть столицы. Потеря же столицы, в которой сосредоточено главнѣйшее производство боевых припасов, знаменует собой наше поражение, конец войны, кровопролитную междоусобную войну и ярмо Германіи. Надо твердо и опредѣленно помнить, что нынѣ *ест без различія партій* не только вполне примирятся с происшедшим переворотом, но и будут привѣтствовать свободу Россіи лишь при условіи доведенія войны до побѣдоноснаго конца*). В противном случаѣ вѣ всякаго сомнѣнія значительная часть населенія припишет неудачи тому, что переворот произведен в настоящее время, будут искать виновников, будут мстить и междоусобица неизбежна". Позже Алексѣев признал ошибочность своих предположеній и 30-го писал Гучкову, что "нѣтъ никаких реальных данных, указывающих на продвиженіе нѣмцев".

По поводу этой надвигающейся опасности и написал Короленко. Позиція его столь показательная, что приведем из нѣскольких позабытой статьи большую цитату: "Телеграммы военного министра и Временнаго Правительства быют тревогу. Опасность надвигается. Будьте готовы. К чему? К торжеству свободы? К ликованію? К скорѣйшему устройству будущаго? Нѣтъ, к сраженіям, к битвам, к пролитію своей и чужой крови. Это не только грозно, но и ужасно. Ужасно, что эти призывы приходится слышать не от одних военных, чья профессія — кровавое дѣло войны на защиту родины, но и от нас, 70 писателей, чей голос звучит естественнѣе в призывах к любви и миру, к обществу братству и солидарности, кто всегда будил благородную мечту о том времени, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся... Тревога звучит, ширится, облекает страну. Я желал бы, чтобы голос нечести звучал, как труба на зарѣ, чтобы подхватить его, передать дальше, разнести всюду до самых дальних углов, заронить в наименѣе чуткія сердца, в самыя безпечныя души. Тревога. Смотрите в одну сторону. Дѣлайте в эти дни одно дѣло, им довольнее. С запада идет туча, какая когда-то надвигалась на Русь с востока. И она готова опять покрыть тѣнюю родную землю, над которой только что засіяло солнце свободы. До сих пор я не написал еще ни одного слова с таким призывом, но не потому, чтобы я и прежде не считал обязательной защиту родины. Правда, я считал безумной свалку народов, озарившую кровавым пожаром европейскій міръ и грозящую перекинуться в другія части свѣта, великим преступленіем, от ответственности за которое не свободно ни одно правительство, ни одно государство. И когда наступит время мирных переговоров, то, по моему глубокому убѣжденію, эта истина должна лечь в основу для того, чтобы этот ужас не повторился. Нужно быть на стражѣ великаго сокровища — мира, которое не сумѣли оберечь для нас правительства коро-

лей(?) и дипломаты. Когда это несчастье готово было разразиться (я говорю это искренне и с сознаніем всего значенія слова), я не пожалѣл бы отдать остаток жизни тѣм, кто мог бы с каким-нибудь вѣроятіем успѣха противодействовать этому безумію дѣятельною идеею чело-вѣческаго братства. Она давно зародилась в благороднѣйших умах и пускала уже ростки в челоуѣчествѣ. Да, за это дѣло стоило бы отдать жизнь, если бы была малѣйшая надежда удержатъ море вражды и крови. Но ростки международного братства еще безсильны, как игрушечныя плотины перед порывом моря, и ничего удержатъ не могли. Это не упрек идеѣ международного братства. Слабая вначалѣ идея часто со временем завоевывает міръ. Но теперь, пока она слаба, в дѣйствительности она может служить опорой благородной мечтѣ, утѣшеніем, но не средством защиты. Это дальній огонь, но не указаніе ближайших путей в виду страшной опасности. А рѣчь идет именно о том, что надвигается, что уже близко, что закрывает нам свѣтъ, требует немедленнаго отвѣта. Оно может на столѣтіе положить тяжелый гнет на жизнь поколѣній. Вот почему я чувствую повелительную обязанность заговорить о предметѣ, мнѣ не свойственном в обычные дни, чтобы передать моим согражданам свою тревогу. Россія только что совершила великое дѣло, свергла вѣсковое иго... Если бы теперь нѣмецкое знамя развернулось над нашей землей, то всюду рядом с ним развернулось бы также мрачное знамя реставраціи, знамя возстановленія деспотическаго строя... Для отраженія этой опасности Россія должна стоять у своего порога с удвоенной, с удесятенной энергіей. Перед этой грозой забудем распри, отложим споры о будущем. Долой партійное мѣстничество. Долой — призыв к раздорам. Пусть историческая роковая минута застанет Россію готовой. Пусть всѣ смотрят в одну сторону, откуда раздается тяжелый топот германца и грохот его орудій. Задача ближайшаго дня — отразить нашествіе, оградить родину и ея свободу... Оставим же будущему дню его злобу и его вопросы. Теперь одно вниманіе, вниманіе в этот великій рѣшительный час. Нужно не только радоваться и пользоваться свободой, но и заслужить ее до конца. А заслужить можно одним — послѣдним усиліем для отраженія противника. Работа на фронтѣ и в тылу, на всяком мѣстѣ, до отраженія опасности, до конца великой войны. Может быть, это время уже близко; близок день, когда на великое совѣщаніе мира явятся в семью европейскій народов делегаты Россіи и скажут: мы вошли в войну рабами, но к концу ея приходим свободными. Выслушайте же голос свободной Россіи. Она скажет теперь не то слово, которое сказали бы царскіе дипломаты. У Свободной Россіи есть, что сказать на великом совѣщаніи народов, которое должно положить основы долгата прочнаго мира".

Хотя "циммервальдцы" из Исп. Ком. возмущались тѣм, что статья знаменитаго писателя появилась в "Извѣстіях" без всяких комментариев, она в основном, которое опредѣляло *реальную* политику дня в отношеніи войны, звучала почти в унисон с напечатанным в тот же день обращеніем к "народам всего міра", принятым Совѣтом. Это было в сущности обращеніе к "пролетаріату", даже с привычным с. д. лозунгом "пролетаріи всѣх стран соединяйтесь". "Наша побѣда, — гласило воззваніе, — есть великая побѣда всемірной свободы и демо-

*) Ген. Селивачев записал в дневник 4 марта: «Все министерство из числа октябристов, лѣвых и трудовиков — это явная гарантія за то, что ни о каком сепаратном мирѣ в Германіи и мечтать не будут... Не это ли начало конца Германіи?».

кратин. Нѣтъ больше главнаго устоя міровой реакціи и “жандарма Европы”... Русский народ обладает полной политической свободой. Он может нынѣ сказать свое властное слово во внутреннем самоопредѣленіи страны и во внѣшней ея политикѣ. И обращаясь ко всѣм народам, истребляемым и разоряемым в чудовищной войнѣ, мы заявляем, что наступила пора начать рѣшительную борьбу с захватными стремленіями правительств всѣх стран, наступила пора народам взять в свои руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ. И мы обращаемся к нашим, братьям пролетаріям австро-германской коалиціи и прежде всего к германскому пролетаріату. С первых дней войны вас убѣждали в том, что, подымая оружіе против самодержавной Россіи, вы защищаете культуру Европы от азіатскаго деспотизма. Многіе из вас видѣли в этом оправданіе той поддержки, которую вы оказали войнѣ*). Нынѣ не стало и этого оправданія: демократическая Россія не может быть угрозой свободѣ и цивилизації. Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакціонных посягательств — как изнутри, так извнѣ... Русская революція не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внѣшней военной силой. Но мы призываем вас: сбросьте с себя иго вашего самодержавнаго порядка подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластіе; откажитесь служить орудіем захвата и насилія в руках королей, помѣщиков и банкиров, и дружескими объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человѣчество и омрачающую великіе дни рожденія русской свободы”...

Прочитав совѣтское воззваніе 14 марта, Гиппиус записала: “не плохо, несмотря на нѣкоторыя мѣста... Сущность мнѣ близка... Общій тон отнюдь не “долой войну” немедленно, а наоборот “защищать свободу своей земли до послѣдней капли крови”. “Манифест” 14 марта был первым официальным выраженіем отношенія Совѣта к войнѣ. “Очень хорошо, — замѣчала Гиппиус в дневникѣ, — что Совѣтъ РД по поводу войны, наконец, высказался. Очень нехорошо, что молчит Вр. Пр. Ему надо бы тут пересказать Совѣтъ, а оно молчит, и дни идут и даже неизвѣстно, что и когда оно скажет. Непростительная ошибка. Теперь, если и надумают что-нибудь, все будет с опозданіем, в хвостѣ”.

Совѣтскій документ явился результатом компромисса. Проект “манифеста” первоначально составлен был Горьким, но он не удовлетворил членов Исп. Ком. Взятъ его передѣлать Суханов. “Тут были двѣ Сциллы и двѣ Харибды”, — вспоминает он в своих позднѣйших “Записках”: “надо было, с одной стороны, соблюсти “циммервальд”, т.е. тщательно избѣжать всякаго “оборончества”, а с другой стороны надо было “подойти к солдату”, мыслящему о нѣмцѣ по старому, и надо было парализовать всякую игру на “открытіе фронта” Совѣтом, на Вильгельма, который “слопает революцію”. Эта противорѣчивость требованій заставила танцовать на лезвіи под страхом скувырнуться в ту, либо в

*) Соціал-демократическая печать нѣмецкая (печать большинства) опредѣляла позицію приблизительно так: ...«Пока Московія не связана по рукам и по ногам и не повержена в прах, не должна быть закончена война, призванная освободить Европу от Азіи, исключить Россію из европейской политикѣ» (Rheinische Zeitung).

другую сторону. И, конечно, это не могло не отразиться роковым образом на содержаніи манифеста. Во-вторых, Сцилла и Харибда были в самых условіях прохожденія манифеста через Исп. Ком.: правые тянули к прямому и откровенному оборончеству, социал-патріотизму, совпадавшему... с солдатско-обывательским настроеніем. Лѣвые, напротив, как огня, боялись “шовинизма”... Именно всѣм этим, в огромной степени, объясняется слабость этого важнаго документа революціи**).

Обстановка засѣданія Совѣта 14-го при обсужденіи “манифеста” подчеркнула очень ярко, вопреки намѣреніям Суханова и других, как раз тут именно “сущность”, которую отмѣтил процитированный выше дневник не “совѣтскаго” общественнаго дѣятеля. Это сдѣлали, прежде всего, “незаконные комментаріи” самого предсѣдателя Совѣта. Чхеидзе сказал: “Наше предложеніе не прекраснѣе, не мечта. Вѣдь, обращаясь к нѣмцам, мы не выпускаем из рук винтовки. И прежде, чѣм говорить о мирѣ, мы предлагаем нѣмцам подражать нам и свергнуть Вильгельма, свергнушаго народ в войну, точно так же, как мы свергли наше самодержавіе. Если нѣмцы не обратят на наш призыв вниманія, то мы будем бороться за нашу свободу до послѣдней капли крови. Предложеніе мы дѣлаем с оружіем в руках. Лозунг воззванія — “долой Вильгельма!” Тут же “выборный командир” Измайловскаго полка обратился к собранію с горячей рѣчью: “я — старый солдат... Сейчас... рѣшается вопрос, быть или не быть Россіи и завоеванной ею свободѣ... Единодушными усилиями мы вмѣстѣ должны создать порядок, чтобы тѣсными рядами отстоять Россію и русскую свободу”. В повышенной атмосферѣ собранія потонули инсинуаціи Стеклова о контр-революціонной Ставкѣ, с которыми так неумѣстно выступил этот дѣятель перед обсужденіем воззванія к народам всего міра на торжественном декларативном засѣданіи. Естественно, что Суханову происшедшія манифестаціи представлялись “свадебными пѣснями на похоронах”.

Не только Короленко и Гиппиус нашли созвучныя ноты с совѣтским “манифестом” 14 марта — “вдохновенная” рѣчь Родичева через двѣ недѣли, на съѣздѣ партіи к. д., вызвавшая, по отзыву отчета “Рус. Вѣд.”, энтузіазм в собраніи, в сущности говорила о той же борьбѣ “за свободу всѣх народов” и опредѣляла пѣль войны для Россіи, как защиту ея свободы и самостоятельности. Кадетскій бард говорил только о “любви к отечеству”, не упомянув даже о выполненіи тѣх исконных “національных задач”, которыми министр ин. д. революціоннаго правительства опредѣлял свою политику. Константинополь и проливы на съѣздѣ проскользнули лишь в повторных репликах во время преній**).

*) Как видно из воспоминаній Станкевича, представителя “трудовой группы” в Исп. Ком., «правые» считали рискованным выступленіе Совѣта со словом «мир». «Дойдет ли оно до народов міра и какое произведет там впечатленіе — неизвѣстно. Но ясно, что до нашего фронта оно дойдет немедленно и поставит перед арміей слишком осязательно и практически представленіе о мирѣ, что может только ослабить и так небольшіе остатки боеспособности фронта»... «Послѣ дискуссіи в Комитетѣ и послѣ принятія оговорки о готовности русской демократіи бороться дальше за справедливый мир», трудовики голосовали за воззваніе.

**) Любопытно, как видный дѣятель партіи, извѣстный государствовѣд Кокошкин, фактически входившій в состав правительства, мотивировал в

Таким образом общий язык мог быть найден. Станкевич утверждает, что в Исп. Ком. “со слов делегации, сносящейся с Правительством, была полная уверенность, что Правительство не только не возражает, но даже солидарно с манифестом”... Перед Таврическим дворцом проходили вновь манифестирующие толпы — проходили они под окнами квартиры Мережковских, и писательница записывала: “Надписи на флагах... “война до побѣды”, “товарищи, дѣлайте снаряды”, “берегите завоеванную свободу”. Продефилировали и “первый революционный Павловский полк”, и волинцы, и семеновцы, и литовцы. Гремѣла марсельеза и раскатывалось могучее “ура”. “К полкам выходили и приветствовали их — и думские и советские люди. Из праваго крыла на-лицо был неотлучно Родзянко. Он имѣл неизмѣнный успѣх” — вспоминает Суханов. “Было красиво, пышно, торжественно. Был подъем, было видно, как по новому бьется сердце”, — должен признать мемуарист, как и то, что “внутренние” лозунги (“земля и воля”, “8-час. раб. день”), проходили среди “внѣшних”. Внѣшними были: “война до побѣднаго конца”, “солдаты в окопы, рабочие к станкам”, “товарищи, готовьте снаряды”*). Из Таврическаго дворца нѣкоторые полки шли в Ген. Штаб, гдѣ говорил Корнилов, и гдѣ повторялись приблизительно тѣ же сцены. С криками “ура”. Корнилова носили на руках.

Дѣло не ограничивалось резолюціями и плакатами: “рабочие к станкам”. Солдатскія письма с фронтов предъявляют требованіе работать усиленно на оборону, не считаясь с “восьмичасовым рабочим днем” — теперь “не время” праздновать; представители фронтовых организаций, прибывающіе в столицу, начинают ходить “по заводам в боевом вооруженіи” и контролировать. В ближайшія двѣ недѣли в Петербургѣ создалось очень острое положеніе: “отношенія между солдатами и рабочими достигли крайняго напряженія”, — так характеризует обстановку Суханов. “С часа на час можно было ожидать эксцессов... Разсвирѣпѣвшій воин-мужик мог... пустить в ход винтовку против... внутреннего врага”, по выраженію мемуариста. “Минутами чувствовалось, что должна разразиться гроза”, — говорит другой современник, принадлежавшій к большевицкой фалангѣ, провинціал, попавшій в эти дни в Петербург, (предсѣдатель нижегородскаго Совѣта, Штерн). По мнѣнію этого делегата Совѣщанія Совѣтов, собравшагося в концѣ мѣсяца, между фронтовыми делегатами и представителями рабочих столь велико было “недовѣріе”, что казалась невозможной “никакая совместная работа”. Столичныя настроенія или вѣрнѣе настроенія фронтовых передавались в провинцію, гдѣ также можно зарегистрировать столкновенія солдат и рабочих.

Слишком было бы упрощено объяснить создавшееся напряженіе

соотвѣтствіи с упомянутым интервью Милюкова необходимость для Россіи пріобрѣтенія проливов: они давно принадлежат не Турціи, а Германіи. И проливы будут или германскими, или русскими. Провидцем Кокошкин оказался плохим.

*) Можно было наблюдать и столь неподходящую для революціи надпись на знамени одной казачьей части: «выкупаем в германской крови наших лошадей». «Извѣстіям» не нравился популярный среди солдат лозунг: «война до побѣды», и они предлагали замѣнить его словами «война за свободу».

только агитаціей злокозненной “буржуазіи”, пытавшейся “вбить клин между арміей и городом”. Безспорно эта агитація была и принимала подчас организованныя формы, вызывая столь же страстное противо-дѣйствіе со стороны революціонной демократіи. Описанное возбужденіе совпало со “стоховодской панамой”, как назвал в дневникѣ ген. Селивачев прорыв нѣмцев “червищенскаго плацдарма” на берегу Стохода (21 марта). Русская военная неудача — первая послѣ переворота — произвела сильное впечатлѣніе и была непосредственно связана с событіями внутри страны — “первым предостереженіем” назвала ее “Рѣчь”*). Эту неудачу постарались использовать в цѣлях агитаціонных, хотя, по существу, стоховодскій прорыв в районѣ 3 арміи на Юго-Западном фронтѣ, как опредѣленно устанавливал тактическій анализ хода боя, сдѣланный Алексѣевым в циркулярной телеграммѣ главнокомандующим фронтами 25 марта, в значительной степени объяснялся ошибками командованія (ген. Леш был отстранен), и войска оказали паступающему врагу мужественное сопротивленіе (“бой продолжался цѣлый день”, при чем войска понесли потери в 12-15 тысяч). Итог искусственнаго взвинчиванія настроенія получился не в пользу здороваго естественнаго роста патріотизма, ибо агитаціонная кампанія “обузданія” рабочих превращалась при содѣйствіи уличной печати в “гнусную клевету” на рабочій класс, как выразился Церетелли в Совѣщаніи Совѣтов. Демократическій “День” давал тогда мудрый совѣтъ: “Не дергайте дѣйствительность за фалды, не взнуздывайте ни армію, ни рабочій класс уколами отравленных перьев”... Мудрые совѣты в дни революціоннаго возбужденія рѣдко выслушиваются.

Не имѣем ли мы права сдѣлать, как будто бы, довольно обоснованное предположеніе, что, если бы осуществились опасенія ген. Алексѣева, и нѣмцы начали наступленіе, волна намѣчавшагося патріотическаго возбужденія поднялась бы на еще большую высоту и потопила бы всѣ ба-циллы циммервальдской заразы. Щепкин на съѣздѣ к. д., конечно, преувеличивал, когда говорил, что “народ требует, чтобы каждый из нас, способный носить оружіе, шел бы в армію”**). Но из искры могло разгорѣться пламя. Нѣмцы пошли, однако, по другому пути — Стоход был явленіем единичным***). Революціонная армія сохранила свою упругость сопротивленія, и всѣ слухи, что нѣмцы “с востока убрали все, без чего мало-мальски можно было там обойтись”, не соотвѣт-

*) На кадетском съѣздѣ Щепкин связал «стоховодскую панаму» с обращеніем Совѣта к демократіи всего міра — нѣмцы в отвѣтъ пустили волну газа, от которой погибла масса народа (по свѣдѣніям Алексѣева отравлен-ных газами насчитывалось около 800 человек).

**) Подмѣненное наблюдательным общественным дѣятелем «требованіе» народа в большей степени относилось к тѣм представителям боевого патріотизма, которые прочно окопались в революціонном тылу и из своего бѣста произносили патетическія и обличительныя рѣчи. Их слова на тему: «хоть рубашку с нас снимите, но Россію спасите», опредѣленно звучали фальшиво.

***) Из телеграммы Ставки о Стоходѣ явствует, что эта операція была задумана еще до начала русской революціи. Алексѣев говорил: «в теченіе послѣдних пяти недѣль по свѣдѣніям, получаемым, как от плѣнных, так и путем воздушной развѣдки, совершенно опредѣленію намѣчалось стремленіе противника произвести атаку против нашего плацдарма на лѣвом берегу Стохода... Представлялось вполне опредѣленным, что противник попытается произвести наступленіе с наступленіем оттепели».

ствовали действительности. К моменту революции Ставка определяла количество неприятельских дивизий на русском фронте в 127; в конце апреля число дивизий почти не изменилось — 128. Немецы сдвигали ставку на разложение армии и наступлением, по признанию Людендорфа, боялись задержать разложение России. В наступивших революционных буднях “циммервальдский блок”, колебавшийся в своей компромиссной политике и шедший под влиянием жизни на уступки, не только получил мощную опору, но и руководство в лице путешественника из “пломбированного” вагона (см. “Золотой Ключ”). Это уже история последующего. В период, определяемый хронологическими датами нашего изложения, дилемма, поставленная Лениным в “апрельских тезисах”, еще не могла возникнуть. Характерно, что большевистский офицер “Правда” 28-го марта писал, что лозунгом партии является не дезорганизация армии, не безодержательное “долой войну”, а давление на Вр. Пр. с целью заставить его открыто перед всей мировой демократией выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленным переговорам о способах прекращения войны*).

Могла ли общественная эмоция, искусственно несколько взвинченная, направить патриотизм масс в сторону внутренней перелицовки войны — сдвигать ее сущность “совсем другой”? Могла ли война, “затяжная царем”, и полученная “революцией” в наследие от старого режима, превратиться в войну “революционную”, т. е., в соответствии с заветами XVIII века, на солдатских пытках нести в другие страны идеи освобождения? Как будто бы, в мартовские дни такая мысль никого не вдохновляла — такие мотивы, пожалуй, звучали позднее в некоторых речах Керенского**). Но эта мысль высказывается в исторической работе одного из главных деятелей революции, правда, в марте находившагося еще в эмиграции и непосредственных ощущений от начала революции не имевшего. По мнению Чернова, “изменить лик войны” можно было бы “попытаться”, если бы вопреки дороге этой попытки не стоял тот факт, что к моменту революции “военная энергия армии была уже как бы пулею на излет, бессильно отскакивающей от груди неприятеля”. Тот же автор истории “рождения революционной России” очень отчетливо показал всю рискованность исторического метода “маскарадного офранцуживания русской революции”: там война родилась из революции, и в силу этого первая же война новой Франции против наступающей монархической коалиции приняла “естественно и спонтанно характер революционных войн”. Использовать патриотизм в таких целях в России без сильного толчка извне было невозможно: едва ли ошибалось петербургское охранное отделение, когда в записке конца 16 г., характеризуя основное настроение масс, писало: “все ждут не дождутся, когда кончится эта проклятая война”. Может быть, именно поэтому так трудно было отыскать

“правду” в подлинном настроении солдат, когда дело касалось наступления: “правды не сыщешь”, — записал Селивачев 19-го марта.

4. — Фатальная недоговоренность.

Военное командование думало о наступлении не в смысле, конечно, изменения характера войны*) и даже не в смысле отвлечения армии от внутренних вопросов, а в смысле выполнения принятых Россией на себя обязательств перед союзниками. По первому впечатлению от революции Алексеев, как было уже указано, решительно отказался от немедленного выполнения дореволюционных обязательств и переносил возможный срок для “решительных операций” на июнь-июль, считая необходимым до этого времени держаться “строго оборонительного плана действий” (ответное письмо Гучкову 12-го марта). 18-го марта начальник французской военной миссии Жанен переслал Алексееву телеграмму ген. Нивеля о невозможности изменить план, выработанный совместным сообщением в Шантильи — союзники настаивали на том, чтобы, “не взирая на важные внутренние события”, обязательства были выполнены, и чтобы русская армия оказала “возможно полное содействие англо-французским армиям”. К этому времени стали поступать сведения со стороны фронтовых главнокомандующих — они заставляли Алексеева изменить свою точку зрения. 30 марта он телеграфировал военному министру: “...Только ген. Рузский, указывая на то, что внутренние события отзывались на армиях восточного ему фронта “весьма болезненно”, ссылаясь на разстройство продовольственных, вещевых и артиллерийских запасов, на ненадежность укомплектований, приходится к определенному заключению о необходимости отказаться в ближайшие месяцы от выполнения наступательных операций и сосредоточить все усилия на подготовке к упорной обороне. Совершенно иначе отнеслись к этому острому большой важности вопросу главнокомандующие Западным и Юго-Западным фронтами. Оба высказали, что решительные действия наступающим летом неизбежны. Если не откормим их мы, то это сдвигает противник тогда, когда это будет выгодно и удобно ему. Отказ от содействия нашим союзникам, поставя их в трудное положение, не избавит нас от необходимости втянуться в упорные, длительные бои, но тогда, когда в свою очередь, мы не будем в состоянии рассчитывать на помощь наших союзников, в случае, их частичной или общей неудачи. Как бы ни были мы бедны в настоящее время средствами, все-же выгодно наступать, даже без полной уверенности в успехе, чем перейти к опасной обороне и обречь себя на необходимость подчиниться решению противника. Разстройство армии и ее снабжения окажет свое вредное влияние, несколько не в меньшей мере при обороне, чем при активной операции”**). Алексеев при-

*) За статью в “Правде” о “манифесте 14 марта Суханов упрекал Каменева в «оборончестве». 25-го марта, по поводу агитации в Кронштадте «побросать оружие, заклепать пушки, испортить поставленные мины», “Правда” поместила особое воззвание к гарнизону, приглашавшее не вступать подобного рода провокационными призывам.

**) Мы говорим, конечно, не о ленинской концепции превращения мировой войны во всемирную гражданскую войну под пролетарским стягом.

*) Любопытно, что победоносную Францию эпохи «великой революции» — «сильную духом и верой в светлое будущее родины», вспомнил в приказе 5 марта командующий 10-й армией ген. Горбатовский, отставленный новой властью.

**) Интересно, принимая во внимание последующую судьбу в дни революции ген. Гурко, отметить, что новый главнокомандующий Западным фронтом, в своей телеграмме военному министру 24-го марта, выражал твердую уверенность, что народ, который сумел добиться политической сво-

соединился к мнѣнію Брусилова, что при слабой устойчивости войск оборона труднѣе, и что надо “начать весеннюю кампанію наступленіем”^{*)}). Свое письмо в Ставку Брусилов заканчивал таким характерным абзацем: ...“Несомнѣнно, 1917 год — послѣдній год войны и совершенно невѣроятно, чтобы война продолжалась и в 1918 г.; таким образом, обращаясь в этом году к пассивному образу дѣйствій, мы закончили бы войну безславно... Такой образ дѣйствій возстановит против нынѣшняго Врем. Правит. не только всѣх наших союзников, но и всю Россію, и может ввергнуть нас в анархію и возбудит негодование всѣх против своего высшего командованія, и всякая дисциплина исчезнет, а демобилизация будет представлять собой еще болѣе трудное дѣло, чѣм это предполагается теперь”.

Свѣдѣній о том, как реагировало Правительство на доклад Ставки, в опубликованных матеріалах нѣтъ^{**)}). Оно цѣликом находилось под гипнозом настроеній центра — смѣлости держанія у него не было. Возможное единство настроеній еще раз было нарушено тѣм же министром ин. д. в упомянутом интервью с журналистами, 22-го марта. Гипнотизировала 25-го: “Правительство о войнѣ (о цѣлях войны) — молчит. А Милюков на днях всѣм корреспондентам заявил опять *прежним голосом* (курсив автора), что Россіи нужны проливы и Константинополь. “Правдисты”, естественно, взбѣсились. Я и секунды не оставиваясь на том, нужны ли эти чертовы проливы нам или не нужны. Если они во сто раз нужнѣе, чѣм это кажется Милюкову — во сто раз простимъ его фатальная *безтактность*. Почти хочется разорвать на себѣ одежды. Роковое непониманіе момента на свою же голову!.. Керенскій должен был официально заявить, что это личное мнѣніе Милюкова, а не пр-ва”. То же заявил и Некрасов... Хорошая дорога к “укрѣпленію пр-ва, к поднятію престижа власти...”^{***)}).

Трудно предположить, что со стороны Милюкова проявилась только “фатальная безтактность”, скорѣе надо здѣсь, как и в фатальной рѣчи 2-го, видѣть задуманный политическій маневр, плохо рассчитанный, без учета настроеній и того резонанса, который может дать выпущенный пробный шар для оправданія вѣдшей политики революціоннаго министра ин. д. Совѣтская демократія, дѣйствительно, взволновалась и не только “правдисты”^{****)}). “Циммервальдскій блок”, т. е.

боды, «должен сумѣть завоевать себѣ и политическую свободу внѣшнюю»... «Армія вполне проникнута сознаніем тѣсной связи того и другого; нужно, чтобы и весь народ в тылу и его руководители прониклись тѣм же, и тогда побѣда обезпечена, но ее нужно вырвать у врага, а не надѣяться, что она сама к нам придет вслѣдствіе неумѣлых и нерѣшительных дѣйствій противника».

^{*)} Измѣнившееся настроеніе настолько затемнило память Алексѣева, что в своем послѣдующем дневникѣ по поводу іюньскаго наступленія он записал: «в началѣ апрѣля высшіе начальники высказали мнѣніе, что о наступательных операціях немисливо думать».

^{**)} Проф. Легра в свой апрѣльскій дневник записал объясненіе Милюкова, что серьезному наступленію препятствует лишь продовольственное дѣло, которое было неосуществимо в тогдашних условіях.

^{***)} Выступленіе Милюкова было сугубо «безтактно», ибо как раз в этот момент остро стоял вопрос о «займѣ свободы». Интервью в газетах появилось в день похорон жертв революціи.

^{****)} Происходившая в эти дни в Москвѣ конференція народных социалистов, которые были как бы внѣ совѣтской общественности и ея «интер-

“лѣвые” Исп. Ком. потребовали от Совѣта организаціи широкой кампаніи в пользу мира — “мобилизовать, под лозунгом мира, пролетаріат и гарнизон столицы”, так как “сложившаяся конъюнктура угрожает революціи величайшей опасностью, улекая ее в войну без конца”. “Правые” рѣшительно возражали, считая опасным для фронта “борьбу за мир внутри революціонной Россіи”. Начались долги, бурная прерія. Протоколов засѣданій Исп. Ком. (вѣрнѣе лишь “черновых” набросков) за эти дни мы не имѣем — приходится полагаться на тенденціозную временами память Суханова. Значительное большинство высказалось за компромиссное предложеніе Церетелли (впервые присутствовавшего на засѣданіи), через Контактную Комиссію потребовать от Правительства “официальнаго заявленія” об отказѣ от завоеваній.

Представители социалистических партій в Совѣтѣ, — пишет Милюков в своей “Исторіи”, — требовали от Правительства немедленнаго публичнаго заявленія о цѣлях войны, в соответствии с формулой: “мир без анексій и контрибуцій”. Тщетно П. Н. Милюков убеждал их, что самая основа их разсчета — возможность, сговориться с социалистами всѣх стран на почвѣ циммервальдской формулы, — не существует, ибо подавляющее большинство социалистов обѣих воюющих сторон стали на точку зрѣнія національную и с нею не сойдут. Отчасти незнакомство с европейскими отношеніями, отчасти вѣра в творческую силу русской революціи^{*)}), наконец, и прямая зависимость от большевицкой (?) идеологіи, не позволили социалистам согласиться с П. Н. Милюковым в этом коренном вопросѣ интернаціональнаго міросозерданія^{**)}). Но не поддержали его и его товарищи — не-социалисты... П. Н. Милюков, уступая большинству, согласился на опубликованіе заявленія о цѣлях войны, но не в видѣ дипломатической ноты, а в видѣ воззванія к гражданам и при том в таких выраженіях, которыя

національнаго міросозерданія, «оборонческіе» взгляды которых сомнѣнно не подлежали, очень опредѣленно высказалась против каких либо «завоеваній». Формула эта была популярна, — она повторялась и в обращеніи к Совѣту Пироговскаго Съѣзда 8-го апрѣля и Учительскаго Съѣзда 10-го.

^{*)} Керенскій в Совѣщаніи Совѣтов увѣренно говорил, что измѣненіе цѣлей войны в Россіи вызовет измѣненіе этих цѣлей у всѣх держав — это «несомнѣнно», это «ясно, как день».

^{**)} «Революціонная демократія» несомнѣнно возлагала большія надежды на свой проект созыва в Стокгольмѣ, в концѣ іюня, международнои социалистической конференціи, главной задачей которой представлялась разработка «путей и средств» для «борьбы за мир». По отношенію ко времени, о котором у нас идет рѣчь, это было — будущее, ибо постановленіе Исп. Ком. относительно обращенія к социалистическим партіям и центральным профессиональным организаціям «всего міра» по поводу созыва такой конференціи, было сдѣлано лишь 20-го мая. Была ли это только «утопія»? Отмѣтим, что представитель русскаго дипломатическаго вѣдомства в Лондонѣ, К. Д. Набоков, был увѣрен, что осуществленіе этого проекта привело бы к компромиссному миру. Идея созыва стокгольмской конференціи отнюдь не принадлежала большевикам, как предполагает, напр., проф. Перс (очевидно, и Милюков). Перс, бывший в то время в Россіи и прикомандированный к англійской военной миссіи, утверждает, что он сам слышал агитацію большевиков на фронтѣ за заключеніе мира в Стокгольмѣ. Очевидно, англійскій историк не слишком глубоко проник в отношенія социалистических партій — подлинныя большевики являлись опредѣленными противниками стокгольмской затѣи.

не исключали возможности его прежнего понимания задач внешней политики и не требовали от него никакой перемены в курсах этой политики. “Заявление Врем. Правит. о делах войны” было, действительно, опубликовано 28 марта и вставлено в обращение к гражданам с указанием, что “государство в опасности”, и что “нужно наперекор всей силы для его спасения”: такая форма была придана документу А. Ф. Керенским. Основное место выражено следующим образом: “предоставляя волю народа (т. е. Учр. Собр.) в тесном единении с союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, Вр. Пр. считает своим правом и долгом ныне же заявить, что дело свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них их национального достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, как не ставит своей целью ничего порабощения и унижения. Во имя высших начал справедливости им сняты оковы, лежавшие на польском народе, и русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной, подорванной в житейских своих силах. Эти начала будут положены в основание внешней политики Вр. Пр., неизменно проводящего волю народную и ограждающего права нашей родины при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников”.

Поистинно изумительное пояснение дает дальше Милюков: “Естественно” представители Совѣта не удовлетворились “двусмысленными и уклончивыми” выражениями правительственного акта. Тогда Некрасов — это было уже на следующий день — указал им, что для них выгодно истолковать уклончивые выражения акта в своем смысле, как уступку Правительству, и на этом основании поддержать “заявление”. Эта тактика и была принята социалистической печатью. П. Н. Милюков заранее выговорил себе право, в случае, если заключенный компромисс будет толковаться односторонне, толковать его в своем смысле и раскрывать неопределенные выражения в направлении прежней своей политики, “согласной с политикой союзников и с национальными интересами России”...

Подобно тому, как в знаменательную ночь, с 1-го на 2-ое, соглашавшиеся предпочли форму умолчания, как начало примиряющее, так и теперь формально предпочли “уклончивые выражения”, которые каждая из договаривающихся сторон будет толковать в “своем смысле”. Милюков в “Истории”, однако, забыл добавить, что под влиянием критики советских представителей в правительственный документ были введены такие, напр., уточнения, как отказ от “насильственного захвата чужих территорий”, чем в корне изменялась “прежняя министерская программа”), и что дало повод “Русским Вѣдомостям” заметить, что в правительственной декларации 28-го нет и намека на “империализм”. По существу в правительственном акте ничего уклон-

чивого не было, уклончивость была только во взаимных обязательствах и во введении в некоторый обман союзнических дипломатов, так как документ, странным образом, предназначался только для внутреннего употребления. В эти дни, конечно, это стояло на первом плане. Однако, гутаперчивая политика неизбежно должна была привести к острому конфликту, что и произошло через месяц и завершилось запоздалым уходом лидера “цензовой общественности” из состава революционного правительства. Межсоюзническая дипломатия вовсе не была склонна считаться с “домашними затруднениями” России и рассматривать декларацию 28-го марта, как документ, не предназначенный для “экспорта”. Кон. Набоков доносил в Петербург (4 апреля), что в Лондоне правительственное заявление рассматривают, как отказ России от “права на Константинополь и иные территориальные приобретения”, выговоренные предшествующими соглашениями. Набоков настаивал на необходимости официально “разъяснить”, что принцип “мира без аннексий” принимается революционной Россией “не безусловно”, а постольку, поскольку он не противоречит “жизненным интересам” страны. Милюков, считавший только свою позицию в международных вопросах реалистической, а все остальные разговоры о войне “младенческими бреднями”, как откровенно выразился он после своего ухода из правительства на казачьем съезде 9-го июля, постылся истолковать в “своем смысле” мартовскую декларацию в той “разъяснительной” ноте 18-го апреля, которая и положила начало правительственного кризиса, ибо она была сделана наперекор явно выраженным пожеланиям со стороны демократии.

**

На другой день после опубликования правительственной декларации собралось “всероссийское” Совѣщание представителей Совѣтов. На очереди в порядке дня первым был поставлен злободневный вопрос об отношении к войне. Докладчиком выступил Церетели, пригласивший решение “ответственного представительства буржуазии” — Временного Правительства — “торжественно возвестить во имя “единения сил” о разрыве своей внешней политики с господствовавшей до переворота “империалистической”, “узко-классовой” точкой зрения. Это заявление есть “огромная победа всей демократии”. Поворотный момент внешней политики, по представлению докладчика, является “поворотным моментом не только для одной России” — это “факал, брошенный в Европу”, и те “идеалы, которые в настоящее время там еле морщали”, “засветятся так же ярко, как засветились и озарили они всю нашу внутреннюю политику”. Заявление Правительства не дало еще полного удовлетворения того, что желает демократия. Необходимо, чтобы Врем. Прав. вступило в переговоры с союзными правительствами для выработки общей платформы на основании отказа от аннексий и контрибуций.

Вѣроятно, оратор искренно вѣрил в свою “утопию”. В сложившейся конъюнктуре важна была не декларативная формулировка будущих международных отношений, а определение той реалистической позиции, которую “революционный народ” должен занять в отношении войны, идущей на его собственной территории. “Революционный народ

*) В составлении самого документа Милюков непосредственного участия не принял. Составлен был проект заявления теми членами Правительства, которые были в оппозиции к внешней политике министра ин. дел. Это была все та же оппозиционная «семерка».

России, — говорилось в проекте резолюции Исп. Ком., прочитанной Церетелли, — будет продолжать свои усилия для приближения мира на началах братства и равенства свободных народов. Официальный отказ всех правительств от завоевательных программ — могучее средство для прекращения войны на таких условиях. Пока эти условия не осуществлены, пока продолжается война, российская демократия признает, что крушение армии, ослабление ее устойчивости, крепости и способности к активным операциям были бы величайшим ударом для дела свободы и для жизненных интересов страны. В целях самой энергичной защиты революционной России от всяких посягательств на нее извне, в видах самого решительного отпора всем попыткам помешать дальнейшим успехам революции, Совещание Советов Р. и С. Д. призывает демократию России мобилизовать все живые силы страны во всех отраслях народной жизни для укрепления фронта и тыла. Этого повелительно требует переживаемый Россией момент, это необходимо для успеха великой революции”.

Официальной декларацией Исп. Ком. большевистская фракция противопоставила свою, придав ей отвлеченную формулировку: “Есть один способ создать тот мир, к которому стремится вся вселенная”, — говорит от имени большевиков Каменев: “этот способ — превратить русскую национальную революцию в пролог возмущения народов всех воюющих стран против молоха империализма, против молоха войны... Слишком много благородных слов прикрывало разбойную политику, восторжествовавшую и приведшую к войне... Не благородных слов, не прикрытия для империалистической войны, а правды, голой правды о том, что такое эта война, требуют все народы, и мы одни здесь — победившая революция — можем сказать и должны сказать... что это не народная война, что это война не народами затянута, на эту войну обрекли нас империалистические классы всех стран. Собравшись сюда, как полновластные (?) представители народов России, вы должны сказать: “Мы не только зовем всех угнетенных, всех поработанных, всех жертвы мирового империализма к возмущению против рабства, против империалистических классов, но мы от имени русского революционного народа говорим: ни одной лишней капли крови за интересы своей или чужой буржуазии пролиться мы не дадим”... “Месяц прошел с тех пор, как революционный пролетариат и революционная армия в Петрограде поставили здесь Временное Правительство, и месяц нужен был на то, чтобы это Правительство, вышедшее из революции, осмелилось сказать дипломатично и осторожно, что оно не считает задачей русского свободного народа закабалить чужие земли”... “Мы должны сказать: революционная Россия требует, чтобы Врем. Правит. формулировало волю ее к миру и надеется, что только возмущение угнетенных народов других стран поддержит русскую революцию и создаст тот мир, который хотя бы в малой степени возвратит нам те великие затраты народной крови, которые выпил уже из мира замшизм милитаризма”*)).

*) Резолюция, предложенная Каменевым, была выработана на большевистской конференции, собравшейся накануне Совещания. Конференция не нашла отклика в тогдашней столичной печати. Шляпников приводит сведения из отчета, составленного Милутиным, который принадлежал к «левой» груп-

В развернувшихся прениях голоса представителей армии (напомним, что на Совещании были представлены 6 армий и 40 отдельных воинских частей) прозвучали довольно однородно. Все не представлял исключения солдат Новицкий, выступивший от имени Особой армии и предложивший, как крикнули ему с места, “кадетскую резолюцию”. Отмечая доверие к Правительству, созданному революцией, Новицкий говорил о некоторой неясности обсуждаемой резолюции: ...“Я хочу мира, душа жаждет мира, но не позорного мира... Мы тогда только можем спокойно вернуться с поля сражения, когда мир будет подписан не позорный (“пока все племцы не признают, что надо заключить мир именно на правах равенства, братства и свободы”), и вот я призываю от имени Особой армии стать всем на работу и дать помощь армии, чтобы она могла выйти из этой войны с победой”. Не странно ли, — говорил представитель 12-ой армии с. д. меньшевик Ромм, — что “вопрос о немедленном заключении мира поднимается только со стороны тыла, и ни один солдат с фронта, который в тяжелых условиях 33 месяца воюет, ни один из них не говорил о немедленном заключении мира”. Ромм удовлетворялся объединяющей “всех” резолюцией Церетелли и хотел бы только внести поправку, в том смысле, что “под обороной страны подразумевается не только сидение в окопах, но, если того требуют обстоятельства, — “наступление”. И другие представители фронта настаивали на том, что в резолюции надо не столько подчеркивать “защиту”, сколько сделать ударение на “борьбу”. Резолюция бердичевского гарнизона призывала не “чуждаться исторических задач нашей родины” и стать “дружно на защиту свободной родной земли и ее исторического права”. Прочитавший резолюцию с. р. Усов, позднее, при обсуждении отношения к Правительству, от себя мотивировал так: “Моя личная точка зрения такова: я прежде всего отношусь к Врем. Правит. не только с точки зрения революции и ее достижений, но и с точки зрения обороны страны. “Отечество в опасности”. Это не фраза, это крик, может быть, большой души и отчаяния. Я нахожусь близко к действующей армии, и пока я стою здесь, то вижу дезертиров на крышах и подножках — это была общая картина... Половина дезертиров, направлявшихся в Петроград, это — те, которые потеряли дисциплину... Нужно создать правительство, которое пользовалось бы доверием всех классов населения... Нужно правительство, которое будет авторитетно и обеспечит защиту страны, иначе через 2-3 месяца страна сметет достижения революции... Меня больше всего возмущает то, что здесь слишком мало говорится об обороне страны и слишком много об узкопартийных интересах”...

Собранием, подавляющим большинством голосов, была принята

пл., и напечатанного в провинциальном (саратовском) партийном органе «Социал-Демократ». Вопрос о войне вызвал на конференции «горячие прения». Одна часть конференции твердо стояла на почве решений, принятых в Циммервальде и Кинтале; другая часть не менее решительно стала на ту позицию, которую до сих пор горячо отстаивали на Западе Гэд и Самба, а у нас Маслов, Потресов, иначе говоря «оборонцы». «Правое» крыло считало неприемлемой резолюцию, предложенную бюро, в силу лозунга о «превращении империалистической войны в гражданскую» и отсутствия пункта о недопустимости «деорганизации армии». Принята была компромиссная резолюция в целях «единства большевистских сил» (50 голосов против 14).

поправка Ромма и в резолюцію Церетелли были введены слова о «способности» армии к «активным операциям»^{*)}). Компромиссная, в сущности, резолюция Совещания была, конечно, далека от того пафоса, который нужен был армии и который один только мог подвинуть ее на подвиг.

Какая-то струна лопнула в эти дни. Кто из настройщиков перетянул ее? Вовсе не надо принадлежать к числу «лживых попляхов», для которых «Дарданеллы служили мишенью» (утверждение Ганфмана в юбилейном сборнике в честь Милюкова), для того, чтобы признать, что царьградскія мечтанія, как бы воскрешавшія не ко времени традиції упедшаго и возбуждавшія подозрѣнія, сыграли значительную роль в этом дѣлѣ. Дарданельская химера, дѣйствительно, стала жу-пелом, который широко использовала демагогія^{**)}). Революціонное пра-

^{*)} Резолюція собрала 325 голосов при 20 воздержавшихся и 57 за резолюцію большевиков, которая, отвергая «дезорганизацию армии», считала необходимым сохранить ее мощь, как оплот против «контр-революции». С большевниками голосовали с. р. и с. д. «интернационалисты». Таким образом, количество чисто большевистских голосов на собраніи оказалось ничтожным. Группа большевиков от 13 городов голосовала за резолюцію Исп. Комитета.

^{**)} Вопрос о проливах был не только «руководящей нитью» в дипломатической политикѣ министерства ин. д., как о том заявил на майском партійном съѣздѣ ушедшій из правительства Милюков. Намѣчавшуюся еще осенью 16 г. десантную операцию (см. «Легенду о сепаратном мирѣ») сторонники ее в первые два мѣсяца революціи довольно интенсивно пытались форсировать. В дни посѣщенія Ставки членами Правительства, министр ин. д. был подробно освѣдомлен о предположеніях, касающихся «босфорской операціи» помощи, нач. воен.-морск. отдѣла при Штабѣ верх. главноком. кап. 1 ранга Бубновым и представителем мин. ин. д. Базили, (босфорскую операцію, по словам Колчака, готовили к моменту, когда в Черном морѣ наступит «совершенно спокойное положеніе»). Намѣчавшійся план, до извѣстной степени, разрушался намѣреніем военнаго министра пристановить подготовительныя работы по оборудованію транспортных средств в Черном морѣ для десанта и использовать в виду кризиса желѣзнодорожных перевозок освободившіеся транспорты для грузовых перевозок минерального топлива для фронта. Базили в письмѣ 23-го марта Милюкову жаловался на эту «весьма прискорбную» мѣру с точки зрѣнія «осуществленія наших цѣлей на проливы», так как для выполненія десантной операціи остался «весьма ограниченный срок: от 1 іюля до 1 августа», и «по поступающим свѣдѣніям, обстановка для удара по Константинополю рисуется в благоприятном свѣтѣ». (Предполагалось, не останавливая работ по оборудованію 90 десантных транспортов, для усиленія грузовых перевозок использовать румынскія рѣчныя пловучія средства, стоявшія на Дунаѣ «без всякаго дѣла». Но Румынія отказывала в этом. От мин. ин. д. требовалось воздѣйствіе «дипломатическим путем»). Письмо Базили совпало с нашимѣвшим интересом Милюкова. Но и послѣ правительственной деклараціи 28-го марта, положившей veto на завоевательныя планы, разговоры и даже конкретныя мѣры к подготовкѣ «босфорской операціи» не прекращались. Деникин, занявшій 5-го апрѣля пост начальника штаба в Ставкѣ, говорит, что в апрѣлѣ Милюков, «вдохновленный молодыми пылкими моряками» (в дѣйствительности дѣло было, как мы только что видѣли, не совсем так), вел «многочисленные переговоры с ген. Алексѣевым, убѣждая его предпринять эту операцію, которая, по его мнѣнію, могла увѣнчаться успѣхом и поставить протестующую против анексії революціонную демократію перед совершившимся фактом. Ставка отнеслась совершенно отрицательно к этой затѣѣ, так не соответствовавшей состоянію наших войск (Алексѣев, как мы знаем, и раньше был противником «босфорской операціи»). Просьбы министра становились, однако, так настойчивы, что ген. Алексѣев счел себя вынужденным дать ему

вѣдѣтельство, таким образом, не сумѣло воспользоваться тѣм активом, который, казалось, давался ему в руки, и который кн. Львов, в письмѣ к Алексѣеву 11-го марта выразил словами: «подъем покроет недоимки, вызванныя пароксизмом революціи». Какая трагедія для армии! Как раз в эти же дни французскій посол отмѣтил в дневникѣ ухудшеніе положенія в смыслѣ войны. Ею мало кто интересуется — все вниманіе сосредоточено на внутренних вопросах. Такое впечатлѣніе можно было вынести не только в салонах, которые посѣщал Палеолог. Не показательно ли, что в первом вскорѣ послѣдовавшем публичном выступленіи лидера народных социалистов Макотина войнѣ в докладѣ было отведено послѣднее мѣсто. Страна жила не войной, а революціей. Взгляд современников обращался «внутрь», как это наблюдали члены Думы при посѣщеніи деревни, гдѣ война, по их впечатлѣнію, отходила «на задній план».

III. Демократизація армии.

1. — Политика в армии.

Можно было бы согласиться с утвержденіем нѣкоторых мемуаристов, что «сколько нибудь успѣшное веденіе войны было просто несовмѣстимо с тѣми задачами, которыя революція поставила внутри страны, и с тѣми условіями, в которых эти задачи приходилось осу-

показательный урок: предположена была экспедиція в небольших размѣрах к малоазіатскому берегу Турціи». Сформированіе отряда было возложено на румынскій фронт. «Прошло нѣкоторое время и скоиженный штаб фронта отвѣтил, что сформировать отряд не удалось, так как войска... не желают идти в десантъ... (Слѣдовательно солдаты инстинктивно чувствовали безсмысленность «показательнаго урока»). Насколько назойливо вкоренилась в нѣкоторых кругах мысль о «проливах», показывает слѣдующее письмо Базили из Ставки, помѣченное 11 апрѣля: «...Приходится все болѣе серьезно считаться, — информировал Базили Милюкова, — с тѣм, что нам, быть может, не удастся по обстоятельствам внутренним, так и в особенности по причинам техническим до конца войны фактически завладѣть проливами... Послѣдній срок принятія рѣшенія — середина мая мѣсяца или в самом крайнем случаѣ, начало іюня мѣсяца («Свѣдѣнія эти сообщая вам на основаніи слов ген. Деникина», — добавлял Базили). ...Если же мы не завладѣем проливами в теченіе предстоящих мѣсяцев, то есть всѣ основанія предполагать, что война кончится без того, чтобы мы их приобрѣли. Все это невольно приводит меня к мысли, не слѣдует ли — отнюдь не отказываясь от намѣренія осуществить босфорскую операцію и наоборот, продолжая всячески настаивать на ея необходимости — все же имѣть в виду и иное рѣшеніе вопроса о проливах... Единственным же, как мнѣ кажется, сколько-нибудь приемлемым для нас способом рѣшить вопрос о проливах для завладѣнія ими, должно быть признано соглашеніе с Турціей на условіях оставленія за ней суверенности над Константинополем и его районом, но с предоставленіем нам необходимых фактических гарантій — «военнаго контроля» в отношеніи проливов, т. е. «всѣмѣрно стремиться к достиженію сепаратнаго мира с Турціей»..., чтобы «до мирной конференціи создать совершившійся фактъ». Полное рѣшеніе, по мнѣнію Базили, «неизмѣримо выгоднѣе «нейтрализаціи» проливов, к которой имѣют такую неосновательную склонность наши крайне(?) лѣвые круги. (Такую мысль, между прочим, высказал в мартѣ в бесѣдѣ с великобританским военным агентом ген. Ноксом Керенскій и Терещенко в разговорѣ с Бьюкененом).

ществовать***) — согласиться только с одной оговоркой, что задача ставила “стихия”, а условия во многом определяли люди. От этих “условий” зависела дальнейшая судьба революции. В ту же было требовать, чтобы солдаты не занимались “политиканством”, как выражался 4 марта в приказе главнокомандующий армиями Западного фронта Эверт, — требовать, чтобы они не тратили “зря” время и нервы на “безцельное обсуждение” того, “что происходит в тылу и во внутреннем управлении России”. “Войска должны смотреть вперед — писал Эверт — в глаза врагу, а не оглядываться назад на то, что делается в тылу, внутри России... О порядке в тылу предстоит заботиться тем, на кого эти заботы возложены доверием народным, с верою в то, что они выполняют свой долг перед родиной так же честно, как и мы должны исполнить до конца свой”. Теоретически возможно было отстаивать “единственно правильный принцип — невмешательство армии в политику”, как это на первых порах сделал Алексеев (письмо Гучкову 7 марта), или как это делали “Русские Ведомости”, ссылаясь на “азбучную истину” конституционных государств (11 марта). Но такие доводы тогда были вне жизни**) и, следовательно, неосуществимы, ибо революция не была “дворцовым переворотом”, которому наступает конец, раз цель его достигнута. Был, конечно, совершенно прав выступавший от фронтовой группы на Госуд. Совещании в Москве Кучин, говоривший “так наивно представлять себя, что армия, которая силою вещей, ходом всех событий приняла активную роль в развитии этих событий, чтобы эта армия могла не жить политической жизнью”. Военное командование в своих рассуждениях с профессиональной точки зрения было логично, но не совсем последовательно было Правительство, которое в приказе военного министра от 9 марта говорило армии и флоту — бдите! “опасность не миновала, и враг еще может бороться... В переходные дни он возлагает надежду на вашу неподготовленность и слабость. Ответьте ему единением”. Военному министру вторили воззвания Временного Комитета Гос. Думы — “Мы окружены страшной опасностью восстановления старого строя”. Срок, когда надо перестать бояться “контр-революции”, каждый определял слишком субъективно, равно как и то, в чем олицетворялась эта контр-революция в стране.

События всколыхнули армию сверху до низа. В крестьянской в своем большинстве армии земельный вопрос является центром внимания. Стрелки в корпус Селивачева “далеко не все сочувствуют введенным новшествам” — записывает автор дневника 13 марта: “больше всего хлопочут они — будет ли им прирезана земля за счет помещиков, уделов и монастырей — вот их главнейшее желание”. Член Гос. Думы Демидов, посетивший фронт, передавал в “Письмах

из армии” (“Рус. Вѣд.”), как аудитория “замирала” при упоминании о земле. Неужели можно было каким либо революционным приказом заставить ее быть вне “социальной политики”? Может быть, Н. Н. Щепкин был прав, когда утверждал на съезде к.-д., что никакого (это слишком, конечно, сильно) сочувствия на фронт не встречает политика разрешить сейчас социальные вопросы. Сознание, что немедленное решение земельного вопроса может сорвать фронт, было и потому так естественно, что во многих солдатских письмах того времени, идущих с фронта, сдерживаются порывы односельчан к делу земли. Но у стоящей в бездействии в окопах армии неудержимое всетаки стремление к тылу. Припомним: “все помыслы солдат обращены в тыл” — писал Рузскому 29 марта Драгомиров, командовавший наиболее близкой к центру 5-ой армией.

“Коллектив” в жизни армии становится органической потребностью революционного времени и не только в силу естественного стремления к взаимному политическому общению. “Коллектив — как отметил И. П. Демидов в одном из своих ранних “писем” — является тем горнилом, где слагивалась различная психология в одну”. Только через этот коллектив могла притушиться роковая, ослабленная во время войны совместной окопной жизнью, разнь между офицером и солдатом — все стояли “перед лицом смерти”*). Демократизация армии требовала не только революционная психология, но и вся конкретная обстановка того времени.

2. — Революционная чистка.

Многие деятели эпохи находились под влиянием все того же призрака XVIII века — французской армии эпохи революции. Вопрос “жизни или смерти” армии в их представлении лежал в плоскости “двухэтажного” построения нового военного организма. Распад армии могло удержать лишь “пересоздание всей системы управления и командования армии”. Основная причина всех бед коренилась в существовании корпуса Генерального Штаба. Долой генштабистов! — дорога строевому офицерству. Так характеризует “рецепт эсеровской партии” в дни революции большевистский исследователь состояния армии в этот период Рабинович, пользуясь специальным сборником, который был выпущен в сентябре 17 г. и излагал военную программу партии. Основная причина неудач 17 г. лежит таким образом в том, что на командных постах остались 800 старших офицеров, пропитанных “кастовым духом”. Вождь партии поддержал эту позицию и в своей исторической работе. “Армия может существовать только, как монолит” — рассуждает Чернов. “Старый режим создавал эту монолитность сверху, новому приходилось создавать ее снизу. Старый режим заставлял строевое офицерство и солдат равняться в умонастроении своем по командному составу; революция неизбежно переоблила ро-

*) Таково было мнение В. Д. Набокова, принадлежавшего к числу тех, которые полагали, что одной из причин революции было утомление от войны и нежелание ее продолжать.

**) Эту истину для всякой эпохи, выходящей из пределов обыденной государственной жизни (такой эпохой была, конечно, великая европейская война), понял даже престарелый борец неограниченной монархии Горемыкин, заявивший в 15 г. в Совете министров: «Политика в условиях настоящей войны неотделима от военных дел. Семь военных говорят, что воюет не регулярная армия, а вооруженный народ».

*) Тема о “друзьях-братьях” в окопах, которая популяризировалась в войсковых обращениях первых дней революции, может быть, и звучала извѣстной фальшью в силу чрезмерной своей сентиментальности, но и большевики, склонные утверждать, что повиновение на фронт до революции держалось только “палкой”, должны признать, что окопное сидѣние нивелировало солдат и офицеров.

ли: командный состав должен был равняться по армейской демократии и очистить место новому командному составу, ею выдвинутому". "Смелое и широкое черпанье" из среды рядового офицерства "для продвижения вверх, выбор из него подлинных вождей революционной армии. Таков был бы рецепт настоящей революционной власти. С этим лозунгом когда то переорганизовали королевскую армию вожди великой французской революции. Но правительство из людей цензовой демократии... не могло пойти этим путем". "Его рецептура была компромисс"... Но *tertium non datur* — догматически провозглашает автор. "Все "третье" было лишь пустым топтаньем на одном месте, тщетной попыткой примирить непримиримое. На такой попытке и вышли в тираж люди новой власти". Чернов вспоминает, что французская революция разрубил гордиев узел очень просто — "свистой гильотиной". Пережила кризис — "отсутствие способных командовать" и "все же не погибла от него, но воскресла"; "равным образом впоследствии не только не погибла, но и побдила... красная армия большевиков со своими новоиспеченными "красками" и со старыми военспецами, низведенными почти до роли экспертов при большевических политиках. Ибо и в армиях французской революции и в красной армии большевиков было преодолено то, с чем существование армии совершенно несовместимо: разлагающий ее дуализм и стихийная реакция на него и вид революционного самоуправления".

Мы привели эти большие выдержки не потому, что утопические построения, в них данные, заслуживали бы особого внимания. Гораздо существенней то, что они изображают символ вѣры тех, кто судьбою были вознесены в дни революции на командные политические посты — от них зависело в значительной степени правильное разрешение вопросов, выдвигаемых жизнью. На революционную утопию в свое время ответил ген. Алексѣев — "нѣмцев не обманешь". Гинденбург не стал бы ждать того времени, когда неспособные "командовать" научатся военному дѣлу. Ответил Алексѣев и другое — ссылки на революционные войны XVIII столѣтія уже потому неубѣдительны, что несравнимы технические средства и приемы борьбы. Столь же неубѣдительны будут и эксперименты эпохи гражданской войны, от которых успѣли отказаться творцы русского междоусобія, как только прочно захватили власть. Только отвлеченная мысль, витающая в области предвзятых схем, могла строить проект реорганизации армии в дни мировой войны по "рецепту эсеровской партии" (*). Надо сказать, что в солдатских "мозгах", в той некультурной сѣрой массѣ, которая волновалась, повидимому, не возникала такая мысль. Вот бытовая сцена, зарегистрированная дневником ген. Селивачева. 15 марта в 14-м Финл. стрѣлковом полку произошли волнения из-за нежелания двух рот идти на работы. Начальник дивизии рѣшил сам переговорить с упорствующими. В *дневник* он записал: "...поздоровался с ними, поздравил с принятием присяги и... предложил рассказать мнѣ, как они понимают присягу. Вышел унт. оф., который весьма разумно доложил, что раньше они не знали, за что дерутся, так как дрались за нѣмцев и предателей родины, теперь же им ясно, что они дерутся

за счастье свободной Россіи, и что долг каждого — добиться побѣды. И обратился к ротам и спросил, согласны ли они с объяснением унт. оф., все отѣтили, что согласны. Тогда я сам разъяснил им, что такое долг, повелѣвающий им драться при всех условіях, и они общались мнѣ работать безропотно. Затѣм я спросил их, слышали ли они, что нѣкоторые мутят слухами о выборѣ себя пачков. Так вот, чтобы объяснить им, в чем дѣло, я предлагаю вмѣсто себя выбрать нач-ка дивизіи, на что даю им 1/4 часа. Сам отѣхал в сторону переговорить с офицерами. Стали что-то говорить между собою. Через 15 минут, спросив, готово ли, подѣхал к ним и спросил, кого-же они выбрали себя нач-ком. Все в один голос отѣтили: "Вас, только вас". Я отѣтил: "Спасибо вам, но за что же вы меня выбрали — вѣдь я и ругал нѣрѣдко крѣпко и строг был". Тогда они отѣтили, что я всегда с ними, что они могут говорить со мной, что я все знаю, и что скажу, то так и надо дѣлать, что они вѣрят мнѣ. Тогда я разобрал им по очереди все эти свои достоинства и доказал, что для этого надо учиться, много работать и жить с ними, а посему им и трудно будет выбрать себя нач-ка... Люди успокоились, я поблагодарил за работу и любовь ко мнѣ и уѣхал"... Единственный примѣр, как ни характерен и ни красочен он был для революционной обстановки по своей наивной простотѣ, ничего не говорит, но все-таки он пріоткрывает краешек занавѣси, отдѣляющей изслѣдователя от быта и психологии современников. Впрочем, не трудно было бы привести и другія аналогичныя иллюстраціи, почерпнутыя из мемуарной литературы.

В условіях времени не риторическое *tertium non datur*, а "компромисс" был единственным путем разрѣшенія болѣзненных вопросов, связанных с реорганизацией армии. Но компромисс, договоренный с высшим командованием, компромисс плановый, а не в видѣ какой то вишней уступки бунтующей стихіи. Отсутствие договоренности и продуманности, как всегда, было величайшим злом. Первый военный министр революціоннаго правительства сознавал необходимость произвести извѣстныя перемѣны в высшем командованіи — не в том катастрофическом масштабѣ и не по тому, конечно, идеологическому рецепту, о которых говорили социалистическіе экспериментаторы. Неоперившійся еще Гучков пытается убѣдить уже 6-III Алексѣева в необходимости такого мѣропріятія. Указав Алексѣеву, что он единственный кандидат на пост верховнаго главнокомандующаго, Гучков продолжал по юзу: "Вы пользуетесь довѣріем Правительства и популярностью в армии и народѣ. И то и другое вы можете в один миг удесятерить, приняв ряд рѣшеній, которыя будут встрѣчены с полным одобрѣніем и горячим сочувствіем страны и армии... Но эти рѣшенія должны быть приняты *безотлагательно*". К таким рѣшеніям и относилась "мѣра устранения завѣдомо неспособных генералов". Лучше сдѣлать это "добровольно, чѣм под принужденіем". На возраженіе Алексѣева, что он, как нач. Штаба, таких мѣр принимать не может, ибо ему этого не предоставлено по закону, и что подобныя мѣры встрѣтятся с недостатком подходящих людей, а "замѣнить одного слабого таким же слабым — пользы мало", Гучков пояснил, что Правительству надо только знать "внутреннее рѣшеніе" генерала, и что он, Гучков, не согласен относительно "затруднительности найти

*) Это не помѣшало Струве в позднѣйших «размышленіях о революціи» сказать, что «русская революція подстроена и задумана Германіей».

даровитых генералов для замѣны ряда бездарностей". "Такія новыя назначения, — повторял министр, — произведенныя с одного маха, вызовут величайшій энтузіазм, как в арміи, так и в странѣ, и завоюют вам и поному правительству громадное довѣріе". Несочувствіе Алексѣева массовой генеральной чисткѣ командованія "с одного маха" и служило, очевидно, одной из причин колебаній, которыя были у Правительства при назначеніи его верховным главнокомандующим*). Алексѣев был назначен только 2 апрѣля.

*) У Правительства, очевидно, было три кандидата: Алексѣев, Брусилов и Рузскій. Против Алексѣева прежде всего возражала «революціонная» или «совѣтская» демократія, и сам Алексѣев впоследствии в дневникѣ правильно опредѣлилъ причины этой оппозиціи — его приказ 3 марта и неуступчивость, им проявленная. На первом же засѣданіи Контактной Комиссіи поднялся вопрос о кандидатѣ, который замѣнит «отрѣшеннаго» от должности в. кн. Ник. Ник. Представители Совѣта стали возражать даже против «временнаго» замѣщенія этого поста Алексѣевым. «Разумѣется, это было неудовлетворительно — пишет в воспоминаніях Суханов — и мы категорически возражали. Но по этому серьезному вопросу мы не имѣли никаких директив и ограничились безплодными препирательствами, главным образом, со Львовым, доказывавшим, что Алексѣев рѣшительно нехѣм замѣнить». По утвержденію Половцова, кандидатом лѣвых тогда был Брусилов — эту кандидатуру поддерживал Керенскій. Против Алексѣева возстали и правые, — Родзянко обратился к Львову 18-го с особым письмом по поводу сообщеннаго ему извѣстія, что Правительство склонно поставить во главѣ дѣйствующей арміи Алексѣева. «Это назначеніе не приведет къ благополучному окончанію войны» — писал Родзянко: «Я сильно сомнѣваюсь, чтобы ген. Алексѣев сосредоточил в себѣ сумму достаточнаго таланта, и способности, и силы воли, чтобы широко охватить то политическое настроеніе, которое теперь захватило Россію и армію. Помните, что ген. Алексѣев являлся постоянным противником мѣропріятій, которыя ему неоднократно предлагались из тыла, как неотложныя, дайте себѣ отчет в том, что ген. Алексѣев всегда считал, что армія должна командовать над тылом, что армія должна командовать над волею народа, и что армія должна как бы возглавить собой и правительство и всѣ его мѣропріятія; вспомните обвиненіе ген. Алексѣева, направленное против народнаго представительства, в котором он опредѣленно указывал, что одним из главнѣйших виновников надвигающейся катастрофы является сам русскій народ в лицѣ своих народных представителей. Не забудьте, что ген. Алексѣев настаивал опредѣленно на немедленном введеніи военной диктатуры». Родзянко доказывал, что имя Алексѣева «мало извѣстно» и «непопулярно», так как с этим именем связана сдача «всѣх крѣпостей, Варшавы и Царства Польскаго». Из обзор, представленнаго Алексѣевым об отношеніи фронта к перевороту, Родзянко было «совершенно ясно, что только Юго-Западный фронт оказался на высотѣ положенія. Там, очевидно, царит дисциплина, чувствуется голова широкаго полета мысли и яснаго пониманія дѣла, которая руководит всѣм этим движеніем. Я имѣю в виду ген. Брусилова, и я дѣлаю из наблюденій моих при своих поѣздках по фронту тот вывод, что единственный генерал, совмѣщающій в себѣ, как блестящій стратегическій дарованія, так и широкое пониманіе политических задач Россіи и способный быстро оцѣнить создавшееся положеніе, это именно ген. Брусилов». «Другим лицом широкаго государственнаго ума» Родзянко считал Поливанова. Письмо Родзянко не носило личнаго характера по своему существу и подкрѣплялось выпиской из протокола засѣданія Врем. Комитета, отставившаго кандидатуру Брусилова и признававшего, что «в интересах успѣшнаго веденія войны представляется мѣрою неотложною освобожденіе ген. Алексѣева от обязанностей Верх. Главнокомандующаго... Кандидатура Рузскаго отпала, потому что военный министр, по словам ген. Половцова, сопровождавшаго военнаго министра во время поѣздки его на фронт, «качѣлся негодованіем на пассивность Рузскаго» — дѣло было, е. в.

Военный министр начал чистку за свой страх и риск. Вопрос этот сразу возник на первом засѣданіи Особой Комиссіи под предѣльством ген. Поливанова, созданной военным министром для преобразованія армейскаго и флотскаго быта. И поднят он был, по словам Половцова, Энгельгардтом, заявившим, что «никакая реформа невозможна, пока не будут смѣнены нѣкоторые начальники». Очевидно, под вліяніем этих рѣчей, Гучков и поспѣшил поставить перед Алексѣевым дилемму о массовом увольненіи генералов. Быть может, и рѣчи были инспирированы самим военным министром, но презумпція этой операціи, получившей в военной средѣ трагическое наименованіе «избѣженіе младенцев», установлена была в общественной думской средѣ еще до революціи — в дни военных неудач в началѣ войны. В рѣчи на съѣздѣ делегатов фронта, наканунѣ своего ухода из Правительства, Гучков вспоминалъ, что он «еще задолго до войны» указывал на неизбежную неудачу, если не будет замѣнен командный состав, подобранный по принципу «протекционизма и угодничества». «Когда произошла катастрофа на Карпатах, я снова сдѣлал попытку убѣдить власть... но вмѣсто этого меня взяли под подозрѣніе». На августовском совѣщаніи (15 г.) прогрессивнаго блока, гдѣ изыскивались «способы побѣды», представитель правой части блока член Гос. Сов. Гурко говорил о необходимости «колоссальной перетряски» в командном составѣ — «нужно влить новыя принципы» (записи Милокова). О чисткѣ офицерскаго состава говорил и Шингарев в Гос. Думѣ — надо дать «и лучшим учителям, и лучшим командиров, и лучшим вождям». Наконец, записка предѣдателя Гос. Думы 16 г. представляла собой сплошное обвиненіе высшаго командованія... Таким образом «революціонная» чистка имѣла свои далекіе корни — революціонные круги, даже в крайнем теченіи, ограничивали тогда свои требованія устраненіем «безнадежно неисправимых» и «злостных реакціонеров» («Правда»).

Гучков пошел по проторенному пути 1905 г. Как утверждает Деникин, дежурному генералу при Ставкѣ Кондзеронскому военным министром поручено было составить список старших начальников с краткой аттестаціонной отмѣткой по имѣвшимся матеріалам. Так создался тот проскрипціонный список, который в Петербургѣ среди военных получил хлесткое названіе — «мерзавки». Половцов, при-

пассивности, а в том оппозиціонном настроеніи («опредѣленная враждебность», по характеристикѣ Половцова), которое встрѣтил Гучков при посѣщеніи Пскова. Деникин колебанія относительно Алексѣева объясняет тѣм, что «сильный Гучков» боялся «уступчивости Алексѣева» (и потому послѣ назначенія Алексѣева поспѣшил назначить без сношенія с послѣдним ему в помощники «боевого генерала», т. е. Деникина). В дѣйствительности и здѣсь причиной была не «мягкость характера», а твердость и неодобрительное отношеніе Алексѣева къ первым реформаторским шагам Поливановской комиссіи (близкій Гучкову Пальчинскій, по словам Половцова, открыто высказывался в комиссіи, что Алексѣев «не подходит в главнокомандующіе»). Можно придти къ заключенію, что Алексѣева настоячиво поддержал глава Правительства, наиболѣе связанный с генералом своими прежними сношеніями. Чашу вѣсов перетянула в сторону Алексѣева именно его большая популярность в странѣ и та роль, которую Алексѣев играл в выработкѣ и руководствѣ военными дѣйствіями послѣ кризиса 15 г.

вадлежащий к числу “младотурок”*), близко стоявших к военному министру, описал “систему мерзавки”: выписаны были фамилии корпусных командиров и начальников дивизий с шестью графами; первые пять заполнялись офицерами, которые давались различными гучковскими собеседниками, пользовавшимися доверием, а в последней графе делался общий вывод по большинству голосов: “достоен выдвижения”, “может остаться”, “подлежит изгнанию”. Деникин рассказывает, что, когда он посетил военного министра 23 марта, тот предложил сделать соответствующий отсчет против фамилий известных ему генералов. “А позднее — добавляет мемуарист — после объезда Гучковым фронта, я видел эти списки, превратившимися в выписки простыни с 10-12 графами”. При такой системе отсчета генеральской благонадежности — и политической и военной, терялся, конечно, какой-либо объективный критерий. Хорошо, когда “политические обвинения” совпадали с отрицательными “боевыми качествами”. Но могло быть и другое.

Совершенно очевидно, что Алексеев никакого активного участия в этой чистке не принимал, хотя официальное Телегр. Аг. сообщало 21 марта, что вр. исп. долж. верх. главнок. даны широкие полномочия “для омоложения и освежения высшего командования в армии”. Позднее в июне в письме к ген. Скугаревскому сам Алексеев так оценивал пресловутую “мерзавку”: “рука великого “реформатора” армии Гучкова вымела из наших рядов в наиболее острую и критическую минуту около 120 генералов (Деникин и Врангель эту цифру доводят до 150) на основании больше, чем сомнительных, аттестаций анонимных “талантливых полковников и подполковников”. “Реформатор” мечтал освежить командный состав и вызвать “небывалый подъем духа в армии”. Последнего не случилось, к несчастью, а вреда сделано не мало”. В известном письме к Родзянко 25 июля, перечисляя необходимые меры для восстановления дисциплины, Алексеев добавлял: “не мнить, как капризная и богатая женщина бросает перчатки, начальников, гоните слабых, не оказавшихся на высоте своего назначения в бою, но не гоните по тайным, мутным аттестациям, как сделал это Гучков. Он подломил состав начальников, мечтая вызвать в армии взрыв энтузиазма массовым изгнанием”.

В конце концов, достигла ли эта чистка своей цели? Позднейший отзыв Алексеева, находившегося в то время в довольно резкой оппозиции к Правительству, может быть заподозрен в своем безпристрастии. В общем, по мнению Половцова, картина по проскрипционному списку получилась “довольно правильная”. Но кто сможет это подтвердить без предварительного разбора каждого отдельного случая? Вот пример. Оговариваюсь, что у меня нет данных для суждения о военных дарованиях ген. Литвинова, командовавшего 1-ой армией. Вышние обстоятельства, как будто говорили за него. Армия его спокойно встретила переворот, что часто во многом зависело от командующего. Поверхностный мемуарист Половцов объяснил — это по-

тому, что армия Литвинова в “таких болотах, что до них революция не дошла, а вот у “блудного Драгомира” в Двинск “плохо”. Картина представляется иной, если обратиться к коллективному заявлению офицеров 1-ой армии в петроградский Совет (опубликовано было в газетах 25 марта), в котором, между прочим, говорилось: “Мы присягнули Врем. Правительству... Братья — рабочие и солдаты — петроградского Совета... Просим, не мешайте нам исполнять свой долг и помогайте нам снарядами... Не создавайте двоевластия”... Очевидно, в Пинские болота революция докатилась и была, как будто бы, правильно воспринята. А вот ген. Литвинов при свидании с военным министром в Пскове 11-го “брюзжал, фрондировал и производил крайне невыгодное впечатление” по характеристике Болдырева. Литвинов предложил Болдыреву пост нач. штаба армии. Болдырев воздержался от “окончательного ответа, предчувствуя отчисление самого Литвинова”. Он не ошибся — оно было опубликовано в газетах уже 14-го.

Сам Гучков в указанной речи 29 апреля оценил итоги “чистки” весьма положительно: “Я сознавал, — говорил он, — что в данном случае милосердие быть не может, и я был безжалостен по отношению к тем, которых я считал не подходящими. Конечно, я мог ошибаться. Ошибок, может быть, были даже десятки, но я советовался с людьми знающими и принимал решения лишь тогда, когда чувствовал, что они совпадают с общим настроением”. Гучков был уверен, что провозглашение лозунга: “дорога талантам”, не считаясь с иерархией, “вселило в души всех радостное чувство, заставило людей работать с норовом вдохновения”... Деникин признает, что Гучков был прав в том отношении, что армия страдала и “протекционизмом и угодничеством”, и что “командный состав не всегда был на высоте своего положения”, отмечает и Врангель, что среди уволенных было “много людей недостойных и малоспособных”, “силови и рядом державшихся лишь от того, что имели где-то руку”. Однако, в данном случае легко впасть в гиперболу, что и случилось, напр., с Черновым, как историком революции. Он уверяет уже, что “нет ни одного серьезного военного писателя, который бы рисовал бы состояние русского командного состава, иначе, как в виде каких-то авгиевых конюшен, для очистки которых нужны были не гучковские, а геркулесовские силы”. С предосторожностью автор не назвал военных писателей, из трудов которых он позаимствовал свои слишком категорические выводы. В другом месте он ссылается на в. кн. Ник. Мих., на Верховского и Головина. Надо признать, что отрывки вел. князя-историка в дневнике вообще поразительно скоропалательны и тенденциозны. Верховский в “Россия на Голгофе” слишком приспособляется к своей революционной позиции, а Головин чрезмерно субъективен в личных характеристиках. Работа Чернова выпущена в 34-м году; через несколько лет у того же Головина он мог бы найти несколько другую оценку: “Три года тяжелой войны способствовали подбору в русской армии к 1917 г. вполне удовлетворительного командного состава”. (Вбродно, командный состав русской армии был приблизительно такой, как

*) Термин, применявшийся еще перед войной к некоторым молодым офицерам Ген. Штаба, проповедовавшим необходимость реформы армии и примкнувшим к окружению Гучкова.

ведѣ въ всемъ мірѣ, не исключая и странъ с демократическимъ политическимъ строемъ*).).

Необходимость перемены въ командованіи ощущалась очень остро с перваго дня революціи. На необходимость эту указывали въ своихъ отчетахъ, какъ мы видѣли, всѣ посланцы думскаго Комитета на фронтъ. То была, дѣйствительно, очередная задача. «Чистка являлась необходимой и по мотивамъ принципиальнымъ и по практическимъ соображеніямъ» — признаетъ Деникинъ. Но дѣло было въ методахъ, примѣненныхъ военнымъ министромъ (отчасти, вѣроятно, въ силу личныхъ свойствъ: Гучковъ склоненъ былъ къ закулиснымъ приемамъ дѣйствія) и въ томъ масштабѣ, въ какомъ осуществлялась «чистка». С чувствомъ какой-то гордости или непонятнаго самодовольства Гучковъ подчеркнул въ апрѣльской рѣчи, что «въ теченіе короткаго времени въ командномъ составѣ арміи было произведено столько переменъ, какихъ не было, кажется, никогда ни въ одной арміи***). Чистка «с одного маха» могла имѣть политическое показательное значеніе лишь по тому психологическому впечатлѣнію, которое она произведетъ на массу. Въ цѣляхъ стратегическихъ демонстрацій сама по себѣ она была, конечно, не нужна — здѣсь проще безъ осложнений могла бы достигнута большаго непо-

*) Отрицательная оцѣнка команднаго состава создавалась подъ вліяніемъ все той же повышенной общественной психологіи періода военныхъ неудачъ, нѣсколько переоцѣнивавшей таланты нѣмецкихъ стратеговъ. Мысль эту высказывалъ въ началѣ еще войны представитель мин. ин. д. въ Ставкѣ Кудашевъ. Онъ писалъ своему шефу: «Я убѣжденъ, что наши генералы — прекрасно знаютъ дѣло... но творческой искры у нихъ нѣтъ. Они годятся въ члены «гофкрисгерихта», осмѣяннаго Суворовымъ, но не въ Суворовы, а съ такими противниками, какъ нѣмцы, одинъ только Суворовъ можетъ побѣдить». (17 дек. 14 г.). Почти черезъ годъ Кудашевъ вновь возвращается къ этой темѣ съ болѣе отрицательнымъ отношеніемъ къ русскимъ полководцамъ: «Война за цѣлый годъ не выдвинула ни одного Суворова. А такъ какъ большинство генераловъ берется изъ офицеровъ ген. штаба, то приходится вывести заключеніе, что Академія, ихъ порожающая, не на высотѣ своего призванія. Этотъ выводъ подтверждается наблюденіемъ надъ нѣкоторыми офицерами ген. штаба, у которыхъ преувеличенное самолюбіе и ничѣмъ не оправдаваемая самоуверенность прикрываютъ рѣдкое умственное убожество и полную безличность». Кудашевъ, очевидно, не склонялся къ «эсеровскому рецепту» революціоннаго времени. Но этотъ рецептъ устраненія генштабистовъ былъ очень по душѣ имп. Ал. Фед. Она не разъ убѣждала мужа въ своихъ интимныхъ письмахъ (напр., июль 16 г.): «выгони генераловъ и выдвини какихъ-нибудь молодыхъ энергичныхъ людей. Во время войны нужны способные, а не по чину». «Многіе изъ нашихъ генераловъ — писала она въ другомъ письмѣ — глупые идиоты, которые даже послѣ двухъ лѣтъ войны не могутъ научиться первой и наипростейшей азбукѣ военнаго искусства». Царица была убѣждена, что «простые офицеры, не хуже офицеровъ Ген. Штаба, могутъ разбираться въ сложныхъ стратегическихъ вопросахъ, Историкъ, пожалуй, и не совѣтъ умѣстно идти по стопамъ довольно импульсивной и даже истерической женщины. Чрезмѣрная обобщенія всегда рискованы. Достаточно назвать имена хотя бы нѣкоторыхъ изъ тѣхъ военныхъ вождей, кто фигурировалъ на командныхъ постахъ въ дни революціи и гражданской войны для того, чтобы показать несурзность парадоксальнаго утвержденія об «авгівѣхъ конюшняхъ». Кто назоветъ бездарностью — Алексѣева, Рузскаго, Брусилова, Корнилова, Колчака, Непенина, Каледина, Деникина, Юденича, Врангеля и др? А вѣдь ихъ выдвинулъ на командные посты еще «старый режимъ».

**) Черновъ спѣшилъ сдѣлать поправку: гучковскія мѣры выглядятъ дѣтской игрушкой сравнительно съ тѣмъ, что было предѣлано надъ своей арміей великой французской революціей. Подсчитано, что только до іюля 1793 г. въ ней было отставлено 593 генерала.

средственно Ставка соответствующими переменами въ командномъ составѣ. Въ имѣющихся публикаціяхъ нѣтъ достаточнаго конкретнаго матеріала для опредѣленія того, какъ реагировало строевое офицерство на гучковскую «мерзавку», открывавшую путь «талантамъ», минуя іерархическую лѣстницу. Для рядовой солдатской массы, вѣроятно, важнѣе всего были взаимоотношенія съ непосредственнымъ начальствомъ, и поэтому большаго значенія не могли имѣть тѣ отдѣльныя письменныя и устные заявленія, которыя доходили до военнаго министра и Исп. Комитета и требовали устраненія представителей высшаго командованія*). Такимъ образомъ *условія*, при которыхъ было осуществлено революціонное *заданіе*, въ конечномъ результатѣ могли имѣть только отрицательное вліяніе**). Они нарушили атмосферу единенія между Правительствомъ и верховнымъ военнымъ командованіемъ, столь необходимаго въ эпоху реформированія «армейскаго и флотскаго быта».

3. — Поливановская Комиссія.

Приказъ № 114.

Нѣтъ, кажется, мемуариста изъ числа видныхъ военныхъ, который не помянулъ бы дурнымъ словомъ «недоброй памяти» (слова Алексѣева на Гос. Сов.) Поливановскую Комиссію и ея дѣятельность. Она содѣйствовала разложенію арміи своимъ потворствомъ демагогіи людей, которые или не понимали «психологію арміи» или сознательно стремились къ ея уничтоженію. Она шла на поводу совѣтскихъ демагоговъ. Она «холодски» ухаживала за солдатами, по выраженію дневника Куропаткина. Однако, въ оцѣнку ея разработанныхъ мѣропріятій по «демократизаціи арміи», осуществленіе которыхъ началось въ министерство Гучкова, привносится слишкомъ много изъ позднѣйшихъ переживаній и многое изъ того, что было, рѣшительно забывается. Касаясь *мартовскаго* періода революціи, приходится внести много поправокъ къ утвержденіямъ мемуаристовъ и историковъ — о «пресловутой комиссіи» Поливанова и о «нелѣпыхъ реформахъ» Гучкова (Керенскій въ «Дѣлѣ Корнилова»). Надо прежде всего отказаться отъ тенденціи, къ которой излишне склоненъ Деникинъ, всѣхъ сторонниковъ демократизаціи арміи относить къ числу демагоговъ и оппортунистовъ***). Возражая на посмертныя воспоминанія Гучкова, Деникинъ особенно опредѣленно высказался: въ арміи были

*) Врангель считаетъ, что гучковская «чистка» была «глубоко ошибочна», потому что замѣнила устраняемыхъ людей «чуждыми» тѣмъ частямъ, которыми тѣ командовали, что должно было отразиться на «боевостности» арміи. Между тѣмъ, въ острыхъ случаяхъ, когда смѣна была необходима въ силу взаимоотношеній между военачальниками и подчиненными, простое территориальное перемѣщеніе, которое легко могла устроить Ставка, способно было внести успокоеніе.

**) Деникинъ болѣе осторожно говоритъ: «Думаю, цѣль эта (улучшеніе команднаго состава) достигнута не была. «Новые люди» были подчасъ людьми «случая, а не знанія и энергіи».

***) Въ «Очеркахъ русской смуты» имѣется даже сравнительная таблица, правда, не именная, гдѣ командующіе арміями и ихъ начальники штаба распределены по группамъ: поощряющіе демократизацію, не борющіеся противъ нея и борющіеся. Авторъ пытается — едва ли основательно — сдѣлать выводъ о послѣдующемъ антибольшевизмѣ лицъ, занесенныхъ въ произвольныя статистическія таблицы общественной морали.

“люди долга и приспѣшники революціи” — сам Гучков дал повод для такого высказыванія, характеризую генералов, пытавшихся идти с правительством, “революционными карьеристами”.

Психологія отношенія к революціонным событіям болѣе сложна, чѣм это хотят изобразить пуристы мысли. Она не может быть разложена в отношеніи всенных по элементарному масштабу монархических симпатій Шульгина: на “лучших”, которые гибнут, и “худших”, которые приспосаблиются. Можно преклониться перед людьми, гибнущими за свои идеи, хотя бы и чуждыя эпохѣ; можно с уваженіем отнестись к цѣльности натуры гр. Келлера, не прінявшаго революціи и ушедшаго в отставку; можно проникнуться величайшей симпатіей к прямолинейности людей, не способных идти на компромиссы — к таким, несомнѣнно, принадлежал один из наиболѣе грозных, ярких и послѣдовательных обличителей “демагогов” и “опиортунистов” ген. Деникин. Но сочувственная персональная оцѣнка далеко не равнозначуща признанію объективнаго факта цѣлесообразности поведенія тѣх, которые во имя “долга” безнадежно оставались на старом берегу. Ген. Деникин лично к числу таких, конечно, не относится. “Да, революціи отмѣнить нельзя было” — пишет он в своих “Очерках”. “Я скажу болѣе: то многочисленное русское офицерство, с которым я был единомышлен, и не хотѣло отмѣны революціи. Оно желало, просто требовало одного: прекратить революціонизированіе арміи сверху. Другого совѣта никто из нас дать не мог”.

Здѣсь нѣкоторая певольная игра словами, ибо “революція” неизбѣжно требовала и “революціонизированія арміи” — именно “сверху”. Без этого темный, некультурный народ стал бы, несомнѣнно, добычей демагогіи, но демагогіи уже правой. Тот, кто хотѣл избѣжать кровавой реставраціи, тот, кто считал происшедшій переворот исторической необходимостью, должен был “революціонизировать” народ. И каждый приказ высила о начальства, говорившій в тѣ дни о свободѣ, о задачах и цѣлях новаго политическаго строя, фактически революціонизировал армію. Ген. Деникин, как и вся либеральная (или вѣрнѣе консервативно-либеральная) общественность, под революціей понимал лишь политическій переворот. В дѣйствительности, как не раз уже подчеркивалось выше, происходило нѣчто болѣе глубокое, захватившее всѣ стороны социальнаго и культурнаго быта народа. С этим нельзя было не считаться, и это должно было опредѣлять линію поведенія всякаго сознательнаго русскаго гражданина, способнаго свои социальныя или иныя привилегіи принести в жертву интересам Россіи и народа. Чувство отвѣтственности — ея, к сожалѣнію, было, дѣйствительно, слишком мало — должно было заставить и революціонную идеологию в точном смыслѣ слова приспособляться к реальным національным и государственным интересам. Имѣются предѣлы осуществимаго для каждаго отрѣзка времени. Они опредѣляются потребностями и сознанием народа. Когда искусственное “революціонизированіе сверху” не считается с этим сознанием, оно становится своего рода общественным преступленіем.

Приведенныя сентенціи, быть может, нѣсколько элементарны: онѣ имѣют цѣлью вновь и вновь отмѣтить, что в реальной жизни всегда метод стоит на первом планѣ. Все дѣло в том, как люди инакомыслив-

шіе приспособлялись к революціи. Люди всегда останутся людьми, со всѣми своими достоинствами и недостатками — во всѣх профессіях, сословіях и классах: офицерскіе кадры не представляли вовсе собой какую-то “обособленную социальную-психическую группу”. Ген. Рузскій, как мы видѣли, явился на парадъ в Псковѣ 5 марта с императорскими вензелями на погонах, и один видѣлся среди всей толпы — его сопровождали оваціей; полк. Цабель из императорской свиты по собственной инициативѣ спорол вензеля и оказался одиноким даже среди своих собственных солдат на аналогичном парадѣ в Ставкѣ. “Общей трусостью, малодушіем и раболовіем перед новыми властелинами многіе перестарались”, — утверждает Врангель, рассказывающій, припомним, как он в Петербургѣ “постоянно ходил по городу пѣшком в генеральской формѣ с вензелями Наслѣдника Цесаревича на погонах... и за все время не имѣл ни одного столкновенія”. Возможно, что и “перестарались”. Но не всегда это только “малодушіе” и даже не инстинкт, заставлявшій индивидуума сливаться с массовым настроеніем и, быть может, нацѣлять “красный бант”. Среди возбужденной толпы эмоціи приходилось подчинять доводам разума для того, чтобы избѣжать эксцессов — всегда вредных, всегда опасных. Врангель рассказывает, как он 17 марта в день полковаго праздника Амурскаго казачьяго полка, когда на парадѣ вмѣсто привычных боевых сотенных значков увидѣл красныя флаги и был встрѣчен марсельезой вмѣсто полковаго марша, демонстративно реагировал на “маскарад”, заявив, что не желает сидѣть под “красной юбкой”*) и пить традиционную чарку во славу Амурскаго войска. “Недовольство” в полку не привело в данном случаѣ к осложненіям — это всетаки было среди казаков, болѣе консервативно настроенных. Сколько раз игнорированіе со стороны команднаго состава на фронтѣ “красной тряпки”, так или иначе сдѣланнойся символом революціи, приводило к серьезным столкновеніям и ставило перед начальством опасныя испытанія сохраненія дисциплины в частях. Может быть, ген. Шольц, упоминавшійся в записи Селивачева, вынужден был нѣсколько демонстративно устраивать манифестаціи сочувствія перевороту для того, чтобы доказать, что он “не нѣмец”. “С этим обстоятельством (т. е. с подозрительным отношеніем к внутреннему “нѣмцу”) приходилось сильно считаться в виду настроенія солдат”. — должен признавать строгій Деникин, рассказывая, как Алексѣев и он вынуждены были отказаться от полученнаго заданія, так как у единственнаго подходящаго кандидата для выполненія отвѣтственнаго порученія фамилія была нѣмецкая. Приспособленіе очень часто являлось тѣм “тяжелым долгом”, тѣм “крестом, который каждый должен (был) взять на себя и нести его безропотно”. Генерал, внесшій только что приведенныя слова в дневник от 13 марта (большой противник “демократизаціи” арміи, скорбѣвшій о том, что “хам”**) идет в армію), с горестью должен был через 5 мѣсяцев записать: “до чего исподлились, до чего исхамились мы, старшіе начальники, при новом революціонном режимѣ”. Компромисса с совѣстью властно требовала жизнь — в этом было и оправданіе его.

*) Для флагов был использован «подручный матеріал» и на флаги одной из сотен, очевидно, попали юбки из краснаго ситца с крапинками.

**) Слово взято в кавычки самим Селивачевым, отнюдь не придававшим этому слову смысл социальный.

С такими оговорками и подойдем к краткому обзору тѣх мѣропріятій по реформѣ военного быта, которыя были осуществлены в мар-тѣ. Окончательный итог дѣятельности того “рокового учрежденія”, печать котораго, по мнѣнію Деникина, — лежит рѣшительно на всѣх мѣропріятіях, погубивших армію*), т. е. Особой Комиссіи под пред-сѣдательством Поливанова, может быть подведен только при размо-трѣніи всѣх послѣдующих явленій в жизни армій, связанных с общим ходом революціи.

5 марта был опубликован приказ (№ 114) по военному вѣдом-ству, включавшій в себя четыре пункта: 1) Отмѣнялось наименование “нижній чин” и замѣнялось названіем “солдат”; 2) Отмѣнялось ти-тулованіе и замѣнялось формой обращенія: г-н генерал и т. д.; 3) Предписывалось всѣм солдатам, как на службѣ, так и внѣ ея, гово-рить “вы”; 4) Отмѣнялись всѣ ограниченія, установленныя для воинских чинов и воспрещавшія куреніе на улицах и в общественных мѣстах, по-сѣщеніе клубов и собраній, ѣзду внутри трамваев, участіе в различных союзах и обществах, образуемых с политическими цѣлями. Содержа-ніе приказа военного министра было выработано в первом же засѣдан-ніи Поливановской комиссіи, официально сконструировавшейся лишь на другой день (Половцов утверждает, что и самый текст, написан-ный Пальчинским, был принят Комиссіей). Комиссія “демагогов” со-стояла не только из “младотурок” (“талантливых полковников и под-полковников” — Якубовича, Туманова, Туган-Барановскаго и близких им Белабина, Лебедева, Андогскаго и др.), но и заслуженных гене-ралов — Поливанова, Мышлаевскаго, ак. Степенко, Аверьянова, Ар-хангельскаго, Михневича (послѣдній присутствовал, во всяком слу-чаѣ, в засѣданіи 4-го), болѣе молодых генералов — Аносова, Камен-скаго, Потапова, Рубен-Масальскаго, членов военной комиссіи Врем. Комитета Савича и Энгельгардта, инж. Пальчинскаго, кап. I ранга Капниста (из “кружка” Рейнгартена). В Комиссіи был поднят, но не разрѣшен еще вопрос об отдачѣ чести и взаимном привѣтствіи чинов армій.

Приказ № 114, в дѣйствительности довольно “скромный” по сво-ему внутреннему содержанію, через Ставку был для отзыва сообщен командующим арміями. Это было сдѣлано по инициативѣ самой Став-ки, при чем предлагалось командующим запросить мнѣніе начальни-ков отдѣльных частей (вплоть до командиров полков) и направить от-вѣты непосредственно в министерство, “дабы военный министр, а с ним и Правительство услышали голос всего офицерскаго состава ар-мій”. Шляйников, имѣвшій возможность пользоваться недоступным нам архивным матеріалом, приводит нѣкоторые из этих отзывов. Главком Сѣвернаго фронта высказался сам очень опредѣленно: приказ “воз-раженій не вызывает. Считаю невозможным теперь внесеніе в него каких-либо измѣненій в сторону отнятія или ограниченія уже *предо-*

ставленных прав, так как это может вызвать нежелательныя послѣд-ствія и потерю налаживающагося довѣрія. По вопросу об отдачѣ че-сти присоединюсь ко второму рѣшенію Комиссіи ген. Поливанова, т. е. полагаю желательным сохранить взаимное привѣтствіе внѣ службы между всѣми военнослужащими в военной формѣ”. Бруснлов полагал, что в вопросѣ об отдачѣ чести возможно отмѣнить “становку по фронт”, но безусловно необходимо сохранить прикладываніе руки к лозырьку, как общій порядок отдачѣ чести во всѣх случаях, как вза-имное привѣтствіе военнослужащих. Признавал главком Юго-Зап. фрон-та “безусловно вредным” участіе нижних чинов в союзах “с политиче-скою цѣлью” — “вмѣшательство армій в политику, помимо разла-гающаго вліянія на необходимую ей дисциплину... всегда будет одной из угроз твердости государственной власти”. Командиры отдѣльных частей в общем отвѣтили, как и главнокомандующіе. Любопытно, что сводка мнѣній команднаго состава Особой армій (т. е. гвардейской преимущественно), переданная военному министру 21-го, признавала желательную отмѣну всѣх бытовых ограниченій, производимую при-казом № 114. Возраженіе касалось лишь политической жизни армій, при чем командный состав двух корпусов высказался положительно и в этом отношеніи, при условіи недопустимости собраній на фронтѣ в предѣлах расположенія частей. Однако всѣ дѣлали одно изъятіе: “исключительность переживаемаго момента требует, в видѣ изъятія из правил участія армій в выборах в Учр. Собраніе и в опредѣленіи через своих представителей образа правленія, но на этом и должна закон-читься политическая жизнь армій”. Довольно характерен по своей мотивировкѣ отзыв ген. Крейнс, начальника сводной пограничной пѣхотной дивизіи, находившаго, что отмѣна ограниченій, связанных с политической жизнью армій, “невыгодна даже для демократической республики”. “При полной демократической республикѣ, — писал Крейнс, — нельзя запрещать даже реакціонных политических круж-ков, желающих возвращенія самодержавія, иначе полной свободы не будет, а измѣнится форма, а не суть. Нельзя тогда запрещать и про-паганду пацифистов, ...а их у нас немало. Если же запретить край-нія теченія, т. е. пропаганду пацифистов, автократическаго правленія и анархизма, то для наблюденія за выполненіем сего, необходимо опять, хотя бы в иной формѣ, ввести Охранное Отдѣленіе жандармеріи, столь ненавистной всѣм — тогда опять будет измѣненіе формы, а не сущности в нашем стрѣѣ. Если полная политическая свобода, то ея пользоваться должны всѣ граждане страны, а армія, гдѣ граждане на-ходятся временно, должна быть внѣ политики, она обязана принять ту форму правленія и поддерживать ее в крайности силою оружія, которую установил народ, будь то конституціонно-монархическое правленіе или республиканско-демократическое — безразлично”. “Неужели всѣ забыли или не знают психологію массы, — как лег-ко ее повести в какую угодно сторону под впечатлѣніем минуты, ко-нечно, талантливому вождю, военному или народному — безразлично. Солдаты сознают и хорошо сознают, к чему направлены всѣ эти льго-ты. Они знают, что этим хотят привлечь их великую силу для борьбы с опасностью реакціи, к которой они не пожелают вернуться без этого”...

*) «С невѣроятным цинизмом, граничащим с измѣной Родинѣ — писал в 21 году с неостывшей запальчивостью уже историк-мемуарист — это учрежденіе, в состав котораго входило много генералов и офицеров, назна-ченных военным министром, шаг за шагом, день за днем проводило гле-творныя идеи и разрушало *разумные* устои воинскаго строя».

Сама Ставка, не дожидаясь ответов из армии, немедленно же реагировала на приказ военного министра. 7-го была послана официальная телеграмма за подписью Лукомского, от имени нач. Штаба Верховного Главнокомандующего. Ставка присоединялась относительно отдачи чести к установлению взаимного привѣтствия при условии, что первым привѣтствовать должен обязательно младший*). В Ставке также считали "совершенно недопустимым" участие солдат в политической жизни. "В настоящее время, — говорила телеграмма Ставки, — армия признала государственный переворот за совершившийся факт, признала новое правительство, и надо, чтобы она оставалась спокойной, пока не будет налажено новое государственное строение, и *ея мысли* (курсив мой) не были заняты политическими вопросами. Мы, же начальники, с своей стороны приложим все силы к тому, чтобы армия свято выполнила свой долг перед родиной в борьбе с врагом, но необходимо не забывать, что в противном случае, голос армии может быть грозен, и в какую сторону выльется движение в армии — предвидеть трудно. Во всяком случае, втягивание армии в политику приведет к тому, что будет невозможно продолжать войну"...

Раздвигал ли лично Алексѣев такой нежизненный в обстоятельствах момента военный ригоризм в отношении "политики", который проявился в официальной телеграмме Ставки от имени нач. Штаба? В дневник полк. Пронина говорится, что Алексѣев "непосредственно" послал военному министру тот отзыв, который в действительности являлся официальным ответом Ставки — поэтому и отправлен был за подписью Лукомского. И хотя телеграмма говорила подчас уже известными нам словами Алексѣева (была ссылка, напр., на французскую революцию и пр.), тем не менее приходится заключить, что личное мнение Алексѣева целиком не совпадало с официально выраженным ригоризмом. По крайней мере через четыре дня в разговоре с председателем Совета Министров Алексѣев говорил: "В боевых линиях, в громадном большинстве частей совершенно спокойно, настроение хорошее... Далеко не в таком положении пахотятся войсковые части и запасные полки войскового тыла: бѣдность в офицерском составе, энергичная агитация дѣлают свое дѣло... Веду переговоры с главнокомандующими об организации особых комитетов с участием в их составе наиболее надежных и умѣренных представителей Совета Р. Д., работников Земгора и офицеров. Желательно, чтобы эти комитеты обѣхали войсковые части, установили связь между войсками и Советом

*) Вопрос об «отдаче чести» был выдвинут на первый план во всех армейских отзывах потому, что именно по этому вопросу (и в сущности только по поводу него) запрашивал министр «срочное заключение» нач. штаба. Вопрос остался неразрешенным в Поливановской Комиссии. «Предложено было три рѣшения» — телеграфировал Гучков: «1. Совершенно умолчать об отдаче чести, что и сделано в выпущенном приказѣ. 2. Сохранить вид службы взаимное привѣтствие, как символ принадлежности к одной семье... Рѣшение этого вопроса, таким образом, несомненно, вызвало бы протест Совета Р. Д., усмотрѣвшего бы в этом стѣснение свободы вид службы. 3. Полное согласие с Советом Р. Д. и принятие их рѣзюлюции», т. е. регламентация согласно «приказу № 1» — отмена обязательного отдачи чести «вид службы». Считая, что в этом вопросе необходима «солидарность» с высшими представителями дѣйствующей армии, Гучков сообщал, что окончательное рѣшение отложено до получения срочного заключения ген. Алексѣева.

Депутатов и были готовы, при возникновении гдѣ-либо брожения командировать своих членов для разъяснения и бесѣд с солдатами. Лично у меня такая организация сложилась.... Как только получу все ответы, войду к вам с представлением в надеждѣ, что вы поддержите эту мысль. Равным образом я просил бы назначить комиссара Врем. Правительства для пребыванія в Ставке и для установления нравственной и дѣловой связи между Штабом и Правительством". Интересно отмѣтить, как этот призыв Алексѣева к главнокомандующим фронтов преломился в воспоминаниях современника, сѣлавшагося вскоре ближайшим помощником Алексѣева. "В половинѣ марта — пишет Деникин — я был вызван на совѣщаніе к командующему 4-й армией, ген. Рагози... Нам прочли длинную телеграмму ген. Алексѣева, полную безприсвѣтнаго пессимизма о начинающейся дезорганизации правительственного аппарата и развалѣ армии; демагогическая дѣятельность Совета Р. и С. Д., тяготившая над волей и совѣстью Врем. Правит., полное безсиліе послѣдняго; внимательство обоих органов в управленіи армией. В качествѣ противодействующаго средства против развала армии, намѣчалась... посылка государственно-мыслящих делегатов из состава Думы и Совета Р. и С. Д. на фронт для убѣждения... На всѣх телеграмма произвела одинаковое впечатлѣніе: Ставка выпустила из своих рук управленіе армией".

Как в действительности представляли себѣ дѣло подлинны противники "политики" в армии, видно из рапорта старших офицеров 32-й пѣх. дивизіи, поданнаго 9 марта за подписью 17 начальников командующему 8-ой армией, т. е. ген. Каледину. Для них революція вообще нѣтъ, есть только высочайшій манифест 3-го марта, по которому верховная власть передана Временному Правительству. Их рапорт — протест против единоличных дѣйствій военного министра из штатских, которому чужды потребности моральных свойств армии и который под давленіем Совета реформирует армию в "духъ соц.-дем. партіи", дѣль которой уничтожить армию и, слѣдовательно, возможность самостоятельнаго существованія русскаго народа. Приказ Гучкова — это "раскрѣпощеніе нижних чинов", что должно породить "чувство озлобленія и ненависти" к офицерскому составу. Рапорт полагал "безотлагательными", между прочим, слѣдующія мѣропріятія: внутренний уклад армии оставить неприкосновенным, не допуская в ней политики, агитации политических партій... (перед лицом смерти в окопах и в полѣ бок о бок друг с другом офицеры и солдаты давно друзья и братья, и не понимая этого лица, стоящаго во главѣ управленія, по далекія от дѣйствительной жизни армии, вносят своими приказами и воззваніями нежелательную и пагубную рознь в военную семью); подтвердить от лица Правительства смертную казнь по возвращеніи послѣ заключенія мира всѣм тѣм, кто отдается добровольно в плѣн; дезертиров карать за первый побѣг фазическим наказаніем, за второй — смертной казнью; усиленіе наказаній для нарушителей дисциплины... Самое удивительное то, что рапорт требовал "возстановленія порядка в странѣ без всякаго кровопролитія".

Рапорт, очевидно, был переслан в Ставку, и его составителям был преподан политическій урок в видѣ письма ген. кварт. Лукомскаго 20 марта на имя ген. Каледина. "Вполнѣ присоединяясь к принци-

пiальной точки зрiня и мiявно, выраженному старшими офицерами 32-ой пiх. дивизii", — начиналось письмо, — "должен сообщить, что, повидимому, они не совсiм правильно рисуют себi обстановку, при каких условиях возникло и принуждено в настоящее время работать Врем. Правительство". Затiм Лукомскiй, дав краткое и ясное изложение политических причин, приведших к перевороту, и условий, при которых возникло правительство, продолжал: "И в настоящее время встает в явную оппозицию и принять какiя-либо рiшительныя мiры против Совiта Р. и С. Д. было бы крайним абсурдом со стороны Врем. Прав. и послiднему необходимо *согласовать свои распоряженiя с требованиями момента*. Безспорно, что мiропратiя Врем. Прав., касающiяся взаимоотношенiй между офицерами и солдатами, так рiзко нарушающiя вiсковой уклад внутренней жизни армии, не могут безболiзненно не отразиться на послiдной. Задача переживаемого момента настоятельно требует, чтобы этот болiзненный процесс армии прошел постепенно, без сильных потрясенiй и в соответствии с новым государственным строем. Чрезвычайно полезно в дiлi правильное пониманiя и объясненiя событiй текущаго момента государственной жизни организовать *особые комитеты* из выборных офицеров и солдат, в конх офицеры, входя в нужный контакт с солдатской массой в лицi ея довлiренных представителей, не стiсняемых в эти моменты совмiстного обсужденiя дисциплины, могли бы нравственно на них воздiйствовать и в полной мiрi проявить силу своего морального, умственного и чисто военного авторитета. Выдвигать же, в настоящий переходный момент, в виду предстоящих операций и неспокойнаго положенiя тыла, какiе либо лозунги, идущiе вразрiз с политикой Врем. Прав., было бы актом политического безумiя, свидiтельствующаго лишь о том, что обстановка, нынi создававшаяся в странi, не ясна. Всякiя рiзкiя мiры и требованiя в настоящее время могут погубить все и создать лишь кошмарное кровавое междоусобiе и, как слiдствие, подчинение Германii.... Когда угар пройдет, то, естественно, можно будет принять ряд мiр для укрiплениа в армии дисциплины, но пока надо напрягать всi силы к тому, чтобы армия перенесла тяжелую болiзнь и окончательно не развалилась. Временное Правительство и, в частности, военный министр, отлично понимают положенiе и, дiлая уступки в измiненiях уклада внутренней жизни армии, дiлают лишь то, *чего избiжать теперь нельзя*".

"Рiпорт" начальников 32 пiх. див., конечно, не был одиноким. В материалах, напечатанных Шляпниковым, имiется еще обращенiе офицеров 3-го сиб. горно-артилл. дивизиона, примыкавшее к лозунгу: "армии внi политики". "Первый приказ министра" — утверждало это обращенiе — "роет пропасть между солдатами и офицерами, которой не было, ибо вопрос о взаимоотношенiях строго регламентировался уставом". Теперь "в сознании полуграмотнаго, а подчас и совсiм неграмотнаго солдата полный сумбур". "Мы, офицеры, с самаго начала великих событiй для Россii, сумiли сплотить вокруг себя солдат, но уже сейчас наша работа сведена к нулю. "Вы" или "ты", это — первое яблоко раздора, которое брошено в нашу тiсную и дружную военную семью, этим самым нашему единению с солдатами положен конец. Солдаты поняли это, как ограниченiе власти офицера, — офи-

цера, который в бою имiет право жизни и смерти. Его авторитет подорван... Не станем скрывать, что не одни германские и австрийские офицеры идут с револьверами сзади атакующих пiлей, прикаячивая слабым духом — каждый наш ротный, и батальонный, и полковой командир имiет на своей совiсти не одну жизнь... Мы, близко стоящие к бою, считаем это явление нормальным... Судите же сами, какой пустяк "ты" или "вы" по сравненiю с ужасом войны"... "Ваш второй приказ нарушает давнишнюю традицию корпуса офицеров русской армии. До сих пор в своей средi мы не имiли офицеров-евреев. Нация, заклеившая в эту войну себя на наших глазах клеймом позора!. Если вы не видiли, как каждый еврей старался сдаться в пiльн и передать противнику наши военные тайны, то мы знаем достаточное количество таких примiров... Эти мiры — второе яблоко раздора, брошенное вами в нашу среду". "Вы" и "еврей" единственно конкретный материал, на котором останавливается "обращенiе", повторяющее слова, нiкогда направленные Милюковым в адрес стараго правительства: "Что это — глупость или измiна?" Авторы "обращенiя" отвiчают, что это "недостаточное знанiе русской армии" и ставят своей задачей открыть министру "глаза на сущi дiла".

Тему о безграмотных поднимает и "памятная записка" ген. лейт. Циховича (XII армия), помiченная 12 марта. Она проникнута другим настроением. Автор, повидимому, был искренним сторонником происшедшей перемен, закончившей с "кошмаром распутиных и протопоповских вакханалий", подавшей надежду, что "теперь всi силы страны будут обращены на борьбу с внiшним врагом". Мало того, он сумiл сохранить в своей частн "дух и дисциплину" (отзыв Куропаткина). "Увлiренно скажу, — писал Цихович, — что армия, равной нашей, не было в мiрi... Армия наша была и есть несравненной... Введенiе в армию политики на глазах наших ее раздiдает... Политика поглотила теперь все... Роковая ошибка та, что началась спiшная ломка армии, сильной до того, — ломка исключительно в угоду политикi и на основании теорiй, пригодных, может быть, для Швейцарии, но вредных для такого государства, как наше, и при сложной политической обстановкi, его окружающей... То, что нам прививают, было бы хорошо, если бы армия состояла сплошь из интеллигентов, окончивших университет. Но вiдь у нас 75% крестьян, и почти половина в ротi неграмотные. Всi новыя реформы непонятны и даже такая невинная, как переход с отеческаго "ты" на чуждое нашему крестьянству иностранное "вы", вызывает улыбки и взаимную неловкость". Мотив этот в рiшении вопроса о переходi на обращенiе на "вы" повторяется очень часто. Врангель излагал его Милюкову при посiщенii Петербурга, когда военный министр был в отсутствии: "русский простолюдин сызмальства привык к обращенiю на "ты" и в таком обращенii не видит для себя обиды". Всегда однако забывали при этом прибавить, что в деревенском быту и барин именовался на "ты".

Влiяние Алексiева на отвiт, посланный 32 пiх. дивизии, очевидно. Позвонив, обрисованная в этом документi, находится в явном противорiчii с официальным заключением, которое 7-го Ставка послала в военное министерство по поводу приказа № 114. Противорiчiе можно объяснить тiм, что корректный и щепетильный Алексiев, занимая

формально пост лич. нач. штаба при руководящем направлении в. кн. Ник. Ник.*), не считал себя в правѣ в официальном документѣ, отправленном в центр, проводить личный взгляд и в отвѣтъ пытался даѣ объективную сводку главенствовавших в арміи или в Ставкѣ мнѣній.

Ранорт старших офицеров 32 пѣх. дивизіи требовал от военного министра проведенія законов о реформѣ арміи только с одобренія Военнаго Совѣта и санкціи Гос. Думы. Послѣднее требованіе являлось послѣдствіем той путаницы в умах, которую породила (см. ниже) неясная конструкція Врем. Правительства; первое же требованіе было выполнено. Военный Совѣт в Петербургѣ из старших генералов — “якобы хранитель опыта и традицій арміи”, по выраженію Деникина — в засѣданіи 10 марта, выразил “полную свою солидарность с тѣми энергичными мѣрами, которыя Врем. Пр. принимает в отношеніи реформы наших вооруженных сил, соотвѣтственно новому укладу жизни в госуdarствѣ и арміи, в убѣжденіи, что эти реформы наилучшим образом будут способствовать скорѣйшей побѣдѣ нашего оружія и освобожденію Европы от гнета прусскаго милитаризма”...

Приказ № 2.

Итак, в военной средѣ Гучкова упрекали за то, что он дѣйствует под влияніем Совѣта, а в протоколах Исп. Ком. 6 марта записано: “военный министр всячески уклоняется от прямых сношеній с Исп. Ком. и, повидимому, не склонен подчиняться рѣшеніям Совѣта”. Было постановлено “отправить к военному министру делегацію”... для переговоров об изданіи приказа № 2 и настаивать на необходимости выборнаго начала офицерскаго состава и созданія третейскаго суда, который регулировал бы “отношенія между офицерами и солдатами”. (О результатах переговоров делегація должна доложить Исп. Ком. для окончательнаго рѣшенія вопроса о приказѣ № 2).

Жизнь, дѣйствительно, была ключем в Совѣтѣ, хотя дѣятельность его комиссій и носила довольно анархическій характер. Не успѣла Исп. Ком. принять “разъясняющій” приказ № 2 и отправить делегацію к военному министру, как прибыла упоминавшаяся уже депутація от Русскаго, под влияніем которой Исп. Ком. рѣшил задержать выпуск “приказа № 2”, но было уже поздно — приказ дешевле по радио-телеграфу с царскосельской станціей был сообщен на фронт “для точнаго исполненія”, хотя формально он относился только к Петербургу. Текст этого документа, весьма мало напоминающій по своей формѣ “приказ”, гласил: 1. Приказ № 1 Совѣта Р. и С. Д. предложил всѣм.. воинским частям избрать соотвѣтственные... комитеты, но приказ не устанавливал, чтобы эти комитеты избирали офицеров... Комитеты эти должны быть избраны для того, чтобы солдаты Петроградскаго гарнизона... могли через представителей комитетов, участвовать в общеполитической жизни страны и в частности заявлять в Совѣт Р. и С. Д. о своих взглядах на необходимость принятія тѣх или иных мѣропріятій. Комитеты должны также вѣдать общественныя нужды каждой части. Вопрос же о том, в каких предѣлах интересы военной организаціи

могут быть совмѣщены с правом солдат выбирать себѣ начальников, передан на разсмотрѣніе в разработку специальной комиссіи. Всѣ произведенные до настоящаго времени выборы офицеров, утвержденные и поступившіе на утвержденіе военного начальства, должны остаться в силѣ... 2. До того времени, когда вопрос о выборных начальниках будет разрѣшен вполнѣ точно, Совѣт признает за комитетами... право возражать против назначенія того или иного офицера. Возраженія эти должны быть направлены в Исп. Ком. С. Р. Д., откуда они будут представляться в военную комиссію, гдѣ наряду с другими общественными организаціями участвуют и представители Совѣта Р. и С. Д., как учрежденія, руководящаго всѣми политическими выступленіями петроградских солдат. Этому своему выборному органу солдаты обязаны подчиняться в своей общественной и политической жизни. Что же касается до военных властей, то солдаты обязаны подчиняться всѣм их распоряженіям, относящимся до военной службы... 4. Для того, чтобы устранить опасность вооруженной контр-революціи, Совѣт Р. и С. Д. выставлял требованіе о неразоруженіи Петроградскаго гарнизона, завоеваннаго Россіею ея политическую свободу, а Врем. Прав. приняло на себя обязательство не допускать такого разоруженія, о чем и объявило в своей правительственной деклараціи. В согласіи с этой деклараціей... комитеты обязаны наблюдать за тѣм, чтобы оружіе петроградских солдат от них не отбиралось, что и было указано в приказѣ № 1. 5. Подтверждая требованія, изложенныя в §§ 1-7 приказа № 1, Исп. Ком. отмѣчает, что нѣкоторыя из них уже приводятся в исполненіе Врем. Правительством.

“Приказ № 2” вмѣсто того, чтобы разъяснить, всѣм своим контекстом запутывал еще больше. Разъясненіе о том, что “приказ № 1” не предлагал производить выборов команднаго состава, дѣйствительно, “надеумил”, как предполагает один из изслѣдователей вопроса (Рабинович), в нѣкоторых мѣстах этот выбор произвести... Вечером 6-го к военному министру явилась совѣтская делегація — контактная комиссія, как называет ее Гучков в воспоминаніях, приписывая себѣ инициативу ея вызова. На основаніи разсказа ген. Потанова, который цитирует Деникина, не указывая происхожденія документа, “засѣданіе было очень бурным. Требованіе делегаціи Гучков признавал для себя невозможным и нѣсколько раз выходил, заявляя о сложении с себя званія министра”. “С его уходом, — сообщает Потанов, — я принимал предсѣдательствованіе, вырабатывалось соглашеніе, снова приглашался Гучков, и засѣданіе закончилось воззваніем, которое было подписано от Совдепа Скобелевым, от Комитета Гос. Думы мною и от правительства Гучковым... Воззваніе аннулировало приказы № 1 и № 2, но военный министр дал обѣщаніе проведения в арміи болѣе реальных, чѣм он предполагал, реформ по введенію новых правил взаимотношеній команднаго состава и солдат”. Сам Гучков изображает отмѣченныя перипетіи в видѣ прелюдіи к “приказу № 2”. Здѣсь сказана не только забывчивость, но и стилизація воспоминаній в опредѣленном направленіи. “Чтобы парализовать распространеніе приказа № 1, — пишет Гучков, — мнѣ пришлось созвать контактную Комиссію при военно-морском министерствѣ, чтобы попытаться ее убѣдить во вредѣ приказа для боеспособности арміи. Я, конечно, мог

*) Запрос Гучкова был переслан немедленно Великому Князю.

отменить приказ властью министра, но такая отмена не имела бы никаких практических последствий... Открывая созванное мною совещание, я старался убедить присутствовавших членов Совета Р. и С. Д. в необходимости отмены приказа № 1". В изображении Гучкова заседание вовсе не носило такого бурного характера, как в повествовании Потапова. "По тем замечаниям, какие делали члены комиссии, я видел, что они почти убедились моими выводами и готовы стать на мою точку зрения. Тогда я вышел в соседнюю комнату и просил их обсудить мои возражения, затем сообщить мне, к какому решению они пришли". Ген. Потапов потом сообщил Гучкову, что "большинство определенно склонялось к отмене приказа в какой-либо форме, которая не была конфузна для Совета р. и с. д., но Стеклов-Нахамкес был непреклонен" (Гучков, понятно, объясняет эту связь с "нбмцким штабом"). Компромиссное решение не удовлетворило министра, но, с другой стороны, министр понимал, что, если он откажется от предложенного соглашения, "положение будет еще хуже". "Я вызвал к себе тов. мин. ген. Поливанова — продолжает Гучков — и предложил ему срочно образовать под его председательством Комиссию из членов Ген. Штаба (?) для рассмотрения предложений Совета р. и с. деп. Я надеялся этим выиграть время и как-нибудь частным образом повлиять на руководителей Совета. Комиссия ген. Поливанова рассмотрела вопрос и единогласно постановила, что нужно согласиться с предлагаемым компромиссом, как на меньшее зло. *После* этого Совет издал приказ № 2"... Хронологическая неточность сама по себе выдает Гучкова. История издания "приказа № 2" достаточно запутана и другими мемуарами. Наиболее правдивую версию дал Шляпников, но и его версия требует некоторых поправок. Инициатором "приказа № 2" был сам Исп. Ком. В этом нет никаких сомнений, так как в протокол заседания Исп. Ком. 3-го значится: "в виду возникших недоразумений, в связи с приказом № 1 по петроградскому гарнизону, поручено военной комиссии *разъяснить* этот приказ". Решение это, очевидно, было принято под влиянием протестов, раздавшихся в образовавшейся "солдатской секции" Совета, имевшей на первых порах свой исполнительный комитет, и в частном совещании членов Исп. Ком. с группой офицеров. Так надо понимать упоминание Станкевича, что "военные" разъяснили вред "приказа № 1". Объединенная военная комиссия, функционировавшая под председательством Потапова — этот "штаб революции" продолжал формально состоять при Врем. Комитете — и разработала проект "приказа № 2" (текст приказа написан рукой все того же Соколова). Он подвергся обсуждению в первом неофициальном заседании не оформившейся еще Поливановской комиссии, т. е. накануне того дня, когда советская делегация с представителем Военной Комиссии имела беседу с военным министром. Приказ помечен был 5-м марта, но в Исп. Ком. он поступил лишь 6-го. Трудно представить себе, что содержание его не дошло своевременно до Гучкова. Приказ передавался по радио Военной Комиссией, которая упрощенно называла себя Комиссией Врем. Правительства: Потапов присутствовал на заседании 6-го у Гучкова в качестве представителя этой Комиссии (Гучков в воспоминаниях говорит: "я пригласил также участвовать в *моем* совещании... Потапова, который, как было известно,

был близок к социалистическим кругам и мог, следовательно, больше меня импонировать членам комиссии"). В официальном отчете о деятельности Военной Комиссии среди выполненных работ упомянуто "распространение приказа № 2"...

Точный текст того воззвания, которое было принято на заседании у Гучкова и которое названо в протокол Исп. Ком. от 7-го "приказом № 3", гласил: "Исп. Ком. сообщает войскам фронта о решительной победе над старым режимом. Мы уверены, что войска фронта с нами и не позволят осуществиться попыткам вернуть старый режим. Мы же, представители петроградских рабочих и солдат, общаемся стоять здесь на страже свободы. Ея укрощение может помешать внутренней вражде среди армии, розни между офицерством и солдатами, и на всех гражданах лежит сейчас обязанность содействовать налаживанию отношений между солдатами и офицерами, признавшими новый строй России. И мы обращаемся к офицерам с призывом — проявить в своих служебных и неслужебных отношениях уважение к личности солдата-гражданина. В расчете на то, что офицеры услышат наш призыв, приглашаем солдат в строю и при несении военной службы *строго выполнять воинские обязанности*. Вместе с тем Комитет сообщает армиям фронта, что приказы 1 и 2 относятся только к войскам петроградского округа, как и сказано в заголовке этих приказов. Что же касается армий фронта, то военный министр общал немедленно выработать в соглашении с Исп. Ком. Совета Р. и С. Д. новые правила относительно солдат и командного состава". Подписи Гучкова под этим документом не стояло, но было сказано, что "воззвание составлено по соглашению с военным министром". К "приказу № 3" и должны быть отнесены слова Гучкова в воспоминаниях: "Я своей подписи под этим приказом не поставил, но согласие на него дал после одобрения его Комиссией Генерального Штаба"*)).

Декларация прав солдата.

В осуществление достигнутого соглашения Поливановской комиссии и надлежало разработать законодательные нормы, в которых должна была вылиться реформа военного министерства. Кодификация требовала продуманности. Но дело было не только в неизбежной "бюрократической" волокитке, сам Гучков, говоривший на фронтовых совещаниях, что он "большой сторонник демократизации армии", признается, что им давалась инструкция затягивать — "не торопиться" для того, чтобы "выиграть время" (по свидетельству Курепаткина, ном. воен. министра ген. Новицкий возмущался деятельностью Поливановской комиссии, которая "работает на разложение армии").

Медлительность военного министерства мало соответствовала настроениям и темпу работ революционного Совета. Уже 9-го не только был разработан проект "общих прав солдата", получивший впоследствии более пышное неофициальное наименование "декларации", но и

*) Вместо Чхендзе от Совета подписал Скобелев, так как первый, по словам Станкевича, не возражая против решения, отказался дать подпись, мотивировав будто бы так свой отказ: «Мы все время говорили против войны, как же я могу теперь призывать солдат к продолжению войны» (?!).

принят общим собранием солдатской секции Совѣта и опубликован 15 марта в "Извѣстіях". Между Поливановской комиссией и совѣтской комиссией существовал постоянный контакт, и нѣтъ ничего удивительнаго в том, что "декларация" была выработана при непосредственном участіи как бы представителя военного министра полк. Якубовича. По существу она принципиально ничего новаго не устанавливала по сравнению с приказом № 114 — только болѣе выпукло формулировала "права" и болѣе демонстративно подчеркивала отмѣняемое, как уничтоженіе тѣлесных наказаній, сохраненіе института денежников только в дѣйствующей арміи на добровольном началѣ. Она отмѣчала и на вопрос, оставшіяся открытым в приказѣ № 114, и разрѣшала его в смыслѣ отмѣны "всякаго отданія чести". Самый скользкій вопрос о выборности команднаго состава не был затрогнут — солдатская секція по выраженію Суханова, *о выборности начальствъ "забыла"*. У авторов приказа № 114 не было логическихъ оснований отвергать "декларацию". Вопрос мог идти только о иной формулировкѣ и переработкѣ нѣкоторыхъ пунктов, как, напр., вопрос об отданіи "честь". Совершенно поэтому естественно, что Поливановская коммисія санкционировала "декларацию" к удивленію военного министра, как он рассказываетъ в позднѣйшихъ воспоминаніяхъ — одобрила к тому же "единогласно, безъ поправокъ". Это не так — "поправки" были. Так, напр., в том же вопросѣ об "отдачѣ чести" было прибавлено, что "устанавливается взаимное добровольное привѣтствіе". Были и болѣе существенныя поправки: к пункту, что "солдат не можетъ быть подвергнутъ наказанію или взысканію безъ суда", было добавлено: "в боевой обстановкѣ начальникъ имѣетъ право подъ своей личной отвѣтственностью принимать мѣры, до примѣненія вооруженной силы включительно, противъ не исполняющихъ его приказаній подчиненныхъ".

Для психологій солдата в революціонную эпоху тѣ пункты, которые особенно отмѣчали составители "декларации", были вопросами большими в силу характера дисциплины старой арміи. Возьмемъ вопросъ об "отдачѣ чести". Достаточно привести одну только бытовую иллюстрацію. Ген. Верцинскій, командовавшій гвардейской стрѣлковой дивизіей, рассказываетъ на основаніи данныхъ, имѣвшихся в штабѣ 8-й арміи, во главѣ которой в началѣ войны стоялъ Брусилловъ, что послѣдній "приводилъ встрѣченныхъ имъ во время своихъ прогулокъ солдатъ и приказывалъ ихъ пороть за неотданіе ему чести". Какая разница с Алексѣевымъ, который, по словамъ в. кн. Ап. Вл., "конфузился", когда ему становились во фронт! Однако, факты свидѣтельствуютъ, что этотъ вопросъ отнюдь все же не захватывалъ "революціонной психологій" солдатской массы и что он, вѣроятно, в бытовомъ порядкѣ разрѣшился бы самъ собой. Сухановъ пытается утверждать, что в серединѣ марта в Петербургѣ, кромѣ юнкеровъ, давно никто не отдавалъ чести. Это крайне преувеличено относительно Петербурга, как мы могли удостовѣриться при характеристикѣ настроеній первыхъ мартовскихъ дней. 25 апрѣля пріѣхавшій изъ Туркестана Куропаткинъ записалъ: "На улицахъ честь отдаютъ лучше и чаще, чѣмъ двѣ недѣли назадъ". Такъ было и в другихъ мѣстахъ. Тотъ же Верцинскій, проѣзжая Киевъ по дорогѣ на Кавказъ в серединѣ марта, отмѣчаетъ отдаваніе чести встрѣчнымъ офицерамъ "почти всѣми". Еще рѣзче, конечно, ставился вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ,

не говоря уже о томъ непредусмотрѣнномъ закономъ бытовомъ явленіи, которое в общежитіи образно именовалось "мордобитіемъ". И здѣсь приведемъ одну только иллюстрацію. Головинъ рассказываетъ о приказѣ все того же Брусиллова — главнокомандующаго Юго-Западнаго фронта — о поркѣ 50 ударами розогъ всѣхъ нижнихъ чиновъ маршевыхъ ротъ, которые приходили в части с недостаткомъ выданнаго имъ вещевого довольствія. Наконец, о денежникахъ — этотъ институтъ еще в 10 г. в Думѣ казачьимъ депутатомъ былъ названъ "рабскимъ"... "Забитый солдатъ, в которомъ при старомъ режимѣ не видѣли человѣка", какъ чрезмѣрно преувеличенно сказалъ на московскомъ Госуд. Совѣщаніи человѣкъ весьма умѣренныхъ политическихъ взглядовъ проф. Озеровъ, не могъ не реагировать остро на свою прежнюю приниженность послѣ революціоннаго переворота.

Задержка в распубликованіи новыхъ проектированныхъ правилъ приводела лишь к инцидентамъ — на них, со словъ Рузскаго, указывали, напр., в своемъ отчетѣ члены Врем. Комитета, посѣтившіе Сѣверный фронтъ. В войскахъ извѣстенъ уже былъ проектъ Поливановской комиссіи, и мѣстное военное начальство, стоя на формальной точкѣ зрѣнія, требовало во имя поддержанія дисциплины обязательное выполненіе старыхъ правилъ и грозило преданіемъ военно-полевому суду (приказъ Радко-Дмитріева). Ставка подтверждала это требованіе. В концѣ концовъ Рузскому пришлось "пріостановить объявленіе распоряженія Ставки" по арміямъ Сѣвернаго фронта.

Военный министръ отказался утвердить "декларацию правъ солдата" (Гучковъ ошибочно относитъ в воспоминаніяхъ к "концу апрѣля" документъ, якобы полученный имъ отъ Совѣта с предложеніемъ разослать его в приказѣ по арміи). "Декларация" была опубликована 9-го мая при новомъ военномъ министрѣ. Такимъ образомъ, между принятіемъ Совѣтомъ проекта и официальнымъ распубликованіемъ прошло ровно *два мѣсяца*. "Декларация" в арміи была извѣстна. Она соотвѣтствовала тому всеобщему напряженному ожиданію, что дисциплина будетъ организована на "новыхъ началахъ", о которомъ говорили в своихъ отчетахъ думскіе депутаты на основаніи непосредственныхъ бесѣдъ с солдатами. Мало того, по нескладницѣ тогдашней постановленіе Совѣта 9 марта могло быть принято, какъ новый "приказъ" отъ Совѣта типа приказовъ № 1 и № 2. Нѣтъ сомнѣній, что совѣтскіе дирижеры разсматривали постановленіе 9 марта, какъ утвержденіе принциповъ, установленныхъ солдатской секціей, а самый текстъ лишь, какъ проектъ будущаго приказа. В черновыхъ записяхъ протоколовъ Исл. Ком. указанія на обсужденіе проекта в самомъ Исл. Ком. мы не встрѣчаемъ — в протоколѣ 10 марта говорится только о требованіи "лѣвыхъ" настаивать на "реализаціи общаго пересмотрѣть порядки в дѣйствующей арміи". Но в публикати 15 марта былъ одинъ терминъ, вносящій путаницу: сказано было, что отмѣняются статьи устава, противорѣчащія положеніямъ "настоящаго приказа", т. е. приказа предполагаемаго. В этой преждевременной публикати нельзя видѣть закулисной махинаціи "большевиковъ", какъ это дѣлаетъ Миллюковъ в "Россіи на переломѣ". Большевики к "декларации", выработанной в солдатской секціи Совѣта, относились отрицательно и видѣли в ней проявленіе реакціонныхъ влѣяній.

Совѣтъ обсудил не только “права солдат”, но и согласно устанавливаемым им положениям, что “солдаты имѣют право внутренней организации”, солдатская секція, под руководством с.-р. прап. Утгофа, разработала и “положеніе о войсковых комитетах” (районных и полковых), учреждаемых для рѣшенія различных вопросов, касающихся “внутреннего быта” войсковых частей. Проект *отвергал выборное начало* командного состава и оговаривал, что вопрос “боевой подготовки и боевых степеней” дѣятельности части обсужденію в комитетѣ не подлежит. Проект “положенія” был опубликован в “Извѣстіях” 24 марта. Обсуждала всѣ эти вопросы и “комиссія о реформах” ген. Поливанова. Уже на третьем своем засѣданіи 9 марта она поручила Ген. Штабу разработать положеніе о ротных комитетах, признавая желательным согласовать министерскій проект с предложеніями солдатской секціи Совѣта и военной комиссіи Временнаго Комитета Гос. Думы.

Пока же на фронтѣ происходили “самочинныя” дѣйствія и самопроизвольно зарождались организаціи, существованіе которых мѣстным военным властям приходилось неизбежно санкціонировать. Так сложилось “армейское самоуправленіе” в XII арміи — сложилось “самостоятельно, почти без всякаго вліянія со стороны Петрограда”, как отмѣчала “памятная записка” Совѣта офиц. деп. названной арміи, поданная Временному Правительству*), и получило свою собственную организационную форму примѣнительно къ мѣстным условіям: из полковых комитетов — солдатских и офицерских, а иногда и смѣшанных — выделялись комитеты дивизионные и корпусные, завершая пирамиду Совѣта солдатских и офицерских депутатов при штабѣ арміи**). “Памятная записка” подчеркивала, что армейская организація, существованіе которой можно начать с 9 марта, возникла “при полном сочувствіи командующаго арміей” (Радко-Дмитріева), сдерживавшаго “несочувствіе” къ самоуправленію армейскому “пизага командного состава”. По мнѣнію составителей “памятной записки” протекшія двѣ недѣли позволяют положительно оцѣнить полученные результаты: “Боевая служба несется образцово”... “Неорганизованныя выступленія и случаи самосуда над нелюбимыми начальниками прекратились совершенно. Исчезли жалобы на недостаточное довольствіе... И даже дезертирство, такое доступное и легкое в виду отсутствія надзора в тылу, не повысилось, а наоборот значительно сократилось. Конечно, такая картина, могущая показаться слишком идиллической, наблюдается только в частях, гдѣ начальство шло навстрѣчу новому порядку... В других частях, гдѣ самоуправленіе не встрѣчало сочувствія начальства, до сих пор чувствуется неуверенность, напряженіе, разобщенность между солдатами и офицерами и, как слѣдствіе, ослабленіе единства и боевой силы части. Очень многіе войсковые начальники, препятствующіе введенію новаго порядка, вовсе не являются принципиальными противниками самоуправления в арміи, но... протестуют против введенія само-

управленія только потому, что оно не подтверждено приказом по военному вѣдомству и представляется им преступленіем, самовольством. В виду этого необходимо скорѣйшее проведеніе приказа по военному вѣдомству обязательных и общих для всей арміи форм воинскаго самоуправления”. Инициаторы шли дальше и предлагали военному министру сконструировать Всероссийскій Общеармейскій Совѣтъ военных депутатов, как орган постоянного представительства дѣйствующей арміи, который создаст бы живую связь между правительством и арміей и дал бы правительству “возможность в своих дѣйствіях опереться на 8 мил. штыков и дѣйствовать твердо и увѣренно, не считаясь ни с какой оппозиціей, откуда бы она ни шла”. Всѣ тыловые совѣты — “случайные совѣты” — подлежали, по этому плану, роспуску и замѣнѣ правильным представительством.

Тактика Радко-Дмитріева*) не была единичной на фронтѣ. Деникин упоминает о ген. Суриковѣ, командовавшем VI арміей на Румынском фронтѣ, который с первых же дней согласился на введеніе комитетов и послал даже телеграмму командирам корпусов сосѣдней арміи с доказательством пользы нововведенія. Также Деникин упоминает, что главнокомандующій Кавказским фронтом “еще до узаконенія военных организацій приказал, чтобы “распоряженія, касающіяся устройства и быта арміи, проходили через Совѣтъ солдатских депутатов”. В военное министерство с разных сторон шло немало доносеній о пользѣ, которую приносили дѣлу “самованные” комитеты — они “вносили успокоеніе, постепенно связывая офицеров с солдатами”. (См., напр., телеграммы с Зап. фронта). Мы видѣли, сколь значительны должны быть поправки къ утвержденію Деникина (“Об исправленіях исторіи”), что Гучков услышал из арміи по вопросу об ея демократизаціи “воплъ осужденія”. Этого не было.

При таких условіях верховной власти не оставалось ничего дру-

*) Половцов, сопровождавшій Гучкова в его поѣздкѣ по фронту, так охарактеризовал «самоуправленіе» в XII арміи: «Радко... устроил себѣ парламент, засѣдающій в театрѣ. Это совѣщаніе вполне благонадежно, а Радко с ним хорошо справляется». Через нѣсколько мѣсяцев Алексѣев в дневникѣ даст совершенно иную характеристику, опираясь на данныя, изложенныя им знаменитом совѣщаніи 16 іюля в Ставкѣ в заявленіи ген. Клембовскаго, замѣнявшаго при Брусиловѣ ген. Драгомирова в качествѣ главнокомандующаго Сѣверным фронтом: «В XII арміи развал достиг крайней степени. Братаніе идет во всю и остановить его нѣтъ возможности... Вредным элементом стали латыши, геройски дравшіеся в декабрѣ и январѣ мѣсяцах. Произошел нравственный перелом: 2/3 Латвіи в руках нѣмцев... Естественно, нужно скорѣе ждать свободы от нѣмцев... Командующій XII арміей не сумѣл поставить себя в отношеніи армейских комитетов и упустил из своих рук управленіе арміей. Превант арміи фактически не Радко-Дмитріев, а председатель совѣтскаго комитета солдат Ромм. Комитеты творят, что хотят. Комитеты латышских бригад состоятъ сплошь из большевиков». Исторія эволюціи арміи в послѣдующіе мѣсяцы выходит за предѣлы данной работы. Здѣсь нужны очень существенныя поправки. Состояніе XII арміи в дни октябрьскаго переворота цѣлком не подтверждает пессимистическую оцѣнку Алексѣева. (См. мою книгу «Как большевики захватили власть»). Во всяком случаѣ послѣдующее далеко не было логическим развитіем того, что закладывалось в эпоху мартовскаго реформирования арміи. Но для марта подлинное настроеніе арміи очень ярко выразилось в выступленіи Ромма на Совѣщаніи Совѣтов. (См. ниже).

*) Делегаты были направлены к военному министру общим собраніем представителей всѣх частей арміи 21-22 марта (присутствовало 379 чел.).

**) Отмѣтим заодно, что «Совѣтъ военных делегатов кievскаго военнаго округа» с самаго начала состоялъ из офицеров и солдат.

гого, как пытаться легализовать комитеты — “прибрать их к рукам”. “Так мы и поступили”, — заключает Гучков в воспоминаниях. 28-го в Ставке состоялось совещание, на котором победила компромиссная позиция, и 30-го Алексеевым, не принадлежавшим к числу людей, для которых-недоступна чужая аргументация*), было издано “временное положение об организации чинов действующей армии и флота”. В основу этого “положения” лег проект, разработанный под руководством Колчака для Черноморского флота и сообщенный, очевидно, в Ставку — Верховским.

Может ли возникнуть хоть какое-нибудь сомнение, что авторитет Правительства и верховного командования бесконечно выиграл бы, если бы инициатива и новая организация армии всецело находились в их руках? Они достигли бы большого, если бы “временное положение” 30-го, замененное через два недели статутом Поливановской комиссии**), было бы издано 9 марта, когда все еще было в брежении и когда еще не пришлось бы закрывать сущее, как стало это неизбежно позднее. Дезорганизующее влияние бесспорно оказало то обстоятельство, что в связи с изменениями “положений” приходилось переизбирать войсковые комитеты — в некоторых местах “до четырех раз” в течение одного месяца (жалоба, которую записал в свой путевой дневник деп. Масленников при посещении Особой армии 18 апреля). Почти столь же неизбежно было и то пагубное явление, которое родилось из факта образования комитетов явочным порядком — они в сущности, нередко продолжали действовать уже в порядке “обычного права” и придавали новой “наиболее свободной в мире” армии подчас характер уродливого своеобразия: протоколы Исп. Ком. зафиксировали такую достаточно яркую бытовую черту — представитель тылового лужского комитета докладывал 11 марта: “хороший гарнизон. Во главе комитета капитан, с ним вместе заседают представители населения, даже женщины”... Едва ли нормальным можно признать тот факт, что в 80 сиб. полку первым председателем солдатского комитета был священник.

**

Каких результатов могла бы достигнуть на первых порах инициатива военной власти, показывает тщательность “инициатора захвата солдатского движения в руки командного состава”, адм. Колчака в Черноморском флоте. Наиболее серьезные большевистские историки должны признать, что Колчаку “действительно удалось добиться огромных успехов — в течение почти двух месяцев: на севастопольских сулах, в гарнизонах и среди рабочих царий... идеи победоносной войны. Севастопольская военная организация создает проект устава, основной мыслью которого является усиление мощи флота и армии”... Колчак считал необходимыми комитеты, которые вносили “порядок и спокойствие”, и он мог на митингах открыто заявлять, что “приказ № 1” для него не обязателен — его выслушивали спокойно.

*) Два крайних позиции, диаметрально противоположные, были представлены «демагогом» Верховским и человеком «долга» Деникиным.

**) «Положение» Поливановской комиссии, стоявшее ближе к советскому проекту, было опубликовано после утверждения его Гучковым 10 апреля.

Адм. Колчак принадлежал, несомненно, к числу крупных индивидуальностей*). Можно думать, что инициатива Ставки была бы поддержана не за страх, а за совесть большинством командного состава и по внутреннему убждению и по выработанной традиции дисциплины — этому чувству чести военный среды. Так ярко последнее выразил ген. Селлищев записью в дневник по поводу “запроса” военного министра об отношении к приказу № 114: “не знаю, как ответят мои командиры полков... Я же лично дам такой ответ: “для меня, как человека военного, всякий приказ военного министра непреложен к исполнению; обсуждать затронутые вопросы я считаю возможным лишь до тех пор, пока они не вылились в форму приказа. Тем более вопросы внутренней жизни войск, которые должны основываться на принципах, а не на разнообразной обстановке, повелевающей в бою; как начальник, я не мог бы доверять своему подчиненному, позволяющему себе критиковать отданный мною приказ”...**). Показательным примером может служить и ген. Марков, дневник которого цитирует Деникин. Первые дни в X армии на Зап. фронте — время колебаний и сомнений. “Все ходят с одной лишь думой — что-то будет? Минувшее все порицали, а настоящего не ожидали. Россия лежит над пропастью, и вопрос еще очень большой — хватит ли сил достигнуть противоположного берега” (запись 6 марта). “Все то же. Руки опускаются работать. История идет логически последовательно. Многое подлое ушло, но и всплыло много напихи”. Прочитав какое-то “постановление” в “Известиях” за “немедленное окончание войны”, экспансивный автор дневника занипет: “погубят армию эти депутаты и Совдты, а вместе с ней и Россию” (9-го). Проходит несколько дней и Марков уходит с головой в “совдты” и “комитеты”. 30 марта он вносит в дневник: “Спокойное, плодотворное заседание армейского съезда до глубокой ночи”. И позже: “Я вверю, что все будет хорошо, но боюсь — какой ценой”... В записях современников из числа военных часто раздаются жалобы на непригодность кадровых офицеров для выпавшей им роли политических воспитателей солдат, что препятствует развитию инициативы командования. Но не боги горшки обжигают, и эта “удручающая” политическая “незрелость” все же, как свидетельствуют многочисленные примеры, очень скоро приспособилась к революционной обстановке.

Ген. Деникин, склонный с некоторым излишеством приминать статистический метод, определял, что 65% начальников армий не оказали достаточно сильного протеста против “демократизации” (т. е. “разложения” армии). Подобное утверждение по существу является лучшим ответом на обвинение в “демагогии”. На эти 65% возлагает ответственность и Гучков в воспоминаниях, написанных в эмиграции.

*) В дневник Верховского («Россия на Голгофе»), 3 марта ему давалась такая характеристика: «Мы все здесь очень любим нашего адмирала. Это настоящий солдат, смелый и решительный, горячий, неутомимый боец, любимый своими командами».

**) И эту запись сдал человек, перед тем записавший свой спор с подчиненным («большим приверженцем нового правительства») и доказывавший, что Гучков действует под напором Совдта, распоряжения которого будут приняты военным министром «для введения в армию, хотя и пройдут через комиссию ген. Поливанова».

уже тогда, когда вынужденная обстоятельствами демократическая тога 17-го года, мало соответствовавшая самым основам политического миропосерзания первого военного министра революционного правительства, была сброшена. Всех своих ближайших помощников по проведению реформы он обвинял в демагогии — они потакали революции по соображениям карьеры*). Свидетельство самооправдывающегося мемуариста, вспоминающего былые дни в ином настроении, чем они им переживались, не может быть убедительным в силу своей тенденциозности.

IV. В преддверии кризиса

Было бы наивно предположить, что военное командование при самых благоприятных условиях могло бы своей энергичной инициативой устранить то основное роковое противоречие, которое вытекало из самой дилеммы, вставшей перед обществом и народом: революция и война. Так, может быть, могли думать немногие энтузиасты, разделявшие почти мистические взгляды адм. Колчака на благотворное влияние войны на человеческий организм и готовые повторять за ним, что революция открывала в этом отношении новые перспективы**). Жизнь была прозаичней, и всей совокупностью условий, которые были очерчены выше, властно намечался как будто бы один путь, определенный в дневник писательницы, не раз цитированной (Гиппиус), словами: “надо действовать обоими руками (одной — за мир, другой — за утверждение защитной силы)”.

Еще определеннее было мнение В. Д. Набокова, принадлежавшего к числу тех, которые полагали, что одной из причин революции было утомление от войны и нежелание ее продолжать... Но только мнение это сложилось уже в процессе революции и сильно отражало в себе слишком субъективное восприятие действительности. В сознании Набокова выраживался единственно разумный выход — сепаратный мир***). “Душа армии”, конечно, улетела с фронта,

*) Гучков сослался на авторитет Корнилова, который будто бы сказал ему при оставлении поста командующего войсками петербургского округа, что в разложении армии виновен, главным образом, командный состав, потакавший солдатской анархии. И что было не столько проявления слабости, сколько революционного карьеризма. Ссылка на Корнилова вызвала большое негодование Деникина, хотя по существу вопроса подобный взгляд вполне соответствовал точке зрения, изложенной Деникиным в «Очерках Русской Смуты». Во всяком случае в март Корнилова также надлежало отнести в сонм «демагогов». Он по собственной инициативе посетил Исп. Ком. и заявил о своем желании действовать в полном контакте с Советом, не возразил против прикомандирования к Штабу советского представителя и даже на «лживых» произвел «выгодное впечатление» (Шляпников). Лишь 16-го к тем содлано было в Испол. Ком. запротоколированное сообщение, что с Корниловым надо быть «осторожным» — он генерал «старой закваски, который хочет закончить революцию».

**) См. характеристику Колчака в III-м т. «Трагедия адм. Колчака», где использован его неопубликованный дневник.

***) Мемуарист вспоминает письмо, полученное им с фронта от гр. Игнатова. Корреспондент писал, что надо отдать себя отчет в том, что война кончилась, потому что армия «стихийно не хочет воевать»: «Умные люди должны придумать способ ликвидации войны безболтзненно, иначе произойдет катастрофа». Набоков показал письмо военному министру.

как выразился позже замечливый Радко-Дмитриева ген. Парский. “Вернуть эту душу” не в силах были революционные организации, ибо они не могли “империалистическую” войну превратить в войну “революционную” и обречены были на противоречивое балансирование в пределах формулы “революционного оборончества”, сдвинувшейся официально знаменем советской демократии. Эта формула, стремившаяся сочетать старые взгляды Диммервальда с новыми патриотическими заданиями, которые ставила революция, не могла устранить причин распада армии.

Для продолжения войны нужен был пафос, то есть активное действие, — защитная сила была формулой пассивной, которая могла получить действительное значение лишь при некоторых определенных внешних условиях. Раз их не было, формула теряла свою политическую остроту. Многие из находившихся непосредственно на фронте сознавали рождавшуюся опасность. Так ген. Селивачев, знакомясь с планом проектировавшегося прорыва с участка 6 арм. корпуса, записал 11 марта: “Предстоящая операция, говоря откровенно, крайне пугает меня: подъема в войсках нет, совершившийся переворот притянул к себе мысли армии, которая безусловно ждала, что с новым правительством будет окончена война, и каждый, вернувшись домой, займется своим делом. А тут опять бой... Какие бы громкие фразы ни говорили от “Совета Р. и С. Д.”, уставший от войны и ее ужасных лишений солдат не подымется духом больше, нежели он подымался при царях, а со стороны офицеров едва ли что можно ожидать крепкого: старые — оскорблены, а молодые — неопытны”... Вероятно, внутренне сознавали то же и руководящие круги революционной демократии. И не только соображения отвлеченные, идеологические, но и психологические настроения — реалистические, толкали демократию на путь поисков всеобщего мира через Стокгольмские совещания и путем пацифистских деклараций.

Другая точка зрения совпадала с официальной позицией правительства зап.-европейской демократии и гласила, что “мир может быть достигнут только путем победы”. Через 25 лет, когда мир переживает вновь катастрофу, кто скажет определенно, на чьей стороне было больше утопии, и какой путь тогда для культуры и человечества был более целесообразен?).

Массе, естественно, чужда была отвлеченная постановка вопроса. Отсюда возникала та драма в душе “простого человека”, о которой говорил в августовском московском совещании с. р. Вржосек, выступавший от имени петроградского Совета офицеровских депутатов: “с одной стороны, мы говорим: боритесь до полного конца, вы должны победить во имя свободной родины, а с другой стороны, мы нашему пролетариату, нашей армии, странам, наиболее бедной духовными и материальными силами, задаем такую колоссальную задачу, которую не может взять на себя ни один пролетариат мира. И если вы, с одной стороны, говорите: “боритесь”, с другой стороны, указываете на Стокгольм и гово-

Тот ответил, что он получает такие письма массами, и приходится «надеться на чудо». Набоков высказал свое убеждение Миллюкову, который «решительно» не согласился, однако, с этим и считал, что «без войны скорей бы все разсыпалось».

*) Эти строки писались во вторую мировую войну.

рите: “ждите оттуда мира”, развѣ вы не понимаете, какую драму создаете вы в душѣ челоѣка, как вы разрываете ее на двѣ части. Мы — теоретики, мы — люди пародной мысли, конечно, сумѣем примирить противорѣчія и в этих изгибах не потеряемся. Но неужели вы думаете, что широкія пародныя массы не ждут дѣтски-просто вѣстей мира, как совершенно опредѣленнаго указанія оттуда. И развѣ вы думаете, что так легко стоять перед смертью?... Нечеловѣческим ужасом наполняется душа — так развѣ можно в то же самое время его смущать мыслью о мирѣ и говорить: ты должен духать одновременно и о борьбѣ, и о мирѣ”*)).

Вот почва, на которой развивалась в арміи бацилла, порожденная эсхатологіей фанатичнаго вождя большевиков. В силу своего собственнаго внутренняго противорѣчія революціонная демократія не сумѣла, как не сумѣло этого по другим причинам и Временное Правительство, оказать должное противодѣйствіе разлагающей, упрощенной по своей прямолинейности, пропагандѣ послѣдователей ленинской политики**).

Вовсе не надо принадлежать по своимъ политическимъ взглядамъ к числу “реакціонеровъ”, какъ полагаетъ в своихъ воспоминаніяхъ Керенскій, для того, чтобы признать полную правоту Алексѣева, писавшаго 16 апрѣля Гучкову: “положеніе в арміи с каждымъ днемъ ухудшается... армія идетъ к постепенному разложенію”. Верховный главнокомандующій лишь удивляется безответственности людей, писавшихъ и говорившихъ о “прекрасномъ” настроеніи арміи. Количество мрачныхъ сужденій о состояніи арміи возрастаетъ. Извѣстный намъ прапорщикъ-интеллигентъ изъ Особой арміи, бывшій скорѣе в первые педѣли послѣ революціи оптимистомъ, употребляетъ уже слова: “армія погибаетъ” (5 мая). И все же положеніе было вовсе не такъ безнадежно, какъ оно казалось pessimistамъ. Спасаю, вѣроятно, тотъ “здравый смыслъ русскаго народа”, о которомъ в первые дни революціи кн. Львовъ говорилъ Алексѣеву. Надо было не надѣяться на “чудо” (такъ Набоковъ опредѣляетъ апрѣльскія настроенія военнаго министра), а только ближе присмотрѣться к жизни.

Большевнцкіе истрики вполнѣстѣвн должны были признать, что процессъ разложенія арміи “шелъ гораздо медленнѣе, чѣмъ можно было ожидать”, и что этому замедленію содѣйствовали органы армейскаго самоуправленія. Трудно во многомъ не согласиться с тѣмъ, что говорилъ на московскомъ совѣщаніи “представитель армейскихъ и фронтовыхъ комитетовъ” Кучинъ, хотя отдѣльныя мѣста его рѣчи, не безъ основанія, вызывали довольно шумные протесты части собранія. Вотъ что онъ говорилъ о роли, которую сыграло в арміи новое “самоуправленіе”. “Что сдѣлали комитеты? — спрашиваютъ здѣсь. Здѣсь указываютъ на цѣлый рядъ явленій разложенія. Указываютъ, что моральнаго подъема нѣтъ, что дисциплина пала и т. д. и т. д., и что в этомъ

виноваты комитеты. Нѣтъ, мы утверждаемъ, что если бы в первые дни революціи в арміи не были созданы эти организаціи солдатской массы*), эти организаціи, объединившія солдатъ и офицеровъ, то мы не знаемъ, что было бы в арміи, которая в страшно трудной обстановкѣ освободилась подъ выстрѣлами враговъ от роковаго гнета... Что сдѣлали комитеты с перваго дня революціи? Они произвели огромную работу организаціи массы... (я дальше мѣстами дѣлаю нѣкоторую перестановку в послѣдовательности нѣскольکو необработанной и разбросанной рѣчи). Мы знаемъ, если вы видѣли солдата в первые дни революціи, ...с какой стихійной потребностью он шелъ и чувствовалъ, что ему нужно говорить, нужно организовываться. У него ничего не было. Ему нужно было давать то, чего онъ не зналъ. Это давали комитеты... Кто же первый... сталъ на защиту необходимости нормальныхъ отношеній солдатъ с офицерами? Комитеты. Я утверждаю это про XII армію, представителемъ которой я являюсь... Революція... не игрушка. Если она была мучительной в арміи, если цѣлый рядъ конфликтовъ былъ в арміи, то это потому, что это — революція... огромная масса освободилась от роковаго гнета... Она во многихъ случаяхъ проявила незаконно, можетъ быть, позорно свой гнѣвъ... Но что, если бы не было комитетовъ?... Если сейчасъ в отдѣльныхъ арміяхъ мы переживаемъ періодъ отсутствія антагонизма между солдатами и офицерами... в этомъ по существу закономѣрномъ и стихійномъ процессѣ главное мѣсто занимаетъ работа армейскихъ комитетовъ... Затѣмъ возникла цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ... Мы знаемъ, что не было ни одного комитета изъ отвѣтственныхъ представителей солдатскихъ и офицерскихъ массъ, который... не принялъ бы участія в борьбѣ с разлагающимъ братаніемъ. Если сейчасъ нѣтъ братанія в арміи, то эту роль, несомнѣнно, сыграли армейскіе комитеты”...

Рѣчь фронтоваго представителя социалистической демократіи была произнесена в моментъ, отдаленный отъ мартовскихъ переживаній уже цѣлой полосой революціи, которую в отношеніи арміи онъ самъ охарактеризовалъ “періодомъ разложенія и дезорганизаціи”. Этотъ “второй періодъ” жизни арміи ораторъ пытался односторонне представить неизбѣжнымъ “стихійнымъ процессомъ революціи” — “это вина всего, что произошло, это вина не людей и организаціи, это бѣда русской революціи, которая произошла в моментъ мировой войны и задыхалась в этой ужасной войнѣ”. Первый періодъ революціи — говорилъ Кучинъ — прошелъ, какъ сознательная дѣятельность нѣкоторыхъ элементовъ солдатской массы, за которыми слѣпо и радостно шла солдатская масса, выходящая на спецу сознательной жизни. Во второй періодъ... прошелъ мучительный процессъ в глубинахъ народной жизни”. “Солдатская масса обрадовалась ре-

*) Кучинъ слишкомъ рѣшительно отрицалъ вліяніе «приказа № 1» — «онъ никакого значенія не игралъ в арміи». «Я утверждаю, — говорилъ представитель фронтовой группы, — что Кавказской арміи онъ не былъ извѣстенъ в тотъ моментъ, когда начали создаваться тамъ комитеты... Комитеты явились стихійнымъ процессомъ в тотъ моментъ когда старый порядокъ в арміи рушился, и не было ничего новаго. Комитеты явились проявленіемъ инстинкта самосохраненія массы, мудраго инстинкта сознанія представителей массъ, которые знали, что имъ придется в чрезвычайно трудныхъ условіяхъ создавать новый бытъ арміи... такъ какъ передъ ними была масса, только что вырвавшаяся изъ состоянія рабства».

*) См. «Золотой ключъ».

**) Сухановъ говоритъ, что в засѣданіи Контактной Комиссіи, собравшейся еще в серединѣ апрѣля в силу болѣзни военнаго министра на его квартирѣ, Гучковъ пытался убѣдить совѣтскихъ представителей о невозможности «говорить вслухъ о мирѣ», ибо при словѣ «миръ» в арміи наступаетъ «параличъ», и она разлагается.

волюции, как скорому приходу мира". "Стихийную потребность мира" армейские комитеты пытались влить в "русле международной борьбы за мир" и "энергичной обороны страны". "Не всегда удавалось эту идею воплотить в сознании широких масс", которые разочаровались в революции, не давшей "всего, что они хотели" и которые начали "самостоятельно перебаривать всю ту огромную массу вопросов, которые в их мозг, в их жизнь выкинула революция". Естественно, они не могли справиться с такой задачей — на этой почве рождались дезорганизаторские настроения, которые, как в определенном кристалле, собирались вокруг "большевизма". "Не большевизм самостоятельно родил то ужасное, что было в армии, не большевизм безответственный, но большевизм жандармский, потому что жандармы и городовые вступали в армию под лозунгом большевизма и были тем ферментом, который разлагал те настроения, которые создались в армии".

В данном случае Кучин следовал роковому *usus**, установившемуся в значительном большинстве революционной демократии под влиянием роста, как казалось, реставрационных настроений после июльских дней, реабилитировать идейный большевизм и дезорганизаторскую работу объяснить происками "контр-революционеров", которые действуют "под флагом большевизма" (см. "Золотой ключ"). Это было тактически ошибочно и неправильно по существу. Объективное установление факта о злой роковой роли, которую сыграли отправляемые на фронт жандармы, несомненно правильно*).

Несколько отвлеченное построение, представителя фронтовой демократии, социологически, вкратце, правильное (поправка должна быть сделана, может быть, в сторону примата пропаганды "безответственных" элементов) противопоставлялось той системе оздоровления армии, которая, по его выражению, сводилась к репрессивным "мрам жельза и крови" и которой аплодировало на Гос. Совещании так называемое "правое" крыло. Кучин, боясь "ужасами в армии", указывая, что "эту тощую, ищущую бесплодно пути к своему возрождению массу темных людей, нельзя представлять себе взбунтовавшимися рабами, которых "покорностью можно заставить жить так, как надо**). Спор этот вводит

*) Лозунг «полицию на фронт» был популярен в революционное время, и как-то никто на первых порах не задумывался о последствиях его осуществления. Так первый армейский фронтовой съезд в Минск вынес специальное о том постановление. Результаты сказались очень скоро. Революционный командующий войсками Киевского округа Оберучев утверждает, что «каждое сообщение об отказе под влиянием большевистской пропаганды заканчивалось обыкновенно так: «председателем полкового совета был бывший жандарм» и т. д. В позднейшем отчете комиссара XI армии на юго-запад. фронт Кирienko также отмечалось пагубное влияние пополнения частей, стоявших на фронте, городскими и жандармами, присылаемыми из тыла: многие из них стали «большевиками» и внесли деморализацию в боеспособных частях (как пример, отчет приводит Московский полк 2 дивизии гвардейского корпуса, где таких «бывших» оказалось около 150 человек). Думские депутаты в свою очередь регистрировали случаи, когда части выносили недоверие офицерам под руководством бывших агентов Охранных отделений.

**) «Мы знаем, кто жил близко к солдатской массе, — говорил оратор, — что глупое и темное брожение шло в широких глубинах и недрах армии дореволюционного периода... Из теплушек, из трамвайных вагонов, из тем-

нас непосредственно во "второй период" жизни армии, лишь началом своим захватывающий эпоху первого Временного Правительства. В сущности основное положение фронтового делегата, говорившего от имени революционной демократии, косвенно подтвердил в своей речи и первый верховный главнокомандующий революционного времени. В своем слове, полном заостренной горечи за пережитое и страдания за судьбы армии, Алексеев объективно не мог одобрить того недавнего прошлого, которое тогда было еще живым настоящим и, по добром помыслу выборные коллективы, все же подлинный вожь армии признал, что в недрах своего здорового организма армия могла переварить "ядовитую пилуло" в виде "приказа № 1", но ее разрушала не встречавшая должного противодействия пороченческая (уотребим для простоты и отчетливости термин из языка дореволюционного — его употребили Каледин и Маклаков в своих речах на Гос. Сов.) агитация — "с этим труднее было бороться".

В апреле, повторяем, еще рано было говорить о "чуде", которое одно только могло спасти армию. Вслушаемся в отчеты уполномоченных Врем. Комитета, посетивших фронт в апреле. Мы не имеем официального отчета депутатов Мансырева и Филоненко, командированных 5 апреля на Юго-Западный фронт и вернувшихся 21-го. Но Мансыров в воспоминаниях рассказал о своих впечатлениях. Воспоминания Мансырева, правда, очень далеки от воспроизведения былой действительности с точностью, доступной мемуаристу, но едва ли он сильно погрешил против общего впечатления вынесенного из поездки: "Юго-Западный фронт производил впечатление хорошее". Такое же заключение, по его словам, вынесли и два других думца — Шаховской и Кузьмин, которые одновременно были на фронте. "Мы посетили — вспоминает Мансырев — свыше 25 полков, не считая отдельных небольших отрядов, а также разных митингов, составленных по пути из солдат и местных жителей... Настроение патристическое, полное готовности к наступлению, недурная дисциплина и даже отсутствие резкого антагонизма между солдатами и офицерами; бывали кое-какие недоразумения, но мы их сравнительно легко ликвидировали" — депутат бдл с советскими делегатами ("несколько хуже" было настроение в VIII Калединской армии).

Об апрельских настроениях в Особой армии мы имеем опубликованные выдержки из официального отчета членов Думы Масленикова и Шамова о поездке на фронт в середине мая. Резюме их доклада довольно пессимистично: "сравнивая дух армии в настоящее время и в первые дни революции при посещении Северного фронта, к сожалению, приходится констатировать, что та пропаганда, которую вела Германия у нас в тылу через своих вольных и невольных провокаторов и шпионов, а также пропаганда на фронте под

ных землянок часто раздавались слова, указывающие на озлобленное настроение... Мы знаем, как в последнее время до революции увеличивались репрессии вместе с ростом разложения армии... Мы слышали во время сражений далекие выстрелы тогда. Это были выстрелы расстрелов. И мы знаем, как часто применялись плети и розги, но многие не знают, какую бурю негодования вызывали они в солдатской массе, которая... тайно переживала чувство озлобления... Это чувство озлобления было принесено солдатами в первые же дни революционного периода...

видом перемирия и братанія сдѣлали свое губительное дѣло... Успѣх нежелательной пропаганды в нѣкоторых частях лежит в том, что он бьет по самому большому мѣсту. Всѣ устали воевать — большевническая пропаганда проповѣдует скорѣйшее прекращеніе активных военных дѣйствій (оборонительная война и мирный конгресс)... Вот почему так крѣпка укоренилось неправильное пониманіе мира без анексій, как отказ от всякой наступательной войны... Огромная масса солдат рада вѣрить в то, что нѣмцы пойдут на всѣ требованія, выставленныя русской демократіей. Нѣмцы, отлично зная это настроеніе, всячески стараются его поддержать и развивать, прекратив обстрѣл наших позицій и проповѣдая свое миролюбіе организованным и планомерно проводимым братаніем. Зараза, идущая из тыла, одинаковая с пропагандой нѣмцев, убѣждает менѣе сознательную часть солдат в возможности их мыслей и чаяній”.

Подводя итоги, депутаты проявили склонность обобщить наблюденія, ими сдѣланныя в отдѣльных случаях. Это опредѣленно вытекает из отчета, представленнаго в видѣ поденных записей от 11 до 19 апрѣля. Прослѣдим их вкратцѣ. 11-го депутаты в Луцкѣ, гдѣ пребывал штаб Особой арміи. Ген. Балуев с “большой похвалой” отозвался о дѣятельности комитета арміи, председателем котораго по избранію состоялъ инициатор и организатор съѣзда арміи полк. Малыхин. При нем продуктивно работает “согласительная коммиссія”, вѣдающая разбером конфликтов, которые возникают на почвѣ отношеній между солдатами и офицерами. (Депутаты приводят примѣр, как солдатами был смѣщенъ командир полка и выбран другой — коммиссія “быстро” добила подчиненія новому командиру, назначенному Балуевым). Описывают депутаты посѣщеніе Полоцкаго полка. Кричат “ура”, качают и несут до экипажей... В рѣчах “вѣрное пониманіе смысла девиза “без анексій и контрибуцій”, отсутствуют рѣчи большевnickаго направленія”. То же в Тобольском полку, который в образцовом порядкѣ в церемониальном маршѣ под звуки марсельезы проходит перед депутатами. По заявленію командира, девиз полка: “война до побѣдлаго конца без анексій и контрибуцій”... 13-го заканчивается объѣзд 5-го корпуса — впечатлѣніе “благопріятное”. “Всюду налажена дѣятельность комитетов, не вызывающая столкновеній с начальством... В смыслѣ боеспособности солдат... несомнѣнно в наступленіе пойдут. Объясняется это интенсивной борьбой комитетов с пропагандой большевиков. Отношеніе к Думѣ и Временному Правительству (подчеркивается иногда необходимость единенія послѣдняго с Совѣтом С. и Р. Д.) *крайне благожелательное*. Отношеніе к депутатам *восторженное*... Замѣчаніе депутата (Масленникова), что Совѣтъ не должен стремиться к законодательной власти и тѣм болѣе управленію страной, в виду опасности двоевластія, — не вызывает протеста, наоборот одобряется. Солдаты всюду выставляют своим девизом демократическую республику”. 15-го депутаты посѣщают Временец — штаб XI арміи ген. Гутора. Здѣсь на армейском съѣздѣ депутаты впервые услышали рѣчь большевnickую — председатель съѣзда прап. 11 финл. полка, бывшій секретарь “лѣвых фракцій Гос. Думы” заявил, что армія будет “драться до конца” (“мы будем голы, босы, но будем драться за свободу пролетаріата”) только

в случаѣ выясненія истинных намѣреній наших союзников, дабы Россія была дана гарантія, что борьба идет не за капиталистическія цѣли союзников”. Отвѣтъ Масленникова “все же удовлетворил” съѣзд, на засѣданіях котораго чувствовалась “дѣятельная пропаганда большевиков”. Под крики “ура” депутатов “выносят на руках”. 16-го посѣщеніе штаба 2 гвард. корпуса — депутатам устраивается “восторженный пріем в Волынском, Кегсгольмском и Петроградском полках”... 17-го солдаты гвардіи 1 и 4 стрѣлковых полков требовали удаленія “всѣх баронов, фонов и прочих шпіонов”, а также офицеров, которым было выражено недовѣріе запасным батальоном в Царском Селѣ*). В засѣданіи корпуснаго комитета поднимался вопрос о созывѣ Учр. Собранія. Рабочій солдат (большевnickаго направленія) настаивал на скорѣйшем его созывѣ; большинство же (крестьяне) просили ходатайствовать об отложеніи созыва “до окончанія войны” в виду невозможности провести посредством “правильной агитаціи” “элементы, которые представляли бы дѣйствительный голос крестьянства. Депутаты отмѣчали “крайне благожелательное настроеніе всего собранія”. 19-го посѣщеніе Гренадерскаго полка — того самаго, в котором дѣйствовал прославившійся потом поручик большевик Дзевалтовскій. Вновь крики “ура”, “оваціи”. Но среди рѣчей солдат отмѣчают фразы: “штык против пѣмцев, приклад против внутренняго врага”. Были произнесены двѣ “крайнія рѣчи” — угроза удалить “вон” правительство, если оно не пойдет об руку с Совѣтом, и требованіе заключенія былин. императора в Петропавловскую крѣпость. Однако, возраженіе Масленникова встрѣчает “полное сочувствіе” собранія. Вновь “оваціи и ура”. При посѣщеніи гвардейских сапер в Несвѣжѣ впервые за всю побѣду был очень остро затронут вопрос о мирѣ* одним из членов президіума комитета, утвержденным штабом “редактором латышской газеты”, который указывал на “мирную конференцію, как на скорѣйшій способ ликвидировать войну”. В рѣчах не было “ни одного слова, враждебнаго к Германіи”, тѣм не менѣе в концѣ собранія крики “ура” и т. д. В связи с обнаружившимся “крайним направленіем” солдат в штаб I корпуса, депутаты отмѣчают рассказы “очевидцев”, как лѣвота прѣпятствовала артиллеріи прекращать “братанія”, возникавшія по инициативѣ “германцев” и принимавшія в нѣкоторых частях корпуса “прямо уродливыя формы” на Пасху*).

*) Депутаты объясняли это требованіе «замѣтным желаніем солдат сохранить добрыя отношенія с запасным батальоном, в который, в цѣлях отдыха, всѣ стрѣлки стремятся попасть». В документѣ, воспроизводящем отчет депутатов, дано такое еще поясненіе: «В числѣ офицеров, коим выражено недовѣріе в зап. бат., находятся два георгіевских кавалера (члны командиров полков)... Нужно замѣтить, что председатель зап. бат., вынесшаго недовѣріе, был вполнѣ арестован, как чин Охр. Отд. В арестѣ вышеназванных офицеров, в первые дни революціи бывших популярными среди солдат, сыграли немалую роль прикомандированные к зап. бат. офицеры, сводившіе личные счеты на почвѣ оскорбленнаго самолюбія» (выбачное начало и пр.).

**) Из официальной сводки свѣдѣній о братаніях на фронтѣ с 1 марта по 1 мая можно вообще заключить, что в апрѣлѣ, не говоря уже о мартѣ, явленіе это на всѣх фронтах было довольно случайное и сравнительно рѣдкое, едва ли выходявшее значительно за предѣлы, наблюдавшіеся до революціи — оно легко прекращалось пулеметным или артиллерійским огнем.

Вот главнейшее, как думается, что можно извлечь из записей, сделанных уполномоченными Врем. Комитета (отчет напечатан, к сожаленью, с купюрами). Какое можно сделать заключение о настроениях на других фронтах? Показательным явлением был многолюдный армейский съезд, собравшийся в Минск и заседавший с 7 по 17 апреля. Это был съезд "военных и рабочих депутатов армии и тыла Западного фронта" (присутствовало около 1200 делегатов). Первый армейский съезд приветствовали думские депутаты Родзянко и Родичев. От Исп. Ком. прибыла делегация, в состав которой входили Чхеидзе и Церетелли. Суханов в воспоминаниях бьет в литавры по поводу успеха советской делегации — съезд имел "огромное значение для завоевания армии Советом": съездом всецело овладели советские люди, советские настроения и лозунги, вся вообще советская атмосфера. Резолюции съезда повторяли без всяких поправок и дополнений резолюции всероссийского советского "Совещания". "Минский фронтальный съезд знаменовал собой радикальный перелом всей революционной конъюнктуры и завершение советской победы над армией". Мемуарист *post factum* придал минскому съезду совершенно не то значение, которое он имел.

Съезд проходил в конечных чертах в атмосфере взаимного доверия. "Демосфены от плутократии", как выражается мемуарист, появились в Минск вовсе не для того, чтобы противопоставить какую-то особую политику "думско-правительственных сфер" политике революционной демократии после правительственной декларации по внешней политике. Формально позиции обоих политических центров не расходились. "Именные столичные делегаты от Совета держали себя также с тактом. Чхеидзе говорил о необходимости единения фронта и тыла для того, чтобы свобода стала, действительно, "величайшим праздником". Защиты свободы посвятили свою речь Церетелли, указывавший, что сепаратный мир был бы гибелью для России. Скобелев высказывал уверенность, что армия не допустит удушливых газов с запада и установить единение солдат и офицеров и т. д. Их выступления были "сплошным триумфом", но также "восторженно рукоплескала" аудитория и "революционно-патриотическим" фразам думских делегатов. При открытии съезда выступили представители французской и английской военных миссий. С энтузиазмом воспринята была и речь нового главнокомандующего ген. Гурко, этого подлинного военного вождя и хорошего оратора, но характеристик иностранного наблюдателя проф. Легра*). Такое одинаковое отношение ко всем ораторам возбуждает да-

Только 16 апреля в "Правде" появилась статья Ленина, призывавшая сотрудничать «братников». Он писал: «...войну невозможно кончить ни простым втыканием штыков в землю, ни вообще односторонним отказом одной из воюющих стран. Практическое немедленное средство для того, чтобы ускорить войну, есть и может быть только одно (кроме победы рабочей революции над капиталистами), именно: братанье солдат на фронте — немедленная, энергичнейшая, всесторонняя, безусловная помощь с нашей стороны братанью солдат обеих воюющих групп на фронте. Такое братанье уже началось. «Давайте помогать ему» (статья Ленина была ответом на отрицательную резолюцию Совета Солд. Деп. по поводу пропаганды большевиков).

*) Какое впечатление произвел Гурко показывает довольно необычный факт, о котором рассказывает Легра, как непосредственный очевид-

же возмущение со стороны Легра: «с'est éccœurant» записывает он в дневник. В действительности это свидетельствует лишь о настроении аудитория*). Никаких общих политических резолюций, кроме резолюций всероссийского Совещания Советов, никем не было предложено — естественно, что опыты были приняты без поправок и дополнений.

Но важно, что резолюция о войне, хотя председателем съезда был избран большевик Позери, глава местного совета, заявивший себя, однако, перед открытием съезда соц. демократом, стоящим на платформе советского "Совещания", была принята 610 голосами против 8 при 46 воздержавшихся. "Пораженцы" всех мастей должны были ступать перед настроением делегатов, в большом количестве прибывших из "окопов". Ленинские выученики, появившиеся на авансцене, не торжествовали и в секционных заседаниях съезда, где обсуждались деловые вопросы: так в секции по организации армии, разрабатывавшей проект обновления командного состава, подавляющим большинством было отвергнуто выборное начало. Съезд объявил дезертирство из армии "позором и измной для революции" и требовал добровольного немедленного возвращения в свои части покинувших фронт. В состав фронтового комитета на съезде было выбрано 27 офицеров, 35 солдат, 10 рабочих и 3 врача. В состав этого комитета съезд включил священ. Еладинцова, который приветствовал съезд от имени "горсточки революционного духовенства". Перед закрытием съезда ген. Гурко выступил с речью, предостерегавшей от междоусобицы переговоров с немцами, которые скрывали таким путем свои продвижения на фронт. "Война — говорил главнокомандующий — кончится не отказом от анексий и контрибуций, а тогда, когда одна воля будет подавлена другой. Мы должны сломить волю врага, и тогда провозглашенные идеи самоопределения будут проведены в жизнь. Разрушив германский милитаризм, мы скажем: "не смейте держать столько войск, быть постоянной угрозой миру"...

Приблизительно в это время английский посол посетил председателя кабинета министров, которого он застал в "очень оптимистическом настроении". Бьюкенен на основании данных, доставленных английскими (военными) атташе, которые вернулись с фронта, обращал внимание Правительства на состояние армии и настаивал на запрещении социалистическим агитаторам посещать фронт. Львов совершенно не разделял пессимизма посла. Львов — записывает последний — успокоил меня, сказав, что на фронте есть только два слабых пункта: Двинск и Рига (т. е. Северный фронт). Армия, как целое, крепка, и все попытки агитаторов уничтожить дисциплину не будут иметь успеха: "Правительство может рассчитывать на поддержку армии и даже петроградский гарнизон, не говоря уже о войсках на фронте, которые предложили уничто-

Дец: после одного из горячих призывов, обращенных главнокомандующим к толпе, выступивший из рядов солдат-«большевик» поцеловал Гурко руку.

*) Легра рассказывает, что с Родичевым случился неприятный для оратора инцидент — у него выскочила вставная челюсть и упала на пол. Легко представить себе, как размышлял бы подобный случай французскую аудиторию — пишет Легра, — здесь, наоборот, это не вызвало даже улыбки, и Легра должен признать, что это достаточно характеризует психологию слушателей.

жить Совет рабочих" (Бьюкенен был "весьма озабочен", что Правительство "безсильно освободиться от контроля Исп. Ком."). "Правительство -- прибавил Львов -- не может принять подобных предложений, не подвергая себя нападкам в том, что оно замышляет контр-революцию".

Что же это был только самообман, присущий идеалистически настроенному премьеру, или выражение официального оптимизма, вынужденного вниманием иностранного посла? Допустим и то, и другое, и все-таки открывшиеся возможности вовсе не были проблематичны, ибо действительность не была так безнадежна, как она впоследствии рисовалась некоторым мемуаристам. В апреле армия сохраняла свою силу, и недаром министр ин. дел, связанный с пр. ф. Легра старыми дружественными личными отношениями, говорил ему 17 апреля, что серьезное наступление задерживается только вопросом о продовольствии армии, затрудненным дезорганизацией транспорта, а Ставка на запрос великобританского ген. штаба от имени союзников о сроках наступления довольно категорически сообщила, что наступление *назначено* на середину мая*).

**

Если мы вернемся к мартовским дням, то должны будем признать, что перспективы возможностей открывались еще больше. Этими возможностями не сумели воспользоваться. Слова приведенного выше согласительного воззвания ("приказа № 3") довольно наглядно передают нам первую обстановку еще не улегшегося возбуждения первых революционных дней -- дней "светлых, но еще тревожных", по характеристике одновременно изданного приказа по Преображенскому полку ("светлыми, ясными" назвал их даже Алексеев -- быть может, больше по тактическим соображениям -- на Государ. Совещании в Москве). Закрепить "свободу", в которой был еще полной уверенности, провозглашением *ubi et ubi* неваго правительственного принципа, имевшегося "завоеваниями революции"; увлечь колеблющихся и сомневающихся души красивыми лозунгами-декларациями, дать вышнюю коллективную форму выражения накопленному индивидуальному энтузиазму -- вот могучий стимул момента, заглушавший подчас все партийный или иные соображения.

Революционная фразеология всегда, конечно, на грани демагогии, ибо она забывает "миллионы моментов будущего", которые предстоит пережить (слова ген. Алексеева на Гос. Сов.). Но каждый отдельный момент запечатлевается волнующими сценами искреннего пафоса. Прислушаемся к голосу современника -- он достаточно знаменателен. В газете "Речь" -- в той газете, позицию которой через короткий промежуток времени дневник Гиппиус будет определять словами "круглый враг всего, что касается революции" -- рассказывалось о пылком настроении, царившем 13 марта на первом объединенном заседании

представителей образовавшегося Совета офицерских депутатов петроградского гарнизона и Исполнительного Комитета, на котором обсуждался проект "декларации" прав солдата (присутствовали и иностранные офицеры). Это была торжественная манифестация единения солдат и офицеров. В "общем энтузиазме, поцелуях и слезах" принимается резолюция, призывающая в основу "прочного братского единения" положить чувство "взаимного уважения... чести и общее стремление стоять на страже свободы". Мрачно настроенный Деникин, чуждый "идеализм", во всех этих манифестациях усмотрит (по крайней мере в воспоминаниях) лишь "ложный пафос" (генерал попал в Петербург уже тогда, когда очередные будни стали стирать флер первых дней). Скептики скажут (с известной правдивостью), что действительность была далека от таких идеалов и дадут примеры разительного противоречия. И тем не менее забыть об этих (пусть даже поверхностных) настроениях -- значит нарушить историческую перспективу. Нельзя усмотреть только "ложный пафос" в грандиозной и торжественной манифестации, которую явили собой похороны "жертв революции" на Марсовом поле 23 марта*), или в аналогичных, сентиментальных сценах на фронте (вспомогательные Врем. Ком. отменяли "братание" офицеров и солдат 23-го в Двинске, когда присутствовавшие плакали); не только "ложный пафос" заставлял рыдать "буржуазную" и "пролетарскую" толпу, собравшуюся на концерт-митинг 25 марта в Мариинском театре, который был организован в пользу "жертв революции" комитетом Волынского полка и на котором присутствовали члены иностранного дипломатического корпуса и активно участвовали представители Правительства и Совета (выступали Керенский и Чхеидзе). Палеолог вспоминает, что, когда Фигнер развертывала перед аудиторией скорбный мартиролог погибших за дело свободы и похоронный марш в оркестровом исполнении придавал политической речи патетический характер религиозных поминок, *большинство* присутствовавших плакало**). Только славянская душа (*âme slave*) способна, по мнению французского реалиста, так реагировать на слово. Но это было и это захватило всех. Керенский обмывался в Кронштадте поцелуем с Рашаевым (!!), "слезы" и "объятия" отменяет Бубликов на первом заседании съезда промышленников, собравшегося в Москве 19-го и "единственно" приветствовавшего "свержение презрительной царской власти" (выражение Рябушинского на Гос. Сов. в Москве). "Всемирным торжеством -- вспоминает Гольденвейзер -- был "Праздник революции", организованный в Киеве 16 марта: это было вышнее выражение того подъема, тех приподнятых радостных настроений, того "почти" полного единства мыслей и чувств, с которыми переживал Киев "медовый мессия" революции.

Подобное настроение не могло не отражаться и на отношении к

*) Русский современник мог бы повторить метафору Мишле о парижском празднике Федерации 14 июля 1790 г. -- Это был день «всеобщего братства, когда Бог явил свой лик. Бог согласия и мира, а не Бог насилия».

**) Суханов говорил, что это был восторг «буржуазной» толпы, которая жила «новым подъемом» и дышала «радостью великодушной революции». Это, конечно, неверно.

*) В момент же развала Черноморского флота (май), когда нужно было произвести рискованную операцию, Колчак вызвал охотников: число последних -- показывал он в дни сибирского допроса -- значительно превысило нужное количество.

войнѣ. Даже самые “непримиримые противники войны” — большевики, еще не шли дальше лозунга “войны без побѣдителей и побѣжденных”. Карикатурой на дѣйствительность являются утверждения, подобные тѣм, какія можно пайти в исторических изысканіях военного историка Головина, не усомнившася написать без всяких оговорок про “начало революціи”, что “крайнія социалистическія партіи с большевиками во главѣ” в цѣлях “углубленія революціи” толкали солдатскія массы к бунту и убійству офицеров, не останавливаясь перед полным разрушеніем самого организма арміи”. Дезорганизаторская работа большевиков, не могших по своей численности оказывать большого вліянія на рѣшенія Исп. Ком., была в сущности далека в то время от такой проповѣди. Оберучев рассказывает, как неистовый и истерическій будущій главоверх Крыленко, занимавшийся в эмиграціи перефразировкой ленинских призывов против войны, на фронтовом съѣздѣ в Кіевѣ в апрѣлѣ высказался за наступленіе. Позиція “защиты революціоннаго отечества”, которой держалось без колебаній большинство Исп. Ком., и которая может быть выражена позднѣйшим заявленіем Церетелли на московском Гос. Совѣщаніи: “сторонники сепаратнаго мира придут, только перешагнув через труп революціи”, не могла вести к сознательному разрушенію арміи. Цѣлью реформ, разрабатывавшихся солдатской секціей Совѣта, являлось укрѣпленіе — может быть эфемерное — военного организма...

По мнѣнію ген. Врангеля, в “рѣшительныя минуты” послѣ переворота не было сдѣлано со стороны старших военных руководителей “никакой попытки овладѣть сверху психологіей арміи”... Мы видѣли, что это было не совсѣм так. Но, повидимому, Врангель раздѣлял в то время позицію Деникина, первое впечатлѣніе котораго при полученіи циркулярной телеграммы Алексѣева было, как мы знаем, сформулировано словами: “Ставка выпустила из своих рук управленіе арміей”. Ставка упустила момент не в смыслѣ захвата армейскаго революціоннаго движенія в свои руки. Нѣтъ! “Грозный окрик верховнаго командованія, поддержанный сохранившей в первыя двѣ недѣли дисциплину и повиновеніе арміей, быть может, мог поставить на мѣсто переоцѣнившій свое значеніе Совѣтъ, не допустить “демократизаціи” арміи и оказать соотвѣтствующее давленіе на весь ход политических событій, не пося характера ни контр-революціи, ни военной диктатуры” — пишет автор “Очерков русской смуты”, передавая не то вывод современника, не то заключеніе историка. “Лояльность команднаго состава и полное отсутствіе с его стороны активнаго противодействия разрушительной политикѣ Петрограда — по словам Деникина — превзошли всѣ ожиданія революціонной демократіи”...

Сам Деникин совершенно не склонен был итти на уступки — по собственным словам, он, в качествѣ главнокомандующаго фронтом, подчеркнуто с самаго начала держался системы полного игнорированія комитетов. Період разработки новых реформ застал Деникина на посту нач. штаба верх. главнокомандующаго, что не могло не оказывать несомнѣннаго вліянія на позицію Ставки. Ссылаясь на знаніе “солдатской психологіи”, Деникин говорит, что строевые начальники не желали придавать армейским реформам (признавая цѣлесообразность

нѣкоторых из них — устраненіе “нѣкоторых отживших” форм) характер “завоеваній революціи”: надо было дѣйствовать “исподволь, осторожно”. Рецепт довольно утопичный в обстановкѣ революціоннаго дѣйствія. Какими силами можно было удержать армію в предѣлах стараго дисциплинарнаго устава? Здѣсь между “генералитетом”, принявшим переворот, и “революціонной демократіей”, активно участвовавшей в переворотѣ, лежала непроходимая пропасть, отчетливо опредѣленная в рѣчи Кучина на Гос. Совѣщаніи и в деклараціи, прочитанной Чхеидзе от имени революціонной демократіи: “солдаты будут уходить от революціи и в ней разочаровываться”...*)

Алексѣев, как много раз мы могли усмотрѣть, отнюдь не держался такой непримиримой позиціи. В мартѣ у него не было того раздраженнаго чувства разочарованія, которое так отчетливо проявилось в позднѣйших письмах и записях дневника. Верховный главнокомандующій умѣя тактично сглаживать шероховатости Ставки, куда “хлынули”, по выраженію Деникина, смѣщаемые, увольняемые и недовольные генералы.

“Лояльная борьба”, напоминающая весьма отвлеченныя директивы командиров 32 пѣх. див. о водвореніи порядка во время революціи “без кровопролитія”, привела бы не только к преждевременному конфликту с Правительством, но роковым образом превратила бы Ставку, дѣйствительно, в центр контр-революціи. Не трудно допустить возможность появленія на фронтѣ рѣшительнаго генерала, не поддававшагося “иллюзіям” и с тенденціей “водворить порядок”. Экспансивный Крымов, участник “дворцоваго переворота”, подготовлявшася до революціи Гучковым и др., встрѣтив в 20-х числах марта вызваннаго в Петербург Деникина, говорил ему: “Я предлагал им (правительству) в два дня расчистить Петроград одной дивизіей — конечно, не без кровопролитія... Ни за что! Гучков не согласен. Львов за голову хватается: “помилуйте, это вызвало бы такіа потрясенія! Будет хуже”. На днях уѣзжаю к своему корпусу: не стоит терять связи с войсками, только на них и надежда”. Надо думать, что подобный разговор Крымова с нѣкоторыми членами Правительства имѣл мѣсто — иначе не мог бы записать нѣчто совсѣм аналогичное Бьокенен со слов кн. Львова. Врангель на основаніи бесѣды с Крымовым послѣ его возвращенія в 3-й конный корпус, начальником котораго он был назначен вмѣсто гр. Келлера, придает нѣсколько иной характер крымским планам. “Ген. Крымов, повидавши Гучкова, Родзянко, Терещенко и других своих политических друзей, вернулся значительно подбодренным” — пишет Врангель**): “По его словам,

*) В. Маклаков отсюда дѣлал в своей рѣчи вывод, что демократія отстает «институты комитетов и комиссаров», которые были «естественным явленіем днѣй революціи», когда «заполнили пустоту», только потому, что это «проводники революціонной политки». Между тѣм «политическій путь» и «дисциплина» в революціонное время в сознаніи демократіи были неразрывно связаны. Маклакову, склонному к отрѣшенію от жизни и отвлеченным построеніям, дилемма казалась легко разрѣшимой простым механическим устраненіем переживших свое время «суррогатов команднаго состава».

**) Крымов перед своей поѣздкой в Петербург был крайне разстроен газетными свѣдѣніями о дѣятельности военного министра и послал в Петербург предварительнo Врангеля с предостерегающим письмом о той

Врем. Пр., несмотря на кажущуюся слабость, было достаточно сильно, чтобы взять движение в свои руки. Необходимость этого ясно-бы в полной мѣрѣ учитывалась членами Врем. Правительства. Крымов заявлял, что “надо дѣлать ставку на казаков”... Если не Крымов, мог быть и другой — поговору или без вѣдома правительства. В нѣкоторых военных кругах мысль о “расчисткѣ” революціоннаго Петербурга была популярна. Напримѣр, в записях Куропаткина, отиссящихся к началу мая, попадаетея имя командующаго VI арміей ген. Гербатовскаго, который предлагал средство для борьбы с развалом арміи “невѣроятное”: “сформировать корпус или полкорпуса из офицеров и силою уничтожить петроградскій Совѣт С. и Р. Д.” *). Врангель утверждает, ссылаясь, между прочим, на заявленія “всѣх полков” Уссурийской дивизіи, которой он командовал, что “ряд войсковых частей обращался с заявленіями к предсѣдателю Правительства, в коих указывалось на готовность поддержать новую власть и бороться со всѣми попытками внести анархію в страну”. Но Правительство “не рѣшалось опереться на предлагаемое ему самими войсками помощь”. Гучков при поѣздках на фронт “неизмѣнно громко заявлял”, принимая депутаціи от разнаго рода частей, что Правительство “ни в какой помощи не нуждается, что никакого двоевластія нѣтъ, что работа Правительства и Совѣта С. и Р. Д. происходит в полном единеніи”. Дневники Болдырева, Селивачева, Лёгга вносят существенную поправку: в неофициальных, полуофициальных бесѣдах, на которых рождаются конспиративныя затѣи, военный министр говорил нѣчто другое. На Госуд. Совѣщаніи и Милюков вспоминал “длинную вереницу депутацій от арміи, тогда еще не разложившейся, проходивших перед нами в Маріинском дворцѣ и тревожно спрашивавших нас. Временное Правительство перваго состава: “Правда-ли, что в Петроградѣ двоевластіе, правда ли, что вам мѣшают самочинныя организаціи? Скажите нам, и мы вас освободим от них”. Я помню и наши смущенные отвѣты: “Нѣтъ, нѣтъ, это преувеличено... Были, правда, попытки, но теперь все приходит в равновѣсіе, в порядок”...

Бездѣйствіе Правительства толкнуло ген. Врангеля на прямой путь конспираціи — созданія в центрѣ тайной военной организаціи. В дни апрѣльскаго правительственнаго кризиса не только были намѣчены зачатки этой организаціи (образован был “небольшой штаб”, куда бар. Врангель привлек своих однополчан гр. Палена и гр. Шувалова, раздобывши “кое какія средства”), но, если повѣрить словам меуариста, “прочню” налажена была связь со “всѣми военными училищами и нѣкоторыми воинскими частями”, “отлично” была

опасности, которая грозит Россіи, если армія будет втянута в политику. Крымов был так взволнован, что при чтеніи Врангелем письма «разрыдался». В изображеніи Половцова, Крымов пріѣхал в столицу в боевом настроеніи: «сразу на меня набрасывается со свойственным ему ругательным настроеніем — «как тебѣ не стыдно, вы всѣ тут мямли, юнги распустили; первая солдатская депутація, которая ко мнѣ придет, я ее нагайкой. встрѣчу».

*) В одном из опубликованных «солдатских писем» упоминается об откровенных разговорах на эту тему офицеров с солдатами 241 пѣх. полка: «у нас в тылу есть двѣ азіатскія дивизіи и нам нужно присоединиться к ним и ѣхать в Петроград и уничтожить всю эту сволочь».

поставлена развѣдка — был уже “разработан подробный план занятія главнѣйших центров города и захвата всѣх тѣх лиц, которые могли бы оказаться опасными”... Надо было отыскать имя. “Ни в составѣ Правительства, ни среди окружающих его общественных дѣятелей” не было человѣка, способнаго “твердой и непреклонной рѣшимостью” положить “предѣл дальнѣйшему развалу страны”. “Его надо было искать в арміи среди немногих популярных вождей. К голосу такого вождя, опирающагося на армію, не могла не прислушаться страна, и достаточно рѣшительно заявленное требованіе, опирающееся на штыки, было бы выполнено. Считаюсь с условиями времени, имя такого вождя должно было быть достаточно “демократичным”. Таких имен Врангель знал “только два” — ген. Лечицкаго и ген. Корнилова. С упомянутыми генералами начались переговоры...

К чему могла бы привести гражданская междоусобица, которой так старалось в первые рѣшающіе дни революціи избѣгнуть верховное командованіе? Гадалыны карты о судьбах Россіи каждый будет раскладывать по своему разуму и предвидѣнію. Позорный конец войны? Сепаратный мир? Преждевременный развал Россіи? Реставрація при содѣйствіи нѣмцев? “Не каждому дано видѣть, что можно” — резонировал Маклаков на Государственном Совѣщаніи. “Политическая программа момента диктуется не волею партій, а волею исторіи” — говорил он, полагая, что эту “волю” познает “своим инстинктом” “глубинная темная масса народа”. — “Россія за революцію себя не продаст”. Сколько иллюзій семнадцатаго года разбила жизнь, ...историк имѣет право установить лишь факт, что всѣ тѣ предначертанія, которыя рождались в средѣ военного командованія, были чужды психологін момента и в силу этого неосуществимы. “Покуда вѣрят и хотят этой революціи, покуда революціонная власть исполняет свой долг, защищает Россію и ведет Россію, до тѣх пор смѣшны какіе бы то ни было заговоры” — констатировал Маклаков на Государственном Совѣщаніи. То, что могло быть еще сомнительным в августѣ, было безспорной истиной для марта и апрѣля. Непродуманныя политическія авантюры (план ген. Врангеля оказался в точном смыслѣ слова пухом, встрѣтив весьма небольшіе отклики в “правых” кругах) творили лишь злое дѣло для Россіи. “Достаточная скрытность” никогда не является гарантіей и особенно в той средѣ, которой не свойственны конспиративныя замыслы. Тайнственные слухи ползли, сѣяли разлад, создавали напряженную общественную атмосферу и расширяли плацдарм, на котором могли возрастать плоды демагогін крайняго сектора революціонной демократіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

I. Концентрация власти.

1. — Идея преемственности.

В. Д. Набоков в воспоминаниях уделяет серьезное внимание рассмотрению тех “преюдициальных вопросов”, выражаясь ученой терминологией мемуариста, которые беспокоили юристов при поисках правильной внешней формы для выражения акта 3-го марта. Можно ли было в действительности считать Мих. Ал. с формальной стороны в момент подписания отречения императором? В случае, решения вопроса в положительном смысле, отречение мимолетного кандидата на российский престол могло бы вызвать сомнение “относительно прав других членов императорской фамилии” и санкционировало бы незаконие с точки зрения существовавших Основных Законов, которое совершил имп. Николай II, отрекшийся в пользу брата. Легисты из этого лабиринта “юридических тонкостей” вышли (или думали выйти), выработав эластичную формулу, гласившую, что “Михаил отказывается от принятия верховной власти”. К этому, по мнению Набокова, собственно и должно было свестись “юридически ценное содержание акта”. Но “по условиям момента казалось необходимым... воспользоваться этим актом для того, чтобы в глазах той части населения, для которой он мог иметь серьезное нравственное значение — торжественно подтвердить *полноту* власти Врем. Правит. и преемственную связь его с Гос. Думой”). В первой декларации Врем. Правит. — подчеркивает Набоков — “оно говорило о себе, как о кабинет”, и образование этого кабинета рассматривалось, как “более прочное устройство исполнительной власти”. Очевидно, при составлении этой декларации было еще неясно, какие очертания примет временный государственный строй**). Акт, подписанный

*) Жизненной иллюстрацией к положению Набокова может служить письмо на имя кн. Львова известного Маркова II, заявлявшего, что он признает и подчиняется “всем законным действиям” возглавляемого Львовым правительства. Своё решение думский лидер «Союза Русского Народа» мотивировал так: “печальный акт сомоупразднения верховной в Государствъ Россійскомъ власти состоялся послѣ законнаго назначенія вас предсѣдателемъ Совѣта министровъ. Такимъ образомъ возглавляемое вами правительство является единственной законной властью в государствѣ”.

**) Набоков, со слов бар. Нольде (?) сообщает, что 2-го в средѣ революціоннаго правительства поднимался вопросъ об изданіи законовъ и принятіи финансовыхъ мѣръ в порядкѣ старой ст. 87. Фактъ былъ бы очень показателенъ, если бы не приключилось его сопровождать очень существенной ого-

В. Кн. Михаилом, таким образом, являлся “единственным актом, определявшим объем власти революционного временного правительства и устанавливавшим за ним “в полном объеме” и законодательную власть”.

Трудна была задача, которая в дни революции юридически разрывалась на Миллионной. Юридическое сознание Маклакова и через 10 лет не могло примириться со “странным и преступным” манифестом 3-го марта, которого Вел. Князь не имел права подписывать даже в том случае, если бы он был монархом, ибо манифест вопреки существующей конституции, без согласия Думы, объявлял трон вакантным до созыва Учред. Собрания, устанавливал систему выборов этого Учред. Собр. и передавал до его созыва Временному Правительству абсолютную власть, которой не имел сам подписавший акт. Отвлеченная мысль, парящая в теоретических высотах юридической конструкции и далекая от жизненной конкретной обстановки, приобретает у Маклакова кажущиеся реальными очертания только потому, что он уже в качестве историка-теоретика, как мы видели, в сущности отрицал наличность происшедшей в стране в февральские дни *революции*. Новое правительство, — по его мнению — имело все шансы (личный престиж, административный аппарат, армию, авторитет преемственности от старой власти), опираясь на поддержку массы, не сочувствующей безпорядкам, одержать верх в конфликте с восстанием. “Преступным актом” 3-го марта все было скомпрометировано — манифест явился сигналом (?) восстания во всей России*). Большинство населения — “спокойное и мирное”, перестало, что-либо понимать, когда увидало, что представители Думы, которым оно доверяло, идут рука в руку с революционерами. Неужели такая картина хоть сколько-нибудь отвечает тому, что происходило в действительности? В февраль-март произошло нечто социальное гораздо более сложное, чем бунт, — это социально более сложное мы и называем “революцией”.

Всякая юридическая формула не будет мертворожденной доктриной в том лишь случае, если она соответствует реальным условиям момента и осознана людьми, выражающими психологию этого момента. Миллюков в своем историческом повествовании должен был признать, что в “сознании современников этого первого момента новая власть, созданная революцией, вела свое преемство не от актов 2 и 3 марта, а от событий 27 февраля. В этом была ее сила, чувствовавшаяся тогда — и ее слабость, обнаружившаяся впоследствии”. По мнению историка, все последующие “ошибки революции” неизбежно вытекали (“должны были развиваться” — говорит Миллюков) из положения “дефективности в самом источнике, созданном актом 3 марта**), когда пред-

горкой. Набоков забыл, что в его руках был черновик первого заседания правительства. Из этого “никуда не годного”, по признанию Набокова, протокола (см. ниже), однако, определенно вытекает: было признано, что основные законы после переворота не действительны, и что необходимо установить новые нормы законодательства. А главное, первое заседание правительства не могло быть 2-го. Оно происходило 4-го.

*) Маклаков отнюдь не оригинален — у него есть предшественник в лице Гакебуша (Горьлова), развивавшего еще в 21-м году в “Записках бѣженца” такое своеобразное представление о февральских днях.

**) Непонятно, почему внимание политика-юриста сосредоточивается исключительно на акте 3 марта. Логичнее было бы всю дефективность отнести к акту 2 марта. В практической своей деятельности в 17 г. Маклаков

ставители "Думы третьего июня" в сущности рѣшили вопрос о монархизме. Нельзя отрицать величайших затруднений, которые возникли и тяжело отзывались на ходъ революціи, но причины их лежали не в отсутствіи монархизма в переходное время, а в том, что ни идеологи "цензовой общественности", ни формально представленное ими временное правительство не сумѣли занять опредѣленной позиціи. Здѣсь, дѣйствительно сказалась "дефективность" происхожденія революціонной власти. Она родилась из революціи — сказал Миллюков на митингѣ 2-го марта в Екатерининском залѣ Таврическаго дворца. Безспорно это так, но вышла она из горнила революціи в формах, несоотвѣтственных с самого зарожденія своего этой революціи, что и дѣлало ее "внутренне неустойчивой". Как рассказывают, самоарестовавшійся в первые дни в министерствѣ пут. сообщ. Кривошеин, узнавъ о составѣ Временнаго Правительства, воскликнул: "Это правительство имѣет один... очень серьезный недостаток. Оно слишком правое... Мѣсяца два тому назад оно удовлетворило бы всѣх. Оно спасло бы положіе. Теперь же оно слишком умѣренно. Это его слабость. А сейчас нужна сила... И этим, господа, вы губите не только ваше дѣтище — революцію, но и наше общее отечество Россію" (Ломоносов). Участіе представителя совѣтских кругов, Керенскаго, в правительствѣ в качествѣ "единственнаго представителя демократіи" и как бы контроля власти в смыслѣ ея демократичности*), давая нѣкоторую иллюзію классоваго сотрудничества и авторитет революціонности, вмѣстѣ с тѣм еще рѣзче подчеркивало несоотвѣстность, которое отмѣчал испытанный дѣятель стараго режима, представитель либеральнаго направленія в бюрократіи. Только недоразумѣніем можно объяснить утвержденіе Маклакова, что революція привела к власти "умѣренных". В жизни фактически было совѣм другое. Такое несоотвѣстность неизбежно должно было порождать острый конфликт между реальной дѣйствительностью и идеологической фикціей.

Никак нельзя сказать, что правительство попыталось отчетливо провести в жизнь формулу, выработанную государствовѣдами 3-го марта и предоставлявшую ему "всю полноту власти". Очевидно, эта формула была не ясна в первые дни и самим политическим руководителям. Получилось довольно путанное положеніе, совершенно затемнявшее ясную, как будто бы, формулу. Юридическая концепція преемственности власти от старых источников мало подходила к революціонной психологіи, с которой с каждым днем приходилось все больше и

не держался такой точки зрѣнія. В Особом Совѣщаніи по выработкѣ положенія о выборах в У. С. Маклаков при обсужденіи вопроса об избирательном правѣ представителей династии Романовых (он высказывался положительно в виду добровольнаго отреченія) развивал теорію «легальнаго» происхожденія власти Временнаго Правительства из актов отреченія. Так, по крайней мѣрѣ, сообщал газетный отчет «Новой Жизни».

*) Конференція петербургских соц.-рев. 2-го, привѣтствуя вступленіе Керенскаго в правительство в качествѣ «защитника интересов народа и свободы», мотивировала свою резолюцію «необходимостью контроля над дѣятельностью Временнаго Правительства со стороны трудящихся масс». Московская конференція той-же партіи 3-го призвала «трудящій народ» оказывать «организованное давленіе на Временное Правительство, дабы оно твердо и послѣдовательно осуществляло всѣ политическія свободы и созвало, согласно своему обѣщанію, Учред. Собраніе».

больше считаться. Наслѣдіе от "старога режима" отнюдь не могло придать моральной силы и авторитета новому правительству. И мы видим, как об этой преемственности вышние стараются забыть. Яркую иллюстрацію дает исторія текста перваго воззванія Правительства к странѣ, которое в дополненіе к деклараціи, сопровождавшей созданіе власти, должно было разъяснить народу смысл происшедших исторических событій. Порученіе составить проект было дано Некрасову, который пригласил к выполненію его "государствовѣдов" Набокова и Лазаревскаго. Проект был выработан при участіи еще члена Думы Добролюбскаго, доложен 5 марта Правительству, встрѣтил "нѣкоторыя частныя возраженія", как потом узналъ Набоков, и передан был для "передѣлки" Кокошкину. Послѣдній представил текст, "заново" передѣланный Винавером, и в таком видѣ воззваніе было санкціонировано Правительством и опубликовано 6 марта. Так как воззваніе печаталось опять в типографіи мин. пут. сообщ., то неожиданно у Ломоносова оказался и первоначальный проект, который, по его словам, был передан ему для напечатанія Некрасовым. Мы имѣем возможность таким образом сравнить два текста. Напечатанное нельзя назвать "цѣликом написанным" Винавером — это лишь передѣлка набоковскаго текста. Воззваніе вышло компактнѣе и болѣе ярким: "Совершилось великое! Могучим порывом русскаго народа низвергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россія... Единодушный революціонный порыв народа и рѣшимость Гос. Думы создали Временное Правительство, которое и считает своим священным и отвѣтственным долгом осуществить чаянія народныя и вывести страну на свѣтлый путь свободнаго гражданскаго устроенія... Учредительное Собраніе издаст... основныя законы, обезпечивающіе странѣ незыблемыя основы права, равенства и свободы" и т. д. Что же было устранено? — вся историческая часть*) и слѣдовательно отпал рассказ о том, как отрекся Царь, как передал он "наслѣдіе" брату, и как "отказался воспріять власть" Великій Князь.

Нельзя не усмотрѣть здѣсь устраненія, сдѣланнаго сознательно в опредѣленных политических видах. Это так ясно уже из того, что тогдашній политическій вождь "цензовой общественности", в корнѣ измѣнившій в эмиграціи свои политическіе взгляды и в силу этого давшій в позднѣйшей своей книгѣ "Россія на переломѣ" иную концепцію революціи, мог написать через 10 лѣтъ, наперекор тексту, помѣщенному в "Исторіи": "Уходившая в исторію власть в лицѣ отказавшагося в. кн. Мих. Ал. пробовала (?) дать правительству санкцію преемственности, но в глазах революціи этот титул был настолько спорен и так слабо формулирован самим (?) в. кн. Мих. Ал., что на него никогда впослѣдствіи не ссылались"***).

*) Для характеристики психологіи современника и психологіи мемуариста интересно сравнить тон воспоминаній Набокова с тоном воззванія, описывавшаго расправы и кровавыя казни ничтожнаго, стараго правительства, окруженнаго безотвѣтственной силой темных проходивцев, распутных и преступных, что легко «позором на имя русскаго императора» и отвратило от него «всѣх честных сынов родины».

**) Официально не ссылались, но не официально это подчеркивалось в первые дни при сношеніях с иностранными послами, как видно из отмѣток Палеолога, 4 марта послѣ свиданія с министром ин. д. (ср. выше телеграмму

Совершенно естественно, что в Петербургъ скрывали о назначении кн. Львова указом отречения Царя, которое было сдѣлано по инициативѣ думскихъ уполномоченныхъ согласно предварительному плану. Шульгинъ вспоминаетъ, что, когда онъ “при удобномъ случаѣ попробовалъ об этомъ напомнить на Миллионной (вѣрнѣе всего на вечернемъ засѣданіи в Таврическомъ дворцѣ), ему сказали, что надо “тщательно скрывать”, чтобы не подорвать положенія премьера... Но указ былъ опубликованъ на фронтѣ 4-го. О нем, конечно, узнали в Петербургѣ, какъ и о назначении в. кн. Ник. Ник. Это вызвало волненіе, и “Извѣстія” 6 марта писали: “Указъ Николая II превратилъ кн. Львова изъ министра революціи въ министра, назначеннаго царемъ, хотя и бывшимъ”... и “демократія должна требовать отъ Врем. Правительства, чтобы оно прямо и недвусмысленно заявило, что, признаетъ указъ Николая II о назначении кн. Львова недействительнымъ. Если правительство откажется выполнить это требованіе, оно тѣмъ самымъ признается в своихъ монархическихъ симпатіяхъ и обнаружитъ, что недостойно званія Временнаго Правительства возставшаго народа. Революція не нуждается в одобреніи бывшаго монарха”.

Умалчивая о преемственности своей отъ акта 3 марта, Правительство тѣмъ самымъ уничтожило то “юридическое значеніе”, которое государственной находили в содержаніи этого акта. Преемственная связь правительства с конституціей низвергнута революціей политическаго строя, выраженная по замыслу легистовъ в формулѣ “по почину Гос. Думы возникшему”, была сама по себѣ весьма относительна. Во имя логики юридическая мысль дѣлала нѣкоторый подлогъ, который совершала и политическая мысль во имя тактики. Еще 1 марта в воззваніи Трудовой группы массы призывались “итти на штурмъ послѣдней твердыни власти, самоотверженно подчиняясь временному правительству, организованному Гос. Думой”. Под временнымъ правительствомъ здѣсь подразумѣвался Временный Комитетъ Гос. Думы. Но при чемъ в сущности была Гос. Дума, какъ таковая? Временный Комитетъ былъ избранъ частнымъ совѣщаніемъ членовъ Думы и сдѣлался “факторомъ революціи”. Далѣе произошло соглашеніе Временнаго Комитета с Исп. Ком. столь же самочинно собравшагося Совѣта Р. Д. т. е. соглашеніе “двухъ революціонныхъ силъ”. По этому соглашенію Временный Комитетъ назначилъ

министровъ — в сущности с молчаливаго одобренія Исп. Комитета. Тутъ и происходитъ подлогъ, когда Врем. Комитетъ замѣняется терминомъ даже не частнаго совѣщанія Думы, которое больше не собиралось в дни переворота, а старымъ законодательнымъ учрежденіемъ, именовавшимся “Государственной Думой”. Сурогатъ учрежденія становится синонимомъ самого учрежденія. И такое словоупотребленіе дѣлается общимъ мѣстомъ — и в официальныхъ актахъ (начиная с перваго “манифеста” Временнаго Правительства), и в официальныхъ воззваніяхъ, и в агитаціонной литературѣ.

До манифеста 3-яго марта московская печать (петербургская не выходила) рисуетъ организацію власти приблизительно такъ, какъ охарактеризовалъ положеніе Родзянко в разговорѣ с Рузскимъ: “Верховная власть временно перешла къ народному представительству в видѣ Государственной Думы” — писало “Утро Россіи”. Эта “третьеиюньская Дума”, пройдя черезъ закаляющее горнило испытаній военныхъ лѣтъ с ихъ мрачными переживаніями и ужаснувшими всѣхъ разоблаченіями... предстаетъ передъ страной соимъ в иномъ образѣ, чѣмъ пять лѣтъ назадъ. Сейчасъ эта Дума с честью выполнила свой долгъ передъ народомъ, с патріотической рѣшительностью вырывая верховную власть изъ недостойныхъ рукъ, и стала естественно организующимъ центромъ, вокругъ котораго сплачивается отнынѣ новая, свободная Россія... И, какъ организующій страну центръ, мы признаемъ Гос. Думу, мы привѣтствуемъ ее, мы ей повинемся”. “Государственная Дума — вотъ нашъ національный вождь в великой борьбѣ, всколыхнувшей всю страну” — говорило “Русское Слово”. И только “Рус. Вѣд.” выражались болѣе осторожно: “Думскій Комитетъ есть зародышъ и первая временная форма исполнительн. власти, признающей свою отвѣтственность передъ страной и пользующейся ея довѣріемъ”. Московская печать была всецѣло во власти зарождавшейся легенды о томъ, что Гос. Дума “революціонно воспротивилась роспуску”.

В связи с организаціей новой исполнительн. власти (уже не Думскаго Комитета, а Временнаго Правительства) воззваніе партіи народной свободы отъ 3 марта обращалось къ гражданамъ: “Дайте созданному Гос. Думой правительству сдѣлать великое дѣло освобожденія Россіи”. В письмѣ 3 марта къ новому премьеру, в. кн. Ник. Ник., высказываясь “категорически противъ соглашенія с Совѣтомъ Р. Д. по вопросу о созывѣ Учр. Собранія”, писалъ: “Я ни одной минуты не сомнѣваюсь, что Временное Правительство, сильное авторитетомъ Гос. Думы и общественнымъ довѣріемъ, объединитъ вокругъ себя всѣхъ патріотически мыслящихъ русскихъ людей”. Послѣ акта отреченія Мих. Ал. верховный главнокомандующій, обращаясь къ населенію Кавказа, говорилъ о Гос. Думѣ, представляющей изъ себя “весь русскій народъ” и назначившей временное правительство до тѣхъ поръ, пока “народъ русскій, благословляемый Богомъ, скажетъ на Всенародномъ Учред. Собраніи, какой строй государственнаго правленія онъ считаетъ наилучшимъ для Россіи”. В “Вѣстникѣ Врем. Правит.” 8 марта опубликованы были воззванія къ “братьямъ офицерамъ и солдатамъ” и жителямъ деревни отъ имени Государственной Думы, подписанныя ея предсѣдателемъ... В спеціальномъ воззваніи Родзянко къ “офицерамъ, матросамъ и рабочимъ” судостроительныхъ заводовъ в Николаевѣ, подписанномъ в видѣ исключенія “предсѣдателемъ Врем. Комитета”, подчеркивалось, что новое правительство избрано “изъ членовъ Госуд. Думы, извѣстныхъ своей преданностью народной

Бьюкенена) французскій посолъ поинтересовался официальнымъ “титоломъ” новаго правительства. Онъ еще окончательно не зафиксированъ — отвѣтилъ Миллюковъ в записи дневника Палеолога: пока называемся “временнымъ правительствомъ”, но подъ этимъ названіемъ сосредотачивается вся полнота власти и отвѣтственность передъ Думой... Слѣдовательно, источникомъ власти является революція — спросилъ Палеологъ. “Нѣтъ, — отвѣтилъ Миллюковъ. — Мы ее унаслѣдовали отъ в. кн. Михаила, который передалъ ее намъ актомъ отреченія”. Какъ неожиданный курьезъ можно зарегистрировать, что на актъ 3 марта в 18-омъ году в Уфѣ при организаціи власти съсылались представители партіи с-р. От имени Комитета членовъ Учр. Собр. Вольскій обосновалъ переходъ власти формулой юридической преемственности: Вел. Кн. в актѣ отреченія поручилъ Врем. Правит. созывъ Учред. Собранія... “Ясно, что и той власти, которая должна создаться теперь, должна предшествовать государственная преемственность. Разрывъ преемственности будетъ актомъ, который ослабитъ самую силу государственной власти”.

свободѣ**). Эта терминологія перешла и в позднѣйшія изысканія: Маклаков, напр., прямо говорит о назначеніи Царем кн. Львова, избраннаго Думой; Миллюков в «Исторіи» и равно Керенскій в своих историко-мемуарных повѣствованіях очень часто употребляют термин «Государственная Дума» вмѣсто «Временнаго Комитета».

Отмѣченная тенденція не может быть случайной — слишком определенно проходит она в первые дни послѣ стабилизации положенія. Она имѣет цѣлью нѣсколько затуманить в общественном сознаніи активную роль, которую пришлось играть петроградскому Совѣту в организационной временной государственной власти. Надо думать, что Цент. Ком. партіи к.д. сознательно не упомянул в своем воззваніи 3 марта об участіи Совѣта, равно как и в официальной освѣдомительной радио-телеграммѣ, составленной Миллюковым и отправленной в тот же день правительством за границу, функціи Совѣта (одной из «наиболѣе вліятельных» лѣвых политических организаций) сводились к «политическому благоразумію», а все организующее дѣйствіе приписывалось Временному Комитету Гос. Думы, солдатскими демонстраціями в пользу которой началась революція 27 февраля. Это не была «карикатура на революцію», как утверждают лѣвые мемуаристы, но это была стилизація революціи (сдѣланная в мягких тонах) под вкус руководителей тогдашней «цензурной обществениости***). «Манифест» 6 марта совсѣм умалчивал о Совѣтѣ, говоря только о рѣшимости Гос. Думы и революціонных порывах народа.

Безспорно авторитет Гос. Думы чрезвычайно вырос в сознаніи масс в первое время революціи. Дума, по признанію Керенскаго, явилась как-бы «символом народа и государства в первые мартовскіе дни»... Правительство не отдѣлялось от Думы — свидѣтельствовал внослдѣвствіи отчет уполномоченной Врем. Комитетом Комиссіи, которая была послана на фронт и в провинцію. Их престиж «вездѣ» стоял «очень высоко» — даже такіе большевицкіе дѣятели, как Крыленко, признавали, что на фронтѣ нельзя было «рѣзко» ставить вопрос о том, что правительство не может защищать интересы народа. Но обыватель не слишком разбирался в терминологіи, и поэтому не приходится обманываться — это был авторитет не стараго законодательнаго учрежденія, символизировавшаго народное представительство, о котором говорила радио-телеграмма за границу, а учрежденія, явившагося истоком Временнаго Комитета, на котором почилла благодать революціи***)... Сама по себѣ Государственная Дума, исчезнувшая в часы переворота (brusquement — по выраженію Керенскаго), была уже фикціей, которую едва ли возможно было воплотить в конкретном образѣ. Родзянко

*) Перелистывая газеты того времени, можно попасть на такой, напр., малограмотный курьез: огромное объявленіе одной из кинематографических фирм о пожертвованіи 3000 руб. в пользу Совѣта Р. и С. Д. *при* Гос. Думѣ!

**) Официальная радио-телеграмма была составлена на-спѣх и весьма небрежно. Так она начиналась словами: «28 февраля вечером предсѣдатель Гос. Думы получил высочайшій указ об отсрочкѣ засѣданій до апрѣля. В тот же день утром... 28-ое — это явная описка, но остается «в тот же день утром». Удивительно, что во всѣх почти послѣдующих изданіях телеграмма перепечатывается в своем первоначальном видѣ без оговорок.

***) Так, очевидно, слѣдует понимать, напр., постановленія о поддержкѣ Думы, которая выносились на волостных сходах Клинскаго у., Московскоіи губ. в первой половинѣ марта.

говорит, что он настаивал на том, что акты отреченія Николая II и Михаила должны «состояться в публичном засѣданіи Гос. Думы». Дума таким образом «явилась бы носительницей Верховной власти и органом, перед которым Временное Правительство было бы ответственным... Но этому проекту рѣшительно воспротивились»... Надо было признать, что дѣйствовавшая до переворота конституція осталась в силѣ и послѣ манифеста 3 марта, по «юристы кадетской партіи рѣзко возражали, считая невозможным подвести под такое толкованіе юридическій фундамент».

Идею созыва Думы раздѣлял и Гучков. Он считал, что Временное Правительство оказалось висющим в воздухѣ. Наверху — пустота, внизу — бездна. Единственным выходом из положенія какого-то «захватчика власти — самозванца» мог явиться созыв законодательных учреждений, имѣвших, как никак, «санкцію народнаго избранія». Гучков допускал нѣкоторую перелицовку в их составѣ, примѣрно в духѣ той, которая производилась тогда в земских и городских самоуправленіях. «В бесѣдах со своими коллегами по Врем. Правительству — рассказывает Гучков в воспоминаніях — я нѣсколько раз поднимал вопрос о созывѣ Думы, но не нашел среди них ни одного сочувствующаго этой идеѣ... А. И. Шингарев, объясняя свое отрицательное отношеніе к моему предложенію возстановить права Гос. Думы, сказал мнѣ: «Вы предлагаете созвать Думу, потому что недостаточно знаете ея состав. Если бы надо было отслужить молебен или панихиду, то для этого ее можно было бы созвать, но на законодательную работу она не способна». Разговор с Шингаревым, передаваемый Гучковым, подтверждает указаніе на то, что юридическая концепція, установленная толкованіем акта 3-го марта со стороны государствовѣдов, не была ясна и лидерам партіи. Ими руководила политическая цѣлесообразность, т. е., юридически пѣчто весьма распылчатое. Родзянко считал, что отрицательное отношеніе к идеѣ созыва Гос. Думы вытекало из стремленій дѣятелей кадетской партіи, желавших «пользоваться во всей полнотѣ своей властью». Такое же приблизительно толкованіе дает и Гучков, не нашедшій сочувствія своей идеѣ и внѣ Временнаго Правительства: «даже среди членов Комитета Гос. Думы я нашел только двух членов, готовых поддержать мою идею**).

«Кадетскіе юристы» стояли на почвѣ концепціи, установленной их толкованіем акта 3 марта и иллюстрирующей существовавшую до отреченія «конституцію». Политическая логика была на их сторонѣ. Вопрос о взаимоотношеніях Временнаго Правительства и Временнаго Комитета Гос. Думы возник в первом же засѣданіи Правительства 4 марта, когда кн. Львов предложил «точно опредѣлить объем власти,

*) Среди них был Бубликов, как видно из воспоминаній послѣдняго — он был сторонник созыва демократизированной Гос. Думы. Миллюков на страницах своей «Исторіи» добавляет, что «сама Дума» (?), за исключеніем предсѣдателя и немногих членов, не вела свои полномочія от избранія 1912 г., а только от своей роли во время революціи». Что касается «самой Думы», то о ней не приходится говорить, ибо ее не было, но в отношеніи «частных совѣщаній» нѣкоторых членов Думы утверждене историка правильно лишь для характеристики положенія первых дней. Дальше познція, как мы увидим, существенно видоизмѣнилась, включая и позицію самого Миллюкова.

которым должно пользоваться Вр. Пр. до установления Учред. Собр. формы правления". Из сохранившегося наброска протокола этого заседания видно, что министрами было высказано мнение, что "вся полнота власти должна считаться переданной не Государственной Думе, а Временному Правительству". Отсюда возникал вопрос о "дальнейшем существовании Комитета Гос. Думы и казалась сомнительной возможность восстановления занятий Гос. Думы*). Временный Комитет, выполнивший легшие на него функции, формально подлежал ликвидации. В "Рус. Вѣд." можно было прочитать сообщение, что участники совещания членов Гос. Думы 5-го также склонялись к тому, что "Члены Думы не должны настаивать на сохранении Временного Комитета". Между тем устранение этой фикции отнюдь не было в интересах "цензурной общественности", ибо устранение Временного Комитета означало и устранение авторитета не существовавшего уже государственно-правового учреждения — "Думы". Популярность слов "Государственная Дума" в первые недели революции являлась столь сильным притягивающим магнитом, что почти естественно представитель Временного Правительства и в то же время "советский" деятель, прибыв в Ставку, приветствовал Алексева именно от Государственной Думы: "Позвольте мне — сказал Керенский — в знак братского приветствия армии поцеловать вас, как верховного ее представителя и передать родной армии привет от Государственной Думы". Член Думы Янушкевич в своем отчете Временному Комитету о победке на Северный фронт в первых числах марта рассказывал, какой по истине "царский прием" был ему оказан: повсюду толпы народа встречали его с музыкой, "носили на руках", перед ним "склонялись знамена". И очень скоро те же члены частного совещания Гос. Думы выносят постановление (14 марта) о том, что до созыва Учред. Собрания Государственная Дума является "выразительницей мнения страны".

Не совсем прав Родзянко в своем утверждении, что Правительство не пошло рука об руку с народным представительством — об этом бывший председатель IV Думы говорил в московском государственном совещании, называя "третьейюньскую" Думу "всенародным представитель-

ством**). На практике Правительство всемерно покровительствовало Временному Комитету — его агитационной деятельности на фронте и в провинции. Для этой агитации были предоставлены все возможности**). И надо признать, что, если "ломка" старого строя все же прошла благополучно, если "взбаламученное море" народных страстей к концу третьего месяца революции не затопило страну, то в этом не малая заслуга принадлежит созданному 10 марта "отделу сношений Временного Комитета с провинцией". Как свидетельствует его отчет, члены Думы разных партий, объезжая провинции в сопровождении делегатов Совета, несли вглубь России идею единства политического фронта — все они тогда были охвачены революционным пылом неопитов и никаких реакционных заданий себе не ставили... Через посредство Временного Комитета из членов Думы назначались особые уполномоченные — комиссары правительства.

Бытовое значение Временного Комитета лежало в иной плоскости, нежели его государственно-правовое положение. В первое время это разграничение не только не было проведено отчетливо, но скорее затемнено — быть может, из нежелания разрубать гербовый узел, который представляла собой проблема формального упразднения Государственной Думы. Состояние балансирования приводило к вредной сумятице в умах. Вот показательный разговор Рузского с Родзянко, последовавший 18 марта... "В различных газетах — говорил Рузский — упоминается о Временном Правительстве, сочетаемом с Советом Министров. В "Утре России" от 16 марта даже прямо сказано дословно: опубликовано постановление Верховного Правительства именовать впредь до установления постоянного правительства Совет министров — Временным Правительством. У граждан тоже замѣтно шатание в понимании того, что слѣдует считать Временным Правительством. По моему представлению вопрос является ясным, что правительство составляет Временный Комитет из состава членов Думы, являющихся избранными народом, а Совет Министров с министром-президентом кн. Львовым во главе есть исполнительный орган"... "Под понятием Временное Правительство — авторитетно разъясняет Родзянко — надо понимать Совет Министров, который и есть исполнительный орган и которому Временный Комитет Г. Д. делегировал от имени народного представительства полноту вла-

*) Раньше, на частном совещании членов Думы 18 июня, то же самое говорил Родичев: «правительство нас игнорировало».

**) Не знаю, была ли какая-нибудь официальная ассигновка со стороны Правительства. Это вѣроятно, ибо в вѣдѣніе «Государственной Думы», т. е., Временного Комитета были переданы, напр., организации «Красного Креста». Временный Комитет получал достаточные пожертвования для своей деятельности от «буржуазии» (напр., в марте один Совет Сиб. Ком. Банка предоставил в распоряжение председателя Гос. Думы миллион рублей, такую же сумму отпустил и «Московский Банк» — может быть, в газетных свѣдѣніях была неточность, и дѣло шло об ассигновках «советом банковских съездов»). Но привилегированное положение Времен. Комитета заключалось уже в том, что в его распоряжении была государственная типография, что впоследствии вызвало горячія нападки со стороны «революционной демократіи». Напр., в «Дѣлѣ Народа» (1 сентября) Зензинов негодовал на то, что «на государственный счет» печатаются «в сотнях тысяч экземпляров стенографические отчеты частных совѣщаний» членов Гос. Думы с «подробными черносотенными и погромными рѣчами Масленникова и Пуришкевича, гдѣ Николай Романов именуетса «законным претендентом на русский престол»...

*) История этого документа, опубликованного Сторожевым, такова. Черновик «Журнала Совета Министров 2-го» был найден в портфеле б. мин. ин. д. (т. е. Милокова) с пометкой «В. Н.» (конечно, Набокова, приглашенного на пост управляющего делами правительства и с 5-го марта присутствовавшего уже на заседаниях): «Мне представлен предлагаемый первый журнал заседания Вр. Пр., составленный секретарем Гос. Думы. Он, по моему, нигде не годится, но так как я не присутствовал, то могу его исправить только, если мне указана будет канва и сущность мнений». В воспоминаниях Набоков рассказывает, что с Милоковым было условлено, что он возьмет эту запись и восстановит по памяти ход и рѣшения первого «чрезвычайно важного» заседания Врем. Прав., в котором оно устанавливало основные начала своей власти и своей политики. За два месяца своего пребывания в составе Врем. Прав. работы этой Милоков не выполнил — указывает Набоков: «Так и осталась запись неиспользованной — кажется, он и не вернул ее. Этим объясняется, что журналы (печатные) заседания Врем. Прав. начинаются с № 2». Сторожев почему-то называет этот черновик «апокрифическим». Апокрифична лишь дата, указывающая, вѣроятно, на то, что это не протокол в точном смысле слова, а позднѣйшая запись, воспроизведенная по памяти временно заведующим канцеляріей Врем. Прав. Глинкой. В связи с обсуждением роли Гос. Думы на заседании «Совета Министров» 4-го и говорили о непримѣнимости, ст. 87.

сти. Временный Комитет Г. Д. является *органом высшего контроля* над действиями исполнительной власти и в случае удаления от власти кого-либо из господ министров — замечает таковых... Сославшись на акт отречения Мих. Ал., подтверждающий его толкование, Родзянко прибавлял: “таким образом никакой неустойчивости нет. Временное Правительство носит в себе исполнительную и отчасти законодательную власть по соглашению с Временным Комитетом Г. Д.”. “Во всяком случае должен Вам сказать — возражает Рузский — что неустойчивость существует, и мне приходилось говорить с людьми вполне солидными и уравновешенными, которые категорически высказывались, что по их пониманию высшим нынешним правительством является Комитет Гос. Думы. *С этим вопросом связана также присяга.* Мне кажется, что следовало бы каким-либо актом разъяснить, чтобы не было поводов для каких-либо кривотолков”. — “Я переговорю о ваших сомнениях с кн. Львовым, но на-днях выйдет в печати журнал о наших заседаниях перед образованием Временного Правительства или Совета Министров, и тогда все разъяснится. Я прошу вас, однако, *придерживаться вышеизложенного мною толкования о распределении власти*...”

Сомнения, связанные с присягой, были не только на Северном фронте. Деникин вспоминает, что к нему от частей корпуса (в Румынии) стало поступать “множество” недоумчивых вопросов, среди них был и вопрос: “Кто же у нас представляет верховную власть — Временный Комитет, создавший Временное Правительство, или это последнее?” Деникин “запросил”, но “не получил ответа”. “Само Временное Правительство, повиному, не отдавало себе ясного отчета о существе своей власти” — замечает будущий начальник Штаба Верховного Главнокомандующего революционного правительства. Аналогичные сомнения возникали во всех кругах. Вот донские шахтеры, представитель которых специально прибыл в Петербург для разъяснения недоумчивых вопросов и ставил их в заседании Исп. Ком. 19 марта. Эти вопросы обращены и к Совету и к Комитету Гос. Думы, который донские шахтеры склонны рассматривать, как высшую государственную власть: Совет запрашивался об отношении его к “временному правительству”, о директивах “проведения в жизнь классовых интересов”, о лозунге — “долой войну”; Комитет Г. Д. просили разъяснить: “какую форму правления предполагает Комитет”, как будут связаны “местная выборная организация самоуправления с центральной властью”, “оборонительная или наступательная война”. Наконец, шахтеры интересовались “мнением всех” о времени созыва “Учр. Собрания” и вопросом, “как действовать против отдельных групп, самостоятельно выступающих по вопросам, которые имеют общегосударственное значение”. Что ответил шахтерам Исп. Ком., мы не знаем. Но мы знаем, что все вопросы, касающиеся структуры власти, по существу оставались без ответа, хотя уже в первые дни при Правительстве была по главе с Кокошкиным особая “государственно-правовая комиссия” для рассмотрения юридических вопросов, связанных с изменением политического строя... Выхода из заколдованного круга недоумчивый и противоречивый не было указано или не было найдено. Ген. Радко-Дмитриев в приказе по армии Западного фронта наместу по собственному разумению разъяснил “недоумчивые” вопросы: отменить су-

ществующие законы может лишь “законно установленная власть, олицетворяемая Исп. Ком. Гос. Думы и новопоставленным правительством” (“Изв.”, 10 марта). В армии среди командного состава, как указывают даже официальные рапорты, на первых порах, очевидно, прочно укоренилось представление, что после переворота высшим законодательным учреждением остается Государственная Дума, перед которой ответственно новое министерство, составленное из членов Думы*).

II. Двоевластие.

Правительство “упорно”, по выражению Родзянко, не хотело созывать Государственную Думу в виде антитезы Советам. Эта “антитеза” поставлена была с первого дня революции: в глазах одних в виде двух враждебных сил, в глазах других — в виде сил параллельных. Соглашение, достигнутое в Петербурге, приветствовалось в самых широких кругах. Так Комитет Общ. Организаций в Москве, представлявший общественность в точном смысле слова, т. е., класс буржуазии, интеллигенцию и профессию физического труда, 3 марта приветствовал “Правительство Гос. Думы” и “Совет” за постановление об Учредит. Собрании. В сознании демократической общественности укрепились представление (которое пытались вытравить идеологи “цензовой общестственности”), что Временное Правительство в своем происхождении связано с волеизъявлением двух организаций, представлявших интересы противоположных слоев населения — и капиталистических, и трудовых. Это представление целиком не укладывалось в формулу, которая позднее в дни первого правительственного кризиса включена в апрельскую (26-го) декларацию Временного Комитета Гос. Думы: Временное Правительство было создано Гос. Думой при содействии Петроградского Совета.

В низах, вопреки всякой социалистической талмудистике, наиболее была популярна формула, гласившая, что “новое народное правительство, во главе с кн. Львовым, избрано было Исполн. Ком. Гос. Думы и Исп. Ком. Совета Р. и С. Д.” — так определял итог революционного действия выборный командир зап. бат. лейб-гвардии Преображенского полка в обращении к своим солдатам 3 марта. Поэтому, когда Временному Комитету приходилось обращаться с воззваниями к рабочим, он должен был указывать, что Временное Правительство избрано “по соглашению с Советом”**).

“Государственная Дума” и Совет — руководили революционной борьбой, закончившейся низвержением старого режима. Государственная Дума не могла, конечно, служить как бы юридической антитезой для Советов, ибо учреждения эти были разного порядка... Автор “Рождения революционной России”, принадлежавший к составу “советской де-

*) См., напр., рапорт командиров 32 дивизии 9 марта командующему 8 армией (этот рапорт, напечатанный в приложении к работе Шляпникова, мы подробно изложили в отделе “Трагедия фронта”) и письмо офицеров Сибирской Армии, помещенное в «Красном Архиве».

**) «Заложник демократии» в Правительстве, представитель Совета при гостеприимстве Москвы 7 марта предпочел употребить более широкую и неопределенную формулу: «по почину народа и Гос. Думы», употребленную в вишаверском тексте «манифеста» 6 марта.

мократіи” в общем, думается, довольно вѣрно в своем историческом трудѣ опредѣлил происхождение и роль совѣтов в мартовскіе дни. Это “просто был центр революціоннаго кипѣнія”, “временный эрзац профессиональной и политической организации рабочего класса”, “наско-ро сколоченные лѣса вокруг постройки, которые убираются прочь, как только кончается постройка” (Метафору свою автор в сущности заимствовал из рѣчи Церетели в августовском Госуд. Совѣщаніи). “Система совѣтов, как формальный остов государства — русская передѣлка анархо-синдикализма”, была мыслью чужеродною, которая при “за-рожденіи совѣтов совершенно отсутствовала”.

Близко подходил к толкованію Чернова (или, конечно, вѣрнѣе обратно) и докладчик по организаціонному вопросу на первом всерос-сійском совѣщаніи совѣтов меньшевик Богданов: “совершенно есте-ственно — говорил он, — что ничего не имѣя, мы, (т. е. элементы демократическіе) в процессѣ революціи, в первые дни революціи, 27 февраля попытались устроить первую организацію — стихійно возникшій Совѣт Р. и С. Д. Будь у нас сильная организація, мы, быть может, имѣли бы политическія партіи, профессиональные союзы и т. д. То об-стоятельство, что у нас их нѣтъ, заставило революціонную демократію в процессѣ революціи, в горнилѣ революціи создать такіе революціон-ные органы, и это обстоятельство — отсутствіе организаціи — оче-видно, увлекло наиболѣе дѣйственные революціонные элементы демо-кратіи на путь созданія Совѣтов. (Добавим, что в “увлеченіи” этой ор-ганизационной идеей сказалось в значительной степени механическое воспроизведеніе рабочей традиціи 1905-6 гг.).

Как же характеризовал роль совѣтов докладчик? “Это прежде все-го органы *не классовые*, органы не классовой политики и классовой борьбы в опредѣленном смыслѣ этого слова — это органы революціон-ной борьбы, это — органы демократическіе, это — органы, созданные специально с цѣлью отстаиванія и защиты дѣла революціи и подталки-ванія и углубленія этого дѣла”. Богданов указывал, что “революціон-ная демократія” состоит не только из рабочих, не только из солдат и крестьян — “к той же демократіи относятся и другіе элементы демо-кратіи, не представленные в этих трех группах, слѣдовательно, форму-ла, что совѣты являются органами революціонной демократіи, должна расширяться в процессѣ работы путем привлеченія других обществен-ных и демократических элементов”*). Въмѣстѣ с тѣм докладчик отмѣчал, что в данный момент перед всѣми революціонными силами (“револю-цію сдѣлали не только демократическіе элементы, — утверждал Богда-нов, — революцію сдѣлали в достаточной степени и элементы цензо-вые”) стоит одна задача, и потому нельзя отдѣлять революціонную де-мократію от остальных революціонных сил Россіи.

Какой же вывод можно сдѣлать из оцѣнки “страннаго”, по выра-женію дневника Гиппіус, факта существованія “рядом с Временным Правительством двухтысячной толпы властнаго и буйнаго перманентна-го митинга”, именуемаго Совѣтом Р. и С. Д. (численность его к концу марта дошла почти до 3 тыс.)? Только тот, что “никакого замѣ-

чательнаго своеобразія нашей революціи”, создавшей принципиаль-ное “двоевластіе” в сущности не было. Пусть на практикѣ бы-ло даже “двое безвластіе”, как иронически охарактеризовал по-ложение Троцкій в петроградском совѣтѣ 21 мая при обсужденіи дилеммы “отложенія” Кронштадта от Россіи. Рѣчь идет о “кон-ституціонном механизмѣ”, о принципиальном захватѣ государствен-ных функцій в дѣлах построенія “новаго государства”, теоретиком ко-торого явился Ленин. Для него было почти естественно выхватить из жизни одно явленіе и представить его в видѣ предпосылки к своим по-заимствованным из чужого арсенала схемам*). Своеобразие русской ре-волюціи заключалось в том, что рядом с “правительством буржуазіи” с самых первых дней имѣлось “еще слабое, зачаточное, но всетаки не-сомнѣнно существующее на дѣлѣ и растущее другое правительство” (статья о двоевластіи в “Правдѣ” 9 апрѣля).

Исторія совѣтов в процессѣ революціи пошла не совсѣм по тому пути, который ей предсказывал организаціонный доклад на Совѣщаніи Совѣтов еще до пріѣзда вождя большевизма в Россію. “Дѣвные интелли-генты”, “всунувшіеся” в революціонную атмосферу “митинга-совѣта” и, по записи Гиппіус, могшіе только “смягчить”, но не “вести”, в дѣй-ствительности планомерно, систематически и демагогически прививали (нельзя забывать, что Совѣт на 2/3 своего состава был солдатскій) поли-тически еще аморфной толпѣ**) идеологию классовой борьбы под фла-гом совѣтов за политическій приоритет, за переустройство общественна-го уклада на новых соціальных началах в духѣ традиціонной програм-мы “рабочей партіи”. Логичность богдановскаго построенія грубо бы-ла нарушена тѣм, что на знамени Исп. Ком. в Петербургѣ в день празднованія “1 мая” был начерчен только лозунг: “Пролетаріи всѣх стран соединяйтесь” (рѣшеніе было принято 18 голосами против 14).

То, что намѣчалось позднѣе в сознаніи современни-ков, переносилось в первоначальный період революціи — его Милюков в “Россіи на переломѣ” назвал “переходным” и отрицал в нем наличіе тѣх признаков, которыми опредѣляется двоевластіе: “в первое время

*) Лишь иностранец мог связать «совѣтскую систему» с традиціонным «русским міром» и «общиною», как это сдѣлал, напримѣр, в своих показаніях перед «Овермэнской комиссіей» Сената Соед. Шт. (1919 г.) боль-шевизанствующій бывшій в Россіи в дни революціи представитель амери-канской краснокрестной организаціи Робинс. Болѣе удивительно, что такую параллель провел серьезный политическій дѣятель и знающій Россію проф. Масарик. И еще болѣе удивительно, что к ней присоединился русскій военный историк Головин, не представляющій себѣ в сущности иностранное (синди-калистическое) происхожденіе большевицкой концепціи. Можно найти при желаніи нѣчто от «Руссо» в совѣтской системѣ, как это сдѣлал Бенеш, пре-мьерник Масарика на президентском посту (статья в «Волѣ Россіи», ном. 18, 1924), но очень уже трудно будет установить преемственность между мысля-ми, которыя внушал Распутин имп. А. Ф. о непосредственной связи власти и народа и теоріей, осуществленной «в первые дни революціи», — эту преем-ственность нашел звѣздный англійскій журналист Вильстон.

**) Совѣт на первых порах был несомнѣнно «правѣе» Исполн. Комите-та и, по признанію Станкевича, от него «всего можно было добиться, если только упорно настаивать».

*) Впослѣдствіи в общей деклараціи от демократіи, прочитанной Че-хидзе в Гос. Совѣщаніи в Москвѣ, также говорилось, что совѣты с самаго начала ставили себѣ цѣлью объединить *всѣ* живыя силы страны.

этого двоевластия еще не было". То же утверждал Милоков-политик и в 17 году на партийном собрании в Москвѣ 8 апрѣля. В унисон с ним звучал тогда голос его антагониста во Врем. Правительствѣ Керенскаго. Последній говорил 12 апрѣля делегатам арміи, что между правительством и Совѣтом полное единеніе в задачах и цѣлях и имѣется лишь нѣкоторое расхожденіе в тактических вопросах*). Даже антипод "революціонной демократіи" подлинный представитель "цензовой общественности" Гучков, и тот, объѣзжая в серединѣ марта, в качествѣ военного министра, фронт, принимая депутаціи от разнаго рода воинских частей, "неизмѣнно громко заявлял — как утверждает ген. Врангель — что правительство ни в какой помощи не нуждается, что никакого двоевластия нѣтъ, что работа Правительства и Совѣта Р. и С. Д. происходит в полном единеніи"***).

Можно, конечно, предположить, что подобныя заявленія современников во вѣдѣ слѣдует отнести в большей степени к вынужденной обстоятельствомъ тактикѣ. Вѣдь тот же Гучков почти одновременно писал Алексѣеву (9 марта), характеризуя "дѣйствительное положеніе дѣл"; "Временное Правительство не располагает никакой реальной властью и его распоряженія осуществляются лишь в тѣх размѣрах, как допускает Совѣт Р. и С. Д., который располагает важнѣйшими элементами реальной власти, так как войска, желѣзныя дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что *Врем. Правительство существует, лишь пока это допускает Совѣт Р. и С. Д.*". Письмо это часто цитируется, хотя гипербола, в нем заключающаяся, выступает со слишком большой очевидностью, если принять во вниманіе дату письма. Можно было бы допустить большую или меньшую объективность такой оцѣнки со стороны раздраженного пессимизма военного министра, вынужденнаго выйти из состава правительства в концѣ апрѣля. Но через шесть дней послѣ акта 3 марта, в момент, когда военное вѣдомство приступило к радикальной чисткѣ команднаго состава и реформѣ арміи?! Наканунѣ Гучков, в качествѣ политическаго дѣятеля, на торжественном засѣданіи центральных торгово-промышленныхъ организаций, гдѣ чествовали министров из промышленной среды, словословил до извѣстной степени революцію и говорил о прочности позиціи правительства — "никакіе заговорщики міра не смогут нас сбить с нея"... "Мы можем, — утверждал оратор, — не оглядываясь направо и налево, начать опять ту нормальную работу во всѣх областях нашей народной жизни, без которой этот переворот не имѣет смысла". Гучков был слишком большой "политик", и трудно учесть, в какой момент он был искренен, — вѣроятно, никогда в полной мѣрѣ. Его органическая враждебность не только к "революціонной стихіи", но и к

*) В качествѣ историка-мемуариста Керенскій усиленно подчеркивает, что ни одно дѣйствіе Совѣта не носило характера правительственнаго акта, исходящаго от центральной власти. Внѣшность, конечно, имѣла второстепенное значеніе.

**) Врангель приводит это в доказательство того, что правительство не сумѣло опереться на предлагаемую ему самими войсками помощь для борьбы с притязаніями Совѣтов. Такое предложеніе поступило, по словам генерала, напримѣр, от всѣх полков Уссурийской дивизіи. Мемуарист здѣсь явно сдѣлал большую хронологическую ошибку. О проектах ген. Врангеля сказано в другом мѣстѣ.

"революціонной демократіи", очевидна. Но вѣдь именно внѣшнія явленія представителей революціоннаго правительства, а не их внутреннія переживанія опредѣляли психологію момента и, что еще важнѣе, повседневную тактику правительства. Формула, данная впоследствии Гучковым на Государ. Совѣщаніи в Москвѣ, — "власть принадлежала безотвѣственнымъ людям, а вся отвѣтственность — людям безвластным" — не может быть признана вѣрно передающей дѣйствительность.

**

Бытовое двоевластіе, которое Ленин принял за базу и за жизненный аргумент в пользу своего построения, конечно, создалось с перваго дня. Мы уже видѣли стачасти, как "стихійнымъ ходомъ событий" развились функціи петроградскаго Совѣта и рождалось его внѣшательство в сферу государственнаго управленія. В первые дни — дни революціоннаго хаоса — это было почти естественно и, быть может, неизбежно. Хаос нѣсколько затянулся и, вѣроятно, ни министр юстиціи, ни члены Исп. Ком. не могли бы объяснить, почему комендантъ (?). Таврическаго дворца 20 апрѣля производил обыски и конфисковал бумаги на квартирѣ извѣстных дѣятелей Союза Русскаго Народна Дубровина и Полубояриновой. Столь же вѣроятно, что никто в Исп. Ком. не помышлялъ о двоевластіи, когда в этом учрежденіи принимались мѣры, ограничивавшія свободу печати, которая была объявлена в правительственныхъ деклараціях в соотвѣтствіи с требованіями демократіи. Очевидно, в силу фактическаго вліянія Совѣта на типографскихъ рабочих Исп. Ком. была введена разрѣшительная система для газет — разрѣшеніе выходить означало наряд на типографію (всеобщая забастовка революціонныхъ дней формально еще не окончилась). Газеты появились 5 марта — среди вышедшихъ было и "Новое Времѣ", не имѣя на выход требуемой предварительной революціонной санкціи. Исп. Ком. реагировал на этот фактъ закрытіемъ газеты "впредь до особаго распоряженія". Газетамъ же "червосотеннымъ", как "Земщина", "Голосъ Руси", "Колоколъ", "Русское Знамя", выход вообще былъ воспрещен. Можно допустить, что такая временная мѣра, диктуемая страхомъ передъ контр-революціей в неспокойное еще время, была даже тактически цѣлесообразна, по она тѣмъ не менѣе вызвала всеобщее порицаніе в литературныхъ кругахъ. В газетахъ появилось негодующее открытое письмо Совѣту заслуженнаго писателя, близкаго к трудовой группѣ, Водовозова. Пѣшехоновъ вспоминает, какъ подиалъ онъ "скандалъ" в Исп. Ком. за попытку возстановить "разрѣшительный порядокъ" для періодическихъ изданій, отмѣненный царскою властью послѣ 1905 г. Ему отвѣчали: "ничего не подѣлаешь... Низы требуютъ"... Но оказалось, что в самомъ Исп. Ком. имѣлись по этому поводу разногласія — склонность "тащить и не пущать" (выраженіе Суханова) проявили самостоятельныя тамашніе "лѣвые" без всякаго давленія со стороны "низов"***). Уже 10 марта под напоромъ происходившихъ протестовъ "пятно на

*) Из протокола Исп. Ком. мы узнаем, напримѣр, что в тяжеломъ артиллерійскомъ полку, расквартированномъ в Царскомъ Селѣ, солдаты: «возмущались о неразрѣшеніи свободы печати». Дѣло о «Новомъ Времѣ» имѣло

демократіи" было уничтожено — Исп. Ком. постановил, что "все изда- ния могут впредь выходить без предварительной санкціи". Самое инте- ресное в этом скоропротекшем эпизоде то, что никто из протестантов да- же не задался в то время вопросом: какое право имѣл Исп. Ком. при- нимать ограничительныя мѣры против печати? Еще меньше, повиди- мому, творившимся беззаконіем озабочено было Правительство, — ни- каких слѣдов, указывающих на его вмѣшательство, найти нельзя*).

Такое бытовое двоевластіе, т. е., частичный захват правитель- ственных функций мѣстными, самочинно создавшимися в революціон- ные дни организациями, прокатилось волной по всей Россіи. Сре- ди этих организаций Совѣты, как таковые, далеко не занимали пер- венствующаго мѣста — как явствует из протокола Исп. Ком. 15 мар- та, Совѣты (доклад бюро о созывѣ съѣзда) к этому времени возникли только в 42 городах (как быстро росло число совѣтов, показывает тот факт, что на Совѣщаніи, которое собралось в концѣ мѣсяца, пред- ставлены были уже 138 совѣтов. Главенствующей формой были объединенные "Комитеты общественных организаций", выжившіеся в провинціи в весьма разнообразных комбинаціях**). В этих коми- тетах имѣли своих представителей и совѣты в качествѣ самостоятель- ных организаций (подчас раздѣльных — рабочих и солдатских). Там, гдѣ в рѣдких случаях совѣты являлись главенствующей орга- низацией, они далеко не носили узко классового характера — в нѣко- торых провинціальных совѣтах на первых порах были даже кадетскія фракціи, а, напримѣр, в Харьковѣ во главѣ Совѣта, главенствовавшего в первые дни, стоял официальный член партіи к. д., избранный в Со- вѣтъ врачебными организациями; в Ставрополѣ он носил "всесословный характер и включал мѣщанских депутатов"; в Москвѣ в Совѣтъ перво- начально входили представители инженеров, врачей, адвокатов и сту- денческих организаций. Важно отмѣтить, что "последовательные со- ціаллисты", к числу которых относили себя большевики, повсюду в совѣтах составляли незначительныя фракціи и не могли имѣть руко-

небезинтересный в бытовом отношеніи эпизод, характерный для настроенія «низов». Нѣкій солдат Дмитріев, осуждавшій в трамваѣ запрещеніе выхода «Нов. Времени», предстал 14 марта перед судом по обвиненію в порицаніи Совѣта. По чьей инициативѣ возникло это курьезное дѣло, к сожалѣнію, «День», из котораго мы заимствуем свѣдѣнія, не сообщил. Судил Дмитріева новый временный суд, введенный министром юстиціи: мировой судья и де- легированные от Совѣта «солдат и рабочий». Эта «импровизація» Керенска- го, в корень противорѣчащая лестным словам, произнесенным им в Москвѣ о мировом судѣ, была, конечно, «подсказана настроеніем времени». Суд оправдал Дмитріева, признавъ, что свободному гражданину принадлежит право и свободной критикѣ.

*) Позже, в эмиграціи, отвѣчая Водовозову на повторные его упреки за то, что Временное Правительство с первых же дней своего существованія допустило нарушеніе принципа свободы печати, Керенскій в «Днях» (29 дек. 23 г.) прикрыл это забвеніе громкой фразой: «в порядкѣ неотложных дѣл мы должны были в первую очередь спасти не мертвыя газетныя ли- сты, а недописанныя еще страницы живых человѣческих жизней».

**) В Кіевѣ он был создан, напримѣр, представительством от городского и земскаго союза, національных организаций и политических партій.

водящаго вліянія*). Сказать, как это дѣлает Троцкій в своей исторіи революціи, что жизнь в губерніях и уѣздах сосредоточилась во- круг совѣтов, значит дать очень неточную фотографическую кар- тину того, что было. Признаніе петроградскаго совѣта в мартов- скіе дни (запись в дневникѣ ген. Куропаткина 12 марта) «вто- рым правительством» на наш взгляд является глубоко ошибочным. Лишь публицистическим приѣмом является утвержденіе «Рус. Вѣд.» 9 авг. (Бѣлоруссов), что «в первые четыре мѣсяца Совѣты бы- ли хозяевами Россіи». Детальная лѣтопись русской революціи первых дней могла бы зарегистрировать множество фактов проявленія анархіи на мѣстах. Объективно оцѣнивая, однако, эту революціонную стихію — в атмосферѣ ея и рождалось «двоевластіе — скорѣй приходится дѣй- ствительно удивляться той легкости, с которой страна «переступила порог между самодержавіем и республикой» («Хроника»). Недаром тѣ же «Русскія Вѣдомости» в предкорниловскіе дни, когда велась в «цен- зовых» кругах острая кампанія против совѣтов, признавали, что со- вѣты вносят «органическую спайку в анархическое движеніе».

Причины развитія мѣстнаго «правотворчества» лежали, конечно, не только в «стихийном ходѣ событій», однако было бы нѣсколь- ко упрощено по трафарету искать эти причины в «системати- ческой бездѣятельности» министерства в. д., объясняемой идеали- стическими настроеніями его руководителя. Может быть, лично кн. Львову и свойственно было, как говорит его біограф, преуве- личивать силу «генія русскаго народа» и «великой мудрости на- рода» и отдавать им предпочтеніе перед «надуманными интелли- гентскими рѣшеніями»; может быть, тезис — народ свободно и по- своему устроит судьбу Россіи — и органически сплетается с міро- воззрѣніем этого славянофильствующаго земскаго и общественнаго дѣятеля, но не будем все-таки придавать слишком большое уже значе- ніе декларативным заявленіям и довольно безотвѣтственным разгово- рам с газетными сотрудниками, которые обычно цитируются в истори- ческих трудах для характеристики настроеній премьера. Прославлен- ныя слова кн. Львова: «мы можем почитать себя счастливыми людьми: поколѣніе наше попало в наисчастливішій період русской исторіи» (он ими закончил свою рѣчь на объединенном засѣданіи «четырех дум» 27 апрѣля), были уже запоздалым отзвуком все того же почти всеобщаго мартовскаго пафоса**). Пожалуй нарочитая «восторжен- ность» премьера была уже анахронична, но она свидѣтельствовала о не покидавшем кн. Львова оптимизмѣ даже в дни перваго правитель- ственнаго кризиса.

Красивая фразеологія нерѣдко прикрывала весьма прозаическую

*) По словам Шляпникова, на первое собраніе 9 марта фракціи боль- шевиков в петроградском совѣтѣ явилось 40 человек, среди которых видны были 2-3 солдатских шинели. В Кіевѣ, по признанію Бош, большевики в со- вѣтѣ Р. Д. должны были выступать с осторожностью, чтобы не вызвать скан- дала; при выборах в совѣтъ солдатских депутатов они не принимали ника- кого участія за отсутствіем связи с войсковыми частями.

**) Тогда Львов (7 марта) говорил представителям печати: мы все безконечно счастливы, что нам удалось дожить до этого великаго момен- та, что мы можем творить новую жизнь народа — не для народа, а вмѣстѣ с народом... Какое великое счастье жить в эти великіе дни».

дѣйствительность. Так скорѣе приходится толковать слова кн. Львова в газетном интервью 19 марта, принятых Милюковым историком за “директивы” новым представителям администраціи, прїѣзжавшим в Петербург и “неизмѣнно” получавшим в министерствѣ указанія, которыя находились в соотвѣтствіи с публичными заявленіями руководителя вѣдомства. Кн. Львов представителям печати сказал: “Временное Правительство смѣстило старых губернаторов и назначать новых не будет. На мѣстах... выберут. Такіе вопросы должны разрѣшаться не из центра, а самим населеніем”. Роль правительственных комиссаров Львов опредѣлил, как выполнение функций “посредствующаго звена” между мѣстными общественными комитетами и центральной властью. Здѣсь никакой “маниловщины” не было*). Надо помнить, что рѣчь шла о тѣх временных правительственных комиссарах, которые в лицѣ представителей земских управ согласно распоряженію центра 5 марта заменили устраненную или самоупразднившуюся губернскую администрацію. Свое телеграфное распоряженіе министр внутренних дѣл сдѣлал не по собственной инициативѣ, как изображает в воспоминаніях Керенскій, а согласно постановленію Совѣта Министров 4 марта. Набоков считает эту “непродуманную и легкомысленную импровизацію” одним из “самых неудачных” правительственных актов и, вспоминая споры относительно обновленія администраціи на съѣздѣ земских и городских дѣятелей, полагает, что в обстановкѣ 17 г. “изытію” могли подлежать лишь “единицы”. Предположеніе о возможности сохранения в революціонном катаклизмѣ высшей административной и полицейской власти на своих мѣстах столь противоестественно (искусственное сравненіе с 1905 г. малоподходяще), что дѣлает критику просто совершенно отвлеченной. (Не забудем, что пред- революціонная думская агитація шла под лозунгом — “освобожденіе народа от полиціи” — рѣчь Милюкова 15 февраля).

Другим политическим дѣятелям первая административная мѣра Правительства казалась “в общем удачным шагом” (Мякотин). Конечно, если бы Временное Правительство, будто бы заранѣе выбранное, предварительно намѣтило и отвѣтственных комиссаров из популярных общественных дѣятелей на мѣстах, эффект назначенія из центра получился бы иной. Представители старого земства не всегда подходили к настроеніям эпохи и назначеніе их на постъ губернских революціонных комиссаров вызвало тренія на мѣстах**). В докладѣ Временному Комитету Гос. Думы его отдѣла “сношеній с провинціей” говорилось даже, что назначеніе комиссарами предсѣдателей губернских и уѣздных управ вызвало “общее недовольство”. Правительство пошло “навстрѣчу желаніям населенія” и предложило вмѣсто непріемлемых для него “назначенных комиссаров” представлять своих кандидатов. Вот тѣ условія, при которых в центрѣ появилось газетное интервью кн. Львова.

*) Ближайшіе помощники Львова, которые фактически направляли политику мин. вн. дѣл (Щепкин, Леонтьев), были очень далеки от идеологій своего шефа.

**) Конечно, лишь хлесткой «революціонной» фразой являлось гиперболическое заявленіе Церетелли в засѣданіи Петроградскаго Совѣта о том, что большинство первых правительственных комиссаров должно быть отнесено к числу «черносотѣнцев».

Можно ли сказать вслѣд за Набоковым, что правительство считалось “не с дѣйствительным интересом, а с требованіями революціонной фразы, революціонной демагогіи и предполагаемых настроеній масс”? Здѣсь как раз правительство проявило цѣлесообразную гибкость и не дало переродиться мѣстному “правотворчеству” в уродливыя формы анархіи. Еще вопрос: не привели ли бы послѣдовательныя попытки административной опеки, т. е., назначенія правительственных комиссаров “поверх” созданных в дни переворота общественных организацій к болышей дезорганизаціи, чѣм это было в мартѣ.

III. Соціальная политика.

1. — Р о к о в а я п р е з у м п ц і я .

Мѣстное “правотворчество” касалось не только сферы управленія — оно распространялось на всѣ области жизни. Правительство как-то всегда и вездѣ опаздывало. Это и питало бытовое двоевластіе. В чем же был секрет? Правительство запаздывало отчасти из-за присущаго ему догматическаго академизма. Люди, составлявшіе первую генерацию временнаго правительства, стремились дать странѣ наилучшіе законы, не всегда считаясь с реальной потребностью революціоннаго момента*).

В области законодательных предположеній и разработки проектов дѣятельность Правительства была широка и плодотворна — с удовлетвореніем вспоминает Набоков. В позднѣйшей правительственной деклараціи 26 апрѣля перечислялось то, что сдѣлано “призванное к жизни великим народным движеніем правительство за два мѣсяца своего пребыванія у власти, согласно обязательству, скрѣпленному “присягой” для осуществленія “требованія народной воли” (подразумѣвалось “соглашеніе” 2 марта): ...“наряду с напряженной дѣятельностью, посвященной текущим и неотложным нуждам государственной жизни, оборонѣ страны от вѣшняго врага, ослабленію продовольственнаго кри-

*) Пѣшехонов рассказывает, что, встрѣчая в первые дни революціи Шингарева, он «каждый раз его неуклонно спрашивал, когда же будет опубликован закон о мѣстном самоуправленіи». Шингарев так же неизмѣнно отвѣчал: «разрабатывается». Характерно, что сам Шингарев до революціи в со- вѣщаніи прогрессивнаго блока настаивал на спѣшном проведеніи волостной реформы в цѣлях предупрежденія анархіи. Потребность этого закона для деревни была первостепенной не только для поддержки общественнаго покаяка, но и в интересах правильнаго снабженія арміи. Чернов не без основанія указывает, что правительство могло бы в спѣшном порядкѣ издать временный закон, позанимствовав его из тухлаго портфеля неосуществившихся законодательных предположеній Гос. Думы — это взело бы мѣстное «пра- готворчество» в извѣстныя рамки. Лишь 19 марта Правительство постано- вило считать должностъ земских начальников «подлежащей упраздненію» и «срочно разработать проект о преобразованіи органов мѣстнаго самоуправле- нія». Вмѣстѣ с тѣм предложено было правительственным комиссарам до «завершенія срочной работы по устройству волостных земств» (оно не «за- вершилось» и через два мѣсяца) образовать под своим наблюденіем вре- менные «волостные комитеты». Формально ненавистный населенію институт земских начальников, фактически ликвидированный переворотом, был упразднен лишь 30 іюня. Так повсюду опаздывало Временное Правитель- ство!

зиса, улучшению транспорта, изысканию необходимых для государства финансовых средств — оно уже осуществило ряд реформ, перестраивающих государственную жизнь России на началах свободы, права. Провозглашена амнистия. Отменена смертная казнь. Установлено национальное и вбронсповдное равенство. Узаконена свобода собраний и союзов. *Начата* коренная реорганизация мѣстного управления и самоуправления на самых широких демократических началах... Из необходимых для этой цѣли законоположеній изданы уже постановления о выборах в Городскія Думы и о милиціи. Выработаны и *будут* изданы в самом непродолжительном времени постановления о водостном земствѣ, о реформѣ губернскаго и уѣзднаго земства, о мѣстных правительственных органах, мѣстном судѣ и об административной юстиціи. *Установлен* план работы по составленію Положенія о выборах в Учр. Собрание... В отношеніи устройства арміи... осуществляются демократическія реформы, далеко опережающія все, что сдѣлано в этом направленіи в павболѣ свободных странах міра... Для подготовки к Учр. Собранию *проекта справедливаго и согласнаго с интересами народа рѣшенія великаго земельного вопроса образован* Главный Земельный Комитет... Отношеніе Правительства к національным вопросам нашло себѣ ясное и опредѣленное выраженіе в актах, идущих навстрѣчу автономіи Финляндіи, в признаніи за Польшей прав на объединеніе и государственную независимость... Призванное к жизни великим народным движеніем Временное Правительство признает себя исполнителем и охрани- телем народной воли. В основу государственнаго управления оно полагало не насилие и принужденіе, а добровольное повиновеніе свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силѣ. С тѣх пор, как Врем. Правительство стоит у власти, оно ни разу не отступило от этих начал. Ни одной капли народной крови не пролито по его винѣ, ни для одного теченія общественной мысли им не создано насильственной преграды".

К сожалѣнію, проза жизни требовала другого — не творческих предположеній, а творческаго осуществленія. Второго марта, когда опредѣлялись "требованія народной воли", во имя сочетанія двух сил, совершивших революцію, были отброшены всѣ социально-экономическія программы, которыя неизбежно и властно должны были выдвинутся на другой же день. Новое правительство оказалось без социальной программы — без того минимума, который надлежало осуществить в переходное время, до Учредительнаго Собранія. Без такого удовлетворенія вождѣльных мечтаній масс никакая власть ни при каких условіях не могла бы "канализировать" (выраженіе Милукова) революционную стихію, ибо ее нельзя было успокоить и удовлетворить только словесным пафосом о политических и гражданских свободах. Когда впоследствии б. лидер "цензовой общественности" на июньском съѣздѣ партіи к. д. говорил, что задача партіи "защитить завоеванія революціи, но не углублять ее", его слова не могли звучать в унисон с тогдашним воспріятіем масс, но и в дни мартовскаго "общенароднаго порыва" они были бы чужды.

Мѣшало не классовое сознаніе буржуазнаго правительства, на котором революціонные демагоги строили свою агитацію. Невѣрно, что Временное Правительство представляло "интересы капитала и крупна-

го землевладѣнія", несмотря на присутствіе в нем "нѣскольких либеральных людей", как утверждал представитель читинскаго Совѣта Пумпяпскій на мартовском Совѣщаніи Совѣтов. И не только он, но и всѣ единомыслившіе с ним. Полк. Пронин вспоминает, как в. кн. Сергій Мих. узнав о составѣ временнаго правительства, замѣтил нѣсколько поверхностно: "все богатые люди". "Князь — богат" — повторил о кн. Львовѣ Троцкій. Нѣтъ, миліоны Терещенко и Коновалова рефлѣкторно не окрашивали политики "благовѣрнаго правительственнаго синклита" (под таким титулом в церквях поминалась "революціонная" власть). Неудачный термин — "цензовая общественность" не покрывал собою Временное Правительство. Последнее далеко не представляло собою "гармоническое цѣлое", но, как цѣлое, оно пыталось не сходить с позицій арбитра между классовыми стремленіями — лидер "революціонной демократіи" Церетелли с полной искренностью мог говорить, что правительство не вело "классовой политики"*)).

Правительство было в тисках той презумпціи, в атмосферѣ которой оно возникло. От этого гипноза оно не могло окончательно отрѣшиться, несмотря на грозные симптомы иногда kloкочущей и бурлящей стихіи. В сознаніи в гораздо большей степени отпечатлѣлся тот общій облик февральских дней, который побудил "Рѣчь" назвать русскую революцію "восьмым чудом свѣта" и внушил иѣкоторую иллюзію политикам, что страна на первых порах может удовлетвориться своего рода расширенной программой прогрессивнаго блока: "в странѣ нѣтъ и признаков волненій и событий, возбуждающих опасенія" — говорил Родзянко на частном совѣщаніи членов Гос. Думы 5 марта. В критическіе часы впоследствии в интимных бесѣдах — как записывают современники — члены Правительства признавались, что они "вовсе не ожидали, что революція так далеко зайдет". "Она опередила их планы и скомкала их" — записывает ген. Куропаткин бесѣду с кн. Львовым 25 апрѣля: "стали щепками, посягающими по произволу революціонной волны". Дѣйствительность была не так уж далека от безвыходнаго положенія, характеристику котораго давали послѣднія слова премьера. Жизнь довольно властно предъявляла свои требованія, и Правительство оказывалось вынужденным идти на уступки — творить не свою программу, а слѣдовать за стихіей. Оно попадало между молотом и наковальней — между требованіями подлинной уже "цензовой общественности", мало- жертвенной и довольно эгоистично и с напором отстаивавшей свои имущественные интересы, и требованіями революціонной демократіи, записавшей реальныя, а подчас и эфемерныя интересы трудовых классов — эфемерныя потому, что революція, как впоследствии выразился один из лидеров "революціонной демократіи", "инерціей собственнаго движенія была увлечена за предѣлы реальных возможностей" (Чернов). Эту "инерцію собственнаго движенія" проще назвать демагогіей, ибо всѣ безоговорочныя ссылки на "железную логику развитія революціи", которую на подобіе "лавины, пришедшей в движеніе, никакія силы человѣческія не могут остановить" (Троцкій), являющіяся попытками или запоздалаго самооправданія или безответственнаго

*) Тактически скорѣе ошибкой надо признать введеніе в состав правительства в революціонное время лиц с громкими именами, обладателей крупных миллионных состояній — возможный престиж во внѣ парализовался вредом внутренней пропаганды.

политиканства. Достаточно ярко выразил закон “инерции” на мартовском Совещании Совета уфимский делегат большевик Эльцин, не оторвавшийся еще тогда от общего социалистического русла и возражавший “дорогому нам всем” меньшевику Церетелли; этот враг “государственного анархизма” линию поведения революционной демократии определял так: “она должна заключаться в том, чтобы выше и выше поднимать революционную волну, чтобы не дать ей возможности снизиться, ибо... если эта волна снизится, то... останется отшель, и на этой отмели останемся мы... а Временное Правительство будет в русле рѣки, и тогда нам не сдобровать”.

Мы не знаем, сумѣло ли бы правительство иного состава — правительство, рожденное на почвѣ большей или меньшей договоренности о войнѣ и социальной программѣ минимум, которую надлежало осуществить в “переходное время” — до Учр. Собрания*), преодолѣть многообразную стихийную “лавину”; оно встрѣтило бы к тому же большее противодействие со стороны тѣх классов, которые в общем поддерживали политику власти “пензовой общественности”. Вокруг такого неизбежно коалиціоннаго правительства могло бы создаться, если не однородная правительственная партія, то объединеніе партійных группировок, связанное как-бы круговой порукой — оно давало бы правительству большую базу, чѣм легко улетающіяся настроенія “медового мѣсяца”. Такое правительство могло бы дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе, и ему легче было бы противостоять демагогии. Если договор был немыслим в момент, когда нужно было немедленно дѣйствовать, то ход революціи неизбежно предоставлялся игрѣ случайностей. Временному Правительству перваго состава побороть стихію органически было не под силу. Уже 2-го Гиппиус записала свои “сомнѣнія насчетъ будущаго” — ея сомнѣнія аналогичны тѣм, которые высказывал Кривошеин: “революціонный кабинет не содержитъ в себѣ ни одного революціонера, кромѣ Керенскаго”. ...“Я абсолютно не представляю себѣ, во что превратится его (Милюкова) умъ в атмосферѣ революціи. Как он будет шагать на этой горящей, ему ненавистной почвѣ... Тут нужен громадный тактъ: откуда — если он в несвойственной ему средѣ будет вертѣться?” Психологія, отмѣченная беллетристом-наблюдателем, в гораздо большей степени вліяла на неустойчивую политику власти, нежели отсутствіе того волевого импульса, которое так часто находятъ в дѣйствіях Временнаго Правительства**). Рѣшительнѣе другихъ выразилъ это мнѣніе вышедшій из состава Правительства и мечтавшій о крутыхъ контр-мѣрахъ для борьбы с революціей Гучков; онъ опредѣлялъ характеръ правительства словомъ “слякотъ”. (Запись Куропаткина 14-го мая); нѣкоторое исключеніе Гучков дѣлалъ для Милюкова... Суть же была не в “интеллигентскомъ прекраснодушіи”, а в том, что правительство усваивало декларативный “языкъ революціи”, т. е., в нѣкоторой степени духъ времени, но не ея сущность. Отсюда рождалось впечатлѣніе, что Правительство является

лишь “пѣвчимъ революціи”, какъ выразился одинъ изъ ораторовъ большевицкой конференціи в концѣ марта.

2. — Восемичасовой рабочий день.

Конечно, невѣрно утвержденіе Керенскаго в третьей его книгѣ, предназначенной для иностранцев (L'expérience), что социальному творчеству Временнаго Правительства была положена преграда той клятвой, которую члены Правительства вынуждены были дать — не осуществлять никакихъ реформъ, касающихся основныхъ государственныхъ вопросовъ: такой клятвы члены Правительства не давали, и во всякомъ случаѣ она не воспрепятствовала почти в первые дни декларативно провозгласить, по тактическимъ соображеніямъ, независимость Польши*). Слѣдуетъ признать, что огромной препоной для социальныхъ экспериментовъ являлась война с ея напряженными экономическими требованіями. Сама по себѣ война психологически могла содѣйствовать воспріятію тѣхъ социально-экономическихъ заданий, которые ставили социалистическія партіи. Весь міръ, в той или иной степени, переходилъ к плановому государственному вмѣшательству в народное хозяйство. Даже до революціонное “царское” правительство в Россіи вынуждено было робко вступить на путь регулированія и контроля производства. Но революція, символизировавшая собою хирургическую операцію над общественнымъ организмомъ, грозила зарѣзать ту курицу, которая несла во время войны, по выраженію Шингарева, “золотыя яйца”. В этой несовмѣстимости революціи с войной и крылась причина подлинной трагедіи Россіи — трагедіи, из которой без потрясеній, при растущемъ экономическомъ кризисѣ, найти выходъ было чрезвычайно трудно.

Иллюстраціей к сказанному представляется исторія вопроса о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, стихійно выдвинушагося в Петербургѣ в первые же дни и отнюдь не по инициативѣ Совета — скорѣе даже “вопреки директивамъ” центра. Вопросъ возникъ в связи с вынесенной по докладу Чхеидзе 1170 голосами противъ 30 резолюціей Совета 5-го марта по поводу прекращенія политической стачки. Указывая, что “первый рѣшительный натискъ возставшаго народа на старый порядокъ увѣнчался успѣхомъ и в достаточной степени обезпечилъ позицію рабочаго класса в его революціонной борьбѣ”, Советъ призвалъ “возможнымъ нынѣ же приступить к возобновленію работъ в петроградскомъ районѣ с тѣмъ, чтобы по первому сигналу вновь прекратить начатыя работы”. Возобновленіе работъ — мотивировалъ Советъ — “представляется желательнымъ в виду того, что продолженіе забастовокъ грозитъ в сильнѣйшей степени разстроить уже подорванный старымъ режимомъ продовольственные силы страны”. “В цѣляхъ закрѣпленія завоеванныхъ позицій и достиженія дальнѣйшихъ завоеваній” Советъ “одновременно с возобновленіемъ работъ” призывалъ к “немедленному созданію и укрѣпленію рабочихъ орга-

*) Вопросъ объ отношеніи к войнѣ оставляемъ пока в сторонѣ.

**) Припоминаются разсужденія в дореволюціонной запискѣ члена Государственнаго Совета Римскаго-Корсакова о “бездарности слабости русскаго либерализма”.

*) По другому, чѣмъ Керенскій, толковалъ “клятву” членовъ Правительства первый послѣ революціи съѣздъ партіи к.-д.: «Уважая волю народную, Правительство должно предоставить Учредительному Собранію разрѣшеніе всѣхъ тѣхъ вопросовъ, относительно которыхъ, какъ не обладающихъ характеромъ неотложности, не принято имъ на себя непосредственныхъ обязательствъ в объявленной имъ программѣ».

низаций всех видов, как опорных пунктов для дальнейшей революционной борьбы до полной ликвидации старого режима и за классовые идеалы пролетариата". Вместе с тем Совет объявлял, что он приступает к "разработке программы экономических требований, которые будут предъявлены предпринимателям (и правительству) от имени рабочего класса". В последующем обращении к рабочим, в связи с происходившими "недоразумениями и конфликтами", Совет 9 марта отмечал, что "за небольшими исключениями рабочий класс столицы проявил поразительную дисциплину, вернувшись к станкам с такой же солидарностью, с какой он оставил их несколько дней тому назад, чтобы подать сигнал к великой революции" (*). Это "небольшое исключение", под влиянием пропаганды большевиков, заявило о своем не подчинении директивам Совета, потому что, как говорилось, напр., в резолюции рабочих завода "Динамо", "революционная волна не захватила всей России" и "старая власть еще не рухнула" — при таких условиях о "ликвидации забастовок не может быть и речи". Однородных по вышедшей форме резолюций с требованием "немедленного ареста Николая и его приспешников" мы коснемся в другом контексте (**). В них, кроме призывов к "прекращению кровавой бойни", "классам неимущим нужной" и т. д., заключалось и требование установления 8-часового рабочего дня.

Таков был боевой лозунг, выставленный большевиками; он искони органически вошел в сознание рабочей среды и потому легко был воспринят и на тех собраниях, на которых в "лояльных" резолюциях о возобновлении работ как бы высказывалось доверие Временному Правительству: "только 8-часовой рабочий день может дать пролетариату, — говорилось в одной из них, принятой в Москве — возможность на широкое активное участие в политической и профессиональной борьбе. Только полное раскрытие рабочего класса от тяжелой изнурительной работы может дать возможность рабочему классу стоять на страже интересов своего народа и принять участие в созыве Учредительного Собрания... Полагая, что лозунг о 8-часовом рабочем дне является также политическим лозунгом, а потому осуществление рабочего дня не может быть отложено на будущее, необходимо немедленно провести в жизнь 8-часовой рабочий день для всех наемных работников" (***). Красной нитью в огромном большинстве резолюций о введении 8-часового раб. дня (по крайней мере в Москве) проходит мысль о необходимости введения его в общегосударственном масштабе: "Временное Правительство особым декретом впредь до утверждения закона о нормировке рабочего дня должно установить 8-часовой рабочий день на всю Россию".

Жизнь, однако, опережала академические решения, и на заводах после возобновления работ происходило "непрерывное недоразумение" — явный порядок введения ограничительного рабочего времени, смѣна администрации и т. д. В воззвании 9 марта петроградский Совет, высказываясь против "разрозненных выступлений отдельных фабрик",

осуждая "абсолютно недопустимые эксцессы" (порча материалов, поломка машин и насилия над личностью), которые "способны лишь причинить величайший вред рабочему делу, особенно в переживаемый тревожный момент", еще раз подчеркнул, что он разрабатывает "перечень общих экономических требований, которые будут предъявлены фабрикантам и правительству от имени рабочего класса". В то же время Совет предостерегал предпринимателей против "недозволительных" в отношении к "борцам за освобождение родины" попыток явного и тайного локаута и грозил, что "принужден будет с величайшей энергией вступить в борьбу с этими злоупотреблениями предпринимателей, особенно постыдными в переживаемые нами дни"... в случае закрытия фабрик Совету "придется поставить перед рабочим классом, перед городским общественным управлением и перед Временным Правительством вопрос о муниципализации подобных предприятий или о передаче их в управление рабочих коллективов".

Под влиянием этого низового "террора" петербургское общество фабрикантов и заводчиков само, при посредничестве министра торговли и промышленности Коновалова, обратилось в Совет для улажения возникшего конфликта с рабочими, и 10-го было достигнуто соглашение, устанавливающее впредь до издания закона о нормировке рабочего дня 8-часового "действительного труда" (сверхурочный работы по особому соглашению), учреждения совета старост (фабрично заводского комитета) и примирительных камер. В Москве соглашение не удалось в силу непримиримой позиции, занятой местным Обществом фабрикантов и заводчиков, хотя в ряде районов предприниматели (крупные) давали свое согласие на введение 8-часового рабочего дня. В результате нормирование продолжительности дня труда стало производиться "самовольно" по отдельным предприятиям, и московскому Совету задним числом пришлось 18 марта санкционировать своим авторитетом то, что было достигнуто "явочным порядком" (*). Совет постановил: "признать необходимым введение 8-часового рабочего дня по всей стране; обратиться к Временному Правительству с требованием о немедленном издании соответствующего декрета и призвать все Советы Р. Д. поддержать это требование. В Москве же, не дожидаясь издания такого декрета, ввести 8-часовой рабочий день, допуская сверхурочные работы только в отраслях промышленности, работающей на оборону, производящей предметы первой необходимости и по добыче топлива".

Соответствующая волна прокатилась по всей России, причем борьба за 8-часовой рабочий день принимала либо петербургскую, либо московскую форму, т. е., заключалось или соглашение с организациями фабрикантов и заводчиков или нормировка труда вводилась рабочими явочным "революционным" порядком и санкционировалась односторонним актом местного Совета. Это бытовое двоевластие было, однако, довольно чуждо мысли самочинного законодательства; можно сказать, что господствовала формулировка, данная на одном из Московских рабочих собраний: "Мы вводим 8-часовой рабочий день с 17 марта и требуем от Со-

*) Отметим, что среди квалифицированных рабочих (напр., типографии Сытина) были и решительные возражения против введения нормировки труда явочным порядком.

*) Постановление о возобновлении работ в Москве было принято таким же подавляющим большинством: в Совете «за» голосовало 2000 человек, «против» — 60-70.

**) См. мою книгу «Судьба имп. Николая II после отречения».

***) В другой московской резолюции подчеркивалось, что 8-часовой рабочий день не стоит ни в каком противоречии с национальной обороной страны.

вѣта Р. Д. вывести резолюцію о его введеніи, а от Временнаго Правительства *поставить свой штемпель*".

Как же реагировала власть, которой предлагалось поставить авторитетный "штемпель" законодательной санкции к тому, что в жизни достигалось "революционным" путем? Она в сущности бездѣйствовала. 6 марта Правительство одобрило специальное обращеніе министра торговли и промышленности Коновалова. Революционный министр говорил о трудѣ, который является "основой производительной силы страны" и от "успѣхов котораго зависит благополучіе родины". "Искренне" стремясь "к возможно полному удовлетворенію трудящихся", министр считал "неотложной задачей правильную постановку и надлежащее развитіе рабочаго вопроса". "Свободная самостоятельность и организация трудящихся" (т. е., профессиональные союзы) — констатирует обращеніе — "являются одним из главѣйших условий экономическаго возрожденія Россіи". Это были все общія слова, т. е., революционная риторика... 10-го Исполнительный Комитет Совѣта, узнавъ от своего уполномоченнаго Гвоздева, что петербургскіе фабриканты и заводчики согласны ввести 8-часовой рабочий день, постановил: "предложить Временному Правительству издать указ о 8-час. раб. днѣ по всей Россіи до Учредительнаго Собранія". Правительство немедленно реагировало, и в журналѣ засѣданія того же 10 марта значится: "предоставить министру торговли и промышленности войти в обсужденіе вопроса о возможности и условіях введенія сокращеннаго рабочаго времени в различных мѣстностях Россіи по отдѣльным группам предприятий и представить предположенія свои на разсмотрѣніе Временнаго Правительства". На этом все дѣло и остановилось — само Правительство дальше подготовки мѣр к введенію 8-часоваго рабочаго дня в предприятиях военнаго и морскаго вѣдомства не пошло. Как будто трудно послѣдовать за воспоминаніями Керенскаго и признать, что Коновалов в согласіи с фабрикантами 11 марта "ввел уже 8-часовой рабочий день на фабриках и заводах Петрограда". Очень сомнительно, чтобы в министерствѣ торговли и промышленности "в порядкѣ спѣшности" дѣйствительно разрабатывался "законопроект о 8-часовом рабочем днѣ", как отвѣчал Исполнительный Комитет на многочисленные и настойчивые запросы из провинціи, указывая, что о вступленіи закона в силу будет "своевременно объявлено".

Собравшееся в концѣ марта "Совѣщаніе Совѣтов" не могло пройти мимо развертывавшейся борьбы за сокращеніе рабочаго дня. "Основной вопрос революціи", поставленный на очередь в огромной полѣсѣ Россіи, во всяком случаѣ, в крупных центрах, не получил еще "законодательнаго установленія" — указывал докладчик. И Совѣщаніе в резолюціи о введеніи 8-часоваго рабочаго дня предлагало правительству издать соотвѣтствующій декрет с оговоркой о необходимости допущенія сверхурочных работ в тѣх отраслях промышленности, которые работают на нужды обороны и связаны с продовольствіем страны. Совѣщаніе правильно учитывало, что 8-часовой рабочий день не является только вопросом экономической выгоды рабочаго класса, но крайне ослабляет реалистичность своей позиціи, выдвигая наряду с соображеніями о необходимости участія рабочаго класса с переходом Россіи к демократическому строю в общеполитической и культурной жизни страны, но и доволно апіорныя заботы об "ослабленіи кризиса в будущем", о необхо-

димости "позаботиться о смягченіи ужасов грядущей безработицы и об облегченіи пріисканія заработка тѣм, которые вернутся послѣ окончанія войны из арміи". Совѣщаніе поручило Исполнительному Комитету петроградскаго Совѣта вступить с Временным Правительством в переговоры о порядкѣ введенія 8-часоваго рабочаго дня*).

В законодательном порядкѣ дѣло мало продвинулось вперед**). В итогѣ получилась анархія на мѣстах, гдѣ при отсутствіи указаній из центра, почти неизбѣжно пыльным цвѣтом расцвѣтало "революционное правотворчество", т. е., то, что выше было названо бытовым двоевластіем. Показательным примѣром подобнаго мѣстнаго законодательства служит "обязательное постановленіе" о восьмичасовом рабочем днѣ и примирительных камерах, изданное Борисовским (Минской губ.) Исполнительным Комитетом за подписью и. д. уѣзднаго правительственнаго комиссара прап. Вульфуса на исходѣ втораго мѣсяца революціи — 26 апрѣля. Принципіальное рѣшеніе о введеніи 8-час. рабочаго дня в Борисовѣ было принято еще 28 марта; 18 апрѣля положеніе о нормировкѣ труда было осуществлено "явным порядком"; 26 апрѣля с единогласнаго одобренія "примирительной камеры***)" издано было особое "обязательное постановленіе" для "закрѣпленія позиціи рабочаго пролетаріата". Очевидно, не без вліянія правительственнаго воззванія к рабочим, обслуживающим учрежденія фронта****), борисовскіе законодатели к общему положенію о 8-час. рабочем днѣ вводили новеллу, по которой "впредь до окончанія войны" всѣм предприятиям, "непосредственно и косвенно" работающим на оборону, предоставляется устанавливать "обязательные для рабочих и служащих сверхурочные рабочіе часы", оплачиваемые полуторной платой, при чем в виду Борисовской близости к фронту, всѣ "заводы, фабрики и торгово-промышленныя предприятия" признавались работающими на оборону; на всѣх предприятиях учреждались заводскіе комитеты; на примирительную камеру возлагалась обязанность выработать "минимум заработной платы"... Наконец, Исполнительный Комитет объявляя, что пріостановка предприятия, чрезвычайно вредная для обороны, повлечет за собой "секвестрацію его".

Все это "законодательное" творчество шло вѣд правительственнаго контроля. Нерѣшительность или медлительность Правительства сильно

*) Не совѣм поэтому понятно, как член Исп. Ком., не только участник, но и докладчик в Совѣщаніи Совѣтов, мог в своих воспоминаніях пойти еще дальше, чѣм Керенскій, в установленіи версіи, будто при Временном Правительствѣ перваго состава «во всей странѣ был введен, даже по инициативѣ самих промышленников, 8-часовой рабочий день».

**) 23 апрѣля Правительство издало положеніе о «рабочих комитетах» в промышленных заведеніях, введенных впервые в Петербургѣ по «соглашенію» между Совѣтом и Обществом фабрикантов. Через 1 1/2 мѣсяца Правительство, таким образом пыталось нормировать то, что фактически было уже осуществлено.

***) Примирительныя камеры из 4 членов Совѣщанія фабрикантов 4 членов Совѣта из 3 членов по избранію уѣзднаго Исп. Ком. и по одному представителю, от Союза служащих и Союза торговцев. Любопытно, что среди представителей Союза (очевидно в виду близости фронта) числился полковник.

****) 8 апрѣля. Указывая, что рабочіе, «выставляя лозунгом переход на 8-час. раб. день», в то же время сами приложили всѣ усилія, чтобы работа велась без перерыва, работая сверхурочно... и что «напряженная работа на фронтѣ в сто раз важнѣе работы в тылу...», Правительство гарантировало, что добоачная работа будет оплачиваться особо.

снижали его революционный авторитет в рабочей массе тем больше, что реальная борьба за 8-часовой рабочий день сопровождалась в "буржуазной" печати довольно шумной противоположной кампанией. В ней приняли участие и марксистские экономисты, с добросовестностью догматиков доказывающие нецелесообразность и утопичность осуществления рабочего лозунга в момент хозяйственного кризиса*). Усвоить эту догматичность довольно трудно, ибо было слишком очевидно, что в взбудораженной атмосфере революция естественно приводит к понижению труда; 8 часов "действительной" работы, как выражалось петербургское соглашение 10-11 марта, для народного хозяйства имело несравненно большее значение, чем сохранение фиктивных норм**).

**

Политический такт для противодействия демагогии всякого рода экстремистов требовал декларативного объявления рабочего лозунга. Промышленники не могли не понимать этой элементарной истины. В собрании материалов "Рабочее движение в 1917 г." имеется показательный документ, воспроизводящий апрельское обращение Омского биржевого комитета, как "официального представителя интересов торговли и промышленности в Омском районе", к владельцам местных промышленных предприятий. Омский комитет обращался к предпринимателям с "убедительной просьбой" принять выработанные Советом условия введения 8-часового рабочего дня. "Принятие этих условий — говорило обращение — властно диктуется государственной необходимостью и правильно понятными интересами промышленности". Биржевой комитет, считая приостановку работ на оборону "преступной", выражал надежду, что промышленники "пожертвуют частью своих интересов и не явятся виновниками обострения классовой борьбы в данный исключительной важности исторический момент". И когда центральные организации промышленников с некоторым напором оказывали воздействие на Правительство в смысле законодательного неприятия гибельной по своим последствиям той "временной уступки", на которую они должны были пойти, то в их формальной аргументации (докладная записка в марте горнопромышленников Урала), действительно, трудно не усмотреть стремления, при неопределенности экономических перспектив лишь выиграть время, пока не выяснится, в какую сторону склонится "стрелка революционной судьбы". Такое впечатление производит, например, запоздалое (в мае) постановление московского биржевого комитета. В нем говорилось: "Вопрос о 8-часовом рабочем дне не может быть рассматриваем, как вопрос о взаимном соглашении между предпринимателями и рабочими, так как он имеет значение общегосударственное... по-

чему он не может быть даже предметом временного законодательства, а должен быть решен волею всего народа в правильно образованных законодательных учреждениях... всякое разрешение этого вопроса в ином порядке было бы посягательством на права народного представительства". Поэтому промышленники "не признают для себя возможного разрешать его в данный момент, как бы благожелательно ни было их отношение к интересам рабочих". В итоге в мае, когда уже существовало новое "коалиционное" правительство, лишь начали "выяснять" трудный вопрос о 8 час. рабочем дне, как писал в "Русском Слове" известный финансист проф. Бернацкий.

Для промышленников вопрос о продолжительности рабочего дня главным образом являлся проблемой экономической, связанной с повышением заработной платы. За "восьмичасовой кампанией" последовала и столь же стихийно возникшая борьба за повышение тарифных ставок, не успевавших за падением денежных ценностей и дороговизной жизни — борьба, осложненная органически связанной с переживаемым хозяйственным кризисом проблемой организации производства, как единственного выхода из кризиса. Эта экономическая и социальная борьба хронологически уже выходит за пределы описания мартовских дней, когда лишь намечались признаки будущей революционной конфигурации. Так московская областная конференция Советов 25-27 марта единогласным решением приняла постановление добиваться немедленного проведения в законодательном порядке (а до того фактическое осуществление в "местных рамках и в организованных формах") "всей экономической минимальной программы социалистических партий": 8-часовой рабочий день, минимум заработной платы, участие представителей рабочих на равных правах с предпринимателями во всех учреждениях, руководящих распределением сырого материала. В жизни "фактическое осуществление" социалистических постулатов (в теории представлявшееся в виде "твердых шагов организованной демократии", а на практике, по характеристике "Известий" — "необузданной перестройкой") приводило к довольно уродливым формам "рабочего контроля", требований подчас заработной платы, обеспечивающей "свободную и достойную жизнь", но не соответствующей экономической конъюнктуре.

Демагогия, вольная и невольная*), конечно, и здесь сыграла свою зловредную роль, парализуя трезвую оценку рабочей тактики, которую давала, например, общая резолюция по рабочему вопросу, принятая на Совещании Советов. В ней на тяжеловатом официальном языке говорилось: "...в обстановке войны и революции пролетариат... должен особенно строго возвышать фактическое соотношение материалов и общественных сил труда и капитала, определяемое, главным образом, состоя-

*) Парламентский вождь меньшевиков (Церетели) на съезде Советов в июне высказался против осуществления 8-час. раб. дня в ненормальных условиях жизни страны.

**) В литературе «буржуазной» слишком часто проявляется склонность преувеличить это падение трудоспособности в революционное время. Забывают отметить фактор, которому министр торговли и промышленности второго коалиционного кабинета Прокоповича на Государственном Совещании придавал первостепенное значение — изношенность производственного аппарата.

*) К невольной демагогии относились безответственные суждения, которые в дни революции бросались легко в толпу. Вероятно, Церетели был убежден, что говорит в соответствии с действительностью, когда утверждал при рукоплескании собрания в Совещании Советов, аргументируя принцип безвозмездного отчуждения помещичьих земель в пользу трудящегося народа, что половина земли в России принадлежала дворянству, и что в годину испытания страны пустовала огромная площадь землевладельческих земель, чем и объяснялись до революции столичные хвосты «желающих получить хлебные куски по голодным пайкам».

ніем промисленности и степенью организованности рабочего класса, памятуя, что теперь больше, чѣм когда либо, экономическая борьба приобретает характер борьбы политической, при которой важную роль играет отношение к требованиям пролетариата остальных классов населения, заинтересованных в укрѣпленіи новаго строя". Демагогические призывы находили отзвук в массѣ в силу не только примитивной психологии "неимущих". "Легенда" относительно астрономической прибыли промисленности, работавшей на оборону страны, крѣпко укоренилась в общественном сознании — об этой "сверхприбыли" не раз с ораторской трибуны старой Государственной Думы говорили депутаты даже не лѣвых фракцій, а правых и умѣренных, входивших в прогрессивный блок*). Допустим, что довоенное процветаніе промисленности и ея искусственная взвинченность в первый період войны были уже в безвозвратном прошлом, что эти прибыли истощились в дни изнурительной и затажной міровой катастрофы, и что промисленность — как доказывают нѣкоторые экономисты — вошла в революціонную полосу разстроенной и ослабленной — побороть укоренившуюся психологию нельзя было отвлеченным, научным анализом, тѣм болѣе, что свѣдѣнія о "колоссальных военных барышах" отдѣльных промисленных и банковских предпріятій продолжали появляться на столбцах періодической печати и на устах авторитетных дѣятелей революціи, не вызывая опроверженій. Даже такой спокойный и по существу умѣренный орган печати, как московскій "Русскій Вѣдомости", нѣсколько позже в связи с августовским торгово-промисленным съѣздом, негодовал на то, что съѣзд "совершенно закры глаза на вакханалію наживы". В годы войны неслыханные барыши (50-71%) 15-16 гг. — признавала газета — "внесли сразу в народныя массы". "Чудовищность" требованій повышения заработной платы в революціонное время все же была относительна, как ни далека была жизнь от тезиса, что "смысл русской революціи" заключался в том, что "пролетаріат выступил на защиту русскаго народнаго хозяйства, разрушеннаго войной". (Покровский). Когда мемуаристы говорят о требованіях прибавок в 200-300% и болѣе (утвержденія эти безоговорочно переходят на страницы общих исторических изысканій), они обычно не добавляют, что эти прибавки разсчитывались по довоенной скалѣ: поправка на систематическое паденіе цѣнности рубля во время революціи сводит эту "чудовищность" к прозаической конкретности — данныя статистики, как будто объективно устанавливают, что рост заработной платы в общем продолжал отставать от цѣн на продукты питания**).

*) Напримѣр, депутат Стемковский в рѣчи 21 ноября 16 г., противопоставляя девиденты промисленников затруженіям аграріев, приводил такія иллюстраціи доходности: Тверская мануфактура в 15 г. имѣла 9,9 мил. при основном капиталѣ в 6 мил.; Коноваловская мануфактура, получавшая до войны 813 т., в 15 г. получила 7 мил. Последняя иллюстрація как раз вызвала официальное опроверженіе со стороны администраціи фирмы, указавшей, что депутат ошибочно принял за доходность не соответствующую цифру в отчетѣ. Конечно, слово с кафедры Гос. Думы запечатлѣвалось ярче, чѣм напечатанное в газетах поясненіе заинтересованной, фирмы, представитель которой сдѣлался первым революціонным министром торговли и промисленности.

**) По вѣщности совершенно чудовищным будет позднѣйшее рѣшеніе третейскаго суда в конфликтѣ между рабочими и администраціей Ли-

ботную плату приходилось выплачивать в счет основного капитала предпріятія, как неоднократно указывали представители промисленников в совѣщаніях, созываемых в послѣдствіи министерством торговли и промисленности, приводила к требованіям повышения государством цѣн на фабрикаты, производимые на оборону: уступки промисленников рабочим — говорил Некрасов на Московском Государственном совѣщаніи — фактически перекладывались на государство. Послѣднее обращалось к главному своему ресурсу — выпуску бумажных денег.

Выход из заколдованнаго круга мог быть найден только в опредѣленной экономической политикѣ, которой не было у Временнаго Правительства, загнинотизированнаго концепціей рисовавшагося в отдаленіи вершителя судеб — Учредительнаго Собранія... Только противопоставив такую опредѣленную программу для переходнаго времени, можно было свести на землю социалистическія "утопіи".

3. — Земля — народу.

В параллель к постановкѣ вопроса о нормировкѣ трудового дня можно привести иллюстрацію из области недостаточно отчетливой земельной политики Временнаго Правительства, расширявшей рамки містнаго революціоннаго правотворчества и свѣдѣтельствовавшей, что у Правительства не было конкретнаго плана аграрных мѣропріятій временнаго характера для переходнаго періода. В этой области положеніе Правительства "цензовой общественности", конечно, было особенно трудно, так как надлежало примирить не только діаметрально противоположные интересы, но и в корень расходящіеся принципы*). При отсутствіи единаго общественнаго мнѣнія не могло быть и той самопроизвольно рождающейся директивы, которую в послѣдствіи Временное Правительство в деклараціи, подводившей итоги его двухмѣсячной дѣятельности, называло "волею народа".

В мартѣ деревня не подавала еще громко своего голоса. Молчала ли деревня потому, что оставшіеся в ней "старіки, больные и женщины" встрѣтили спокойно (таково было мнѣніе, напримѣр, кирсановскаго съѣзда земельных собственников) революцію, — обезлюденіе де-

кинской мануфактуры о прибавкѣ к поденной платѣ, существовавшей в 1913 г., 425% (!). Третейскій суд составлен был из 3 судей от профессиональнаго союза, 3 судей от администраціи при суперарбитрѣ, назначенном министерством труда.

*) Революція, поставившая перед общественным сознанием во всем объемѣ исконный земельный вопрос, вызвала интенсивную работу по выработкѣ основ будущей аграрной реформы. (В Москвѣ была создана специальная «Лига аграрных реформ»). Предстояло свести в одно программныя разнорѣчія политических партій. Единства мнѣнія не было и у социалистов, которых объединяло лишь общее признаніе положенія, что земля должна находиться в пользованіи трудящихся на ней. Коренное расхожденіе о формѣ осуществленія этого общаго положенія было не только между марксистскими и народническими группировками, но и в средѣ самих народников. Поэтому первый всероссійскій съѣзд «трудовой группы» 9 апрѣля, сознавая, что вопрос об условіях передачі земли народу не был «в достаточной степени освѣщен», поручил своему Ц. Ком. войти в сношенія с социалистическими партіями «для созыва общей народнической конференціи по выработкѣ программы по аграрному вопросу». Рѣшеніе, однако, осталось в области благих пожеланій.

ревни Чернов считает основным мотивом молчания деревни; молчала ли потому, что просто "еще сыг не сошел с земли" (мнѣніе составителей социалистической "Хроники"); молчала ли потому, что плохо была освѣдомлена о переворотѣ и относилась к нему в первый момент недоуменно (уполномоченные Временнаго Комитета в своих донесеніях отмѣчали случаи — и не в каких-нибудь глухих углах обширной страны — когда в деревнѣ, продолжавшей жить с представителями старой власти, урядниками и ставовыми, не знали о происшедших событіях еще в концѣ марта и боялись, что все может "вернуться на старое"; донесенія думских уполномоченных подтверждают многочисленныя изданія крестьянскія воспоминанія). Газетныя корреспонденціи того времени отмѣтят нам даже такіе удивительные факты в центрѣ Россіи, как распространенное среди мужиков Дмитровскаго уѣзда Московской губ. убѣжденіе, что приказ "убрать урядников" и дать народу "свободу" пришел не иначе, как от "царя-батюшки". ("Вл. Народа"). — Так или иначе, анархія и двоевластіе на мѣстах не могли грозить большими осложнениями, и Правительство могло укрыться на первых порах за формулу ожиданія Учредительнаго Собранія.

Спокойствіе в деревнѣ нарушила волна дезертиров, пришедших с фронта и подчас — отмѣчает отчет Временнаго Комитета — сыгравших роль первых освѣдомителей о происшедшем переворотѣ. Военный министр в обращеніи к "дезертирам" 7 апрѣля объяснял эту утечку с фронта "распространеніем... в арміи преступных воззваній о предстоящем теперь же передѣлѣ земли, при чем участниками его явятся будто бы лишь тѣ, кто будет находиться к этому времени внутри страны". Создавалась недвусмысленная опасность, что молва о землѣ может сорвать фронт, и министр земледѣлія снѣшил опровергнуть циркулирующіе слухи "о предстоящей в ближайшее время крупной земельной реформѣ вплоть до конфискаціи частно-владѣльческих земель". По существу Правительство ничего не говорило — его воззваніе по "первѣйшему" по своему значенію земельному вопросу 17 марта справедливо может быть отнесено к разряду скорѣе нравоучительных произведеній на тему о том, что "насиліе и грабеж самое дурное и опасное средство в области экономических отношеній". "Завѣтная мечта многих поколѣній всего земледѣльческаго населенія страны" не может быть проведена в жизнь путем каких-либо захватов. Принятіе закона о землѣ народными представителями невозможно без "серьезной подготовительной работы", выполнить которую Правительство "признает своим неотложным долгом".

Впрочем, были приняты двѣ рѣшительныя мѣры: 12 марта были переданы в казну земли Кабинета отрекшагося Императора и 16-го конфискованы удѣльные имуществы. Оба правительственныя постановленія, если и признать, что тактически они были необходимы, нарушали логику, выраженную формулой: ждать Учредительнаго Собранія. Вѣроятно, в силу этого Правительство через посредство вел. кн. Николая Михайловича прибѣгло к своеобразной мѣрѣ полученія письменных отказов членов императорской фамилии от наслѣдственных прав на российский престол и согласія их на "отдачу" удѣльных земель*).

*) В письмѣ на имя Керенскаго вел. кн. Николай Михайлович сообщал уже 9-го, что он «легко» получил отказ от Кирилла Владиміровича и «туго»

Подводя итог наблюденій думских уполномоченных при объѣздѣ послѣ переворота, 28 губерній Европейской Россіи, трехмѣсячный отчет отдѣла сношеній с провинціей Временнаго Комитета говорил: "для крестьян новый строй — это земля". "Это то, чѣм дышит огромная часть населенія Россіи" — существует "твердое убѣжденіе", что земля должна перейти народу. Совершенно естественно, что уполномоченные Временнаго Комитета наблюдали "отсутствіе у крестьян представленія" о запутанности и трудности разрѣшенія земельного вопроса. Мысль о сложности статистическаго "учета земельных запасов, распределенія земельной собственности, выясненія условій и видов землепользованія" и т. д., как это перечисляло правительственное воззваніе, была в большинствѣ случаев чужда крестьянскому сознанію, увлеченному притягательной силой сосѣдней, непосредственно примыкавшей, "обѣтованной" помѣщичьей земли; представленіе о землѣ не выходило за предѣлы своей волости. "Крестьянин — констатирует цитируемый отчет — питается во многих мѣстах не реальностью, а лозунгами. Он предвкушает золотой вѣкъ осуществленія их. Он часто далек от мысли, что всѣ эти лозунги окажутся мыльными пузырями по той простой причинѣ, что земли нѣтъ, что в большинствѣ средних губерній не только нельзя думать о трудовой нормѣ, но и о лишнѣх 2 десятинах". В отдѣльных случаях, быть может, нѣкоторым уполномоченным в бесѣдах удавалось убѣдить крестьян не принимать "на вѣру" ходячую молву и разрѣзать тот "обман", в котором они находились, показав наглядно статистическими вычисленіями, что при раздѣлѣ всей помѣщичьей земли на дѣлѣ крестьянам придется по 1/8 десятины — напр., в Орловской губ... Но вѣдь уполномоченные интеллигенты из Петербурга, да еще облеченные званіем членов Гос. Думы, которые могли заманчивыя перспективы в смысл земельных чаяній свести к реальной действительности, были случайными и рѣдкими гостями в деревнѣ*). В большинствѣ случаев проповѣдником являлся какой-нибудь солдат из столицы или партійный агитатор, не слишком свѣдующій и не слишком скупулесный в своей демагогической пропагандѣ — в дни революціи не было недостатка и в людях, одѣтых в интеллигентскій мундир и готовых вылавлять "дутые векселя".

Одним общаніем "собрать матеріал" для Учредительнаго Собранія, представленіе о котором в деревнѣ было неясно**), нельзя было предотвратить анархическія выступленія в деревнѣ и избѣгнуть самостоятельнаго "правотворчества" в сферѣ земельных отношеній. Надо было отдать себѣ отчет в реальном положеніи и в неизбѣжности исхода будущей аграрной реформы в сторону интересов "трудового крестьянства". Бороться с "дутыми векселями" можно было лишь ясным и определенным заявленіем, в каком именно направленіи будет происходить подготовительная работа перед Учредительным Собраніем, и одновре-

от Дмитрія Константиновича... Однако, в приложеніи к письму заявленіи в. кн. Кирилла об удѣльных землях ничего не сказано, что же касается престонаслѣдія, то Кирилл присоединился к тѣм «мыслям», которыя выражены были в актѣ в. кн. Михаила.

*) Отчет отмѣчает, что авторитетным разъясненіям пріѣзжих интеллигентов из столицы в деревнѣ вѣрили.

**) Это отмѣчал и отчет Временнаго Комитета и позднѣйшія воспоминанія самих крестьян, собранныя в сб. «1917 год в деревнѣ».

менным принятием в законодательном порядке тех переходных мѣр, которые подсказывала жизнь и которые гарантировали бы в сознании массы неприкосновенность земельного фонда до Учредительнаго Собрания. Пѣшехов (осторожный поессибиллист, по выражению Чернова) тогда же пытался выступить с предупреждением, что Учредительному Собранию придется “лишь оформить и санкционировать то, что будет совершено и достигнуто в процессѣ революціоннаго строительства: отложить послѣднее немислимо. Весь вопрос в том, пойдет ли он дальше анархическим путем или в организованных формах”. При анархіи получится не тот строй, к которому стремятся всѣ демократическія партіи. Но и “такой строй придется санкционировать, пересилить революцію Учредительное Собрание, конечно, будет не в силах”. Не имѣя еще собственнаго органа повседневной печати, Пѣшехов выступал в с.-р. “Дѣлѣ Народа” (23 марта). Планомѣрное “революціонное строительство” Пѣшехов видѣл в организаціи сѣти земельных комитетов, задачей которых являлась бы подготовка общей реформы и разработка предварительных, неотложных временных мѣр. Мысль Пѣшехова была освоена революціонной демократіей*) и нашла конкретное себѣ воплощеніе в правительственном мѣропріятіи, но только через мѣсяц и без той опредѣленности, которую вкладывал инициатор земельных комитетов. 21 апрѣля Правительство опубликовало положеніе о Главном и мѣстных Земельных комитетах. На Главный комитет возлагалась задача составленія общаго проекта на основаніи собранных данных и соображеній, которые будут представлены мѣстными комитетами. На мѣстные комитеты (волостные, уѣздные, губернскіе), помимо собиранія свѣдѣній и составленія “соображеній и заключеній”, возлагалось приведеніе в исполненіе постановленій центральной власти; изданіе мѣстных обязательных постановленій, приостановка дѣйствій частных лиц, направленных к обезцѣненію земельных имуществ и возбужденіе перед Главным Земельным комитетом вопросов об изыятіи таких имуществ и о наиболѣе цѣлесообразном использованіи их. В воззваніи, сопровождавшем опубликованіе закона, дѣлался нѣкоторый шаг вперед и говорилось, что Учредительное Собрание “найдет *справедливое рѣшеніе* земельного вопроса и установит *новый* земельный строй”. Населеніе вновь призывалось к воздержанію от самовольных дѣйствій в области земельных отношеній и “спокойно, в сознаніи своей ответственности за будущее нашей родины готовиться к приходу истиннаго строителя земли русской — народнаго Учредительнаго Собранія”. И только в деклараціи Главнаго Земельнаго Комитета 20 мая, т. е. при новом уже коалиціонном правительствѣ, впервые было дано нѣкоторое указаніе, в каком направленіи предполагается справедливое рѣшеніе земельного вопроса — в основу будущей земельной реформы должна быть положена мысль, что всѣ земли сельско-хозяйственнаго назначенія переходят в пользованіе трудового земледѣльческаго населенія**).

*) Идея земельных комитетов возникла еще в годы первой Государственной Думы в трудовой фракціи.

**) В тот же день в Москвѣ состоялось учредительное собраніе всероссійскаго союза земельных собственников, ставившаго себѣ цѣлью спасти от гибели земледѣльческую культуру и сельско-хозяйственную промышленность. На собраніи присутствовало 300 землевладѣльцев, в том числѣ хуторян и отрубников.

На путь извѣстной активности побудила Правительство вступить сама жизнь — проявленіе в странѣ с большей интенсивностью в апрѣлѣ аграрнаго движенія. Точной статистики этого движенія у нас, конечно, никогда не будет... Вѣдомость Главнаго Управленія по дѣлам милиціи за апрѣль отмѣчает 204 случая земельных правонарушеній против 17 за март*). Статистика эта не дает полной картины уже потому, что систематическія свѣдѣнія о “самоуправных дѣйствіях” на мѣстах стали собираться лишь послѣ циркулярной телеграммы 11 апрѣля министерства внутренних дѣл губернским и областным комиссарам. Насколько она преуменьшает дѣйствительность, можно судить по отдѣльному случаю... Так в дѣлах Главнаго Земельнаго Комитета имѣется сводка свѣдѣній (к 1 августа) о движеніи среди крестьян, составленная Орловской губернской земской управой на основаніи анкет министерства земледѣлія: для марта в ней отмѣчено 40 случаев проявленія “движенія среди крестьян”, для апрѣля 128... Волна апрѣльских волненій вызвала безпокойство Временнаго Комитета Государственной Думы, обратившагося к министру земледѣлія Шингареву с запросом о мѣропріятіях для предупрежденія “аграрных безпорядков”. Отвѣтъ Шингарева в концѣ апрѣля напечатан у Шляпникова. Министр земледѣлія отмѣчал, что происшедшія аграрныя волненія в нѣкоторых мѣстностях явились “естественным результатом переворота”, когда органы новой власти не могли дать “надлежащаго отпора” стремленіям “безотвѣтственных лиц и групп населенія к осуществленію своих чаяній путем захватов и насилій”. “Явленія этого порядка... должны были получить в сферѣ земельных отношеній тѣм большее развитіе, что основаніем, им служит та дѣйствительно наблюдаемая и часто острая земельная нужда крестьянскаго населенія... Можно было ожидать, что аграрныя безпорядки... получают весьма широкое распространеніе и примут острую форму... Дѣйствительность не оправдала этих опасеній, в полной мѣрѣ”, так как по имѣющимся у министра свѣдѣніям “аграрныя волненія не приняли столь широких размѣров”... “Аграрныя безпорядки имѣют мѣсто в отдѣльных мѣстностях — повидимому, в тѣх, гдѣ создалось недружелюбное отношеніе между землевладѣльцами и крестьянами или особенно сильно ощущалась земельная нужда, сравнительно в незначительном числѣ случаев охватывали цѣлыя волости или уѣзды**). При этом крестьяне по большей части прибѣгали не к безвозмездному отобранію владѣльческих земель, а к принудительной сдачѣ им в аренду по назначенной волостным комитетом “справедливой” цѣнѣ, правда весьма пониженной по сравненію с существующей”. Шингарев писал, что министерство, учитывая “всѣ серьезныя послѣдствія аграрных волненій в частности для “обеспеченія армии и населенія продовольствіем, прибѣгло ко всѣм имѣющимся в его распоряженіи средствам для предупрежденія дальнѣйшаго развитія аграрнаго движенія”. Такими средствами являлись мѣры лояльнаго рода: 1) Прекращеніе безпорядков... 2) изданіе в законодательном порядкѣ таких по-

*) Анализ этой статистики, см. в моей книгѣ «Как большевики захватили власть».

**) Отчет Временнаго Комитета указывал, что земельныя эксцессы наблюдались там, гдѣ населеніе было недостаточно освѣдомлено о государственном переворотѣ.

становлений, которые... с одной стороны, дали бы какой-нибудь путь удовлетворения земельной нужды крестьянского населения, а с другой, направляли бы по законному руслу возникавшие у него споры с землевладельцами на почву земельных правоотношений до разрешения земельного вопроса в Учредительном Собрании. В отношении мѣр первого рода необходимо, однако, принять во внимание, что, не имѣя в своем распоряжении таких органов власти, какие могли бы прекратить беспорядки путем примирения физической силы, находящейся в вѣдѣнии министерства внутренних дѣл...*), да и по существу не признавая возможным, в условиях переживаемого времени, пользоваться таковой, вѣдомство могло прибѣгнуть только к нравственному воздействию на население... Такого рода обращение привело в нѣкоторых случаях к положительным результатам... "Что же касается мѣропріятій второго рода — продолжал отвѣтъ Шингарева — то утвержденныя Временным Правительством постановленія: а) от 11 апрѣля о засѣвѣ полей и охранѣ посѣвов, б) от 21 апрѣля об учрежденіи земельных комитетов... Закон 11 апрѣля устанавливает предоставленіе всѣх пустующих земель в распоряженіе мѣстных продовольственных комитетов с назначеніем послѣдними справедливой арендной платы в пользу владѣльцев за занятіе их земель и принятіе за счет государства убытков, понесенных частными владѣльцами от насильственного захвата их земель, возлагая вмѣстѣ с тѣм на виновных гражданскую и уголовную отвѣтственность". В заключеніи министр выражал свое "глубокое убѣжденіе", что при болѣе тѣсном взаимодѣйствіи между центральным правительством, мѣстными властями и общественными организаціями, "дальнѣйшему распространенію беспорядков на почвѣ земельных отношеній будет положен предѣлъ".

Оптимистическое заключеніе министра земледѣлія было преждевременно, ибо такіе палліативы не могли успокоить деревню, которую, помимо реальных требованій жизни, возбуждали идеологи "соціального

*) Относительно «голостова» министра вн. дѣл надо отмѣтить, что львовскіе циркуляры, отстаивая желательность устройства примирительных комиссій из землевладѣльцев и земледѣльцев при волостных и уѣздных комитетах, очень рѣшительно требовали от представителей власти Временнаго Правительства, губернских комиссаров, отвѣтственных «вмѣстѣ с мѣстными общественными комитетами» за сохраненіе в губерніи порядка «всей силой закона» прекращать проявленія самоуправства... Это поясненіе вызывает необходимость поправок к утвержденію, что Вр. Пр., как только вопрос коснулся собственнических интересов, скинуло мантию непротивленія злу и предпринимало своим агентам на мѣстах устранять аграрные беспорядки вплоть до вызова воинских команд. Такое телеграфное предписаніе 8 апрѣля приводит Гучков. Упоминается оно и в «хроникѣ» революціонных событій, которая, очевидно, воспроизводит какое то неточное газетное сообщеніе. Циркуляр Львова, воспроизведенный с подлинника в «Крестьянском движеніи» помѣщен 12 апрѣля, и ни одним словом не упоминает о вызовѣ воинских частей. Недопустимость таких пріемов воздействия признавало не только министерство внутри дѣл, но и министерство земледѣлія. Это был общій взгляд правительства, совпадавшій с тогдашним общественным мнѣніем. Пѣнехонов в статьѣ ставил вопрос: «Неужели посылать карательные отряды?» Отчет Временнаго Комитета с удовлетвореніем отмѣчал, что за три мѣсяца не было случая примѣненія силы.

радикализма**»). Но на первых порах правительственные мѣропріятія содѣйствовали значительному ослабленію земельных правонарушеній**): данныя милиціи снижают цифру апрѣльских выступленій с 204 на 81; в том же соотвѣтствіи во взятом примѣрѣ Орловской губ. в маѣ случаи движенія с 128 снижаются на 39***).

Отчет Врем. Комитета, отмѣчал, что за всѣ три первые мѣсяца не было случая примѣненія силы со стороны правительства, указывая, что земельныя примирительныя камеры пришлись крестьянам "по душѣ" и имѣли успѣх. Депутаты, объѣзжавшіе провинцію, нарисовали довольно яркую картину настроеній деревни, ея растерянность и отчасти безпомощность, которыя приводили не так уже рѣдко к попыткам самостоятельно рѣшить на мѣстѣ земельный вопрос. "В разъясненіи и точном указаніи выхода из того или другого положенія нужда большая, чѣм во всякой охранѣ", — подводит итог отчет. Не обобщая фактов, отмѣтим черты, подчеркнутыя в отчетѣ. Часто, напримѣр, владѣльцы и управляющіе крупныя имѣнія убѣждали, оставляя хозяйство на произвол судьбы. Крестьяне и сама исполнительная власть затруднялись, как поступить в таком случаѣ: помѣщики спѣшили рубить лѣс, распродавать живой и мертвый инвентарь. Деревенскіе делегаты "приходят в город за разъясненіем, заходят в комитеты, к комиссару, в Совѣты Р.С.Д., в партію с.-р. и вездѣ получают различныя указанія"; посылают депутатов в столицу, гдѣ на них обрушиваются "вся шумиха, весь водоворот партійных споров и разговоров". И отчет рисует бытовую сцену, как односельчане сажают в холодную вернушагося депутата, который проѣзжал общественныя деньги и ничего не узнал: "все забыл, что слышал; так много слышал, что... ничего не запомнил". Нерѣдки случаи, когда совѣтскія деклараціи принимаются за "закон"****). Большинство уполномоченных, как утверждает отчет, вынесли "крайне мрачный" взгляд на волостныя комитеты — они не имѣли ни "авторитета", ни "гражданской отвѣтственности" и легко превращались в "игрушку в руках политическаго агитатора", причѣм выразители крайних мнѣній, соотвѣтствовавших "чаяніям изголодашагося по землѣ народа", вызывали наибольшее довѣріе. Другіе па-

*) К числу их слѣдует отнести, конечно, не только большевических ораторов, но очень часто и эсеровских. Штерн передает «типичное», по его словам, выступленіе на одном из крестьянских съѣздов Херсонской губерніи партійнаго публициста Зака, «безаппеляціонно» увѣрявшаго сомнѣвавшихся крестьян о достаточности обще-россійскаго Земельнаго Фонда для обезпеченія всѣх безземельных, что земли «на всѣх хватит, я точно подсчитал».

**) Вот иллюстрація: Крестьянскій съѣзд в Одессѣ (7 апрѣля — собралось 2000 делегатов) жаловался на наличие огромных участков незазянной помѣщичьей земли и на увеличеніе арендной платы. Начальник округа Эбелов всю пустующую помѣщичью землю предоставил крестьянам для засѣва.

***). В рѣзком противорѣчій с этими цифрами стоят данныя, которыя были приведены с.-р. Быховским в августовском докладѣ в Исп. Ком. Совѣта Кр. Деп. Доклад опирался на статистику Гл. Зем. Ком.: у Быховскаго был огромный скачек в маѣ — с 57 на 450. Примѣръ этот, заимствованный из «Изм. Сов. Кр. Деп.», лишь свидѣтельствует о той осторожности, с которой приходится обращаться с газетными отчетами. (См. мою критику методов Милокова в книгѣ «Гражданская война в освѣщеніи П. Н. Милокова»).

****) Это отмѣчал упомянутый доклад Быховским в Исполнительном Комитетѣ Совѣта Крестьянских Депутатов о земельных комитетах.

блюдатели отмѣчали и иную сторону в скептицизмъ населенія к волостному земству — “хорошіе” крестьяне не шли на выборныя должности, не доверяя еще новым порядкам; на выборахъ проявился большой абсентеизм. И в то же время эти пессимистически настроенные наблюдатели должны были отмѣтить и явленіе, противорѣчившее ихъ заключеніямъ — с возникновеніемъ комитетовъ “всякіе эксцессы” в деревнѣ прекратились. И на мѣстѣ эксцессовъ “все болѣе растутъ приемы мирнаго выживанія и устраненія отъ земли всѣхъ крупныхъ и мелкихъ собственников” не исключая отрубниковъ, “повсемѣстную вражду” к которымъ отмѣчаетъ отчет Временнаго Комитета; устанавливается высокая, завѣдомо непосильная такса на рабочія руки, особая приплата за пользованіе трудомъ плѣнныхъ, просто запрещается работа у частныхъ владѣльцевъ — “не дадимъ имъ рабочихъ, они тогда всѣ, какъ тараканы, подхонутъ”. Такъ деревня подчасъ осуществляла на мѣстѣ правительственный циркуляръ 11-го апрѣля о засѣвѣ пустующихъ полей...

Это отстояло очень далеко отъ той “пугачевщины”, о которой, какъ о чемъ то неизбежномъ при революціи, в послѣдніе годы стараго порядка такъ много говорили в самыхъ разнообразныхъ общественныхъ кругахъ. Если этого не произошло в первый періодъ революціи, не обязана ли Россія такому исходу все же в значительной степени дѣятельности весьма несовершенныхъ организацій на мѣстахъ?

Не только исконная тяга к помѣщицкой землѣ, не только максималистическая агитація пропагандистовъ “чернаго передѣла”, но и реальныя жизненныя потребности, отмѣченные Шингаревымъ, приводили к мѣстному правотворчеству, которое уже существенно расходилось с лозунгомъ пассивнаго ожиданія Учредительнаго Собранія. Уѣздный раненбургскій комиссаръ, предѣлательствовавшій в уѣздномъ исполнительномъ комитетѣ, в болѣе позднемъ своемъ уже июльскомъ докладѣ министру земледѣлія по поводу “шумихи” вокругъ уѣзда, выступавшаго “первымъ” в аграрномъ вопросѣ, объяснял такъ причины, побудившія Исполнительный Комитетъ принять рѣшенія мѣры к использованию помѣщицкой земли для того, чтобы “не осталось не запаханнаго поля, неубраннаго хлѣба”.

“Когда в началѣ марта — писалъ онъ — поступили на утвержденіе приговоры о черномъ передѣлѣ земли и об уничтоженіи арендныхъ договоровъ, комитетъ рѣшилъ взять на себя урегулированіе этого вопроса. На засѣданіе были приглашены землевладѣльцы. Подъ ужасомъ вычѣтлѣнія о гибели почти 2 мил. пудовъ зерна (в предыдущемъ году — утверждало донесеніе — помѣщицкій хлѣбъ погибъ в болѣе половины экономій — у однихъ хлѣбъ остался в полѣ в рядахъ, у другихъ сгнилъ в скирдахъ), под впечатлѣніемъ пустующихъ полей и валяющагося на дворахъ исхудалаго скота, который поднимали за хвостъ, и который сталъ гибнуть во многихъ экономіяхъ, комитетъ, послѣ двухдневнаго засѣданія 25-26 марта вынесъ суровое постановленіе: всю землю и весь живой и мертвый инвентарь передать в руки крестьянъ, а остальное хозяйство, гдѣ это необходимо, передать в завѣдываніе довѣренныхъ лицъ”. “Такое постановленіе — писалъ комиссаръ — я нашелъ непріемлемымъ для себя и сложилъ полномочія предѣлателя комитета. Это заставило комитетъ пойти на компромиссъ: 31 марта вопросъ подвергся новому обсужденію”. По-

становлено было исключить всѣхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, в крупныхъ экономіяхъ веденіе хозяйства оставить за владѣльцами, обезпечивъ имъ не менѣе, чѣмъ 30 дес. в полѣ, и допустить исключеніе для “правильныхъ хозяйствъ”. Постановлено было обезпечить “хозяйственно надежныя” экономіи рабочими руками, оставить в силѣ всѣ арендные договоры. “За рѣдкимъ исключеніемъ — констатировалъ комиссаръ Сухаревъ — комитету удалось справиться со своей задачей*).

Раненбургскій уѣздъ былъ особенно неблагополученъ в смыслѣ “крестьянскаго движенія”. Слѣдовательно постановленія уѣзднаго комитета носили специфическій характеръ. Болѣе показательны поэтому постановленія общегубернскаго (рязанскаго) съѣзда “представителей губернскаго, уѣздныхъ, городскихъ, волостныхъ комитетовъ, земствъ и городовъ, крестьянскаго союза, объединеній кооперативовъ, Совѣтовъ Р. и С. Д.”, собравшагося во второй половинѣ апрѣля. Эти постановленія весьма отчетливо опредѣлили направленіе, в которомъ на мѣстахъ рѣшался “земельный вопросъ”, и служили знаменующимъ перстомъ для политики центральнаго правительства в области временныхъ мѣръ. Исходя изъ положенія, что “земля должна принадлежать всему трудящемуся народу”, и что разрѣшеніе основнаго вопроса о землѣ будетъ на созываемомъ в *ближайшемъ будущемъ* Учредительномъ Собраніи, съѣздъ “во имя спасенія родины отъ разгрома внѣшнимъ врагомъ и защиты молодой свободы отъ внутренней анархіи” постановилъ: 1. Признать правильное и полное использование в 1917 году всѣхъ земельныхъ угодій, независимо отъ того, кому они принадлежатъ, вопросомъ государственной необходимости. 2. Временное, впредь до разрѣшенія земельного вопроса на Учредительномъ Собраніи, использование путемъ реквизиціи всѣхъ пахотныхъ и луговыхъ угодій (в особомъ “наказѣ” съѣздъ пояснилъ, что подъ “всѣми земельными угодіями” разумѣются земли всѣхъ видовъ: монастырскія, церковныя, удѣльныя, частновладѣльческія и крестьянскія); с предоставленіемъ всѣхъ земель, не могущихъ быть, по заключенію мѣстныхъ комитетовъ, обработанными, обремененными и убранными силами самихъ владѣльцевъ, в распоряженіе мѣстныхъ (волостныхъ и городскихъ под контролемъ уѣздныхъ) исполнительныхъ комитетовъ. 3. Использование в реквизиціонномъ порядкѣ всѣхъ указанныхъ земель и луговъ на основаніи принудительной аренды с платой, проектируемой мѣстными исп. комитетами**). На мѣстные исполнительные комитеты возлагалась обязанность принять всѣ мѣры к обработкѣ земли, уборѣ урожая и сдачи всего излишка хлѣба “на условіяхъ, объявленныхъ в законѣ о государственной хлѣбной монополіи”. Вмѣстѣ с тѣмъ съѣздъ призналъ, “необходимымъ, чтобы Временнымъ Правительствомъ было издано особое распоряженіе о немедленной пріостановкѣ покупокъ, пролажи, залога и даренія земель и дѣсов***). Рѣшеніе съѣзда было сообщено в Петербургъ черезъ особую делегацію.

*.) Постановленія Комитета Правительствомъ 6 апрѣля, было отмѣнено.

**.) Изъ отчета Временнаго Комитета видно, что вопросъ о пріостановкѣ земельныхъ сдѣлокъ возникъ почти повсемѣстно. С такими ходатайствами обращались на мѣстахъ къ уполномоченнымъ комитета и посылались особые делегаты в центръ.

***.) Беремъ три основныхъ положенія изъ детально разработанной резолюціи съѣзда, приведенной полностью в приложеніи у Шляпникова.

В дни Временного Правительства первого состава лишь намечалась еще та общая платформа, которая могла быть выставлена от имени организованного крестьянства на первом собрании в Петербурге 4 мая Съезда Советов Крестьянских Депутатов, и которая нашла отклик во всей России. Апрель и отчасти уже март были периодом организационным: На Съездах Советов такая платформа, объединившая разные течения революционной демократии и противопоставленная неопределенной правительственной декларации, была, однако, уже выработана. Резолюция, принятая 3 апреля, говорила о необходимости "перестроить коренным образом" земельные отношения: "только... передача земли трудящимся отдает земледельца действительно свободным". Признавая, что окончательное разрешение земельного вопроса принадлежит Учредительному Собранию, революционная демократия, представленная на Съезде, заявила, что поддержит "самым решительным образом в Учредительном Собрании безвозмездное отчуждение всех частно-владельческих земель для передачи их трудящемуся народу, за исключением владений, не превышающих максимальных норм, каковыя будут установлены для каждой области местными демократическими комитетами". В "переходное время" Съезд считал необходимым распространить конфискацию государственной властию удельных и кабинетских земель, теперь же на церковные и монастырские земли и издание Временным Правительством декрета о прекращении впредь до разрешения Учредительным Собранием земельного вопроса всякого рода земельных сделок. Съезд сказал и относительно создания на местах "до образования органов демократического самоуправления" комитетов для урегулирования заработной платы и для устранения недоразумений между частными владельцами и крестьянами. Съездом предусматривался и закон 11 апреля о сдаче местными комитетами пустующих частновладельческих земель в аренду или обработку их наемным трудом "с помощью владельческого инвентаря" и с оплатой "по установленным комитетами ценам". На местные комитеты Съезд возлагал "обязанность бороться со всякими попытками самочинного разрешения на местах земельного вопроса", считая, что "всякое потрясение хозяйственной жизни в настоящее время в области земледелия может иметь для государства непоправимое бедствие, усиливая ту продовольственную разруху, которую сейчас переживает страна".

Реалистическая платформа, выработанная Съездом, была далека от аграрного максимализма*). Ахиллесовой пятой для правительства оказалось требование о прекращении земельных сделок, против чего возражал класс земельных собственников**). Между тем, если

*) Керенский вспоминает, что весьма умеренная «бабушка русской революции» Бренжо-Бренковская весной 17 г. предлагала ему взять «свѣдующих людей» и подѣлить землю.

**) До чего характерны позднѣйшія разсужденія кн. Сергѣя Волконскаго — чловѣка, котораго нельзя причислить к лику ретроградов. Для него «послѣдующія прикосновенія революціи» представляются менѣе «противными», чѣм то, что пришлось испытывать «лѣтом 1917 г.», когда помѣщики, «жили у себя, но не были хозяевами — в своем карманѣ чужая рука». Мемуарист откровенно говорит, что предпочитает чловѣка, который придет и

бы сознаніе большинства, по крайней мѣрѣ, земельных собственников с самаго начала освоило неизбежность в обстановкѣ 17 г. радикальной аграрной реформы в духѣ, намѣченном совѣщаніем*), если бы Правительство с самаго начала пошло хотя бы в декларативной формѣ по этому пути и повторило бы заключительную формулу резолюціи Съѣзда — "народ в Учредительном Собраніи рѣшит земельный вопрос в интересах трудящихся масс"; если бы, не предѣлая даже вопроса в декларативной формѣ, Правительство указало в *первом* своем воззваніи к крестьянам, что разработка вопроса будет вестись в соотвѣтствующем направленіи — в интересах сельского трудового населенія**), как рекомендовала Шингареву телеграмма Съѣзда Московскаго Сельскохозяйсвеннаго Общества 16 марта, отправленная под вліяніем полученных свѣдѣній о начавшихся безпорядках — кто знает, может быть, судьба русской революціи "сложилась бы иначе..."***).

скажет: «Я беру у тебя этот плуг, потому что он мой», тому, который скажет: «Я предупреждаю вас, что вы этот плуг продать не имѣете права, потому что он не ваш».

*) Кн. С. Волконскій, представлявшій на съѣздѣ земельных собственников в Москвѣ борисоглѣбскій «Союз землевладельцев», характеризует этот съѣзд впечатлительным «какого-то истерическаго крика, бесильнаго порыва против надвигающейся стихіи». Автор мемуаров к числу «дѣльных» и «практически обоснованных» сужденій съѣзда относит голосованіе по вопросу о «желательности или нежелательности отчужденій помѣщичьей земли в пользу крестьян» — против поднялось только 5 рук. В 17 г. этот вопрос был уже внѣ сферы академических разговоров.

**) Правительственная декларация 6 мая предоставляла Учредительному Собранию рѣшить вопрос о переходѣ земли в руки трудящихся.

***) Революция могла бы пойти по иному — доказывает ген. Головин — если бы Правительство с самаго начала сдѣлало бы ставку на «крѣпкаго» мужика, т. е. путем принудительной экспроприации передало бы помѣщичью землю в собственность крестьянам. Внѣ сомнѣнія при таких условіях революціонный процесс выразился бы в других формах. Но такая постановка вопроса слишком апіорна в исторической работѣ. В критикѣ утопичности социальной программы, выдвигаемой военным историком в качествѣ запоздалой директивы революціонному правительству перваго состава, в свое время приходилось указывать, что никакое временное правительство не могло бы провести до Учредительнаго Собранія такой аграрной реформы — ему не на кого было бы опереться: ни «буржуазія», ни «революціонная демократія» его бы не поддержали. Можно ли было найти осязательную поддержку в самой крестьянской массѣ для того, чтобы дѣйствовать наперекор общественным настроеніям? (таким путем могла бы пойти только военная диктатура, для которой в первые революціонные мѣсяцы не было почвы). Опора на крестьян очень сомнительна. Для иащего военнаго историка почему-то является непреложной аксіомой положеніе, что русскій крестьянин по существу своему собственник, совершенно чуждый каким либо социалистическим идеям. Не оспаривая теоретической аргументаціи подобной концепціи, мы указывали, что во всяком случаѣ, как свидѣлствуют факты, к моменту революціи прошлое — то прошлое, которое охарактеризовал во всеподданнѣйшем отчетѣ за 1904 г. никто иной, как сам Столыпин, еще будучи Саратовским губернатором, словами, что «крестьяне другого порядка, кромѣ общины, не понимают» — далеко еще не было изжито; другими словами было бы рискованно утверждать, что медленный историческій процесс опредѣленно шел в сознаніи массы, той полосы Россіи, гдѣ не было индивидуальнаго земледѣлія, по пути замѣны «передѣльно уравнительнаго» міросозерцанія частно-собственническим. Мы приводим в противовѣсъ апіорным утвержденіям даннаго сводки, сдѣланной в августѣ 17 г. Съѣздом Крест. Депутатов, на основаніи 242 реальных крестьянских наказов, а не «интеллигентских измышле-

Настроения крестьянские в первые месяцы революции были, как мы видим, скорее миролюбивыми и соглашательскими, “случай эксцессов” в деревнях тонут в общем сознании “ответственности, желания действовать организовано и закономерно” — доносил в центр саратовский губернский комиссар, быть может, и склонный к некоторому преувеличенному, официальному оптимизму. Внесем здесь ту поправку, которую дала Чернов, приводящий несколько примеров “идиллических оазисов” из апрельских №№ с.-р. газеты “Земля и Воля” о соглашениях на местах между крестьянами и землевладельцами о землях до Учредительного Собрания. (Так в Елецком уезде крестьяне обязывались обрабатывать и помещичьи земли, пользуясь инвентарем владельца исполу — помещик получал $\frac{1}{4}$ - $\frac{1}{2}$ урожая*). “Общим правилом были настроения далеко не соглашательские” в обоих лагерях — утверждает в историческом обзоре бывший министр земледелия первого коалиционного правительства. Эта поправка хронологически все же должна быть отнесена не к тому времени, о котором мы говорим; тогда и будущий “селян-

нин” — она вся была проникнута идеей отмены частной собственности на землю; мы приводили и факты, характеризующие (по материалам Главного Земельного Комитета и Главного Управления по делам милиции, относительно аграрного движения в революционные месяцы) непосредственное действие народной массы, когда крестьяне-общинники захватывали наряду с инвентарем и земельными угодьями помещиков и принадлежащее столыпинским «отрубникам». При обрисовке первых месяцев для нас, конечно, важнее больше ранние свидетельства, к числу которых относится отчет упомянутых Временного Комитета — и он отмечал, что почти на всех ранних крестьянских съездах безоговорочно принимались резолюции об уничтожении частной собственности на землю; равным образом, он указывал на крайне враждебное отношение в деревнях к «хуторянам». Отсюда может быть один только вывод: всякая попытка разрешить вопрос о землях вопреки «стихии» и искусственно форсировать ломку социально-экономических отношений, в духе предвзятых предпосылок могла породить явление, которое можно назвать поножовщиной в деревнях и которое не только до безконечности осложнило бы положение временного революционного правительства, но и устранило бы возможность больше или меньше целесообразного решения земельного вопроса в Учредительном Собрании.

В ниней совсѣм постановкѣ тезис ген. Головина частично мог бы найти себѣ подтвержденіе в наблюденіях извѣстнаго публициста и общественнаго дѣятеля Юга Россіи Штерна (к.-д. по политическим своим принадлежностям); но послѣдній говорит не о правительственной программѣ, а о партийной. По мнѣнію Штерна его партія во время революціи не сумѣла взять на себя защиту интересов мелких собственников: если бы к.-д. оперлись на медкое крестьянское землевладѣніе, они организовали бы из него активную силу, которая могла бы оказать сопротивление наступленію коммунизма (т. е., создать ту «контр-революционную» силу, о которой говорит военный историк). Но круг наблюдений Штерна был ограничен (он рассказывал о «громдном» успѣхѣ партийных ораторов на собраніи крестьян-собственников, преимущественно нѣмцев-колонистов, в Одесском уездѣ). Поэтому, вѣроятно, он легко и дѣлал нѣсколько обобщающее заключеніе, что «ничто не указывало, что владѣніе земель рисуется крестьянам непремѣнно на коллективных началах». Россія велика и разнообразна, отсюда вытекала и целесообразность ея районированія в вопросѣ о формах землепользованія.

*) Оазисов по Россіи было не мало. Можно привести лишнее еще свидѣтельство, интересное тѣм, что оно исходит от Коковцева. Он утверждает, что в деревнѣ, в которой он жил, было «совсѣм тихо и спокойно. Только чувствовалось недовѣріе».

ский министр” (“мужичій министр”, как приветствовали его с мест на Государственном Собрании), не мало склонный к демагогическому разнуздыванію стихій, не был активным дѣйствующим лицом и на апрѣлѣ еще только появился Ленин со своей прямолинейной проповѣдью брать силою всю “землю”, “не дожидаясь Учредительнаго Собранія” (его открытое письмо делегатам майскаго крестьянскаго съѣзда — этим простым положеніем он замѣнил апрѣльскій тезис о “конфискаціи” помещичьей земли). Та опредѣленность в правительственной деклараціи, о которой мы говорим, могла усилить соглашательскія настроенія в деревнѣ и содѣйствовать миролюбивому разрѣшенію до Учредительнаго Собранія практических вопросов, которые ставила жизнь. Во всяком случаѣ она могла быть противопоставлена безответственной демагогіи*). Вплоть до октябрьскаго переворота крестьянская мысль в вопросѣ о землѣ тѣмъ не освоила упрощенную схему: грабь награбленное, как, быть может, далеко не вездѣ (особенно на первых порах) освоила и “паньску затію”, ждать *разрѣшенія* земельного вопроса до созыва Учредительнаго Собранія.

Закончив краткое обозрѣніе аграрной политики Временнаго Правительства перваго призыва, мы с большою сознательностью можем опрестись к сужденіям, высказанным по этому поводу главою послѣдующаго состава правительства — и, конечно, в изданіи, которое предназначалось для иностраннаго демократическаго общественнаго мнѣнія. Переворачивая вверх дном “соглашеніе” 2 марта, Керенскій в своей послѣдней книгѣ “L'Experience Kerenski” удивительным образом доказывает, что именно представители Совѣта, исходя из своей социологической концепціи о “буржуазном этапѣ революціи”, колебались ввести в программу будущаго правительства социальныя, аграрныя и рабочія реформы. В дальнѣйшем мемуарист доходит до такого искаженія дѣйствительности, что утверждает, что уже первое революціонное правительство, несмотря на свое “капиталистическое” происхожденіе (это и придает русской революціи тип классически русскій), выступило с *иниціативой* радикальной земельной реформы в полном соотвѣтствіи с русской революціонной традиціей**).

Оказывается, что проект Ленина, о котором он мечтал в Швейцаріи, правительством “цѣнзовой общественности” был принят к выполненію задолго до того, как большевики разнуздали (“спустили с пѣцъ”) свою “аграрную революцію”. Первое правительство демократической революціи предоставило самим крестьянам выработать новый земельный порядок — только мнѣніе земельных комитетов имѣло значе-

*) Можно привести немало свидѣтельств в пользу того, что даже вопрос о “выкупѣ” в рядѣ мест крестьянами разрѣшался в пользу вознагражденія владѣльцев по “добросовѣстной, безкорыстной оцѣнкѣ”. (Ярославск. губ.).

**) В своей газетѣ «Дни» 5 марта 33 г. Керенскій сдѣлал еще болѣе категорическое, граничащее с абсурдом заявленіе — по его словам, уничтоженіе частной собственности на землю Временное Правительство декретировало в мартѣ мѣсяцѣ.

ние: всё земли подлежали национализации и пользоваться ими наперед могли лишь те, кто их обрабатывал... Может быть, в дни, когда во главе коалиционного правительства стоял Керенский, действительность и стала только до известной степени приближаться к тому, что говорит Керенский-мемуарист. Его товарищ по партии, активный деятель Совета Крестьянских Депутатов Быховский утверждал в заседании 7 июля: “не пройдет одной недели, как станут законом все постановления Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов”.

В дни существования Временного Правительства первого состава подобныя утверждения можно было встретить лишь в правых кругах земельных собственников, обвинявших Правительство в том, что оно стоит “на вытяжку” перед комитетом.

IV. Советская позиция.

Мы видели, как в жизни создавалось “двоевластие”. Можно ли это бытовое явление принимать за идеологический фермент для создания “советской власти”? Очень относительно, ибо анархия на местах, приводившая даже к созданию каких-то автономных городских и уездных “республик” (термин отчета Врем. Комитета), свидетельствовала больше о хаосе, который должен был понемногу исчезать по мере того, как утрясалась взбаломученная переворотом народная психология. В сущности он и исчезал. Керенский с полным правом мог говорить, что максимум безвластия дало правительство первого состава — правительство “цензовой общественности”. Налаживался разрушенный переворотом административный аппарат, начинало нормально функционировать демократическое общественное самоуправление. И неизбежно процесс превращения “контролирующих” советов в органы “управляющие” должен был ослабеть. Неоспоримо, авторитет Советов, принимавших столь активное участие в разрешении экономических конфликтов (местами они выполняли роль не существовавших профессиональных союзов) и в борьбе с продовольственной разрухой, значительно вырос в глазах населения. И все же этот авторитет в большей степени был авторитетом не правительственным, а революционным, когда советская революция в центре принималась на местах, как директива для “фактического осуществления” — не случайно, например, совет в м. Б. Токмак Таврической губ. 2 апреля запросил столичный центр (в данном случае Москву): “вводится ли 8-часовой рабочий день *революционным* путем, прибегая даже к забастовкам?”

Всякая гипербола в истории стоит на грани фантастики. Безкомпромиссно преувеличено мемуарное восприятие Суханова, утверждающего про Петербург, что советский “аппарат управления” стал непроизвольно, автоматически, против воли Совета вытеснять официальную государственную машину, работавшую все больше и больше холостым ходом “...приходилось брать на себя отдельные функции “управления”, создавая и поддерживая в то же время фикцию, что это “управляет” Маринский дворец”. Для характеристики “мартовских будней” ограничимся лишь приведением оговорки, сделанной самим мемуаристом: “пока дело далеко еще не дошло до таких предположений, пока от государственных “огра-

ниченных” дел можно было еще категорически отказываться”. Так было в столичном центре, где бился пульс революции. Знаменательно, что сам Ленин в период творения своих апрельских “тезисов” приходил к выводу, что именно опыт на местах должен явиться “образцом” для подталкивания центра”. Материалы, собранные Юговым (“Советы в первый период революции”) дают целый ассортимент иллюстраций к этому “опыту на местах”. Если отбросить все вышедшие из поля зрения пояснения и оговорки, можно, пожалуй, прийти к выводу, что “двоевластие” так или иначе проходило “сверху до низу” (итог Троцкого в истории февральской революции), но нельзя заключить, что в апреле эпоха “фактического двоевластия” стала сменяться эпохой “фактической полноты власти” советов (Суханов). Тот же метавшийся в поисках себя политического “пристанища” в первые дни революции между меньшевиками и большевиками “около партийный” Суханов утверждает, что лозунг “вся власть советам” в глазах большевиков “совершенно не имел того смысла, какой в него вкладывал Ленин”, т. е., значения “государственно-правовой системы” — замены “парламентской республики”, “республикой Советов”: это было “просто очередным политическим требованием организации правительства на подотчетных Совету элементах”.

На первых порах при общей неясности конструкции временной революционной власти в представлениях и в центре и на местах получалась довольно большая путаница. Если с фронта со стороны командного состава запрашивали разъяснения центра о взаимоотношении Правительства с Временным Комитетом, то со стороны солдатских масс спрашивали такого же разъяснения в отношении к советам. “Большое недоумение — говорил в заседании Исполнительного Комитета 14 марта представитель совета из Пскова — вызывает неясность, кто составляет правительство — Временное Правительство или Совет Р. С. Д., или оба вместе”. “Солдаты не знают кого слушать” — заявлял в заседании 15-го представитель одной “маршевой роты”...

Любопытно, как на Советском Союзе один из делегатов 12-й армии Скачков, соц.-демократ из числа противников большевиков, явно принадлежавший к среде интеллигентной, сторонник создания коалиционного правительства и всеобщей поддержки центрального революционного правительства во имя интересов войны, весьма своеобразно разъяснял форму государственного управления, которая была создана революцией. По его мнению и тех, очевидно, кого он представлял, революция создала “неписанную конституцию” с однопалатной системой и исполнительным органом ее — министерством: “палата депутатов — это вот собрание всех Советов Р. и С. Д., это есть единственная наша палата, которую выбрала революция. Единственное отношение со стороны этой палаты к Временному Правительству может быть такое, что Временное Правительство является ответственным министерством этой палаты депутатов. Вот таким образом у нас, на местах, в армии, в большинстве случаев и считали, что правительство выражает волю Совета Депутатов, но здесь доклад Стеклова внес в наши умы огромную смуту: мы видим, что тов. Стеклов доказывает, что правительство вовсе не выражает воли Совета Депутатов, не исполняет ее, хочет устранить ее.

И вот теперь мы уже поставлены в совершенно безвыходное положение. Когда мы вернемся назад, нам, в окопах, придется разбираться в каждом постановлении правительства, положена ли на него марка Совета Депутатов или не положена, с его разрешения или не с его разрешения. Вы понимаете, в такой обстановке разрешить этот вопрос является совершенно невозможным, и мне кажется, что единственно, что мы можем предложить Совету Р. Д. это приложить все усилия к тому, чтобы воля Временного Правительства не расходилась с волею Совета Депутатов... Нам не важно, из каких слоев выбрано само правительство, не важно, кто его лица. Нам важно то, что оно должно выражать волю революционного движения, а если оно не будет выражать, то оно не должно существовать”.

Выступление Скачкова стояло в прямой связи с обсуждением одного из центральных вопросов Советщины — об отношении революционной демократии к правительству. Официальным докладчиком от Исполнительного Комитета выступил Стеклов, который должен был обосновать предлагаемую Советщиной не слишком определенную резолюцию о политической целесообразности поддержки Временного Правительства, “представляющего интересы либеральной и демократической буржуазии” — “постолько, поскольку оно, в согласии с Советом, будет неуклонно идти в направлении к упрочению завоеваний революции и борьбы с “контр-революционными силами”. “Очень странный доклад” (это признает и Суханов), сдвдал этот достаточно безпринципный в житейских отношениях демагог, тогда еще не числившийся в рядах крайних, но стоявший в своем революционном радикализме почти всегда на грани поддержки большевизма. Доклад был интересен по фактам, пожалуй даже объективен в той своей исторической части, которую приходилось уже выше цитировать — в “наивном и откровенном признании” (по выражению Милюкова), почему Демократия не захватила власти в первые дни революции. В последующем, отвергая измышления “черносотенной и либеральной буржуазии”, которая, стремясь посеять раздор, инспирирует и клеветает (“сислетничает”) о двоевластии (формально его нет, а если оно и существует, то как выражение стремлений двух политических сил), Стеклов выступил с обвинительным актом против таившихся в недрах правительства контр-революционных потенций... Докладчик “улавливал нежелательные отбьнки” в некоторых министерских рѣчах, намекая на таинственный “организующий центр”, отказываясь “пока” его назвать и видѣл, наконец, угрозу революции в “ложной гуманности” буржуазного правительства: это правительство не издало, например, “декрета, объявляющего вѣт закона всѣх генералов — врагов русского народа, которые дерзнут поднять (все в будущем времени) святотатственную руку на русский народ и завоевания его революции”. Это правительство, “без вѣдома и согласія Совета”, оставляло на свободѣ (правда, временно) “под личным наблюдением министра юстиции” старого генерала Иванова*)... Недоволен был Стеклов и отношением к династии, введшей в России “крѣпостное право” и пр. и

*) В “Извѣстіях”, т. е. тот же Стеклов писал об освобождении “завѣдомога преступника”, обвинявшагося «в самом тяжком преступлении против народа».

пр. Одним словом, официальный доклад от имени Исп. Комитета представлял собой, как выразился с.-р. Гендельман, оговорившийся тут же, что он “отнюдь” не собирается “защитить правительство”, “не дѣловой” анализ, а “какой-то фельетон”, которым Стеклов “увеселял” собравшихся. Было немного “забавно”, но и “скучно” слушать стекловскія lamentации и “разоблачения происков и козней контр-революции — спереди, сзади, с боков, с высоты” и его соратнику по выработке соглашения 2 марта, Суханову. Хотя увеселяющая мѣста доклада Стеклова и срывали аплодисменты (иногда даже бурные, как отмѣчает стенографический отчет — аплодисменты срывали и тѣ, кто осмѣивал увеселительный тон демагога и порицал Исполнительный Комитет, который выпустил такого страннаго докладчика), они привели в смущение лидеров Исполнительного Комитета, предварительно заслушавшаго тезисы доклада “весьма наскоро”. В самом дѣлѣ вмѣсто того, чтобы защитить предлагаемую резолюцию, Стеклов, с азартом опровергая ее, неожиданно заключил: “надѣюсь, примете резолюцию, которую я имѣю честь предложить вам от имени Исполнительного Комитета”, а у слушателей по словам Гендельмана, создавалось определенное впечатление: “Временное Правительство нужно арестовать и посадить туда, гдѣ сидят Протопопов и Щегловитов”. В залѣ воцарилось “полное недоумѣние”. Явилась мысль выставить содокладчика. Намѣтилась кандидатура Суханова — очевидно, считался желательным оратор из числа тѣх, кто вел переговоры 2 марта, и побанвались неожиданностей, к которым был склонен “роковой человек”, третій почной партнер Соколов... Из этого ничего не вышло, ибо тезисы будущаго меньшевика-интернационалиста без комического элемента, одобренные “в общем” предварительно лидером большевnickой фракции Каменевым, были забракованы идеологическим вдохновителем позиции Исполнительного Комитета, каким сдѣлался вернувшийся из ссылки бывший депутат Думы Церетелли. Его позицию Суханов охарактеризовал словами, будто бы ему сказанными Церетелли по поводу проектировавшагося содоклада: “вы, конечно, должны говорить о необходимости соглашения с буржуазией. Другой позиции и другого пути для революции быть не может. Вѣдь вся сила у нас. Правительство уйдет по мановению нашей руки. Но тогда погибнет для революции”.

Спасать положение и выправлять линию взялся сам Церетелли, выступавший, однако, в серединѣ прений и послѣ выявления позиции “крайне лѣвых”, т. е., фракции большевиков. Официальным представителем послѣдних был Каменев, выражавший центральную, до некоторой степени компромиссную позицию в своей партии. Тактически она не совпадала с “апрѣльскими тезисами” вскорѣ прибывшаго в “запломбированном вагонѣ” Ленина*). “Никакой поддержки Временному Пра-

*) См. мою книгу “Золотой иѣменкій ключ” к большевnickой революции. До прѣзда Ленина единства среди большевиков не было. Были и свои “лѣвые” и свои “правые”. борившіеся против лозунга превращения “империалистической войны в гражданскую». “Оборончески” настроенные элементы стояли и за поддержку Времен. Правительства. Расхождение опредѣлилось совершенно ясно на состоявшейся накануне открытій Советщины Совѣтов партийной конференціи, гдѣ обсуждался проект вносимой большевиками на это совѣщаніе резолюции. Средняя линия проходила через Каменева, он и выбран был докладчиком на Советщинѣ.

вительству”, — открыто провозгласил Ленин. Прямолинейность вождя у Каменева была завуалирована. “Мы не хотим сейчас свержения этого Временного Правительства” — заявил Каменев, но, “если не берем инициативы какой либо революционной борьбы”, то “есть другой фактор, который определяет положение”. “Мы дышим атмосферой контр-революции”, организуемой “за спиной” правительства и начавшей свои атаки против демократии (правительство попустительствует этим контр-революционным попыткам). Совѣт является “зачатком революционной власти самого народа”, и резолюция Совѣщанія должна говорить не о поддержкѣ Временного Правительства, а в предвидѣніи неизбежных столкновений призывать представителей всей демократіи сплотиться вокруг организующагося центра революціи, которому неизбежно выпадет на долю взять на себя отраженіе царизма и “буржуазной контр-революціи”.

“Истерическая” (по характеристикѣ одного из ораторов) в политическом отношеніи резолюція большевиков вызвала в собраніи недоумѣніе: чего хочет теченіе, представленное в Совѣщаніи Каменевым и подмѣнившее вопрос об отношеніи к Временному Правительству вопросом об отношеніи к Совѣту? “Не поддерживать — значит свалить, а этого Каменев не хочет”. (Провищальный большевик из Екатеринбургa Соосновскій выразился еще опредѣленнѣе: “может ли сейчас идти вопрос о том, чтобы свергнуть настоящее правительство? Я полагаю, двух мѣсивъ здѣсь нѣтъ и не было — об этом никто не поднимает рѣчи и не поднимет”). Если бы резолюція, предложенная Каменевым, голосовалась, очевидно, она собрала бы еще меньше голосов, нежели баллотировавшаяся перед тѣм резолюція о войнѣ: за резолюцію большевиков высказалось тогда 57 членов собранія, против 325 за резолюцію Исполнительнаго Комитета при 20 воздержавшихся (с.-д. интернационалистов). Вмѣстѣ с большевиками голосовали и будущіе “лѣвые соц. революціонеры”, которых Шляпников исчисляет цифрой 20*).

Развернувшіяся пренія дали широкій спектр разногласій. На них имѣет смысл остановиться, так как из стенографическаго отчета выносятся нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣм то, которое получаешь при ознакомленіи с картиной, набросанной мемуаристами. Всероссійское Совѣщаніе — это “финал демократическаго фронта” по мнѣнію Суханова; в дѣйствительности же значительная часть представителей провинціальных совѣтов и армейских частей горячо отстаивала “демократическій фронт”. Во имя единства была выдвинута идея коалиціонной власти. В центрѣ ее отстаивал один только представитель “трудовой группы” Брамсон. Отмѣчая значеніе “организующих центров в лицѣ Совѣтов” (без них “Бог вѣсть, в какой. может быть, анархіи была бы наша страна”), Брамсон признавал “главных дѣятелей социалистических партій”, сойти с “пути критики” и найти “достаточно мужества” принять и на себя “ствѣтственность” в переходное время в управленіи страной, “не затуманивать” создававшегося положенія страхом перед мнимыми “мрачными тѣнями контр-революціи”, а предложить “реальный план

активных опредѣленных дѣйствій”... для того, чтобы вывести страну на “новый путь радостнаго, свѣтлаго и спокойнаго существованія”.

“Зоркій, бдительный страж народной революціонной воли” в средѣ “противодѣйствующих сил” будет лучшим средством разрушить “гнѣздо контр-революціи”, если таковое имѣется. Другими словами Брамсон предлагал расширить базу демократическаго представительства, имѣя в виду привлеченіе в его состав социалистических дѣятелей, помимо Керенскаго.

Идея расширенія состава правительства встрѣтила большое сочувствіе в собраніи — о нем говорило немало представителей с мѣст, но по разному мотивируя такую необходимость. Делегат Венковский (кого он представлял не указано), как будто, правильно опредѣлилъ происхожденіе “двоевластія”. “Ясно было заранѣе”, что каждая сила, участвовавшая в переворотѣ, будет по своему толковать его послѣдствія. “Двоевластіе” произошло от того, что в правительство вошли лица, в сущности не желавшія революціи. Надо, чтобы в правительствѣ был не один только “заложник демократіи”. Когда создастся коалиціонное правительство, которое будет выражать и волю пролетаріата, и волю революціоннаго крестьянства, и волю революціонной арміи, и волю всей демократіи, тогда его представители “менѣе всего” будут “нуждаться в согладательствѣ”. Трудовик Адамов-Френкель, говорившій от имени Псковскаго совѣта, сдѣлавшагося центром всего Сѣвернаго фронта, указывая на опасность конфликта, когда дѣйствующая армія будет поставлена в положеніе частью идти за Врем. Правительством, а частью за Совѣтами, призвал оказать на Врем. Правительство и на Петроградскій Совѣт давленіе, пока “не поздно”, в цѣлях достигнуть вхожденія в правительство представителей “вліятельнѣйших социалистических партій”. Титов (с.-р. из Уфы) был увѣрен, что резолюція, предложенная от имени Исполнит. Комитета, не будет принята, ибо “докладчик сдѣлал слишком много для того, чтобы большинство нашего собранія высказалось против этой резолюціи”. По мнѣнію уфимскаго делегата, большинство будет удовлетворено резолюціей о вхожденіи в минуту исключительной важности и отвѣтственности вождей Испол. Комитета в состав Врем. Правительства, при чем им гарантирована “безусловная поддержка”, “безусловное повиновеніе”. “Это предложеніе — говорил делегат — является мнѣніем, думаю, большинства солдат”. Оно не встрѣтит противодѣйствія со стороны Правительства, заявившаго в лицѣ Керенскаго, что Правительство “ничего не имѣет против того, чтобы в любой момент представитель Испол. Комитета вошел в его состав (такого заявленія Керенскій, передавая Совѣщанію от имени Правительства “низкій поклон всей демократіи: рабочим, солдатам и крестьянам” — не дѣлал). Исполнительный Комитет “держится той точки зрѣнія, что лишь тогда он может принять власть в свои руки, когда Временное Правительство окончательно дискредитирует себя в глазах всей Россіи, т. е., пока гром не грянет, мужик не перекрестится... Но мы не должны допустить, чтобы над нашей родиной, разразился громовой удар”. Представитель екатеринославскаго гарнизона Каменскій огласил резолюцію, вынесенную 55 тысячами солдат гарнизона: “Совѣт С. Д. в полном согласіи с дѣятельностью общественных, рабочих и крестьян-

*) Эта цифра очень показательна, если сравнить число большевических представителей, официально засѣлавших в президіумъ Совѣщанія — 4 на 6 меньшевиков и 2 эс-эров.

ских организаций, поддерживает Временное Правительство вооруженной силой, укрепляет все занятия им до настоящего времени позиции, а также все его начинания на благо родины, крестьян и рабочих". "Я удивляюсь — говорил делегат, — когда говорят о сдвиге Временного Правительства вправо так, как в рѣчи вчерашнего докладчика. Я прямо указывая на этот сдвиг не видѣл"... Екатеринбургские солдаты заявляли, что "пока война, будем поддерживать это Временное Правительство"; "не скрывая желанія усилить состав этого правительства за счет лѣвых элементов". Другой представитель екатеринбургского гарнизона "вполнѣ присоединился" к мнѣнію Брамсона. Представитель бердичевского гарнизона с.-р. Усов, разсматривавшій вопрос о правительствѣ "не только с точки зрѣнія революціи и ея достижений, но и с точки зрѣнія обороны страны", говорил о вредѣ двоевластія и необходимости авторитетнаго правительства, которое обезпечило бы "защиту страны, иначе через 2-3 мѣсяца страх сметет достижения революціи"; "опасность революціи не в Почаевской лаврѣ, а в разгромѣ". Министерство, сформированное "почти цѣликом из представителей крупной и либеральной буржуазіи", не может пользоваться "довѣріем всей страны". Представитель 10-й арміи Котляров, не касаясь коалиціи, сказал, что он уполномочен заявить, что армія "искренне вѣрит" первому Правительству свободной Россіи и будет всеми имѣющимися в распоряженіи арміи средствами поддерживать Правительство во всех его начинаніях в дѣлѣ укрѣпленія добытой "великой свободы и проведенія демократических реформ" — будет поддерживать "до тѣх пор, пока оно будет идти в интересах русской демократіи и, если оно отступит на шаг, тогда мы от присяги откажемся и станем на сторону Совѣта Р. С. Д. и будем признавать его правительство". Раздался на совѣщаніи и голос солдата дѣйствующей арміи, внушительно прозвучавшій. о полном довѣріи существовавшему правительству без каких-либо оговорок: "Особая, почти миллионная армія вѣрѣла мнѣ передать — заявил делегат Новикій, — что она вѣрит Временному Правительству, ибо это Временное Правительство создано самой этой революціей, нам дала этих людей революція; это — лучшие сыны родины". Новикій сдѣлал свое оглашеніе в связи с обсужденіем резолюціи о войнѣ и не выступил при обсужденіи вопроса об отношеніи к правительству. Не выступил по общему вопросу и с.-р. Жидков, представитель ташкентскаго совѣта, но мы имѣем "наказ", который был дан 22 марта делегатам, посылаемым на Совѣщаніе. Совѣтскій изслѣдователь, его приводящій (Югов), считает постановленіе ташкентскаго совѣта, выразительное в своих "кадетских формулировках", даже типичным для того времени. Ташкентскіе совѣты Сол. и Раб. Депутатов призывали всех, к "организованной спокойной работѣ совместно с Временным Правительством", объявляли о своей "полной поддержкѣ Временнаго Правительства во всех его мѣропріятіях, направленных к осуществленію объявленной им программы": "всякая попытка сверженія его или препятствія ему в его работах встрѣтит наше крайнее сопротивленіе". Относительно "военно-рабочих организаций" в наказѣ говорилось: "это — учрежденія совѣщательныя и контролирующія, главная задача пока: поддержка Временнаго Правительства в

объявленной им программѣ и крайнее сопротивленіе к захвату власти у Временнаго Правительства, как справа, так и слѣва".

Ряд ораторов выступал против коалиціи, также по разному мотивируя свое отрицательное отношеніе к вхожденію социалистов в правительство. Вот видный московскій с.-р. Гендельман, видѣвшій лишь "количественную" разницу между предложеніем коалиціонистов и большевиков. "Опасность контр-революціи — утверждал московскій делегат — в том будет, если мы возьмем на себя тѣ задачи, с которыми мы не справимся". Соц.-революціонеры считают вопреки представленіям большевиков, что протекшая революція не может быть доведена до "революціи социальной" и слѣдовательно придется "работать в рамках буржуазных классов". При таких условіях нельзя давать совѣтскаго "авторитета" тѣм мѣрам, которыя носят "буржуазный характер" и тѣм укрѣпляют позицію Временнаго Правительства. Предсѣдатель московскаго Совѣта меньшевик Хинчук также говорил о неужности "коалиціоннаго министерства", "согласительных мѣръ" и "совѣстных работ": дѣло в силѣ революціонной демократіи; чѣм сильнѣе будет организованное давленіе, тѣм скорѣе Временное Правительство будет осуществлять предъявляемыя ему требованія. По иному ставил вопрос чинскій с.-р. Пумпянский: "Принять сейчас коалиціонное министерство — это значит понизить гребень революціонной волны... Это значит провести Учредительное Собраніе не в атмосферѣ революціонной... такая чрезвычайно важна для демократіи". "Ложью" называл Пумпянский вопрос о двоевластіи, поднятый буржуазной печатью: "Гдѣ примѣръ, чтобы Совѣтъ Рабочих издал какой-нибудь положительный приказ?" "Быть может, Совѣтъ Р. Д. допустил нѣкоторую маленькую безтактность — это возможно, но это не принцип, а техника дѣла". Нѣкій Теплов (представительство не указано) был против "ширмы", которой явится коалиціонное правительство. Он и против довѣрія правительству, составленному из политиков "высокаго уровня", которые пошли "на такой политическій шаг" во избѣжаніе "с самаго начала разрыва с революціонной демократіей": "они согласились на все, но это не значит навсегда". Революціонная демократія должна установить "строгій контроль" над дѣятельностью Правительства и заявить, что поддержит тѣ шаги, которые будут дѣлаться в направленіи закрѣпленія революціонных завоеваній, ибо "мы не вѣрим в то, что Гучков и Шульгин, если они поѣхали в началѣ переворота для переговоров с Романовыми, то это не значит еще, что они не поѣдут к отпрыскам Романовых и вообще к той буржуазіи, которая безусловно заинтересована в восстановленіи, если не абсолютной царской монархіи, то во всяком случаѣ конституціоннаго строя".

Оригинальную аргументацію против коалиціи, во имя "политическаго реализма" развил одесскій делегат меньшевик Сухов. Это была единственная серьезная рѣчь против коалиціи — достаточно догматическая, но без тѣх трафаретных и шаблонных "словесных заклинаний", которых было слишком много в ораторских выступленіях квалифицированных представителей "революціонной демократіи". Для него вхожденіе социалистов во Временное Правительство было таким же "политическим максимализмом", как и желаніе "передать" Совѣтам

Р. и С. Д. всю власть. “Политический авантюризм”, он считал “смертным грѣхом” перед русской революціей. Сухов отмѣчал, что революція “первая ступень”, только “начало пробужденія общественнаго сознанія” и “поэтому при поверхностном взглядѣ на вещи кажется, что есть только одна сила на сценѣ — пролетаріат, да рядом с ним армія”, которая до сих пор ощущает “иеленное, неопредѣленное стремленіе к свѣтлому будущему, но никак не больше...” “Сейчас многія силы еще не мобилизованы... но онѣ проснутся, и тогда соотношеніе сил может измѣниться не в нашу пользу... Если мы увлечемся нашей властью сейчас, нашим могуществом, то... от Временнаго Правительства мы можем, быть может, требовать любой закон, надавив на него, как слѣдует... Но... измѣнится обстановка, и то, чего мы добились, пойдет обратно. Это будет дезорганизацией масс, люди потеряют вѣру в дѣло, а тѣ классы, жизненные интересы которых мы нарушили, не учитывая правильно историческую обстановку, они пойдут против нас, и в этом... может крыться зерно контр-революціи. Надо обладать большим политическим тактом, можно оказывать давленіе, но надо точно соображать, дѣйствительно ли мы стремимся к тому, что достижимо не только в условіях временно созданных, но и в условіях, которые будут немедленно, в послѣдствіи революціонное время”, “надо помнить, что мы не вся Россія” — “мы только социалистическій — да и не всегда социалистическій авангард революціонной демократіи”... “Если мы — демократія, если дѣйствительно хотим дѣлать общенародное дѣло, то узурпировать власть, таким образом, как есть искушеніе это сдѣлать, мы не имѣем права”. Вхожденіе социалистов в министерство, оратор считал огромной ошибкой. Они должны были бы своими социалистическими руками дѣлать не социалистическое буржуазное дѣло, и это было бы “гибелью довѣрія демократіи и социалистических партій к своим вождям. К ним предъявляли бы требованія невыполнимыя”... “Посмотрите на положеніе Керенскаго... развѣ он не горит все время, развѣ ему заодно со всѣми не выражается недовѣріе? Один человек пошел туда и ему плохо приходится там, плохо под нашим давленіем”. “Буржуазное дѣло” должны выполнять “люди из буржуазіи” и насколько Совѣт будет “осуществлять жизненные требованія демократіи”, он получит поддержку страны и “давленіе” на правительство будет дѣйствительным. Не надо только “афинировать этого давленія, не надо опьяняться властью, позволять себѣ таких спесей, как вчера: слыша вчера вызов Врем. Правит., я почувствовал: вот люди, опьяненные властью, которые, неожиданно получив в руки власть, начинают пускаться на эксцессы”*)).

На собраніи была высказана нѣсколькими представителями с мѣст точка зрѣнія, принципиально, может быть, и далекая от коалиціонной идеи сотрудничества и отстаивавшая скорѣе созданіе однородной демократической власти, но фактически проводившая коалиціонный принцип, поскольку он считался необходимым в создавшейся конъюнк-

*) «Внѣфракціонист» соц.-дем. из Гомеля Севрук, от имени большевизанствующей группы Совѣщанія, требовал, чтобы правительство, избранное по соглашенію с Совѣтом, явилось на засѣданіе и дало бы отчет представителям революціонной Россіи. Баллотировкой предложеніе это было отвергнуто.

турѣ “активнаго сочувствія” и “содѣйствія” со стороны “либеральной буржуазіи”. Так, делегат одного из провинціальных совѣтов Попов говорил о необходимости существованія “сильной и свободной от всякаго вліянія” (власти) правительства. Временное Правительство это “душа новой Россіи”, это ее глаза, это — центр, около котораго должна группироваться вся русская демократія”, а чтобы это было так, туда должна пойти “настоящая демократія”, а не тѣ, которые “покрысляли за 30 дней”. “Двоевластіе призрачно — утверждает Звѣрев. Дѣло не в контролѣ над правительством; само правительство должно быть “единым полновластным органом”, исполняющим волю революціонной демократіи. К числу сторонников такой сильной власти принадлежал, конечно, и упомянутый выше Скачков, который обосновал концепцію о “неписанной конституціи”, созданной революціей.

В этой гаммѣ многообразных мнѣній Церетелли стремился не всегда удачно вывести “среднюю” линію. Совѣтскій лидер исходил из положенія, что жизнь еще не измѣнила того исходнаго пункта, который заставил в дни переворота Совѣт пойти на соглашеніе с “буржуазіей” и признать Временное Правительство “носителем власти революціонной Россіи”. При существующем соотношеніи сил, Совѣт по мнѣнію Церетелли мог бы теперь “даже захватить власть”, но “разум революціи” заставлял исходить из соображенія о том, что “можно удержаться и закрѣпить, а не на мгновеніе только завладѣть”. Он не дѣлал отвѣтственным Правительство за ту кампанію против Совѣта, которая диктовалась “узкой своекорыстной политикой нѣкоторых кругов буржуазіи”*)).

Акты Правительства свидѣтельствуют, что оно идет на встрѣчу общедемократическим стремленіям, и говорить о том, что “в настоящій момент уже назрѣла та пора, когда мы должны Временное Правительство разсматривать, как кучку, выражающую своекорыстные интересы отдѣльной части буржуазіи”... значит не видѣть того, что совершается. Правительство творит “общенародное дѣло” и “как у пролетаріата оказалось достаточно сознанія для того, чтобы дѣлать единеніе общенародных сил”, так же есть это сознаніе до настоящаго времени в тѣх “кругах буржуазіи, которые представлены Временным Правительством и которые играют доминирующую роль”. “Я не утверждаю — заканчивал Церетелли, вступая на рискованный путь предположеній, — что это положеніе сохранится. Быть может, тѣм кругам буржуазіи, которые толкают Временное Правительство на безотвѣтственные паги, на гражданскую войну... удастся достигнуть своего; быть может, общественное мнѣніе, на которое опирается Временное Правительство, измѣнится, сдвинет их нынѣшнюю политику на нѣмалые рельсы. вот... тогда и настанет момент, когда Совѣты Р. и С. Д. вступят в конфликт с Временным Правительством — тогда за нашей спиной будет весь народ, и Временному Правительству останется уйти, и будет создан новый орган общенародной власти”.

*) Имѣлась в виду интенсивная кампанія части петербургской печати против 8 часового рабочаго дня, создавшая довольно напряженную атмосферу в столицѣ и грозившая осложненіями в отношеніях между рабочими и солдатами (о ней было сказано в связи с разсмотрѣніем вопросов, касающихся войны).

Будущий “благородный рыцарь” (слова Потресова) коалиции не обмолвился о ней ни словом и не отозвался на призывы, шедшие из собрания. Он обосновывал лишь правильность позиции, занятой Исполнительным Комитетом, логичность которой была дискредитирована выпадами против Временного Правительства официальным докладчиком. “Стеклов и Каменев, Каменев и Стеклов — констатировал представитель 12-й армии Кучин — по существу постановки ими вопроса о взаимоотношениях Совета Р. и С. Д. и Временного Правительства, представляют из себя одну совершенно определенную, ничем друг от друга не отличающуюся политическую линию” Кучин настаивал на том, чтобы резолюция Советания дала бы “ясный и определенный ответ” на вопрос о взаимоотношениях между Временным Правительством и Советом: надлежит признать с одной стороны, что Временное Правительство “является законной, признанной властью..., которой мы сами поручили власть”; с другой, что “Совет Р. и С. Д. или иной орган, который в дальнейшем будет представлять революционную демократию”, активно “будет поддерживать Временное Правительство, как законный орган, осуществляющий программу в духе требований демократии”.

Начались закулисные переговоры лидеров фракций. В гущу их мы проникнуть не можем. “Средняя” линия во имя призрачного уже единства революционного фронта стремилась нивелировать разногласия и под одну знамя поставить несоединимое*).

В результате получился компромисс, не отвечающий действительному взаимоотношению сил и вовсе не соответствовавший настроению большинства собрания. То, что в первоначальном тексте резолюции заключалось “в скрытом виде”, как выразился докладчик, тем же Стекловым, в заключительном словесно, в новой формулировке было уже отчетливо развернуто. Такой компромисс удовлетворил большевиков, ибо даже вишняя словесная формулировка пункта о “контроле” и “сплочении” вокруг советов цблком была заимствована из большевистской резолюции — они сняли отдельную резолюцию и заявили, что будут голосовать за положения Исполнительного Комитета. Советание признавало, что программа Временного Правительства “содержит основные политические требования русской демократии”, и что “до сих пор Временное Правительство в общем и цблом (отрицательное выражение революционного жаргона) идет по пути выполнения принятых на себя обязательств”. Советание признавало необходимость постоянного политического контроля и воздействия демократии (умалчивая о формах этого воздействия) и признавало демократию, “не признавая на себя ответственность за всю деятельность правительства в цблом, оказывать поддержку Временному Правительству, поскольку оно будет неуклонно идти в направлении к упрочению и расширению завоеваний революции и поскольку свою внешнюю политику оно строит на почве отказа от захватных стремлений”. Советание призывало “всю революционную демократию России сплотиться вокруг Советов, как созданных революцией центров организации сил демократии, способных в союз с другими прогрессивными силами отразить попытки царистской и буржуазной контр-революции

* Не надо забывать, что в это время еще продолжались переговоры относительно объединения двух разошедшихся фракций соц. демократии.

и упрочить и расширить завоевания революции”. Вместе с тем революционная демократия должна была “быть готовой дать решительный отпор всякой попытке Правительства уйти из под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых им на себя обязательств”.

По предложению фракции соц.-рев. было прибавлено, что воздействие революционной демократии должно распространяться и на правительственные органы на местах (это взято также из текста большевиков). Не внесли своей отдельной резолюции и меньшевики, считая, что после соглашения Исполнительного Комитета с революционными социалистическими партиями в новой формулировке резолюции находится “ясный и притом положительный ответ” на “один из кардинальных вопросов теперешнего момента”. “Мы считаем необходимым, — говорил Дан от имени “меньшевистской части” рос. соц.-дем. партии — чтобы в резолюции было сказано, что для дела революции в нынешней ее стадии этот состав правительства играет положительную роль, — свергать его не надо, а надо признать, как существующий факт”. Не совсем то было сказано в компромиссной редакции, а главное устранено было находившееся в проекте резолюции, принятом на советании меньшевистских делегатов, положение, что правительство, созданное революцией, приняло на себя государственную власть до созыва Учред. Собрания, т. е. то единственное, что придавало правительству, которое многих не удовлетворяло, известную устойчивость. И другое пожелание меньшевиков, сформулированное Даном, не нашло себе ясного отражения в резолюции (не отчетливо оно было выражено и в меньшевистском проекте). “Мы хотели иметь — говорил Дан — ясный ответ... о так называемом и частью злостно называемом двоевластии... Всякий не может не понимать, что в хаосе колоссального революционного переворота были исключительные моменты и, может быть, еще будут, когда вся компетенция, вся власть смещивается, когда надо непосредственно творить переворот, революционное дело. Мы хотим, чтобы было сказано ясно, что в обычном, нормальном течении своем — это клевета, будто Совет Р. и С. Д. хочет принять участие в осуществлении государственной власти. Мы хотим, чтобы было сказано ясно, что власть — это Временное Правительство, а революционная демократия в лице Советов... осуществляет свое влияние на ход политической жизни и деятельность правительства путем непрерывного организованного давления на него и контроля над ним”... Стоит отметить, что “рабочая группа” кооперативного съезда, собиравшегося в Москве одновременно с Советанием, специально постановила требовать от съезда опровержения “живых слухов, распускаемых из темных источников в цблах раздора, о стремлении советов к захвату власти”.

Резолюция Исполнительного Комитета была принята единогласно (правда, не без некоторых протестов с мест) — так силен еще был гипноз единого революционного фронта. Вопрос о коалиции не был поставлен, хотя президиум и заявил при баллотировке резолюции, что он будет поставлен, как “особый вопрос” вслед за принятием резолюции. Очевидно, петербургские комбинаторы “единого революционного фронта” боялись, что их непрочная хранина разсыплется, так как идея коалиционного правительства, как мы видим, могла встряхнуть значитель-

ный отклик в собрании*): всё почти несомненно, что при практической постановке вопроса логически должны были за положительное решение высказаться все те, кто был недоволен “дензовым” правительством, наставшая на сильной, независимой и авторитетной революционной власти в переходное время до Учредительного Собрания. Через месяц, с некоторым уже опозданием, вопреки всякой догматике “социалистов в футляре” жизнь разрешила положительно вопрос о коалиционной власти, но разрешила его в ненормальных условиях процесса правительственного кризиса.

V. Контактная комиссия.

1. Орган революционного “давления”.

Какой же вывод можно сделать о политических результатах, которые дал первый в сущности всероссийский съезд Советов, лишь по формальному основанию названный “совещанием”? Можно ли согласиться с итогом, подведенным автором первой по времени истории революции? “Революционная демократия — писал Милуков — за один месяц не успела почувствовать почву под ногами, и худой мир для нее был предпочтительнее доброй ссоры”... Познакомившись с прениями на Совещании по вопросу о конструкции власти в нашем изложении, сознательно детализированном**), едва ли присоединится к такому выводу. Можно ли без весьма основательных оговорок, утверждать, как то делали авторы социалистической “Хроники февральской революции”, что Совещание, в всероссийском масштабе поставив вопрос о государственной власти и формально ршив его в пользу Временного Правительства, “по существу *предопределило* исход февральской революции”, указав на Советы, как на единственных носителей власти? Да, лидеры “революционной демократии” уравнивали, сами того не сознавая, путь грядущему Ленину, как выразился о последующем Плеханов, но это само по себе вовсе еще не определяло тогда неизбежный исход: совершенно очевидно, что без ухищренной “дипломатии” Церетели и его единомышленников на Совещании не была бы принята “каучуковая”, в основе противоречивая и двумысленная резолюция — единогласие было лишь ничем не говорящим признанием формального единства***). Также формально (и. быть может, единогласно) резолюция Совещания прошла и по местным организациям — иногда с таким опозданием, что декларирование аннулированной уже в изменившемся ходе политических событий принципиальной позиции теряло реальный смысл.

По существу Совещание не сказала ничего нового по сравнению

*) Вывод, который можно сделать из стенографического отчета, не совпадает с впечатлениями мемуариста, смотревшего на события под углом своего «лѣваго» міросозерцания — для Суханова выступления «справа» поддерживались на собрании незначительным меньшинством или буржуазными элементами.

**) У Милукова, пользовавшегося, очевидно, современным отчетом какой-нибудь «буржуазной» газеты, прения изложены слишком сумарно и неточно: в текст истории фигурируют ораторы, которых нет в стенографическом отчете.

***). См. ниже относительно обостренных отношений между «рабочими» делегатами и «солдатами».

с тем, что было — его резолюция, в конце концов, трафаретно повторяла положение, выдвигавшееся на рабочих митингах в первые дни революции: поддерживать правительство, пока оно “не изменит стремлениям народа”, олицетворяемым Советом Р. Д. Эта резолюция не указывала форм, в которых должен осуществляться бдительный революционный “контроль” над правительством*) и, отрицая двоевластие, фактически санкционировала прежнюю анархию, когда давление общественного мнения переходило в форму, которая в нормальное время называлась бы административным эксцессом... Центральная организация, каковой в бытовом порядке служил петроградский Исполнительный Комитет, до некоторой степени пыталась регулировать эти эксцессы и указать провинции в ответ на запросы конкретную тактику и пределы общественного контроля. Шляников приводит не опубликованную и не обсужденную “инструкцию” Исполнительного Комитета, но фактически разосланную в провинцию через иногородний отдел. “Инструкция” устанавливала, что Временное Правительство “должно считаться для всей России единственно законным правительством”, распоряжения которого, “если они не опротестованы Петроградским Исп. Комитетом, должны исполняться”. Поставленные правительством “органы власти — посланные им комиссары, должны быть признаны законными властями, если они по своим личным качествам или политическому прошлому не кажутся опасными или вредными для дела свободы”. Совет по отношению к Правительству является лишь “органом революционного контроля”. “Этот контроль осуществляется так, что в случае, если Совет находит действия местных комиссаров опасными для дела революции, он телеграфирует об этом Правительству и Петроградскому Исполнительному Комитету”. В отношении рабочих и фабрикантов, следует “всячески избегать неорганизованной экономической борьбы и частных выступлений”. Если “соглашение” не достигнуто, следует “доводить об этом до сведения Петроградского Совета”. При возникновении недоразумений в деревне следует разъяснить крестьянам, что “всякое самоуправство” является недопустимым и вредит делу революции и т. д. Провинциальные советы — говорится в заключение — “должны по возможности согласовать свою деятельность с другими общественными организациями на местах... и с правительственными учреждениями... Во всех вопросах, касающихся общегородских дел, как продовольствие, милиция, общественная безопасность, борьба с представителями старой власти, выборы во временное самоуправление и т. д. провинциальные советы должны действовать с другими организациями и комиссарами, а никоим образом не брать на себя одних правительственных функций”.

Политическая педагогика не очень шла к лицу Исполнительного Комитета, ибо самим центром постоянно нарушались основы той так-

*) Вероятно, руководители сами не имели отчетливого представления, потому что практические вопросы разбирались с быстротой курьерского поезда, по выражению одного из делегатов. Так, напр., при протесте представителей многотысячного бакинського пролетариата и многотысячного кievского гарнизона, отказавшихся участвовать в баллотировке, принималось требование к правительству об «отчуждении» в пользу нации сверхприбыли промышленников: «такой колоссальной важности документ не может быть принят без обсуждения» — заявили протестанты.

тики, которую рекомендовала “инструкія” провинціальным организациям. Напримѣр, в засѣданіи 19 марта утверждена была инструкція военнымъ комиссарамъ, которыхъ рѣшено было назначить “по соглашенію с Временнымъ Правительствомъ”, при военномъ министрѣ, при Ставкѣ, при командующихъ отдѣльными фронтами и при флотахъ. Назначались комиссары “в цѣляхъ установленія прочной и постоянной связи между войсками и ихъ органами и Совѣтами Р. и С. Д. для быстрого и планомернаго разрѣшенія возникающихъ в области внутренней и политической жизни арміи вопросовъ и незамедлительной передачи директивъ, равно, какъ и в цѣляхъ предупрежденія какихъ-либо ошибочныхъ шаговъ со стороны руководящихъ нынѣ жизнью арміи органовъ”. Однако, в тот же день выяснилась необходимость “послать в Або завтра, в 12 ч. ночи, одного изъ членовъ с.-д. фракціи Государственной Думы для урегулированія положенія дѣла”, и Исполнительный Комитетъ выноситъ постановленіе “послать в Гельсингфорс и Ревель военныхъ комиссаровъ, которые были бы назначены по соглашенію с офицерско-солдатской организацией”. Отмѣченный казус свидѣлствуетъ, что не всегда злая воля нарушала прерогативы Правительства. При негибкости правительственныхъ органовъ самочинныя дѣйствія вызывались не терпящими отлагательства жизненными обстоятельствами, на которыя приходилось реагировать совѣтскимъ учрежденіямъ — особенно на первыхъ порахъ. Но еще в большей степени пренебрегали услѣху “педагогическихъ уроковъ” Исполнительнаго Комитета в центрѣ самочинныя дѣйствія отдѣльных его членовъ, с которыми центр во имя ложно понимаемаго демократизма боролся очень слабо. Сухановъ рассказываетъ, напримѣр, какъ с.-р. Александровъ на бланкахъ Исполнительнаго Комитета давалъ разрѣшенія захватывать помѣщичью землю...

“Организованное давленіе” или “бдительный контроль” в центрѣ осуществлялся при посредствѣ особой “контактной комиссіи”, созданной еще постановленіемъ Исполнительнаго Комитета 8 марта. Руководителей революціоннаго центра не могло удовлетворить “непрерывное наблюденіе за дѣятельностью Правительства вошедшаго в его составъ, вопреки волѣ этихъ руководителей, “заложника демократіи”. Сам Керенскій склоненъ былъ преувеличивать свою роль. На совѣщаніи Совѣтовъ онъ говорилъ: “Я васъ увѣряю, что все, что можно было сдѣлать, чтобы провести волю пославшихъ меня тамъ, я сдѣлалъ и увѣряю васъ и ручаюсь, что я сдѣлалъ это успешно, и что торжество демократическихъ принциповъ обезпечено в Россіи, и оно будетъ незыблемой основой всего будущаго строя...” Крайне преувеличивалъ, по крайней мѣрѣ по газетному отчету “Русской Воли”, и предсѣдатель Вольно-Экономическаго Общества Чайковскій в привѣтствіи 7 апрѣля посѣтившаго засѣданіе министра: “Если до сихъ поръ не произошло разрыва, если Временное Правительство не сложило своихъ полномочій, то потому, что в Правительствѣ Керенскій, улаживавшій конфликты”. Такую миротворческую роль Керенскаго услѣдить довольно трудно.

Правительство с перваго момента своего существованія не пыталось уклоняться от “воздѣйствія” со стороны Совѣта. В нѣкоторыхъ случаяхъ оно (или отдѣльные его министры) дѣйствовало слишкомъ поспѣшно и даже предупреждая событія. Распоряженіе министра юсти-

ціи в соотвѣтствіи с постановленіемъ Исп. Комитета 4 марта о “временныхъ судахъ, вводившее специальное представительство рабочихъ, безъ надобности дискредитировало тотъ мировой судъ, который сам Керенскій в дни пребыванія в Москвѣ назвалъ единственнымъ изъ судовъ, оставшимся “вѣрнымъ завѣтамъ совѣсти”... Напумѣвшая телеграмма Керенскаго и Некрасова о демократизаціи желѣзныхъ дорогъ, вызвавшая удивленіе даже у Ломоносова, имѣла самыя роковыя послѣдствія.

Какъ видно изъ перваго же протокола засѣданія Правительства 4 марта, тогда же было признано необходимымъ считаться с мнѣніемъ Совѣта и было постановлено во избѣжаніе “двоевластія” знакомиться с этими мнѣніями в частномъ порядкѣ до официальныхъ засѣданій. В первые дни “организованное давленіе” Совѣта и заключалось в посылкѣ особыхъ делегацій для переговоровъ с отдѣльными министрами по вопросамъ возбуждавшимъ пренія — такъ 6-го была послана делегація къ военному министру, который, какъ значится в протоколѣ Исполнительнаго Комитета, “всячески уклоняется отъ прямыхъ сношеній с Исполнительнымъ Комитетомъ и, повидимому, не склоненъ подчиняться рѣшеніямъ Совѣта”. По словамъ Шляпникова, “подъ давленіемъ снизу” (надо понимать представителей большевической партіи) черезъ три дня послѣ “соглашенія” 2 марта Исполнительный Комитетъ вынужденъ былъ снова обсудить вопросъ о своемъ отношеніи къ Временному Правительству. Обсужденіе — утверждаетъ коммунистическій историкъ — “продолжалось 2 дня”. Протоколы не отмѣчаютъ этихъ споровъ. Только в протоколѣ 8 марта значится, что “послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній” было признано необходимымъ во имя исполненія рѣшенія Совѣта и намѣченной имъ линіи общей политики принять “неотложныя мѣры в цѣляхъ освѣдомленія Совѣта о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ Правительства, освѣдомленія послѣдняго о требованіяхъ революціоннаго народа, воздѣйствія на Правительство для удовлетворенія этихъ требованій и непрерывнаго контроля надъ ихъ осуществленіемъ”. Избрана была делегація в составѣ Скобелева, Стеклова, Суханова, Филипповскаго и Чхеидзе для соотвѣствующихъ предварительныхъ переговоровъ с Правительствомъ. 11 марта Чхеидзе докладывалъ Исполнительному Комитету о результатахъ переговоровъ: “Наши представители указали Временному Правительству на то, что оно не выполняетъ данныхъ общацій объ оновѣщеніи Исполнительнаго Комитета о всѣхъ важныхъ мѣропріятіяхъ Правительства. Временное Правительство отрицаетъ этотъ фактъ, считая, что оно всегда считается с Исполнительнымъ Комитетомъ, но вина заключается в отсутствіи такого эластичнаго органа, при помощи котораго можно было бы своевременно... извѣщать. Вообще не Временное Правительство игнорируетъ Исполнительный Комитетъ, а наоборотъ, Исполнительный Комитетъ часто дѣйствуетъ не в контактѣ с Временнымъ Правительствомъ... Вопросъ зашелъ о контролѣ дѣятельности Правительства и о томъ, какъ его слѣдуетъ понимать; представитель Исполнительнаго Комитета объяснилъ, что важно всегда быть в курей всѣхъ мѣропріятій Правительства, Временное Правительство выразило на это полную готовность и высказалось за оформленіе такого органа Исполн. Ком., который могъ бы своевременно быть введенъ в члены Врем. Правительства”).

*) В такой странной многообѣщающей формѣ (в чемъ повиненъ, быть

Так возникла “Контактная Комиссия” в качестве постоянного учреждения, долженствовавшего служить “техническим орудием” для организационного давления революционной демократии на Временное Правительство. В состав ее вошли лица, избранные 8-го — впоследствии к ним присоединился Церетелли, никаких официальных записей работ этой комиссии, собиравшейся помимо экстренных надобностей регулярно чуть ли не три раза в неделю, не имеется, и никто из участников Комиссии подробно ее интенсивной деятельности не охарактеризовал. Трудно при таких условиях получить отчетливое представление об истинном лике этого единственного в своем роде института. Милоков современник и непосредственный участник действий, в своей “История” в самых общих чертах говорит, что значительная часть пожеланий Контактной Комиссии удовлетворялась, о чем демонстративно и хвастливо заявлялось в Совѣтѣ. Некоторые “требования” встречали, однако, категорический отказ (например, требование об ассигновке 10 миллионов на нужды демократических организаций). На съезде (т. е. Совѣщании) И. Г. Церетелли признал, что в Контактной Комиссии “не было случая, чтобы в важных вопросах Временное Правительство не шло на соглашение”. Придётся, действительно, признать, что Временное Правительство проявляло в прямой ущерб делу слишком большую уступчивость. Во избежание повторения мы коснемся наиболее важных уступок и инцидентов, связанных с “требованиями” советских делегатов, в дальнейшем уже предметном изложении — это был вопрос о судьбе Царя и о нотѣ Правительства по внешней политикѣ. Почти все остальное относилось к повседневной политикѣ, без надобности заострявшейся большевизанствующими членами Контактной Комиссии.

Милоков говорит, что “Контактная Комиссия действовала *началью* очень сдержанно и робко при встречах с Правительством”. Из наблюдений управляющего делами Правительства выносятся противоположное впечатление. Набоков отмѣчает, что главным действующим лицом среди советских представителей являлся выступающий с безграничным апломбом и с беззащитностью, отождествлявший себя с трудовыми массами. Ни говорливый Скобелев, ни сдержанный Чхендзе такими качествами не отличались. Филипповский и Суханов, по словам Набокова, почти никогда не говорили. Немудрено, что при личных свойствах Стеклова, неутомимаго в поисках контр-революции и главной мишенью для нападок избравшаго военные верхи, совмѣстные заседания протекали даже по признанию Суханова в “тягостной и напряженной атмосферѣ”. Сам мемуарист, как он утверждает, не был в состоянии заразиться ни “воодушевлением” своего соратника, ни его “полицейским умонстроением” и просто “умирал со скуки”, выслушивая стекловские выпады*).

может, протоколист) очевидно было передано пожелание Правительства имѣть “советского” министра труда, о чем, по свидетельству Суханова, не раз потом говорил («требовал») Коновалов в Контактной Комиссии.

*) По воспоминаниям самого мемуариста можно установить, что, быть может, это было и не совсем так. Ничемная история с ген. Ивановым служит наилучшей иллюстрацией. Арестованный в Киев (по его словам, арест мотивировался Исполнительным Комитетом необходимостью оградить его от эксцессов), Иванов был переведен в Петербург, где попал в пресловутый

Керенский — вспоминает Набоков — садился в сторонку и хранил молчаніе, только “злобно и презрительно” поглядывая. Он, по словам Набокова, совершенно не выносил Стеклова и с наибольшим раздражением реагировал послѣ заседания на демагогическія выходки блюстителя интересов демократіи, попрекая кн. Львова в излишней к нему деликатности. Позже — это было уже в апрѣлѣ — Стеклову пришлось нѣсколько “стусеваться” под вліяніем разоблачений, появившихся в печати*).

«министерский павильон». 24-го с него была взята подписка о невыѣздѣ и на вѣрность Временному Правительству. Как сообщали газеты, Иванов останется на свободѣ «под личным наблюдением министра юстиціи» (его дѣло рассматривалось в Гр. Сл. Ком.). «Извѣстія», т. е., Стеков, негодуя, писали, что «освобождение такого опаснаго врага народа, представляется совершенно непонятным», и что такія дѣла не должны рѣшаться «по домашнему»... Правительство обязано было опубликовать «сообщение по этому дѣлу и во всяком случаѣ довести об этом до свѣдѣнія Исполнительнаго Комитета». В докладѣ на Совѣщаніи Совѣтов Стеков говорил, что «под вліяніем освобождения Иванова «мы» (очевидно, через Конт. Комиссію) предъявляли Правительству в болѣе настоятельной формѣ требование осуществить... «объясненіе» издать декрет объявляющій злоумышляющих генералов «вне закона». «В концѣ концов — утверждал докладчик — под нашим давлением Правительство поручило министру юстиціи этот декрет издать по соглашенію с Исп. Комитетом». Но декрет так и не был издан — жаловался Стеков. В данном случаѣ Суханов, якобы чуждый полицейскому умонстроению Стеклова, был всецѣло на его сторонѣ не только в силу протеста против «безудержнаго ген.-прокурорскаго произвола министра (не было большаго основанія освобождать Иванова, чѣм многих и многих сидящих в Петропавловской крѣпости), но и потому, что надо было считать себя с «психологіей масс», незаконно реагировавших на освобождение ген. Иванова в силу характера «его преступленія» — он мог быть... разстрѣлян без суда, — утверждали «Извѣстія». «Психологія масс», на которую ссылается Суханов, для нас наиболее интересна. «Гуманная выходка Керенскаго переполнила чашу». Министра «от демократіи» стали громко требовать к отѣту. Предлагали официально вызвать его в Исполнительный Комитет. Это требование уже было извѣстно Керенскому. Но Керенский не желал знать Исполнительный Комитет... Он явился в Таврической дворец, «прошел прямо в бѣлый зал, гдѣ происходило засѣданіе солдатской секціи, произнес там рѣчь, пожал бурю аплодисментов и уѣхал». Произнес Керенский, конечно, демагогическую рѣчь — довольно элементарную по газетному отчету. Он объяснил, что раньше не имѣл возможности посѣтить представителей той среды, из которой вышел, что он и раньше в Государственной Думѣ отстаивал солдатскій вопрос, что он первый вывел 27-го революціонныя войска, что, как представитель интересов демократіи, он добился того, что Россія отказалась от всяких завоевательных стремленій, что, как генерал-прокурор, он держит в руках всѣх врагов отечества, что пришел он не оправдываться и не позволить не довѣрять себѣ и тѣм оскорблять всю русскую демократію, что он просит или исключить его из своей среды или безусловно ему довѣрять: «если будут сомнѣнія, придите ко мнѣ днем и ночью, и мы с вами сговоримся». Зал дрожит от оваций, раздаются крики: «вѣрим, вся армія с вами». Министра подхватывают на руки и выносят из зала... «Люди, желающіе внести раздор...» были посрамлены.

*) Был сообщен факт, что Стеков посѣтил у революціоннаго правительства легализировать для паспорта свой литературный псевдоним, официально отказавшись от природной фамиліи — Нахамкес, о чем безуспѣшно «всеподданнѣйше» ходатайствовал перед старым правительством. Моральный облик «всѣмъ выдающейся фигуры» в революціи — откровенно циничный — выступил еще с большою яркостью. Против Стеклова в Исполнительном Комитетѣ открыто выступил Церетелли, однако, «дѣловые» настойчиво поддержали кандидатуру своего попутчика, считая, что личная біографія этого «кожевника» среди интернаціональных групп никакого «общественнаго значе-

При таких условиях "контактные" заседания не достигали своей цели и были почти "бесплодными". Члены Комиссии не дѣлали правильных отчетов в Исполнительный Комитет и, как рассказывает Суханов, обычно обмѣнивались даже между собою мнѣніями уже в автомобиле, который их вез на заседание. Поэтому так легко Стеклов и мог свои личные сужденія выдавать за постановления центра. (Набоков говорит, что подчас другие члены Комиссии тут же должны были его опровергать). Нельзя сказать, что Правительство игнорировало Совѣт.

Если вначалѣ Правительство отряжало 2-3 своих членов для заслушивания жалоб и пожеланій, выражаемых от имени Совѣта, то потом обычно, по словам Суханова, присутствовал или полностью весь кабинет министров, или огромное большинство его членов. Фатально пожеланія "революціонной демократіи" слишком часто сводились к нудным и мелочным претензіям стекловскаго пошиба. Не было бы удивительно, если бы в такой тягостной обстановкѣ у членов Временнаго Правительства могла появиться мысль об уходѣ. По утверждению Суханова, Керенскій постоянно грозил тѣм, что "они уйдут". Мемуарист не вѣрил этим "басням". Пожалуй, он был прав. Такой реальной угрозы в дѣйствительности не было. Оптимизм, даже излишній, не покидал революціонное правительство первого состава.

Формула: "они уйдут" имѣла в сущности то же педагогическое значеніе, что и выдвинутое Шульгиным послѣ военной неудачи 20 марта на Сходѣ (она произвела сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе) в цѣлях пропаганды и заостренное его бойким публицистическим пером положеніе о "двоевластіи": "пока будет двоевластіе — писал он в "Кіевлянинѣ" — ждать толку нельзя. Совѣт Р. и С. Д. или должен сдѣлать новый переворот и свергнуть Временное Правительство и стать на его мѣсто или же должен предоставить Правительству быть правительством". Неожиданно у Набокова можно найти указаніе на то, что заседания Контактной Комиссии были подчас живительным элексиром для членов кабинета. Он вспоминает, как члены Правительства на общих засѣданіях, при обсужденіи специальных вопросов, "полудремали" и оживлялись лишь в закрытых засѣданіях Правительства и... в Контактной Комиссии, т. е., тогда, когда ставились острые политические вопросы.

Мемуаристы "лѣваго сектора" всегда усиленно подчеркивают давленіе, которое оказывали на Совѣт массы в области экономической. Контактная Комиссія была "орудіем давленія" на Правительство. Между тѣм в опубликованных матеріалах пока нельзя найти намека на то, что в "контактных" засѣданіях поднимались насущные вопросы социальна-экономическаго характера*). Поэтому надлежит сдѣлать очень существенную оговорку в позднѣйшем 16 мая, в дни уже новаго коалиціоннаго правительства, утвержденіи Экономическаго Отдѣла Исполнительнаго Комитета и одним из редакторов официальных «Извѣстій» — он был лишен только тѣх полномочій, которыя имѣл в редакціи в силу положенія «комиссара» Исполнительнаго Комитета.

*) В связи с этим нельзя не отмѣтить, указанія Суханова на полное бездѣйствіе созданной при Совѣтѣ «Комиссии законодательных предположеній».

полнительнаго Комитета, что Временное Правительство "перваго состава" уклонялось не только от... выполненія, и от... постановки тѣх народно-хозяйственных задач, которыя были формулированы делегатами Совѣщанія провинціальных Совѣтов". Бѣда Правительства, как было указано, заключалась в отсутствіи у него программы и слѣдовательно инициативы... Вся трудность положенія лежала в разрѣшеніи дилеммы переходнаго времени, требовавшей не только "постановки", но в той или иной мѣрѣ и "выполненія"... Пожеланія (не в формулировкѣ органов совѣтской демократіи) почти всегда находили отклик у Правительства — эту связанность между давленіем со стороны и инициативой государственной власти прослѣдить нетрудно: напримѣр, 3 апрѣля на Совѣщаніи Совѣтов было принято скороспѣлое постановленіе о "сверхприбыли", а 6-го уже сообщалось в газетах, что Правительство приняло по предложенію министра торговли и промышленности об ограниченіи прибыли во время войны и поручило ему, совмѣстно с министром финансов, разработать главные основанія этого ограниченія. Только непормальными условіями, в которых протекали "контактные" засѣданія, можно объяснить то, что экономическая мѣра типа внутренняго "займа свободы", опубликованная 27 марта, была принята без предварительнаго освѣдомленія Исполнительнаго Комитета (на совѣщаніи членов Государственной Думы Терещенко сдѣлал соотвѣствующее сообщеніе) — здѣсь соглашеніе было в прямых интересах самого Правительства. (Воззваніе о займѣ было опубликовано за подписью Временнаго Правительства и Временнаго Комитета Г. Д.). Нетрудно было предвидѣть агитацию большевиков против "военных кредитов" — "займа неволи", как назвал Зиновьев "заем свободы", но, быть может, и протест тѣх "циммервальдцев", которые во имя обороны страны поддерживали Правительство. В апрѣлѣ всѣ эти трудности выпукло выдвинулись в жизни.

2. Конфликтные вопросы.

Совѣщаніе Совѣтов должно было нѣсколько стабилизировать положеніе и придать "давленію" со стороны революціонной демократіи на Правительство болѣе парламентскій характер. С другой стороны, Правительство, освоив постепенно административный аппарат власти, разстроенный в дни революціонных пертурбацій, почувствовало под собою нѣкоторую базу. Ни то, ни другое не удовлетворяло "лѣвых", пытавшихся на другой день послѣ Совѣщанія форсировать назрѣвающій "момент разрыва". 5 апрѣля эти "лѣвые" в Исполнительном Комитетѣ требовали измѣненія "всей системы отношенія к Правительству", ибо "политика Правительства ясно показала, что момент, когда мы его должны были поддерживать, проходит... Правительство, укрѣпляясь все болѣе и болѣе, нас игнорирует, наступает момент, когда нам придется отказать ему в поддержкѣ". Судя по протоколу, застрѣльщиком выступал не столько Стеклов, бывшій докладчиком, сколько Суханов, на котораго вся дѣятельность Контактной Комиссии производила "тягостное впечатлѣніе": "функции делегации", по его мнѣнію, свелись лишь к регистраціи сдѣланнаго Правительством. Опубликован-

ный протокол заседания Испол. Ком. нельзя признать очень вразумительным*), но он дает все же возможность установить, какие вопросы считались тогда “конфликтными”, т. е., вопросы, по которым Правительство не дало ответов, удовлетворивших Комиссию в целом**).

Среди этих “конфликтных” вопросов первым стоял тот “10-миллионный фонд”, который выдвинул в своем тексте Милоков, и который никакого, в сущности, принципиального значения не имел, так как отказ в ассигновках официально мотивирован был “недостатком средств”. Отказ волновал Исполнительный Комитет, и там сознавали, что это “простая отговорка” — не дали денег “как противникам”. Так формулировал в заседании 5-го меньшевик Богданов — сторонник того, чтобы “добиваться 10-миллионного фонда”, но высказавшийся, однако, против того, чтобы “на этом вопросе принимать бой”. Требовать 10 миллионов от Правительства постановили еще 15 марта (и даже раньше — протокол 15 марта говорит: “подтвердить прежнее решение” и приступить к “немедленной выработке текста требования”). Упорство, проявленное Правительством, не совсем понятно, так как форму субсидии можно было приспособить к бытовым условиям времени и устранить вышнее узаконение “двоевластия”, которого стремились избежать. Между тем по положению, которое заняли Совет в первое время, они безспорно выполняли и функции общегосударственного значения — например, в области продовольствия (в распоряжение советской продовольственной комиссии Главным Интендантством было передано несколько складов). Продолжавшееся бытовое двоевластие на местах вызывало не только требования от центра ассигновок из “государственных средств”, но и угрозы воспользоваться средствами местного казначейства, в случае неоткрытия кредита в кратчайшее время, как то Иркутский исполком телеграфировал 25 апреля Чхеидзе. Едва ли приходится сомневаться, что эти угрозы, в случае отказа, приводились в исполнение. Не будет преувеличением сказать, что в провинции советы повсюду пользовались правительственными ассигновками. Когда в начале октября в Правительстве был поднят вопрос о назначении ревизии общественных и демократических организаций (в том числе советов) в выдаваемых им государственных ассигновках, “Известия” писали, что петроградский Совет — “никогда никаких сумм из казны не получал”. И это представляется очень сомнительным, поскольку речь идет о первом времени. Попытка проследить ручьи, по которым притекали косвенно или в полумаскированном виде ассигновки из Государственного Казначейства, отвлекла бы изложение слишком уже в сторону***). Без риска отойти от действительности, можно утверждать, что Совет не мог бы выполнять своих многообразных функций, вплоть до сношений с внешним миром, если бы жил только на добровольных пожертвованиях, притекавших в Совет, конечно, не в таких размерах, как

во Временный Комитет: вместо миллионов здесь были десятки тысяч — на 13 марта их было примерно 123 тыс. по официальному докладу заведовавшего советскими финансами Брамсона. Система советских доходов в виде самообложения рабочих, раскладки по ротам, отчислений от митингов и “общественных кинематографов” была разработана лишь в конце мая*). В итоге отказом в “10-миллионном фонде” — отказом, демонстративное значение которого аннулировалось официальной мотивировкой — Правительство лишалось возможности регулировать анархию на местах, что неизбежно было бы при официальной ассигновке, подлежащей общегосударственному контролю.

Вторым “конфликтным” вопросом явился вопрос о присяге в армии. Он имел уже свою длительную историю. Формула присяги была установлена Правительством 7 марта. Она гласила для лиц “христианского вероисповедания”: “Клянусь честью солдата и гражданина и обещаюсь перед Богом и своею совестью быть верным... Российскому Государству, как своему отечеству... Обязуюсь повиноваться Временному Правительству... впредь до установления образа правления волей народа при посредстве Учредительного Собрания... В заключение данной мною клятвы, освящая себя крестным знаменем и ниже подписываюсь...” Эта формула присяги и вызвала протест Исполнительного Комитета, обсуждавшийся в Совете 12 марта. “Крупным недочетом” опубликованного текста было признано, с одной стороны, умолчание о “защите революции” и “свободы”, а с другой, нарушение “свободы вероисповедания”... Правительству было предложено переработать неприемлемую форму присяги, а до выработки ее к “присяге не приводить, а где это сдлано, считать присягу недействительной”. В собрании председателем было подчеркнуто, однако, что отклонение присяги не означает призыв к неповиновению Правительству — напротив, “необходимо согласованно действовать для упрочения нового строя”. 16-го в Исполнительном Комитете было доложено, что Правительство “признало ошибочным изданный приказ о присяге без ведома Исполнительного Комитета” и согласилось до Учредительного Собрания не приводить к присяге те части войск, которые не присягали. Решение больше, чем странное — ведь исправить текст присяги в духе, желательном для Совета, было бы вполне возможно. Если сообщение, сдланное в Исполнительном Комитете, соответствовало действительности, то вопрос по отношению к Правительству казался бы исчерпанным. И тем не менее он вновь выплыл в апреле в силу того, что “соглашение” было нарушено на фронте и в Петербурге — как говорилось в Исполнительном Комитете, командующим войсками ген. Корниловым. (“Генерал старой закваски, который хочет закончить революцию” — так характеризовали Корнилова в больше раннем мартовском заседании). На указание Контактной Комиссии о нарушении “Соглашения” Правительство отве-

*) Составители комбинировали «пять рукописных черновых вариантов». Редакция указывает, что от публикации некоторых протоколов она должна была отказаться за невозможностью дешифровать карандашные наброски.

**) Церетели совсем не разделял «впечатлительных» Суханова.

***) В «Русских Ведомостях» отмечалось, что исполнительные лица московского Совета оплачивались из правительственного кредита — и это сообщение никогда и никем не опровергалось.

*) В доклад Брамсона на Съезде Советов 23 июня указывалось, что в кассу Совета (пожертвований, всяких взносов, сборов и отчислений) всего поступило 3 1/2 мил., причем половина этих поступлений предназначалась для «военнопленных» или на специальные цели. Надо иметь в виду, что через Совет проходила не только значительная часть сумм, поступающих в правительство на нужды освобожденных политических заключенных, но и значительная правительственная ассигновка на эту же цель.

тило, как указывал Стеков в докладѣ, что “оно об этом слышит в первый раз”. Стеков дѣлал знаменательную оговорку, он допускал, что “к присягѣ приводятся полки по их *собственному желанию*”. В этой оговоркѣ и лежит ключ к неожиданной уступчивости, проявленной Исполнительным Комитетом в лицѣ Стекова: “Мы указали — докладывал представитель Контактной Комиссии — на тяжелое положение революционных войск, не принявших присяги, и предложили, чтобы всѣ были приведены к присягѣ *по старой формулѣ*, но чтобы Правительство выпустило специальное разъяснение в духѣ нашей поправки к тексту”. “Определенного ответа — заключил докладчик — мы не получили”. В невыгодном положении оказался Совѣт, и Богданов резюмировал 5-го апрѣля указанием, что Совѣт “потерпѣл поражение” и нужно “найти почетный выход”. Мемуаристы субъективны, и Шляпников говорит, что конфликт на почвѣ присяги принял для Правительства “скандальный характер”. Вывод историка, минуя оценку пѣссообразности разыграннаго конфликта и поведения обѣих сторон, пожалуй, должен будет присоединиться к замѣчанію в дневникѣ ген. Болдырева касательно отмены присяги: “новая охалка горящей пакли”, брошенной в армію и приводившей на мѣстах к столкновению присягавших с неприсягавшими.

Третьим “конфликтным” вопросом являлся “проѣзд группы эмигрантов через Германію”, т. е., прославленный “пломбированный вагон”, в котором прибыл в Россію Ленин, и связанный с ним проект обмена прѣхавших революціонеров на группу пѣмелких военнопленных. Правительство не считало себя связанным “обязательствами, данными без его вѣдома и согласія” и заявило, что “ни о каком обменѣ рѣши быть не может”. Здѣсь позиція “интернаціоналистов” была довольно безразлична*), ибо в средѣ самого Исполнительнаго Комитета весьма многие отрицательно относились к той “несомнѣнно недопустимой, но меньшей мѣрѣ, политической ошибкѣ”, которую совершили “Ленин и его группа”, не считаясь “с интересами русской революціи” (слова Богданова). При таких условиях Контактная Комиссія должна была потерпѣть “поражение” в конфликтном вопросѣ**). Нельзя не согласиться с мнѣніем, выраженным Богдановым на засѣданіи 5 апрѣля, что демократія сама дѣлала многое, чтобы “ослабить себя” и “терпѣла поражения на тѣх вопросах, на которых давать бой ей было “невыгодно”.

Перечисленными вопросами исчерпывался обвинительный акт против Правительства, поскольку он нашел себѣ отраженіе в протоколѣ 5 апрѣля. Ни в протоколах Исполнительнаго Комитета, ни в воспо-

минаніях о работах Контактной Комиссии нѣтъ матеріала для сужденія о вопросѣ, который должен был явиться предметом обмена мнѣніями и разногласіями между членами Правительства и представителями Совѣта, — вопроса, вызваннаго нѣсколькими изволнованными странами в воспоминаніях Набокова и агитаціонные нападки в послѣднюю декаду существованія Временнаго Правительства перваго состава со стороны нѣкоторых тогдашних органов социалистической печати. Как надлежало рѣшить вопрос о судьбѣ членов ликвидируемых революціей старых правительственных учреждений? Мы не располагаем данными для характеристики мѣр, принятых Правительством в этом отношеніи. Очевидно, вопрос разрѣшался просто в том бытовом порядкѣ, при котором чины Охранных Отдѣленій и аналогичных институтов департамента полиціи не могли естественно думать о полученіи от государства пенсій за прежнюю вѣрную службу. Общій вопрос мог быть разрѣшен, конечно, только законодательством о социальном страхованіи старости. Но не в этой плоскости поставлен вопрос в воспоминаніях Набокова и не в этой плоскости правительственные распоряженія вызывали “негодование” в “совѣтских кругах”, отражавшееся и в прессѣ и на митингах. Дѣло шло о сановниках — о тѣх “высших чиновниках”, которые добровольно или вынуждено ушли в отставку и о членах бездѣйствующаго Государственнаго Совѣта. В первый революціонный мѣсяц этот вопрос сам по себѣ не вызывал никакого отклика ни в прессѣ, ни в Совѣтѣ. Он случайно поднялся в Исполнительном Комитетѣ 19 марта в связи с появленіем делегации от кронштадтскаго Совѣта, протестовавшей против уплаты жалованія арестованным в Кронштадтѣ офицерам. Совѣту приходилось итрать активную роль в умиротвореніи буйных кронштадтцев и в силу этого, может быть, Исполнительный Комитет тактически даже вынужден был вынести постановленіе о задержкѣ уплаты жалованья арестованным впредь до окончанія слѣдствія, и выясненія их виновности. Акт бытового двоевластія получил, однако, расширенное толкованіе и о состоявшемся рѣшеніи, “имѣющем распространительный характер, как в отношеніи чиновников всѣх вѣдомств, так и членов бывшей династіи Романовых” постановлено было “сообщить председателю Совѣта министров” (формулировка взята из записи протокола). Как реагировало Правительство? Надо думать, что оно согласилось с такой постановкой, ибо вскорѣ министром юстиціи было отдано аналогичное распоряженіе в отношеніи всѣх лиц, слѣдственное производство о которых шло в Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи. А всѣ остальные? Временное Правительство не внесло здѣсь никакой ясности и опредѣленности и выбрало наихудшій путь сепаратных рѣшеній, вызывавших протест и дававших пищу для всякаго рода демагогических выпадов: производится де растрата народных денег на многотысячныя пенсіи бывшим царским слугам. Не имѣя в своем распоряженіи протоколов засѣданій Врем. Правит., трудно проверить правильность утвержденій Суханова о постановленіи Правительства 12 апрѣля выдать пенсіи “бывшим министрам” в размѣрѣ 7 тыс. руб., что и привело в негодование совѣтскіе круги. Повидимому, рѣчь шла об указанных выше отдѣльных постановленіях, о которых упоминает Набоков: “в самом началѣ (вѣроятно, в апрѣлѣ) Временное Правительство в двух случаях назначило пенсіи в размѣрѣ 7-10 тыс. (кажется, дѣло шло о

*) Суханов считал, что отказ мин. ин. д. пропустить швейцарца Платена, вѣдѣвшаго руководившаго операніей, связанной с проѣздом русских интернаціоналистов в “пломбированном вагонѣ”, через Германію, являлся “недопустимым прецедентом” и нарушал установленную договором 2 марта политическую свободу (!).

**) Вопрос о “пломбированном вагонѣ”, роль Министерства ин. дѣл, отношеніе общественных кругов и масс, сравнительно детально рассмотрѣны в книгѣ: “Золотой нѣмекій ключ” к большевицкой революціи. Правительственная политика была спланным клубком противорѣчій, в силу чего оно и не могло использовать настроенія создававшегося в массѣ.

Коковцевъ и Талъевъ)). Ни тот, ни другой не принадлежали к числу тѣхъ матеріально необезпеченныхъ людей, которыхъ революція жестоко вернула в “нѣрвобитное бытіе” и судьба которыхъ волновала с моральной стороны Набокова. Почему в число избранныхъ попал отецъ знаменитой Вырубовой, имя которой в этот момент было крайне одиозно? Политическая безтактность часто бываетъ чревата послѣдствіями. Особо в дѣлѣ о “сановникахъ” стоялъ вопросъ о членахъ Государственнаго Совѣта “по назначенію”, обреченныхъ на “совершенную праздность послѣ переворота”, хотя формально Государственный Совѣтъ, какъ учрежденіе, не былъ упраздненъ. По словамъ Поливанова, это почтенное учрежденіе и среди бюрократіи принято было называть “Ново-Дѣвичимъ монастыремъ”. “Наиболѣе добросовѣстные и тактичные члены Государственнаго Совѣта — вспоминаетъ Набоков — почувствовали неловкость своего положенія и нравственную невозможность получать крупное содержаніе, не дѣлая ничего, и возбудили вопросъ объ умѣстности подачи в отставку”. По поводу того, что члены Государственнаго Совѣта продолжаютъ получать содержаніе, и “завопили” на митингахъ и в печати. “Весь этотъ шумъ — утверждаетъ управляющій дѣлами Правительства — произошелъ на Правительство “большое впечатлѣніе”. “И тогда, наконецъ, пришлось поставить во всемъ объемѣ вопросъ о членахъ Государственнаго Совѣта... Правительство потратило цѣлыхъ два засѣданія на обсужденіе его — и не могло прийти ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Такъ вопросъ и остался “неразрѣшеннымъ”. Правительство не вышло изъ свойственной ему, столь характерной неопредѣленности потому, что “шумъ”, поднятый вокругъ этого вопроса (о томъ, что “посылались протестующія резолюціи рабочихъ и солдатскихъ собраній”, говорятъ составители Хроники февральской революціи), не былъ такъ великъ, какъ изображаютъ мемуаристы, — иначе его резонансы не могли бы не отразиться в общей печати и в дошедшихъ до насъ отрывочныхъ протоколахъ Исполнительнаго Комитета...”).

“Бумъ”, поднятый “лѣвыми” в Исполнительномъ Комитетѣ, потерпѣлъ фіаско. Ихъ цѣлью было добиться превращенія Контактной Комиссіи изъ органа “соглашенія” в органъ, диктующій Правительству свою волю. В ихъ представленіи Совѣтъ долженъ былъ играть роль не “затерживающаго центра, а инстингатора массоваго настроенія. Поэтому болшевики, засѣдавшіе в Исполнительномъ Комитетѣ (Красиков, Стучка), требовали “гласности в переговорахъ с Правительствомъ” — устраненія всякихъ “тайнъ и дипломатіи”, обязательства для Контактной Комиссіи вести протоколы, подписываемые обѣими сторонами, и предложенія Правительству дѣлать в “письменной формѣ”. “Правые” (Дан, Церетели, Брамсон) энергично возражали, указывая, что подобное рѣшеніе уничтожаетъ самый смыслъ существованія Контактной Комиссіи — выгода непосредственныхъ личныхъ отношеній в томъ, что они даютъ возможность Исполнительному Комитету “ориентироваться в теченіяхъ Правительства”. В воспоминаніяхъ Сухановъ издѣвается надъ элементарной ар-

гументаціей противниковъ оформленія функцій Контактной Комиссіи, превращавшихъ совѣтскихъ делегатовъ — посредниковъ между “классовыми противниками”, в какихъ-то “пронирыливыхъ репортеровъ”. Почему этотъ вопросъ имѣлъ, однако, по признанію мемуариста “огромную важность” для революціи? Потому, что “лѣвые” желали покончить с “теоріей береженія Правительства”, которую далеко не послѣдовательно пыталось проводить в жизнь образованнѣе большинство в Исполнительномъ Комитетѣ подъ руководствомъ Церетели. Напоръ “лѣвыхъ” смутилъ “мамелюковъ”, какъ начинаетъ именовать с этого момента Сухановъ совѣтское “болото”, шедшее довольно послушно за своимъ признаннымъ “вождемъ”. В Исполнительномъ Комитетѣ возникли “сомнѣнія” в рациональности прежней тактики и у сторонниковъ этого большинства: протоколъ 5 апрѣля нѣсколько неожиданно отлѣбаетъ предложеніе Чхендзе “никакихъ непосредственныхъ сношеній с Правительствомъ не имѣть, сношаться с Правительствомъ только письменно и требовать от Правительства письменныхъ же отвѣтовъ”. Предложеніе “лѣвыхъ” собрало 17 голосовъ противъ 21, высказавшихся за сохраненіе status quo и принявшихъ поправку Брамсона о необходимости самой Контрольной Комиссіи вести “подробныя записи переговоровъ, скрѣпленныя подписями всѣхъ участниковъ делегаціи”.

Исполнительному Комитету не пришлось возвращаться къ вопросамъ, поставленнымъ в засѣданіи 5 апрѣля. Онъ занялся своей собственной внутренней реорганизаціей. Изъ Исполнительнаго Комитета выдѣлено было бюро, къ которому переходили функціи Контрольной Комиссіи, формально упраздненной уже 13 апрѣля. Черезъ недѣлю разыгралась событія, приведшія къ первому правительственному кризису и къ замѣнѣ правительства “цензоваго” правительствомъ “коалиционнымъ”. Взаимоотношеніе двухъ “классовыхъ противниковъ” вышше измѣнилось. Оппозиція въ Совѣтѣ в представленіи Суханова сдѣлалась “незамѣтной” и “окончательно безсильной”. Это уже будущее по отношенію къ тому времени, о которомъ мы говоримъ.

Подготовная, вскрывающаяся при обзорѣ дѣятельности Контр. Комиссіи, свидѣтельствуетъ о симптомахъ, мало благоприятныхъ для установленія довѣрія во взаимныхъ отношеніяхъ между властью и демократіей, поскольку послѣдняя выявляла свой общественный ликъ черезъ софиты. Очевидно, искусственный оптимизмъ не очень вдумчиваго члена Правительства Вл. Львова, заявившаго московскимъ журналистамъ, что между Правительствомъ и Совѣтомъ “установленъ тѣсный контактъ, и слухи о треніяхъ распространяютъ злонамѣренныя лица”, не отвѣчалъ дѣйствительности. Можетъ быть, Правительство и нѣсколько злоупотребляло декоративной тактикой, внушаемой отчасти еще не исчезнувшими отзвуками приподнятыхъ революціонныхъ настроеній — тактикой, которую японскій посолъ в Петербургѣ виконтъ Цунда в секретномъ посланіи министру иностранныхъ дѣлъ в Токио в серединѣ марта опредѣлялъ словами: “если у людей сложилось поверхностное мнѣніе, что все благополучно, то это происходитъ от того, что Временное Правительство... скрываетъ от общества правду”. Эта тактика опредѣляла собой официальное знамя, которое рѣяло надъ общественной жизнью в мартовскіе и отчасти еще в апрѣльскіе дни. Слѣшкомъ чуткая подчасъ къ температурѣ общественныхъ настроеній “Русская Воля” писала по поводу

*) В газетахъ (20 марта) лишь появился довольно произвольный списокъ членовъ Гос. Совѣта праваго крыла, которымъ, по распоряженію министріи, были приостановлены выдачи содержанія. Среди нихъ не всѣ были арестованы и привлечены къ разслѣдованію, производимому Чрезв. Слѣдств. Комис. подъ предсѣдательствомъ Муравьева.

правительственной декларации о войне 28 марта: "Союз Советов с Временным Правительством, это — союз жизни; союз в реальном творчестве — творчества новых идей в истории". Впоследствии реальные очертания, в которых протекала тогдашняя действительность, значительно искажались. Так Милуков уверял читателей своей "Истории", что упоминавшиеся выше воззвания Правительства 26 апреля, написанное Кокоскиным, было в "первоначальном тексте" "суровым обвинительным актом против Советов Р. Д.", но "после трехкратной передельки", вместо "открытого обвинения Советов в парализовании Правительства и в содействии распаду страны", основная мысль была "очень сильно затуплена" под влиянием "товарищей Керенского" по партии. В окончательном виде "обвинительный акт" гласил: "Говоря об осуществленных и осуществляемых им задачах, Временное Правительство не может скрыть от населения тех затруднений и препятствий, которые оно встречает в своей деятельности... К сожаленью и великой опасности для свободы рост новых социальных связей, скрывающих страну, отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя..."). Стихийные стремления осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев населения явочным и захватным путем, но миф перехода к менее сознательным и менее организованным слоям населения грозят разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину, и создают благоприятную почву, с одной стороны, для пассивных актов, сходящих среди пострадавших озлобление и вражду к новому строю, с другой стороны, для развития частных стремлений и интересов в ущерб общим и к уклонению от исполнения гражданского долга". Управляющий делами правительства Набоков в воспоминаниях называет утверждение историка "преувеличенным отзывом" и свидетельствует, что строки, введенные в воззвание редакцией "Дело Народа" (?!), "довольно туманно и отвлеченно" излагавшие причины происшедшей неурядицы, не могли изменить "основного тона воззвания". "Строгий государственный считает воззвание "одним из слабейших" документов эпохи: "его идеология — ставящая во главу угла добровольное подчинение граждан ими же избранной власти — очень сходна идеологии анархизма". Набоков слишком серьезно принимал внешнюю словесную форму и сущность. Для нас важно, что документ ("духовное завещание" Правительства первого состава) характеризует неизжитую психологию момента и показывает, что два полюса революции окончательно еще не кристаллизировались. Единение во имя достижения задач, поставленных революцией, оставалось в общественном сознании первенствующей директивой. Большевики и их попутчики из среды народнических максималистов и идеологов "последовательного марксистского интернационализма", выразительницей позиции, которых сдвигалась появлявшаяся в середине апреля горьковская "Новая Жизнь", пока стояли на отлете революции. Стихийные силы, проявления которых пытались вызвать в стране ленинские выученики и их приспешники, только еще "глухо хлокотали", по выражению Троцкого, в глубинах вне революции. Недаром "Новая Жизнь", стремившаяся к

*) Последняя фраза, по утверждению Милукова, «замылила обвинительный акт», составленный Кокоскиным.

доведению революции "до конца", в первом же номере говорила о преждевременности "власти советов", которая вызовет в этот момент "отчаянное сопротивление". Российский гражданин в громадном большинстве в то время абсолютно не верил в тезу, что "вся наша свобода пойдет прахом", если революция не произойдет в международном европейском масштабе.

VI. В поисках базы.

1. — Вя́тская общественность.

Достаточно знаменательно, что среди всех политических группировок того времени лишь одна небольшая партия народных социалистов открыто и решительно выступила на своей первой конференции в Москве 23 марта с осуждением попыток, знаменующих установление "двоевластия" и подрывающих авторитет Временного Правительства. Не отрицая общественного контроля над революционным правительством, партия говорила о необходимости в период разрушения старых и создания новых форм политического и социального общежития... единой и сильной власти, обладающей действительной, а не призрачной полнотой власти*). Дело было не в той проходящей "анархии" на местах, характеризовавшей собою первоначальный, эмбриональный этап революции, а в наличии тенденции культивировать обособленность конкурирующих с властью демократических классовых политических группировок, механически возникших на революционной поверхности по традиции из 1905 года, т. е. "своеобразие" бытовое превращать в своеобразие теоретическое. Не надо было быть ни историком, ни обладать прозорливым предвидением для того, чтобы учесть опасность, которая крылась в замысле нормальных политических отношений идеологических групп, преследующих пусть даже узко партийные цели, сурогатами внутренне аморфных советских организаций. Здесь открывалось широкое поле деятельности, на которой базировался неестественный в наступательном процессе шумный внешний эффект социалистических партий и который выдвигал на авансцену "социалистическую улицу"... Впоследствии лидером этих партий было сказано не мало не то горьких, не то обличительных слов по адресу народных масс, не доспевших по своему культурному развитию до восприятия новых идей организованной демократии. Красная митинговая фраза Керенского о "взбунтовавшихся рабах" превращалась почти в социологическую формулу**).

*) Это подчеркнул в своем первом публичном выступлении лидер партии Мякотин. На конференции 23 марта раздавались даже голоса за подчинение революционному правительству «без критики», как выразился проф. И. Алексинский.

**) «Сильные слова» Керенского (аксаковская метафора раньше до революции была употреблена в Гос. Думе Маклаковым применительно к войне), были сказаны на фронтовом съезде 29 апреля: «неужели русское свободное государство, есть государство взбунтовавшихся рабов... Я жалюсь, что не умер два месяца назад: я бы умер с великой мечтой, что раз навсегда для России загорелась новая жизнь, что мы умрем без хлыста и палки уважать друг друга и управлять своим государством не так, как управляли прежние деспоты». Что это «слово отчаяния» или рассчитанная поза? При

Подобныя жалобы на своего рода разрыв интеллигенции с народом выносили, однако, лишь обвинительный приговор роковой, непредусмотрительной и пагубной тактике, производившей неизбежно взаимный зрѣлаго плода недоносков.

Послѣ переворота страну охватила неутолимая жажда просвѣщенія. Из глухих деревенских углов несущая крики: книг, книг, — отмѣчали наблюдатели из числа уполномоченных Временнаго Комитета. Вначалѣ этих книг было мало, и “Россия вернулась к апостольским временам”: по деревням ходили люди и проповѣдывали “новыя начала”. Потом этого книжного “просвѣщенія”, пожалуй, стало слишком уже много. Пропагандисты очень скоро нарядились в узкіе партійные мундиры. Каждый “начетчик” до известной степени фанатик. Скоропѣзное “политическое просвѣщеніе” стояло на грани политическаго развращения масс, поскольку просвѣтителі руководились заветом пророка Аввакума: “развѣвай рот шире, само царство небесное валится” (так нѣкогда охарактеризовывалась пропаганда Троцкаго в одном из перлюстрированных политической полиціей писем). Приходится ли удивляться, что “сознательность” пасовала перед “стихией” и “соціализм сознательнаго пролетаріата” затеривался в мірѣ “охлоса”. Это творила “жизнь”, но исторія не может снять отвѣтственность и с тѣх, кто создал вышнія формы, в которых выражалась эта жизнь. Послѣдующая исторія революціи регистрирует безконечно длинную вереницу фактов, показывающих, что стихію из “нѣдр революціи” вызывали часто, очень часто, и тѣ, кто по своей идеології, казалось, были далеки от большевистских концепцій радикальнаго переустройства міра единым революціонным взмахом. Они становились невольными и безсознательными попутчиками тѣх, кто разрушал демократическій революціонный фронт. Известный “правый” с.-р. Брушвинт, вѣроятно, совершенно не отдавал себѣ отчета в том, что он бросает зажженную спичку в пороховую бочку, взрыв которой может уничтожить не только коалиціонное правительство, но только Учред. Собрание, но и демократію в Россіи, когда в состояніи ораторскаго самозабвенія неосторожно на майском крестьянском съѣздѣ в Самарской губ. бросил в массу демагогическіе призывы от имени арміи: “Мы не выпустим ружей из рук даже и послѣ войны — не выпустим до тѣх пор, пока знамя “Земля и Воля” не будет знаменем государства. Во время Учр. Собр. мы будем держать ружья на-караул, но помните, что послѣ этой команды есть другая — “на изготовку”...

Партія народных социалистов, представлявшая собой в значительной степени интеллигентскую группировку, в дѣлом этого грѣха в революціонные дни не воспріяла на себя*), ибо ея основной практический лозунг органически был связан с девизом, начерченным на ея политическом знамени: “все для народа, все через народ” — то было утверждение не только народовластія, но и до известной степени проповѣдь осуществленія в жизни постулатов, освоенных народным созна-

выступленіях Керенскаго в силу импульсивности его характера всегда очень трудно отдѣлится искренній порыв от разсчитаннаго шага. Милюков добавлял: «конечно, в социалистических газетах рѣчь эта не была напечатана». Историк ошибся.

*) Непослѣдовательность, конечно, может быть отмѣчена и здѣсь.

ніем и клавшим преграду “революціонному правотворчеству” массовой стихіи. Идеологи “народнаго социализма” никогда не обольщались “безсознательным социализмом”, сдѣлавшимся столь модным лозунгом в мартовскіе дни, что даже демонстрація дворников в Москвѣ в маѣ происходила под знаменем: “да здравствует социализм”. “Социалистов” стало слишком много. Народным массам главенствующія социалистическія партіи внушали тлетворную мысль, что подлинная демократія заключена в бытовых соединеніях социальных категорій, представленных рабочими и крестьянами. Количественный принцип совершенно устранял естественное раздѣленіе. Роковым образом исчезала категорія трудовой интеллигенціи, имѣвшаяся в программѣ теоретических построеній социалистов-революціонеров*). Реальныя отношенія, созданныя характером революціоннаго переворота, заставили революціонных идеологов ввести третью категорію “демократіи” — солдат, при всеобщей воинской повинности, не говоря уже об условиях войны, никакой особой соціальной группы не представлявших. Соціальная логика при этом нарушалась. Ленин был болѣе послѣдователем, когда в своих начальных построеніях, игнорируя “солдатских депутатов”, выдвигал лозунг — “рабочих, крестьянских и батрацких” совѣтов. Поскольку совѣты могли разсматриваться, как революціонные клубы *sui generis*, постольку лишь в схемѣ революціоннаго строительства могли быть законно признанными совѣты солдатских депутатов, которые в первый момент рѣшительно первенствовали в предводительствуемых революціонной демократіей организаціях и накладывали на них свой не классовой и тѣм самым скорѣе политическій отпечаток.

Для характеристики просовѣтской позиціи революціонной демократіи символическим является выступленіе “заложника демократіи” в правительствѣ на Всероссийском Совѣщаніи Совѣтов, когда он вырвался из правительственных тепет, чтобы “хоть немного подышать воздухом той среды”, из которой вышел. Передавая “низкій поклон *всей демократіи* от имени Правительства” Совѣщанію, Керенскій разъяснял (дважды) и формулу “всей демократіи” — “рабочим, солдатам и крестьянам”, незамѣтно демагогически троединая формула становилась в устах социалистических дѣятелей адекватной понятію демократіи, и они, дѣйствительно, сами, быть может, и “помимо собственнаго сознанія”, по выраженію Плеханова, уравнивали дорогу, ведущую к ленинским воротам. Не отдавая себѣ отчета въслѣдствіи лидер меньшевиков Цере-

*) Органический дефект совѣтской организаціи, которую фактически не исправили отвлеченные тезисы Богданова, вызвал попытку созданія “Совѣтов трудовой интеллигенціи”. Инициатива вышла из кругов “демократических групп” комитета Общ. Орг. Был создан в Москвѣ (в маѣ) даже съѣзд подобных организацій, на который прибыло довольно много людей из провинціи, представлявших около сотни организацій. На Московском Государ. Совѣщ. д-р Жбанков оглашал резолюціи от имени Совѣтов в Москвѣ, Петербургѣ, Киевѣ, Харьковѣ, Казани и др., но тѣм не менѣе встрѣченные довольно враждебно в социалистических кругах, как организаціи “буржуазныя” и не поддержанные достаточно общей печатью Совѣты трудовой интеллигенціи не получили большого распространенія... Только в одной Москвѣ, гдѣ приняли участіе народные социалисты, Совѣт занял болѣе или менѣе видное положеніе. Дѣятельность его в Петербургѣ не имѣла себѣ откликов.

тели (его называли “мозгом революции”) будет квалифицировать первый официальный съезд советов (в июнь) “полномочным парламентом революционной демократии”, а лидер соц.-рев. Чернов пойдет дальше и назовет съезд советской демократии “нашим учредительным собранием”.

Народные социалисты были чужды этому своего рода “советскому психозу” и не потому, что представители радикальной интеллигенции, вошедшие в партию, как пытается утверждать автор “рождения революционной России”, принадлежали к группам “промежуточной между буржуазной и социалистической” — идеологически последовательные социалисты (правда, не по формулам Интернационала), обосновывавшие свою догму не на стихийной борьбе классов и выдвигавшие интересы человеческой личности на первый план, вожди партии видели в советском принципе нарушение демократических заветов, угрожающее народовластью и органу его выражающему, т. е. Учредительному Собранию. И не только грядущему Учр. Собранию, но и стоявшему в ближайшей очереди демократическому общественному самоуправлению (своим параллелизмом). Поэтому, не игнорируя советы, как революционные организации, стихийно созданные жизнью, партия оставалась к ним холодной и относилась с осторожностью: когда сконструировался окончательно Петербургский Исп. Комитет, в нем не оказалось представителей народных социалистов — Станкевич (тогда трудовик) отмечает, что Мякотин и Пышехов, т. е. признанные вожди партии, “старательно подчеркивали свою чужеродность”. Это ставило партию как бы вне советской общности. Вероятно, такую позицию надо признать тактической ошибкой, ибо партия лишалась возможности своей интеллектуальной силой оказывать непосредственное влияние. Но больше серьезной тактической ошибкой являлся отказ возглавить инициативу возрождения в середине марта старого крестьянского союза — наследия того же 1905 года. Отказ мотивировался нежеланием дробить революционные силы. Произошло как раз обратное тому, что рассказывает в своих воспоминаниях Суханов о “попытках” захватить Крестьянский Союз группой радикальной интеллигенции, руководившей Союзом в 1905 г. и не желавшей теперь контакта с Советом Крестьян. Деп. Крестьянский Союз должен был возникнуть, как постоянная организация, а не по типу временных соединений для “политико-революционной борьбы” в схеме советской организации. Он все-таки возник, попал в руки людей больше или меньше случайных и неопределенных по своей общественной позиции, и не получил широкого распространения. Между тем при больше авторитетном руководстве он мог не только иметь умбрюющее значение в противовес крестьянским советам, попавшим в орбиту партии с.-р.*), но и сыграть самостоятельную, значительную роль при выборах в Учр. Собрание.

Мы вкратце остановились на народных социалистах, потому что в дни мартовской общности только эта группа могла выступить, как организующая единица. Впоследствии вне советской общности оказалась плехановская группа (сам Плеханов был избран же-

лѣзнодорожниками в Совет, но представители группы “Единство” не были допущены), равно как вне ее были, в сущности, так называемые соц.-дем. “оборонцы”, руководителем которых слѣдует признать одного из наиболее выдающихся идеологов и марксистских публицистов Потресова. К этим общественным подразделениям социалистического характера надо отнести и “трудовиков”, выступавших послѣ революции в качестве самостоятельной единицы. Назвать “трудовиков” партией в точном смыслѣ слова нельзя было, ибо эта группа — скорѣе своеобразный политический блок, рожденный в бытовых условиях думской работы — в сущности не имѣла еще своей цѣльной и разработанной идеологической программы и тактики, — ее думскій лидер Керенскій официально числился в рядах соц.-революционеров. Народнический отбѣнок трудовой группы естественно толкал ее на соединеніе с народными социалистами. Это соединеніе и произошло в концѣ іюня не без грѣшн, ибо у этих политических группировок было в первое время разное политическое воспріятіе революціи. Трудовики оказались болѣе радикальны в программных требованіях*) и болѣе эластичны в тактикѣ, приравнивая ее в основных линіях к фронту “советской демократіи”, в дѣлах которой центр принимал живое участіе, составляя ее “правое” крыло: в петроградскій Исп. Ком. входили Чайковскій, Брамсон и Станкевич.

Все указанные группировки могли создать единый общественный фронт, к которому должны были присоединиться выдѣлившіеся, в концѣ концов, в самостоятельную группу “воленародцы” из партии соц.-революционеров. Медленно происходившая в процессѣ революціи дифференцировка партийных группировок ко благу страны была бы ускорена, если бы революціонное правительство с перваго дня родилось в коалиціонной тогѣ. Все попытки сохраненія единого революціоннаго фронта, — соединить разнородные элементы в единой партии с.-р. и — перекинуть мостик к двуединой уже социалдемократіи — имѣли пагубный результат уже потому, что дѣлали безплодной идейную и практическую борьбу с большевизмом, порождая сумятицу в умѣ неиспытаннаго в партийных тонкостях “простолудина”**). Что было общаго между будущим лѣвым с.-р. Мстиславским и Бунаковым-Фондаминским, объединившимся в одном партийном органѣ? Что было общаго между Черновым, как двѣ капли воды, похожим на Ленина, наряженнаго в “селянскій” костюм, и Авксентьевым, вошедшим в одно коалиціонное правительство? Только то, что нѣкогда и Потресов с Лениным сидѣли за одним партийным столом, объединяло этих общественных антиподов. Ясное расчлененіе противостественных политических соединеній и способствовало бы выявленію того подлиннаго “коллективнаго ума”, который по слову культурнѣйшаго апостола анархизма Кропоткина необходим в революціи, — когда-то в своей “Анархіи” он писал: “вся исторія нам говорит, что никогда еще люди, выброшенные революціонной волной в правительство, не были на высотѣ положенія”. При на-

*) Напр., в вопросѣ о національном самоопредѣленіи народностей Россіи «вплоть до отдѣленія», между тѣм как народные социалисты были строгими федералистами по областному принципу.

**) Сами большевики были противниками этого «объединительнаго угара».

*) «Дѣло Народа» впоследствии с откровенностью признавало Советы Кр. Деп. эс-эровской организаціей.

строениях мартовских дней, сказавшихся даже на эволюции большевицкой "Правды", существование договорившагося социалистического блока привлекало бы к себе людей, и это не дало бы возможности родиться противоестественному явлению, когда партия соц.-рев., по злому, современному замѣчанію Потресова, разбухла в первые месяцы революции до разѣвров грандиознаго*). Соглашение с демократическими элементами партии к. д. могло бы дать прочную основу для тактического блока и с ценовыми элементами, или по другой терминологии с буржуазией, без активного участия которой в революционном процессе при неизбежном экономическом кризисе в стране, которая переживала политический и социальный катаклизм во время войны, социальсты могли дать, как выразился позже в заседании Московского совета меньшевик Исук, "лишь уравнилельный голод". Вопреки здорому политическому расчету жизнь пошла не по этому пути и превратила в дни существования первого революционного правительства одну партию народной свободы в партию как бы "правительственную".

2. — "Правительственная партия".

Съездом "правительственной партии" и называли некоторые газеты (напр., "Бирж. Вѣд.") собравшийся в капун марта в Петербургѣ съезд партии народной свободы. По существу это было не совсем так уже потому, что, по признанию Набокова, самым влиятельным лицом в Правительстве был Керенский, которого поддерживало большинство министров. Наблюдавший Правительство в "контактных" заседаниях Суханов говорит, что "лѣвая семерка" — в составѣ обоих Львовых, Керенскаго, Некрасова, Терещенко, Коновалова и Годнева**) почти всегда была в "оппозиции" к Милюкову, которого демократический "День" называл позже "злым гением" революции. Следовательно, трудно назвать первый период революции "милюковским", как это часто дѣлается в литературе, и видѣть в лидерѣ к.-д. "фактического главу" Врем. Правительства первого состава. Поскольку с первым периодом связан пафос революции, он ярче выражался в личности Керенскаго***). Но во вѣд Временное Правительство представлялось правительством "ценовым". Так как правая общественность исчезла с поверхности общественной жизни, то партия к.-д. тѣм самым становилась выразительницей буржуазных настроений, противопоставляемых советской демократии. Это была одна из аномалий на зарѣ обновленной жизни страны, искажившая демократический облик заслуженной партией русской интеллигенции. В "страшной и красивой грозѣ, в которой пришел новый строй" (слова Милюкова на съездѣ) "надклассовая" партия с компромиссными традициями прогрессивнаго блока не могла уже выполнять функции

*) Московская газета "Власть Народа" фельетонным пером Ангаровой, непосредственно наблюдавшей первый съезд партии с.-р., дала такую, несколько карикатурную характеристику того агломерата, который представляла собою партия: «крайне правая, просто правая, правая, примыкавшая к центру, центр, сѣвка еще два центра, правый и лѣвый, и такой же пологий скат совсем влево».

**) Массонское ядро? См. «На путях к дворцовому перевороту».

***) Керенский и был выбран 21-го замѣстителем председателя правительства по случаю его отсутствия.

"арбитра" — этого тогда не хотѣл понять общепризнанный глава партии*).

Партия к.-д. была противопоставлена демократии, хотя первый ее съезд послѣ революціоннаго переворота пытался перебросить мост к советским элементам. Он осторожно подошел к вопросу о двоевластии. "Велика заслуга петроградскаго Совета Р. и С. Д. в революционные дни, — говорил докладчик по тактическим вопросам Винавер, — но, к сожалѣнію, он вышел за предѣлы своих функций. Создалась опасность многовластия, опасность чрезвычайно грозная". — Совет не должен издавать распоряжений, имѣющих характер правительственных актов. Но член Правительства Некрасов тут же опасения Винавера сводил на нѣтъ, говоря о "так называемом двоевластии" и представляя это "двоевластие" естественным выводом "революціонной психологии". — не для того же свергнут один самодержец, чтобы создать таких 12**). Советам на съездѣ было произнесено много комплиментов. Так сам Милюков признавал, что, "если бы не было товарищей съѣзда, никакія наши предпідія не помогли бы свергнуть самодержавіе". Поэтому резолюція съѣзда лишь инсказательно и туманно намекала на двоевластие. Она говорила: "Пріостановленіе нормальной функции народнаго представительства не требует организации на иных началах общественной мнѣии, освѣдомляющаго Правительство и выражающаго отношеніе общества к мѣропріятіям и общему направленію дѣятельности Врем. Правительства. Однако, организации, существующія и могущія для этой цѣли возникнуть, должны оставаться в предѣлах указанных цѣлей и не претендовать на функции власти исполнительно, вводя населеніе в соблазн многовластия, вреднаго, как для вышней обороны, так и для укрѣпленія новаго строя..."***).

Комплименты "истинным представителям революции" были, конечно, в значительной степени тактическими приемами, так как съезд переходил на республиканскіе рельсы****). Рѣшеніе это было принято Цент. Ком. партии уже 11-го марта, — съезд должен был провозгласить ту самую "демократическую парламентскую республику", к которой так отрицательно относился Милюков. Дух времени требовал та-

*) Была сдѣлана в началѣ апрѣля малоавторитетная и малоудачная попытка создать особую «республиканско-демократическую» партию, которая могла бы явиться организующим центром для оказавшейся «за бортом», по выраженію дневника Гипіус, «интеллигенции». Партию возглавили члены Думы Барышников, Димитрюков, прис. пов. Моргуліес, сен. Иванов и др. Ея лозунгом была «федеративная республика».

**) За нѣсколько дней до съѣзда в Москвѣ в «Комитетѣ Общ. Организаций», Некрасов еще опредѣленнѣе протестовал против «легенды» о «каком-то плѣненіи Правительства...» И Врем. Правит. и Совет Р. Д. — говорил министр, — свято блюдут свою связь и единеніе, закрѣпленныя уже в двух декларациях».

***) Насколько затушевывался на съездѣ вопрос о двоевластии, показывает тот характерный факт, что в отчетѣ «Рус. Вѣд.» — газетѣ почти партийной, — о съездѣ вообще нѣтъ изложенія доклада Винавера.

****) Комплиментами злоупотребляли и пріучили тѣм самым советскую рядовую массу смотрѣть на себя, как на единственное представительство «революціоннаго народа», — как к «истинным представителям революціоннаго народа» — обратились 24-го к Совету представители еврейской организации члены Гос. Думы к.-д. Фридман и извѣстный адвокат Грузенберг.

кого рѣшенія. “Бурю рукоплесканій” вызывали на обывательских митингах слова: “пусть партія к.-д. похоронит § 19 своей программы в той же могилѣ, гдѣ похоронено самодержавіе”. И партія сѣдѣла с этими похоронами. Если старый Петрункевич, не присутствовавшій на сѣздѣ и присоединившій заочно свой голос за демократическую республику писал: “монархія морально скончила самоубійством и не нам оживлять ее”, то официальный докладчик на сѣздѣ Кокошкин обосновал новое положеніе аргументами другого свойства и нѣсколько странными для государствовѣда: населеніе не нуждается больше в монархическом символѣ — “во время войны оказалось, что нельзя быть за царя и отечество, так как монархія стала против отечества”^{*)}). Кн. Евг. Трубецкой говорил о “единой національной волѣ”, диктующей новую форму правленія. Резолюція о республикѣ была принята *единогласно* — к ней не только присоединился Миллюков, но и “глубоко” радовался государственному мудрому рѣшенію о формѣ правленія, ставясь в рѣзкое противорѣчіе с пророческой “проникновенной рѣчью” на Милліонной 3 марта, обрекавшей Россію без монархіи “на гибель и разложеніе”. Так быстро шло приспособленіе к окружающей политической атмосферѣ. Можно признать, что в нормальных политических условиях форма правленія сама по себѣ еще не служит мѣрилом демократизма и в партійных программах подчас является вопросом не столько принципиальным, сколько тактическим. Сѣзд к.-д. стоял перед неизбѣжным распадом партій, если бы принял монархическую ориентацію... Мы имѣли уже случай убѣдиться, что настроенія в партіи далеко не соответствовали позиціи, которую пытался занять Миллюков в первые дни революціи^{**)}). Еще раз эти настроенія подчеркнул Кизеветтер, привѣтствуя 9-го апрѣля пріѣхавшаго в Москву послѣ сѣзда Миллюкова. Он отмѣчал значительную роль, сыгранную лидером партіи в переворотѣ, по роль именно революціонную, которая опредѣлялась думской рѣчью 1-го ноября 1916 г. о германофильской партіи Царицы. И... тѣм не менѣе единогласіе в признаніи республики выраженіем “единой національной воли” останавливает на себѣ вниманіе. Конечно, требовалось извѣстное гражданское мужество для того, чтобы пойти против течения и открыто заявить в революціонное время о своем монархизмѣ, который естественно воспринимался лишь в формах легитимных. Между тѣм публичное исповѣданіе убѣжденій, шедших в разрѣз с настроеніем улицы, могло содѣйствовать оздоровленію политической атмосферы и смягчать революціонную нетерпимость к инакомыслящим. Формальное декларированіе “прав человека-гражданина” далеко еще не означает осуществленіе подлинной политической свободы. Русская революція не представляла исключенія. Россія была лишь на порогѣ того “храма свободы”, о котором говорила ветеран русской революціи Брешко-Брешковская в привѣтствіи, обращенном к Со-

вѣщенію Совѣтов. Гражданскаго мужества политическіе дѣятели, убѣжденные в цѣлесообразности конституціонной монархіи, не проявили^{*)}). В демократических кругах республиканское единодушіе “цензовой общественности” склонны были считать вышним флером, навѣянным моментом, который и нововременцев превращал в “республиканцев”. Миллюкову много раз приходилось опровергать “вздор”, заключающійся в утвержденіи, что партія к.-д. оставалась по существу конституціонно-монархической: “мы совершенные и вѣрные республиканцы. С конституціонной монархіей покончила революція”, — категорически заявлял лидер партіи^{**)}).

На седьмом сѣздѣ партіи к. д. можно отмѣтить и еще нѣкоторыя черты, характеризующія тенденцію перебросить мост к революціонной демократіи. Винавер в докладѣ по тактическим вопросам считал основной задачей партіи в данный момент отпор “контр-революціонным силам”, которыя могут во имя стараго посягать на новый строй... Его докладчик Шаховской предлагал дать директору Ц. К. “искать соглашеніе налѣво”, “наших сосѣдей справа, мы можем на первых порах оставить”, т. е., ликвидировать прогрессивный блок. Некрасов попытался дать директиву Ц. К. и в области социальной. Только путем социальных реформ — говорил он — можно “обойтись... без социальной революціи”: “меньше всего можно говорить — сначала политика, а затѣм социальные вопросы. Старый режим путем этого лозунга привел нас к революціи”. “Вдохновенныя слова” Некрасова, по отзыву “Рус. Вѣд.”, были встрѣчены шумным одобреніем. Но они не превратились в директиву и не сдѣлались постулатом текущей

^{*)} Позже была сдѣлана попытка, не вышедшая из стадіи предварительной, создать “либеральную” (т. е., монархическую) партію, для переговоров о созданіи которой, как рассказал Тхоржевскій в некрологѣ, посвященном в “Возрожденіи” Гучкову, послѣдній ѣздил к Кривошеину. Как свидѣтельствует сохранившійся документ Родзянки был сдѣлан с этой цѣлью денежный взнос из “экономическаго фонда”, созданнаго торгово промышленной и банковской средой, но формально эта монархическая партія должна была защищать “республиканскія либеральныя идеи”. Так освѣдомило Пет. Тел. Аг. о засѣданіи Центр. Ком. «Союза 17 октября», на котором Гучков дѣлал соответствующій доклад. В мартовскіе дни один старообразцы в Москвѣ 14 марта рѣшились высказаться за парламентскую монархію, да орган чешских націоналистов в Кіевѣ — «Славянскія Вѣсти» высказал увѣренность, что Учр. Собр. пожелает имѣть царя.

^{**)} Этот «вздор» снова превратился в дѣйствительность через год, когда именно Миллюковым было вновь поднято знамя легитимной монархіи. «Вздор» и для 17 года оставался реальностью. Бьюкенен рассказывает, что за завтраком, данным Терещенко в честь пріѣхавшаго в Россію Гендерсона, Маклаков вызвал негодованіе Керенскаго заявленіем, что он «всегда был монархистом». Суть в том, что подобныя заявленія не выходили за предѣлы интимных трапез и бесѣд. Во вѣѣ говорилось иное. Маклаков принадлежал к числу виднѣйших представителей партіи, стоя на ея правом флангѣ. В том докладѣ 31 марта в Москвѣ, о котором уже приходилось упоминать (доклад был сдѣлан в партійной средѣ, но публичный отчет о нем был напечатан в “Рус. Вѣд.”), Маклаков, убѣжденный конституціоналист-монархист, подчеркивал, однако, моральное значеніе именно республики. Говоря о германской опасности, нависшей над Россіей, Маклаков заявлял, что предпочтительнее в случаѣ, если опасность эта осуществится, видѣть «мицію поработеннаго Россію... имперіей, а не республикой!». Будущія поколѣнія проклянут чика на счет волюной передачи газетнаго репортажа.

^{*)} Кокошкин перефразировал лишь слова Маклакова в Гос. Думѣ 3 ноября 16 года: «старый режим и интересы Россіи теперь разошлись, и перед министрами стоит вопрос: служить режиму и служить Россіи невозможно, как служить Мамонѣ и Богу».

^{**)} Отсюда ясна поправка, которую надо сдѣлать к словам, напримѣр, Пасманика, что Миллюков в мартовскіе дни отказался от монархіи «под давленіем уличной толпы».

политики, хотя в первом своем воззвании послѣ переворота, 3 марта, партія широкоушительно говорила, что “новая власть первѣйшей заботой своей сѣдуетъ обезпеченіе рабочих и крестьян”. Дѣло на съѣздѣ сграницилось академическимъ разсужденіемъ на тему о лозунгахъ в духѣ англійскаго фабианскаго эволюціоннаго социализма и столь же теоретическими разсужденіями в печати будущаго “соціалиста” Изгоева на тему о близости социалистическихъ идей партіи. Аграрный вопросъ былъ отнесенъ на слѣдующій партійный съѣздъ. Партія народной свободы не сѣдѣла с разрѣшеніемъ социальныхъ вопросовъ: в резолюціи Ц.К. 11 марта, в которой провозглашался республиканскій принципъ, говорилось, что аграрный вопросъ подлежитъ разрѣшенію *послѣ войны*. Лидеры партіи настойчиво затѣмъ проводили в своихъ публичныхъ выступленіяхъ мысль о недопустимости социальныхъ реформъ до Учред. Собранія. Революціонная романтика, проявившаяся в настроеніяхъ съѣзда, настолько не встрѣчала уже сочувствія, что авторъ первой исторіи революціи впоследствии даже не упомянулъ в своемъ текстѣ о съѣздѣ, протоколы котораго даютъ, однако, яркій документъ для характеристики эпохи, когда еще свѣтило “солнце мартовской революціи”.

3. — М и р а ж І V Д у м ы.

То, что могло быть, не относится къ вѣдѣнію описательной исторіи. Социалистическія наблюденія ведутъ насъ уже в область “философіи исторіи”. Неписанная конституція, установленная жизнью, замѣнила юридическую концепцію, данную актомъ отреченія 3 марта, фактически иной конструкціей власти. Самодержавіе “12-ти” контролировалось Совѣтомъ посредствомъ контактной комиссіи. “Цензовая общественность” — “единственно организованная” в дни формированія Временнаго Правительства — черезъ короткій промежутокъ оказалась хуже организованной, нежели демократія социалистическая. Предположенія докладчика по организационному вопросу на Совѣщаніи Совѣтовъ Богданова совершенно не оправдались. Ему казалось, что “цензовые элементы... в стадіи революціи группируются и осѣдаютъ” на мѣстахъ в исполнительныхъ комитетахъ общественныхъ организаций. В дѣйствительности общественные комитеты умирали естественной смертью по мѣрѣ того, какъ дифференцировались элементы, в нихъ входившіе — эти объединенные комитеты никогда не были представительствомъ “цензовой общественности”. Если бы “цензовая общественность” в мартѣ сорганизовалась в нѣчто подобное тому, что представлялъ собой впоследствии московскій совѣтъ общественныхъ дѣятелей, его представители могли бы войти в “контактную комиссію” на тѣхъ же условіяхъ, что и представители совѣтскіе.

Временный Комитетъ Гос. Думы, поскольку онъ находился внѣ этой организованной общественности, не могъ служить противовѣсомъ “давленію” и “контролю” надъ правительствомъ со стороны совѣтской демократіи. Милоковъ говоритъ, что члены Времен. Комитета “обыкновенно” участвовали во всѣхъ важнѣйшихъ совѣщаніяхъ Правительства с делегатами Совѣта для того, чтобы уравновѣсить “давленіе” и “контроль” Совѣта надъ Правительствомъ. О томъ же упоминаетъ Сухановъ. Оба истори-

ка-мемуариста обобщили факты. Совмѣстный заведеніе никакихъ слѣдовъ не оставили — повидимому комбинированное совѣщаніе было созвано два раза в апрѣлѣ в связи с осложненіями, возникшими вокругъ “займа свободы” и ноты Правительства по внѣшней политикѣ*). От насъ пока ускользаетъ повседневная практика в отношеніяхъ между Правительствомъ и Временнымъ Комитетомъ, ибо протоколовъ заведеній послѣднѣяго не имѣемъ (кроме отдѣльныхъ эпизодическихъ выписокъ). Изъ протеста Родзянко, посланнаго кн. Львову 17 марта по поводу телеграфнаго распоряженія министра земледѣлія Шингарева о реквизиціи хлѣба у земледѣльцевъ, посѣвная площадь которыхъ превышала 50 десятин**), явствуетъ, что между Правительствомъ и Временнымъ Комитетомъ существовало опредѣленное соглашеніе, по которому Временный Комитетъ долженъ былъ осведомляться о важнѣйшихъ рѣшеніяхъ Правительства. Родзянко, настаивая на немедленной отлѣнѣ распоряженія министра земледѣлія и на передачѣ вопроса “на разрѣшеніе мѣстныхъ компетентныхъ учреждений, которыя могли бы разрѣшить его не на основаніи теоретическихъ соображеній”, в заключеніе выражалъ сожалѣніе, что “указанныя мѣры были приняты Врем. Правит. безъ предувѣдомленія о нихъ Временнаго Комитета вопреки состоявшемуся соглашенію и надѣялся, что Врем. Правит. “впрелѣ не откажется придерживаться порядка, установленнаго по взаимному соглашенію его с Врем. Ком. Гос. Думы”.

Это соглашеніе было уже прошлымъ, которое при осложнившихся отношеніяхъ политическихъ группъ не отиѣчало уже ни потребностямъ момента, ни психологіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Поэтому “Государственная Дума” и оказалась “не подходящимъ средствомъ для того, чтобы раздѣлѣть контроль надъ Правительствомъ” (слова Милокова в “Исторіи”). В дни правительственнаго кризиса мысль невольно обратилась к фактическому первоисточнику власти, т. е., к первичному соглашенію Временнаго Комитета и Совѣта. Другого формальнаго выхода просто не было. Политическая роль Врем. Комитета в эти дни была и его лебединой пѣсней, поскольку значеніе этого учрежденія, рожденнаго революціей, опредѣлялось мартовскимъ “соглашеніемъ”. Набоковъ разсказываетъ, что в позднѣйшей бесѣдѣ с Милоковымъ (онъ относитъ ее к апрѣлю 18 г.) ему пришлось коснуться вопроса — была ли “возможность предотвратить катастрофу, если бы Временное Правительство оперлось на Государ. Думу” и не допустило политической роли Совѣта. По мнѣнію мемуариста, эта возможность была “чисто теоретическая”. Милоковъ держался иной точки зрѣнія и считалъ, что моментъ былъ упущенъ. Такимъ образомъ заднимъ числомъ Милоковъ присоединялся къ неосуществившимся проектамъ Родзянко и Гучкова.

Впоследствии самъ Милоковъ охарактеризовалъ достаточно опредѣленно всю иллюзорность такого плана, назвавъ в эмигрантской полемикѣ с Гурко Государственную Думу послѣ революціи “пустымъ мѣстомъ”.

*) На майскомъ съѣздѣ партіи к. д. Шаховской выступилъ с проектомъ созданія при Правительствѣ постояннаго Государственнаго совѣщанія изъ представителей Совѣтовъ и всѣхъ четырехъ Государственныхъ Думъ.

**) Мѣра эта была принята в соотвѣтствіи с рѣшеніемъ Продовольственнаго Совѣщанія и разсматривалась, какъ частичное осуществленіе государственной хлѣбной монополіи, на которой настаивалъ Совѣтъ.

Петрудно установить момент, с которого лидер партии народной свободы в 17 г. изменил свой взгляд на роль, которую может сыграть Государственная Дума в революционное время — это был день, когда Миллюков, покинув ряды Врем. Правительства, впервые, по словам Бубликова, появился на частном совещании членов Думы и стал определять свое отношение к коалиционному правительству уже в соответствии со “знаменитой формулой” Совета: “постолько-поскольку”^{*)}). Это был день, когда Миллюков, по мнению Палеолога, впервые заколебался в своем оптимизме относительно исхода революции.

Можно отметить в дальнейшем усиливающуюся в среде “дезвой общественности” тенденцию гальванизировать “политический труп”, как выразился депутат Бубликов в одном из ранних “весенних” газетных интервью. 2 июня Родзянко обратился ко всем членам Думы с письмом, в котором просил их “выбравшись из Петрограда только в исключительных случаях, а отсутствующих — принять меры к возвращению в Петроград”. “Политические события текущего времени — писал Родзянко — требуют, чтобы гг. члены Гос. Думы были наготове и на месте, так как, когда и в какой момент их присутствие может оказаться совершенно необходимым, установить невозможно. Эти обстоятельства могут наступить внезапно...” В июльские дни после краха той генеральной репетиции октябрьского переворота, которую пытались устроить большевики, в частном совещании Думы заговорили и больше определенно. Открыто высказался за созыв Думы, которая должна превратиться в организующий центр, депутат Масленников: “Стыдно Гос. Думе сидеть где-то на заговорах. Пора Гос. Думе, которая возглавила революцию, нести и ответственность за нее...”. Депутат просил председателя “вызвать всех членов Гос. Думы не на частное и полуполное заседание, а на настоящее заседание Гос. Думы”, и потребовать, чтобы сюда явилось все правительство в полном составе и доложило бы о состоянии страны. Тогда Гос. Дума укажет этому правительству, что делать, и как это правительство поправить и зачистить^{**)}. “Да здравствует Государственная Дума, единственный орган, способный спасти Россию” — провозглашал Пуршквич. Чтобы избежать “черных дней” контр-революции, когда остервенелый народ взбунтуется против того, кто обманул его ожидания, нужно, чтобы “Гос. Дума, к которой неслись все народные чаяния и любовь народа, заговорила громко... и властно”. Миллюков, выражавший в большей степени настроение недовольного демократического крыла партии к. д., тактически был больше осторожен. Признавая “юридическое положение”, установленное актом 31-го марта, “недостаточно ясным”, он считал, что Дума была права, “сохраняя себя про запас”, и не усложняла положения “выходом” на первый план, пока правительство было “сильно, общепризнано и имело всенародную поддержку”. Но “я должен сказать, что я представляю собой момент, когда Гос. Дума

может сыграть роль и в лице ее временного комитета и в лице, может быть, самой себя, как учреждения. Это в том случае, когда власть временного правительства не только лишится всенародного признания, которого оно, по моему “мнению, уже лишилось сейчас, но и потеряет всякий авторитет...” В заключение Родзянко, принципиально соглашаясь с мотивами Масленникова, полагал, что поднимать этот вопрос в настоящее время еще не следует: “Я принадлежу к тем из вас, которые уже давно разделяют точку зрения члена Думы Масленникова, но я согласен с Миллюковым, что еще не настал тот исключительный момент, когда Гос. Дума, как таковая, должна быть созвана”.

Именно эта тенденция возстановить Думу, как государственно-правовое учреждение, а вовсе не то, что Временный Комитет делал доклады на частных совещаниях членов Гос. Думы, вызвала “раздражение” революционной демократии^{*)}). Уже июньское циркулярное письмо Родзянко вызвало резолюцию собиравшегося в начале июня съезда Советов против попытки группы бывших членов Гос. Думы выступить от имени Гос. Думы и, “используя положение, занятое ею в первые дни революции”, “стать центром для собрания сил, действующих против революции и демократии”. Резолюция устанавливала, что “революция, разрушив основы старого режима”, упразднила Гос. Думу и Гос. Совет, как органы законной власти и лишила их лично состояния звания, дарованного им старым порядком и полагала, что “в дальнейшем отпущ средств на содержание и функционирование Гос. Думы и Гос. Совета, как законодательных учреждений, должен быть Врем. Правит. прекращен”, и что “все выступления бывших членов Гос. Думы и Гос. Совета являются выступлениями частных групп граждан свободной России, никакими полномочиями не облеченных”. На съезде вопрос о Думе был поставлен по инициативе большевиков, требовавших “немедленного и окончательного упразднения Гос. Думы и Гос. Совета”. Безспорно, большевики — и не всегда только большевики — были склонны раздувать в демагогических целях “контр-революционную” опасность, но в данном случае созыв в дни революции старой Думы в ее пользу, Думы по закону 3 июля 1907 г., “безстыжому по пренебрежению к интересам народа” — так характеризовал его в докладе на съезде Советов председатель Чр. Сл. Комиссии Муравьев^{**)}) — действительно становился в глазах демократии символом той контр-революции, борьбу с которой ставил основной своей задачей мартовский съезд партии к. д. И не только мартовский: на следующем съезде партии в мае, когда докладчиком о текущем политическом моменте выступал сам Миллюков, отмечались “течения контр-революционные”, пытающиеся “под влиянием испуга” вернуть революцию назад^{***)}). Сказалась ли здесь только “манья”, толь-

*) Так в «Истории» представлено Миллюковым. Он говорит: «даже такая скромная роль Гос. Думы» вызвала раздражение.

**) Дело было не только в неудовлетворительности самого «закона». Общим мнением было, что правительство в свое время «аранжировало в широком масштабе выборы» (заявление Миллюкова в той же муравьевской комиссии); Дума, искусственно подобранная, представляла собой «картинную декорацию», а не законодательное собрание.

***) В «Истории» Миллюков говорит о «несуществовавшей» тогда к.-р. опасности.

*) Собственные слова Миллюкова на частном совещании членов Думы 4 мая; что здесь не было обмолвки, показывает выступление Некрасова на майском съезде к. д., призывавшего отказаться от такой позиции партии.

**) Масленников доказывал, что назначение правительства принадлежит только Думе.

ко сознательное злоупотребление “призраком”, который в разной степени захватывал круги социалистические и “пензовые”, поскольку последние были связаны с революцией? Реальные опасения революционной демократии в отношении к Гос. Думе во всяком случае не были только “призраком”: Гучков впоследствии рассказал (в посмертных воспоминаниях), как он пытался организовать “кадры для похода на Москву и Петербург” под флагом Думы, а Деникин сообщает, что Пуришкевич носился с идеей переезда Гос. Думы на донскую территорию для организации противодействия Временному Правительству.

4. — В ожидании Учредительного Собрания.

Мы заглянули уже в будущее. При таком ретроспективном обозрении прошлого, вышедшего из-под пера современников событий, никогда не надо забывать, что описанное, поскольку речь идет о мартовских буднях, принадлежит к другой уже странице в истории революции. Тогда в сущности вопрос шел о коротком промежутке времени до созыва Учредительного Собрания, в период которого надо было осуществить полумеры, удовлетворившие бы жажду народного нетерпения и противодействовавшие бы социальной демагогии. Когда наступал срок обязательства, принятого Временным Правительством и “закрепленного присягой”? Его никто вполне не пытался установить. В каком то сравнительно отдаленном времени рисовался этот созыв председателю Временного Комитета в момент его переговоров с генералами на фронте в ночь на 2-ое марта. Французский посол утверждает, что на высказанное им сомнение о возможности созыва У. С. во время войны, Милюков в беседе с ним доверительно сказал, что он старается не принимать никаких обязательств относительно точной даты выборов. Набоков — тот самый Набоков, под руководством которого был выработан несовершеннейший избирательный закон — считал, как мы видим, подлинной трагедией созыв Учр. Собрания во время войны (какой это символ для Врем. Правит.!). Так было за правительственными кулисами. Открыто общественная мысль усвояла другое — мысль о созыве Учр. Собр. в самое ближайшее время, 4 марта в Москве происходит собрание деятелей земского и городского союзов, на котором обсуждается воззвание к населению. Видные кадеты Кизеветтер, Котляревский, Тесленко с горячностью возражают на “оборонческие” взгляды представителей “демократии” и доказывают, что вопрос о войне нельзя откладывать до Учр. Собрания, которое соберется через “1-2 месяца” (!). Подготовка к созыву Учр. Собр. пачнется — уверял Керенский в Москве 7 марта — в “ближайшие дни”. 13 марта представители Совета настаивали перед Правительством на скорейшем созыве Учр. Собрания. Правительство в ответ заявило, что срок созыва “должен быть возможно ближе”, “война ни в каком случае не может помешать созыву Учр. Собрания”, — “разгар военных действий” может лишь “задержать открытие заседания У. С.”. “Во всяком случае *предельным сроком* У. С., по предположению Врем. Прав. является середина лета”. Представители Совета находили, что этот срок представляется “слишком отдаленным”. Созыв У. С. откладывался, и наблюдательный французский

журналист Annet, имевший постоянные частные разговоры с ответственными политическими деятелями, спешил информировать общественное мнение во Франции, что загадочное Учредительное Собрание отложено *ad calendos grecos*. В действительности лишь постановление об образовании Особого Совещания по выработке закона о выборах в У. С., было вынесено Вр. Правительством к концу марта (25-го). “Вещь совершенно неосуществимая” созвать У. С. через 2-3 месяца — компетентно разъяснял Кокошкин на съезде к. д. Так можно было решать “с жаром”, “не отдавая себя отчета” объяснял, в свою очередь, докладчик по Учр. Собранию в Совещании Советов Станкевич. Ближайший срок — это сентябрь. Милюков в “Истории” поясняет, что созыв У. С. “не мог состояться до введения на местах новых демократических органов самоуправления” *).

С другой стороны, “хотя Правительство обязалось также привлечь к выборам и армию, но у первого состава Врем. Пр. — продолжает Милюков — сложилось убеждение, что это можно лишь в момент затишья военных операций, т. е. не раньше поздней осени”. Все сознавали, что произвести выборы в Учр. Собр. без участия армии, фактически невозможно. “Где вы найдете такую силу, которая решилась бы устранить от участия в выборах в У. С. ту стихию, которая нам создала и обеспечивает самый созыв этого Собрания”, говорил докладчик в Совещании Советов. Вместе с тем производить выборы в “боевой обстановке”, когда невозможна претвыборная кампания (дневник ген. Селивачева 10 марта) казалось ненормальным, и с фронта действительно поступали депутатам, объясжавшим действующую армию отдельные ходатайства об отложении выборов даже “до окончания войны” в виду невозможности агитации. Однако, и созыв юридического “Особого Совещания” затормозился. Милюков объясняет задержку тем, что Совет вначале не отвечал на предложение определить численность представителей в Совещании от демократических организаций, потом оспаривали эту численность. Дальше пошла проволочка с посылкой делегатов, и вместо 25-30 апреля, как предполагала юридическая комиссия при Правительстве, работа Совещания так и “не началась” при Временном Правительстве первого состава. Правительственная декларация нового коалиционного кабинета подчеркивала, что все усилия Правительства направлены на скорейший созыв У. С. Но лишь 25 мая было

*) Положение это надо отнести к числу основных демократических требований, настолько прочно вкоренившихся в общественное сознание, что даже в Всер. Цент. Исп. Ком. в последних числах июля был поднят вопрос об отложении выборов в Учр. Собр. в виду отсутствия на местах демократических выбранных органов городского, земского и волостного самоуправления, которым единственно можно доверить производство избирательной работы (доклад Брамсона 29 июля). В революционное время демократический постулат становился предразсудком, ибо правительственная избирательная комиссия в большей степени могла бы гарантировать правильность выборов, чем общественные самоуправления при гипертрофии политики. Выборы в общественные самоуправления в 17 году дали наглядный урок того, как совершенный закон в ненормальное время может приводить к абсурду — при переполнении городов тыловыми военными запасными частями правило, что военные голосуют на общем основании с проживающими на местах в момент составления списков придало городскому самоуправлению резко политический характер, мало соответствовавший местным интересам.

“опубликовано положение” об Особом Совѣщаніи и началась работа Совѣщанія. “Сентябрь”, таким образом, отдавался на ноябрь. В Кіевѣ в Комитетѣ общ. организацій Керенскій мотивировал эту отсрочку другими соображеніями, чѣм тѣ, которыя выдвигали представители “цензурной общественности”, — невозможностью предвыборной кампаніи в разгар сельско-хозяйственных работ.

Так или иначе совершена была величайшая, роковая и непоправимая тактическая ошибка революціи — совершена была и *bona fide* по догматикѣ государствовѣдов и *mala fide* по близоруким соображеніям оттянуть рѣшительный момент в надеждѣ на измѣненіе условий, при которых соберется рѣшающее законодательное учреждение. — Давленіе, которое в этом отношеніи на Врем. Правительство оказывали социальнo-экономическія привилегированныя группы, не подлежит сомнѣнію. В іюльскіе дни послѣ большевickaго выступленія требованіе отсрочки У. С., становится общим мѣстом почти всей тогдашней правой общественности, опредѣленно высказывавшейся в этом отношеніи в частных совѣщаніях членов Гос. Думы. Совѣтъ Союза казачьих войск ходатайствовал перенесеніе Керенским об отсрочкѣ выборов на срок “не ранѣе января” в виду “непрекращающагося на мѣстах большевickaго и анархическаго движенія”, которое дѣлает “совершенно невозможной правильную работу по подготовкѣ выборов”... Миллюков считает (в “Исторіи”) “политическим грѣхом” перваго коалиціоннаго правительства назначеніе выборов в У. С. в явно невозможный срок “в угоду лѣвым социалистам”... Убѣжденіе, что “отложеніе созыва У. С. понизит то настроеніе, которое теперь имѣется”, раздѣляли и в демократических кругах. Эту тезу, между прочим, развил в Совѣщаніи Совѣтов делегат Вологды Сѣров: Настроенія “огромный фактор” и поэтому затягивать созыв У. С. нельзя. Депутат из губерніи с развитой сѣтью кооперативных организацій вмѣстѣ с тѣм с нѣкоторым пессимизмом оцѣнивал революціонныя настроенія современной деревни, откуда война изыкала наиболѣе сознательный элемент. Сѣров виѣлъ главную опасность со стороны деревенской женщины, которая в “большей части до сих пор еще плачет, что нѣтъ на престолѣ Николая Романова: онѣ говорят, что хорошо, чтобы царь, хоть плохенькій, но царь”. Сѣров дѣлал отсюда лишь вывод, что “огромная работа” по строительству “новой деревни” не терпит отлагательства.

Никто, конечно, не мог предвидѣть возможности разгона Учред. Собранія тѣми, кто требованіе скорѣйшаго его созыва превращали в свою агитаціонную платформу. Но не так трудно было предугадать роль, которую в выборах должны были сыграть “истинные представители революціоннаго народа” в Совѣтах. Для докладчика в Совѣщаніи Совѣтов трудовика Станкевича одна сторона вопроса рѣшалась “просто”: “Совѣты Р. и С. Д. — говорил он — не могут на время выборов отказаться от роли наблюденія и контрооля и обезпеченія правильности выборов”). Эта формальная задача представлялась доклад-

чику столь важной, что он боялся усложнить ее другими задачами. Он ставил “под сомнѣніе” возможность для Совѣтов, как выразителей “мнѣнія российской демократіи”, выступить на выборах в У. С. со “своей платформой, платформой *блока* (?) социалистических партій”. Самостоятельное выступленіе “трудно примиримо с функціей контрооля”, нуждается в “соглашеніи” с партіями, что и “сложно и шекотливо”. — Докладчик от имени Исп. Ком. предлагал вопрос не рѣшать, а оставить его “открытым, не связывая свободы мѣстных организацій”... Какой то злой ироніей отзывается тот факт, что рѣшеніе руководителей совѣтскаго центра, отнюдь не склонных удовлетвориться только ролью технических инструкторов в “избирательной кампаніи в Учр. Собраніе, — рѣшеніе в обликѣ двуликаго Януса — должен был обосновывать представитель трудовой группы. Вмѣшательство Совѣтов в избирательную кампанію, наряду с политическими партіями, искажало лишь “волю народа”, ибо фикціи выдавались за дѣйствительность.

Скорѣйшій созыв Учредительнаго Собранія был в интересах всей страны. Подобную мысль в іюльскіе дни в противность петербургским настроеніям высказали в Москвѣ “Русскія Вѣдомости”, “Учредительное Собраніе — писала газета — послѣдняя ставка для тѣх, кто не хочет гражданской войны”... “Если есть мирный выход, то он в Учредительном Собраніи”. Старый, либерально-демократическій орган, очень близкій партіи к. д. по персональному составу своих руководителей в это время, но никогда не терявшій характера “независимаго органа свободной русской общественной мысли” (Розенберг), предпочитал выборы “несовершенные” отсрочкѣ “избирательной кампаніи”. Мнѣ кажется этот вывод совершенно непреложным и в дни перваго революціоннаго Правительства. Быть может, глубоко прав замѣтившій Палеолога на посту французскаго посла в Петербургѣ Нуланс, написавшій в своих воспоминаніях, что Россія избѣгла бы октябрьскаго переворота, если бы не было отложено Учредительное Собраніе. Страна не могла жить мѣсяцами в революціонной лихорадкѣ только в ожиданіи. Каждый день ставил и новыя испытанія “самодержавію” Временнаго Правительства. Жизнь превращала в идеологическій мираж требованія не предвосхищать рѣшеній Учред. Собранія, как “выразителя народной воли”. Такія требованія форжудировал Ц. К. партія народной свободы 6 мая в дни, послѣдовавшіе за апрѣльским правительственным кризисом. Отвлеченность “требованій” настолько была очевидна, что тот же Ц. К. партія в своем заявленіи дѣлал оговорку, сво-

рыя входили в московскій Совѣтъ. Народно-социалистическій список не включался. Это было непоследовательно, потому что в центрѣ народные социалисты так или иначе непосредственно участвовали в «совѣтской работѣ». Представитель партіи (Пѣшихонов) входил в коалиціонное министерство, которое признавалось до извѣстной степени подотчетным Совѣту в своей социалистической части; в этот самый момент происходило объединеніе с трудовиками, входившими в отвѣтственные, центральные органы «совѣтской демократіи» — они были представлены и на закончившемся съѣздѣ совѣтов. В результатѣ московскаго дѣйствія представитель народных социалистов на перманентном митингѣ на Тверском бульварѣ у памятника Пушкина был избит любителями кулачной расправы, отставившими чистоту социалистических риз. Это не вызвало протеста в нѣдрах Совѣта.

*) Еще до Учр. Собр. иллюстрацію будущаго контрооля можно было наблюдать в Москвѣ при выборах в новое городское самоуправленіе. Контроль вывился прежде всего в общественную цензуру. Московскій Совѣтъ объявил «социалистическими избирательные списки лишь тѣх партій, кото-

дящую почти на пѣт принципиальную позицію, когда рѣчь шла о директивах членам, вступающим в коалиціонное министерство: “впредь до созыва” Уч. Собр., партія считала возможным “содѣйствовать проведенію в жизнь всѣх неотложных мѣропріятій” с цѣлью “установленія разумной и цѣлесообразной экономической и финансовой политики, подготовки к земельной реформѣ, направленной к передачѣ земли трудовому земледѣльческому населенію” и т. д. “Неотложныя мѣропріятія”, “разумная и цѣлесообразная экономическая политика” допускали широкое и субъективное толкованіе.

На восьмом съѣздѣ партіи к. д., который происходил в маѣ, т. е. тогда, когда Милюков покинул ряды Правительства и был лично в оппозиціи кабинету, создавшемуся на коалиціонной основѣ, он говорил, что Временное Правительство перваго состава, “созданное Думой и освященное силами революціи, пользовалось непререкаемым авторитетом”. Временное Правительство слишком преувеличивало свою популярность — скажет Родзянко в воспоминаніях; оно видимые признаки единодушія приняло за реальность и это было “зловѣщей иллюзіей” — подведут итоги первые историки революціи. Одно мы можем сказать, революціонное правительство на горе странѣ не сумѣло в значительной степени по собственной винѣ воспользоваться той исключительной популярностью, которую ему дали настроенія “мартовских дней”. — Историк не сможет согласиться с записью в дневникѣ ген. Куропаткина под 18 марта о том, что “авторитет Временнаго Правительства” был “чрезвычайно мал”.

В “Исторіи революціи”, написанной Милюковым в обстановкѣ, казалось бы, недавних переживаній 17-го года, Временное Правительство представляется каким то комитетом по созыву Учредительнаго Собранія: “всѣ его очередныя мѣры были чисто формальныя и подготовительныя. Оно просто готовило условія для свободнаго выраженія народной воли в Учр. Собр., не предпрѣшая по существу, как выразится эта воля относительно всѣх очередных вопросов государственнаго строительства — политических, соціальных, національных и экономических”. Едва ли это соответствовало дѣйствительности, и приходится усомниться в том, что руководящее ядро в Правительствѣ сознательно шло на политическое самоубійство*).

*) Сам Милюков так рѣзко подчеркивающій в историческом обзорѣ, что партія его придавала «громадное значеніе» Учред. Собранію, никогда не создавал себѣ фетиша из органа «высшаго выразителя народной воли» и до революціи относился к нему весьма скептически.

Правые круги, как раз обвиняли Вр. Пр. за то, что оно вышло за предѣлы формальной подготовки созыва Учред. Собранія.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Авдѣев. Первые дни февральской революціи. Прол. Рев. 13.
 Авдѣев. Революція 1917 г. Хроника событій. 1923.
 Алданов. Третье марта. Юбилейный сб. в честь Мялюкова. Париж 1929.
 Александр Михайлович (в. кн.). Книга воспоминаний. Париж 1933 г.
 Алексѣев Н. Рожденіе приказа номер первый. «Возрожденіе» № 2554, 1932 г.
 Алексѣев (ген.). Из дневника Рус. Ист. Арх., т. I.
 Андрей Владимірович (в. кн.). Дневник. Красный Архив XXVI.
 Андреев. Из офицерских писем с фронта в 1917 г. Кр. Арх. L-LI.
 Анэ. La Révolution Russe. Paris 1919.
 Арбатов. Екатеринослав, 1917-22. Арх. Рус. Рев. XII.
 Блок. Послѣдніе дни императорской власти. 1921 г. (переп. в А. Р. Р. IV).
 Болдырев. Из дневника, 1917 г. Кр. Арх. XXIII.
 Борьба за октябрь на Артемшинѣ. Харьков 1929.
 Боткина-Мельник. Воспоминанія о царской семьѣ. Бѣлград 1921.
 Бош. Год борьбы — 1925 г.
 Брамсон. К исторіи трудовой партіи. Пет. 1917.
 Булбиков. Русская революція. Нью-Йорк 1918.
 Булгаков. Революція на автомобилях. «На Чужой Стронѣ», № 6.
 Буржуазія накануне революціи. Ред. Граве. 1927.
 Бьюкенен. Моя миссія в Россіи. Берлин 1924.
 Васильев. Mes souvenirs. «Monde Slave». 1927.
 Верещак. Революція на Кавказѣ. «Воля Россіи».
 Верховное Командованіе в первые дни революціи. Кр. Арх. V.
 Верховскій. Россія на Голгофѣ. Петр. 1918.
 Верховскій. На переломѣ жизни. «Былое» № 27.
 Верцинскій. Год революціи. Талин 1929.
 Видьковский. Пребываніе Государя Императора в Псковѣ по разсказу ген.
 Рузскаго. Русская Лѣтопись кн. 3.
 Винберг. Крестный путь. Мюнхен 1922.
 Витте. Воспоминанія. Берлин 1922.
 Вишняк. Два пути. Париж 1931.
 Вишняк. Lénin. Paris 1933.
 Воейков. С Царем и без Царя. Гельсингфорс 1936.
 Волконскій. Мои воспоминанія. Мюнхен 1923.
 Воронович. Записки предсѣдателя Совѣта солд. депутатов. (Архив Граждан-
 ской войны, вып. II). Берлин.
 Врангель. Записки. Ч. I. «Бѣлое Дѣло», кн. V.
 Врангель Н. От крѣпостного права до большевиков. Берлин, 1924.
 Гайстер. Всеподданѣйшій отчет Саратовскаго губ. Столыпина. Кр. Ар. XVII.
 Галкин. Октябрьская рев. в Ростовском у. Ростов.
 Генкина. Февральскій переворот. Очерк исторіи окт. рев. под ред. Покров-
 скаго II — 1927.
 Головин. Русская контр-революція. Париж 1937.
 Головин. Внѣшнія усилія Россіи в міровой войнѣ. Париж 1939.
 Гольденвейзер. Кіевскія воспоминанія. Арх. Р. Рев. VI.
 Горьков. На рѣках вавилонских. Берлин 1921.
 Государственное Совѣщаніе. Архив Окт. Рев. 1930.
 Горев. Предисловіе к книгѣ ген. Мартынова «Февральская Революція».
 Градовскій. Шлиссельбургская каторга. «Былое» № 27-28.
 Гурко I. Царь и Царица. Париж 1922.

- Гурко В. *Eingedenken an Krieg und Revolution*. Berlin 1920.
 Гучков. Воспоминания. «Последняя Новости».
 Данилов (ген.). Мои воспоминания об имп. Николае II и в. кн. Михаиле Александровиче. А. Р. Рев. XIX.
 Данилов И. Воспоминания о подневольной службе у большевиков. А. Р. Рев. XIV.
 Демидов. Царское Село 1 марта 17 г. «Посл. Нов.», 12 марта 1927.
 Деннкин. Очерки русской смуты.
 Деникин. Об исправлении истории. «Посл. Нов.», № 5712.
 Дитерихс. Убийство царской семьи. Владивосток 1922.
 Дробина. Приказ № 2. Кр. Арх. XXXVII.
 Дубенский. Как произошел переворот в России. «Рус. Лѣт.», кн. 3.
 Жезаков. Воспоминания. Мюнхен 1923.
 Жильяр. Имп. Николай II и его семья. Вѣна 1931.
 Заславский и Канторович. Хроника февр. револ. 1924.
 Зворинкин.
 Зензинов. Из жизни революционера. Париж 1929.
 Иванов (ген.). Письмо Гучкову. Кр. Арх. XXIV.
 Иванов. Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего. Кр. Арх. X.
 Иностранные дипломаты о революции. Кр. Арх. XXIV.
 Ичас. 27 и 28 февраля 1917 г. «Посл. Нов.» 12 марта 1927 г.
 Канторович. Фон Линде. «Былое» 24.
 Карабчевский. Революция в России. Берлин 1921.
 Катенев. Занятие департамента полиции. «Гол. М. (На Ч. С.)» № 6.
 Каюров. Шесть дней Февральской революции. Прол. Рев. 13.
 Кельсон. Мелодия Февральской революции. «Былое» № 29.
 Керенский. Издалека. Париж 1922.
 Керенский. La Révolution Russe. Paris 1928.
 Керенский. La Verité sur le massacre des Romanoff. Paris 1936.
 Керенский. L'Expérience Kerensky. Paris 1936.
 Керенский. Февраль и октябрь. «Соврем. Записки».
 Керсновский. История русской армии. Бѣлград 1938.
 Кипченко и Чекотилло. Отчет комиссаров XI армии. «Бѣлый Архив» кн. 1.
 Кирпичников. Воспоминания о л.-тв. Волынском полке. «Былое» 1917, кн. 5-6.
 Клейнмихель. Из потонувшего мира. Берлин 1923.
 Коковцев. Из моего прошлого. Париж 1933.
 Колчак. Допрос. 1925 г.
 Кондратьев. Воспоминания о подпольной работе. «Красн. Лѣт.» № 9.
 Короленко. Опека в опасности. (15 марта 1917 г.).
 Короленко. Письмо к Протопопову. «Былое» № 20.
 Красков. Памяти Имп. Русской Армии. «Русская Лѣтопись» кн. 5.
 Крестьянское движение в 1917 г. (1917 г. в документах). 1927.
 Курлов. Гибель императорской России. Берлин 1923.
 Куропаткин. Из дневника (1917 г.). Кр. Арх. XX.
 Легра. Mémoires de Russie. Paris 1921.
 Лелевич. Февральская революция в бѣлогвардейском освѣщении. Прол. Рев. 13.
 Ленин. Сочинения, т. XIV (первое издание).
 Лозинский. Прол. Рев., № 69.
 Ломоносов. Воспоминания о мартовской революции.
 Лукаш. Преображенцы. Петр. 1917 г.
 Лукомский. Воспоминания, т. I. Берлин 1922.
 Людендорф. Воспоминания.
 Львов Вл. Воспоминания (напечатанные страницы).
 Маклаксы. Отрывки ненапечатанных воспоминаний.
 Маклаков. Préface aux Interrogat. par le Com. Ext. de 1917.
 Максаков и Трунов. Хроника гражданской войны в Сибири. М. 1926.
 Максимов. Воспоминания анархиста. Лѣт. Революции. Берлин.
 Мансырев. Мои воспоминания о Гос. Думѣ. «Ист. и Совр.» № 3.
 Маркович. La Révolution Russe par une française, Paris 1918.
 Маргулис. Год интервенции. Берлин 1923.
 Марков С. Покинутая царская семья. Вѣна 1928.
 Мартынов. Царская армия в февральском перевороте. 1927 г.
 Мартынов. Аграрное движение в 1917 г. по документам Гл. Зем. Комитета. Кр. Арх. XIV.
 Массарик. Мировая революция. Прага 1926 г.
 Махно.
 Мельничий. Воспоминания матроса. «Прол. Рев.» 10.
 Миллюков. История второй русской революции.
 Миллюков. Россия на переломѣ, т. I.
 Миллюков. Первый день. «Посл. Нов.» 1927 г. 12 марта.
 Миллюков. Последние совѣты Царицы. «Посл. Нов.», 23 февр. 1924 г.
 Миллюков. Гурко и новейшая история. «Посл. Нов.» 1924 г.
 Миллюков. Роковые годы. «Русскія Записки» XIX.
 Миллюков. Дневники. Кр. Арх. 51, 57.
 Миллюков. Суд над кадетским либерализмом. «Совр. Зап.», XLI.
 Мельгунов. Золотой ключ к большевической революции.
 Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту.
 Мельгунов. В годы гражданской войны.
 Мельгунов. Трагедия адм. Колчака.
 Мельгунов. Методы и выводы ген. Головина.
 Мельгунов. Как большевики захватили власть.
 Мельгунов. Гражданская война в освѣщении Миллюкова.
 Мордвинов. Отрывки из воспоминаний. «Рус. Лѣт.», № 5.
 Мстиславский. Гибель царизма. 1927.
 Мстиславский. Пять дней. Берлин 1922.
 Мякотин. Великий переворот. М. 1917.
 Набоков. Временное Правительство. Арх. Рус. Рев. I.
 Набоков. Испытания дипломата.
 Наратов. «Кр. Лѣт.» 23.
 Нарышкина. Дневник за 1917 г. «Посл. Нов.» 1936.
 Никитин. Роковые годы. Париж 1937.
 Николай II. Дневник. Кр. Арх. XX.
 Николай Мих. (в. кн.). Дневники. Кр. Арх. 49.
 Нокс.
 Нольде. L'Ancien Régime et la Révolution Russe. Paris 1928.
 Нуланс. Mon ambassade en Russie soviétique, 1917-19. Paris 1933.
 Оамер. В дни революции в Царскосельском дворцѣ. «Сегодня» 16 июля 33 г.
 Оберучев. В дни революции. Нью-Йорк 1919.
 Обзор положения России за три мѣсяца революции. (Отчет Врем. Комитета). Кр. Арх. XV.
 Октябрь в деревнѣ.
 Отчет Оверменской Комиссии Сената. Соед. Шт. 1927.
 Отчет о перлюстрации деп. полиции за 1908 г. Кр. Арх. XXVII.
 Паление царскаго режима. Стенографический отчет допросов Чр. Сл. Ком. I-VII, 1926 г.
 Палеолог. La Russie des Tzars.
 Палтѣй. Souvenirs de Russie 1916-19. Paris 1923.
 Переписка Н. А. и А. Ф. Романовых. Предисловіе Покровскаго. М. 1925 г.
 Переписка великих князей (Николая II и вел. князя) 1925 г.
 Перетц. В цитадели русской революции. Петр. 1917.
 Петрищев. 20 лѣт февральской революции. «Нов. Рус. Слово» март 37 г.
 Письма солдат. Кр. Арх. 64.
 Плеханов. Год на родинѣ. Париж 1921.
 Покровский. Очерки революціоннаго движенія, 1924.
 Поливанов. Из дневников и воспоминаний. 1924 г.
 Полнер. Жизненный путь кн. Львова. Париж 1932.
 Половцов. Дни затмения. Париж.
 Пронин. Последние дни Царской Ставки. Бѣлград 1932.
 Протоколы Исп. Комитета Петр. Совѣта Р. и С. Д. 1925.
 Протопопов. Из дневника. Кр. Арх. X.

Пташкина. Дневник. Париж 1922.
 Пуяткина. Les derniers jours du Gr. Duk Mich. Al. Revue de deux Mondes. 1923.
 Пшехонов. Первая недѣля. «На Чужой Стронѣ», № 1.
 Пэрс. Предисловіе к книгѣ Керенскаго «La Vérité».
 Рабинович. Борьба за армію в 1917 г. 1930.
 Рабинович. Тактика высшаго командованія в февральской революціи (письма Жукомскаго). Кр. Арх. 35.
 Рабочее движеніе в 1917 г. (Арх. Окт. Рев.) 1926.
 Разложеніе арміи в 1917 г. 1925.
 Раскольников. Кронштадт и Питер в 1917 г. 1925 г.
 Рафес. Два года революціи на Украинѣ. 1920.
 Революціонная пропаганда в арміи 1916-1917 г. Кр. Арх. XVII.
 Рейнгартен. Дневник 1917 г. Кр. Арх. XVI.
 Родзянко. Государственная Дума и февральская революція. А. Р. Рев. VI.
 Родзянко. Письмо кн. Львову 18 марта. Кр. Арх. II.
 Романовы в первые дни революціи. Кр. Арх. XXIV.
 Романовы и союзники. Кр. Арх. XVI.
 Романовы Н. и А. Переписка. 1927.
 Рубинштейн. Внѣшняя политика, Кереновщина. «Очерки окт. рев.» под ред. Покровскаго, т. II.
 Руднев. При вечерних огнях. Харбин 1928.
 Рысс. Русский опыт. Париж 1921.
 Савич. Отреченіе от престола имп. Николая II. «Рус. Лѣт.» 3.
 Садиков. Предисловіе к воспоминаніям Родзянко. А. Р. Рев. XIII.
 Сборник в честь Миллюкова.
 Селивачев. Дневник. Кр. Арх. IX.
 Сергѣй Михайлович (в. кн.). Письма. Кр. Арх. 57.
 Сидоров. Вліяніе имперіал. войны на экономику Россіи. Очерки к исторіи октябр. революціи.
 Скобелев. 25 февраля — 3 марта. «Веч. Москва».
 Смидович. Выход из подполья в Москвѣ. Пр. Рев. 13.
 Смирнов. Автоуг.
 Совѣщаніе Совѣтов. (Арх. Окт. рев.).
 Соколов. Убійство царской семьи. Берлин 1925.
 Сорокин. Гвардейскій экипаж в февральскіе дни 17 г. «Кат. и Ссылка», № 81.
 Ставка и мин. ин. д. Кр. Арх. XXX.
 Стайкевич. Воспоминанія. Берлин 1920.
 Сторожев. Февральская Революція 1917 г. «Науч. Изв.» 1922 г.
 Струве. Размышленія о русской революціи.
 Суханов. Записки о революціи. I и II. Берлин 1922.
 Сухомлинов. Воспоминанія. Берлин 1924.
 Телеграммы Ставки. С примѣчаніями Рузскаго. «Рус. Лѣт.» кн. 3.
 Тихменев. Из воспоминаній о послѣдних днях пребыванія имп. Николая II в Ставкѣ. Ницца 1925.
 Троцкий. Исторія русской революціи. Берлин, 1931.
 Тхоржевскій. О Гучковѣ. «Возрожденіе».
 Уфимское Совѣщаніе. Рус. Ист. Арх. Прага 1929.
 Учредительное Собраніе (стеногр. отчет), 1917 г. в документах. 1930.
 Февральская революція 17 г. (Документы Ставки). Кр. Арх. XXI-XXII.
 Февральская революція и европейскіе социалисты. Кр. Арх. XVI.
 Февральская революція в Петроградѣ (донесенія в военную Комиссію Врем. Ком.). Кр. Арх. XLI-XLII.
 Февральская революція 1917 г. Частное Совѣщаніе Гос. Думы. «Воля Россіи», 1921, № 153.
 Февральская революція и Охраниое Отдѣленіе. «Былое».
 Хинчук. Из воспоминаній о февр. революціи. Прол. Рев. 13.
 Чебышев. Близкая даль.
 Чернов. Рожденіе революціонной Россіи. Париж 1934.

Шамбрэн.
 Шессэн. «La Révolution Russe (au pays de la Démence Rouge)». Paris.
 Шестаков. Совѣт Крест. Депутатов.
 Шидловскій. Воспоминанія. Берлин 1923.
 Шкловскій. Сантиментальное путешествіе. Берлин 1923.
 Шляпников. Канун 1917 г.
 Шляпников. Семнадцатый год. 1923-27 г.
 Шляпников. Февральская революція и евр. социалисты. Кр. Арх. XV.
 Шляпников. Февральскіе дни в Петроградѣ. Прол. Рев. 13.
 Шредер. От самоуправленія к Совѣтам. «Изв. Инст. Из. Россіи». Прага.
 Штребель. Германская революція. Берлин 1921.
 Штерн. В огнѣ гражданской войны. Париж 1922.
 Шульгин. Дни. Бѣлград 1925.
 Щеголев. Послѣдній рейс Николая II. 1928.
 Югов. Совѣты в первый період революціи. (Очерки по исторіи окт. революціи. Под ред. Покровскаго) т. II. 1927.
 Якоби. Le Tsar Nicolas II et la Révolution. Paris 1931.
 Яхонтов. Тяжелые дни. Арх. Рус. Рев. XVIII.
 Энгельгардт. Революціонные дни. «Общее Дѣло» 1921 г.
 З. Послѣдніе совѣты. «Посл. Нов.». 30 апрѣля 1924.

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стр.
Глава первая. РѢШАЮЩАЯ НОЧЬ.	
I. Среди совѣтской демократіи.....	10
1. Тактическое банкротство	10
2. Неожиданность революціи	18
3. Спор о власти	20
II. В Рядах цензовой общественности	23
1. Легенда о Государственной Думѣ	23
2. Впечатлѣнія первого дня	25
3. Переговоры	36
4. Настроєнія первого марта	43
Глава вторая. В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА.	
I. Не состоявшаяся поѣздка Родзянко	50
II. Соур d'Etat Гучкова	61
Глава третья. ВТОРОЕ МАРТА.	
I. "Приказ № 1"	73
II. Экспедиція ген. Иванова	93
Глава четвертая. ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.	
I. Кандидатура Керенскаго	105
II. Гуманность и революціонная стихія	113
1. Кордегардія Таврическаго дворца	115
2. Петропавловская крѣпость	122
3. Самочинные аресты	126
III. Рискованный шаг Милюкова	129
IV. Соглашеніе	135
Глава пятая. ОТРЕЧЕНИЕ.	
I. В царской Ставкѣ	139
1. Информачія из Петербурга	139

	Стр.
2. "Отвѣтственное Министерство"	147
3. Отѣзд Царя	152
II. Кровавое подавление революціи ..	156
1. Диктатор	156
2. Миротлюбивая политика	159
3. "Протопоповскіе пулеметы"	163
III. Игра в "кошку и мышку"	168
IV. Псковская драма	176
1. Воздѣйствіе генералитета	176
2. Свитская интрига	185
V. Думскіе делегаты	189
Глава шестая. ТВОРИМЫЯ ЛЕГЕНДЫ.	
I. Колѣбанія Царя	199
II. Послѣдніе совѣты Царицы	202
Глава седьмая. МИХАИЛ II.	
I. Ставка и Петербург	217
II. Отреченіе Михаила	222
1. Рѣшеніе Временнаго Комитета	222
2. Возвращеніе делегатов	224
3. У Великаго Князя	225
4. Рѣшеніе	232
5. Послѣдній штрих	236
Глава восьмая. ТРАГЕДІЯ ФРОНТА.	
I. Армія и переворот	242
1. "Обманутые" генералы	242
2. Эпопея в. кн. Николая Николаевича	245
3. "Центр контр-рев. заговора"	251
4. Настроенія в арміи	253
<i>Офицеры и солдаты</i>	253
<i>Экцессы во флотъ</i>	262
<i>Официальная сводка настроеній</i>	269
5. Правительство и Ставка	271
II. Революція и война	279
1. Симптомы разложенія	279
2. Побѣдоносная война	291
3. Вокруг совѣтскаго "манифеста"	295
4. Фатальная недоговоренность	303

	Стр.
III. Демократизація арміи	311
1. Политика и армія	311
2. Революціонная чистка	313
3. Поливановская Комиссія	321
<i>Приказ № 114</i>	321
<i>Приказ № 2</i>	330
<i>Декларація прав солдата</i>	333
4. Комитеты	336
VI. В преддверіи кризиса	340
Глава девятая. РЕВОЛЮЦІОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.	
I. Концепція власти	356
1. Идея преемственности	356
II. Двоевластіе	367
III. Соціальная политика	375
1. Роковая презумпція	375
2. Восьмичасовой рабочій день	379
3. Земля — народу	387
IV. Совѣтская позиція	400
V. Контактная комиссія	412
1. Орган революціоннаго "давленія"	412
2. Конфликтные вопросы	419
VI. В поисках базы	427
1. Внѣсовѣтская общественность	427
2. "Правительственная партія"	432
3. Мираж IV Думы	436
4. В ожиданіи Учредительнаго Собранія	440
Использованная литература	445

Imprimo. de Navarre, 11, rue des Cordeliers, Paris-13^e
